

АЛЬМАНАХЪ

# СЪВЕРНЫЙ КРЕСТЪ

основанъ  
Михаиломъ Раузеромъ

# Альманах Михаил Раузер Северный крест

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=57151383](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57151383)*

*Aegitas; 2020*

*ISBN 9780369403308*

## Аннотация

«Въ самый разгаръ «фельетонистической эпохи» и – единовременно – «ариманическаго грѣхопаденія», въ столѣтіе Революціи кровавой, похоронившей на долгое время идеализмъ и съ успѣхомъ положившей во прахъ всё высокое, всё элитарное, я пожелалъ возродить на началахъ новыхъ журналъ символистскаго толка дореволюціоннаго образца, журналъ *для немногихъ*, ничего общаго не имѣющій со «штемпелеванной культурой»; журналъ, зачинаемый вѣянїями Серебрянаго вѣка – послѣдней творчески цвѣтущей эпохой русской словесности и подлинной интеллектуальной культуры ...»

# Содержание

Михаиль Раузеръ	5
EX ORIENTE LUX: Къ исторіи одного рожденія и одного заката	21
Прологъ	26
Часть I	30
Глава 1. Ира, или критское свиданіе	31
Глава 2. Общенародное празднество, или о людяхъ вящихъ	61
Глава 3. Нищіе, или кабацкія страсти	81
Глава 4. Имато и Касато: разговоръ царя и первѣйшаго изъ слугъ его	108
Глава 5. Акай, или начало страды	122
Глава 6. Смерть Имато	140
Часть II	155
Глава 1. Лабиринтъ, или дни несчастій	156
Глава 2. Послѣ смерти Акаая, или на чуждыхъ берегахъ	179
Глава 3. Одинъ разговоръ, или Зовъ міровъ иныхъ	207
Глава 4. Два разговора	273
Глава 5. У-бытіе: сквозь тучи стрѣль	293
Глава 6. Три разговора	311
Часть III, или эпилогъ	352

Послѣсловіе	361
Комментаріи	572
Сергей Бородай	667
Александра Никулина	683
Евг. Анучин	693
Анастасия Занегина	696
«Подобный пламени, углями вычерченный...»	696
<i>Viola odorata</i> [135]	697
А.С	698
Соломон и Далила	698
Монадология	700
Позывной души	701
Вечерние блуждания	702
Газель о чудесном	703
Госала	704
Демокрит	705
Гераклит	706
Пифагор	707
Гаутама Будда	709
Лилит	710

# Съверный крестъ

## I

*Михаилъ Раузеръ*

### Вступительное слово

*Величайшія событія и мысли – а величайшія мысли суть величайшія событія – постигаются позже всего: поколѣнія современниковъ такихъ событій не переживаютъ ихъ – жизнь ихъ протекаетъ въ сторонѣ. Здѣсь происходитъ то же, что и въ царствѣ звѣздъ. Свѣтъ самыхъ далекихъ звѣздъ позже всего доходитъ до людей, а пока онъ еще не дошелъ, человекъ отрицаетъ, что тамъ есть звѣзды. “Сколько вѣковъ нужно гению, чтобы его поняли?” – это тоже масштабъ, это тоже можетъ служить критеріемъ ранга и соответствующимъ церемоніаломъ – для гения и звѣзды.*

***Нищие «По ту сторону добра и зла»***

*Плохо понимаетъ народъ великое, т. е. творящее. Но любитъ онъ вѣсьхъ представителей и актеровъ великаго. Вокругъ изобрѣтателей новыхъ цѣнностей вращается міръ – незримо вращается онъ. Но вокругъ комедіантовъ вращается народъ и*

слава – таково́ порядо́къ міра.

Нищие «Такъ говори́лъ Заратустра»

Въ самый разгаръ «фельетонистической эпохи» и – единовременно – «ариманическаго грѣхопаденія», въ столѣтіе Революціи кровавой, похоронившей на долгое время идеализмъ и съ успѣхомъ положившей во прахъ всё высокое, всё элитарное, я пожелалъ возродить на началахъ новыхъ журналъ символистскаго толка дореволюціоннаго образца, журналъ *для немногихъ*, ничего общаго не имѣющій со «штемпелеванной культурой»; журналъ, зачинаемый вѣяніями Серебрянаго вѣка – послѣдней творчески цвѣтущей эпохой русской словесности и подлинной интеллектуальной культуры (хотя отмѣчу, что наша преемственность шире); говоря иначе: нашей цѣлью было: создать (или: воссоздать) подлинно независимый, нетенденціозный, аполитическій, строго элитарный литературно-философскій журналъ: журналъ *для немногихъ*. – Альманахъ создавался *немногими для немногихъ*: не для современнаго читателя, но какъ діалогъ и благодарность воспитателямъ и возможнымъ будущимъ послѣдователямъ. – Журналъ возникъ не какъ реакція на омасовленіе и паденіе всего, относящагося къ сферѣ духа: онъ возникъ, потому что его создатель того желалъ: желалъ творить такъ, какъ считалъ наилучшимъ, хотя бы сіе и выглядѣло какъ пощечина общественному вкусу и нѣчто дѣемое наперекоръ современности или нѣчто смѣшное – несообразное вѣку сему. – Подлинное часто возникаетъ, когда его менѣе

всего ждуть. – И покамѣсть міръ переживаетъ становленіе и расцвѣтъ всего сѣраго и мелкаго, полагающаго себя единственно важнымъ (ибо оно крѣпко стоитъ на ногахъ, а ноги стоятъ землѣ, и само оно – земля, земное), – мы плещемъ краски, подлинныя, яркія и глубокія.

Нынѣ добротному автору и печататься негдѣ: либо массовое нѣчто, либо строго комментаторское современное, научное; нигдѣ, почти нигдѣ нѣтъ журналовъ, сущностно похожихъ на многочисленныя журналы вѣка Серебрянаго; нигдѣ нѣтъ духа [элитарнаго] творчества и дореволюціонныхъ вѣяній. – Археологія знанія во многомъ противопоставлена культурѣ; древо ея (культуры), древле воздѣльваемое и плоды дающее потому, нынѣ засохло; рядомъ растутъ сорняки и побѣги сорные: археологіи знанія; древо огорожено, оно стоитъ въ музеѣ, подъ стекломъ. – Культура словно погибла, и гибель ея безвозвратна, какъ и всякая иная гибель; однако всё жъ мы полагаемъ: Огнь святой сталъ частію – уголькомъ, частію – тускло-горящимъ пламенемъ: огонькомъ болотнымъ; но онъ всё еще теплится; дѣло состоитъ въ томъ, что изъ огонька болотнаго содѣлать мощное и бурное пламя, багрянотпылающее и ярколучистое...

Альманахъ – всецѣло модернистскаго толка и по преимуществу литературно-художественно-философской направленности; онъ воплощаетъ мысль не въ застывшихъ и косныхъ ея формахъ, но въ формахъ активныхъ и преобразующихъ. Традиція, по одному мѣткому высказыванію, есть пе-

редача огня, и культура подлинная прорастает не въ каталогизаторской дѣятельности (вѣрнѣе, попросту: пустодѣйствѣ) современной гуманитарной науки (скажемъ, въ пустопорожней дѣятельности институтовъ философіи), которая по большей части есть не что иное, какъ обреченное на забвеніе комментаторство, изначально мертвое, не въ дѣятельности нашихъ традиціоналистовъ, что безъ традиціи, фундаменталистовъ, что безъ фундамента, равно и не въ новодельности постмодерна, – но въ живыхъ словахъ живыхъ, творчески продолжающихъ тѣ или иныя культурныя традиціи. – Творить, а не вторить (какъ комментаторы), быть, а не имѣть (въ смыслѣ Фромма).

Считаю здѣсь необходимымъ привести слова одного изъ нашихъ авторовъ, моего давняго собесѣдника, Евг. Анучина: «Реанимация Серебрянаго века сама по себе сегодня выглядит какъ дохлая лошадь. Нужно сказать, что те люди ушли, не дописав свое, не докурив последней папиросы. Мы считаем, что ихъ духъ требуетъ преемственности, ихъ пепелъ стучитъ въ сердца страждущихъ. Разрывъ временъ былъ сделанъ ломомъ (противъ лома нетъ приема). Серебряный векъ прямо дышитъ декадансомъ, нужны новыя краски, дабы не подправить образъ, а переписать его заново <...> Ушедшіе поколенія передаютъ намъ не только реликты культуры, но и эстафету своего огня, коимъ пламенели ихъ сердца. Они ждутъ отъ насъ участія въ поколенномъ сотворчестве съ ними. Нетъ ничего вульгарнее, какъ сбрасывать съ корабля современности благіе завоеванія культу-



ры и искусства наших предшественников <...> В этом иной путь новизны – вместо руинизации прошлого его творческая реанимация. Картина запустения возникает там, где иссякла энергия воплощения или происходит новоделное репродуцирование».

\* \* \*

«Съверный крестъ» продолжает прерванную традицію дореволюціонныхъ символистскихъ журналовъ, которымъ «Съверный крестъ» наслѣдуетъ.

Это произошло, потому что сіе не могло не произойти; иначе и быть не могло. Возродился онъ, яко Фениксъ огненный, и у меня есть основанія полагать, что онъ просуществуетъ долѣе, чѣмъ дореволюціонные его собратья.

Мы разсматриваемъ дореволюціонное какъ свое и родное, какъ уровень и планку, какъ вѣчно-современное *немногимъ*, а не какъ умершее и окончившееся: пусть комментаторы изслѣдуютъ хронологическія рамки Серебрянаго вѣка: онъ живъ для насъ; мы надѣемся, что онъ живъ и для нашего читателя.

Се есть стрѣла въ слѣпотаго бога, подъ пятою коего – едва ли не всё челоуѣчество; се есть стрѣла въ него и архонтовъ его; се есть поправление Тли. Мы совершили эпистрофе...

Обращеніе-возвращеніе къ дореволюціонному (нынѣ, на новомъ виткѣ историческомъ – послѣ кроваваго энуреза

длиною въ человѣческую жизнь), понимаемому не какъ реликтъ, но какъ вѣчно-живое, – «Отчего умираетъ культура? Одно можно сказать навѣрняка: она уже мертва, прежде чемъ её умерщвляютъ. И если её умерщвляютъ, то оттого лишь, что она уже мертва. Мертва же она тамъ, где она забываетъ свое начало, какъ свое настоящее»<sup>1</sup>, – можно уподобить детально проработанной неоплатонической тріадѣ: *monē* (пребываніе) – *proodos* (исхожденіе) – *epistrophe* (возвращеніе). Сія тріада являетъ собой нѣчто характерное для европейской культуры уже начиная съ Гомера: вернуться къ своему прошлому (если оно не можетъ быть узнано – нарисовать его). Эпоху Серебрянаго вѣка мы опредѣлили какъ *proodos*, какъ эпоху дробленія, исхожденія изъ полноты изначальнаго: *proodos*, вылившись въ четкія формы и напечатлѣнья въ видахъ и типахъ искусства Серебрянаго вѣка, заглохъ въ своемъ импульсѣ, выродившись, либо сгибнувъ или застывъ. Возвращеніе, возвратный порывъ означаетъ не топтанье на мѣстѣ и не стагнацію, но иной витокъ по лѣствицѣ духа: лѣствицѣ, что не имѣетъ конца. Иными словами, эпистрофическія тенденціи (которыя и породили философію) не только благотворнѣйше вліяютъ на культуру, но и созидаютъ её<sup>2</sup>. –

---

<sup>1</sup> Свасьян К.А. *Европа. Два некролога*. М., 2003.

<sup>2</sup> Но возвратный порывъ возвратному порыву рознь: одно дѣло, когда это обращеніе къ прошлому не предполагаетъ развитія, продвиженія впередъ (словомъ: меча) и, къ сожалѣнію, мы зримъ это нынѣ, въ эпоху духовной ночи, выказывающей себя приматомъ: демократіи и демократовъ, ноля и нолей, плоти, *vagin'ы*, заступающаго и крѣпнущаго матриархата... – короче безпросвѣтною нищетою;

Но также и читатель должен совершить возвращение – эпистрофе: из горних сфер палъ онъ, родившись, и долженъ возвыситься вновь: въ горнее.

Я не могу обойти молчаніемъ Ю.А.Шичалина, написавшаго замѣчательную книгу «Античность – Европа – История», в коей вначалѣ рассматривается феноменъ возвращенія (эпистрофе) въ первой европейской культурѣ, и не дать ему слово: «В одном из поздних неоплатонических текстов, в комментарии Дамаския на «Филеба» Платона дается интересная оценка мифа о Прометее: Прометей не просто осуждается в своей деятельности, направленной на разрушение идеального образца, на отход от него к становлению (proodos), но и противопоставляется Эпиметею, который является символом возвращения к изначальной целостности (epistrophe) и потому достоин предпочтения. Ясно, что Дамаския занимает не сам миф, а его символическая значимость, проявившаяся уже в именах ПРОМетея и ЭПИМетея, но тем показательнее этот пассаж в целом <...> В неоплатонизме была разработана триада категорий, имеющая универсальный методический смысл и применимая к любому процессу <...> В случае, когда речь идет о том, что изъято из сферы времени, эти три категории характеризуют способы бытия по отношению к более высокому началу или к себе

---

инымъ случаемъ является Ренессансъ и малый ренессансъ – Серебряный вѣкъ: онъ – мечъ и стрѣла, – когда само обращеніе къ прошлому, эпистрофе обернулось движеніемъ впередъ, поскольку было на него направлено: такова была воля творцовъ, опредѣлившихъ духъ того времени.

самому: изначальное пребывание в силу своей полноты провоцирует выступление за свои пределы, исхождение в сферу большей дробности, отступление от самого себя; а затем наступает процесс возвращения к себе, к изначальной целостности, причем в ходе этого возвращения достижение исходной полноты не отменяет смысла процесса исхождения, а впервые обнаруживает этот смысл в структуре целого. Разработка этих категорий, намеченных еще у Плотина, была произведена Порфирием и воспринята и развита Проклом и Дамаскием.

<...> Каждый шаг вперед оказывается действительным только в том случае, если в нем есть момент остановки и возвращения к тому, от чего он уводит. То, что вся история духовной жизни Европы есть история возвращений, – иногда к тому, чего не было [*въ исторіи; но что могло и можетъ существовать какъ идея – М.Р.*], – но что – именно в обращении к нему – обретает жизнь, – заставляет нас сегодня – для утверждения в собственном бытии и ради сохранения жизни – еще раз вернуться к самим себе и вновь пройти нехоженными путями нашей собственной мысли»<sup>3</sup>.

Отмѣтимъ, что выработанная европейскою мыслью мысль объ этапахъ эволюціи того или иного вида, типа сущаго, хотя словно и имѣеть въ себѣ нѣчто не могущее быть въ полной мѣрѣ корректно использованнымъ во временныхъ историческихъ условіяхъ (поскольку носить чисто метафизиче-

---

<sup>3</sup> Шичалин Ю.А. «Античность – Европа – История». М. 1999.

скій характеръ), вполнѣ примѣнима къ нашему случаю, который всецѣло – въ ея лонѣ.

\* \* \*

Мы – авторы – люди, не имѣющіе то или иное ученіе какъ свою границу: мы устремлены быть шире и глубже.

Мы – противъ мертвящихъ вѣяній какъ материализма всѣхъ сортовъ, такъ и идеализма для массъ.

Мы не «православные», не «католики», не «протестанты», полоненные слѣпотой духовной и мракобѣснымъ фанатизмомъ: для насъ не вѣра (и не догма), но символъ есть вещей невидимыхъ обличеніе. Но мы религіозны – и много болѣе глубоко, нежели христіане историческіе: вспомнимъ Бердяева: «Леонардо да Винчи, Гете или Ницше болѣе излюбленныя дѣти Божьи, чѣмъ множество служителей историческаго христіанства», ибо «мука всякаго подлиннаго творчества есть мука религіозная».

Мы не масса: мы не немотствуемъ о главномъ: мы имѣемъ главное въ сердцахъ нашихъ.

Мы – не одно: я за то, чтобы не было одного направленья, но былъ діалогъ; чтобы не было "заказывающаго музыку" – одну, – но было нѣсколько мелодій, въ полифоніи и контрапунктѣ сливающихся въ симфонію. Наши авторы разныхъ міровоззрѣній и печатаются въ той орѳографіи, въ какой считаютъ нужнымъ.

Однако есть и общее для насъ направлєніе въ культурѣ – символизмъ. Символизмъ – то что объединяетъ авторовъ; се путеводная наша звѣзда. Символь – вездѣ и нигдѣ, внутри насъ и внѣ насъ. Символомъ пропитана насквозь вся культура съ самого ея начала: всѣ пророки мудрствовали, облекающая мудрость свою въ символъ; всѣ люди науки используютъ символъ; даже лепетанье юнца – и то исполнено символизма. Символь – и только символъ – зачинаетъ Личность въ человѣкѣ. Символь – то, что возводитъ насъ къ Единому, это искры Отчаго, изображенія тамошняго въ здѣшнемъ, Единое-внутри-насъ<sup>4</sup>.

---

<sup>4</sup> Евангеліе отъ Филиппа: «Истина не пришла въ міръ обнаженной, но она пришла въ символахъ и образахъ. Онъ не получитъ еѣ по-другому». – Ср. съ: «Символь – окно въ вѣчность» (Андрей Бѣлый), а также съ: «Символь – окно въ безконечность» (Ф.Сологубъ). Сюда же: Бѣлый вполне осозналъ: «Символизмъ – это методъ выраженія переживаній въ образахъ. Въ этомъ смыслѣ всякое искусство явно или скрыто символично». «Символь есть предѣлъ всѣмъ познавательнымъ, творческимъ и этическимъ нормамъ: Символь есть въ этомъ смыслѣ предѣлъ предѣловъ». «Всякое искусство символично – настоящее, прошлое, будущее». «Символизмъ подводитъ искусство къ той роковой чертѣ, за которой оно перестаетъ быть искусствомъ; оно становится новой жизнью и религіей свободного человѣчества» (Андрей Бѣлый). «Это новотворимое энергіей символизма – религія, не имѣющая ничего общаго съ міромъ традиціонныхъ религій». И: «смыслъ искусства (явно или скрыто) религиозенъ» («Смыслъ искусства», 1907). «Мы должны... преодолѣть всѣ формы религиознаго, – прямо говоритъ онъ въ «Эмблематикѣ смысла», – характеръ преодоленія формъ религиозной культуры есть религія sui generis; образное выраженіе этой религіи въ эсхатологии; религія Символа въ этомъ смыслѣ есть религія конца міра, конца земли, конца исторіи...». «Символизмъ, стоявшій передо мною какъ стройная теорія знанія и творчества, былъ символомъ вѣры и знанія новой эпохи, обнимающей, можетъ быть, столѣтія будущаго». Въ статьѣ «Проблема культуры» (1909) онъ напишетъ:

Иное общее для насъ: вѣрность Духу и вѣрность Истинѣ, свои стези, взбираніе по лѣствицѣ Духа на свой манеръ и внѣ византійства сознанія, внѣ нѣмецко-протестантской буржуазности, внѣ галло-римской либеральности.

Мы не тѣ, кто дѣлать, дѣлать, дѣлать, и въ семь дѣлений видитъ нѣкій "прогрессъ": такова наука. – Мы объединяемъ: философію, словесность, мистику, религію. И въ этомъ смыслѣ продолжаемъ тѣ традиціи русской словесности, кои отмѣтилъ въ свое время Штейнеръ<sup>5</sup>. – Рѣчь идетъ объ образцахъ высокаго слова, ничего общаго не имѣющихъ съ беллетристикой и фельетономъ, этими порожденіями мастеровъ

---

«Вдохновители литературной школы символизма... провозглашали цѣлью искусства пересозданіе личности... творчество болѣе совершенныхъ формъ жизни». И тамъ же: «Послѣдняя цѣль культуры – пересозданіе человѣчества».

<sup>5</sup> Штейнеръ въ своей берлинской лекціи отъ 19 іюня 1917 г., говоря о книгѣ А.Бѣлаго, отмѣчаетъ слѣдующее: «Один из нашихъ друзей попытался соединить написанное мною в моихъ книгахъ о Гёте с тем, о чемъ я однажды говорилъ здѣсь в лекціяхъ о человеческомъ и космическомъ мышленіи. Онъ написалъ об этомъ книгу по-русски, очень необычную русскую книгу. [...] Я убежденъ в томъ, что среди определенного круга людей книга эта будетъ чрезвычайно много читаться. Но если бы ее перевели на немецкій или другіе европейскіе языки, то люди нашли бы ее смертельно скучной, такъ какъ у нихъ нѣтъ никакого органа для ювелирно выгравированныхъ понятій, для чудесной филигранной отделки понятій, которая в этой книгѣ бросается въ глаза. Вотъ это-то и совершенно необычно, что в развивающемся русскомъ характерѣ выступитъ нечто совсемъ иное, чемъ в прочей Европѣ, что мистика и интеллектуальность будутъ жить в немъ не раздельно, какъ в прочей Европѣ, а [...] появится нечто абсолютно новое: интеллектуальность, которая в то же время есть мистика, и мистика, которая одновременно есть интеллектуальность». (Steiner R. *Menschliche und menschheitliche Entwicklungswahrheiten*. Dornach, 1982, S. 59f. Переводъ К.Свасьяна).

въ общедоступнаго, но родственнаго всему высокому – отъ миѳическаго Орфея до послѣднихъ, единичныхъ образцовъ высокаго въ XX–XXI вв., остальное – для бѣдныхъ (любого рода). Сказанное означаетъ: не философія (нынѣ лишенная эстетическаго измѣренія), не наука (не вѣдающая истоковъ собственныхъ), не искусство и не поэзія (лишенныя философскихъ глубинъ, слишкомъ мелкія и неглубокія часто, слишкомъ часто), не мистика (забывшая о трезвой осмотрительности), – но синтезъ: философіи, науки, поэзіи, искусства, мистики.

Инымъ общимъ для насъ является непріятіе пластмассоваго и бескрылаго нашего времени, непріятіе духа эпохи, непріятіе хаоса, непріятіе нечестія и бессмыслицы постмодерна, его абсолютной неприемлемости во всѣхъ отношеніяхъ. Потому на нашемъ стягѣ написано: прочь отъ постмодерна – къ модерну и до-модерну.

Мы не пасынки постмодерна, онъ пошлъ для насъ. Мы беремъ отъ модерна и до-модерна ту не могущую быть растроченной энергію символа, которая не можетъ быть отгѣнена, или осмѣяна, или пародирована тѣмъ или инымъ видомъ постмодерна и должна быть проявлена – нами. И Вѣчность для насъ – нѣчто вожденное, а современность (для многихъ изъ насъ) – лишь саркома на тѣлѣ исторіи. Иными словами: мы бунтуемъ противъ временнаго во имя Вѣчности и ради Нея лишь и созидаемъ нами творимое<sup>6</sup>...

---

<sup>6</sup> "Вся творческая активность, творящая новое, должна быть направлена не на



Многое (но, конечно, далеко не всё) публикуемое въ нашемъ альманахѣ роднитъ съ Серебрянымъ вѣкомъ не только вышперечисленное, но и тщанія иныхъ авторовъ возогнать эстетику до уровня мѣняющей дѣйствительности мистеріи, возогнать Слово до уровня теургіи, тщанія въ Словѣ явить синтетическое искусство... Мы чаемъ, что не всё потеряно, что многое еще возможно... но выздоровленіе духовное должно быть зачинаемо немногими, чтобы не сказать однимъ<sup>7</sup>. – Не бороться съ упадкомъ культуры (то есть не творить) означаетъ способствовать дальнѣйшему «ариманическому грѣхопадению»; и не бороться съ Ариманомъ – хотя бы и только въ себѣ самомъ – означаетъ быть союзникомъ онаго.

Пребываніе в фазе *proodos* можно, конечно, продлить на пару столетій пока есть кому любоваться реликтами уходящей высокой культуры, запечатленной в её вершинных образцах за минувшие века. Но это вызывает жалость, а не вос-

---

будущее, которое предполагает заботу и страхъ и не преодолевает окончательно детерминизмъ, а къ вѣчности. Это есть движеніе, обратное ускоренію времени. Оно отличается и отъ ускоренія времени, связаннаго съ техникой, и отъ печали и меланхоліи, связанной съ пассивно-эмоціональнымъ переживаніемъ смертоснаго времени" (Н. Бердяевъ).

<sup>7</sup> Анучинъ Евг. *Изъ частныхъ бестѣхъ*: «Эпистрофические тенденции – альтернативный путь развития не через гегелевское отрицаніе отрицанія, а через содержательный взаимообогащающій диалогъ культур, через сохраненіе той целостности мифа, который для этого самого самосохраненія долженъ имѣть постоянную подпитку – эстафету отъ потомковъ къ предкамъ. Жар мифа, переходя изъ прошлаго ради настоящаго, греет души живущихъ вне линейнаго потока времени. Прошлое становится реликтомъ тогда лишь, когда вместо диалога культур в диахронистическомъ плане возникаетъ пошлое туристическое культпотребительство.

парение духа, как старческое бодрчество в попытке затянуть процесс агонии увядания. Мне мнилось, что трагизм и победоносность человеческого существования дополняют друг друга. Однако, это не соответствует взглядам неоплатоников, провидящих глубже. Ряды пневматиков редуют и мы видим, что почти некому встать рядом с М.Раузером, дабы подхватить пламень его мыслей. Кто сегодня способен следовать за Прометеем?». – Героическая – в своей невозможности – задача: сперва вступить в діалогъ съ безсмертными, но не какъ комментаторъ, историкъ и біографъ, не какъ примагничивающіеся ко всему авторитетному современные почитывающіе и даже читающіе, но какъ равный (а прежде – ставъ равнымъ), а послѣ объяснить, чѣмъ отличается недопроявленность минувшихъ эпохъ отъ пресловутой ретроспективы; но вступить в діалогъ съ современными какъ терпѣливый учитель – здѣсь недостаточно. Исторія покрывается бѣлыми пятнами, когда она неправильно проявлена или вообще въ главномъ недопроявлена. Именно такъ обстоитъ дѣло съ Серебрянымъ вѣкомъ.

P.S. Мы, однако, будемъ рады всѣмъ авторамъ и – шире – силамъ, способствующимъ подлинному ренессансу культуры, водворяющимъ ладъ на областяхъ разлада, споспѣшествующимъ начинаніямъ нашимъ. – Ренессансъ былъ явленіемъ, рожденнымъ тѣмъ самымъ возвратнымъ порывомъ, о коемъ упоминалось выше, явленіемъ, даровавшимъ міру много плодовъ – сладкихъ, какъ медъ, и горькихъ, какъ по-

льнь. Онъ былъ исходомъ изъ мрака, изъ застоя, оставаясь самымъ яркимъ примѣромъ выхода изъ культурнаго тупика и понынѣ; былъ онъ удачною попыткою обернуться назадъ, и окинуть взглядомъ пройденный великій путь, и, переосмысливъ его, содѣлать возвратный порывъ къ – казалось бы – давно ушедшему. Намъ представляется, что нынѣ ренессансъ въ тѣхъ масштабахъ невозможенъ въ силу многихъ условій. Но всё же мы полагаемъ: на ренессансъ въ охватѣ меньшемъ можно (и надобно) уповать. Добавимъ, что культурѣ онъ необходимъ нынѣ болѣе всего прочаго. Его созиданіе есть борьба ожесточенная съ тѣмъ мракомъ, съ тѣмъ засиліемъ "новыхъ формъ", уродливыхъ формъ и нормъ пост-модернизма, гореносныхъ и гореродныхъ, и прочихъ разновидностей открыто явленнаго абсурда. Возрожденіе новое (возрожденіе, рожденное *немногими для немногихъ*) могло бъ отвоевать у Времени черту положенныхъ сроковъ, – проливши в міръ сей свѣты горніе, – отложить на время окончательное торжество уже заступившаго Хаоса, конечной побѣды коего не миновать и вовѣкъ не избѣгнуть... – Въ сердце печали льются в часъ недобрый – когда Солнце не кажетъ себя, всё въ тучахъ, въ темяхъ, мглѣ...но наше дѣло – не отдаваться скорбямъ, не пассивно-униженно ждать небесъ рѣшенъе, но съ подобающимъ всему высокому достоинствомъ встрѣтити неотвратимое и, – презрѣвши дальнее и отложивши попеченіе о немъ, – обрушить гневы свои – на него, парируя неожиданные его удары, ибо мы есмы чада

Свѣта, и намъ подобаеъ свѣтить ярко, не становяся блѣднѣе  
– никогда, никогда...

# EX ORIENTE LUX: Къ исторіи одного рожденія и одного заката

## *Поэма въ прозѣ* Пролегомены къ «Послѣднему Кризису»

*Посвящается:*

– А.Бѣлому и К.Свасьяну, тѣмъ изъ очень  
немногихъ космистовъ,

*до которыхъ мнѣ больше всего есть дѣло,*

*показавшимъ русскому языку,*

*какимъ онъ можетъ быть въ своихъ вершинахъ,*

*Учителямъ, во многомъ измѣнившимъ меня и  
указавшимъ мнѣ*

*стези если и не неложныя, то многоцѣнныя,  
чреватія своими стезями.*

– В.Александрову, коего мнѣ – среди прочаго —  
стоитъ поблагодарить за неоцѣнимые совѣты,  
безъ коихъ сія поэма была бы вовсе иною; равно  
какъ и

*за измѣненія меня – едва ли меньшія,*

*чѣмъ измѣненія вышеупомянутыя.*

*Въ вѣкахъ я спалъ... Но я ждалъ, о Невѣста, —  
Съверъ моя!  
Я всталъ*

*Изъ подземныхъ*

*Залъ:*

*Спасти —*

*Тебя.*

*Тебя!*

*Мы рыцари дальнихъ странъ: я — розъ,*

*Гудящій изъ тьмы...*

*Въ сырой,*

*Въ дождевой*

*Туманъ —*

*Несемся*

*На стъверъ —*

*Мы.*

*На крутыя груди коней кидается*

*Чахлый кустъ...*

*Какъ ливень,*

*Потоки*

*Дней, —*

*Какъ бури,*

*Глаголы*

*Усть!*

*Плащъ семицвѣтіемъ звѣздъ слетаетъ*

*Въ туманъ: съ плеча...*

*Тяжелый,*

*Червоный*

*Крестъ —*

*Руконять*

*Моего*

*Меча.*

*Его въ пустые края вознесла  
Стальная рука.*

*Съкли  
Мечей  
Лезвiя —*

*Не вътеръ:  
Года.  
Въка!*

*2  
Тебя  
Съ востока  
Мы —*

*Идемъ  
Встръчатъ  
Въ туманъ:*

*Върю, — блеснешь изъ тьмы, рыцарь  
Далекихъ странъ:*

*Слышу  
Топотъ  
Коней...*

*Зарей  
Багрянцетъ  
Кустъ...*

*Слетаетъ изъ блѣдныхъ дней призывъ  
Гремящихъ устъ.*

*Тяжелъ  
Жельзный*

*Крестъ...*

*Тяжела  
Рукоять  
Меча...*

*Въ туманъ окрестныхъ мѣстъ дымись,  
Моя свѣча!*

*Вѣрю, —  
Въ года,  
Въ вѣка, —*

*Въ пустыя  
Эти  
Края*

*Твоя стальная рука несетъ  
Ударъ копья.*

### ***А.Бѣлый, 1911***

*5. Ея милый профиль ярко вырисовывался на фоне ясно-голубой, звѣздной ночи.*

*6. Въ полуоткрытомъ ртѣ и въ печальныхъ синихъ глазахъ трепетали зарницы откровений.*

*7. Иногда она низко склонялась, покорная и вся бѣлая, и вновь подымался ея силуэтъ надъ голубымъ, вечернимъ міромъ.*

*8. Такъ она молилась. Надъ ней сіялъ серебряный полумѣсяцъ.*

***А.Бѣлый***



*Въ Бездну  
Безвременья  
Падай, —  
– Изъ бездны  
Безвременья, —  
– Неперемънною смѣной, —  
Кольцо  
Бытія!  
Прядай,  
Съдая  
Струя —  
– Изъ безвременья —  
На бытіе мое!  
Ты, – незнакомое  
Время,  
Обдай мнѣ лицо  
Своей  
Пьюною!  
Мертвенный нѣмень, —  
Рыдая,  
Я  
Падаю!  
Времени  
Нѣтъ уже...  
Падаю  
Въ эту же —  
– Бездну  
Безвременья.*

**А. Бѣлый, 1929**

*Изъ зыбей зыблемой лазури,  
Когда отвѣяна лазурь, —  
Сверкай въ незыблемыя хмури,  
О, мѣсяцъ, одуванчикъ бурь!*

*Тамъ – обезславленные боги  
Исчезли въ явленную ширь:  
Туда серебряные роги,  
Туда, о мѣсяцъ, протопырь!  
Взирай оттуда, мертвый взоричъ,  
Взирай, повъшенный, и стынь, —  
О, злая, бѣшенная горечь,  
О, оскорбленная ледынь!  
О, тѣнь моя: о тихій братаецъ,  
У ногъ ты – вотъ, какъ черный котъ:  
Обманешь взрывами невнятицъ;  
Возстанешь взрывами пустотъ.*

***А.Бѣлый, 1921***

*Бриллиантовые узоры созвѣздій неподвижны въ  
черномъ, міровомъ бреду, гдѣ всё несетя и гдѣ  
нѣтъ ничего, что есть.*

*Земля кружится вокругъ Солнца, мчащагося къ  
созвѣздію Геркулеса!*

*А куда мчится созвѣздіе Геркулеса?*

*– Сумасшедшая пляска бездоннаго міра.*

***А.Бѣлый, 1910***

*Наиъ міръ – Творца ошибка, плохой пріютъ на  
часъ...*

***О.Хайямъ***

## **Прологъ**

**Громъ необорный – въ рань съдую временъ – сотрясаль**

небесную твердь, не щадя живота своего, вперяя себя въ твердь земную и яряся безъ мѣры; сыпались звѣзды и капли, предѣловъ не вѣдая; треволненія множились; яркожалая молнія била нещадно. И Солнце, затмившись, меркло днями, и рушились скалы, глыбы свои роняя во прахъ; море, волнуясь, яростною пѣною волнъ накатывало себя на берега, словно тщась размолоть, поглотить дрожащую твердь, яростью кипя, злобою судьбы бросало себя на берега, и сушь погребалась волнами; всё колеблемо было Судьбою. Окоемъ, словно Вѣчности святой необъятность, изошелъ мракомъ священнымъ. Твердь небесная сотрясалася во страхъ, Критъ трепеталъ, и дрожала Матерь-Земля въ родовыхъ своихъ мукахъ; деревья ярились и порою сгорали до тла; лепестки пламени были зримы...

И надъ просторомъ Земли послышался плачь – сквозь шумы и громы – на древѣ: отъ отца и отъ брата сокрытый младенецъ, Криторожденный, возступалъ: въ жизнь; и ею низвергся: въ нее. И слышенъ былъ подь бляенье козы въ лугахъ разнотравныхъ, овѣваемыхъ вѣтромъ знойнымъ, сухимъ, предвѣщавшимъ еще большія, вящія бури, грозы и бѣды, – гласъ. И гласъ непокорный, несытый, дерзновенный, алчущій власти, начальствовать алчущій, – буйствовалъ, мятежась, будучи скованъ шумомъ окрестнымъ, но вторьемъ раздавался окрестъ: вопреки гневамъ природы. Безсилела злоба стихіи, умолкала, и – ея, не дитяти – гласъ умолкалъ, покоясь, нѣмѣя: словно подавала надежду, милость рождая,

потухая, – природа, и изсѣченье ея затухало; и покой снисходилъ долгожданный. Зыблема рокомъ, отдыхала природа, ободряясь покоемъ, залѣчивая прободенные свои покровы: несмѣтныя жертвы дарила – счастливо схороненному младенцу-отцу...

Се – слышно припаденье устъ младенца, мокровласаго, беззащитнѣйшаго къ щедродарному вымени, жадное въ страсти своей. И Солнце, дотолѣ тьмою словно за руку держимое, зыблемое, – впервые – ярчело. И зиждилось пресуществленіе младенца, отъ отца матерью прячамаго, – въ Громовержца-отца.

Рождался иной близъ Иды-горы, кто ежели удѣль свой имѣеть, то удѣль его – повелѣвать, слѣдить за порядкомъ божественнымъ и его водворять. Бездны Хаоса глядѣли въ слѣпое его лицо. Гордо взиралъ на окрестное божественный юнецъ.

День возставалъ ото сна, и множились тѣни. Дитя тайно-рожденное улыбалось новому дню, играясь съ куретами, его забавляющими плясками, Великой Матери слугами, которые, случись дитятѣ всплакнуть, бряцали шеломами да щитами: таково было козы повелѣнье, нянчившей юнаго бога, милостью чуда оставшагося въ живыхъ, матерью отъ отца спасеннаго: отца, вѣдающаго судьбу свою и потому страшщагося разящаго превосходства сына, что долженъ родиться; судьбы избѣгнуть тщился отецъ, пожирая дитятѣ своихъ, ужаснѣйшій, свирепѣйшій, кровоалчный. Когда – незадол-

го до сего – рождалося дитя – куреты подняли шумъ небывалый, всеоглушающій, безмерномощный, дабы заглушить крики бога рождающагося, отводя отъ него гибель грозящую: быть заживо пожраннымъ собственнымъ отцомъ и найти смерть во чревѣ отчемъ; нынѣ въ толикомъ шумѣ нужды не было: избѣгнувъ Судьбы, взросло дитя и плакало всё рѣже. Но дитятѣ много, много позднѣе суждено быть низверженнымъ сыномъ своимъ, какъ низвергнетъ и самое дитя – отца своего: и дитя, и отецъ его, и отецъ отца – всё низвержены собственными же сынами. Коза была повзрослѣвши-мъ премного одарена: служившаго до самой ея кончины пса золотого въ даръ ей принесъ ею вскормленный, ею спасенный; послѣ смерти своей будетъ вознесена она на небо, претворившись въ звѣзду, рогъ ея претворится въ рогъ изобилія, а шкура – въ эгиду: обтянутый ею щитъ поможетъ еще юному богу послѣ въ сечахъ съ титанами, щитъ, изъ-за котораго нарекутъ люди ея обладателя Эгіохомъ: Эгидодержцемъ.

Въ тотъ достопамятный день – когда рождалося дитя – не свѣтъ явилъ себя тьмою, но тьма – свѣтомъ.

# Часть I

## Картины изъ жизни позднеминойскаго Крита. Къ исторіи одного заката

*Островъ есть Критъ посреди виноцвѣтнаго  
моря, прекрасный,*

*Тучный, отвсюду объятый водами, людьми  
изобильный;*

*Тамъ девяносто они городовъ населяютъ  
великихъ.*

*Разные слышатся тамъ языки: тамъ находишь  
ахейнъ*

*Съ первоплеменной породой воинственныхъ  
критянъ; кидоны*

*Тамъ обитаютъ, дорійцы кудрявые, племя  
пеласговъ,*

*Въ городъ Кноссъ живущихъ. Миносъ управлялъ  
имъ въ то время,*

*Въ девятилѣтіе разъ общаясь съ великимъ  
Зевесомъ...*

*Гомеръ*

*Миѡы ловятъ боговъ, какъ съти – рыбу. Люди  
плохіе рыбаки: боги уходятъ отъ нихъ. Но и пустой  
миѡвъ всё еще пахнетъ Богомъ, какъ пустая съть –  
рыбою.*

*Средиземное море, связующее три части свѣта, Европу, Азію, Африку, есть въ самомъ дѣльѣ середина, сердце земли. Въ немолчномъ ропотѣ волнъ его бьется сердце челоуѣчества. Вѣка и народы, тѣснясь, обступаютъ его, окружаютъ круговою пляскою, какъ хоръ Нерейдъ, и пѣнится «темно-лиловая соль» его, какъ амброзія въ чашѣ боговъ. Если провести двѣ линіи, одну отъ Мемфиса до Константинополя, другую – отъ Вавилона до Рима, то получается крестъ, какъ бы тѣнь Креста Голгоѣскаго. Всемирная исторія и совершается подъ этимъ крестнымъ знаменіемъ.*

*Мережковскій*

## **Глава 1. Ира, или критское свиданіе**

Ира, дѣва пришлая, свободная дѣвушка критская, родомъ изъ дикаго народа, въ послѣдствіи ставшаго всѣмъ извѣстными греками, изъ Ахейской земли, многогорной и юной, суровой, шла по лугамъ критскимъ, по неогляднымъ «землямъ добрыхъ» (какъ тогда говорили о Критѣ сами критяне, которые, впрочемъ, всегда лгутъ, какъ увѣряетъ насъ Эпименидъ-старецъ), погруженная въ печали, нѣжно-опаленная дыханьемъ Іюлія Іюньевича, и грустно было лицо ея; вѣтеръ развѣвалъ непокорно-вьющіяся, роскошно-густыя ея кудри, подобныя шерсти лучшаго барана изъ царской кошары; огромные, льдяные, но вмѣстѣ съ тѣмъ и внемлющіе всему глаза ея были словно по-куриному широко отверсты; они

уже не удивлялись всему что ни есть, но были они еще полны желаній и мечтъ: о жизни новой. День былъ прекрасенъ, божественъ: воля, раздолье! – Безмятежный Критъ, обитель красы юга; покой безмолвный – какъ пустыня. О, этѣ золотящіяся, точно колышемая нива, критскія дали, овѣваемыя поцѣлуями природы: морскими вѣтрами, бессмертно-юными и вѣчно-свѣжими, – чаекъ лѣтъ да мѣрное торжественно-величавое пѣнье неумолимага моря – любимѣйшая изъ пѣсень Солнца; того и гляди – заслушается сей пѣснею не устающее вседневно бросать прямые лучи, свѣтящее въ полную силу Свѣтило, и безъ того предолго гостящее на небосводѣ въ безконечно-яркіе тѣ дни, – да забудетъ вовремя окунуться за окомъ, гдѣ ширь небесная сливается съ ширью земною... О, это небо: не небо, но безкрайняя пустыня неба; воленъ аэръ на Критѣ и широка душа. На тверди небесной ни облачка, полною грудью дышало всё живое, а луга упирались въ бросавшіе длинныя, властныя тѣни дерева да кусты, полные дивной тайны и нѣги: оливковые да виноградные, о коихъ знавали и въ ту пору по всему Средиземноморью; были тѣ не всегда нѣжно цѣлуемыя вѣтрами дерева подлинными царями да царицами Солнцемъ обильнаго Крита. Золото листвы ихъ слѣпило глаза, и были листья ихъ – какъ луны. Вдали виднѣлся и кипарисъ: священное древо. Луговая благоуханія обволакивали всё болѣе и болѣе хмельвшую Иру, купавшуюся въ нихъ подобно птицѣ, разсѣкающей, рѣжущей эѳиръ въ жестѣ восторга. Подобно тому какъ гады морскіе



рѣзали твердь водную, ласточки, рѣзвась, темными вздрагивающими крестами беспорядочно прорѣзали, словно купаясь въ мрѣющихъ аэрахъ, необъятную твердь небесную, то нисходя до самой тверди земной, то уносясь въ безпредѣльные выси, къ нѣдрамъ небесъ. Исполненныя визгливаго восторга созданія природы вносили иное измѣренье къ видамъ критскимъ, обогащая ихъ не только молніеносною хаотичностью движеній, но и своими криками. Была зрима и одиноко зависшая въ аэрахъ нѣкая хищная птица, медленно кружащая вокругъ точки незримой, мѣняющей, однако, мѣстоположеніе свое въ пространствѣ. Но вотъ уже и она скрылась изъ виду, пропала въ безконечности небесъ – мѣрный взмахъ крыла подымалъ её всё выше. – Всюду біеніе жизни, и всё зыблемо въ зыбь: полнотою жизни. Вотъ откуда ліетъ себя воля критская, вотъ сердце Крита; пусть говорятъ, державный Кноссъ – сердце его: стоитъ лишь взглянуть на пространства сіи, чтобы отдать и свое сердце подлинному сердцу Крита.

Но лишь отрѣшившійся отъ чувственнаго возмогъ бы осознать: за внѣшнею безбрежною беспорядочностью природы скрывается внутренняя ея мѣрность, которую можно принимать, её познавая или же въ ней растворяясь, а можно – ея отвращаться, ею тяготясь. Поверхъ поверхности – красокъ и формъ – таилися смыслы, слагающіе сущность. И мѣрность была однимъ изъ нихъ. – Природа молилась создавшему: пѣ-

нъемъ птицъ, игривымъ вѣтромъ, шумомъ волнъ морскихъ, шелестомъ листьевъ, теченьемъ рѣдкихъ облакъ.

Подходя къ родному селенію, съ Ирой завела бесѣду казалось бы одна изъ тѣхъ непримѣчательныхъ и малоотличныхъ межъ собою критскихъ матушекъ, которыхъ можно было встрѣтить въ любой изъ критскихъ деревушекъ, въ которыхъ онѣ если и не царицы, то управительницы и люди почитаемые на селѣ, отъ которыхъ немного да зависитъ; та, знаете ли, середина, гдѣ рождается пошлость, а, родившись, царствуетъ: та пошлость, что сперва отрицаетъ, а послѣ срѣзаетъ всѣ вершины, случись этимъ вершинамъ быть не дольными, а, скажемъ, горными, не здѣшними, а тамошними; та пошлость, которая родомъ изъ царства количества и знать не желающая о царствѣ качества. Эта же критская матушка, женщина зрѣлыхъ лѣтъ, одѣтая если и не въ колоколоподобную юбку съ преузкой таліей и преглубокимъ декольте (подобалась она только жрицамъ и придворнымъ дамамъ: женщинамъ высшаго свѣта), то одѣтую всё же въ одежды не безъ намека на колоколоподобность, узость таліи и декольте (какъ знакъ ея достоинства), – отличалась отъ прочихъ не только болтливостью неумной, которая была въ частности слѣдствіемъ ея любопытства, и спѣшностью говора, что вообще не было свойственно людямъ тѣхъ, крайне отдаленныхъ отъ насъ эпохъ, невозвратимыхъ, но и близостью къ одному изъ критскихъ дворцовъ, гдѣ порою видѣлась и со знатью. Сто-

ить ли удивляться, что она и начала разговоръ, только за-  
видѣвъ дѣву младую:

– Почто рыдаеши? Почто сердцемъ кручинишься, радость  
моя?

– Сплошныя мысли въ головѣ, но мыслями сытъ не бу-  
дешь, мысли – хуже обморока: была жизнь, а нынче – обмо-  
рокъ. Я чувствую, стало быть, жива я. Также и: меня ищутъ,  
стало быть, жива. Но кто ищетъ меня нынче? Кому нужна  
я? – говорила Ира, а послѣ добавила, подавляя слезы: – Ахъ,  
тетушка, отвергли меня!

– Вновѣ?

– Вновѣ, кормилица. Вновѣ! Травы льнуть къ тѣлу, пасть  
бы въ лоно природы, забывшись, но міръ сердечный покоя  
не даетъ, терзаетъ. Гибель ждетъ меня!

– О Мати преблагая! – широко раскрывъ глаза и размахива-  
вая порою руками, испрашивала названная кормилицею. –  
Да ты жъ первая дѣвка въ селеніяхъ окрестныхъ; да о тебѣ  
поль-Крита вѣдаетъ, вѣдь вторымъ Солнцемъ себя лучишь,  
не иначе! Кто жъ отвергъ?

– Къ чему обликъ мой, ежель я вся – печаль, и боль, и  
страданіе? Словно Мать меня покинула, ушла изъ сердца.

– Мать съ тобой! Да какъ такое быть-то можетъ! Я тебя  
спрашиваю: кто отвергъ? Кто сей безумецъ, иль слѣпецъ, иль  
то и другое вкупѣ?

– Господинъ, – опустивъ очи долу, молвила Ира.

– Оно ясно, что господинъ, а не слуга, хотя и господа Отцу

великому слуги суть. Такъ кто? Кто?

– Касато самъ, – отвѣтствовала дѣва и разрыдалась.

Утишая её и прижавъ къ себѣ, матушка приговаривала:

– Ты потише-то произноси всеблагое его имя, дурена: людъ ходить тута, не однѣ, чай. Охъ, куды дѣвка-то мѣтитъ. въ небо. Милая, всё жъ знать свое мѣсто, богинями да богами намъ дарованное, надобно. Знать и не забываться. Ты, однакожь, успокой сердце свое. Ужели и въ наложницы не взялъ онъ? Дѣвы – дщери Матери, земныя богини, намъ коли быть въ услуженіи, то у самыхъ вящихъ.

– А я суженою его хочу быти. Сердцу не прикажешь, полонилъ меня Самъ безъ остатку, а онъ...

И послѣ сего разрыдалась пуще прежняго.

– О Мати! – приговаривала кормилица. – Ой возгордилася дѣвка паче мѣры всяческой, ой возгордилася. Нехорошо: богини прогнѣваются. Ишь куда мѣтишь: говорю же: въ небо. Да не мѣтишь, а свалить его на землю желаешь. Нехорошо. Это жъ когда оно видано было, чтобъ первѣйшій изъ слугъ Самого снисходилъ къ простой? Коли бы такое было, то людъ запомнилъ бъ и изъ усть въ уста передавалъ.

– Я не простая, не простая я: золотая. Потому хочу въ палатахъ каменныхъ сидѣти, чертоги мраморные видѣти вседневно.

– Царевна ты, что ль? Уязвлена она, ишь ты, аки благородная. Смотри у меня. Вся бѣда отъ того, что въ дѣвкахъ ты засидѣлася, глава вся – въ мечтахъ, аки въ омутѣ, – не по-

критски поспѣшно изливала рѣчи старшая. – Такъ, пора тебѣ дурь изъ башки-то повыбить. Иди работать, золотая. Работа бо – средство лучшее противу страстей пагубныхъ, противу бурленья крови, молодой, юной, противу вздоховъ души, слезъ, горестей, сердца излишне трепетнаго. Мало ль тебѣ любви своего любовника?

– Сердце горячее имѣю, хотя обликомъ хладна, – говорило дитя земли.

– И о Маломъ лучше не забывай; ей, вспомяни, како любить тебя, эхъ, како любить-то! Еще Мудроватый, изобрѣтатель, мужъ ученый, души въ тебѣ не чаеть.

– Что вы всё о Маломъ да о Маломъ! Его и отродясь, и понынѣ Малымъ кличуть: всё не выросъ. Не любовь онъ мнѣ, а Мудроватый – чудакъ, кому до него какое дѣло? У него, быть можетъ, и сердце золотое-презолотое, но и до сего никому на Критѣ дѣла нѣтъ: сердце – не подвѣска золотая. А Касату никто изъ сердца не вытѣснить! – сокрушалась дѣва юная.

– А что? Первый молодецъ, хоть и росточкомъ и не вышелъ: кто жъ еще писцомъ служить во Дворцѣ изъ нашего сословья? Ой молодецъ Малой, ой молодецъ. Говорю тебѣ снова: души въ тебѣ не чаеть. Да и что одной-то по міру шляться – и краса меркнетъ дѣвичья и заправлять некъмъ; въ твои, душенька, руцѣ муженекъ пойдетъ, аки бычокъ на закланье. Прибылей-то сколько – не счастье: всё, всё жъ дѣять будетъ, всю работу и грязную, и чистую.

– Вѣдать вѣдаю, что не чаеть. И вѣдаю, что пойдетъ, аки

бычокъ на закланье. И не пойдётъ, а побѣжить. Но къ чему? Къ чему? Теперь мнѣ жизнь вся опостылѣла.

– Да я вѣдь тожъ много годинъ тому назадъ была красавица писаная. Такъ что жъ: взяла себѣ мужа – и рада. Мужики вѣдь – безхребетны, нѣжны, травоядны. Не то мы, дѣвы да жены: съ норовомъ, священо-жестоки, хищны. Добродѣтель ихъ – послушаніе, смиреніе, сокрушеніе сердечное, рождающія умиленіе; наша добродѣтель – умѣніе повелѣвать, властвовать, первенствовать.

– Вѣдаю, что скромность и покорность – главная ихъ добродѣтель. Но...

– У насъ работа одна – быть краше всѣхъ, корить, хулить, бранить мужей: во имя Матери!

– Да, то ихъ доля! – словно приходя въ себя и оживляясь, сказала Ира и топнула ножкой.

– Недоля!

– Пусть такъ.

– Хоть и грошь имъ цѣна, возьми себѣ ты мужа.

– Но ты не разумѣешь: люблю я его, Касату, – и снова рыдалась Ира, какъ прежде.

– Дѣловъ-то: иди въ наложницы.

– А я чистой быти хочу. Подъ вѣнецъ хочу. Нѣшто достойна я со своею красою, коей и на всѣмъ свѣтѣ не сыщешь, ублажать господина своего наравнѣ съ дѣвами прочими? Не такая я.

– Ты ужъ извини, дорогая: чистыя въ домахъ обитають,

а не во дворцѣ – наложницами. Ты здѣсь царица, а тамъ – рабыня. Ишь, что выдумала!

– Да ужь лучше тамъ быти хоть кѣмъ, а не здѣсь: царицею селенія; только вотъ не наложницею, нѣтъ. Ахъ, какъ лѣпо-то тамъ, ахъ, какъ лѣпо: всё въ камняхъ, всюду золото, тишь, треножники... Влечетъ меня туда душенька моя, великолѣпіе несказанно манить – такъ и снится, и грезится день и ночь. А здѣсь, здѣсь – всё невыносимо. Бѣдность вперемѣшку съ нищетою. Не для того богини меня толикою красою надѣлили, не для того.

– Эка дѣвка! Какъ будто одна ты Касату любишь: это жъ каждая дѣвица о нёмъ мечтаетъ, а вотъ возьметъ себѣ мужа прислуживать, такъ сразу и забываетъ Касату. Смекаешь? Ты пойми: будь ты еще трижды краше, толку отъ того не будетъ: обычаи не перепрыгнешь: обычаи хранить должно: святы они. Я тебѣ всё сказала, ты иди, иди.

И пошла Ира рыдаючи къ знахаркѣ, дабы приворожить милаго ей Касато, жительствовающаго въ много болѣе, нежели миль онъ самъ, милкомъ ей Дворцѣ. Шла и сказывала: «Зелья выпью, мазью намажуся – охъ, приворожу я тебя, милый, ой, покорю сердечко твое алое! Чаю: снидетъ боль изъ сердца дѣвичьяго!»

Долго шла, изрѣдка подбирая цвѣты, дабы погадать на нихъ: любить – не любить; чаще всего выходило «не любить»; и бросила она цвѣты и присѣла горючи: плакалась Ира – да такъ, что словно Міровой Скорби наконецъ-то опротивѣло

гулять по бѣлу-свѣту въ поискахъ пристанища, и пристанищемъ выбрала она не кого-нибудь, а первую критскую дѣву, заселившись безъ спроса въ сердце ея. Услышала Ира, что къ ней бѣжитъ нѣкто; неторопливо бросила взглядъ и увидела мчащагося къ ней Малого; то былъ нѣкій невзрачный, сутулый, съ вѣчно-щурящимися бѣгающими глазками, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчно-сонный, самаго обычного роста, молодой юнецъ, изъ котораго словно сочилась несолидность и болѣзненность своего рода, съ дурною кожей и предлинною шеей (словно была она таковой, чтобы обладатель ея могъ сувать свой носъ куда не должно) – словомъ, походилъ онъ на большинство критскихъ юнцовъ, кроткихъ и радостно-печально-грустныхъ, что словно самую природою было направлено къ умноженью презрѣнья къ нимъ – со стороны природы, природнаго, ежели подъ этимъ понимать не звѣрей, но, скажемъ, дѣвъ всѣхъ возрастовъ и половъ и прочихъ дольных созданий. Однако обладалъ онъ одной небезынтересной чертою помимо не по-критски задумчиваго, отрѣшеннаго выраженья лица: порою, возвращаясь съ дворцовой службы, видѣлась ему едва ль не въ каждомъ деревѣ, кустѣ, травинкѣ: критская вязь; іероглифы мерещились и во снахъ (тогда казались они ему иной разъ зловѣщими, иной разъ – попросту злорѣчивыми, но иногда – послѣ сладострастныхъ ночныхъ мечтаній – злокозненными, злочестивыми, злотворными и зломудрыми; но въ миги сладострастныхъ его грезъ казались они ему: доброгрудыми, добровыйными, добробедными, аки



инья критскія дѣвы), и тогда онъ водилъ десницею по воздуху, словно тщась нѣчто записать. Порою просыпаясь ранѣе положеннаго еще впотъмахъ чертиль – не то сосредоточенно, не то самозабвенно – палочкой-стилусомъ нѣкія письмена на полувлажной глинѣ, и остается лишь догадываться, каковъ былъ смыслъ таинственныхъ сихъ начертаній. – Очень ревностно служилъ пользѣ отчизны, но служа ревностно, всё жъ не жилъ въ своей должности, ибо любилъ не её, а Иру. Съ презрѣніемъ Ира отвела отъ него взоры свои и очи содѣлала льдяно-равнодушными и устремленными къ небу. Малой первымъ началъ бесѣду:

– Ира-красавица грядетъ-то по полю, блѣдна, якъ Луна, да бѣла, якъ снѣга и льды Иды-горы. Здравствуй, милая, – добавилъ онъ, привѣчая милую, сладостно-сладострастно смущаяся и потупляя очи, какъ то было положено по критскимъ обычаямъ въ подобномъ случаѣ, но скорѣе по робости своей. – Вотъ тебѣ, тебѣ вѣнокъ я свилъ изъ цвѣтовъ окрестныхъ. Да ты и сама – цвѣтокъ, нѣжнѣйшій изъ прорастающихъ въ садахъ земныхъ; горный ручей: въ пустынѣ.

– Вижу, что изъ окрестныхъ, – фыркнула Ира не безъ презрѣнія, изображеннаго на ея лицѣ, и скучая добавила: – Что мнѣ вѣнокъ твой? Къ чему?

– Что, плохъ, о услада очамъ? – взволнованно спросилъ Малой, ставшій словно самимъ олицетвореніемъ удивленія

– Вѣнокъ-то хорошъ, – отвѣтствовала дѣва, разглядывая цвѣты, изъ которыхъ былъ онъ сдѣланъ.

– Дозволь... – пролепеталъ Малой, глядя на нее съ трепетомъ и сердечнымъ волненіемъ.

– Ничего не дозволю. Гляди ты долу! Всѣ ты ходишь за мною по пятамъ. Говорила и говорю: сама Судьбина горькая воспретила быть любви межъ нами. Вѣкъ тебя не видать!

– Я счастливъ быть при тебѣ. И хоть плачу – я счастливъ, счастливъ! А, можетъ, потому и счастливъ, что плачу порою. Въ томъ завѣты Матери, что мужамъ подобаеть плакать и страждать чаще, много чаще, чѣмъ дѣвамъ, что и безъ того чисты: какъ ручей горный, какъ Ида-гора; ибо мужамъ должно еще очищать сердце свое, дабы приблизиться существомъ, сердцемъ, хотя бы и на шажокъ какой: къ вершинѣ именемъ Дѣва, – и смѣть созерцать Её.

– Любовь нераздѣленная препятствуетъ счастью моему, а раздѣленной быти она не можетъ. Заклинаю: уходи.

– Бей! Бей – не уйду! А быть битымъ любимую – всего слаще.

– Тогда не побью.

– О, да не лишать меня богини зрѣлица толикой красоты! Я-то уйду да приду вновь.

– Ахъ, да и не придешь – прибѣжишь.

– Прибѣгу, о божественная.

– Милая, а я тебѣ, тебѣ не токмо вѣнокъ сплелъ, достойный божественнаго твоего чела, да къ нему въ придачу и пѣсню сочинилъ, – не безъ надежды выпалилъ Малой.

– Ой, избавь меня, юноша, отъ пѣсенъ твоихъ. Кручинюся

я, не вишь? Ужель ослѣпъ?

– Вижу, вижу, милая. Ахъ, кабы помочь тебѣ. А, можетъ быть, провожу тебя да успокою сердце прекрасное?

– Нѣтъ-нѣтъ. Иди же, иди, какъ шель.

– А что за горе сердце прекрасное неволить?

– Не твое то дѣло, не твое.

– Какъ знать, можетъ, оно и меня касается. Хотя бы и краешкомъ уха услыхать бы!

– Сказала же, – добавила она съ пригрозою въ очахъ, – не твое дѣло! Глупенькій: гдѣ жъ тебѣ понять тайны сердца дѣвичьяго; глубоко оно, аки окіянь-море, темно, аки Ночь, и чисто, аки слеза. Ты, Малой, словно въ Мать не вѣруешь – такъ мнѣ кажется.

– Какъ можно?

– Забываешься ты, словно завѣтовъ не вѣдаешь.

– Помилуй! Но Любовь развѣ не отсвѣтъ Матери?

– Твоя – нѣтъ. Ну, иди же, иди. И передай отъ меня вѣсточку Касатѣ, что я о нёмъ вспоминала; добавь къ сему: думы думала о нёмъ; спроси о здравіи его, не забудь.

– Передамъ, о прекрасная изъ прекрасныхъ. Всѣ будетъ исполнено. Да какъ же онъ красу твою позабудетъ, да и съ именемъ ты, не то, что мы, критскіе. По полямъ многотравнымъ, пьянящимъ сердце младое, приду я во Дворецъ: до-рогу перекрыли: Хозяину земли критской угодно днесъ на коняхъ-скакунахъ резвиться.

– Многая лѣта Царю! И да хранить его Зиждительница! А

ты, скачи, скачи, аки конь. Поживѣ! А я снова гадать пойду.

– Да, иду, милая, иду, – со взоромъ увлажненнымъ и блаженно-помертвѣлымъ, послѣ поклона молвилъ Малой и спѣшно удалился, однакожь, оглядываясь на нее, любуясь ею. Про себя же думалъ: «Ахъ, какъ люба она мнѣ; какъ ей сердце полонить? Не дѣва – богиня. И куда во Дворцѣ смотреть? А можетъ, господамъ-то и виднѣе, да у меня свои глаза есть». Ира же – когда Малой спѣшно удалился, приговаривая чуть погодя «Критскую жалую природу, сердце пляшетъ вонь!» и обливаясь потами, – молвила вслухъ: «У Касаты на колесницѣ колеса, златомъ оправленные, а этотъ-то пусть себѣ бѣгаетъ. И еще оба зовутся людьми! Что межъ ними общаго, что ихъ связываетъ? Пропастъ, бездна межъ ними».

Долго ходила Ира, сердце успокоивши, по полю и гадала: любить-не любить; снова чаще выходило: не любить. Уставши, медленно отправилась къ дому своему, позабывши о посѣщеніи знахарки; по дорогѣ любовалась лазурью небесною, разстилавшейся въ упоительныхъ аэрахъ. Отаями грезъ ниспадала лазурь и внушала надежду. Подходя къ дому, увидала своего любовника, поджидавшего её у входа, мужа многомогущаго, съ кожей цвѣта песочнаго, съ очами грозными; былъ онъ однимъ изъ начальниковъ «братьевъ критскихъ»: критской пѣхоты. Скупю и съ презрѣньемъ подчеркиваемымъ отвѣчала она на многострастныхъ его ласки, отстраняясь больше для вида и по обычаю. Вошли въ домъ...

На слѣдующій день, уставши отъ любовныхъ ласкъ и

проснувшись поздно, когда Солнце критское продолжало палить, попаляя живое и неживое, любовникъ Иры напомнилъ ей, что слѣдовало ей отправляться въ дорогу.

Черезъ нѣкоторое время Ира по дорогѣ къ знахаркѣ увидала Мудренькаго. Онъ попривѣтствовалъ её по критскимъ обычаямъ. Неизвѣстно, о чёмъ шель разговоръ: отъ него долетѣло нѣсколько фразъ:

– Я жъ тебѣ услугу оказала! – капризнымъ тономъ сказала Ира.

– Какую? – словно бычокъ, отвѣчалъ Мудренькій.

– Поцѣловала когда-то: въ щеку. Ахъ, какъ была я несмышлена.

Таковъ былъ Евинъ родъ на земляхъ добрыхъ.

\* \* \*

Малой же, сильно запыхавшись отъ бѣга, направлялся во Дворецъ, во святая святыхъ Крита, гдѣ уже нѣсколько лѣтъ служилъ писцомъ. Чертогъ, отбрасывающій пугающую предлинную тѣнь, многоколонный, пробуждался ото сна. Писецъ приближался ко мрѣющему Дворцу-великану, свѣтлокаменному, крепкостенному, бѣлизною равному снѣгамъ и льдамъ горы Иды, страшащему, и всё не могъ привыкнуть – видѣвши его сотни разъ за жизнь; Малому онъ казался не только и не столько безмѣрно-чуждымъ, иноприроднымъ, но: не выросшимъ изъ земли, отъ вѣка и до вѣка доброй зем-

ли (такъ учили матери и бабки), но словно низвергшимся, обрушившимся съ чуждаго неба: въ ея лоно. Дворецъ представлялъ: чудищемъ, хотя и распростертымъ, но живымъ и высившимся: до неба. И во внутрь чудища – не черезъ пасть – главный входъ, но черезъ инья его отверстія – черный входъ – предстояло проникнуть Малому по долгу службы. Потоки свѣта встрѣтили Малого: стѣны предстали: стѣною свѣта. Свѣты хлестали, били, царапали, сжигали глаза; Дворецъ пилъ изъ сердца Малого, его проницая и пронзая, приближавшагося всё ближе и ближе къ черному входу во Дворецъ; по мѣрѣ приближенія всё болѣе малымъ казался себѣ Малой: словно сжимался онъ, а чудище – ширилось; входъ – знакомая темная деревянная дверь, съ ручкой-букраниемъ, спиралевидными орнаментами и рогами посвященія вокругъ двери – разрастался, всё остальное – терялось. Ароматы сладостно-тяжелыхъ куреній встрѣтили Малого, гнетущее бросилось въ сердце: слѣзало, какъ со змѣи, свое, живое свое – и заступало казенное, чуждое, враждебное. Вскорѣ вступишь: въ утробу чудища, – и будешь охвачень: и убранствомъ полутемныхъ заль, что плѣняли сердце полутемнотами, и прохладю, и камнемъ, и прорастающими живыми лугами фресками, небывалыми, самыми живыми на свѣтѣ, и присутвіемъ Самого (который казался Малому Быкомъ красноярымъ) гдѣ-то поблизости, – и еще долго не вернешься: къ себѣ самому, въ свое, въ живое свое; войдешь въ чудище, всеохватное, всеобъемлющее, всепожирающее, – и забудешь

обо всёмъ на свѣтъ, о себѣ, день претворится въ ночь, а ночь – въ день. – Какъ быкъ, влекомый на закланіе, какъ рабъ, влачащій ярмо, не шель и пришелъ Малой во дворець, но именно дворець призвалъ его къ себѣ, притянулъ, незримою десницею ритмично-мѣрно подергивая поводокъ (столь же незримый, какъ и десница).

Но вотъ увидаль онъ знакомаго привратника, изъ числа покоренныхъ въ недавнемъ крито-египетскомъ набѣгѣ на востокъ Средиземья, родомъ изъ земель восточныхъ. Онъ, поздоровавшись съ Малымъ, спросилъ о его житьѣ-бытьѣ и, не дожидаясь отвѣта, испросилъ:

– Всѣ за нею бѣгаешь? Къ сердцу прилипла пуще всего прочаго?

– Да: средь насъ богиня, живая... Ира... по милости своей посѣтила сердце мое своею красой...

– Скверно, болѣе чѣмъ скверно. Брось, – сказалъ его знакомецъ, – дѣва какъ дѣва; и желанья – всёмъ извѣстныя – девьи. Да, дѣва дѣвой, а не диво. Ишь прилѣпился къ ней!

– А я говорю: диво, – сердито отвѣтствовалъ Малой. – Она одна такая, нѣтъ иныхъ, окромя нея.

– Эхъ угодно тебѣ... вѣдь уже чинъ чиномъ бытуешь, а всё бѣгаешь. Не поймешь васъ, критскихъ.

– Да нѣтъ мнѣ жизни безъ нея! Какъ ни служить ей, ежели она душу сперва опалила, а послѣ и зажгла! Ты словно дался диву – ужель не любилъ ты – да такъ, чтобъ жизнь вся горечью черною обернулася; а послѣ, послѣ горечи, вдругъ, ни

съ того ни съ сего – мѣдью всепронзающею – свѣтъ, да такой свѣтъ, какого, можетъ, и никто не видываль: какъ Солнце – она.

– Такъ – не любилъ.

– Значить, не любилъ ты вовсе, ибо любовь подлинная – всегда такова.

– Да нѣтъ же! Ты меня послухай: забудь её въ сердцѣ своемъ и умѣ.

– Пустое совѣтуешь: я тебя скорѣе забуду, оса тебя укуси, и, можетъ, скорѣе царя позабуду, чѣмъ Её. Её!

– Съ ума ты сошелъ? Помереть хочешь! Дѣвка вѣсь разумъ отбила тебѣ.

Малой жаль было кулаки, въ умѣ полетѣлъ уже было съ кулаками на стражника, а на дѣлѣ вдругъ дернулся, почувявъ сперва взглядъ Быка Красноярага, всегрозного царя, – не созади, или впереди, или сбоку, но – словно отовсюду; а послѣ – и страшное его дыханье, горячее, злое и мѣрное, словно бѣненіе сердца чудовищнаго исполина. И тихо добавилъ, глядя не на стражника, а куда-то внизъ: «И знаться теперь съ тобою не желаю!».

\* \* \*

Издали виднѣлся одиноко стоящій старый домъ съ двѣрю растворенной. Ира подошла къ нему (то былъ домъ знахарки, вѣдающей травы), увидала послѣднюю, бабу статную,



добрую, въ платьѣ до пола; та ей молвила:

– А, пришла! Тебя заждалась. Мазь тебѣ сотворила много-мощну, чудодѣйственну, по обычаю древнему; предолго для того священнодѣйствовала по завѣтамъ матерей.

– Ой, спасибо тебѣ, кормилица!

– За спасибо сытъ не будешь.

– Мати, принесла: пряности восточныя, какъ ты просила давеча. Дурачокъ мой привезъ. Вотъ и онѣ! – сказала Ира и передала знахаркѣ засаленную сумку – некритской работы – туго стянутую кверху, однако всё жъ источающую ароматы, на Критѣ извѣстные развѣ что во Дворцѣ. Лицо знахарки рѣзко выразило удивленіе, но, столь же рѣзко подавивъ его, она расплылась въ по-критски доброй улыбкѣ.

– Ты послухай, какъ сотворила её. Я пару дней тому назадъ раба отправила во поля во далекія – съ порученьемъ. Долго-долго траву-мураву осматриваль онъ, ища что надобно: скудно небо дождями нынче. Крины собралъ онъ рѣдкіе-прередкіе, бѣлые да синіе – мелкіе, видомъ пречистые, цвѣтуть недолго, но благоуханье источаютъ великое; да одинъ цвѣточекъ червлёный; звать его берегунъ-трава, растеть въ эту пору подъ деревцемъ однимъ лишъ (его еще упомянуть надобно); цвѣтъ – аки зорька румяная; ростомъ малъ, да пахнетъ какъ – словами не опишешь. Безъ берегунъ-травы мазь въ диво не претворится; а остальные крины ненадобны и даже вредны для сего. Повезло тебѣ, что цвѣлъ онъ въ сіи дни. Собрала я траву-мураву воедино; въ рукахъ вертѣла – ажъ

горяча стала; послѣ рѣзала; потомъ сушила; истолкла въ порошокъ и съ масломъ оливковымъ смѣшала; перо птицы черной добавила, въ пыль загодя обращенную. А въ окончаніе горсть землицы святой къ сему прибавила, смѣшавши всё воедино: землицы, по коей Самъ царь нашъ батюшка Имато ходитъ изволилъ съ годъ назадъ. А когда мазь варилась, творила я заклинанія. Такъ и мазь цѣлебна родилася: незримая, но многомогущая въ своей силѣ, потому – вѣрь мнѣ! – угаснетъ его нежеланье.

– Мати, экъ ты постаралася заради мя!

– Благодари, ежели вспоможеть въ дѣлѣ любовномъ, ежели боль изъ сердца изгонить.

– Кабы вышло-то! – Люблю Касату пуще жизни своей, пуще Солнышка святого.

– Коли любиши – мажь перси свои.

Ира, раздѣвшись, покрывала густымъ слоємъ нѣсколько блѣдныя свои перси; мазь хотя и источала густое, терпкое благоуханіе, цвѣточное, дурманящее, жгла плоть, но жгла её для плоти ея, а знахарка тѣмъ временемъ приговаривала: «Цвѣты, вы – начало всего, цѣль и смыслъ земли, лучистые, легкіе, благоуханные. Цвѣты, вы – начало всего, цѣль и смыслъ земли, бѣлые, чистые, нѣжные. Цвѣты, вы – начало всего, цѣль и смыслъ земли, живые, пышные, свѣжіе». Также она произносила и неудобъ-произносимыя заклятья.

– Всего надобно три раза помазать; какъ подсохнетъ – смой, а смывши – еще два разка обмажься – по обычаю по

старинному, – напутствовала знахарка.

– Благодарствую, Мати.

– Но ты не сердчай, ежели не поможетъ: ибо ворожишь сердце Самого – а не обычнаго мужа.

– Мирь дому сему.

И обернулася, выходя изъ дому, направо, отвѣсивъ два глубокихъ поклона (два критскихъ книксена *sui generis*), какъ то и подобало по древнимъ критскимъ обычаямъ – въ случаѣ глубокой благодарности и оказанія чести, если не высшей, то всё жъ немалой и сверхъ мѣры положенной для знахарки: ибо рѣчь шла о толикомъ дѣлѣ – о приворотѣ на любовь не простаго смертнаго, даже не мужа знатнаго, но Самого, высшаго слуги Отца всего, какъ порою называли критяне своего правителя.

Вѣковѣчный Критъ полонъ былъ жизни: отживая долгій свой вѣкъ. И былъ онъ искреннимъ въ своей страсти къ жизни (со всѣми ея радостями и бѣдами), сѣдой, словно самое Время. Но чрезъ сковавшую его суету проглядывало уже огромнымъ бѣлымъ глазомъ безвременье, что подпирало собою Критъ.

\* \* \*

Таковъ былъ незамысловатый народный срѣзь бытія тогдашняго Крита. Не измѣняли ему ни жизненность (и женственность) со всею ея то бурною, то сладостно-сладостраст-

но-умиротворенною многоликостью, ни незатѣйливостью и простота, доходящая порою то до варварски-примитивныхъ низинъ, діонисійскихъ по преимуществу, но безъ самого преимущества, то до пошлости (для чловѣка поздней культуры), то до заурядности, но не теряющая отъ того въ цѣнѣ (для большихъ любителей жизни); цѣльность, монолитность, спаянность минойскаго Крита являли себя; но то была не русскія цѣльность, монолитность, спаянность, чреватая часто, слишкомъ часто угловатостью, неловкостью, презрѣніемъ къ манерамъ, жесту, приличіямъ (словомъ: ко всему внѣшнему), но, скорѣе, испанскія: черно-красныя, гордыя, вспѣнныя, какъ вымя быка, борющагося съ тореро, огненно-чувственныя, багрянопылающія, но плоскія, лишеныя глубины и иныхъ измѣреній, о коихъ, однако, вѣдали на Руси. Съ Русью, однако, сближали: игра, борьба и порою соединеніе противоположностей – черта, свойственная только минойской и русской культурамъ: такъ, критяне при любви къ Природѣ всегда её неосознанно боялись; добро соединялось со зломъ, душевность – съ ксенофобіей, а благость и миролюбіе – съ жестокостью и агрессивностью. Цѣльность, далекая, впрочемъ, отъ синтеза, на коемъ и шване найдешь, и отъ безоблачной гармоніи (вопреки всѣмъ усиліямъ критянь выставить дѣло инако), однако, по-своему достигались на Критѣ замалчиваніемъ и табуированіемъ мрачной, діонисической, ночной, трагической стороны бытія не только въ критскомъ искусствѣ, прельщающемъ и очаровыва-

ваушемъ, – съ безпримѣрнымъ его динамизмомъ (великое «Πάντα ῥεῖ» читалось съ фресокъ и не только съ фресокъ), безуміемъ цвѣтовъ, шкваломъ и бурей красокъ, съ его женственностью, мажорною тональностью, вѣчной веселостью, беззаботностью, эйфоріей, носящей часто, слишкомъ часто экстагическій характеръ, съ мѣрною его волнообразностью, волнообразно-спиралевидной лавиною движенія, любовью къ динамикѣ и страхомъ предъ статикою, – но и въ критскомъ бытіи. – Словомъ, на Критѣ подражаніемъ Природѣ, природностью и ея прославленіемъ зачиналась цѣльность и преодолевалась раздвоенность, но лишь съ одной стороны и лишь отчасти; въ то время какъ на Руси отношеніе къ Природѣ было дисгармонически-двоимъ, гдѣ противоположности не примирялись, не сливались воедино, но являли себя несліянно и враждебно, конфликтуя: коса находила на камень; Природа мыслилась и какъ богъ, и какъ дьяволь, единовременно и какъ добро, и какъ зло: не въ этомъ ли корень русскихъ глубинъ? Такъ, напримѣръ, личности, подобныя Ивану Грозному, столь разрывающіеся въ своей – искренней – двоякости, на Критѣ были попросту невозможны – ни среди правителей, ни среди всѣхъ прочихъ сословій. Тому причиною была раздвоенность не только исторической судьбы Руси и сердца ея, не только попытка искоренить – христіанствомъ – язычество, но уже и раздвоенность самого историческаго христіанства, въ коемъ – дисгармонически – уживались космическое и акосмическое, старые мѣхи и мѣхи

новые, ветхозавѣтное и новозавѣтное, законническое и вселенское.

Критская же цѣльность немалою цѣною достигалась, ибо не только и не столько требовала она великаго напряженія всѣхъ силъ: рождалась она одною перевернутостью души, одною вивисекціей и духовною кастраціей мужского бытія, активнаго и творческаго начала, однимъ раствореніемъ Личности (Я) въ коллективъ (Мы). Цѣльность та была на дѣлѣ хожденіемъ по канату: надъ бездною; или же: смертельно-опаснымъ полетомъ надъ быкомъ: таврокатапсіей, – словомъ, равновѣсіемъ прехрупкимъ.

Высотѣ критскаго искусства и критскаго бытія въ его цѣломъ, однако, способствовали: мирный характеръ Крита, удаленность его не только отъ земель бурныхъ и мятежащихъ, но и отъ культуръ прочихъ, ширь, богатство и размахъ самого острова, наконецъ, нравы самой критской знати. Здѣсь всё было ажурно, изящно вплоть до изнѣженности, блаженно-легко-паряще, преходяще, волнообразно: ничего отъ восточной тяжеловѣсной монолитности и монументальности, неподвижно-застывшей и давящей. Критское искусство, искусство не греческое и не антигреческое, но догреческое и благодаря тому внегреческое, если и азіатское, то азіатское на свой ладъ, протоевропейское, праэлиинское, материнское *par excellence*, позднѣе влившееся, однако, въ греческое и ставшее материнской частью его, есть пареніе въ мірѣ милостью міра, искусство русское – пареніе надъ міро-

мъ милостью надмирнаго: критское обожествляетъ преходящее, долнее, въ преходящемъ видящее непреходящее, русское же обожествляетъ непреходящее, горнее.

И всё жь первооснова, ядро минойскаго бытія, которое красною нитью пройдетъ черезъ вѣсь европейскій духъ вплоть до вѣка сего, – преклоненіе предъ женщиною, явленное: сперва матриархатомъ – въ минойскомъ Критѣ, равноправіемъ – въ классической Греціи, культомъ прекрасной дамы – въ Средніе вѣка, феминизмомъ, доходящимъ до матриархата, – нынѣ: матриархата, коимъ всё зачиналось и, заченшись, началось. И коимъ всё оканчивается.

\* \* \*

Довольная, предвкушающая успѣхъ, заглушившій бы ноющую ея ненасытимостъ, извѣчную ея спутницу, которой всего всегда мало и всегда хочется большаго (да такъ – что о счастіи говорить не приходится), рожденную дерзосердіемъ, которое, въ свою очередь, рождено плотяностью, ибо плотяность всегда рождаетъ дерзосердіе, дерзновеніе недолжное, или же – смиряетъ, ввергая во прахъ душу, и самая душа тогда – прахъ; а причастность духу, напротивъ, рождаетъ дерзновеніе, – Ира отправилась къ морю; сливалась она воедино: съ природою, – пія изъ переполненной чаши ея; хмельла – словно только появившаяся на свѣтъ Ева, впервые созерцающая райскія кущи; роскошь красокъ туманила взоръ

Иры; безмолвіе природы оглушало подобно молоту; овѣвали еѣ вѣтры морскіе, нѣжные и юные – словно въ первый день творенія, – развѣвая ея волосы, золотящіеся Солнцемъ, южнымъ и ненасытимымъ, и одаривая свѣжестью и прохладою, желанной и алкаемой; ощущала себя: если и не Великою Матерью, то всё жъ ея родственницею. Долго и надменно-гордо взирала Ира на уходившее за окомъ безбрежное немолчно-шумящее море, лазурное, тихое, мѣрное: дыша весною. Природа пребывала въ радованіи и ликованіи, славя создавшаго: всякой отъ мала до велика распростертой по бытію тварью. Что за день! Не день, а праздникъ!

Вдругъ Ира замерла, и глаза ея расширились. Долго вглядывалась вдаль дѣва. Виднѣлось: разсѣченье глади морской. Се – чудо: быкъ, блистающій златомъ, паче Солнца ярчайшій, бѣшенный въ силѣ своей; съ рогами, подобными опрокинутому на спину мѣсяцу; съ очами, кровью налитыми. А на нёмъ – нѣкая дѣва, крѣпко державшаяся за мѣсяць-рога. Двигались они съ обтеченіемъ несказаннымъ: словно дельфинъ разсѣкалъ быкъ морскую твердь, еѣ рѣжа на двѣ неравныя части. Щурилась Ира, созерцая дотолѣ невиданное. Играли дельфины на морѣ, віясь близъ быка и дѣвы. Дѣва та, что была близъ быка, уже сознавала, и сомнѣній въ ней не было: то не простой быкъ, но богъ-въ-видѣ-быка; страхъ уступалъ мѣсто почтенію и томленію сладкому: всё менѣе жалѣла о похищеніи, всё болѣе забывала о родныхъ земляхъ, о лугахъ разнотравныхъ, о подругахъ, о томъ, какъ



рѣзвились онѣ на берегу, собирая цвѣты и кружась хоровадомъ; съ успокоеніемъ прижалась она къ многомошной его выѣ; онѣ повернулъ къ ней свою голову; въ очахъ его не было ни безумья, ни ярости нынѣ – была его то уловка; странно, но вовсе не страшно было видѣть мудрость въ глазахъ быка, сладость наполняла сердце ея. Приближалась къ берегу чета; твари морскія поотстали, не въ силахъ стязаться съ мощью божественнаго быка. «Какъ нарицають прелестный сей островъ, иль то не островъ? Но ежели не островъ, то берегъ сей не египетскій берегъ: онѣ иной – пологій, безгорный, съ камышами и тутъ, и тамъ!» – думалось дѣвѣ. Дѣва вспоминала недавній свой сонъ; если ранѣ казался онѣ вѣщимъ, то нынче сталъ таковымъ: во снѣ нѣкогда Азія, родина ея, земли родныя, явленныя въ видѣ жены, стязалась съ иною, что собою являла земли къ западу; обѣ боролись за нее, за дѣву-Европу, пока не одолѣла та, безымянная, вторая; мрачнымъ казался, бѣдственнымъ, тотъ сонъ; нынѣ казался онѣ благовѣстіемъ, судьбою златоносною, лазурью... На лазурь небесъ, сливавшуюся съ лазурью морскою, глядѣла дѣва; благостнымъ было лицо ея, и радовалось сердце ея: вдыхала дѣва весну.

Пристала къ берегу и выбралась на сушу чета. Дѣва оглядѣлась, на мигъ отвернувшись отъ звѣря, словно опасаясь его брызгъ: звѣрь отряхивался отъ влаги морской. Былъ быкъ – и нѣтъ быка. Юноша, сердцамъ всѣхъ дѣвъ милый, простиралъ руцѣ къ Солнцу, широкоплечій, безбрадый, бла-

гоуханіе неземное источающій. Дѣва словно сама – но потерявъ себя – подошла къ нему, бросилась въ могучія его объятія, зыблема страстью, необорной, всеильной. Юношей теперь явилъ себя быкъ, какъ подобало то случаю. Вскорѣ возлегли подъ тѣни платана, сопрягшись. Быкъ златорогій, губитель непорочности девъей, ненасытный во страсти, претворялъ её: изъ дѣвы въ жену. Кровь обяграла окрестный песокъ. Истаивала дѣвственность дѣвы: въ огняхъ лучезарныхъ: въ лабиринтахъ страстей. Подъ тѣнью платана сочетались любовью неспѣшно, пылая оба любовью... И зачинали тройню, плодъ любви бога и смертной, впоследствии столь богатую славой, что никто, чья нога ни ступала по Криту, не могъ и не можетъ соперничать въ ея обилии съ тройней, тогда зачинавшейся.

Ира глядѣла съ завистью, неотрывно взирая на платанову тѣнь, пронзаемую свѣтомъ юнаго мужа-быка; два ея пальца – внимая покою, тиши, внимая зову сердечному – сложились воедино и потянулись къ лону невольню... Губы ея не то причмокивали, не то двигались, словно она нѣчто жевала; на лицѣ ея былъ восторгъ, но всё же зависть, ничѣмъ не прикрытая зависть просачивалась обликомъ ея. Глаза ея порою закатывались. – Таково было экстатическое ея самоуслажденіе. Навѣрное, спроси ее объ ея имени – и его бы не вспомнила въ толикій часъ. – Скакала похоть ея молодцомъ, приговаривая, маня и похваляясь да подмигивая.

Богъ, жадный до власти и до плоти женской, могущій себя

претворить не только въ быка, но и въ дождь золотой, и въ громы и молніи, и въ лебедя, и въ змія – дабы добиться алкаемаго, – ввечеру разставался съ нею. Ей подарилъ онъ пса Лайлапа, отъ котораго никто и ничто не можетъ скрыться, убѣжать, избѣгнувъ страшной его пасти, меднорожденнаго (имъ одарить она прелюбимаго сына), а Криту – преогучаго Талоса, великана изъ бронзы, защитника и стража Крита, трижды въ день – день ото дня – облетаващаго вѣсь островъ и, случись ему увидать враговъ, забрасывавшаго ихъ камнями. Долго еще будетъ гигантъ сторожить островъ, пока не погибнетъ – вѣками позднѣе – не отъ козней Медеи-волшебницы (какъ то разумѣло преданіе), но отъ рукъ Дедала, нѣкого критскаго Гефеста, по порученію Криторожденнаго и создавшаго Талоса, Дедала, единственно вѣдавшаго тайну его, Ахиллесову его пята: за бунтъ противу создателя былъ наказанъ гигантъ, словно іудейскій Голѣмъ; сіе отразилося въ искаженномъ преданіи, согласно которому нѣкій какъ будто иной Талось – уже не бронзовый гигантъ, твореніе Дедала, но его-де племянникъ, создатель пилы («пила» уже была въ природѣ и до него: въ зміиной челюсти), гончарнаго круга и циркуля – былъ сброшенъ Дедаломъ не то съ вершины Акрополя, не то съ крыши дома простого и неминуемо погибъ бы, если бъ не былъ въ самый послѣдній мигъ спасенъ Аѳиною, превратившей его – по Діодору – не то въ змію, рожденную ползати – не летати, не то въ куропатку – птицу, наиболѣе прикованную къ землѣ. Въ искаженномъ семъ преданіи вѣр-

но лишь то, что Талось былъ низвергнуть своимъ же создателемъ, Гефестомъ-Дедаломъ, богомъ, а отнюдь не смертнымъ, – за своеволие нѣкое и за нѣкій бунтъ: противу Криторожденнаго. Судьба Лайлапа печальна не менѣе: отъ прелюбимаго сына той дѣвы перешель онъ Прокридъ, супругъ Кефала-охотника, одолжившаго пса Амфитріону: для ловли и поимки тевмесской лисицы, что разоряла окрестности Эивъ и пожирала младенцевъ, лисицу, которую никто и ничто не можетъ догнать. Погоня пса – отъ котораго никто и ничто не можетъ скрыться – за лисицею – которую никто и ничто не можетъ догнать – стала безконечной, спиралевидной, самозамкнутой, словно предваряя извѣстную апорію Зенона: безконечную погоню Ахиллеса за черепахою. Несмотря на нелюбовь – не только минойцевъ и позднѣе грековъ, но и ихъ божествъ – къ линейности, предпочтеніе спирали, меандра, орнамента, лабиринта, безконечнаго конечному – верховною волей Верховнаго, Криторожденнаго, и лисица, и песь были обращены: въ камень. Такъ конецъ былъ положенъ игрѣ, долженствовавшей быть безконечной: словно извивы меандра иль блужданье мнимобезцельное: въ Лабиринтъ, которое до тѣхъ поръ безконечно, пока не встрѣтишь быка, сына Верховнаго.

Дщерь Агенорова, финикійская царевна, прекраснѣйшая, красой далекопревосходящая всѣхъ прочихъ, звѣзда межъ дѣвъ, узрѣла во снѣ судьбу свою. Предолго и тщетно по повелѣнью старца-отца искали её ея братья: Фениксъ, Кили-

къ, Фасось, Кадмъ. Осталась, судьбою отъ нихъ прячемая, на Критѣ.

Та финикійская дѣва, съ быкомъ-женолюбцемъ сопрягшаяся, послѣ взята была въ жены Астеріемъ, критскимъ царемъ, бездѣтнымъ, но безропотно усыновившимъ тройню божественную.

Зачиналась Европа на Критѣ: Европою-дѣвою.

Быкомъ красноярымъ явилъ себя на Критѣ рожденный богъ.

## **Глава 2. Общенародное празднество, или о людяхъ вящихъ**

*Тамъ, на медвяно-злачныхъ пажитяхъ, у  
ледяно-струйныхъ водъ,  
паслись быки, неукротимо-дикіе, тяжело-  
тучные, широколбистые,  
огромнорогатые, чудовищно-прекрасные,  
первенцы творенія,  
сыны Земли Матери богоподобные.*  
*Мережковскій*

Въ одной изъ заль дворца, темно-красныхъ тоновъ (ихъ было столь много, что не грѣхъ было заблудиться, ибо чѣмъ, если не Лабиринтомъ представляли онѣ для всякаго входящаго въ чертогъ?), – между залами людей высшихъ (то былъ царь Имато, властитель *par excellence*, исконно – какъ и лю-

бой иной критскій царь – нарицаемый Сынъ Земли, и ближайшіе его царедворцы, среди коихъ состоялъ и Касато, вѣрнѣйшій и первѣйшій изъ слугъ государевыхъ, по чину своему нарицаемый «Наливатель высшихъ питій», микенскій грекъ, стрѣлю – милостью иныхъ личныхъ своихъ качествъ – съ самыхъ низшихъ чиновъ за весьма недолгое время дослужившійся до чиновъ наивысшихъ) и людей низшихъ (то были рабы и рабствующіе свободные, претворявшіеся въ рабовъ – за невеликую мзду на невеликій срокъ) – сидѣлъ писецъ. Если можно было бы обратить вниманіе на то, чѣмъ онъ занимался, то мы увидали бы глиняную табличку, только недавно обливанную, еще полувлажную – въ самый разъ, чтобы на ней писать и еще успѣть исправить возможную ошибку. Вдругъ писецъ вздрогнулъ и уронилъ табличку: та разбилась – несмотря на полувлажность – полувдребезги о – если не мраморный (какъ въ залѣ Имато), то всё же каменный – полъ. Иной писецъ (на дѣлѣ ихъ было двое) посмотрѣлъ на разбившаго съ презрѣньемъ: вотъ уже третья табличка – пусть и не къ ряду, но за одинъ день – потеряна; немного ихъ осталось въ камышовой корзинѣ, гдѣ онѣ хранились, готовые къ письму. Онъ въ отличіе отъ перваго писца не возился съ табличками, а держалъ въ рукѣ одну изъ печатей кносскаго дворца – со столь богатыми и подробно и искусно вырисованными сюжетами критской жизни, что, кажется, взгляни на нихъ – и поймешь Критъ, даже не бывавъ тамъ: бросится Критъ въ сердце. Онъ вскрикнулъ – и вскрикнулъ съ грубостью, вовсе

не духъ того времени и не въ духъ нравовъ дворца:

– Крыса дворцовая! Я для чего тебя возвысилъ, песья ты душа. Ишь, съ глиной не справляется – на шкуръ ввѣкъ писать не будешь: не довѣрю.

– Помилуй, отче! – отвѣтилъ писецъ помоложе, а про себя подумаль: «Экій грубіянь, такого грубіяна и среди брада-тыхъ рѣдко сыщешь – не то, что среди чиновниковъ, тѣмъ паче средь знатныхъ. Экъ повезло мнѣ съ эдакимъ соработничкомъ!».

– Удалю отъ службы, ежели... Какъ, бишь, тебя? Запamятавалъ, – громогласно испросилъ его тотъ, что постарше. – Пишущій ты скоть, живѣе, живѣе, говорю, неси табличку! Но гляди у меня: еще разъ разобьешь... Ладно: Конелюбъ-то сегодня не въ духъ.

– Кто? – и тутъ носъ болѣе молодого удлинился.

– Какъ кто? Тѣфу на тебя! Ты, Малой, не слыхалъ дворцовой шутки недавней? Имато Благобыкій! – оглядываясь ска-залъ тотъ, что съ презрѣньемъ посмотрѣлъ на писца – чего съ дурака взять – не выдастъ.

– Править всей державой – дѣло тяжкое, трудъ великій; не то что нашъ: мы люди маленькіе, потому и трудъ нашъ маленькій. Оттого и не въ духъ. Всѣ же нѣсколько непочти-тельно звать Его «Конелюбомъ».

– Свои люди: имѣемъ право звать Самого – "Конелюбо-мъ": за глаза, мы вѣдь не безумцы. Скажешь такъ – и легче на душѣ. Не вѣдаю отчего, но легче.

– Черни свойственно бранить господь: когда господа не слышать, – отвѣтила Малой.

– Мы не обычная чернь: мы люди дворцовые. Народь – дуракъ. Мы – змѣи, а народь – голубь. А ты тѣломъ – змѣя, а главою – голубь. Ты, Малой, сколько не работаешь писцомъ у насъ, умнѣе не становишься и обычаевъ не перенимаешь. Я для чего тебѣ помогаю, песья ты душа. Чинопочитаніе – добродѣтель вѣрнѣйшая: помни о семъ.

– Ужели считаешь себя болѣе правымъ?

– Разумѣется, – съ достоинствомъ челоуѣка дворцоваго отвѣтствовала писецъ.

– А я почитаю себя болѣе правымъ. И вотъ отчего... Во-первыхъ... – сказала Малой, опустивъ по своему обыкно-венію глаза долу.

– Никому нѣтъ дѣла до того, болѣе ты правъ или менѣе. Запомни: во Дворцѣ любой изъ челяди могъ быть хоть бы и трижды правъ и честенъ, но ежели Имато и Касато (да живутъ они вѣчно!) считаютъ инако, нѣкій кто-то трижды неправъ и нечестенъ, и плохи дѣла его. Называй его "Конелюбомъ" – да хоть "Конекрадомъ", но ежели онъ близъ насъ, то всё свершается по желаньямъ его; если ты мужъ, а онъ говоритъ, что дѣва, то ты дѣва, а не мужъ! Или же: буде ты дурень или глупъ, а онъ разумѣетъ инако, то ты не дурень и не глупъ! Слово его, взглядъ, даже самое чувство – всеверховны! Вотъ и тебя, Малой, господа давно взяли, письму обучили, чтобы высшіе указы записывать, письма таинствен-



ны созидаю, чести удостоенъ высочайшей, – а всё какъ былъ простой, такъ и остался, словно неученый. Да... дѣло: умень да невоспитанъ и, быть можетъ, зло какое таишь въ сердцѣ, хотя и впрямь ревностно служишь на пользу отчизны. Ревностно, да безтолково!

– Помилуй, отче! – не поднимая глазъ, сказалъ Малой.

– Тогда пиши на табличкѣ о военномъ шествіи въ честь египтянъ, лучшихъ изъ всѣхъ иноземцевъ: «О наши египетскіе друзья, высочайшіе, по вашему высочайшему изволенію...».

Вдругъ услышали люди дворцовые шаги; открылася дверь: Онъ пришелъ! Онъ – Самъ. Предъ ними стоялъ Касато, подлинный слуга подлиннаго царя. Писцы окаменѣли предъ нимъ, не могучи вымолвить и слова и вытянувшись въ струнку, какъ было свойственно восточнымъ рабамъ любыхъ эпохъ; очи долу опустилися, сердца бились, бились... Проглошло мгновенье – и пали они ницъ – даже и не желая добиться благой воли вящаго человѣка, а попросту въ силу того, что такъ испоконъ вѣковъ было принято, дѣлая это съ совѣстью чистою, не унижаясь, ибо можетъ ли униженный по рожденію и по сердцу, унизиться? – Паденіе ницъ было традиціей (а всякая традиція для Востока – священна; и чѣмъ древнѣе она – тѣмъ священнѣе) и частью того, что слѣдуетъ назвать восточнымъ благоразуміемъ.

– Царь желаетъ не охотиться, но бриться повторно: приготовьте ему ванну, какъ положено. Соблаговолите со-

дѣлать! – съ полагавшимися придворнымъ этикетомъ легко-  
стью и улыбкою сказалъ Касато всѣмъ слугамъ, указуя ку-  
да-то перстомъ, и величественно-неспѣшно добавилъ, рас-  
тягивая гласныя: – Сынъ Земли желаетъ...

Но слуги уже убѣжали.

Малому подумалось: «Не чертогъ – острогъ! Дворцовые  
страдаютъ сами и иныхъ принуждаютъ страдать; подчиняют-  
ся и подчиняютъ; чувствуютъ вину и винятъ другихъ. Они  
– о Матерь! – нѣшто они люди Лжи, или я помѣшался, но  
сколь же мерзки слова ихъ, и не смраднымъ ли огнемъ пыла-  
етъ нелепое ихъ бытіе? Какъ же богини могли сіе допустить,  
чтобъ такіе люди правили: въ наказаніе ли они намъ постав-  
лены? Или... Но того быть не можетъ: не вѣрю. Какъ я по-  
смѣлъ подумать такое? Я? Я лишь ради Иры здѣсь».

\* \* \*

Каменная ванна – новшество критское – не бани: была  
она для Одного (а не для нѣсколькихъ). Именно въ ней (ли-  
бо же непосредственно послѣ нея) Имато предпочиталъ со-  
вершать омовенія, приговаривая по стариннымъ обычаямъ  
«Алчу возродиться, о Мати, въ пречистомъ чревѣ твоемъ»,  
послѣ быть натираемымъ елеемъ и бриться (вѣрнѣе: быть  
бреемымъ). Брился онъ всегда по утрамъ: во-первыхъ, бод-  
рило; во-вторыхъ, въ высшихъ кругахъ Крита издавна счи-  
талось: какъ утромъ побреешься, такъ и день проведешь; въ-

третьихъ, ароматы елея (каждый божій день – разные: дабы не наскучило) – пьянили, дурманя мозги, дабы сверхчувственное въ полной мѣрѣ отступило, а чувственное, напротивъ, правило бы балъ. Были приготовлены: бритвы мѣдныя, острѣйшія, разрѣзающія пухъ, несомый аэромъ; отполированные до блеску мѣдныя пластинки, служившія зеркаломъ; бальзамы; мыло; елей, который коли почувешь разъ – уже не забудешь: будешь охваченъ дурманами критскими, добрыми, низвергнешься куда-то, въ тепло-глухо-нѣмое: въ духъ или душу критскихъ луговъ. Ежедневно около двухъ часовъ проводилъ Имато въ сей ваннѣ; считалось: священнодѣйствовалъ онъ тогда. Но по случаю празднествъ, царь возжелалъ принять ванну повторно – ближе къ вечеру.

Какъ только Касато увидалъ Имато, первый вытянулся въ струнку предъ вторымъ.

Риза изъ шерсти бѣлоснѣжной, съ узорами и орнаментомъ, обрамляла станъ Имато. Поверхъ нея – несмотря на пекло за Дворцомъ, внутри Дворца царила прохлада благородная, создаваемая каменностью чертога и критскимъ новшествомъ – тѣмъ, что мы называли бы «вентиляціей», – было небрежно накинуто то, что позднѣе греки называли хламидою, но тоновъ багряныхъ (и въ самомъ дѣлѣ походившее на много болѣе позднія греческія хламиды), обычно скрѣпляемое застежкой изъ цѣльнаго золота, когда Имато случилось вставать съ трона, – и тогда купалось оно въ лучахъ солнечныхъ, сверкая: во всѣхъ отношеньяхъ; нынѣ же застеж-

ка, усѣянная каменьями драгоцѣнными, лежала возлѣ трона, небрежно брошенная царемъ; кипарисовый тронъ былъ украшенъ бычьими головами изъ слоновой кости, а четыре ножки его напоминали ноги коней. Въ руцехъ держалъ онъ по обыкновенію царскія регалии – обоюдоострый Лабрисъ, отображающій собою мѣрные смѣны лунъ, и кубокъ съ мастерски изображенными на нихъ лиліями, образующими собою знакъ безконечности, свиваясь, и крестомъ; но, какъ и застежка, были онѣ на полу залы, брошенные рукою неспѣшно-лѣнивою и пресыщенною. Имато не носилъ колець: они стѣсняли руки. Всѣ было великолѣпіемъ воплощеннымъ, и, случись кому узрѣть сіе впервые, удивленье несказанное, переходящее въ изступленье, сковало бы его. Царь глядѣлъ въ полъ обширной залы, умощенный многоразличными благовоніями: на полу красовалася мраморная мозаика, изображавшая религіозные мотивы критской религіи: быка, змѣй и дѣвъ, формъ манящихъ, кружащихся возлѣ животныхъ священныхъ; поодаль виднѣлся кипарисъ; ей вторили бросающіяся въ душу фрески на стѣнахъ, прорастающія всей роскошью критскихъ луговъ и также являющія себя еще большими богатствомъ морскихъ нѣдръ, фрески, съ которыхъ вотъ-вотъ гляди и повѣтъ прохладою луговъ и ароматами морей; виднѣлись и спиралевидные орнаменты, напоминающіе то ли змѣй, то ли побѣги выющихся растеній, то ли гадовъ морскихъ, но символизирующіе никого не щадящее, непобѣдимое время (ибо всё тварное подлежитъ Времени, оно – подлѣ

престола Времени), всепожирющее и всепронизывающее, вѣчно-исчезающее и вѣчно-возвращающееся, неумолимое и необратимое въ стремительномъ своемъ полетѣ, вѣчно-становящееся, вѣчно-сгорающее и вѣчно-рождающее: себя пожирающаго змѣя, сторожевого пса творца, песочные часы Вѣчности, струящее себя изъ Вѣчности, бѣлой, но рождающее лишь брэнное – не нетлѣнное, ибо оно есть отрыжка Вѣчности, и ея кровотеченіе, и неудачная мелодія бытія.

О Время, сколько унесло ты въ бездны свои пустыя, черныя, въ своихъ же черныхъ метаморфозахъ?

сколько сожгло въ перстахъ своихъ?

сколько обратило во прахъ сѣдой?

сколько перемололо Судебъ горькихъ?

сколько выпило жизнью пурпурныхъ?

Боишься ты самого себя, поскольку аки тать воруюешь всё сущее, и совѣсть твоя нечиста.

... спиралевидные орнаменты, символизирующіе собою не только Время, но и связанное съ нимъ нескончаемое чередованіе: весны и зимы, рожденія и смерти, свѣта и тьмы, ночи и дня, добра и зла, ежегоднаго умиранія природы и ея же ежегоднаго воскресанія, – важнѣйшіе элементы критскаго искусства. И было чередованіе сіе безконечнымъ циклизмомъ, вѣчною круговертью. И была та бѣгущая – словно волна морская – спираль: сущностью – почитавшейся священной – дольняго міра. Её символизировала и стоявшая въ углу залы ваза съ изображеніемъ осьминога, словно готова-

го наброситься на смотрящего и опутать его бесконечными, спиралевидными щупальцами. – Критское искусство, хаотическое, иррациональное, стихийное, внеисторическое, исполненное динамизма, подвижное, было прекрасным в своей жизненности, плѣняющим и чарующим. Хаосъ жизни рождалъ здѣсь гармонію своего рода. Дыханіе жизни ощущалось въ искусствѣ ихъ. Въ сердцѣ художниковъ билась природа, циклическая, самозамкнутая, себя рождающая безпрестанно и себя пожирающая, растворенная въ вѣчномъ Сейчасъ, не вѣдающая ни прошедшаго, ни грядущаго. Они (и искусство ихъ, и его творцы) и сами были частью природы.

И дабы царю не наскучивать одинъ и тотъ же сюжетъ, мозаику и фрески мѣняли нѣсколько разъ въ годъ; по той же причинѣ мѣняли и залы мѣстопробыванія царя: было ихъ столько, что человѣку, не привыкшему къ чертогу, было проще заблудиться, чѣмъ попасть, куда онъ собирался: Лабиринтомъ оказывался дворецъ кносскій. Съ потолка нисходили свѣтильники, озарявшіе – если на то была воля Имата – теми ночныя и всегда, деннонощно, наполнявшія залу ароматами дурманящими, пьянящими мозгъ, развѣвающими мысли царя, приводя его въ состояніе, считавшееся священнымъ: считалось въ тѣ дни: когда мысли улечиваются и пробуждаются чувства – заступаетъ божественное.

Вдругъ великолѣпіе было разорвано: звукомъ незнакомымъ: чашка восточной работы, стеклянная (о чудо!), поставленная въ мѣсто непригодное для того – возлѣ ногъ цар-

скихъ, гладко выбритыхъ утромъ въ ваннѣ, — и стоившая цѣлое состояніе, разбилаcя вдребезги.

— Къ бѣдѣ, — изрекъ Имато.

— Къ счастью, о царь дражайшій, къ счастью! — нашелся что отвѣтить Касато. — О Всемиловитѣйшій, не сочти за оскорбленіе божественнаго твоего достоинства и за дерзость нечестиву не сочти, но — думно мнѣ: надобно намъ, минуя иные наши обычаи, совѣщаться и дѣйствовать въ сей, толь славный часъ, сообща.

— Да, время небывало горькое: горчайшее: волнуясь предъ празднествомъ. Идемъ же въ бани.

— Я желалъ сказать: въ толь горькій часъ, о владыко. Но дозвожь добавить къ сказанному: о Благобыкій! Намъ ненадобны лишніе уши. Дозвожь бесѣдовать намъ въ ванной залѣ, ибо есть слово къ тебѣ.

— Добро, о высочайшій изъ слугъ моихъ. Возьмемъ дѣвъ и слугъ да шута. Ибо рѣчи твои сладки, аки медъ.

— О Высочайшій, дѣло толь важное предстоить намъ, что твоему достоинству лишь помѣхою будутъ служить постороннія уши.

\* \* \*

Празднества сіи — черно-красное священнодѣйствіе — исконно критскія, и восходятъ они къ древности столь глубокой, что ни на Критѣ, ни въ земляхъ иныхъ никто и не пом-

ниль, когда они начались: они коренятся въ бездонномъ колодцѣ прошлаго. Но критянамъ было извѣстно доподлинно, что это ихъ, критянь, празднество, что не было оно привнесено на Критъ извнѣ. Какъ отголосокъ столь древнихъ временъ Старой Европы, временъ доиндоевропейскихъ, когда культа коня либо не было вовсе, либо онъ только заступаль, — еще живъ онъ и въ наши времена: въ Испаніи; коррида — имя ему. Но коррида есть видъ тавромахіи, боя съ быкомъ, на Критѣ же быкъ былъ чтимъ, и въ играхъ съ быкомъ — быкъ священный почитался: быками обычными. Явленіе сіе словно зачинало и два много болѣе позднія греческія явленія: и агонь, и трагедію.

Красноярый быкъ, отмѣченный напечатлѣніемъ креста-свастики, глядитъ исподлобья, презлой, ревущей угрожающе порою, мѣрно побиваетъ землю копытомъ — словно сопка, спускающая порою паръ, — дышитъ часто, быстро, но мѣрно вырывается паръ изъ ноздрей, то сжимающихся, то расширяющихся: силушки много, слишкомъ много, чтобы быть спокойнымъ. — Вскипали страсти въ немъ. Вскипали онъ и въ толпѣ.

Созерцаніе знаменитой таврокатапсіи, священныхъ прыжковъ черезъ быка, религіозныхъ игръ съ быкомъ, являющихся частью культа быка, наполняетъ душу страстью: роскошью; вовсе не страданіемъ и не состраданіемъ, не жалостью: ревомъ страсти и остротою предѣльной. Окрыляетъ древняго человѣка, одаривая восторгомъ несказаннымъ.



Околдовывающій пиръ души. Но коли взлетишь высоко, подобясь Икару, – погибнешь. Лишь для наиболѣе слабыхъ и нездорово-впечатлительныхъ да для неудачливыхъ тавромаховъ быкъ празднествъ сихъ представалъ: мѣднымъ быкомъ, въ коемъ медленно жарились несчастные жертвы.

Пришелъ, пришелъ – онъ, тонкій, худой, жилистый, смѣлый до безумія, безоружный, полагающійся только на свои безпримѣрныя ловкость, силу, проворность. Тавромахъ, бывший если не богомъ-во-плоти, то избранникомъ боговъ, и потому пользовавшійся почтеніемъ немалымъ. Игрокъ съ судьбою и смертью, въ прыжкѣ надъ быкомъ растягивающійся между бытіемъ и небытіемъ; вылетая изъ бытія, находясь между жизнью и смертью, въ пограничныхъ областяхъ, приземлялся онъ: либо въ жизнь, либо въ смерть. Но ежели и погибнетъ тавромахъ, то смерть сія – самая достойная, самая – для многихъ – желанная, самая благородная, ибо самая богоугодная, жертвенная, благочестивая.

Толпа – ставшая Мы въ мѣрѣ наивысочайшей, претворившаяся въ единое многоликое существо – въ изступленіи кричитъ его прозвище (или имя, потому что его иначе какъ «Хроменькій» не перевести, а хромымъ не назвалъ бы его и слѣпецъ), ритмично-мѣрно повторяетъ его, входя въ трансъ. Согласный ревъ толпы потрясаетъ аэръ. Аэръ раскаленъ: Свѣтиломъ и страстью, лезвіемъ повисшею въ аэрахъ. И таетъ свѣтъ. Черно-красное множится, нисходитъ на сердца изъ глубинъ Матери-Земли – лишь залитый солнцемъ то-

реадоръ спокоень, но въ спокойствіи своемъ не мѣрень; но мѣрны и толпа, и быкъ, текущій ревомъ въ душу народную, её священно-тревожа. Священное безпокойство царствуетъ въ священные тѣ миги, щемить оно сердца, бьющіеся всё чаще и чаще, всё болѣе и болѣе въ унисонъ: словно сердца всѣхъ собравшихся слилися въ одно безмѣрно-огромное сердце, бьющееся казалось бы аритмически, но на дѣлѣ лишь всё чаще, всё быстрѣе и быстрѣе: за то и любили священную тавромахию. И тряслася земля – не то отъ топота бычьего, не то отъ неровнаго стучанья сердца сего.

Взлетаетъ игрокъ съ судьбою, безстрашный, смѣющійся, взирающій въ ликъ: не быка, но Смерти; обликъ его обличаетъ силу; жизнь его – подброшенная къ небесамъ монета, тетива, готовая либо лопнуть, либо разрѣшиться пернатой, пущенной въ цѣль; бытіе его – словно мигъ. Быкъ скачетъ. Наступаетъ: рогами выпяченными. Стѣна страсти между ними сужается. Стремительны, словно мигъ, и движенья. Точка. Чаша вѣсовъ ужъ не колышема: застыла; не подрагиваетъ: замерла. Стонъ толпы: перелетѣль – не задѣль плотью своей роговъ, изъ коихъ одинъ рогъ словно – Сцилла, другой – Харибда, проскользилъ надъ Смертью. Бычья плоть позади. Быкъ фыркаетъ, глазами огни мечетъ. Сладкое содроганіе молніино пробѣжало по толпѣ – не только какъ исходъ и результатъ, но и какъ цѣль дѣйства сего. Смерть щадить того, кто глядитъ на нее смѣясь, а Судьба – того, кто тщится быть вопреки, ставя на конъ бытіе свое, когда играютъ не съ

судьбою, но играютъ: судьбою.

Быковъ – жертвъ Матери – предали закланію, но предъ тѣмъ оскопили. Серпомъ срѣзаны были чресла бычьи да срамные ихъ уды, и кровь обагрила мать-землю: отсѣченными чреслами бычьими и удами ихъ, приносимыми Матери, ежегодно возрождалась, поддерживалась и освящалась жизнь, зимою погибающая, весною воскресающая, точно Діонись, – подобно тому, какъ изъ чреслъ Урана нѣкогда родилась Афродита, гордо возставала природа: навстрѣчу Солнцу.

Но не только священную роль имѣла таврокатапсія, но также и вполнѣ земную: роль *panem et circenses*. Народу казалось, что онъ возвеселился – въ Вѣчность; но народъ, потерявшись въ страсти, навеселился лишь – въ туманъ безсознательнаго, мутный и темный.

Имато, подошедъ къ быку убіенному, обмакнувъ въ крови жертвенной древній священный каменный ножъ и дотронулся имъ – сперва – до своей главы, а послѣ до главы жены своей. Кровь, собранную въ мѣдную чашу по манію царя, расплескали по полю: для урожая въ вѣщихъ. – Священнодѣйствовали. – Но моленія не возносились: ниспадали.

Далѣе царь взялъ въ руцѣ Лабрисъ, священный топоръ, мѣдный и обоюдоострый, много позднѣе ставшій однимъ изъ символовъ минойской державы, походившій на ангела, вѣстника (древко – станъ, два лезвія – какъ крылія), и началъ благословлять земли окрестныя – по всѣмъ сторонамъ свѣта, приговаривая не менѣе священныя (нежели священ-

ный ножъ и священный Топоръ) слова, древнія и съ давно утеряннымъ смысломъ. Собравшіеся – чины высшіе, – понутивъ въ священномъ почтеніи главы свои долу, молчали, внимая; царь произносилъ словеса сіи негромко, однако ихъ можно было услышать едва ли не каждому: таковая была богочтительная тишина вокругъ, священная, какъ и царь, и ножъ, и топоръ, и словеса царя, и самыя молитвенныя закланія.

Окончилось молебствіе, длившееся недолго, дабы не утомить царя, и знатнѣйшіе изъ критянъ подходили къ Имато, который съ улыбкою критскою благословлялъ каждого подходившаго словесами священными, добавляя къ нимъ – смотря по чину и по степени личнаго благоволенія – и свое, уже понятное каждому, сказываемое на языкѣ хотя и возвышенномъ, но всё жъ уже не столь древнемъ, чтобы нельзя было понять произносимаго. Знатнѣйшіе въ трепетѣ священномъ подходили къ почитавшемуся въ такіе мгновенія богоглаголивимъ царю, цѣлуя сперва Лабрисъ мѣдный, а послѣ руку Имато; и отходили прочь, исполнены благодати. Царь не глядѣлъ на народъ, дабы не оскорблять зракъ свой. А высшіе чины мыли руки, ибо хотя и нѣкоторое время, но всё же провели его совмѣстно съ ушедшимъ уже народомъ, ибо вящіе люди имѣли обыкновеніе мыть руки всякій разъ послѣ посѣщенія мѣсть, гдѣ былъ народъ: послѣдній осквернялъ самымъ своимъ присутствіемъ бытіе ихъ. Имато имѣлъ обыкновеніе принимать многократныя омовенія въ таковы-

хъ случаяхъ.

Послѣ обряда вечерали: поѣдали закланныхъ наканунѣ животныхъ, приготовленныхъ къ пиру самимъ царскимъ верховнымъ Поваромъ, кулинарная слава о которомъ распространилась далеко за предѣлы державы критской: говорили, что царь египетскій, именуемый фараономъ, отвѣдавъ однажды яства, приготовленныя ему Поваромъ всего Крита, до того былъ уснащенъ брашномъ, что предлагалъ въ обмѣнъ на него – ни больше ни меньше – колесницу, вдоль и поперекъ нагруженную золотомъ – и въ слиткахъ, и въ украшеніяхъ; Имато, слушавши гласъ здороваго своего тѣла, отказался, но отказался почтительно, какъ то и подобаеть царямъ и всецарямъ.

Въ то время какъ знатнѣйшіе изъ критянь пировали, жрицы, водя хороводы и кружася, неистово плясали и пѣли священныя пѣсни; неистовыя пляски, блаженно-воздушно-парящія, были также священны; глядите: сплетаются руки въ хороводѣ, и музыка, и танецъ свиваются-сливаются воедино. И вновь изливалася изъ устъ рѣчь древняя, слишкомъ древняя – словно самое Время, не вѣдающее пощады, – чтобы разумѣть смыслъ пѣтаго, но сіе и не требовалось и даже: менѣе всего требовалось: болѣе всего Критъ радѣлъ о сохраненіи старины, представлявшейся ея правителямъ всеблагою, всечистою и преблагословенною; каждому изъ правителей минойской державы, быть можетъ, и приходила мысль, стучавшаяся въ ихъ головы и сердца, но они съ мѣрнымъ и казав-

шимся имъ похвальнымъ постоянствомъ отгоняли отъ себя мысли такого рода, гнали ихъ отъ себя, какъ гонять назойливыхъ мухъ да комаровъ: мысли о преобразованьяхъ, объ измѣненьяхъ любого рода; также – до эпохи царя Миноса I – и мысли о единомъ для всей державы Законѣ, который бы иглою, стальною и незримою, пронзиль бы вѣсь Критъ. – Критская держава и безъ Закона, единого для всѣхъ и каждого, представлялася ея вседержателямъ и вседержителямъ многомощною, построенной на вѣка и тысячелѣтія, – словомъ, Законъ былъ ненадобень и излишень; такъ они мнили: имъ и безъ Закона жилось прекрасно, а чернь, чернь на то и чернь, чтобъ быть вѣчно-недовольною. Правители критскіе если что и любили застывшее, крѣпкое, не могущее быть отмѣненнымъ или же измѣненнымъ, то лишь хладъ мраморнаго своего чертога, величайшаго изъ всѣхъ дворцовъ критскихъ, который былъ для нихъ олицетвореніемъ державы, данной имъ Судьбою въ правленіе; любили они и незаблещенность своего трона, которая также представлялася и священою, и радующей сердца – не только самихъ правителей, но и всѣхъ – отъ мала до велика – слугъ Престола.

Случись, однако, узрѣть вышеописанные нами обряды не разъ призывавшемуся въ нашемъ повѣствованіи челоуѣку позднихъ, слишкомъ позднихъ эпохъ, онъ, быть можетъ, прыснулъ бы со смѣху – и съ чистой совѣстью, мня подобное уже преодоленнымъ самимъ собою, изжитымъ. – Какъ если бы и онъ, сей наблюдатель поздній, изжилъ всѣ привычки,

обряды, обычаи – самъ, самостійно, благодаря лишь себѣ самому; однако, мы не вѣдаемъ тѣхъ, позднихъ, кто изжилъ бы въ себѣ всё что только можно изжить и избыть: привычки, обряды, обычаи лишь мѣняются – отъ эпохи къ эпохѣ, ихъ формы перетекають изъ одного въ иное, струясь по потоку временному, словно ручей, но суть остается одна, а не во-все исчезаетъ, какъ ему, позднему, возможно, хотѣлось бы думать; и едва ль позднія, слишкомъ позднія разновидности ихъ чѣмъ-либо лучше и выше. Человѣкъ по волѣ создавшаго всегда человѣкъ, слишкомъ человѣкъ; говоря инако: многое, многое пришлось бы ему изживать, дабы претворить себя въ Человѣка: въ Личность. Однако кто болѣе себя мнитъ Личностью въ наше время, какъ не человѣкъ связанный, мнящій свое неродившееся Я самымъ драгоценнымъ изъ всего сущаго, мѣриломъ единымъ: всего бытія. – Ибо одно дѣло ратовать за Я (то есть не только наибогороднѣйшее дѣло, но и дѣло изъ наитруднѣйшихъ), иное – подражать Я имѣющимъ, выдавая мелкія свои себялюбіе и своекорыстіе за Я-сознаніе, за уже обрѣтенную Личность.

Потому будемъ же – сказать полувѣрно – снисходительны къ обряду, уходящему корнями въ представляющуюся едва ли не довременную древность, отстоящую отъ насъ толь далеко, что дѣломъ неудивительнымъ было бы назвать сіе немогущее быть сосчитаннымъ въ годинахъ разстояніе – межъ нами и началомъ появленья сего обряда, выказывавшимъ себя, напомнимъ, весьма древнимъ уже и для нашихъ

героевъ, — бездною. — Словомъ, полувечность раздѣляетъ сего поздняго наблюдателя и зарожденіе священныхъ игрищъ, а потому не съ улыбкою поглядимъ на происходившее, но съ почтеніемъ — если не къ самому сему явленью, то хотя бы и къ разстоянію длиною во всю человѣческую исторію. Но не забывая быть снисходительными и почтительными, всё же отмѣтимъ: менѣе всего здѣсь должно видѣть борьбу духа, сознанія, человѣка, Я надъ плотью, безсознательнымъ, природою, Мы; ибо всё вышеописанное есть пареніе природы въ природѣ — ради природы и милостью природы.

Таковъ былъ веселонравный Критъ въ священные свои дни. И сими празднествами, а не хладомъ Дворца кносскаго, мѣрно бьется огромное, омываемое морями сердце Крита. — Казалось, черно-красное царство знавало лучшіе дни.

\* \* \*

Прошла если не Вѣчность, то всё жъ время достаточное, дабы сѣявшееся въ день молебствія взошло и показались бы всходы. Однако сѣмена не всходили и всходовъ не было. Лишь кое-гдѣ выглядывало изъ истомленной земли нѣчто чахлое и обреченное сгннуть, не давъ плодовъ. Причиною неурожая было палящее безъ мѣры Свѣтило, сожигавшее едва ли не всё имѣвшее начать жить. Бесплодными становилися поля. Многія рѣки, сіи сосуды страны, пересохли и не давали собою живительной для всего живого влаги. Народъ



тотчасъ же осозналъ: гладъ заступалъ угрозою. И былъ онъ истощенъ и истомленъ жаромъ бесплодящимъ, всё было бѣлымъ-бѣло – до боли въ глазахъ. – Солнце наблюдало за всѣмъ, за каждой букашкою, надзирало, слѣдило, и, обычно благословляющее всё происходящее по волѣ *одного слѣпца*, нынѣ было оно обезпокоено, ибо чуюло, что мѣрности святой что-то угрожаетъ, что-то зрѣеть. И било оно всё сильнѣе лучами, страшное въ мнимо-лучистой своей силѣ, всецарящее, но не находило отвѣта. И было Солнце окомъ: *одного слѣпца*.

### Глава 3. Нищѣ, или кабацкія страсти

Критъ разстилался ширью полей, залитыхъ Солнцемъ; вѣтеръ уносилъ безвозвратное; о, каковы приморскіе вѣтра – отдохновенье для нуждающагося! – соленые, рѣзкіе, свѣжіе, готовые вдохнуть въ душу уставшаго путника второе дыханье, возродить его къ жизни. Но словно на всѣмъ была печать бѣды.

Вдали виднѣлась площадь, которая всегда была оживленной въ тѣ часы; кипѣла людомъ площадь; торговалось всё – бездѣлушки восточныя и египетскія особливо, быки, животныя священныя для мѣстъ сихъ, утварь для закланій (уже, какъ правило, не человѣческихъ, но животныхъ), снѣдь и рабы. Нѣкое сорище крѣпкихъ малыхъ, именовавшееся стражею, расхаживало по торжищу съ короткими кинжалами,

выискивая тѣхъ торговцевъ, которые совершали сдѣлки по-  
крупнѣе, дабы собрать съ нихъ причитающееся.

Критъ время давнихъ, только начинавшій знакомство  
съ микенцами, время отцовъ царя Миноса, былъ на дѣлѣ  
западною окраиной Востока, послѣднимъ его звеномъ: гео-  
политически; хотя и подлинно самобытной: культурно; гео-  
политически Критъ растворялся: въ Востокъ; культурно –  
стоялъ на уровнѣ Востока, но внѣ Востока, порою первен-  
ствуя: не подражая ему и не рабствуя у него, но его пере-  
осмысляя, а послѣ – синтетически вбирая необходимое по  
своему усмотрѣнiю, образуя цѣлое и рождая цѣльность, со-  
зидавая новое и небывалое, и сіе новое и небывалое было сво-  
имъ, живымъ своимъ, что, конечно же, роднило минойцевъ  
съ греками слѣдующаго тысячелѣтія. – Мнѣніе это (о нѣко-  
торой геополитической неполноцѣнности и слабости) раздѣ-  
лялъ, однако, мало кто изъ критянъ, и оно, конечно, почи-  
талось оскорбленіемъ. Востокъ – *volens-nolens* – читался во  
всѣмъ, и едва ли не любому человѣку духа, ей богу, было бы  
здѣсь душно безмѣрно – случись человѣку позднихъ эпохъ  
оказаться въ эпохѣ столь ранней, – и вовсе не отъ жаровъ  
аэра расплавленнаго; и возскорбело бы сердце его. – Здѣсь  
не было напечатлѣннiй подлинно божественнаго, здѣсь была  
плоть, обожествленная плоть, но не было духа. Надо всѣмъ –  
утѣснительный туманъ язычества, плоти, здѣшняго. Душно  
здѣсь духу, о, какъ душно!

Посреди торжища собрался людъ, который то и дѣло пуг-

ливо разступался: предъ «вящими людьми», знатными, шедшими не спѣша, но съ одышкою, дыша тяжело, съ высоко поднятыми головами, вытирающими съ помощью слугъ потъ съ лица. Поодаль отецъ семейства прилюдно поучалъ дитячь своихъ, говоря инако: побиваль ихъ; сѣкъ: для вразумленья. Близъ нихъ сидѣла распухшая не то отъ многихъ родовъ, не то отъ голода (не отъ обилія же поглощаемой пищи!), краснаго цвѣта лица матушка; тяжелымъ, горестнымъ смятениемъ являло себя лицо ея: словно не одна какая кошка скребла на душѣ ея, а цѣлая стая – и не по душѣ, а по Себи ея, и не скребла, а царапала, разрывая въ клочья царапаемое: потроха души. И было людно. Всѣ, однако, взоры – жадные – устремлены были къ битому мѣсту: били тамъ нѣкоего вора, укравшаго не какъ его братъ – одну мѣру зерна, но одного лишь цыпленка, вора, изнемогавшаго подъ неисчислимыми ударами плети; кто-то, распихивая локтями собравшихся, вопилъ «Р-р-р-разойдись, р-р-р-робята». Безъ мѣры стегаль вора палачъ, разъярившійся, полуголый, потерявшій и долю человѣческаго въ хищномъ своемъ взорѣ. Биль онъ и прикрикиваль гнѣвно:

– Будеть тебѣ, тать: вина твоя всему честному люду вѣдома. Будешь вѣдать, какъ добро цареву расхищать.

И биль онъ, покамѣсть преступникъ, переступившій законъ неписанный, не упаль: подъ неистовое рукоплесканье толпы, кричавшей порою «Повинень смерти!»; тѣло его превторилося въ кровавое мѣсиво; обезсилѣвъ, онъ уже не воз-

водилъ очи горѣ и не выкрикивалъ слова о помощи. Народъ, довольный зрѣлищемъ, сталъ расходиться. Надсмотрщикъ, подойдя къ упавшему и коснувшись его, молвилъ:

– Забилъ до смерти – и клеймо не ставъ: наказы царскіе перевыполняешь.

– Служу Родинѣ, – отвѣтствовалъ палачъ съ рвеніемъ достодолжнымъ.

– Служи, служи да мѣру вѣдай.

Поодаль подъ полдненнымъ свѣтиломъ сидѣли, глядя на торжище, бѣдняки да нищіе, сокрушенные да радостнопечальные: палимыя солнцемъ порожденья безвременья. Одинъ изъ нихъ, старецъ сѣдо-сѣрый, согбенный, съ брадою длинной, началъ бесѣду:

– Зрѣлося мнѣ во снѣ: вотъ на сей-то землѣ, здѣся, будетъ житье-бытье: всѣ богаты, всѣ равны – власти нѣтъ да и жриць не видать; люди-то небось свергли власть ихнюю; потому и зажили, аки бози, а не аки псы (какъ нынче мы длимъ животъ свой, житья сытаго не вѣдая). Говорю вамъ всѣмъ: ладно, ладно будетъ жительствовать людъ... Эхъ... Словно всё счастье – тамъ, у нихъ, словно они всё счастье себѣ забрали, насъ обокравши, и намъ лишь горе оставили... часъ отъ часу не легче...

Нищій, едва живой, изсохшій и безрукій, помоложе, но съ напечатлѣннемъ большаго недовольства своимъ бытіемъ, съ опытомъ большихъ бѣдъ, отразившихся на лицѣ его, со взоромъ-скорбыю, кряхтя, молвилъ:

– Да, тяжела – что и говорить-то – жизнь наша, дѣдо: тяжела, горька и безрадостна: конца и края бѣдамъ нѣту. Собачья жизнь! Народъ – отъ мала до велика – нынѣ злобится зѣло! Попущеніе Матери!

Узрѣвшій сонъ отвѣтствовалъ вздохомъ тяжелымъ, а послѣ добавилъ, и лицо его стало омытымъ слезами:

– Ты, братъ, потерпи... придетъ и наше время... минетъ бѣда... жили мы вѣдь нѣкогда, и предки наши жили – было времечко. А нынѣ живемъ, какъ купленные за золото. Но и черезъ золото слезы льются, да и богатство – съ рогами, бѣдность съ ногами. Нищета, она прочнѣй богатства, оно – пухъ, только дунь на него – и нѣтъ; иль птичка какая: гдѣ захотѣла, тамъ и сѣла; иль какъ вода: пришла и ушла. Но пройдутъ еще тучи, и станетъ небо безоблачнымъ, чистымъ.

– Кто богатъ, тотъ и рогатъ, тяжело на душу богатство ложится, богатому сладко ѣстся, да плохо спится. Но что толку о томъ говорить – пустое. Живемъ – покашливаемъ, ходимъ – похрамываемъ; счастливы бывали, да безсчастье въ руки поймали, а нынѣ токмо во снахъ счастье, а наяву напастье. Я тебѣ вотъ что лучше скажу: а бѣды отчего, откуда юдоль-то вся, въ дугу сердце согнувшая? А вотъ откуда: всё потому, что число безграничное мѣръ добра, нами созданнаго, отдали мы, а не отдать не могли. Но коли ранѣе отдавали богамъ, то нынѣ жрицамъ, симъ маткамъ критскаго улья. Мати превеликая, всё родшая, яви намъ милость, богинямъ лишь свойственну: горе черное отъ насъ отжени да счастье намъ

ниспошли. О Мати, Мати... – отвѣтствовала болѣе молодой.

– Мудрость Ея умъ нашъ премного превышаетъ... О Зидительница! О Добротворная! Только Ей и плакаться! – вторилъ старый.

– До царя далеко, а до Матери близко! Цѣлыя, говорить, селенія нынѣ въ долгу предъ высокими, а они послѣднюю душу тянуть, – говорилъ молодой. – Какъ ни трудимся – всё должники! Горе – что море: не переплыть, ни вылакаты. Этакой бѣды не заѣшь, не пережуешь, а пережуешь – не проглотить. Нѣтъ намъ ни смерти, ни живота.

– Выпало намъ жити здѣся, братцы. А хдѣ лучше-то? Вездѣ, говорятъ, всё одно. Закрома тучнѣютъ – отъ зерна полнятся, а людъ худъ и едва на ногахъ отъ глада стоять. Людъ всюду подвергается участямъ многогорькимъ. Такова доля наша.

– Всѣ жъ господамъ отдали...

– Поборы нескончаемые! Охъ, солоно житье наше, солоно. Было время – осталось одно безвременье.

– Конца и края имъ нѣту! Охъ, горемычны лѣта сіи. Безъ топора зарубили! Было времечко – осталось одно бремечко.

– У меня давеча всѣхъ коровъ да быковъ забрали, увели. Оставили лишь куръ. Не роди, Мати, на бѣлый свѣтъ – хоть утопиться, хоть удавиться! Стоимъ – какъ на угольяхъ!

– А у меня вѣсь ячмень, да медь, да фиги. Всѣ схитили. Сидимъ, какъ въ огнѣ, братцы, и горе мыкаемъ!

– Обкрали насъ до нитки до послѣдней, а при томъ на

дворѣ недородѣ сплошной. О Мати!

– Телята пропали, а овецъ покрали. Необлыжно скажу: изъ горла кусъ вырвали!

– Ячмень! Ячменя не оставили у меня! Соки послѣдніе выжимають! – крикнуль проходившій мимо; и пошелъ далѣе.

– Ой овесъ, мой овесъ! – горюючи крикнуль кто-то.

– Когда ужъ печаль удалится, и гладь, и морь? Терпѣть ужъ больно не вмоготу, – сказала тоть, что помоложе.

– Сказали жъ намъ: молитесь усерднѣе, а вы всё стенаете да плачете, – обратился къ нимъ кто-то изъ толпы, проходя мимо сидѣвшихъ.

Третій изъ сидѣвшихъ, наиболѣе мрачный обликомъ, изнуренный, но съ взоромъ отнюдь нетусклымъ, съ презрѣньемъ на лицѣ, усмѣхаясь вставилъ и свое словцо:

– Нѣшто жить-то не опротивѣло, коль страданье непереносно... Надѣтесь на то, чего отродясь не бывало. Пустое! Рѣчи пустозвучныя... Ладу не будетъ. Въ обманѣ жительствуете отъ вѣка, безъ вины виновные! Я-то думаю, что быти худу: вонъ у женки у чьей-то овца двуглавая родилася, и двѣ куры тотчасъ подошли – отродясь такого не бывало. А по рынку шель я да слушалъ: у какой-то бабы коза двухвостая родилася; и что? Да двѣ дни она не прожила: богамъ, говорятъ, неугодно оно. Истинно ты говоришь, однако, что отродясь не бывало, чтобъ ремесленники жили, аки рабы градскіе и чтобъ голодъ питаль нашу ненависть. Отродясь не бы-

вало! Что жъ, что жъ, надѣйтесь, а я пойду куды глаза глядятъ, можетъ, что и найду. А вы сидите, надѣйтесь. А я думаю: худу быти, а счастья-то не будетъ и горе придетъ. Зачали судить-рядить: дабы судить-рядить, больше вашего повидать слѣдовало. Навѣшаны на васъ мѣди тяжелыя, а снять не можете. Быти худу, ежли сидѣть сложа руки.

Тотъ, что помоложе, безрукій, сталь утѣшать его и уговаривать не уходить, что ему удалось: «Тѣмъ, что въ кручинѣ бытуютъ, въ юдоляхъ, лучше вмѣстѣ быти».

Такъ говариваль людъ – и не только на Критѣ – тѣхъ времянь. Вдругъ молвилъ безрукій:

– А я вотъ что скажу: а намѣренія ея, можетъ, и въ томъ состоятъ, чтобъ жриць, жестокихъ и сытыхъ голодомъ и моромъ люда, да всѣ Дворцы, что на Критѣ стоградномъ обрѣтаются, и всего пуще Дворецъ кносскій, гнѣздо Зла, въ бездну низвергнуть. Въ бездну! Она ихъ пугаетъ, а не насъ. Ихъ, а не насъ! Намъ-то чего терять? Али не потеряно всё? Да хоть въ бездну всё катись.

– Да, ты правъ: всё по мудрости Матери происходитъ, да, – отвѣтилъ седобрадый, почесывая бороду и вспоминая прошлое. – И впрямь природа, она постепенность любить. Всё, что ея волею происходитъ, готовится долго, и на всё причина своя, да.

– Какъ колось растеть изъ сѣмени, прорастаетъ, деревомъ становится, а послѣ гибнетъ, такъ и Критъ нашъ – выросъ давно, сухъ онъ, высохъ вѣсь, упадетъ скоро, – съ воодушев-



леньемъ говорилъ младой, подергиваясь. – Вона слухъ по нашему по Криту пошелъ, что трусь, какого отродясь никто не видываль, когда Мать-Земля колебалася, аки скакунъ бѣшенный, было на земляхъ западныхъ; ты гляди что: селенія-то не постраждали (сколько ужъ имъ еще-то страждати!), а Дворецъ одинъ рухнулъ. Рухнулъ, дѣдо!

– Да, говоришь ты складно, несмотря на годы юные; я понялъ, къ чему ты клонишь. Но не знаю, не знаю... – медленно произнесъ старецъ. – Коли во время благое, привычное намъ время, природа за годъ единожды умираетъ – зимою, – воскресая лѣтомъ, то нынче-то она два раза сгубла. Охъ, жизнь наша тяжкая, горькая. Криту нашему – конецъ нынѣ, думаешь? Ой, не приведи Матерь, не приведи. Боги, безсомнѣнно, недовольны нынѣ... Чую – вотъ-вотъ грянетъ что-то. Но, можетъ, оно и правъ ты: мы по глаголу Матери жительствоуемъ, мы, страждущіе, а вотъ жрицы и прочіе люди вящѣ – нѣтъ. Стало быть, намъ, лишь намъ должно за Криту молитися богинямъ. Но какъ, какъ умилоствитъ ихъ намъ? Тщетны и думы наши, и дѣла. Охъ, бремя тяжкое.

– А, можетъ, и не Криту конецъ, а Иматѣ со слугами его.

– Складно, складно говоришь; эхъ красно твое словцо! – отвѣтилъ старикъ, на коего снизошло воодушевленіе болѣе младого. – «Иматѣ – конецъ со слугами его»: да объ этомъ кто нынче только не мечтаетъ, неволя дюже опротивѣла сердцу народному, да что намъ дѣяти?

– Я тебѣ вотъ что скажу, дѣдко, – приблизившись къ сѣдо-

му молодой говорилъ страстно и быстро, сбивчиво, съ паузами. – Ежели что и подготавливается Матерью и прочими богинями, то безначаліе. Ты гляди по сторонамъ: народъ, народъ восколыбнулся ужъ, а народъ не дуракъ, не дуракъ.

– А я, можетъ-то, и слыхаль о трусѣ, да женка не велить...

– А что не велить-то, дѣдко? Эхъ, вострепнуться бы, чтобы всё, душу переполняющее, тяготящее, въ дѣянія бѣ вылилось, эхъ...

Третій, наиболѣе мрачный, всталъ (доселѣ онъ сидѣлъ) и произнесъ не безъ гнѣва:

– Да вы что, вы подѣ женками да жрицами (а тѣ – подѣ богинями) бытуете-то, подъяремные! Тфу на васъ. Я, Акай, не таковъ!

– А ты пришлый: вотъ и дивишься... – отвѣтилъ старый.

– Да и кто не подѣ ними-то на Критѣ? Гдѣ ты такихъ видываль? – съ большимъ удивленьемъ спросилъ болѣе молодой.

– Ты не серчай на насъ и на порядки наши! Ты – пришлый, Акай, посему не вѣдаешь жизни нашей, критской: какъ заповѣдали намъ богини жити, тако и живемъ. Да хошь не хошь, а всѣ мы подѣ Дѣвами ходимъ, и всегда такъ было, – повернувшись къ Акаю, сказалъ старый. – Да и говорятъ на Критѣ разное – говорятъ, что курь доятъ. Ахъ, престало вѣрится мнѣ что-то въ безначаліе, не вѣрится нынѣ.

– Подѣ бабами! Подѣ людинями! – въ гнѣвливомъ презрѣннїи произнесъ третій.

– Нечестивецъ! Нечестивецъ, что глаголешь ты? Ахъ ты,

негодникъ!

– Что, небось обидѣла тебя какая? Что, душу ранила? Ну, и подѣломъ тогда. А почто притекъ на земли наши?

Акай, къ всеобщему удивленію, помолчалъ и молвилъ:

– Коли всѣ подь женками будемъ, безначаліе не родимъ, тако и будемъ влачить убогое свое житье-бытье, гладомъ моримы, поборомъ тѣснимы. Не бывать тогда правдѣ на землѣ критской! Въ иныхъ сторонахъ люди говорятъ: всё отъ боговъ, окромя дѣвъ. Ты, ты и ты – вы всѣ! – женаты на Боли...нѣтъ, что говорю я? Вы замужемъ за Ней; съ могилою обвѣнчаны вы!

– А гдѣ жъ ты такого на Критѣ найдешь?

– На Критѣ, видать, нигдѣ. Для безначалія, для жизни сытой надобенъ намъ иноплеменникъ по рожденію, но живущій на Критѣ давно, безженный и безсемейственный. Съ сердцемъ мѣднымъ да самъ себѣ голова. Намъ надобенъ тотъ, у кого воля – мѣдная, ризы – бѣлыя, а рѣчи – огневья. Только такой гождь для дѣла сего.

– Да, лихой ты, Акай, человекъ, лихой, да...мужикъ ты ядерной, не видалъ такихъ на земляхъ нашихъ; сразу видать, что самъ ты не мѣстной, дальшой, – сказалъ старецъ.

– Я, братья, родомъ издалече, человекъ я вольной и гдѣ только не бывалъ: и въ земляхъ сѣверныхъ, дикихъ, и въ южныхъ пустошахъ.

– Да, порядку въ насъ, бородатыхъ, не будетъ, даже ежели сплотимся, – сказалъ въ свою очередь младой.

– Да и не сплотимся сами.

– Братья, о семь глаголы глаголать надобно не посередь торжища, да и охали день до вечера, а поужинать нечего, – предложилъ Акай.

– То вѣрно!

– Однорукая должна мнѣ еще полбочки вина неразбавленнаго, крѣпкаго, да снѣдь. Слово долгое нынче не дозволено: то не ко времени.

Глаза обоихъ слушавшихъ загорѣлися блескомъ жаднымъ.

– Ей, добредемъ, братъ, до избы до распивочной! Ободримся, горести утолимъ – въ винѣ! Пить намъ – дѣло любое. Испьемъ винца! – сказалъ молодой.

– Бражничать – дѣло нынѣ святое, а тревоги унесеть съ собою молитва, – сказалъ старецъ.

– Поспѣшайте за мной! – сказалъ Акай.

Шли они мимо ямъ помойныхъ, полныхъ смрада, гдѣ также были мясо гнилое, кости – рыбы и звѣрьи – и нѣскольکو человѣческихъ труповъ. Шли вмѣстѣ, а каждый думалъ о своемъ. По дорогѣ мужики увидали колесо – новшество для тѣхъ временъ! – и еще долго толковали, доѣдетъ ли оно до Феста; Акай окончилъ бесѣду ту словами: «Сидя на колесѣ, гляди подъ колесо!». Старецъ сказалъ ему:

– По глазамъ вижу: большая у тебя судьба. А у насъ малая.

Не прошло и пятой доли часа, и миновали они смрадь да трупный духъ и оказались возлѣ питейнаго заведенія, коимъ

завѣдовала Однорукая – страшная и крайне неопрятная старуха, глазѣющая окрестъ подслѣповатыми глазами, извергающая въ міръ недовольство и презрѣніе.

Заведеніе знавало лучшіе свои дни: было оно тогда любимо не только мѣстнымъ сбродомъ, но и съ иныхъ поръ также и крестьянами, ремесленниками, дѣлившими тогда участь свою съ горчайшею участью рабовъ, или купленныхъ за золото, какъ было принято выражаться. Въ дни столь горькіе чернь предпочитала питіе снѣди, помышляя, что лучше ужъ – коли есть нечего – быть пьяну въ стельку, нежели быть трезвымъ и голоднымъ; чернь отдавала послѣднее, пропивалась до рубахи до послѣдней, дабы забыться отъ черныхъ своихъ юдолей въ мрачномъ семь мѣстечкѣ, теряя остатки и останки себя, погружаясь въ лоно Себи: забывалась въ пьяно-плотяномъ угарѣ.

Въ кабакѣ томъ изукрашенная спиралевидными мотивами дверь (ручка двери, какъ и многія иныя критскія ручки, была въ видѣ букранія: дабы открыть её, надобно было дернуть кольцо, продѣтое межъ глазъ быка) всегда была открыта. Полнымъ было заведеніе. Но даже будучи полнымъ, находило оно пристанище для страждущаго. Въ ходу былъ натуральный обмѣнъ: пришедшій отдавалъ медь, виноградъ, скоть, украшенія (что, впрочемъ, бывало рѣдко) взамѣнъ получая столько дикаго и грубаго вина (вдобавокъ съ настоями нѣкихъ травъ, извѣстныхъ только хозяйкѣ), чтобы заснуть и въ – иныхъ случаяхъ – не проснуться болѣ. Потому завсегда-

таевъ было мало: многіе приходили въ распивочную избу и тамъ же навѣкъ и оставались: пройдя вдоль и поперекъ всѣ лабиринты страданій, находили они тамъ вѣчное свое пристанище.

Вечерами и ночами возлѣ питейнаго дома свѣтился бѣлесо-синеватымъ коптящимъ пламенемъ фонарь – лампа, горѣвшая отъ грязнаго масла. Темныя, темныя дѣла вершились не только близъ мѣста сего, но и внутри заведенія: пьяныя драки, убійства, случавшіяся частію отъ пьяныхъ дракъ, частію по волѣ старухи (ежели то ей было выгодно), и тогда она подмѣшивала въ вино яды, незамѣтные во вкусѣ вина (да и кто смаковалъ ея вино: не за тѣмъ его пили).

Фонарь едва ль разсѣивалъ мраки окрестныя. Три брата по несчастью приблизились къ двери и не стучавши вошли. Гоготъ обрушился на нихъ, и бляенье скота, и лай собачій, и кудахтанье куръ; смрадомъ и козлинымъ духомъ дышала воздухъ внутри; и были смрачны и козлины разговоры сидѣвшихъ – и завсегдатаевъ (таковыхъ и нынѣ было мало), и новоприбывшихъ. На заплеванномъ полу лежали тѣла, и одному богу (неизвѣстно, правда, какому) было извѣстно, живы ли были лежавшіе; въ углу дрались, во хмелю будучи, но неохотно, вяло, безъ страсти; буйныя фигуры не виднѣлись; въ другомъ углу сидѣль-лежалъ одинъ – свинья-свиньей – судьбу кляня: вино то – зелье презлое – валило съ ногъ любого; въ третьемъ углу тѣнь рвала на себѣ одежду, стеная. Иные имѣли такое выраженіе лица, что дай имъ, скажемъ,

кочергу, убили бы на мѣстѣ – и давшаго, и иного любого. Иные пѣли козломъ, иные – козла драли; иные – съ козлиными бородками – служили за козла на конюшнѣ; иные были козлоноги; иные – встали козломъ и такъ и стояли; иные – глядѣли бычкомъ, а были и настолько опьянѣвшіе, что и пили бычкомъ; но, безъ сомнѣній, всѣ неказистые и думать не думали о козлятинѣ, ибо и сниться она имъ престала.

Никто не оглянулся на пришедшихъ. Акай, сѣвши, спросилъ вина у Однорукой, сперва сдѣлавшей видъ, что не понимаетъ его (что означало: она-де не помнить о своемъ долгѣ, или платѣ Акая). Въ отместку онъ схватилъ её за перси, но вскорѣ отпустилъ, получивъ пощечину, развеселившую его.

Затхлый воздухъ пьянилъ: безъ вина. Курились травы, дурманя голову. Козлогласили козлодеры, но ничто не козлилось. Горѣлъ огонь и собою готовилъ кушанья, о коихъ стоило бы умолчать: изъ свѣжаго были только кошки да псы...

– Хозяйка, еще вина! Еще, чортъ бы тебя побралъ! – крикнулъ нѣкій пьяный мужъ.

– Будетъ съ васъ, – кряхтя отвѣтила старуха.

– Ты, однакожъ, подойди. Не лайся, дура.

– Ладно, ладно. Чего случилось, что не такъ?

Съ улыбкою торжествующей указалъ мужъ напечатлѣнье на десницѣ, знакъ того, что онъ одинъ изъ братьевъ критскихъ, что означало: онъ человѣкъ военный, служивый, и можетъ дѣлать съ нею всё что пожелаетъ. Поблѣднѣла Одно-

рукая. Думала: пропала. Сдѣлала поклонъ и спросила, чѣмъ могла бы быть полезна. Служивый отвѣтилъ:

– Дѣло твое самовольное и недоброе...ты...вино-то отравное! Ты почто работниковъ изводишь, губишь, дрянъ?

– Такъ я жъ кого неволю-то, отецъ мой: сами идуть!

– То вѣрно. Но наживаешься ты (и я вѣдаю размѣры наживы твоей) на горѣ людскомъ. Гляди – самой богатой стала изъ люда.

– Богатые, они въ трактиры ходють, почему бѣднякамъ не имѣть кабакъ? Солнце, оно для всѣхъ свѣтитъ: и для богатыхъ, и для нищихъ.

– Мнѣ твои козы да куры съ грошовыми браслетами ненадобны – родомъ изъ этой блошницы: я видѣлъ твою дочь давеча. Смекаешь, паскуда?

– Смекаю, отче. Но невинна она.

– Тѣмъ лучше.

– О боги: послѣднее отбирають...

Въ сущности, оглядываясь на грядущее по отношенію къ происходившему и на прошедшее по отношенію къ намъ, можно сказать: народъ всегда былъ гораздъ обманывать самъ себя: одни бѣднѣли, низвергаясь въ нищету, иные на этомъ жирѣли. Жирѣвшей была и сія старуха, имѣвшая, несмотря на предпреклонный для сей эпохи возрастъ, обликъ весьма еще привлекательный для иныхъ посѣтителей ея лавки: чего только не увидится глазами мертвецки и полумертвецки пьяныхъ. Она же, напротивъ, была трезвѣе всѣхъ трезвенниковъ



и не опасалась почти одной (ей помогали лишь два ея сына) содержать заведение такого рода. Однако Однорукая, смуглая и сильная, толстая (это рѣдкость для Крита тѣхъ лѣтъ), прихрамывающая на одну ногу (послѣднее было издержкою ея рода занятій), всё жъ могла за себя постоять и безъ помощи крѣпкихъ своихъ сыновей; рядомъ съ поясомъ носила мѣдный ножъ и изрѣдка пускала его въ ходъ; никто не былъ противъ. Къ счастью или не къ счастью, нашимъ путникамъ не дано было увидать боевые ея навыки.

Испросили вина. Пили. Молчали. Пьянѣли. Если старцу и болѣе молодому становилось всё лучше, то Акай преходилъ въ тучу; всё болѣе и болѣе грознымъ и недовольно-яримъ было лицо его. Напротивъ нѣкіе два молодца затянули пѣсню, поя невпопадъ, но пѣсня та растворялась во всеобставшей неудобъ-произносимой брани. Черезъ мгновение Акай всталъ на столъ и изрекъ страстно – съ вдохновеніемъ и краснорѣчіемъ небывалымъ:

– Сдѣлайся овцой – а волки готовы! Эй бѣдняки, эй нищіе, эй спящіе! Возстаните! Что спите? Вамъ не опротивѣло жить, какъ живете? Не лучше ль сгнбнуть въ сѣчѣ за дѣло правое, – тутъ онъ обвелъ взглядомъ вѣсь кабакъ съ презрѣньемъ нескрываемымъ, – а не такъ, какъ вы, мыши да отъѣмши? Не могутъ быть жестоки завѣты Божьи. Всѣ дѣло въ жрицахъ. Долой жриць: не опротивѣло ли вамъ, мужамъ, быть овцами, поѣдаемыми волками: жрицами? Не опротивѣло ли дѣлать съ рабами Судьбу черную? Безумцы!

Многіе опившіеся встрепенулись, иные проснулись.

– Да, большая правда въ словахъ твоихъ, житья не стало, юдольные дни, плачевное всюду, но что о томъ тужить, чего нельзя воротить, – говорили тѣ, что помоложе и продолжали пить.

– Да чушь несеть, чушь! Что удумаль – сказать страшно! Умомъ блудить, дурнословъ! Бодливой коровѣ богиня рогъ не даетъ! Ибо жрицы... онѣ богинямъ служатъ, ты, что противу богинь рѣшилъ противустать? Ты, братъ, говорю, на чужой каравай рогъ не разѣвай! – ухмыльнулся сидѣвшій въ углу старикъ и, вопросительно поглядѣвъ на него коровьимъ глазомъ, добавилъ: – А тебя-то какъ звать?

– Что, думно тебѣ – судъ правишь, пришлый? Не къ лицу пришлому о святыхъ нашихъ порядкахъ судить да рядить, – вторили ему тѣ, что постарше. – Къ тому жъ, думать вѣдь не велѣли, неудобно оно. Пусть, говорить, люди вящіе думаютъ – то ихъ забота. А для насъ умъ-то – во смиреніи, а не въ думахъ. Ищи кротости, чтобъ не дойти до пропасти; возносяся – смиришься, а смиряясь – вознесешься. Не вороши, говорить, бѣды, коли бѣда спитъ, бѣда бѣду родитъ – третья сама бѣжитъ. А нынѣ бѣда бѣдой бѣду затыкаетъ. Мірская волна – морская волна, сегодня такъ, а завтра эдакъ, всё само собою перемѣнится.

– А я думаю – неправый то судъ, – сказала старикъ въ углу. – Затѣяль худо – не быть добру – быть горю! Лучше, говорю, тихими проживемъ, мятежъ бо дѣло злое. Ты, приш-

лый и Матерью да богинями забытый, на нашъ Лабрисъ больно-то не жабрисъ: Лабрисъ-то, онъ и по головѣ бухнуть можетъ и сътью обернуться, въ кою попалъ да и не выпутаешься! Говори, говорю, да не заговаривайся. Наше дѣло маленько да аленько, о большомъ и думать неча. Голыми родились, голыми и помремъ. Дѣй добро и жди добра.

– Какъ вы не разумѣете, – продолжалъ какъ ни въ чѣмъ ни бывало многострастную рѣчь Акай, – чѣмъ хуже намъ, тѣмъ лучше имъ. Коли бражничать сверхъ всякой мѣры не перестанете, клянусь всѣми богами, переломаю хилыя, пропитыя ваши кости и превращу васъ въ муку.

А повернувшись къ старикамъ въ углу Акай усмѣхнувшись сказалъ: «Тебѣ, какъ свинѣ, вѣкъ на небо не глядѣть. Не дуйся, коровка, не быть тебѣ бычкомъ. Да и не къ лицу старой кобылѣ хвостомъ вертѣть!». Раздался одобрителный смѣхъ, исходившій отъ молодыхъ. Глядя на нихъ Акай добавилъ: «Народъ корову за рога держать, а сторонніе люди молоко доять. Но кобыла заржетъ на критской землѣ, жеребецъ откликнется на Идѣ-горѣ. Смекаете?».

Нищій, сидѣвшій у очага, видимо, не слушая и не видя, пиль, какъ пиль ранѣе. Въ одно мгновеніе Акай очутился возлѣ него и пронзилъ его короткимъ (но не кроткимъ) своимъ мечомъ. Воцарилась тишина. Иные изъ пьяныхъ словно протрезвѣли. Одинъ изъ нихъ сказалъ: «Проснемся же», – и заснулъ. Акай пронзилъ и его. Собравшіеся потеряли даръ рѣчи – и безъ того потерянный: пьянствомъ.

– Собаки любятъ хозяевъ, держащихъ ихъ на цѣпи и впроголодь, и лаютъ на своихъ освободителей. Жизнь есть лишь у одного человѣка на Критѣ: у Имато-царя; остальные – въ погребяхъ да темницахъ прозябаютъ угнетенными да подъяремными. Но, братцы, я вотъ что скажу: бей быка, что не даетъ молока! А дворцы рухнуть тогда. Безъ костей рыбки не бываетъ и нѣтъ пчелки безъ жальца. Да и прежде смерти не умрешь, а кто нынѣ малъ – завтра великъ, а кто нынѣ великъ – завтра малъ. Удача нахрапъ любить, и народится еще лоза плодовая. До поры ихъ терпимъ, лишь до поры!

– До поры? – крикнуло нѣсколько.

– До поры недолгой... – сказала Акай.

– Эхъ, кабы жриць тряхнуть. Время, говорить, приспѣло! – возгорался одинъ юнецъ.

– Рука ихъ коротка да глаза далеко глядятъ. Да, братъ: кабы Критъ вѣсь отъ запада до востока, съ морей до Иды горы – колыхнуть однимъ махомъ! – говорилъ тотъ, что былъ старше.

– Лихія времена нонче, братъ, – не то времена дѣдовскія, – говорилъ тотъ, что еще старше.

Кто-то, переполненный винной смѣлостью, молвилъ:

– Жрицы, онѣ въ холѣ жительствоуютъ, а мы въ худѣ; онѣ лишь о себѣ радѣютъ, о благѣ собственномъ. Зло завладѣло землями добрыхъ! Да, жрицы, онѣ – суки, жующія живую плоть нашу; претятъ онѣ намъ быти, якъ ранѣ. Искони оно было инако. А двухъ смертей не бываетъ, а одной не мино-

вать. Лей, говорю, масла въ огонь!

А сидѣвшій близъ него товарищъ вторилъ ему:

– Піявки, питающіяся кровями нашими. Будеть съ нихъ!

– Кошки, укравшія изо рта кусокъ послѣдній, лютая смерть ждетъ ихъ! – добавилъ первый.

– Житіе-бытіе наше – что рѣшето дырявое. Суки спесивыя да разжирѣвшія! Питаются кровями и пьютъ слезы наши. Въ землю бѣ легъ да укрылся, только бѣ сего не видать!

– Намъ, намъ принадлежать посѣвы, не пашутъ онѣ и не потѣютъ, а лишь жрутъ, жрутъ и тучнѣютъ на народномъ потѣ да крови; такое у нихъ житье, что имъ и умирать не надо – живутъ онѣ, не наживутся – живутъ припѣваючи.

– Долой, говоритъ, ихъ! Ископытимъ ихъ!

– Жрицы – онѣ – препона жизни, вольной и святой, какъ ранѣ. Отложимся жъ отъ нихъ и будь что будетъ!

– Тяготы жреческія скинемъ съ рамень! Довольно насъ жмали! Истомилися мы, гладъ ежедень долить! Бей волчиць!

– Довольно жалиться – долой жриць! Гноятъ жизни наши попусту, соки пьютъ послѣдніе! Ихъ свергнуть – есть потреба въ томъ. Порѣшимъ ихъ! Чѣмъ чортъ не шутить!

– Смерть имъ! На осиновый ихъ коль!

– Повѣситъ ихъ всѣхъ до единой – иль разрубить!

– Зальемъ земли критскія: кровью сукъ!

– Воздадимъ, говорю, имъ должное!

– Идемъ, братья, на людей вящихъ! По-иному запоютъ

жрицы-то!

– Бей, говорю, утѣснителей!

– Заревыя слова, братъ!

Однако признаемъ: несмотря на многострастныя рѣчи, облакъ унынія и безсилья словно виталь надъ головами. Но былъ онъ виденъ только Акаю.

Вдругъ иные изъ толпы увидали приближавшихся одѣянныхъ въ латы, немногихъ числомъ. Издали подошедшіе, мрѣя въ аэрѣ, крикнули властно:

– Именемъ царя Имато спрашиваемъ: кто дозволилъ собраніе, неугодное богамъ? Кто ищетъ Смерти?

Толпа молчала. Иные, стремясь быть незамѣченными, спѣшно убѣгали. Иные, напротивъ, сжимали кулаки или брали въ руки окрестные камни. Акай, оцѣнивъ положеніе, велигласно воскликнулъ:

– Не пужайтесь! Со зломъ борются не словами: мечами. Обрушимся же на нихъ лавиною!

Слышались возгласы ободренія:

– Да поразить ихъ молнія всеиспепеляющая!

– Да, мы бросили вызовъ Судьбѣ, – всё болѣе и болѣе воодушевлялся Акай, – мы выше Судьбы, намъ заповѣданной, они, они, ввергли насъ въ пучину горестей и бѣдъ.

– Да!

– Дѣло говоришь!

– Заревыя мысли сказываешь!

– Да родится возстаніе! – тихо и торжественно сказалъ

Акай.

Его вопрошали:

– Что такое возстаніе?

– Война неимущихъ и голодныхъ противу имущихъ и сытыхъ, нищихъ противу богатыхъ, рабовъ противу господь... – отвѣчалъ онъ съ достоинствомъ.

– Дѣло благое, отецъ! Заревое.

– Свергнемъ Имату, братья, и поставимъ своего царя. Чаю конца Иматѣ со слугами его. На одно бо солнце глядимъ, да не одно ѣдимъ.

– Кноссъ – сердце Крита, идемъ же на Кноссъ!

– Не сердце – утроба!

Начальникъ критскихъ братьевъ крикнулъ что есть мочи:

– Подлая чернь! Взбунтовавшаяся противу уставовъ божественныхъ. О низкія души!

А Акай тѣмъ временемъ грозно-громно возопилъ, властно оглядывая голытьбу, братьевъ-по-несчастью, и очи его сверкали недобримъ огнемъ:

– Сорвемъ оковы – обрушимся же на братьевъ критскихъ: аки лавина съ горъ низвергается, такъ и намъ слѣдуетъ низвергнуть ихъ! Идемъ на нихъ!

Часть толпы – и впрямь – лавиною обрушилась на царскія войска, отчего послѣднія дрогнули и бѣжали, не прошло и десятой доли часа: казалось бы, побѣдой увѣнчалась гордая вылазка, однако возставшіе увидали, что спасшіеся бѣгствомъ были лишь передовымъ отрядомъ царскаго войска.

Акай свистнулъ и прорычалъ оглушительно:

– Эй, голытьба! Бѣжимъ, братья: недалече отъ горы Иды есть людъ лихой, туда сіи, – указывая на братьевъ критскихъ, – вовѣкъ не сунутся. Воля тамъ вольная, братцы. Всѣхъ обиженныхъ Судьбою – примемъ. Отсидимся да силы наберемъ. А послѣ – такую лисой по Криту пройдемъ – три года куры нестись не будутъ!

– Да, у Крита, когти, якъ у орла, – молвилъ кто-то, – бѣжать надобно.

– Недужится тебѣ, вотъ и бѣжать совѣтуешь! – говорилъ второй.

– Ой, братушки, что же съ нами будетъ теперя? Что жъ содѣяли, черти окаянные? – вопрошалъ третій. А четвертый добавилъ себѣ подъ носъ: «Быть было худу, да подкрасила встрѣча».

Акаю тѣмъ временемъ думалось: «Заступаютъ дѣла великія. Едва ль здѣсь и дюжина сыщется годныхъ для дѣла сего, но въ томъ дѣло, чтобъ и ихъ ото сна пробудить; въ тайникахъ своей души я всё же лелѣю надежду».

– Здрався, Акай, и да покровительствуютъ тебѣ боги и всего пуще богини, во главѣ коихъ всеобщая Матерь, родительница всего сущаго, – сказалъ нѣкій молодець годами ни старъ, ни молодъ.

Акай какъ ни въ чѣмъ ни бывало продолжалъ, словно говоря самъ съ собою, больше глядя въ никуда, под ноги, то возводя очи къ небесамъ, не смотря на толпу:



– Я бывалъ во многихъ странахъ: вездѣ есть законъ – лишь здѣсь его нѣтъ.

– Что есть законъ? – спросилъ кто-то изъ толпы.

– То есть сводъ правилъ, что должно, а чего не должно, высѣченный на табличкахъ, неизмѣняемый. А Вы вѣдаете только глаголы царя и жрицъ завѣты и уставы божественные, – это законы ваши. Я пришелъ отмѣнить законы сіи и начертать иные.

Вдругъ возсталъ нѣкій богатырь, притворявшійся спавшимъ, и сказалъ:

– Помедли съ возстаньемъ, помедли, говорю. Скоро только блохъ ловятъ. Поторопитесь – попадете блохѣ на зубъ. И пропадете.

Толпа – соборно – спросила:

– Чего медлить?

– О нетерпѣливые, вы не вѣдаете... не ходите на Иду-гору – богинь прогнѣваете! – отвѣтилъ онъ.

– Пустое сказываешь! Всѣ мы вѣдаемъ: зачнемъ! Блоха проскочила, столь повалила.

Акаю про себя думалось: «Въ душахъ ихъ царствуетъ страхъ неистребимый, и покорность, и подъяремность».

\* \* \*

Гора Ида была убѣжищемъ возставшихъ. Немногіе сначала пошли за Акаемъ. Заря играла на снѣгахъ Иды-горы,

вершина коей была вѣчно-одѣяна въ снѣжныя убранства – словно не было и нѣтъ безмѣрныхъ и безмирныхъ жаровъ въ раскаленныхъ низинахъ Крита. Природа даровала покой, и ощутительнымъ былъ хладъ вечнозаснѣженной горы.

Возставшіе знакомились между собою, называя другъ друга братьями. Братались. Часто слышны были такіе разговоры:

– А ты, братъ, кто? Вижу, всѣ тутъ полусвободные, простые люди. Я овцепасъ.

– Владычицы горшечникъ бывшій. Косой – имя мнѣ.

– А я, братъ, пахарь. Рябымъ звать меня.

– Мы – поставщики льна.

– А мы рабы царскіе. Убѣгли.

– Псарь.

– Строители кораблей! – крикнуло нѣсколько сидѣвшихъ поодаль.

– Рыбакъ я. Кривымъ прозванъ.

– А я, братъ, ремесленникъ. Прозвищемъ Рудый.

– Такъ ты жъ работаешь на народъ. Всегда въ теплѣ, державой пригрѣтъ! – съ ухмылкой и злобнымъ прищуромъ сказалъ нѣкій среднихъ лѣтъ.

– Не пригрѣтъ, а отпѣтъ, – отвѣтилъ ремесленникъ, потрагивая голову.

– Эхъ, ништо, братко. Нонче всё помѣняется.

– У Канути<sup>8</sup> руки загребуція: всякъ бойся его!

---

<sup>8</sup> У Кносса, столицы минойскаго Крита.

– Такъ-то оно такъ. Да мы ему руки-то пообломаемъ. Ладъ будетъ.

– Нагрянемъ бурею! Верши нами, какъ тебѣ угодно! Кончилось то время, когда жрицы нами вершили.

– Заревое, братъ, сказываешь, заревое! И буди тако!

Тѣмъ временемъ, какъ то часто бываетъ среди подобнаго люда, братанія во мгновение ока порою преходятъ въ свою противоположность: кто-то изъ собравшихся зачалъ ссору, вотъ-вотъ готова была разразиться драка, чреватая, быть можетъ, и смертями; слышалось: «Напьется, такъ съ царями дерется, а проспится, такъ и курицы боится!». – «А самъ-то, не трусь ли: давеча едва ль тѣлеса унесь...». – «Что? Ты что сказалъ, индюкъ?»; «А, была-не была! Лей масла въ огонь!».

Акай грозно крикнулъ:

– Не лайтесь!

Настала тишина, и возставшіе начали расходиться кто куда. Нѣкій молодець, не по-критски здоровый, съ прищуромъ, подошелъ тѣмъ временемъ къ Акаю и спросилъ его:

– Кабы лиса не подоспѣла, то бы овца волка съѣла! И за что къ тебѣ людъ нашенскій стекается? За что полюбили? Поль-деревни нашей убѣгло къ тебѣ, къ черной лискѣ-то.

– За сердце смѣлое, руку крѣпкую и главу холодную, – отвѣчалъ Акай-черная лиска, не глядя на него.

– Кто въ чинъ вошелъ лисой, то въ чинѣ будетъ волкомъ. А волкъ ловить, да ловятъ и волка. Недалече Смерть ходить.

Молчалъ Акай, глядя въ никуда.

Гордо возставшая надъ землею и высоко вздымавшаяся гора Ида пронзала небо, сизо-лиловая, звѣзда: въ лазури. Усталыя тучи находили на ней пристанище свое, въ то время какъ солнце забавлялось съ деревьями, играясь; наигравшись, рубиномъ окрашивало косогоры Иды. Рдѣло небо, кровавьясь. – Будутъ крови многіе: на землѣ. И Солнце было – какъ ножъ. Но множилась вопреки оку сему незримая очамъ человеческимъ тѣнь, ложащаяся на горы, холмы, поля, пажити, всё болѣе ширящаяся: накрывающая собою вѣчно-солнечный Критъ. И была тѣнь та – какъ бездна зіяющая.

Лабрисъ, Обоюдоострый топоръ, родиль ропоть. Рокотомъ вскорѣ пройдетъ по Криту тотъ ропоть.

## **Глава 4. Имато и Касато: разговоръ царя и первѣйшаго изъ слугъ его**

Въ вечносолнечномъ Кноссѣ (или точнѣе: въ Канути, какъ называли его мѣстные), столицѣ минойскаго Крита, еще не вѣдавшемъ законовъ, окружаемый тремя ширящимися кверху изсиня-черными колоннами, созданными не безъ вліянія Египта, съ которымъ минойскую державу всегда связывали дружескія отношенія, поддерживающими невысокій потолокъ въ темно-алыхъ тоновъ залѣ, находящейся по центру чертога, далеко разстилающагося въ длину и въ ширь, но не въ высоту, но, однако, возвышающагося надъ пространствами окрестными, будучи первымъ на свѣтѣ многоэтажны-

мъ дворцомъ, лѣниво поглядывая на морскихъ животныхъ и растеній (многія изъ которыхъ почитались священными), съ большимъ мастерствомъ изображенныхъ мѣстнымъ изряднохудожникомъ на стѣнахъ и казалось бы застывшихъ, но на дѣлѣ вносившихъ нѣчто динамическое въ полумертвый бытъ Дворца, возсѣдалъ на кипарисовомъ престолѣ, отдѣланномъ златомъ и костью слоновой, окрашенной въ пурпуръ, Имато, Багрянородный, Благобыкій, царь царствующій, богъ живой, выше котораго изъ живыхъ не было никого, кромѣ, быть можетъ, его супруги, коей онъ по критскимъ обычаямъ подчинялся во многомъ, но не во всѣмъ. Таковъ былъ тронный залъ, бросившійся бы въ сердце любому (кносскій дворецъ – олицетвореніе изящества и утонченности, твореніе предшественника Дедала), но не пресыщеннѣйшему изъ людей – царю Имато. Неспѣшно и со скукою обводилъ царь очами многократно видѣнные свои покои, прикасаяся десницею то къ ланитамъ и выѣ, въ тысячный разъ за день удостовѣряясь, что онъ выбрить гладко, что щетина (и тѣмъ паче борода, свойственная черни) не оскорбляетъ царское его достоинство, то къ обильнымъ своимъ синякамъ и разсѣченной губѣ – се слѣдствія игрищъ плотскихъ, имъ нѣкогда любимыхъ, но наскучившихъ ему (однако, сказать, чтобъ онъ могъ хотя бѣ день-другой обойтись безъ нихъ и нынѣ – никакъ нельзя), – и принималъ ближайшихъ своихъ подчиненныхъ, людей знатнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ.

Одинъ изъ нихъ, вечноженственный, съ осиною таліей и

въ набедренной повязкѣ (какъ молвить бы очевидецъ изъ эпохъ много болѣе позднихъ, случись ему узрѣть сіе), съ кудрявыми черными власами – его можно было принять за дѣву, если бы не загорѣлая кожа – вѣрный знакъ мужа (изъ мужей лишь царь могъ позволить себѣ быть блѣднымъ, какъ дѣвы), – находясь предъ вседержителемъ лицомъ къ лицу (вѣрнѣе, лице предъ лице), съ вечнотрясущимися предъ Имато, лишь предъ Имато руками, голосомъ – въ такихъ случаяхъ – дрожащимъ и высокимъ, окрестъ себя оглядѣвшись, подсознательно опасаяся, не подслушаетъ ли кто ихъ имѣющую быть бесѣду, изрекъ:

– О Вседержавный, великолѣпіе Твое превышаетъ...

Имато, морщась, перебилъ его словами:

– Ты пришелъ во время неназначенное, такъ молви, о степенный Нашъ слуга: что случилось въ земляхъ критскихъ, солнцемъ обильныхъ, въ земляхъ добрыхъ?

Касато (такъ былъ нареченъ своею матерью первѣйшій изъ слугъ повелителя), приходя въ волненіе еще большее, запинаясь, началъ:

– О Вседержитель, есть къ Тебѣ слово, ибо есть вѣсти...

Царь съ воодушевленіемъ большимъ приказалъ тому продолжать словами «Говори же, говори!».

– Осмѣлюсь доложить: вѣсти дурныя, – отвѣтствовалъ, заикаясь, вѣрный слуга царя (всѣ ближайшіе слуги царскіе были слугами вѣрными: такъ было принято считать въ тѣ времена въ мѣстахъ сихъ).

Имато начиналь уставать отъ свойственнаго придворному этосу напускнаго раболѣпія и изрекъ:

– Коли не скажешь – дурны будутъ не вѣсти, тобою еще не рассказанныя, а дѣла твои.

Слуга, сбросивъ половину придворнаго этикета (нѣчто невиданное!), голосомъ болѣе бодрымъ и на сей разъ по-здоровому взволнованнымъ, приблизившись къ царю почти вплотную, произнесъ, быстро выговаривая слова и не менѣе быстро вращая очами:

– Повинуюсь, но то черная вѣсть. Царь, не осуди и казнить не вели! Не вели! Но чернь недовольна своимъ бытіемъ. Предчувствую: недоброе не стучить – ломится въ двери.

Имато перебилъ не безъ раздраженія:

– Чернь всегда недовольна, на то она и чернь; какія жъ это вѣсти, что жъ здѣсь новаго, Касато? Чернь и сама не вѣдаетъ чего желаетъ во всеалчныхъ своихъ желаньяхъ. Но таковъ міръ: есть Господинъ и есть рабы, изъ коихъ наипервѣйшій – ты.

– Таковъ порядокъ міра, Владыко! Святой и подлинный, отъ вѣка существующій! Конечно, она «всегда недовольна, на то она и чернь», – голосомъ вкрадчивымъ отвѣтствовалъ Касато, изливая на царя потоки критской сладости, ибо опасался онъ, какъ любой здравомыслящій на Востокъ, пасть въ немилость. – Ты, Высочайшій изъ царей, сіе очень мудро отмѣтилъ, и всегда она горазда измышлять всякія небылицы, всѣмъ вредныя, ибо состоитъ она изъ нечестивцевъ презрѣн-

нѣйшихъ, вседерзкихъ порою и всегда всеподлыхъ, изъ червей, копошащихся въ земляхъ критскихъ, отъ вѣка и до вѣка святыхъ и добрыхъ, наилучшихъ во всѣхъ Вселенной, но всё жъ позволь мнѣ, вѣрнѣйшему изъ слугъ Твоихъ, по великой твоей милости добавить къ сему: отмѣчу, что нынѣ она недовольна въ мѣрѣ много большей: она – дотолѣ незлобивая по волѣ Матери – ропщетъ; и ропщетъ впервые... Обезумѣль людъ! Осмѣлюсь доложить: рѣчь идетъ о бѣдѣ! По инымъ землямъ появились сборища опасныя: для общаго порядка, для думъ народа. Смутьяны! Измышляетъ чернь нѣчто, намъ противное, противное многославному Твоему достоинству, противу трона самого: противу всемилой и вселюбимой Отчизны желаетъ она злодѣять! Никто не помнитъ такого, чтобы чернь свободная такого желала; рабы – бывало, но чернь! Гласъ мятежа слышу, смиреніе и покаяніе – испарились: были и нѣтъ ихъ. И при всѣмъ преклоненіи предъ Тобою, о Властитель, при всей Любви пребезмерной – къ Тебѣ и къ родимому Криту стоградному, къ доброй нашей землѣ, при всѣмъ уваженіи – безпримѣрномъ, я – преклоняюсь предъ Тобою вновь и вновь, отъ вѣка и до вѣка, но изреку должное быть изреченнымъ не ранѣе и не позднѣе, но именно нынѣ, ибо се долгъ мой – предъ Тобою и предъ отчизною – и се глаголю: настало время дѣйствовать, ибо заступила бѣда, горькая. Бѣда! Мати, Мати, время тяжкое отъ насъ отжени!

Отвѣсивъ поклоны, мѣрно-хаотическіе, Касато, переведя духъ (о, если бы онъ у него былъ!), продолжалъ болѣе спо-



койно:

– Чернь становится словно монолитною, чернь зубъ точить, се вѣсти наистрашнѣйшія, гроза посередь яснаго неба критскаго, она дѣйствуетъ по чьему-то наитію... О немъ, о ее сплотившемъ, о возмутителѣ народномъ, что словами бунтуетъ людъ, ходять слухи, но мало кто его видалъ... Нѣкій пришлый, возмутитель спокойствія, родоначальникъ нечестія, – народъ мутить; откуда родомъ – покамѣсть неизвѣстно; извѣстно только, что не критскій. Виновника сего – негодя злотворнѣйшаго – сыщемъ, сыщемъ – вѣрь мнѣ, вѣрь, о Наивысшій изъ высокихъ. О! Сыщемъ: главою клянуся! И да настигнетъ его мечь всѣхъ, всѣхъ богинь нашихъ и нашихъ боговъ; да настигнетъ его и моя мечь, нижайшаго изъ рабовъ Твоихъ, мечь, разящая, яко копья воевъ нашихъ, лучшихъ во всей Вселенной, не вѣдающихъ роздыха во браняхъ, острая, яко серпы да косы землепашцевъ нашихъ, лучшихъ во всей Вселенной, горячая да раскаленная, яко мѣдь, пылающая подъ орудіями многомошныхъ нашихъ кузнецовъ, лучшихъ во всей Вселенной. – Мечь моя да будетъ стрѣлою, всеразящей и страшной, яко и боль моя, рожденная злодѣяньемъ Нечестивца, злодыхательнаго, злотворнаго: злодѣяньемъ, чернымъ, яко Ночь.

Вновь переведа если не духъ, то дыханье свое, продолжалъ царедворецъ:

– Заступаетъ время горькое, злотворное. Множится дѣйство окаянное. Зло учинилось на землѣ критской. Отъ того,

какъ мы отвѣтствуемъ на надвигающіяся изъ грядущаго бури, зависятъ судьбы не только Твои, о Державный, не только народа Твоего, но и потомковъ – Твоихъ и народа. Настало время отвѣтствовать Нечестивцу дѣяньями: кровью. Всепокорно ввѣрю реченное Твоей милости.

Склонившись долу согласно придворному этикету, Касато, улыбаясь, возопилъ:

– Славься до скончанія временъ, Величайшій изъ великихъ. И живи во вѣки вѣковъ, покамѣсть и самое Время не истлѣетъ.

Царь началъ чаще обычнаго тереть руками свои синяки и поглаживать свои ланиты и выю; вмѣстѣ съ тѣмъ выпрямилъ онъ сутулую свою спину, и очи его стали грозными (а не лишь спокойно-надменными, какъ обычно); властнымъ жестомъ десницы приказалъ онъ исчезнуть слугъ своему, и тотъ, разсыпаясь въ поклонахъ, спѣшно удалился изъ царскихъ покоевъ, предъ тѣмъ воскликнувъ подобающее къ сему случаю «Служу Имато. А въ Имато – служу Криту!».

Потъ лился – несмотря на прохладу, даруемую Дворцу матеріаломъ, изъ коего былъ онъ скроенъ: камнемъ, – съ Касато. Чуваль онъ, что сдѣлалъ онъ дѣло, и улыбка, по-восточному лукавая, жадная, алчная исковеркала восточное его обличье. Дѣло шло къ Ночи, и воцарялася тьма на безмятежномъ критскомъ небѣ. Съ болѣ легкой душой и совѣстью болѣ чистой улегся Касато спать во Дворцѣ, отправивъ по домамъ слугъ своихъ ранѣ срока и никого изъ нихъ не оставивъ

на ночь. И снилися ему сны, въ коихъ онъ и самъ былъ то пріемлющимъ дары и одобренья, награды и почести отъ вседержителя, то былъ онъ – тише, тише! – и самимъ царемъ: царемъ царствующимъ и повелѣвающимъ, съ Лабрисомъ въ руцехъ. Сладко потягивался Касато, объятый сладкими своими снами, переполненными мечтами и алчбами невозможными; быть можетъ, нѣчто подобное Касато выговаривалъ и вслухъ – спать не переставая.

И былъ онъ разбуженъ посреди ночи черной, и страхъ пронзилъ сердце его, и очи его словно превратилися въ шары, и снова потекли поты по кожѣ его, загорѣлой и жирной, а десница потянулася за короткимъ мечомъ, запасеннымъ для возможныхъ злоумышленій противу него, Касато, вѣрнѣйшаго изъ вѣрныхъ слугъ.

– Что случилось? Кто смѣетъ будить Насъ посреди Ночи? – властно и грозно и – одновременно – съ таимымъ ужасомъ вопрошалъ онъ вошедшаго. И блеснула лучомъ луннымъ мечъ его, прорѣзавшій его рукою тьму сгустившуюся.

И былъ отвѣтъ въ ночи, и не было свѣтовъ, и сребрился гласъ во тьмѣ: «Гряди къ царю царствующихъ: славный нашъ Отецъ говорить съ тобой желаетъ и просить немедля къ нему пожаловать». Касато вскочилъ съ ложа и едва ль не бѣгомъ отправился къ царю (бѣгъ его зачинался ужасомъ, объявшимъ и сердце его, и умъ, и тѣло), стучаясь о дверные косяки и выступы, ибо всё было въ темяхъ и тѣняхъ, спотыкаясь въ дебряхъ, во чревѣ Дворца-Лабиринта; рога посвя-

щенія и букраніи – пугали: вездѣ бычій духъ, словно гдѣ-то – въ темяхъ и тѣняхъ – затаился быкъ, ждущій, наблюдающій, готовый напасть на жертву въ мигъ любой. Ширился коридоръ, обступаль, нависаль на царедворца, страша его. Не безъ труда добрался онъ до покоевъ царскихъ, до сердца чудища-Дворца, – не грѣхъ и высокорожденному придворному заблудиться въ Лабиринтъ, въ «Святилище двойного топора» или же въ «Домѣ двойной сѣкиры» – Лабриса, въ величайшемъ и обширнѣйшемъ изъ чертоговъ, ибо заль былъ столь много, что чѣмъ если не путаницею воплощенной и Лабиринтомъ были онѣ? – и, лишь приблизившись къ залѣ Высочайшаго, остановился, и перевелъ дыханье свое. Дверь отворилась. Касато тѣнью незримой, неслышимый, медленно вошелъ въ царскіе покои, дѣлая поклоны, какъ то подобаеть. И услышалъ онъ гласъ царскій съ повелѣніемъ приблизиться. И приблизился онъ со страхомъ велимъ, отирая поты тканью. Имато молчалъ съ четверть часа, глядя на звѣзды, струющія свѣты свои чрезъ окна залы. Наконецъ молвилъ:

– Касато, ближайшій изъ нашихъ приближенныхъ, благодаримъ тебя за вѣсти твои; благодаримъ, что не убоялся Намъ о семъ молвить (остальные изъ страха умолчали) – нынѣ, а не во время самого возстанья, коего, быть можетъ, не миновать.

Касато просіялъ, и снова грузы, словно подвѣшенные къ сердцу его, съ него непостижимымъ и незримымъ образомъ низверглись долу: сіялъ онъ и излучалъ свѣты, не столь,

впрочемъ, яркіе, дабы ихъ узрѣть въ ночи.

Царь продолжалъ:

– Есть причины мнить, милый Нашъ (ибо было Мнѣ видѣніе давеча), что кровей многихъ мы не узримъ, хотя возстаню, какъ изглаголали Мы мигомъ ранѣе, быти. – Будеть лишь одна смерть: смерть нѣкоего дерзновеннаго, слишкомъ дерзновеннаго (во снѣ зрѣли Мы обличье его, зрѣли его живымъ!), слишкомъ ужъ опьянившася – единовременно – и силою своей, и своими же видѣніями; но видѣнія – и Наше, и его – не бываютъ своими: ихъ виновники – боги. Во снѣ зрѣли Мы его покушающимся на святой Нашъ престоль, зрѣли его вседерзкимъ, опившимся виномъ дикимъ, претворяющимъ челоуѣка во звѣря. Ясно одно: угодно богамъ забавлять и развлекать Насъ, божественное Наше достоинство, ибо онъ развлекаетъ Насъ, и тѣмъ для Насъ хорошъ; онъ не помѣхи намъ чинить, а щекочетъ сладко. Се подарокъ прекрасный, прекрасный, ибо развѣваетъ онъ скуку, извѣчную Нашу спутницу, издавна полонившую душу. Что жъ...скучно Намъ и впрямь быти престало. Осталося одно – не оплошать, а сіе – уже не Наши, но твои заботы: Критъ отъ вѣка благоухаетъ, и малая гниль – ему не помѣха: таковъ порядокъ міра. Азь вѣдаю, чему быти, а чему нѣтъ: будь покоень.

Касато волею принудилъ себя не мѣнять выраженье лица, ибо ему подумалось: «Вѣдаетъ онъ Критъ, отецъ народа критскаго, какъ же...А вотъ я вѣдаю: пахнетъ Критъ дурно: Критъ – не дворець кносскій, а всё, всё за предѣлами его:

отець чадь критскихъ, а Крита не вѣдаетъ».

Царь сдѣлалъ недолгую паузу и, улыбаясь и соча изъ себя критскую доброту, произнесъ, медленно и елеино:

– Помнится, ты проигралъ Намъ дюжину партій въ кости: къ ряду; Насъ не могло сіе не радовать и не веселить сердце, полное заботъ о дитятахъ своихъ: ты соперникъ сильный, побѣждающій всѣхъ, oprичъ Насъ. Что жъ, что жъ: представляется, что именно тебѣ Мы и поручимъ вести дѣло сіе по великой Нашей милости: тебѣ, а не Кокалу, воеводѣ верховному, какъ то подобало бы содѣять; но онъ побивалъ Насъ въ кости, къ несчастью своему, а у прочихъ не всегда выигрывалъ; такожде не любимъ Мы того, что скромень онъ и сдержанъ излишне въ своихъ проявленьяхъ любви къ Намъ: рѣже тебя онъ кланяется и не столь низко кладетъ Намъ поклоны. Дюжину разъ проигрывалъ ты: въ кости; такъ побѣди: въ подавленіи возстанья, уже заченшагося въ лонѣ земли нашей и нынѣ расцвѣтающаго на ней. Ей, гряди и не оплошай, не оплошай. А возставшихъ, жизнь которыхъ державный Нашъ мечъ исторгнетъ вскорѣ, посвящаю Матери какъ даръ.

– О царь великій великой страны, сотни колесницъ, въ коней быстроногихъ запряженныхъ (и воевъ при нихъ), къ нашимъ услугамъ, ожидаютъ они славныхъ Твоихъ повелѣній, серебромъ, да златомъ одѣянные, да костью слоноюю.

– Сдѣлай Быстронаго воутріе, днемъ, да передай, что Мы по-прежнему любимъ его: больше народа своего. Да поцѣлуй отъ Насъ Ретиваго: онъ любимецъ Нашъ въ той же мѣрѣ, –

отвѣтствовали Имато не безъ жара, глядя въ ночную черноту залы, – Ахъ, кони, кони, любовники вѣтровъ, велики вы въ своей силѣ, безсмертны и красны. Что люди – песокъ морской, но кони! – Существа божественныя, Намъ равныя. Да не коснется рука черни ни единого изъ нихъ; а ежели коснется – не миновать имъ смерти черной. Потому ты, верно-подданѣйшій изъ доблестныхъ Нашихъ слугъ, достойнѣйшій изъ чадъ критскихъ, используй въ цѣляхъ устрашенья черни (а ежели потребно будетъ – и во браняхъ) братьевъ критскихъ: ужель пѣхоты не хватить для сего? А коней славныхъ побережемъ, побережемъ: ужь больно любви Намъ. Царь на конѣ, а людъ – пешь. Царь на конѣ, а людъ – подь конемъ.

Помолчавъ и снова поглаживая синяки свои, Имато продолжилъ свою рѣчь:

– Касато, вотъ тебѣ слово Наше: побѣдишь – и пожалуемъ тебѣ отъ щедротъ своихъ многихъ, Быстроскачущаго, лучшаго изъ коней во всей Вселенной, съ превеликимъ избыткомъ силъ, одного изъ Нашихъ любимцевъ, да въ придачу къ нему треножникъ царскій, созданный самой Матерью, цѣною едва ль не въ сто быковъ, пышущихъ здоровьемъ, въ расцвѣтѣ силъ своихъ.

– Слушаюсь, о Всеверховный! Приказъ Твой – сердцу услада. Скрывать не стану: мысли объ обладаніи Быстроскачущимъ – самыя горячія, медовыя, огненно-струющіяся! Едва ль что дороже найдется въ созданныхъ Матерью земляхъ. Конь сей – словно вѣтеръ! Ибо я потерялъ три дни назадъ

Иноходца: смерть претерпѣль онъ отъ старости.

– Это большая потеря, милый Нашъ Касато, – съ печалію вымолвилъ царь, – бѣда пребольшая. Быстроскачущій, созданье вечномолодое, сослужить тебѣ службу велику. Но помни: его донынѣ не оскверняла нога человѣка: ни единого раза осѣдланъ онъ не былъ. Одаримъ тебя существомъ всечистымъ, и ты по милости Нашей первымъ его познаешь. Какъ ты вѣдаешь, у насъ во Критской во державѣ – не въ примѣръ землямъ прочимъ – и кони пьютъ вино (поѣдая овесъ, смоченный виномъ); отчего и намъ не выпить? Ей, гряди вонь: Мы устали отъ рѣчей и мыслей тяжкихъ, ибо рѣчи и мысли всегда тяжки для Насъ, ибо мысли и думы суть спутники бѣдности и нищеты.

– О Имато, наивеличайшій изъ бывшихъ и изъ грядущихъ царей Крита, я не могу (и ежели могъ бы – не смѣлъ) столь же зорко и глубоко зрѣть грядущее, какъ ты зришь съ непоколебимыхъ высотъ величія Твоего. Потому я, скромный Твой слуга, приму совѣты Твои, не смѣя обдумывать ихъ.

– Ей, гряди ко сну, а предъ тѣмъ пей и весели сердце высокое, поступай во всёмъ по велѣнію высокой души.

– Повинуюсь. Иду, иду, – склонившись до каменнаго пола отвѣтилъ Касато.

Когда Касато съ подобающими поклонами вышелъ съ возгласомъ «Служу Криту», Имато, задумавшись глубоко, произнесъ вслухъ: «Критъ – конь Мой; и Азь сѣдлаю коня...».

Касато же про себя думалъ: «Дѣйствовать, конечно, буде-



мъ иначе. Сперва: хлѣба и зрѣлищъ. Затѣмъ: крови главаря. И всё сіе дѣять и въ самомъ дѣлѣ – подѣ бдительными очами братьевъ критскихъ. Въ концѣ концовъ: господамъ слѣдуетъ заботиться о рабахъ своихъ». И началъ попѣвать народную пѣсню «Въ кносской во рубахѣ по полю я шель», всѣми извѣстную въ то время въ минойской державѣ.

Можно задаться вопросомъ: какъ могъ, будучи въ трезвомъ умѣ и твердой памяти, Имато назначать на толь отвѣтственную для ихъ отчизны должность человѣка несвѣдущаго, человѣка неглубокаго, человѣка пресмыкающагося, но въ первую очередь – человѣка столь *безшумнаго*? Какъ могъ Имато довѣрить Касато военное дѣло въ толикій часъ: человѣку, который любому трезвомыслящему показался бы самимъ ничто, переполненнымъ раболѣпія? Отвѣтъ простъ: такова царева воля; но насъ подобный отвѣтъ едва ли удовлетворить, и мы посему добавимъ: Имато былъ рабъ удовольствій своихъ и настроеній собственныхъ: Имато не въ примѣръ правившему много послѣ Радаманту – не вѣдалъ чего-либо застывшаго надъ нимъ, будь то: законъ, который долженъ исполняться любимъ, а вѣдалъ только удовольствія и неудовольствія: свои, лишь свои: свои настроенія и прихоти тѣла возводилъ онъ въ законъ. Поверхъ сказаннаго: Имато попросту довѣрялъ Касато: какъ себѣ; точнѣе: болѣе, чѣмъ себѣ. Ибо съ одной стороны, Критъ не зналъ еще случаевъ типичной для Востока *ненадежности* правыхъ и лѣвыхъ рукъ государя (ибо главною мудростью любого восточнаго

правителя было: никому не довѣрять). Съ другой стороны, Имато былъ слишкомъ лѣнивъ для дѣлъ управленія (управленіе вѣдь не царствованіе!), что полагались имъ ниже собственнаго достоинства. Потому и довѣрялъ царь Касато, лучшему изъ слугъ своихъ, по его словамъ.

И были предовольны оба, и праздновали – каждый въ своей залѣ, каждый со своей женою и каждый со своимъ виномъ: у Имато зала превеликая, у Касато – великая; у Имато наложницы наилучшія, у Касато – просто лучшія; Имато пѣтъ вина престарья, Касато – просто старья, – словомъ, бытовали чинъ чиномъ, по законамъ неписаннымъ, скорѣе вѣчнымъ, чѣмъ дѣдовскимъ, и честь свою знали. Что Имато, что Касато переходили: въ радованіе и веселіе; а послѣ и сами претворились: и въ радованіе, и въ веселіе; и улыбка не сходила съ устъ ихъ, и лишь утомившись отъ нея, смогли они заснуть: каждый въ своей залѣ, но въ одно время. И были таковы. – Такъ проходятъ высочайшіе дни: будни высочайшихъ людей.

\* \* \*

Не чудище ли Кноссъ, не сердце ли тьмы; не Лабиринтъ ли Дворецъ и не минотавръ ли Имато?

## **Глава 5. Акай, или начало страды**

*Гецъ. <...> Признай, господь на моей сторонѣ.*

*Настя. На твоей? Нѣтъ. Ты не человекъ, избранный богомъ. Ты въ лучшемъ случаѣ трутень Господень.*

*Геѣъ. Откуда тебѣ знать?*

*Настя. Люди, избранные Господомъ, разрушаютъ или строятъ, ты лишь сохраняешь всё какъ было.*

*Геѣъ. Сохраняю?*

*Настя. Ты съешь беспорядокъ, а беспорядокъ – лучший слуга установленнаго порядка.*

*Сартръ*

Тѣмъ временемъ ряды возставшихъ множились – и много быстрѣе, чѣмъ разумѣла власть: Акай – и рѣчами, и дѣлами – мудро собиралъ вокругъ себя всѣхъ угнетенныхъ, всѣхъ гольцовъ, всѣхъ отверженныхъ, зажигая мужествомъ ихъ сердца. Среди возставшихъ были также и нѣмые: несчастнѣйшимъ рѣзали языки по манію своихъ владѣтелей бывшихъ, содѣлавшихъ это для увеселенія жестокихъ своихъ сердецъ. Послѣ захвата одного изъ окраинныхъ дворцовъ, говоря иначе: послѣ первой побѣды, – когда число ихъ стало внушительнымъ, Акай собралъ совѣтъ, воздавшій ему знаки почтенія, и началъ рѣчь на уступахъ горь:

– Соратники, начинанія наши святы и богамъ не противны; не противу боговъ они и воли ихъ, но противу жриць и тѣхъ слабосильныхъ и растучнѣвшихъ, что съ ними заодно. Довольно хлебнули мы горя, да сидѣли на цѣпи, какъ псы, подъяремно бытующи, да жалобились! А они тѣмъ време-

мъ въ три горла вина пили да жрали! Думно мнѣ: богамъ такое униженіе дитячьихъ своихъ угодно быть не можетъ; чувствуетъ мною да зрится мнѣ такожде: и боги, и богини съ порь иныхъ не на ихъ сторонѣ, а на нашей. Ибо они, боги всеблагіе, заповѣдали намъ жити инако: какъ отцы, какъ дѣды, какъ ихъ дѣды. Въ достаткѣ мы жили: всякъ помнитъ сіе. Блаженъ былъ удѣлъ ихъ. Смотрите же, что нынче дѣется: народъ – въ нищетѣ; народъ – во скорбяхъ многихъ; народъ – стонетъ и не въ силахъ поднять главу. Доколѣ? Доколѣ мы будемъ терпѣть? Ей, истинно глаголю: пора, пора зачинать, не время болѣ терпѣть – будетъ лишь хуже. Ей, встрепенись, народъ, подыми выю изъ полона; съ подъятою къ небесамъ главою гряди по землѣ родной; а предъ тѣмъ – сбрось иго угнетателей, разбей оковы да брось оземь ярмо!

Рукоплесканія обильныя были слышны и звуки одобренія, ободрительно гудѣла земля.

– Почто одни всѣмъ владѣютъ, а иные, работящіе до смерти, ничего не имѣютъ? Почто терпимъ мы жриць и жрецовъ растучнѣвшихъ, истекающихъ тукомъ? Помните: они не выше насъ – ни въ чѣмъ. Они, какъ и мы, любятъ хлѣбъ, вино, дышатъ однимъ съ нами воздухомъ, піютъ воду съ жадностью. Почто одни купаются то въ прохладѣ, а когда наскучитъ имъ сіе, нежатъ тѣла свои на солнцемъ: а не гнутъ три спины подъ нимъ вседневно и не испепеляютъ – солнцемъ – плоть свою въ работахъ многихъ? Они, какъ и мы смертны, и имъ, какъ и намъ, не дано вкусить безсмертія. И плоть ихъ

бренна и издаеть смрадь, случись имъ смежить очи. О, мы принудимъ смежить ихъ очи: навѣкъ! Навѣкъ!

– Навѣкъ! – вторемъ въ пространствахъ окрестныхъ отдавался возгласъ толпы.

– Слѣдуй за мной: тотъ, кто не въ силахъ болѣ чувствовать на выѣ цѣпи раба – зримыя и не зримыя; кто готовъ сложить главу свою въ сѣчѣ великой; кто готовъ достойнѣйшей смертью – на полѣ брани – оплатить убогое свое бытіе, влачимое доселѣ.

Стоить отмѣтить: не всѣмъ были близки огненные слова Акая: ежели недавно-попавшіе въ рабство и нужду горячо привѣтствовали пламенные его слова, то рабствовавшіе съ рожденія, привыкшіе къ обездоленности, свыкшіеся съ нимъ, стояли молча, не выражая покамѣстъ ни согласія, ни несогласія.

– Клянуся богами и богинями Крита, что говорилъ отъ сердца, не лукавя, безхитростно, какъ думно мнѣ. И да настигнетъ ихъ моя злоба, черная, якъ Нощь, и мгновенно разящая, якъ молнія небесная. Клянуся! И боги да сопутствуютъ дѣлу нашему! Искрушимъ темницы, гнетъ мы свергнемъ, ярмо въ прахъ мы разобьемъ, и троны навѣкъ падутъ! Клянуся! – металл молніи Акай.

Многоголосое и гулкое «Слава Акаю!», разрѣзая аэръ тьмою выкриковъ, громогласно и зычно раздалось – вслѣдъ за молніей словъ Акаевыхъ – и было слышно въ еще долго гудѣвшихъ земляхъ.

– «Свобода» – кричатъ наши уста, ибо Свобода, богиня нонче неизвѣстная, въ душѣ воцарилася, она править бытіемъ моимъ, она – суть моя! – всё болѣе и болѣе разгорался Акай. – Но свобода моя должна еще стать свободою всѣхъ; я болѣе не въ силахъ быть свободенъ одинъ, въ одиночку, словно тайкомъ. Со Свободою ринемся мы въ бой противу господъ, отобравшихъ Её у насъ. И да окрыляютъ насъ и прочіе боги и богини. И да погибнемъ – но съ именемъ Твоимъ – на устахъ. О сыны Крита, перекуемъ на мечи: орала, серпы, плуги, косы! Якъ камень, въ море брошенный, круги рождаетъ, такъ и дѣло наше по Криту по всему вторьемъ отдаваться будетъ! Разгорятся пожарища... О, зрится мнѣ: они уже горять. О, какъ горять они! О, зрится мнѣ: блѣднѣетъ вѣнценосная медноголовость да трусость, упадываетъ. О, Критъ, ты возрыдалъ! Пожарища – слезы твои.

Послѣ Акай, помолчавъ и скользя по собравшимся взглядомъ грознымъ, что претворились въ шумъ и гамъ: рукоплесканьемъ и криками неистовыми, – добавилъ:

– Соратники, мы должны еще не менѣе недѣли, лучше двухъ, обучаться военному ремеслу, тонкостямъ владѣнья мечомъ, дѣлу ратному, ибо къ ратоборству мы несвѣчны, хотя бы и были критскіе братья и развращены, и слабы, и трусливы, ибо пребываютъ въ порокахъ многихъ. Мечей, однако, на всѣхъ насъ не хватитъ; лишь наиболѣе сильные получаютъ ихъ; остальные будутъ сражаться вилами, серпами, косами и ножами; есть въ нашемъ общемъ войскѣ и та его часть, что

обучена въ метаніи стрѣль и камней и продолжаетъ совершенствовать свои навыки.

– Да, братья, – когда гудѣніе стало мало-по-малу стихать, чуть помолчавъ, продолжилъ онъ, – на сторонѣ нашей – Правда, смѣлость и внезапность. Но всё распадется, ежели не будемъ мы монолитны, аки стѣна или камень.

Намъ стоитъ отмѣтить, что критяне не возводили – за ненадобностью – и потому многіе изъ простыхъ не вѣдали, что есть стѣна. Акай объяснилъ всѣмъ, но нельзя было сказать, поняли ли возставшіе его объясненіе или нѣтъ. Народъ частію былъ рѣшителенъ, будучи опьяненнымъ местью распалывшейся и побѣдами воображаемыми, частію же перешептывался; кто-то призывалъ себѣ въ помощь критскихъ богинь. Видя робость иныхъ, томившую ихъ сердца, Акай вновь воодушевлялъ ихъ:

– И да покровительствуетъ намъ Мать, родительница всего сущаго. Осѣненные Ея благословеніемъ, да побѣдимъ въ дѣлѣ нашемъ, преблагомъ и святомъ, судьбу коего мы ввѣряемъ Ей.

Къ Акаю подошелъ помощникъ его, одинъ изъ его недавно назначенныхъ военачальниковъ и сказалъ:

– Есть свѣдѣнія о томъ, что на дняхъ братья критскіе будутъ совершать омовенія въ морѣ; стало быть, болѣе часа-двухъ складъ съ оружіемъ будетъ охраняться лишь двумя-тремя воинами, и мы безъ труда и безъ жертвъ смогли бы захватить мечей и латъ, если не вдоволь, то по меньшей мѣрѣ

смогли бы вооружить каждого второго из уже возставших. Остальные, как ты и приказывал, уже вооружены длинными луками.

– Хорошія вѣсти! Такъ и сдѣлаемъ. Ихъ безопасность – залогъ нашей побѣды. Похоже, что сама Судьба благоволитъ успѣху дѣла, – потирая жилистыя, спаленныя Солнцемъ руки отвѣтствовала Акай. Видно было по облику Акая, что гордился онъ не собою въ сей часъ и не своимъ положеньемъ средь возставшихъ, но рѣчью, имъ произнесенною: дѣломъ правымъ горѣлъ Акай.

\* \* \*

Прошло нѣсколько недѣль. Вѣсь Критъ былъ теперь добычею ужаса – былъ онъ добычею возставшихъ. Громили дворцы, сѣя страхъ великій по землямъ окрестнымъ и землямъ дальнимъ, дѣя огненное свое прещеніе, и брали всё подрядъ. И пылали дворцы по всему Криту – какъ факелы въ ночи. Акай, полнясь гнѣвомъ, почитая его за гнѣвъ праведный, часто послѣ захвата очередного дворца (какъ правило, онъ нападалъ на дворцы ночью, разя спящихъ стражей дворца, а предъ тѣмъ какъ напасть – двигался съ предосторожностями немалыми) исторгалъ души не вѣмъ жрецамъ и жрицамъ, но лишь большей ихъ части; часть иную подвергалъ онъ униженьямъ: топталъ жреческое и дворцовое достоинство плѣненныхъ, единовременно полня этимъ счастье воз-



ставшихъ: проводилъ плѣнныхъ сквозь толпу свою, и та плевала въ проходившихъ, въ бывшихъ своихъ господъ, на челѣ коихъ то загорался багръ, то заступала бѣль, и побивала ихъ камнями. – Позоръ несмываемый – однихъ – былъ усладою – другихъ. Вышеописанное являло себя ярче, случись кому изъ бывшихъ представителей господствующихъ, изъ бывшихъ «вящихъ людей» (какъ говаривали тогда на Критѣ и не только на Критѣ, а, съ позволенія сказать, вездѣ; и понынѣ, если и не поговариваютъ такъ, то сами вящіе люди остаются и остаются прежними, хотя бы и назывались они «слугами народа») – попытаться либо сопротивляться униженьямъ, либо же – ихъ избѣгнуть. Такого рода попытки вызывали смѣхъ всеобщій и радость. Однажды возставшіе, подходя къ никѣмъ не охраняемому дворцу, повидали жрицу, скрывавшихся подъ сѣнью дворцоваго алтаря, выточенного изъ кипариса, священнаго древа, но храмомъ здѣсь былъ не дворецъ и не та или иная часть его, но природа целокупно; однако, по всей видимости, жрицы тѣ еще не слышали о возстаніи и успѣхѣ его, судя по рѣчамъ ихъ. Ибо одна изъ нихъ, старшая, говорила второй: «Смерть черная неизъяснимо владычествуетъ всюду, и гибнетъ всё живое. Ибо позабыли богинь да Матерь всеобщу. То Ея попущеніе на насъ. Всюду мужи, всюду. Но мужи глухи къ воззваньямъ богинь, глухи къ Землѣ; лишь внѣшне они благочестивы, но не сердцемъ. Что удивляться? Отъ того и недородъ, и гладь, и морь. Сохрани, Мати, царя и жену его; да бѣду и грозу отжени!».

Вторая, младше, вторила ей: «Всё происходящее есть кара богинь, сомнѣній въ томъ быть не можетъ, – вездѣ начертанья Судьбы. Оскорбленныя глухотою да низостию мужей, онѣ ниспосылають бѣды многи на священныя наши земли. Такъ что всюду и всегда царить справедливость – что бы ни говорила чернь несвѣдущая: и се зримъ её. Но и намъ долго еще предстоитъ, о жрица высочайшая, довольствоваться зерномъ, покамѣстъ Критъ стонетъ подъ бременемъ кары богинь: нѣтъ болѣ жертвъ тучныхъ, нѣтъ млека, нѣтъ мяса, нѣтъ плодовъ земныхъ». Къ сему-то дворцу и приближались возставшіе. Увидавши гордый станъ Акая, шедшаго впереди, младшая молвила: и молвила безъ страха въ голосъ – съ вызовомъ – да такъ, что возставшіе могли её услыхать: «Гордость мужеская богинямъ и прочимъ высшимъ началамъ неугодна. Гордый всегда низвергается, и бить онъ Судьбою, ибо противоволитъ высшему. Не то съ нами – облеченными въ силу божью». Старшая, главнѣйшая, вторила ей, и отсвѣтъ багряный сіялъ на лицѣ ея: «Гордость всегда нечестива! И хлещетъ Гордыня по ланитамъ: васъ же самихъ». Участь ихъ была незавидна: въ тотъ же мигъ были многократно заколоты; и вотъ уже бездыханныя тѣла были вновь и вновь пронзаемы жестокою мѣдью, купавшейся въ багряныхъ отсвѣтахъ критскаго заката; багряною стала тогда земля, а тѣла ихъ претворились въ мѣсиво. Въ иной разъ, позднѣе, одной изъ жриць въ упоминавшемся выше шествіи (когда вящихъ людей проводили сквозь ряды плѣнныхъ, и послѣдніе плевали

и всячески унижали первых) послѣ того какъ та упала, поскользнувшись, стала посылать громы и молніи въ сторону возставшихъ, а послѣ приговаривать: «Какое униженіе! Мати, мати, спаси, и заступи, и помилуй! Лучше бы разразила меня тотчасъ молнія, лучше бы земля разверзлася!». Толпа, недолго думая, отвѣтствовала: «Земля если и разверзнется, то отъ нечестія тебѣ подобныхъ! А нонче предстоитъ тебѣ провѣрить желанія земли-матери, вкушая землю по нашему по изволенію!». И принялась толпа насильно кормить землю критскою критскую жрицу – подъ радостные вопли и вое толпы; веселіе, однако, длилось недолго. Были и иные подобные случаи. – Акай научилъ толпу радоваться страданьямъ причинявшихъ страданье, какъ бы предваряя – за вѣка – библейское «кровь за кровь, зубъ за зубъ», извѣчное не только роду человѣческому, но и роду животныхъ. И было возставшимъ любо попірать достоинство тѣхъ, кто укралъ достоинство у народа критскаго. Было имъ думно: дѣлають дѣло. Кто-то изъ толпы воскликнулъ:

– Отнынѣ, отнынѣ лишь Критъ воспрянетъ!

– Отнынѣ, отнынѣ величіе Крита – во прахѣ, сгибъ Критъ, пала родина наша, – скорбно и тихо, межъ собою говорили плѣненные жрицы. – Позоръ небывалый! Если ранѣе мы осуществляли попеченье надъ малымъ стадомъ, то нынче стадо то надъ нами дѣеть! Позоръ! Мы теперь не можемъ ни жить, ни умереть, ибо мы безоружны.

Одинъ изъ толпы, мужъ невысокаго роста, согбенный,

услышала сказанное жрицами и, полнясь ненавистью, выражавшейся пристальнымъ, сощуреннымъ взглядомъ, извергающимъ презрѣніе, сказала:

— Ну-тка, дайте, говорю, имъ мечъ въ руки ихъ: погляди-мъ, говорю, способны ль онѣ на убійство альбо на самоубійство.

Вручивъ имъ мечъ, глядѣли. Бывшія жрицы, хотя и взяли оружіе въ руки, не рѣшались ни на что; простоявъ не болѣе десятой доли часа, онѣ не сговариваясь бросили мечи къ ногамъ своимъ; инья возрыдали.

Мужъ невысокаго роста, тотъ, что приказалъ дать имъ мечи, торжествуя, молвилъ:

— Ваша трусость не вѣдаетъ предѣловъ. Вы, коли исторгли бы себѣ души, можетъ, и были бы достойны нами править; но вы — люди души столь мелкой, что... — и слова его заглушили радостныя вопли толпы.

Были между жрицами и ихъ помощники: мужчины-рабы. — Благодушные помощники жрицъ, евнухи если не по плоти, то по духу, оскопленные съ рожденія воспитаніемъ и тѣлесно-душевною гигиеною. Ихъ толпа растерзала еще до того: во мгновеніе ока. И была такова.

\* \* \*

Акай будиль неразбуженныхъ: Критъ дотолѣ не вѣдалъ возстаній: рабы, въ рабствѣ и рабствомъ рожденные и

вскормленные, и мнимосвободные, рабами – на дѣлѣ – ставшіе, – всѣ они были вскормлены покорностью, смиреніемъ, любовью къ царю, какимъ бы тотъ ни былъ. – Пробудить ихъ отъ сна было подѣ силу развѣ что цѣлой дружинѣ многохрабрыхъ иноплеменныхъ воевъ, несмотря на благодатную почву для возстанія. Однако Акаю сдѣлать это удалось: число сторонниковъ возстанія множилось; оно становилось всё болѣе и болѣе велико, близясь къ числу звѣздъ въ ночи. – Критъ пришелъ въ движеніе.

Акай дѣйствовалъ въ самомъ дѣлѣ мудро: молніеносными, внѣшне беспорядочными, никѣмъ неожиданными, какъ правило, ночными нападеніями онъ захватывалъ дворцы, не имѣвшіе, какъ извѣстно, ни гарнизона, ни крѣпостныхъ стѣнъ. Послѣ же ему – сами! – покорялися земли окрестныя, прилегавшія къ тому или иному дворцу. Часть мѣстныхъ жителей съ изряднымъ постоянствомъ втекала въ войско его, ширя и глубя его ряды. Также отмѣтимъ: часть критскихъ братьевъ также – чувствуя сила и женски къ льня къ ней – нерѣдко вливалася въ ряды возставшихъ, которые всё болѣе и болѣе походили на море, захлестывающее Критъ бурей, великой въ своей силѣ.

Какъ мы сказали, Акай дѣйствовалъ мудро. Сіе выражалось и въ томъ, что, грома наскокомъ дворцы и послѣ убивая жриць и чиновниковъ, онъ оставлялъ въ живыхъ и рабовъ, и – что много важнѣе – писцовъ, принуждая послѣднихъ отправлять гонцовъ въ Кноссъ съ глиняными табличками, под-

твержденными дворцовыми печатями (у каждого дворца была своя печать); въ табличкахъ сообщалось, что: либо опасность миновала и дворець отразилъ атаку возставшихъ, либо возставшіе не появлялись и, по слухамъ, находятся вовсе въ иныхъ земляхъ Крита.

\* \* \*

Иные изъ крестьянъ и ремесленниковъ, невеликіе числомъ, вовсе не были рады возстанію и противились отдавать возставшимъ плоды своихъ трудовъ. Такъ въ одной деревенькѣ послѣ того, какъ Акай побывалъ въ ней, еще не разъ поминали его лихомъ:

— Да будь онъ проклятъ, лиходѣй! Не братъ онъ намъ, а тать, говорю, и губитель.

— А хто?

— А Акай! Акай-нечестивецъ! Обобралъ насъ до нитки: хуже жриць.

— Да, послѣдствія смуты, говоритъ, еще страшнѣе. Саранчою идетъ по землямъ добрыхъ.

— Еще, говорю, губительнѣе, нежелъ поборы: поборы жриць всё жъ вѣдаютъ свои предѣлы, хотя предѣлы сіи выросли за годъ-два въ разковъ-то нѣскольکو. А сей лиходѣй да нечестивецъ, богамъ противный, беретъ себѣ и своимъ — всё. Всѣ!

Лицо говорившихъ было цвѣта багра — отъ возліяній мѣстнымъ виномъ.

По прошествіи еще нѣсколькихъ недѣль положеніе власть имущихъ становилось въ полной мѣрѣ катастрофически-мъ, ибо они не обладали какимъ-либо средствомъ усмирить толпу, захватившую къ тому времени немалую часть Крита (то были въ основномъ прибрежныя земли, гдѣ и покоились-дворцы): Имато не могъ — силою своего сребролюбія и лѣни — пойти на уступки египетскимъ друзьямъ, дабы тѣ оказали помощь въ борьбѣ съ возставшими; а войско, именуемое критскими братьями, въ самомъ дѣлѣ, было скорѣе собраніемъ мужей, не вѣдавшихъ о воинской доблести, — нежели воинствомъ. Критскихъ братьевъ учили чему угодно, но не военному дѣлу: шагу, достодолжнымъ взору и выправкѣ, походкѣ, смотрамъ, служенію, стойкѣ, наружности, даже внѣшности, того болѣе: иной разъ и утонченности. Они, какъ и ихъ начальники, не имѣли боевого опыта, не были закалены сраженіями, владѣли оружіемъ дурно, и если чѣмъ и устрашали супостата, то своимъ количествомъ, только количествомъ. Иные изъ нихъ — ежели рѣчь шла не о терзаніи завѣдомо болѣе слабого, а о противостояніи равнымъ по силѣ и числу, — суевѣрно боялись самого вида крови — не чужой, вполнѣ алкаемой, но своей и своихъ.

Акай же, напротивъ, принуждалъ всендневно упражняться всѣхъ взявшихъ въ руки мечи, вилы, серпы, косы, лу-

ки. Училъ онъ ихъ тактикѣ и достодождной дисциплинѣ. Мало-помалу рождалось военное мастерство возставшихъ, отсутствующее у численно превосходящихъ, но вынужденно разрозненныхъ критскихъ братьевъ: каждый изъ войска Акая могъ побѣдить любого изъ братьевъ критскихъ, сражаясь хотя бы и въ одиночку противъ двухъ-трехъ изъ пѣхоты Имато.

Благодаря мудрому управленію возставшихъ Акай въ концѣ концовъ добился того, что большинство возставшихъ претворили неумѣніе въ умѣніе и даже въ мастерство ратное: и добился того не только отъ отдѣльныхъ, наиболѣе талантливыхъ учениковъ, но и отъ цѣлаго. Возставшіе научились подъ мудрымъ его водительствоиъ быть едиными, быть однимъ цѣлымъ: они обучались двигаться всѣмъ вмѣстѣ, держа строй неколебимо, не утрушаться любой опасности, гордо взирать смерти въ лицо, её презирая въ сердцахъ, мало-помалу претворявшихся изъ сердець рабовъ въ сердца воиновъ; научилъ строиться любымъ изъ извѣстныхъ тогда видовъ построений, сдвигая или же, напротивъ, раздвигая ряды свои, смотря по необходимости, а до того заранѣе – во мгновение ока – подготавливаться – благодаря боевымъ дудкамъ – и къ оборонѣ, и къ наступленію.

Всѣ необходимое было въ ихъ распоряженіи; не было развѣ что коней; однако, напомнимъ, что и Имато – вопреки совѣтамъ Касато – строго-настрога воспретилъ использовать «противу черни», по его слову, колесницы, запряжен-



ных конями. — Однимъ словомъ, войско подъ начальствомъ Акая претворилось въ силу поистинѣ грозную, съ чѣмъ и были связаны военные успѣхи его, которымъ былъ премного удивленъ и онъ самъ, ибо не былъ дотолѣ ни полководцемъ, ни даже воителемъ, коему пристало знать всѣ тонкости военного ремесла.

\* \* \*

Какъ-то разъ, уже послѣ того какъ камни, нещадно бросаемые руками возставшихъ — самое малое — снова, вновь и вновь разсѣяли полоненныхъ трусостию, убоявшихся критскихъ братьевъ, чаще, впрочемъ, дробя головы ихъ... уже послѣ того какъ довершали дѣло стрѣлы, попадавшія мѣтко въ тѣхъ, въ кого не попали камни... уже послѣ того какъ пѣхота критская мало-по-малу пришла въ полное разстройство и бѣжала... уже послѣ того какъ, оглушая супостата, возставшіе валили его наземь, исторгали души безсчетно: руками, серпами, косами, ножами, мечами... — возставшіе, шедши вдоль холмистой мѣстности, отъ вѣка свойственной Криту, вновь узрѣли море, чья ширь разстилалася одесную; но не того желала плоть ихъ: томясь жаждою нестерпимою, алкали они воды прѣсной; искали источникъ недолго; и вотъ ужъ утоляютъ они жажду, рожденную зноемъ, великимъ въ силѣ своей...

Въ казавшееся мрачнымъ раздумье былъ погруженъ въ то

время Акай, словно глядя и въ древнѣйшіе вѣки, и въ грядущія дали, прорѣзая вѣсь морокъ времени: на критскомъ закатѣ. Нѣчто незримое горѣло въ Акаѣ. Думалось ему: «Ей, гляди: се заря новаго міра: свободнаго. Критъ уже возрыдалъ: пламенемъ своихъ дворцовъ». – Не о славѣ и не о прибыткахъ, но о предстоявшихъ походахъ слагалъ думы и о новомъ сѣяніи пожара; замышлялись разрушенія; посрамленіе Крита близилось; походъ манилъ близостью, было не до сна ему; обдумывалъ грозящія опасности; глядѣль на Луну, размышляя, благословеніе иль гибель сулитъ царица ночи, на копьяхъ ли узреть грядущее братьевъ критскихъ или же братья его, которые и подъ пытками – не братья братьямъ критскимъ, не останутся живы – полягутъ, сложатъ головы, познаютъ смерть и на поклевъ птицамъ будутъ лежать во прахѣ? Грядущее – зыбь, туманъ, морокъ. Но мысли такого рода словно и не мѣняли суровый и непреклонный обликъ Акай, человека мужественнаго, прямого и неколебимаго нравомъ, природы крѣпкой и широкой.

Возставшіе тѣмъ временемъ разбили лагерь; покоривъ – уже очередной – дворецъ и захвативъ припасы изъ самого дворца, равно и изъ зернохранилищъ его, а также изъ принадлежащихъ ему и къ нему прилегающихъ деревень, – пировали. Смеркалось, и аэръ становился нѣсколько хладнѣе. Спускалась ночь. Вскорѣ и усталость подкралась къ душамъ ихъ. Утомленные дневною бранью возставшіе, ежедневно-несущіе разрушеніе всему Криту, подъ журчанье вечно-

немолчнаго моря улеглись спать на критскомъ полѣ, отдыхающемъ отъ жаровъ дневныхъ и овѣиваемомъ теплыми аэрами. Вотъ уже и сонъ смеживаетъ имъ веки. Одинъ побѣдно спитъ калачикомъ точно котъ, другой сотряситель бытія – на спинѣ, третій ратникъ на животѣ, подмостивъ подъ голову одежду, четвертый дѣлатель великихъ дѣлъ – на комъ-то еще, попирая благородные критскіе устои, пятый – въ обнимку съ амфорою; всѣ сокрушители критскихъ обычаевъ, попиратели ига критскаго, поборники вольности святой – въ объятяхъ ночи, недвижно-счастливы. Мечи да луки побросаны возлѣ спящихъ тѣлъ, и Луна, царица ночная, величаво бросаетъ на нихъ жемчужные свои лучи. Нигдѣ не явить себя движеніе иль шорохъ какой. Вольно спитъ всё живое, опричь вечнободрствующей, но всё же уже клюющей носомъ стражи, вотъ-вотъ готовой покориться всемогущей стихіи сна. На небѣ – сіянье розсыпи еженощно-бдящихъ звѣздъ, и вѣтеръ колышетъ рѣдкую, опаленную днемъ растительность. Вдали иной свѣтъ – величественно-гнѣвный, зловѣщій, вселяющій страхъ – догорающее зарево поверженнаго дворца, надъ которымъ небо облеклось въ какой-то грязно-огненный отгѣнокъ; обгорѣлая и павшая обитель живо-мертвыхъ, обгорѣлыхъ и павшихъ, – во прахѣ, доносятся оттуда еще еле слышимые стоны умирающихъ, но заглушаютъ ихъ храпѣніе, сопѣніе, свистъ да рѣдкіе пьяные выкрики мятежныхъ братьевъ, иные изъ спящихъ фигуръ которыхъ были тускло-тепло озарены догорающимъ, отдаленнымъ от-

свѣтомъ павшей обители павшихъ. – Таковъ былъ едва ли не обычный день возставшихъ съ тѣхъ поръ.

\* \* \*

А Малой тѣмъ временемъ метался и подумывалъ, не при-мкнуть ли къ возстанію. Ибо издавна чужалъ всю неправду критскую. Но еще болѣе чужалъ близость Иры: примкнешь къ возстанію – и не увидишь её болѣ. Можетъ, и растаетъ Ира, лдяная твердыня, за неимѣніемъ прочихъ мужей, занятыхъ дѣлами военными. Ира была ближе Иды, обѣ хладны, снѣжны, лдяны, но Ира казалась прекраснѣе.

## Глава 6. Смерть Имато

Народъ – и возставшій, и сочувствующій дѣлу возставшихъ – винилъ во всѣмъ жриць и всѣхъ царедворцевъ, кромѣ царя Имато: неприкосновеннаго для народа, по-собачьи преданнаго ему не какъ Имато, но ему какъ царю: ибо преданы они были ему не въ силу тѣхъ или иныхъ его качествъ, но только потому, что тотъ былъ царь, а царь есть царь, и выше только Матерь. Даже въ томъ, что царь въ чрезвычайныхъ условіяхъ смуты приказалъ воздвигнуть потомъ и кровью дитячьихъ своихъ (такъ порою именовался народъ царемъ) не одинъ десятокъ деревянныхъ храмовъ и нѣсколько дворцовъ, – виновны были люди вящіе, но никакъ не Имато: та-

къ мнилось народу, поистинѣ мертвымъ душамъ, сущимъ во гробехъ, отъ вѣка и до вѣка темному, духовно-женственному, оглушенному Мы, мычащему. Народъ – корова, а Имато – Быкъ.

Положеніе Касато становилось еще болѣе катастрофическимъ, несмотря на всю мудрость его, лукавость и возможность использовать любыя средства: не столько изъ-за того, что подпадалъ онъ подъ народную ненависть (хотя и въ меньшей мѣрѣ: его боялись), сколько изъ-за грозящей и нависшей надъ нимъ возможности стать козломъ отпущенія: Имато въ качествѣ уступокъ народу рѣшилъ провести показательныя казни нѣсколькихъ высокопоставленныхъ чиновниковъ и нѣсколькихъ жриць. Касато, опасаясь опалы, ожесточался, порою теряя извѣчное внутреннее свое спокойствіе, порою – низвергаясь въ отчаяніе, всё болѣе и болѣе былъ готовъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, которыя становились для него часъ отъ часу всё болѣе и болѣе своевременными и попросту неизбежными. Когда началась очень короткая смута людей вящихъ, столь короткая, что мы не имѣемъ никакихъ ея подробностей, дабы описать её, смута, имѣвшая мѣсто лишь въ нѣсколькихъ дворцахъ недалеко отъ Кносса, Касато выказалъ себя самымъ преданнымъ царскимъ слугою: въ глазахъ царя. Казалось бы: затеплилась надежда въ сердцѣ, взойдетъ заря надъ мглою, но... Имато въ высшей мѣрѣ несвоевременно выказалъ свою медноголовость: жадничаньемъ: не послушалъ онъ Касато и не открылъ часть зернохранилищъ, дабы

накормить – хлѣбами земными – и утихомирить, такимъ образомъ, смутьяновъ. Не послушалъ его Имато и въ слѣдующихъ его желаніяхъ: Касато хотѣлъ преобразовать устройство войска; также въ подмогу пѣхотѣ Касато желалъ использовать въ сраженіяхъ конницу, не щадя коней; помимо этого Касато вель переговоры съ Египетской державою, ожидая отъ нея помощи въ подавленіи критской смуты въ обмѣнъ на многочисленныхъ рабовъ (Касато, въ частности, позволялъ, случись сему состояться, забирать египтянамъ едва ли не любыхъ изъ критскихъ рабовъ, жившихъ ли по деревнямъ или же въ многочисленныхъ дворцахъ), нѣкоторое количество треножниковъ и прочихъ преобильныхъ числомъ подѣлокъ земли критской и верховнаго Повара. – Всѣ это было подѣ запретомъ для Касато. – Имато вель самоубійственную политику, ведшую и его, и Критъ въ пропасть, крахъ и ночь.

Касато въ тѣ дни былъ внѣ себя и не всегда могъ сіе скрыть: впервые и въ самый неподходящій моментъ царедворцу не удалось навязать свою волю царю, несмотря на всѣ попытки (въ ходъ шло: вино, дѣвы, проигрыши въ кости, мнимыя самоуничженія, шутовство, лесть, игрища, подсадная охота и рыбалка, – всё безъ проку). То было роковымъ «рѣшеніемъ» Имато: роковымъ въ первую очередь для него самого. Имато и въ самый роковой часъ скрывался: въ чувственныхъ сферахъ: пилъ не переставая, принималъ ванну нѣсколько разъ за день, спалъ большую часть дня, долго «разговаривалъ» съ любимѣйшею изъ своихъ обезьянъ (ко-

торыя были животными священными, божествами низшаго ранга, посредниками между богами и людьми), тщась найти отвѣты на мучившіе его вопросы о спасеніи критской державы, остальное время пребывалъ въ объѣзтахъ дѣвъ, а свою супругу вдругъ началъ величать Великой Матерью, падая ницъ предъ ней и ей моляся. Снадобье сіе помогало: царь чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе не вѣдалъ, что творится въ добрыхъ земляхъ...

Касато прекрасно сознавалъ: положеніе во власти опредѣляется не личными заслугами, наградами, званіями, не происхожденіемъ, не добротою личной, ниже личными добродѣтелями, но токмо однимъ: чѣмъ-то, чѣмъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ, и что, вмѣщая въ себя раболѣпство и угодничество, было всё жъ не только раболѣпствомъ и угодничествомъ, но чѣмъ-то большимъ. Что не Касато есть проводникъ воли Имато, но ровно наоборотъ, догадывались многіе, но не царь Крита, который имѣлъ столь же мѣдную голову, сколь мѣдными были и знаки царской его власти: ему и во снѣ не приснилось бы, что не онъ, но ближайшій помощникъ его руководить всѣмъ. Однако силою разраставшагося возстанія и неудачной борьбы съ нимъ, Касато, на коего была возложена борьба съ «мятежниками» (такъ называли возставшихъ во Дворцѣ, хотя и «мятежники» или «смутьяны» о томъ вѣдать не вѣдали), опасаясь потерять благорасположеніе Имато и, какъ слѣдствіе, власть (или – что вѣроятнѣе – попросту боясь потерять собственную жизнь), принялъ

одно рѣшеніе: низвергнуть въ небытіе царя. Касато сознавалъ: власть потеряетъ власть, ежели въ самое скорое время не принять самыхъ радикальныхъ мѣръ; таковой была смѣна династїи – дѣло, отродясь невиданное на добромъ Критѣ, но отъ того лишь болѣе дѣйственное въ дѣлѣ сохраненія власти...

\* \* \*

– Съ рожденія воспитывали меня во страхъ предъ отцомъ твоимъ; страхъ перешель и по отношенію къ тебѣ; словно я съ каждымъ мигомъ – находясь при тебѣ – всё болѣе и болѣе должаю тебѣ; словно быть подлѣ тебя – милость несказанная. Но я преодолѣлъ его: его побѣдило безграничное къ тебѣ презрѣніе. Владѣлъ ты міромъ, думая, что ты – путь, но ты не путь, но лишь пути, и распутье, и распутица. Вѣдай же: не украшеніе ты земли критской, но прыщъ на лонѣ ея, способный лишь разсмѣшить – сильныхъ – и держать во страхъ – слабыхъ. Праздность – единственная добродѣтель твоя. Гораздъ ты лишь строить шалашъ: изъ человѣческихъ тѣлъ; но нынѣ плоть твоя – ступень моего восхожденія. Да и нѣтъ тебя: есть лишь сластолюбивая твоя плоть (да сгніетъ она – скорѣе, скорѣе!), погрязшая въ развратахъ, и нѣгахъ, и лѣни безпримѣрной, да воля женки (какъ скажетъ – такъ ты и дѣлаешь) да Матери, которымъ ты хочешь-не хочешь служишь – даже тогда, когда служишь плоти своей. Ты отъ вѣка



быль вяль и слабь – уже поэтому ты не можешь и не долженъ править; я еще спасаю тебя отъ неудобносиваго бремени! Всегда, всегда будь ты мертвъ! О, я благословляю мигъ сей: мигъ рожденія моеи Свободы, валявшейся доселѣ въ грязи; зори неложныя всходятъ въ сердць; но для тебя сказанное мною – не поздній закатъ, но самыя позднія сумерки твоего бытія.

Иматю, хрипя, тихо произнесъ, потрясая трясущейся десницею, съ широко отверстыми отъ страха глазами:

– Ты не всеподданѣйшій нашъ слуга, но всеподлый, ты не можешь...». Незадолго до того пали наземь царскія регалии изъ всё болѣе и болѣе слабнущей руки.

Глядя презрительно и надменно на царя свергнутого, сверкая налитыми кровью глазами, въ гордой, торжествующей позѣ, Касато продолжалъ:

– Успокой сердце свое: дѣйствіе яда не дастъ возможности тебѣ болѣ говорить свои глупости и тѣмъ паче повышать на меня голосъ, какъ то ты привыкъ дѣять. Да, успокой убогую свою душу и внемли, покамѣсть ты еще можешь внимать, о медноголовость, столь долго возсѣдавшая на тронѣ! Самая Судьба избрала меня своимъ орудіемъ, а Правда – своимъ глашатаемъ. Не моли боговъ: они не окажутъ тебѣ вспомошествованіе: ихъ нѣтъ. Нѣмота и глухота Бога, боговъ, богинь, – всё, что я слышалъ, видѣлъ, сознавалъ. Впрочемъ, ты и безъ меня о томъ вѣдаешь, но не вѣдаешь о томъ, что я, видимо, осѣненъ ихъ несуществующей тѣнью, разъ дѣло удалось. И

внемли мнѣ, ибо ты впервые бесѣдуешь со мною, хотя вѣ-  
дать и внимать ты не могъ и пребывая здоровымъ: отъ рож-  
денія и до смерти глупъ ты, какъ конь, съ коими сознаешь  
ты глубинное сродство, ибо имѣешь столь же мѣдную главу,  
какъ и мечи да щиты (съ бездумнымъ на нихъ напечатлѣніе-  
мъ себя пожирающаго змія: словно воинство само себя по-  
жираетъ; иное – выше силъ его)... мечи да щиты критскихъ  
братьевъ, наихудшихъ воевъ во всей Вселенной, способныхъ  
на что угодно – но не на воинствованіе. Знай же: всешутѣй-  
шія мои наименованья, тобою данныя, облетятъ, яко листья  
осенью: съ твоею смертію ихъ позабудутъ. Будутъ помнить:  
Касато Мудраго, Касато Справедливаго: перваго немедного-  
ловаго царя всего Крита. А тебя позабудутъ, и я приложу всѣ  
свои усилія, всю хитрость свою, вѣсь свой умъ и всю волю  
(которыхъ у тебя не бывало отъ вѣка, какъ и у предковъ тво-  
ихъ), дабы низвергнуть тебя въ тьму незнанія, дабы и слѣ-  
да отъ твоего царствованія вѣка не запомнили. И буди та-  
ко! О, ты уже грядешь въ удѣлъ свой: въ небытіе, – мышцы  
твои окоченѣли. Стало быть, ты покинешь міръ быстрѣе, чѣмъ  
я думалъ. Что жъ: ты заслужилъ небытіе. Я же – заслужи-  
лъ бытіе и ту полноту власти, которую ты – своимъ рожде-  
ньемъ – украсть у болѣе достойныхъ, болѣе мудрыхъ, болѣе  
храбрыхъ, болѣе сильныхъ. Да, лице твое выражаетъ ужасъ,  
ибо онъ внутри тебя, ты наполнишься имъ. О, если бы я могъ  
продлить мигъ, лишь мигъ славныхъ твоихъ мученій, столь  
сладкихъ для моего сердца. О, если бы я могъ! Жаль, силы

покидаютъ тебя и скоро покинуть во вѣки вѣковъ. Вѣдай: не быть – а сіе есть твоя участь – еще хуже, много хуже твоихъ нынѣшнихъ – въ полной мѣрѣ заслуженныхъ – страданій. Да, тебѣ навѣки будетъ много, много хуже: хуже муки страданій есть мука не быть. И – покамѣсть – ты еще дышишь, я добавлю: я позабочусь о томъ, чтобы память о тебѣ была стерта съ лица земли. О, я постараюсь преуспѣть въ этомъ. Слышишь, постараюсь! О зори грядущаго, не ослѣпите меня, голову не вскружите!

Касато, лучась страшною, темною местью, пылая въ ужасной своей злобѣ, вскочилъ съ мѣста и выпилъ вина изъ своего – а не царскаго – кубка. Пилъ онъ жадно, и жаднымъ былъ обликъ его, искаженный злобою, сочившейся изъ сковавшей его улыбки и изъ пренадменнаго его взора. Страсти клокотали въ немъ, и безпокойство пожирало его.

Глядя на зарю, молвилъ, презрительно толкнувъ ногою полубездыханное тѣло Имато, провѣряя, живъ ли тотъ; но мысли бывшаго царедворца были заняты инымъ: не старымъ и сгибшимъ, но новымъ и нарождающимся. Такъ и не удовольвѣрившись въ смерти царя, воздѣль Касато руцѣ къ небесамъ, словно моляся имъ, и возглаголалъ:

– Я есмь Касато, мужъ хитрости великой, низостей высокихъ, предательствъ блестящихъ, коварностей благороднѣйшихъ: такъ я возвеличилъ свое имя до неба и до самыхъ глубинъ Земли. Такъ, такъ да запомнятъ меня вѣка. Вѣка! Отнынѣ я безсмертенъ: въ сердцахъ людскихъ: слава моя ни-

когдаже погибнетъ! Вселенная въ самомъ скоромъ времени узнаетъ величайшаго изъ великихъ, творившаго невозможное, а самыя слова «мудрость» и «справедливость» впервые узнаютъ себѣ цѣну, впервые обрѣтутъ смыслъ, ибо еще не было до меня ни мудрости, ни справедливости. Я – заря Крита новаго, небывшаго.

Тутъ услыхаль онъ хрипъ предсмертный:

– Мы, Имато, царь царствующій, не можемъ скончаться, почить: то свойственно низкимъ. Нѣтъ! Нѣтъ!.. Не можемъ: мы Смерти выше – мы бессмертны! Мы есмы Быкъ красноярый: потому Мы любимъ коней; Ты – Конь: потому любишь быковъ. Но ты тотъ – единственный – конь, коего я проклинаю вовѣкъ. Будь же ты проклятъ навѣки!

Пустыми глазами уставился на Касато царь, бывшій царь. Звѣзды вонзались въ бархатъ ночи. Но дремали еще грядущіе вихри и бури, въ то время какъ самая зависть стала завистью вѣнценосною.

\* \* \*

Умашенное на египетскій ладъ тѣло Имато, почитавшееся священнымъ, завернутое въ плащаницу злато-багряныхъ тоновъ, покоилось на колесницѣ, впряженной въ три вовсе не особливо любившихся царемъ коня (вопреки обряду, ибо согласно обряду въ подобныхъ случаяхъ закалывали и хоронили вмѣстѣ съ усопшимъ царемъ наиболѣе любимыхъ его

животныхъ). Шествіе, собравшее и богатыхъ, и бѣдныхъ, и молодыхъ, и старыхъ, ждало указа рукой царя новаго – Касато, нареченнаго тотчасъ же при его восшествіи на престоль Мудрымъ.

Его восшествіе на престоль было, однако, обрядомъ закрытымъ и проходило внѣ чужихъ глазъ нѣсколькими днями ранѣе, тотчасъ же послѣ смерти Имато; проходило оно во дворцѣ, въ одной изъ залъ, примыкающей къ тронному залу; сущность его состояло въ очищеніи Касато отъ скверны: только послѣ сего могъ Касато нарицаться царемъ; скверну – словно губка влагу – впитывали бычьи шкуры, содранныя съ только что закланныхъ быковъ, разостланныя по залѣ, шкуры, по которымъ босикомъ – спиралевидно и мѣрно – прошествовалъ Касато, обрѣтая власть высшую; послѣ же – съ подобающей случаю торжественностью – вручали Касато царскія регаліи: таковъ былъ давній критскій обычай; но Касато не боялся нарушить древній сей обычай: вмѣсто Лабриса и жезла, постановилъ онъ отнынѣ считать регаліями мечъ и бичъ. Лучась злобою, походя болѣе на нѣкоего грознаго бога, чѣмъ на человѣка, хотя бы и царскаго чина, величаво-неспѣшно принялъ Касато, сей посредникъ межъ боговъ и людей, подобающія ему отнынѣ регаліи; и чѣмъ медленнѣе являлъ себя Касато, тѣмъ большее волненіе пронзало всё чаще и чаще бившееся сердце подносившаго, вскорѣ упавшаго замертво, что вызвало предовольную усмѣшку, скривившую Касато, носителя власти высшей въ земляхъ добрыхъ еще и

до вѣнчанія на царство, еще до восшествія на святой престоль; но всё жь отзвукъ удара былъ словно гонгомъ, ударомъ колокола, великимъ рубежомъ: завершеніемъ бытія Касато-прежняго и рожденія Касато-царя; ревъ, рыканіе изверглось изъ Касато, когда воздѣль онъ руцѣ къ небесамъ, скрытымъ потолкомъ залы, и былъ онъ внѣ себя, ибо претворился въ изступленіе, въ захлестывающій и душу, и главу восторгъ, но болѣе всего – во власть, еще большую власть: и свѣтскую, и духовную: воедино; ибо отнынѣ Касато и наивысшая власть – одно: для любой распростертой на землѣ твари. Однако вернемся къ тому, что было послѣ: къ шествію.

Кносъ былъ всецѣло въ траурѣ черномъ; веселиться, взбреди сіе кому въ голову, было запрещено указомъ новаго критскаго правителя. Улицы, а всего болѣе площадь близъ Дворца, съ коей и начиналось шествіе, были наводнены людомъ.

Впереди – еще торжественнѣе, чѣмъ прочіе, – шла конница, далѣе располагалися наиболѣе почетные отряды критскихъ братьевъ, ихъ гвардія своего рода, понутивши головы.

Лишь послѣ шель Касато со слугами первѣйшими; именно возлѣ него неспѣшно двигалась колесница съ тѣломъ Имато. Далѣе можно было узрѣть жрицъ высочайшихъ, главнѣйшихъ; горе, казалось бы, безутѣшное и идущее изъ самыхъ глубинъ души, читалось въ лицахъ шедшихъ; но то было не горемъ подлиннымъ, но озабоченностью: что будетъ при правителѣ новомъ для судебъ ихъ. И многіе изъ народа ду-

мали: неспроста династія прервалася, стало быть, воля богинь, разъ Имато почиль толь младымъ и лишеннымъ прямыхъ своихъ наслѣдниковъ, въ разгаръ возстанія и глада. Но люди, какъ правило, тщились скрыть подъ наигранной скорбью подлинныя свои мысли о семь, что имъ весьма удавалось: критянинъ того времени былъ прирожденный лицедеѣй.

Какъ ни странно, погребальное шествіе ограничивалось только лишь сердцевиною Кносса. Какъ думали ближайшіе придворные царя новаго, то было вызвано всепронзающими зноями: Касато не могъ долго передвигаться по граду въ толь жаркую погоду; а ночь была временемъ неподходящимъ для шествія такого рода. Возможно, то были лишь отговорки, а всё дѣло было въ томъ, что Касато Мудрый не желалъ дѣлать его поспѣшнымъ, каковымъ было погребальное шествіе предшественника Имато, великаго царя восточныхъ и западныхъ земель Крита Атуко Святояра, когда тѣло его возили на колесницѣ во всѣ крупные грады Крита (то было возможно милостью непревзойденнаго искусства египетскихъ жрецовъ, умѣвшихъ какъ никто до и никто послѣ превратить въ нетлѣнное священныя тѣла и на вѣка сохранять ихъ таковыми – такъ, что они вовсе не разлагались, несмотря на южные жары). Чернь изъ градовъ и селеній отдаленныхъ была опечалена рѣшеньемъ Касато, но возразить никакъ не могла: то было не положено; равно какъ и не могла попасть на шествіе въ силу раздѣляющихъ ихъ разстояній.

Послѣ жриць – непосредственно предъ собравшимся лю-

домъ — шли многочисленныя плакальщицы, ремесло чье передавалось изъ поколѣнія въ поколѣніе; онѣ не переставая рыдали: часами; и восхваляли почившаго; ихъ собирали въ количествѣ меньшемъ и при погребеніи всѣхъ высшихъ чиновъ Крита. То же касалось и музыкантовъ съ чернаго цвѣта дудками и флейтами, игравшихъ нѣчто заунывное, однообразное и разумѣвшееся въ тѣ предалекія эпохи торжественнымъ въ высшей мѣрѣ.

Касато, избравши часы вечерніе для сего дѣйства, не прогадалъ: Солнце палило не столь люто, какъ въ полдень, когда оно словно готово разорваться вдребезги на яркожалые куски-стрѣлы. И, хотя шествіе обѣщало быть несравнимо болѣе быстрымъ, напечатлѣнье скуки всё же вырисовалось на лицѣ Касато, что не могло не быть замѣченнымъ иными изъ высшихъ чиновъ, шедшихъ близъ него. Быть можетъ, сказывался обрядъ — болѣе пышный, чѣмъ похоронный, — восшествія Касато на святой престолъ; и слѣдовавшія за нимъ возліянія обильныя, длившіяся нѣсколько дней къ ряду среди царя и только лишь ближайшаго его окруженія; и изступленія да восторги царя новаго отъ сознанья небывалаго своего воздвиженья по милости Судьбы, премного благоволившей ему отъ самаго его рожденья.

Быть можетъ, сказывался и гладъ, охватившій Критъ; и Касато не желалъ тратить излишки продовольствія и винъ на простыхъ и непростыхъ своихъ подданныхъ: пиршествъ не было — ни большихъ, ни малыхъ, ни одинаго пира для ря-



довыхъ государевыхъ слугъ, ниже всенароднаго: достаточно и того, что былъ пиръ горой при восшествіи Касато на престоль днями ранѣе – хотя бъ и только среди чиновъ наивысшихъ. Ясно также, что Касато вѣдалъ: народъ сознаетъ, что сами богини возжелали прервать династію, выродившуюся на Имато, а потому не будутъ роптать на отсутствіе пира народнаго въ честь похоронъ почившаго. Вѣроятно, съ этими небывало жестокими обстоятельствами было связано и его упорное нежеланье – снова обычаемъ вопреки – руками слугъ своихъ приводить любимыхъ и многочисленныхъ животныхъ царя прежняго. – Не было коней, почитавшихся Имато столь высоко, ни быковъ, ни собакъ: всѣхъ ихъ было принято, слѣдуя древнему какъ мѣръ обычаю, приносить въ жертву при погребеніи умашеннаго тѣла царя. Вмѣсто сего – нѣкимъ чудеснымъ образомъ – число братьевъ критскихъ, было увеличено въ разы...

Наконецъ, шестіе, совершивъ малый кругъ, то есть прошедши лишь по сердцевинѣ Кносса, оказалось вновь подлѣ Дворца. Царь, удалившись въ чертогъ, выпивши тамъ воды и переведя духъ, неспѣшно поднялся на то, что впоследствии было названо балкономъ. Пока онъ поднимался, такія мысли – или, скорѣе, обрывки ихъ – пронесли у него въ головѣ: «Толпа захмелѣетъ отъ единаго моего облика, толпа облобызала бы ноги мои, если бъ могла; правленье же – ослѣпитъ людъ: своими чарами; уловимъ людъ, яко рыбу морскую; ужасъ падетъ на возставшихъ; многомощный,

я дарую Криту покой вождельный, и воспрянетъ посрамленный Критъ, о, какъ воспрянетъ онъ! Да, велика твоя сила, о Кносъ вседержавный!». Обведя – еще болѣе неспѣшно – взоромъ тысячныя толпы, лежавшія у ногъ его, но ни на комъ не останавливая монаршаго своего вниманія, торжественно-грустно возглаголалъ вѣнчаный властелинъ, глядя въ вечернія небеса:

– Скорбимъ, братья и сестры: нашъ отецъ скончался. Отъ заботы великой преставился царь: душу испустилъ онъ, не переставая слагать думы о счастья дитячь своихъ: народа критскаго. Былъ онъ скромень и просилъ похоронитъ себя въ могилѣ, простой и безымянной, безъ знаковъ отличія, дабы никто не вѣдалъ, гдѣ похороненъ онъ: такова была воля царя. Но вѣдайте, о народъ земли добрыхъ, принятый подъ державное мое водительство: се, настала эпоха иная, что вѣдать не будетъ о злоключеньяхъ; помните о томъ: и правленье мое да не будетъ для васъ горькимъ; но начнется оно съ подавленья возстанья, нечестиваго и неугоднаго богамъ.

Чудище поглотило чудище.

Не дожидаясь погребенія, Касато удалился въ палаты Лабиринта, къ вящей скорби собравшихся...

Таково было высочайшее шествіе.

Война – грозная, громная – временно умолкла.

Такъ являлъ себя мирный, но отъ того не менѣе жестокий – по-восточному жестокий – минойский Критъ: на закатѣ собственного бытія.

# Часть II

## Осенняя жатва, или теофанія.

### Къ исторіи одного рожденія

*Самый могущественный человекъ тотъ, кто  
стоитъ на жизненномъ пути одиноко.*

*Генрихъ Ибсенъ*

*Это невозможно и именно поэтому достоверно.  
Гете «Фаустъ»*

*Не знаете ли, что дружба съ міромъ есть  
вражда противъ Бога? Итакъ, кто хочетъ быть  
другомъ міру, тотъ становится врагомъ Богу. (Іак.  
4,4)*

*Кто борется съ міромъ, становится великъ  
побѣдою своею надъ міромъ;*

*кто борется съ самимъ собою, становится еще  
болѣе великъ побѣдою надъ самимъ собой;*

*тотъ же, кто борется съ Богомъ, становится  
превыше всѣхъ.*

*Серенъ Кьеркегоръ "Страхъ и Трепетъ"*

*О, боги съ тысячею зубовъ,*

*Тысячерукія богини!*

*Вамъ, жаднымъ, пиръ вашъ вѣчно новъ,*

*Но вижу я за моремъ сновъ*

*Однообразіе пустыни.*  
**Бальмонтъ**

*Прочь, люди!*  
*Если бы я могъ схватить зубами всю твою*  
*вселенную!..*  
*Я грызъ бы её, покуда отъ нея не осталось бы*  
*оскаленное чудовище, страшное, какъ моя мука.*  
**Шиллеръ**

## **Глава 1. Лабиринтъ, или дни несчастій**

Если ранѣе на Критѣ царила Жизнь, то нынѣ Смерть, неумолимая, будто Судьба, расправила крылія и властвовала, себя казавши моромъ, голодомъ и тьмами жертвъ. Тотъ, кого позднѣе нарекли Аполлономъ, плавиль аэръ: стрѣлами смертоносными, давя и губя всё живое; аэръ дрожалъ, подрагивалъ, переливаясь, струясь и мерцая немѣрно. И была осень – какъ ножъ.

Рыдалъ вѣсь Критъ, и стенала земля, оплакивая Имато Благобыкаго, Имато Багрянороднаго, но, умывшись кровью, потомъ и слезами, не очистился Критъ; сквозь рыданія и плачи поначалу часть народа воспринимала Касато какъ отчасти самозванца, но то была малая часть критянь; съ иной стороны, самозванецъ обѣщалъ быть болѣе мудрымъ, нежели Имато и – кто вѣдаетъ? – болѣе благорасположеннымъ къ народу; иные – большинство – попросту боялись думать о

столь высоких матеріяхъ, да и думать имъ было некогда и непривычно. Народъ безмолвствовалъ, что въ нашемъ случаѣ означаетъ: колебался между возставшими и властью новою, какъ правило, со страхомъ отдавая предпочтеніе первымъ. Зримы были дѣла Акая (а, быть можетъ, и иное – пребываніе на тогдашнемъ Критѣ *иною*): обычно на Востокѣ въ подобныхъ обстоятельствахъ принималъ людъ новаго правителя оцѣпенѣло, неподвижно: по-рабски смиренно, молча, покорно.

Новый правитель, Касато – послѣ того какъ его попытка заключить миръ съ возставшими кончилась неудачею, о чѣмъ и сама Исторія не вспомнить въ подробностяхъ, – въ борьбѣ съ возстаніемъ началъ съ рѣшительныхъ дѣйствій: первымъ дѣломъ попросилъ помощи у фараона, отдавъ тому нѣкоторое число рабовъ и иныхъ ремесленниковъ изъ числа наиболѣе цѣнныхъ, полусвободныхъ и работавшихъ на государство, Повара Всего Крита (случись сейчасъ Имато, мертвому Имато, узнать объ этомъ – онъ самое малое упалъ бы въ обморокъ, но того вѣроятнѣе, что упавши въ обморокъ, онъ уже никогда бъ не возсталъ), невеликое множество драгоценностей мѣстной работы (ихъ онъ отдалъ нехотя, съ долгимъ торгомъ, какъ всегда было принято на Востокѣ; сторговались на замѣтно меньшей суммѣ), о которыхъ мы уже вели рѣчь, и въ придачу къ нимъ вино да елей; однако отмѣтимъ, что прибыло на Критъ не все обѣщавшееся воинство фараона, а лишь большая его часть; египтяне сіе объясняли

тѣмъ, что часть воинства ихъ погибла въ кораблекрушеніи, рожденномъ небывалымъ штормомъ; море къ юго-востоку отъ Крита нѣкоторое время еще называли Горькимъ моремъ. Помимо сего куплена была множество оружія, привезенное съ Востока въ обмѣнъ на вино, масло оливъ и цѣнныя породы деревьевъ. Этимъ Касато не ограничился: провель преобразования воинства – съ цѣлью увеличенія боевого духа его; мы не знаемъ подробностей ихъ проведенія и даже сути ихъ, но извѣстно, что они были жестоки для братьевъ критскихъ, число коихъ нѣкимъ образомъ уменьшилось, а военные навыки возросли; военачальника, съ недавнихъ поръ бывшаго главнокомандующимъ, не то казнилъ смертию, не то сослалъ навѣки въ непробудное рабство. О военачальникѣ новомъ было извѣстно, что онъ пользовался если не любовью, то уваженіемъ, ибо уваженіе на Критѣ той поры всегда зачиналось страхомъ и было родственно послѣднему по самой своей сущности; страхъ, глаза котораго велики, не перенесся, однако, на возставшихъ. Такъ онъ училъ ратниковъ своихъ: «Эй, гожіе къ службѣ, чинно ступаемъ, чинно, разъ-два, сволочь... вотъ такъ мечъ держать, дурачина, равнѣ... быстрѣ, разъ-два... руби врага вотъ такъ, разъ-два... я научу васъ бранной жизни... кто не можетъ, того самъ буду кнутомъ нещадно бить, аки татей... будете у меня пить воду морскую». Подобныя рѣчи часто слышны были. Извѣстно также, что Касато приказалъ использовать въ борьбѣ съ окаянными мятежниками не только всю имѣющуюся конни-

цу, но и поверхъ сего повелѣлъ высочайшимъ указомъ сыскивать всѣхъ коней критскихъ и стогнать ихъ къ кносскому Дворцу, дабы увеличить число всадниковъ. Также въ кратчайшіе сроки онъ дотолѣ вооруженное пращами и луками критское войско вооружилъ наспѣхъ изготовленными обоюдоострыми сѣкирами: оружіе въ видѣ самага священнаго символа минойскаго Крита – Лабриса – должно было поднять боевой духъ критскихъ братьевъ; сему служило и созданное на скорую руку напечатлѣнныя восьмерки на щитахъ солдатъ, которая, какъ и Лабрисъ, означала плавное перетеканье круговорота природы, безконечное ея становленіе, божественныя ея плавность, незавершенность, текучесть; съ оной поры всё болѣе и болѣе переставалъ быть Лабрисъ символомъ, лишь символомъ: всё меньше изображали его и всё больше изготовляли. Но главнымъ повелѣніемъ Касато было то, что и критскіе братья, и конница стали лишь вспомогательными войсками: главную роль отводилъ онъ египетскимъ воинствамъ. Такимъ образомъ, если ранѣе перевѣсъ силъ былъ на сторонѣ возставшихъ, то отнынѣ былъ онъ на сторонѣ правительственныхъ войскъ. Къ сказанному добавимъ: по манію Касато принесли и нѣсколько человѣчкихъ жертвъ числомъ не то въ 6, не то въ 9 мальчиковъ и во столько же дѣвочекъ изъ числа критянь: всё – ради побѣды. И послѣднее, что извѣстно: Касато отдалъ приказъ не записывать ни о ходѣ возстанія, ни о борьбѣ съ нимъ: до окончательной побѣды.

Денно и ночью горѣлъ огонь градскій на Критѣ, но нынѣ государство въ бѣдахъ бытовало и было осквернено: возстаніемъ. И былъ затушенъ повелѣніемъ Касато огонь градскій, доселѣ негасимый и почитавшійся возжженнымъ самою Матерью, а потому и отъ вѣка чистымъ: до подавленія нечестиваго мятежа и водворенія священнаго порядка.

\* \* \*

Изъ дворца въ дворецъ посылали своихъ слугъ – мужей, дабы предупредить объ опасности. Рѣдко кто изъ нихъ достигалъ своего назначенія: гонцовъ узнавали и убивали либо сами возставшіе, либо жители окрестныхъ селеній, бывшихъ, какъ правило, въ большей мѣрѣ или мѣрѣ меньшей – въ силу страховъ, леденившихъ ихъ дерзновеніе – на сторонѣ возставшихъ. Жители самое малое сочувствовали дѣлу ихъ и тайно отъ властей помогали имъ чѣмъ могли.

Итакъ, не встрѣчая въ цѣломъ серьезнаго сопротивленія, Акай, многократно умноживши и усиливши свои ряды, регулярно пополняя запасы пропитанія въ захваченныхъ дворцахъ и придворцовыхъ хранилищахъ, а также въ прилегающихъ къ дворцамъ селеніяхъ, захватилъ большую часть прибрежныхъ земель Крита. Однако онъ – волей-неволей – столкнулся съ трудностью: въ силу общекритскаго размаха возстанія къ нему примкнуло столь великое множество народа, что вовсе не критскіе братья были страшны возстав-



шимъ (даже случись первымъ быть объединенными противъ вторыхъ), но гладь (который, напомнимъ, и былъ одной изъ причинъ возстанія и непосредственнымъ къ нему поводомъ). Сами возставшіе, будучи опьяненными успѣхомъ общаго дѣла и многочисленными побѣдами, вовсе не собирались расходиться по домамъ (многіе не вѣдали, въ какой сторонѣ ихъ дома: такъ далеко иные отошли отъ родныхъ мѣстъ). Толпа желала одного: взять – осадой ли, штурмомъ ли – Крита твердыню главнѣйшую: дворець кносскій.

И вотъ возставшіе, закаленные многочисленными побѣдами, уже многіе дни и недѣли шли къ державному Кноссу, къ сердцу Крита, не встрѣчая сопротивленія (но всё же его ожидая). «Лишь Кноссъ, столица минойскаго Крита, – впереди: Критъ уже нашъ!», – воодушевлялъ своихъ братьевъ Акай, повторяя эти слова часто, и походили слова эти на заклинанія. Возставшіе шли по холмамъ, нѣкогда изобилующимъ ячменемъ, вдали виднѣлись оливковыя деревья. Дорога начала понижаться, солнце пекло всё такъ же. Вдали – разстояньемъ въ три-четыре стрѣлы, пущенныхъ мощною рукою, – показался бѣлѣвшій дворець, и былъ дворець – какъ упавшее Солнце.

На подступахъ къ Дворцу, походившему не только на Солнце, но и на огромное слѣпое око, они и впрямь увидели рѣсницы ока: немногочисленную пѣхоту, не обратившуюся, однако, бѣжать куда глаза глядятъ, какъ то бывало обычно и къ чему привыкли возставшіе. Конница съ лошадьми, ко-

торыми, между прочимъ, такъ дорожилъ покойный Имато, тщась найти возставшихъ и, нашедъ, покарать ихъ, безъ проку носилася по Криту, загоняя многое множество скакуновъ. Возставшіе быстро изничтожили пѣхоту, которая, признаемъ, стояла насмерть – до послѣдняго ея человѣка: быстро была она разсѣяна численно – несравнимо – превосходившими войсками возставшихъ, претворившихся въ волну, бурю, молнію; что жъ, стояніе на смерть побѣдою не увѣнчалось для братьевъ критскихъ, отправивъ ихъ въ царство Смерти.

Слышались громогласно издаваемыя слова:

– Боль жриць за нашу боль: нашу, и отцовъ нашихъ, и дѣдовъ!

– За равенство и братство!

– За торжество Правды!

– Наша взяла, хоть и рыло въ крови!

– Будетъ волчицамъ насъ грабить да въ уздѣ держать!

– Веди, Акай!

– За предводителя!

– Жриць насилить будемъ, братья!

– Коли мы до седьмого колѣна воздѣлывали земли въ потѣ лица, ловили рыбъ подъ Солнцемъ всеопалющимъ, прозябали въ гладѣ и морѣ, дабы кормить разжирѣвшія ихъ тѣлеса, – такъ пусть же такъ поживутъ и наши угнетатели!

– Вѣрно, братъ, говоришь. Вѣрно!

– Осталось лишь сокрушить главнѣйшій изъ дворцовъ, разсадникъ Зла, сердце Несправедливости, коли цѣпи раба

– незримыя, но отъ того не менѣе крѣпкія, – уже разбиты, – ораль во всё горло нѣкій бывшій писецъ.

– Эй, наши, голову слушать: голова нашъ говорить желаетъ!

Акай, оглядывая тьмочисленное свое войско, покамѣсть не восцарствовала тишина, началъ рѣчь, предостерегая возставшихъ:

– Помните, братья мои, помните въ сердцахъ своихъ о коварнѣйшихъ ловушкахъ: о хлѣбѣ земномъ. Кто, какъ не привыкшіе господствовать, умѣетъ играть на этомъ? Они, они способны потушить праведнаго возстанія святой огонь.

– Никогда! – слышалось повсюду.

– Никогда! – громогласно отвѣтствовала Акай. – Такъ ужъ заведено, что родъ людской дѣлится на господъ и рабовъ – безо всякой надежды на примирительную середину – на угнетающихъ и угнетенныхъ, на пресыщенныхъ и истерзанныхъ голодомъ, на волчицъ и ягнятъ, на пожираемыхъ и пожирающихъ, на принуждающихъ страдать и страждущихъ, на покоряющихъ и покоренныхъ.

Торжественно оглядывая возставшихъ, вѣрнѣе, только возстающихъ изъ незакатнаго рабства, послѣ нѣкоторой паузы, продолжалъ Акай:

– Такъ будемъ же и мы пить изъ рога изобилія, изъ чаши благоденствія. Насталь и нашъ часъ! Но да не поддадимся же и нынѣ увѣщаніямъ жрицъ и крысь придворныхъ!

– О да, не поддадимся и да сокрушимъ твердыню Зла! –

вопили наиболѣе загорѣвшіеся пламенною рѣчью Акая, пьяные и безъ вина.

– Помни, всякъ меня слышащій: въ сѣчѣ грядущей всѣ мы обрѣтемъ свободу вящую – и тѣ, кто поляжетъ, и тѣ, кто будетъ пировать на самой на вершинѣ Дворца. Но ежель и суждено намъ сгибнуть – дорого, дорого продадимъ мы наши души! – этими словами окончилъ свою рѣчь Акай.

– Слава Акаю! Мы твои – до гроба! – гремѣли возставшіе. Кто-то изъ нихъ зычно и громно крикнулъ, заглушая прочихъ:

– Завтра, завтра одержимъ мы побѣду, о коей будутъ долго еще пѣсни пѣть, ибо не пожалѣемъ себя! Войско вражье вяло въ сердцѣ своемъ. Они только что и желаютъ, какъ убѣжать съ поля боя – да поскорѣ!

\* \* \*

Чередою нескончаемою хлынула народъ: къ предмѣстьямъ Кносса; людъ былъ угрюмъ и напоенъ страхами за свою дерзость; но – скорѣе благодаря, нежели ему вопреки, – была толпа шумлива, гоготала она, разливаясь по аэрамъ отъ гулкихъ басовитыхъ голосовъ до пищанья дитятей; и былъ гулъ по землѣ критской; и была чернь зла; и злой былъ жаръ дневной.

Ширилось число пришедшихъ, преходя въ великое множество. Случись множеству сему быть единому, то была бь си-

ла прегрозная, но была толпа сущностно разсѣянною: одна часть алкала, какъ то ей всегда было свойственно, хлѣба и зрѣлищъ; она и вѣдать не вѣдала, что помимо хлѣба земного есть хлѣбъ небесный. Иная часть толпы также вѣдать не вѣдала о хлѣбѣ небесномъ, но въ отличіе отъ черни, желавшей во что бы то ни стало утолить извѣчные свои глады – здѣсь и сейчасъ и любою цѣной (хотя бы завтра ихъ и казнили), – сія часть толпы желала переменъ и ради переменъ жертвовала до времени хлѣбами и зрѣлищами. Но какихъ именно переменъ алкала она? Ясно одно: свергнуть Касато и царствовать вмѣсто него и владѣть Критомъ.

Но вотъ возставшіе, влекомые да подгоняемые краснокрымъ быкомъ страстей, уже близъ Кносса; Кноссъ – въ кольцѣ возставшихъ; осажденъ Кноссъ, столица минойскаго Крита, и, кажется, нѣтъ исхода для него. Близятся возставшіе къ кносскому дворцу-лабиринту: къ послѣдней твердынѣ. Касато въ немъ нѣтъ, Касато схороненъ Критомъ, незримо обитая не то въ немъ, не то въ Египтѣ, и одной лишь Матери было извѣстно, гдѣ былъ онъ схороненъ; но есть жрицы въ Кноссъ, въ кносскомъ Дворцѣ.

Словами чахлыми и лживыми бросилась власть въ сердца и желудки народные. Иные – съ глазами болѣе алчными и желудками болѣе пустыми – вѣрили: поддавалась она въ своемъ ослѣпленіи увѣщаніямъ жриць: власть обѣщала быть какъ никогда ранѣе щедрой, случись толпѣ разойтись и выдать въ руки жриць своего главаря. Но и другая, еще

менѣе терпѣливая, съ волею еще болѣе короткою, часть толпы пускала слюни отъ обещаемаго: обещаемое – дары Ари-мана (неизвѣстнаго въ этихъ земляхъ лишь названіемъ, но не тѣмъ, чѣмъ онъ вѣдаетъ) – туманило мозги: всего лишь одно имя, одинъ лишь жестъ десницею на главаря, внѣшне никакъ отъ прочихъ не отличимаго, – и ты сытъ какъ никогда ранѣе. Болѣе того: всѣ сыты; и, быть можетъ, надолго: кто вѣдаетъ? Но на иной чашѣ вѣсовъ – Свобода чаемая, о коей не разъ вѣщаль Акай. Иные, наиболѣе свободные изъ собравшихся, сознавали, что царь гласомъ жриць либо обманетъ, либо даруетъ десницею народу то, что украла у народа шуйца; но таковыхъ было не болѣе сотой доли отъ всѣхъ собравшихся.

Толпа надвигалася – несмотря на страхъ, оледенившій сердца, лишь сердца, – на дворець. И вотъ – окружила его: попала въ тенеты Лабиринта. Грозны были лица, и грознымъ предстало бы самое зрѣлище, случись кому увидѣть сіе изъ эпохъ болѣе сытыхъ.

И вышли жрицы на балконы чертога, сіи матки критскаго улья, со змѣями въ рукахъ или же на шеяхъ, лоснящіяся, мраморно-бѣлыя, съ власами черными, вьющимися, въ юбкахъ колоколообразныхъ, съ таліями – въ тростинку, величественно-медлительныя, презрительно взирающія на нижераспростертую суету. И обнажили жрицы верхнюю часть блѣдныхъ, яко Смерть, скорѣе синихъ, чѣмъ бѣлыхъ, тѣлъ – по повелѣнію надменной, какъ никакая иная, и неподвижной, какъ изваяніе, ихъ предводительницы, владычицы двор-

ца, которая, несмотря на оголенность вплоть до талии, вышла не в чём мать родила: хотя и были её волосы распущены (однакожь на дѣлѣ уложены искусно и старательно), покоились они величаво на діадемѣ, искрящейся подъ всеопалющимъ Свѣтиломъ; изъ діадемы виднѣлися змѣи извивающіяся; змѣи обвивали главу ея, и птицы кружились надъ нею, а одна изъ нихъ сидѣла на тонкихъ ея раменахъ; на раменахъ также покоились змѣи, обвившія выю; въ розовыя ушныя ея раковины, сквозь которыя струили себя свѣты дневные, были вдѣты массивныя серьги – серебряныя, въ срединѣ коихъ покоилось по одному темно-багряному камню; ожерелье изъ жемчуговъ украшало длинную и тонкую ея выю, а талія была окольцована золотымъ обручемъ, пусть и въ меньшей мѣрѣ, но также сіявшимъ въ лучахъ Свѣтила; въ каждой рукѣ было по браслету; ноги были, видимо, прикрыты колоколоподобной юбкою до пола – но едва ли кто обратилъ на сіе свое вниманіе. – Взоры собравшихся мужей (большая часть возставшихъ была мужского пола) приковывали не сіи неподобныя украшенья, плоды критской работы, славной во всѣмъ восточномъ мірѣ, но перси размѣровъ несказанныхъ, нѣкимъ чудеснымъ образомъ сочетавшіеся съ точеною ея фигурою: приковывали, чаруя очи и сердца, манили и восхищали. – Богиней предстала она, властная и надменная, величавая, съ неспѣшными движеньями, подобная статуямъ временъ много болѣе позднихъ, пышногрудая. И подъяли руцѣ къ небу жрицы, къ началу отчему, словно взыскивая его, ибо сами

были плоть-во-плоти, дщери Матери и земляныя лона, и въ неподвижности застыли, словно претворившись въ статуи. Толпа словно забыла, зачѣмъ пришла. И восторгъ отъ узрѣннаго заступилъ, и исчезло ярое недовольство властью. Таково было дѣйствіе высшей жрицы. И заготовала мужская часть толпы, недовольно переглядываясь межъ собою, и воздѣла изсохшія и жилистыя свои руки ко Дворцу, глядя на недвижную Атану съ почтеніемъ.

– Атана, Атана, высшая изъ рожденныхъ, – кричала толпа, – богиня во плоти, ниспошли намъ дары божескіе, яви милосердіе хотя бъ и на мигъ единый. Знаемъ мы наказъ людей вящихъ, брошенный намъ: «Землю пахайте: и какъ можно лучше. Усерднѣе, усерднѣе!». Но нейдуть, нейдуть всходы. Смилуйся, о Превысокая!

Иные кричали: «Хлѣба! Хлѣба!»; имъ вторили иные, прося также и вина. Но чаще слышно было: «Великой богинѣ – слава!». Остальные не находили, что сказать, и были благодарны за самую возможность лицезрѣть богиню.

И услышала Атана вопли черни, и подняла хлѣбъ въ десницу (то былъ то ли критскій, то ли покупной хлѣбъ, то ли хлѣбъ изъ закровъ царевыхъ) и бросила его въ толпу. Взревѣла толпа, ибо старецъ подобралъ упавшій хлѣбъ, жадно, обѣими руками, ввергая его въ уста свои съ проворностью необычайною. Навалилась толпа на старца. И раздавила его.

Бросила Атана еще три хлѣба. И случилася бѣда: толпа



стала грызть самое себя; билися: и старъ, и младъ; и дѣвы, и мужи; и дитяти, и старцы. Многіе, многіе были биты тяжко, иные убиты.

И – прорѣзая вопли толпы – гласомъ громкимъ возопила Атана:

– Слово есть къ толпѣ: кто главарь?

Молчала толпа; и волновалась головами своихъ членовъ, какъ волнуются волны на лонѣ морскомъ.

Грозно продолжала Атана и въздѣла руцѣ къ небу:

– Благословеніе Матери и прочихъ богинь будетъ до вѣка на томъ, кто откроетъ тайну: кто предводитель вашъ? Премного зачтется тому за дѣянье сіе.

Снова – сквозь гуль собственный – отвѣтствовала было чернь молчаньемъ, хотя всего болѣе боялась толпа, что отыметъ она руку Свою, и прекратятся хлѣбы ея. И возопилъ людъ къ ней со словами «Пощади». Ибо медоточивыми представлялися народу рѣчи Атаны: обольщала она сердца и желудка; не видѣли яда подъ устами ея.

И вотъ одинъ изъ возставшихъ, мужъ, густобрадый и рослый, съ кожею смуглою, симъ напечатлѣньемъ Солнца южнаго, съ венами набухшими и видными издалече, тѣлосложенья геркулесовскаго, съ очами жадными до блѣдныхъ и пышныхъ дѣввихъ тѣлъ, широкоплечій, облика некритскаго, съ волосами по всему тѣлу (волосы его напоминали виноградныя лозы), нѣсколько тучный, быковидный и словно быколикій, находящійся ближе прочихъ къ Атанѣ, переводя взглядъ

отъ черныхъ ея кудрей, ниспадавшихъ ниже плечь, то – съ жаромъ большимъ – къ пышнымъ ея персямъ, ничѣмъ не прикрытымъ, бѣло-блистательнымъ, походившимъ на вымя, съ сосцами кровавыми, пожирая ее взглядомъ (на что она не обратила никакого вниманія) гласомъ едва ли по-критски низкимъ, изрекъ, ею околдованный, плѣненный, прельщенный: «Сито Потніа!»; что означало: «Владычица хлѣбовъ». Непонятныя слова (ибо сказаны они были на ахейскомъ, греческомъ языкѣ, иногда уже встрѣчавшемся на Критѣ въ тѣ времена) облетѣли топлу; запомнились; прижились: ибо была впослѣдствіи причислена та, что была верховной жрицею, къ сонму боговъ.

Тѣмъ временемъ, мужъ, околдованный Атаноеу, крикнулъ: – А ежели скажу, о державная, обласкаешь меня? Ибо кра-сою бросилась ты мнѣ въ сердце, о прекрасная.

Ропотомъ отвѣтствовала толпа.

Атана съ надменствомъ отвѣтствовала, вонзивъ лядяныя свои очи въ мужа того:

– Я отдамся тебѣ и дозволю тебѣ познать меня, по милости Всевысшей изъ богинь, познать мой ледъ. Такъ кто? Кто? Отвѣтствуй немедля! И тогда будешь мною укрощень.

Однако медлилъ страстотерпецъ: сей алчный до бѣломраморной ея плоти боролся съ собою, потупивши очи. Но снова взглянувъ на нее и возгорясь безмѣрно, хрипло произнесъ, вновь потупивъ очи:

– Акай, Акай Пришелецъ, что стоитъ одесную меня. Се –

онь, о державная, – тутъ указаль онь на Акая.

Жестокая улыбка осіяла бѣлокаменный ея ликъ.

– Я покорена твоею честностью и твоимъ благородствомъ. Ты – не они: ты чтишь богинь. Ей, гряди ко мнѣ, быкъ, я приласкаю и укрошу тебя: се, священный мой долгъ предъ Матерью всего сущаго. Воля моя верховна, мужъ, и грядущія мои терзанія уродливо-излишне-мощной твоей плоти – моя добродѣтель, – говорила она, полнясь яростью, подобясь свирѣпѣйшей Кибелѣ, всегда алчущей крови. – А кто сомнѣвается, тотъ да узритъ сіе: такова воля Высшей Богини. Я укрошу и усмирю быка. Я укрошу и смирю и буйство плоти его.

Атана вскорѣ молвила на ухо мужу, ею околдованному, обдавши его хладомъ и прикасаясь пышными своими персями, отчего всё болѣе и болѣе разгорался онь, словно жарясь въ мѣдномъ быкѣ или словно претворяясь въ пламень:

– Благородство и достоинство не въ томъ, чтобы спорить съ Судьбою, стязаться съ Нею и – того болѣ – биться съ Нею, но въ томъ, чтобы сперва ей покориться, а послѣ – пользоваться великими Ея дарами, для челоуѣка преблагими, и преблагословенными, и все сладкими: пользоваться, избѣгая Ея ударовъ. Ибо мудрость и польза всегда идутъ рука объ руку. Помни: Судьба – жестъ и взмахъ Матери, когда Ей неудобно являть себя въ обличіи.

Близилась близость – завѣтное и святое помраченіе какъ неисповѣдимый даръ судьбы, владычное надо всѣмъ живы-

мь, отторгнутымъ небесь, поверженнымъ долу и отъ вѣка и до вѣка слѣпымъ, елей для слабыхъ, позорно-мелкихъ сердцецъ, пламенѣющихъ другъ другомъ и сгорающихъ въ Мы, чадная заря грядущаго. Обманнымъ луннымъ свѣтомъ манила Атана, выдвигая неподвижное бѣлоснѣжное лицо и тучныя перси. Губы – какъ кровь, лицо бѣлое, черныя волосы – какъ змѣи. И Змѣи сидѣли на волосахъ. Глаза мужа, вперенныя плотью въ плоть, глаза – гулы плоти, блистали, металы молніи, прожигали еѣ; недвижныя ея очи, напротивъ, – ледынь, метель, пурга. Повелительно-неспѣшно указала перстомъ Атана на внутренніе покои и застыла: какъ соляной столпъ. Черно-красное ширилось и словно прожигало пространство. Остріе страсти вовсе не сладко пронзило мужа: зовъ ея, дѣвы хладной, какъ беспросвѣтная метель, какъ снѣжная пурга, отозвался въ немъ добѣла раскаленнымъ пожаромъ, мракъ ея разрѣшился чадающимъ свѣтомъ, а величавый ея покой – его безпокойствомъ-безуміемъ. Ушедши въ покои, оба, однако, не скрылися изъ виду толпы; толпа могла лицезрѣть имѣющее быть. И былъ мужъ сей быкомъ краснаярымъ, а Атана – львицею: терзающей быка. Мрѣвшій аэръ пронзили слова: «На колѣни, мой рабъ». Повергся долу мужъ и – падши – поклонился ей. И – поклонившись – паль, поверженный. Ликовала Сѣверь-дѣва, возрадовавшись въ сердцѣ своемъ, и горѣлъ въ ней огонь страстности безстрастія.

Одежды упали наземь, бѣлизна плоти – точно мраморъ.

Онъ не приближался къ ней, а наступалъ – какъ быкъ. Глянула взоромъ смертоноснаго презрѣнія и равнодушія – молнія ударила въ душу и принудила мужа страстно и властно прижать къ себѣ Атану, недвижимую и прекрасную, какъ Смерть. Пали на ложе, свивались тѣлами. Змѣею обвила она мужа, неуголимо сопрягшагося съ нею.

Можеть показаться: Грѣхъ говорилъ Атаною, а болванъ говорилъ Акаемъ, – на дѣлѣ всё было не столь просто: для мужа, околдованнаго Атаною, въ мигѣ томъ была – вся Вѣчность – всё, всё, всё: вся жизнь была тьмою, а нынѣ была она свѣтъ; была она морокомъ, а нынѣ – сіяніе, сѣверное сіяніе; вѣсь смыслъ жизни горѣлъ въ мгновеніи пылающемъ: сперва стукъ Судьбы въ дверь, послѣ – мучительныя и черно-красныя метанія, послѣ – послѣ пораженія – безумящее вождельніе, огнедышащіе потоки похоти, впрягающей сердце въ ярмо, страсти взрывъ, молнія чувственнаго, рождающая помутнѣніе разсудка, далѣе – лобзанія, огонь, ярость, руки, перси, стенанія, судорожное движеніе чресель, напряжение, изступленьѣ, содроганія, похожіе скорѣе на судороги, змѣиные извивы плоти дѣвы, нехватка воздуха, мѣрные внутренніе дерги влагалища, сѣмя раскаленное, изнеможеніе, – спиралевидная симфонія льда и огня: цѣною жизни Акая, цѣною общаго дѣла, цѣною души сего мужа...

Падшій сей мужъ, однакожь, менѣе всего ощущалъ сіе какъ паденіе: плотяная призма всё, относящееся въ міру духа, видитъ не только въ дурномъ свѣтѣ, но и часто, слыш-

комъ часто въ свѣтъ противоположномъ: плотность – слѣ-  
пота воплощенная. Плоть ничего не вѣдаетъ, будучи слѣпой  
въ мѣрѣ высшей, но всего алчетъ; духъ всё вѣдаетъ, но не  
алчетъ ничего. – Для плоти паденіе то – не паденіе, но над-  
мирная прелесть, восхожденіе къ далямъ надзвезднымъ, ка-  
саніе божественныхъ гармоній. Для духа паденіе то – колѣ-  
нопреклоненное нисхожденіе – кубыремъ – къ самымъ ни-  
зинамъ трона создавашаго, откуда и не видно павшему: лука-  
вой улыбки творца.

– Насытился ли ты мною, о быкъ священно-терзаемый? –  
по-змѣиному лукаво спросила Атана.

– Нѣтъ, о богиня! Нѣтъ! Возможно ли сіе? Готовъ я снова  
предать себя въ пречистыя твои руцѣ, – взволнованно отвѣ-  
чалъ мужъ.

– Мной никто никогда не насыщался, – сказала Атана,  
полнясь критскою улыбкою и тыкнувъ въ него лабрисомъ,  
которымъ она – священнодѣйствуя – игралася съ нимъ: лаб-  
рисъ указывалъ на великую ея власть: надъ жизнью и смер-  
тью быколикаго, быкообразнаго сего мужа: мужа-быка.

– Въ мигъ томъ была Вѣчность, но Вѣчность оказалась  
мигомъ. Ты Луною была, а я – Солнцемъ.

– Да, познавшему меня Жизнь уже и ненужна; и Солн-  
це, кланяясь Ночи и Лунѣ, когда нисходитъ за окоемъ, есть  
жертва вседержавной владычицѣ Ночи – Лунѣ, багряно-кро-  
вавой, святой, оно – законная ея добыча.

– Не зрѣть тебя болѣ было бь еще хуже, чѣмъ Жизни ли-

шиться, ибо когда взиралъ на тебя, вѣсь мой взоръ... Всѣ за тебя, всё... Располагай жизнью моею, о вседержавная!

– Какъ зовутъ тебя, страстотерпецъ? – вновь лукаво, что было всегда ей присуще, спросила Атана, очи чьи словно противопологались устами ея: очи – ледь, уста – улыбка, пламя, жизнь.

– Загрей.

– Отвѣтствуй: грекъ ли ты еси?

– Да, родомъ изъ Микенъ.

– Оно и видно.

Атана размышляла, видя пыль сего мужа: оставить ли его въ живыхъ или нѣтъ. Склонялась къ первому. Тѣмъ временемъ, многіе прочіе мужи полѣзли во дворецъ, но были разстрѣляны дворцовыми лучниками.

Атана жестомъ повелительнымъ приказала мужу бороться противу бывшихъ его союзниковъ. Тотъ съ радостью то исполнялъ; и рада была высшая жрица. Угроза для дворца миновала. Въ тотъ же день, часами позднѣе, Загрей, хотя и усталъ, но снова возжелалъ Атану, глядя на нее съ нагло-тупымъ вождельнѣемъ, словно не растративъ вѣсь избытокъ могучихъ своихъ силъ. На сей разъ взглядомъ, исполненнымъ не презрѣнья, но нѣкоего довольства, скорѣе теплаго, чѣмъ хладнаго, отвѣтила казавшаяся богинею недвижная, застывшая дѣва; но и это лишь раззадорило мужа. Снова на нее набросился мужъ, пылая любовію, увлекающая её въ многомогущихъ своихъ объятыхъ; снова черно-красное множи-

лось, и время словно сжималось, а свобода истаяла, испарилась. Многогранными лобзаннями покрывалъ Загрей мраморное тѣло жрицы. Пронзалъ её онъ плоть – вновъ и вновъ; покамѣсть и она не пронзила его: лабрисомъ. Кровью насыщалася свирѣпая жрица, дѣва-Земля.

Атана предстала Ариманомъ: въ женскомъ обличѣ. Ибо была она если и не мыслью, то воплощеннымъ чувствомъ Матери.

Мужа того видали – и видали не разъ въ окрестныхъ лѣсахъ: послѣ того. Не на него похожаго мужа, но его самого.

\* \* \*

Виднѣлись: темница изъ чернаго камня, въ кою едва проникали лучи свѣта, нѣсколько фигуръ, Акая лицо окровавленное – не поникшее и не потухшее, но гордое и злое не злобою, но великимъ напряженьемъ могучихъ силъ его, – рубаха разодранная, валявшаяся на полу каменномъ.

– Приступимъ, да скажешь многое утаенное, бородатый, – сказалъ первый палачъ, исполнявшій также и роль мучителя, пытающаго пытаемаго.

– Ты, ты возстаешь противу богами данныхъ законовъ? – спросилъ Акая второй, что обликомъ былъ мрачнѣе ночи.

Акай молчалъ.

– Возстаешь противу славныхъ нашихъ порядковъ? Противу обычаевъ, установленныхъ въ древности незапамятной



самими богинями? – продолжалъ второй.

Но молчалъ Акай.

– Эй, брадатый, чего отмалчиваешься? Шкуру сдеруть съ тебя – дѣловъ-то! Покайся, говорю, – посмѣиваясь говорилъ первый. А второй добавилъ: – Хуже вѣдь будетъ. Отложись, говорить, грѣха своего! Не то кончимъ того, къмъ бунтъ дѣется: тебя. А прочихъ мы уже побили. А иной людъ и такъ нашъ, критской, за возставшими не убѣгъ онъ. Такъ что покайся, а не лайся!

Хрипя, тихо произнесъ Акай, не глядя на нихъ, и кровь сочилась изъ ранъ его:

– Эти, легковѣрные, народъ сей, заслужили Касато, а Касато заслужилъ ихъ: на многая лѣта; низкое да не ждетъ высокаго, а высокое да не ждетъ низкаго. Владѣеть онъ міромъ, думая, что онъ – путь, но онъ не путь, но лишь путы, и распутье, и распутица.

Напротивъ стояла, гордо подбоченясь Атана, торжествующая и радующаяся въ сердцѣ своемъ. Взирала: звѣремъ; улыбалася: великимъ его страданьямъ; краска залила мраморное ея чело: краснѣла: отъ удовольствія жесточайше-сладо-страстнаго. Обликъ ея былъ поистинѣ ужаснымъ.

Слышались: немѣрно вспыхивающіе стоны, вскрики, прорѣзающіе мѣрность неумолимыхъ ударовъ, претворяющихъ спину Акая въ кровавое мѣсиво.

Чувствовался – чрезъ нѣсколько времени: запахъ горѣлаго мяса.

Акаю думалось: «Близится послѣдній часъ; я потерпѣлъ поражение: не по волѣ собственной и не въ силу собственны-хъ ошибокъ, но потому лишь, что повѣрилъ въ тѣхъ, въ кого вѣрить было нельзя. Однако дѣло мое не сгинетъ – да не сгинетъ! – въ прорвѣ вѣковъ, даже ежли имя мое будетъ забыто вѣками, ибо я разбудилъ ихъ ото сна».

Зрима была: отаями смысловъ ниспадавшая лазурь...

Виднѣлся на тверди небесной: облакъ, походившій на Лабрисъ: посреди кристально-голубого неба.

Когда свѣтъ жизни исшелъ изъ Акая, Атана произнесла:  
– Во имя богинь. И всего пуце: во имя Матери!

Послѣ же, со взоромъ, болѣе подобающимъ эриніи во время злодѣяній ея, нежели смертной, Атана произнесла нѣкія таинственныя не то заклинанія, не то и вовсе полубезсмысленныя слова, словно глаголя нарѣчіемъ міра подземнаго.

Ликъ помертвѣвшій – Акая – виднѣлся посередь пыточнаго застѣнка. А за нимъ – опустѣлая тѣмъ временемъ площадь съ истоптанною землею, съ засохшею кровью, съ разбросанными то тутъ, то тамъ оборванными рубашками, площадь, на которой виднѣлись: обезображенныя тѣла погибшихъ, которыхъ беспорядочно складывали (по недостатку опыта въ подобныхъ дѣлахъ), съ застывшими, окаменѣвшими ужасомъ лицами: масками Смерти; лица, на которыя взгляни – и самъ погибнешь: ужась отъ встрѣчи съ Нею перешелъ бы и на самого взиравшаго; иные – со скрюченными пальцами, словно тянущимися къ хлѣбамъ земнымъ. Кровь засыпали пе-

сочкомъ – прочь отъ страшнаго: засыпаль – и не было ничего. – Главное правило не только критскаго искусства, но и всего критскаго бытія было: не изображать, но утаивать наиважнѣйшее, почитавшееся священнымъ: рожденіе, соитіе, смерть; боговъ (кромѣ Великой Матери); царя и царицу.

Свинцовая полутьма нависала надъ Критомъ. Курносая и оплывшая харя на него наступала: носомъ, – вослѣдъ сплоченному стаду тучь-бычковъ, неложныхъ вѣстниковъ великихъ грозъ. Тишина, сгустившаяся надъ землями добрыхъ, – какъ оглушенность, какъ молоть. Громы зыблемой въ пропасть эпохи до времени зрѣли незримо, пучась: смертью минойскаго Крита. – Молнія уже бродила по упдающему Криту: съ мечомъ.

## Глава 2. Послѣ смерти Акай, или на чуждыхъ берегахъ

*Satis sunt mihi pauci, satis est unus, satis est nullus*  
*Сенека*

*Procul este, profani*  
*Вергилій*

*Адъ – это другіе*  
*Сартръ*

Акай былъ пробудившимъ народъ. – Можно вести споры,

благо ли сіе или же зло, но онъ содѣялъ это: самолично и вопреки. То была задача многотрудная; многотруднымъ было и положеніе новаго предводителя, весьма юнаго по сравненію съ лѣтами Акая: ибо хотя народъ и былъ разбужень, усилился не токмо народъ, но въ мѣрѣ большей братья критскіе, получившіе подкрѣпленіе. Несмотря на смерть Акая, на мигъ затихшее было возстаніе, вспыхнуло съ силою новою, съ новымъ напоромъ; не смолкло оно, но множилось и ширилось. И множилось и ширилось оно милостью М. (такъ звали героя юнаго). М. отличіе отъ Акая, бывшаго и зачинщикомъ возстанія, и его мозгомъ, и полководцемъ, воеводою, сражался въ первыхъ рядахъ — не изъ долга, но по собственному манію: провѣряя поистинѣ безграничные предѣлы своихъ силъ: такова была воля его. Такимъ образомъ, для М. возстаніе, къ которому присоединился онъ послѣ пораженія при Кноссѣ, было провѣркою себя и испытаніемъ, но никакъ не дѣломъ жизни, какъ то было въ случаѣ Акая.

\* \* \*

Рѣчи напыщенныя и горделиво-надменные произносили новый глава братьевъ критскихъ. Во главѣ критскаго воинства стоялъ нѣкто Аретавонъ, недавно поставленный по волѣ Самого (какъ то было принято говорить тогда на Критѣ), любое волеизъявленіе котораго почиталось священнымъ, и вотъ что онъ говорилъ, полнясь мощью грозною:

– Я исполняю волю Касато Мудраго, Сына Земли. Онъ глаголетъ – я дѣю. Онъ много мудрѣе и мощнѣе Предыдущаго. Это во-первыхъ. Насъ въ разы больше, нежели возставшихъ: вѣсь Критъ благородный станетъ стѣною супротивъ презрѣнныхъ рабовъ, взбунтовавшихся по волѣ одного – Акая. Но Акай мертвъ, и во главѣ возставшихъ уже не онъ, – сказалъ онъ, сплюнувъ съ презрѣньемъ, – полководецъ мудрый, но юноша. Юноша, слышите ли? Повѣрьте услышанному и возьмите въ руцѣ мечи: того просить святой Престоль и держава, отчизна наша. Это два и три. На сей разъ мы должны побѣдить. Это четыре. Пять: ежель кто изъ васъ, – вѣщаль онъ громогласно и съ огнемъ въ очахъ, обводя всѣхъ, кого могъ видѣть изъ братьевъ критскихъ, – посмѣеть убѣжать, какъ то сплошь и рядомъ встрѣчалось ранѣе...

– Не посмѣемъ, о повелитель! – громогласно вопіяли братья критскіе.

– Молчать! Не перебивать и внимать!

Воцарилось молчаніе, невиданное для критской пѣхоты. Оглядѣвъ многихъ изъ собравшихся, выдерживая гнетущую солдатъ паузу, зависшею тишиною мертвою въ расплавленномъ аэрѣ, усиливая тяжесть послѣдняго, предводитель продолжалъ, луча пламень, что долженъ былъ, по его мнѣнію, вселить мужество въ трусливыхъ воевъ Крита:

– Ежель кто изъ васъ посмѣеть вновь бѣжать съ поля брани, – вамъ слѣдуетъ повѣдать, что сіе есть безчестіе и что сіе – Смерти хуже, – того настигнетъ мѣдь всеразящая со-

зади. Впереди будете сражаться вы, а создади будутъ стоять мои люди, съ луками и мечами наизготове. Посему помните въ нелегкѣй часъ: вы падете въ любомъ случаѣ! Но падете въ руцѣ Матери, если не дрогнете. Я заставлю васъ понять, что такое честь воинская и воинская доблесть.

– Слава Криту! – слышалось изъ всѣхъ устъ воевъ.

– Криту Слава! – отвѣтствовалъ ихъ предводитель. – Такъ падите же съ честію въ бою яростномъ: смертью храбрыхъ. И падите въ руцѣ Матери всего сущаго. Обрушимся на отступниковъ отъ священныхъ нашихъ обычаевъ: рѣкою, лавиною. И поглядимъ, какъ устоитъ нарицаемый «непобѣдимымъ» юнецъ.

\* \* \*

Вдали виднѣлися нищіе, стонущіе, грязные, смердящіе, жившіе при торжищѣ, гдѣ Грѣхъ виталь незримо, но при томъ всеотравляюще, или же тѣнью стелился онъ. Тоска смертная разлита была по бытію, и надо всѣмъ реяло лишеніе. Можно было увидать одного изъ смотрителей рынка: тотъ отнималъ украденную кость. Нищій съ кирпичнаго цвѣта кожей кричалъ:

– Не отдамъ! Не отдамъ! Душу возьми, не отдамъ.

И билъ онъ себя по груди, кость потерявши и рыдая: силится онъ молвить нѣчто призывное, нѣчто бунтовщическое, но былъ для того слишкомъ слабъ. Иные изъ проходив-

шихъ плевали въ его сторону. Однакожь онъ возопилъ – но тихо, межъ своими, отвернувшись отъ торжища:

– Матушка-Родительница, помози намъ, бѣднымъ, нагимъ, хромымъ. Обездоленные, мы не требуемъ: мы просимъ. Сии, – говорилъ онъ, указывая въ сторону рынка, – боговъ забыли. Ты имъ ниспошли бѣдъ, да знаютъ богинь, милостивыхъ нашихъ заступницъ. Обидь обидящихъ и низвергни низвергающихъ, о Ты, Мати всего сущаго, Дѣва Премудрая, Чистая, Высочайшая. Вступись за насъ, о, вступись.

Иные изъ нищихъ лицами озлобленными глядѣли на площадь рыночную, и выдвигали носы, и тыкали пальцами въ сторону обидчиковъ. Иные попрошайничали во имя Великой Матери. – Ничто не напоминало адъ лучше, чѣмъ сія пародія на рай, ибо раемъ кажется минойскій Критъ тѣмъ, кто во времена оны тамъ не жилъ.

Въ это же время проходилъ по площади и М. Онъ направился прочь отъ суеты, удаляясь отъ міра и мира, – ближе къ немолчношумящему лазурному морю. Возлѣ дома нѣкоего виднѣлася: собака, больная и злая, воющая порою отъ неизбывной боли собственнаго существованья. Возлѣ хозяйка, вышедши изъ дому, выплескивала помои, бранясь и причитая. И слышались стенанія человѣческія, стенанія вечностраждущихъ исчадіи дольнихъ сферъ. Крѣпчали жары, рожденные жестокимъ Солнцемъ.

Шедши, М. думалъ: «Всегда, всегда былъ стенающій, горестный и горородный сей людъ, всегда; всегда было горе,

разлитое по человѣческимъ судьбамъ, и безъ того скорѣе горькимъ, нежели сладкимъ; и печали, и нищета, и всѣ гнусныя сіи лица. Всѣ повторялося, вертѣлось возлѣ точки незримой. Всѣ повторялося... и будетъ повторяться вовѣкъ... О поступь дней и годинъ! Гнетъ – и здѣсь, и тамъ: вездѣ. Пройдетъ десятокъ круговертей Колеса Бытія – и всё то же: ложь, словно язвящая чадъ рода людского, повязанныхъ между собою, да бѣдность крайняя, жестокая въ силѣ своей, облаченная въ ризы ложныя... всё – прахъ. О духъ мой! Обезличили меня бѣдные духомъ, но нынѣ я таковъ, каковъ я есмь: благодаря себѣ самому и Ей».

Скорбь и боль исходила отъ лика его. Темнолонный Критъ щерился бездною, оскаломъ звѣринымъ. Казалось ему: пространство вперило очи: въ него.

Мраморно-блѣдная скорбь въ грязно-сѣро-блѣломъ своемъ одѣяніи и понурая ея тѣнь лежали на всѣмъ, что только видно было глазу, и мѣрно пѣло сердце скорби; вездѣ, вездѣ царила несвобода, черная – какъ ночь, вѣчная – какъ тьма; тоска была разлита по бытію, и, предавшійся печалямъ многимъ, хмуρο взиралъ на М. день...

Изнеможенный, снѣдаемый скорбями, заточенный въ печаль, герой молодой присѣлъ и возрыдалъ, истомленный мыслями такого рода. И былъ онъ вдали отъ нечестиваго дыханья неистовствующей въ своемъ безсиліи черни и жрецовъ пустословящихъ: жрецовъ божествъ земныхъ, служащихъ богу слѣпому. Былъ онъ вдали отъ сильныхъ міра се-



го, богатыхъ, знатныхъ, ибо и ихъ вѣянія были герою чистому неприемлемы: вѣянія съ припахомъ алканья лишняго злата и сребра, ѳиміама и амброзіи, камней драгоцѣнныхъ, малыхъ и большихъ. Окинувъ зракомъ гордымъ пространства окрестныя, изрекъ:

– Надежда моя, казалось, во прахъ низложена; и мечта едва жива. Я не творилъ зла, не созидаль боли: я чистъ, я чистъ, я чистъ. Но да буду я не чистъ во вѣки вѣковъ: для прислужниковъ божествъ слѣпыхъ и рабовъ, – я, скиталецъ, тронъ чей – небеса вечнолазурныя, а не земля. Важнѣйшее дѣется вдали отъ суеты, въ тиши, и се – гряду тамо.

Темной и жестокой казалася М. критская жизнь. Уходилъ онъ прочь отъ смрадныхъ сихъ мѣствъ, но еще долго слышалъ онъ «Богиня-Мать, рождающая всѣхъ и вся, всѣхъ и вся пріемлющая въ лоно свое, заступница, отжени... помози...» да звуки ударовъ плетью да палками; и невѣдѣньемъ слѣпымъ наполнило пространство. Всѣ словно просило его проснуться ото сна именемъ жизнь. Ежели онъ бы прислушался къ велѣнію тѣла, онъ бы бѣжалъ: въ лѣса, поля, къ морю, въ море, на гору, подъ гору. Но въ это время онъ по волѣ собственной дозволилъ себѣ впасть въ руцѣ если не тѣла, то души: шель онъ куда глаза глядятъ: прочь отъ міра. Увидавши далече море, слѣпящую его бѣлизну, онъ вспомнилъ и, глядя на Востокъ, воскликнулъ:

– Тамъ, тамъ было еще хуже. Если здѣсь скотство, покорное и смирившееся (ибо сбросивъ цѣпи плоти, они не сбро-

силы цѣпи духовныя: они возстали плотью на плоть, но духъ ихъ скованъ, какъ и прежде, ибо въ нихъ нѣтъ духа), то тамъ – адъ. Если здѣсь Жизнь претворилась въ торжище, то тамъ она помои огненные. О усталое многохраброе мое сердце, скоро, скоро вернешься ты въ землю обѣтованную: въ небесную обитель. О, нестерпимо, нестерпимо, Отче, всеведающій, неузрѣнный, неизглаголаный, яви, яви Свѣты всепронзающіе; ниспошли мнѣ силу величайшую сообразно твоему величеству. Ибо нѣтъ силъ, нѣтъ силъ для вящаго.

Единственное, что удерживало М., съ позволенія сказать, здѣсь, былъ онъ самъ, его любовь не къ себѣ, но къ своему Я, первому изъ рожденныхъ Я на свѣтѣ, самоуваженіе и нѣкоего рода любопытство, ничего общаго съ любопытствомъ базарной бабы не имѣющее: ему было важно для себя вѣдать: что возможетъ онъ содѣять, что ему по плечу, а что выше силъ его.

Стремительно шель онъ, рѣжа пространства окрестныя. Быстро добрался онъ до тѣхъ мѣстъ, съ коихъ можно наблюдать ширь морскую сверху. Но пѣло море: волнами: «Безъ-вре-ме-нъ!» Словно въ теченіи времени не отражалась Вѣчность болѣ. Словно время болѣе не было влекомо судьбою – ни къ концу своему, ни къ началу. Словно лазурь стала отнынѣ бездомною.

И глядѣль М. на гору; въ снѣжное убранство одѣянная на вершинахъ своихъ, была она слѣпительно-бѣлою, яко Солнце; прорѣзали верхи ея облаки темные, иные черные; и были

тѣ облаки – какъ надгробья: прежняго міра; и слышенъ былъ далекій громъ. – И казалось М., что нынѣ, нынѣ уже началась брань межъ Добромъ и Зломъ, между горячо любимыми имъ Небесами и презрѣнною Землею. Чувалъ онъ сердцемъ дыханье надвигающагося; надвигающееся пылаетъ огнемъ, но огонь – огонь зорь: зорь новаго, небывалаго; но сіе новое, небывалое – кто знаетъ? – просверки, всполохи тамошняго. Но вскорѣ ему думалось иное: «Едва ль она, сѣча, окончится, ибо всё по кругу незримому шло, идетъ и будетъ идти: и Время, и Судьба, злая, крутятъ Колесо Бытія, и мѣрный его ходъ поглощаетъ всё – часъ за часомъ, день за днемъ, годъ за годомъ: безслѣдно години ниспадають въ рѣку забвенья, безслѣдно и мѣрно».

Мѣрно билися волны о брегъ, осіянный мрѣвшимъ Свѣтиломъ, пустынный, раскаленный, – да такъ, что аэры надъ нимъ словно метались въ огнедышащемъ удушѣ и мерцали подрагивая. М. подумалось, что Солнце, заливающее всё вокругъ, использовало море въ своихъ цѣляхъ, а Солнце – въ свою очередь – использовалось Нѣкимъ Безымяннымъ, отъ Коего всё, всё зависитъ, рабствуя непробудно, незакатно. Небеса, Свѣтило, ширь морская и брегъ – и ничего болѣе! – застилало очи, ихъ слѣпя: Вѣчность дольная, и въ самомъ дѣлѣ мѣрная отъ вѣка, взирала на М. Мѣрность прорѣзала суетливый, хаотическій летъ чаекъ и прочихъ птицъ прибрежныхъ, обогащая описанное словно измѣреньемъ новымъ.

Пыланье аэровъ принуждало не стоять на мѣстѣ и – пасть въ лоно моря, въ лазурную нѣгу водъ, въ вѣчно-колеблемую пустыню, казавшуюся междумірьемъ... Ему подумалось тогда: «Море – загробное царство, и нѣтъ здѣсь мнимо-живыхъ; пѣнье его – словно шопоть горней моей любви». И се – стремглавъ неся онъ въ низины, ведущія къ берегу морскому, и палъ онъ въ плоть морскую. И услышалъ онъ пѣсню немѣстную, далекую – какъ Солнце, но вмѣстѣ съ тѣмъ и близкую, могущую быть исполненной лишь однимъ человекомъ. И душа его дышала пѣснью, и стала душа пѣснею. И возликовалъ М. въ сердцѣ своемъ. Вѣтры билися о многомогущую его плоть, но, бѣясь объ нее, ее не проникали. М. возгласилъ:

– Я люблю васъ, вѣтры, приходящіе изъ морей, люблю, когда вы нашептываете мнѣ: «Ты – Иной». Благодаря вамъ я лишь ярче разгораюсь; мнѣ подобаешь свѣтить ярко, либо же не быть вовсе. Въ мигъ сей я не опасуюсь въ сердцѣ своемъ разъяренной злости Судьбы, яри ея и когтей.

И, поднявшись вновь на гору, сквозь терніи – къ не казавшимъ еще себя звѣздамъ, всё далѣе и далѣе отъ рода людского, отъ шумовъ и суеты, поднявши главу къ Солнцу, М. возгласилъ, глядя на разстилающіяся внизу пространства, словно бытующія подъ пятою его, словно поверженныя:

– Къ закату сего дня... Солнце на Западѣ зайдетъ, какъ и во всякій иной день, и се – заступитъ Ночь... И въ ноци пребываетъ міръ, покамѣстъ не узритъ Свѣтъ, имѣющій придти

съ Востока. Азь есмь тотъ свѣтъ...

Не успѣлъ онъ сказать сіе, какъ увидалъ приближающихся къ нему возставшихъ, немногихъ числомъ. Возставшіе, завидѣвъ его, приговаривали: «Слава М., царю нашему, съ нимъ бо Матерь нонче Превеликая!». На что М. съ негодованиемъ отвѣтствовалъ:

– О сыны и дщери мига, о овцы, утонувшія во снѣ имениемъ жизнь, о блужданія во снѣ! Я не царь, но великій обличитель и неумолимый судія, судящій не только Критъ, но и вѣсь міръ, всю Вселенную; летящія и разящія мои мысли – мечи и молніи, выдавливающіе гной съ лика матери-земли, словно буря, сметають они всё слабое. Суровое и непреклонное правосудіе дѣю я. И царствіе мое не отъ міра сего, о плоды безвременья.

Одинъ старецъ, съ глазами мятущимися, выставивъ носъ, началъ голосомъ распѣвнымъ:

– Ты, ты не Акай: ты и мудрѣе, и мощнѣе: управляешь нами лучше, громишь меньшимъ числомъ вящія войска супостата, о побѣдоносный! И милостивѣе при томъ (объ этомъ всѣ говорятъ – стало быть, правда!), отказываешься даже отъ наименованія себя вождемъ; ведешь себя словно другъ ты намъ! – Спаситель!

Всѣ бывшіе рядомъ громко провозгласили, подошедши къ нему и поклонившись до земли: «Ты – Спаситель. Ибо ты многомогъ и многомилостивъ. Ты не человекъ – ты аки божи». И мужи, и жены кричали: «Только бы быть подъ

началомъ твоимъ!», «Безъ водительства твоего могила насъ ждеть!».

Седобрадый добавилъ:

– Въ сѣчахъ ты въ первыхъ рядахъ; случись намъ отступать, ты – увѣренъ – отступишь послѣднимъ, либо же не отступишь, предпочитая смежить очи – съ честію великою, намъ, критянамъ, неизвѣстной. Да, ты содѣлай намъ милость превелику: не отказывайся отъ власти надъ дитятами своими, надъ овцами да овнами, ибо ты пастырь: пастырь, лучшій изъ рождавшихся. Отнынѣ будемъ разумѣть тебя вождемъ.

М., морщась, произнесъ:

– Зачѣмъ вамъ царь, о перстные? Не возлагайте сего на многомошныя мои рамена: царь уже есть: царица-слѣпота править міромъ; и участь ваша, чумазые, – глядѣть на себя, на Себя свою, на дыру вмѣсто своего Я, чужими глазами: столь же слѣпыми, что и ваши глаза, бѣлесые, мутные, незрячіе. Я уже не разъ глаголалъ: никакого попеченія о мірѣ и о мірскомъ! Ибо міръ – лишь сновидѣніе создавшаго и присныхъ его. Избавьте меня отъ сего, о нерожденные: я не вождь и не богъ, но есмь человѣкъ иной, глубокой души. Я – междумірье міровъ, средокрестіе, та трещина, черезъ которую лучить себя свѣтъ, изливая себя во тьму внѣшнюю. Вы – эта тьма. А я – тотъ свѣтъ, ибо я не только междумірье, средокрестіе и трещина для свѣта, но и самый свѣтъ. И воюю я не ради васъ, но ради себя, о срощенные со зломъ, сопричастные ему – въ силу безхребетности, вечножадные до

дурного, ибо сами дурны. Вы не больны, вы – сама болѣзнь.

– Если ты и не богъ и не вождь, то гласомъ твоимъ глаголетъ сама Матерь Преблагая, – восторженно добавилъ съдой, вглядываясь заискивающимъ и молящимъ взоромъ въ усталый, но вѣчно-твердый ликъ М.

И было стыдно М. – глядя на собравшихся, что и онъ принадлежитъ – по плоти, лишь по плоти – къ смертнымъ. И онъ возгласилъ:

– Я царь, не желающій подданныхъ, не желающій и земель, о темная толпа; поистинѣ: я не вашъ царь, о худородные и уничиженные. Война была бы священной, ежели она совершалася бы подъ знакомъ претворенія васъ – изъ скотовъ – въ людей. Но то невозможно. Я есмь огонь незакатный, я низвелъ огонь на землю, но вы мокры. О, какъ мокры вы! Уста ваши не вкушали Свободы, о вечнодремлющіе, вы не пили изъ источника Воли, Вы не зрѣли Ея и во вѣки вѣковъ не узрите, о сыны Земли, ступени и колонны міра. Поистинѣ: блаженны слѣпые и мертворожденные, жительствующие по закону матери! Акай былъ глупецъ: онъ любилъ людей. Ибо всѣ вы – лишь отраженія создавшаго. Вы всѣ!

– Кая вѣра истинна? Кая правдива? Ты скажи, вождь. Какая истинна, въ такую вѣрять и будемъ. Ты только скажи – всё будетъ исполнено, какъ велишь по милости своей, – вопрошали иные.

Глубочайшее презрѣніе сіяло на ликѣ М.

– Мы зримъ того, кто Её вкусилъ, пилъ и зрѣлъ, о неустра-

шимый! – неистово кричали иные.

– Мы вѣримъ тебѣ! – неистово кричали прочіе.

– Я учу не о вѣрѣ, но о знаніи, о перстныи! Ибо не только Судьба есть первая и послѣдняя изъ оковъ, но и незнаніе, милостью котораго вы прозябаете въ выгребной ямѣ. Ибо незнаніе не только есть величайшія оковы, но и воды забвенія. Незнаніе не дозволяетъ выпростаться изъ когтей Судьбы; знаніе же есть первая и послѣдняя ступень восхожденія. Я учу объ освобожденіи не въ мірѣ, но отъ міра, но вы – міръ. Я учу о нахожденіи надмирнаго въ себѣ, ибо оно выше міра. Я учу о томъ, какъ стать богами; но вы продолжили рабье свое бытіе. Я глаголю о томъ, что не слышало ухо и не зрѣлъ глазъ! Я учу о томъ, что не сновидѣла явь и не вѣдалъ и не видѣлъ сонъ! – гнѣвно сказалъ М. – Случись критянину или иному кому быть на мѣстѣ моемъ, онъ бы сказалъ: «Безъ вѣры въ горнее – нѣтъ величія»; но я не критянинъ, я изреку инако: «Безъ воли къ горнему – нѣтъ величія». И нѣтъ воли безъ боли, какъ нѣтъ и величія безъ обладанія горнимъ.

– Что есть горнее? – спросилъ юнецъ съ коровьимъ зракомъ.

Молчалъ М. Прошло время. Злобно оглядывая всѣхъ, но ни на комъ не задерживая взора, словно паря – и взоромъ – надъ всѣми, М. сказалъ:

– Умѣете ли вы стоять надъ бытіемъ своимъ?

И тутъ одинъ изъ возставшихъ подпрыгнулъ. Иной чуть



послѣ спросилъ, широко, по-звѣриному открывши глаза не то отъ испуга, не то отъ восхищенія:

– А что такое «Свобода»?

М., оглядѣвши единовременно всѣхъ и никого отвѣтствовалъ:

– Какъ и Воля, она то, чѣмъ вы – всѣ до одинаго – никогда не обладали и обладать не будете, о осколки тѣней!

– Не ты ли говорилъ, что Свобода завоевывается мечомъ? – спросилъ нѣкій юный.

– Да, она обрѣтается потомъ и кровью, но надобно имѣть Я какъ Ея домъ, дабы Она возмогла свить въ сердцѣ гнѣздо и изливать самое себя изъ собственного преизбытка: въ – мое или твое – Я. Ты или вотъ ты – это не ты, ты не обрѣлъ Я, любой изъ васъ – часть Мы. Потому ни Свобода, ни Духъ не возмогутъ излить себя въ васъ, ибо врата сердца вашего запечатаны для преблагихъ сихъ вѣяній. И помните: Духъ и Свобода тѣсно связаны межъ собой; не можетъ быть одного безъ другого; а для того, чтобы хотя бы и издали узрѣть Ихъ, надобны и потъ, и кровь.

– Мы не понимаемъ, что ты сказываешь.

– Свобода – это Я, ибо Свобода въ сердцѣ моемъ, и самое сердце мое – Свобода, о пресмыкающіеся. Она – то, чего бѣжите вы болѣе, чѣмъ чумы, о помѣси несвободы и страха: она – бытіе не наперекоръ, но вопреки создавшему и законамъ слугъ его, о слѣпцы тьмы невѣдѣнія. Потому желаю вамъ – прозрѣнія и искупленія: скорѣйшаго прекращенія дольня-

го вашего бытія: желаю вамъ исхода изъ міра. Бытіе – мертвечина, пустота, иль и тина. Вамъ стоило бы вѣдать, о слѣ-порожденные: длина жизни – ничто. Окажите милость – съ глазъ долой!

Многіе удалились, удалился и М.; но нѣкоторая часть осталась, создавши видимость ухода своего, дабы угодить М. Когда М. потерялся изъ виду, оставшаяся часть стала поклоняться древу, возлѣ котораго стоялъ предводитель ихъ. И долго еще поклонялась она, пока наконецъ не устала и не отправилась почивать.

\* \* \*

Въ пеклѣ возстанія отказывался М. отъ власти: инымъ казалось, что М. любилъ лишь войну. М. не разжигалъ пламень возстанія, пламень пылалъ по всему Криту до него и безъ него, угли не надобно было раздувать. Но М. желалъ возогнать возстаніе изъ плоскости политической въ сферы высшія, но народъ былъ глухъ. . . Ужели былъ М. первымъ понявшимъ, что власть въ силу своей природы только что и дѣлала, что всѣмъ своимъ видомъ показывала людямъ духа: «Вы-де люди маленькіе и жить будете соотвѣтственно»? Но послѣдующіе люди духа, вплоть и донынѣ, къ ихъ чести, жительствовавали инако: въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, каковы они и были, что въ свою очередь означало: «Власть предержажіе, вы и вамъ подобные – люди маленькіе, поживете, да отъ васъ

ничего не останется, а наше имя – въ вѣкахъ и въ Вѣчности». Пожалуй, именно онъ самъ сіе первымъ и осозналъ, понявши властную іерархію какъ лѣстницу въ видѣ колонны: внизу – рабъ, сверху – правитель; и тотъ, и другой, и самая лѣстница въ видѣ колонны подпираетъ престоль создавшаго...

Однажды М. возвѣстилъ, не обращаясь ни къ кому, одинъ, глядя въ небеса:

– Воля быть извѣстнымъ, сильнымъ въ мірѣ семъ – это вѣянiя слѣпота; а его вѣянiя – всегда пути. Стяжаніе славы – суета суеть, а суета – всегда отъ создавшаго: она одна изъ пуповинъ и нитей его, коими онъ держитъ всё живое во страхѣ и слѣпотѣ. Оставить слѣдъ на землѣ – это слишкомъ мало и ничтожно; вѣдь и ничтожные порою оставляютъ грязный свой слѣдъ и чертятъ отмѣтины на бытіи.

Возставшихъ и впрямь обуяли страсти, рожденныя несвободою длиною во всю жизнь и рабскимъ существованьемъ, и страсти отнюдь не высокія. «Рабъ, сбросившій цѣпи рабскія, однако, рабомъ и остается. Они грабили дворцы, разрушая ихъ. Жажда мести полонила ихъ души», – такъ думалъ о возставшихъ М. Съ презрѣніемъ немалымъ вспоминалъ онъ происходившее.

Тщетны были его попытки остановить сіе дѣйство, обуздавъ возставшихъ. М. мало-помалу терялъ вѣру въ возможность возвращенія возстанія въ казавшееся ему благороднымъ русло. Не ужасы войны тяготили сердце его, но представлявшійся преступнымъ и низкимъ характеръ возставшихъ.

Онъ сознавалъ, что рабѣ не вымывается изъ раба – хотя бы и возставшаго; напротивъ, возставшій рабъ – рабъ вдвойнѣ; зримой предстала тогда его сущность. М. сознавалъ, что надобны десятки, сотни, тьмы лѣтъ, дабы изжить рабское. Лишь немногіе, слишкомъ немногіе – съ изначальнымъ впечатлѣніемъ иного – суть иные: тѣ, что и въ самомъ дѣлѣ не заслужили рабѣй доли; остальные – заслужили. – Такъ представлялось М., всё болѣе и болѣе разочаровывавшемуся не въ успѣхѣхъ предпріятія, послѣ смерти Акая вѣреннаго ему судьбою, но въ самомъ предпріятіи, которое всё болѣе и болѣе становилось въ его глазахъ по ту сторону того, что онъ почиталъ за добродѣтель.

Однажды къ войску возставшихъ пришли жители окрестныхъ селеній, желая присоединиться къ возставшимъ. Старшій изъ нихъ обратился къ М.:

– О величайшій изъ юношей, пришли мы изъ ближайшихъ деревень, дозвожь намъ присоединиться къ всепобѣдному твоему войску. Гладомъ есмы, силушекъ нашихъ нѣтъ терпѣть поборы нескончаемые, прими насъ, Спаситель!

– Лъстецы! Прочь, тѣни! – такъ отвѣтилъ М. и удалился въ шатерь.

Въ иной разъ онъ поймалъ одного изъ возставшихъ – неожиданно и для себя, и для пойманнаго – и спросилъ его:

– Ты – и тебѣ подобные – поступаете недостойно. Отчего?

– Научи, вождь, какъ поступать достойно.

– Горѣ имѣй сердце свое! – отвѣтствовалъ М.

– Зачѣмъ, о царь?

Въ этомъ «Зачѣмъ?» крылась вся сущность человѣческая. Великое презрѣніе снова скривило М., и онъ не находилъ себѣ мѣста, ибо невыносимымъ предсталъ для него тотъ мигъ. Наконецъ, онъ отвѣтилъ, обращаясь ко всѣмъ, кто были рядомъ:

– Власть по праву разумѣетъ васъ подлыми. Неужели не желаете стать иными: свободными?

– Мы возстали. Развѣ мы не свободны теперича?

– О нѣтъ, вовсе вы не свободны, вы, во тьмѣ лежащіе, въ погребной ямѣ сущіе, ибо и сами – тьма и выгребная яма. Свобода не вѣдаетъ дѣяній подлыхъ, рожденныхъ нищетою, о нерожденные.

– Для дѣяній иныхъ иное житье-бытье надобно, и развѣ не для обрѣтенія его мы и возстали?

– Вы, а не я, о тѣни и призраки, спрятанные отъ самихъ себя не только обычаями и вѣрованіями, но и всѣмъ чѣмъ только можно, бѣгущіе Свободы, ибо возстаніе еще не Свобода; поистинѣ: вы слабы безмѣрно, чтобы обрѣсть Её въ сердцѣ; ради покоя и ухода отъ бремени отвѣтственности, продали вы Её за чечевичную похлебку Себи! Вы, а не я, о сыны мига, обмѣнявшіе Вѣчность на мигъ! Вы, подлые, низкіе, слѣпые: къ вящей радости создавшего. Блаженны браннолюбивые, съ благословеніемъ дерзости на челѣ, съ нескромностью какъ своею добродѣтелью, но только тѣ, что еще продали міръ, что еще отложили о немъ всякое попеченіе, сгибли для мі-

ра! Таковые не бѣгутъ міра: міръ бѣжитъ ихъ. Таковые суть Смерть въ жизни и Жизнь въ смерти и снѣ: именовъ жизнь и именовъ явь. Свобода обручена со своими стезями, но гдѣ стези ваши? Какъ можете называться людьми, ежели не бились противъ природы, не преодолѣли заданное, не родили свое Я и не обрѣли опоры въ немъ? Вы и знать не знаете, что есть Я. Потому не обрѣли вы свои стези. Человѣкъ начинается въ Я, а прежде зачинается имъ: въ Я, распрощавшемся навѣки со всѣми Мы. Обрѣтеніе Я – не только трудъ, но и даръ; уже поэтому оно – роскошь. О, лучше бы вы любили ненавидящихъ васъ и благословляли проклинающихъ васъ: ибо это еще самое большее, на что способны перстные!

– Не говори такъ, вождь. Безъ тебя мы снова вернемся въ стойла и будемъ закованы въ цѣпи.

– Вы и со мною, какъ я погляжу, въ стойлахъ и въ цѣпяхъ, о затерянные. Рабами родились и рабами помрете. Безумные, васъ не вырвать изъ объятій низости. Я, лишь я съ каждымъ мигомъ всё свободнѣе. Ибо вы – песокъ морской, а я – жемчужина. И я учу о томъ, какъ стать жемчужиною, но вы не только слѣпы, но еще и глухи. Надъ нами реяль стягъ незримый – наивысшій изъ когда-либо вздымавшихся на сей землѣ. Но вашими усиліями покрыть навѣки онъ позоромъ; я отнынѣ не желаю его нести. Вы, быть можетъ, слегка начали перенимать отъ меня: мое мужество, мою отвагу, умѣнье мастерски владѣть оружіемъ: но вы не переняли отъ меня: духъ. Я говорилъ, что вы станете столь же достойны, какъ

я, когда обрѣтете Я. Но у васъ нѣтъ дверей для духа, врата сердца вашего запечатаны. Что близъ меня вы, что далече – всё одно: бездна безднѣ межъ насъ. Я призываль узрѣть васъ во мнѣ, но вы отъ вѣка слѣпы, о пасынки Судьбы.

Отвернувшись отъ нихъ, не могучи болѣе взирать на нихъ, М. про себя подумаль: «...ибо перенять духъ нельзя. О, какъ они низки. Невыносимо. Какую кость не брось – беззубые всё грызутъ».

– Что есть духъ? – вопрошала толпа. – Если это можно потрогать, или же оно даетъ прибыль, или же само есть прибыль...

– Духъ есть нить, единственно и позволяющая не заблудиться въ Лабиринтѣ зла, незнанія и тьмы, ибо даетъ познаніе истины. Духъ – это не жизнь, которая есть лишь скитанія по Лабиринту, безпрокія и безцѣльныя, ибо онъ есть то, вокругъ чего жизнь должна вертѣться: она должна вертѣться не вокругъ самой себя. У васъ же, однодневки, она вертится вокругъ чего угодно, но не духа, но болѣе всего отъ вѣка оскверненная ваша сущность вертится вокругъ низости да пресмыканья, – сказываль М., гордо встряхнувши черною прядью кудрявыхъ своихъ волосъ. – Духъ есть то, милостью чего каждый могъ бы быть независимъ отъ Судьбы и обрѣсть самихъ себя. Въ любой покоренности и сокрушенности сердечной, въ смиреніи любомъ – зиждется Судьба, но вы избрали стези невѣрныя: онѣ не ведутъ къ преодолѣнію Судьбы: нынѣ вы еще болѣ въ лонѣ ея. Духъ есть то, милостью

чего обрѣтается Вѣчность; она – небытіе; человекъ духа есть остріе Вѣчности въ мірѣ семъ. Но слова здѣсь лишни: неисправимы! Вы не смѣете поднять очи къ небесамъ и обратить свой взоръ къ Вѣчности, плывя вмѣсто сего въ страну вѣчнаго забвенія; зачѣмъ, о, зачѣмъ влачите никудышное свое бытіе, зачѣмъ длите вы – вы всѣ! – никчемное свое существованье, рабскій свой сонъ? Несмотря на то, что рабъ возставшій порою не есть рабъ, вы – все еще рабы: война рабовъ противу рабовъ...

– Несмотря на всё наше безпредѣльныя къ тебѣ уваженіе и преданность, я тебѣ вотъ что скажу: вождь, ты не человекъ, въ тебѣ сердца нѣтъ, о неборимый во браняхъ, – говорилъ старецъ съ животно-глупыми глазами, мнимо-бездонными и широко-открытыми, какъ и изсохшій его ротъ, словно увидавшими Пана и охваченными паническимъ ужасомъ.

– Да, поистинѣ: я не человекъ, – возглаголалъ вслухъ М. съ нечеловѣческимъ достоинствомъ; а про себя же вспомнилъ словеса Дѣвы: «Сущность человекъ – въ ритмѣ дыханія земли – судорожно-мѣрно вертится вокругъ одного древа-сорняка, забившаго всё остальное, и имя сорняку сему – Счастье, кое распадается на двѣ не вѣтки, но вѣтви, кои для человекъ священны и почти – въ силу священности – не обсуждаемы и никогдаже осуждаемы: чувственные, плотскія удовольствія и корысть (какъ божество и единовременно всё жъ не только божество, но всё жъ еще и средство: къ первому). И Себѣ и Собѣ являютъ себя воедино, ибо коренят-



ся въ одномъ, имѣя корень единый». Ему подумалось далѣе: «Видимо, таковъ міръ: всегда были, есть и будутъ: рабы и господа; сіе – не измѣнить вовѣкъ... благородными ихъ насилу не сдѣлать: благородными либо рождаются, либо волею становятся. Они не свыклись съ рабствомъ: они отъ вѣка и до вѣка суть рабы, и природа ихъ скотская. Мысли былыя о претвореніи ихъ въ свободныхъ были мечтою, обманчивой и несбыточной. Пекло войны лишь высвѣтлило природу ихъ. Но я воевалъ не за нихъ, но за свое достоинство; и я уже показалъ – всѣмъ и себѣ въ первую очередь, чего стою. Однако – во имя себя – буду сражаться вновь и вновь: до конца. И лишь послѣ отправлюсь на Востокъ, ибо было мнѣ видѣніе Ея, единственной богини для меня, Дѣвы неложной, имѣвшей ко мнѣ слово: «Гряди на Востокъ, откуда исшелъ ты нѣкогда. Тамо и узримъ другъ друга». М. продолжилъ много спокойнѣе:

– Я учу о Я, о гордости, о волѣ. Гдѣ ваше Я, гдѣ гордость и воля? Гдѣ всходы вашего Я? Вы, плотью извѣчно и навѣчно влекомые къ плоти, въ трусости своей и въ слѣпотѣ ушли отъ стезей, ведущихъ къ Я: зарывшись въ норы. Поистинѣ: вы вѣрны самимъ себѣ, вы не ушли отъ самихъ себя, ибо «не смѣть», «не дерзать», «не быть» – знамя ваше. Я не разъ каралъ плоть свою, ибо безъ этого Я не рождается: Я, коему тѣсень міръ сей: цѣлый міръ! Вы же были караемы, но гдѣ ваша воля къ тому? Я учу объ удаленіи отъ себя всего сроднаго землѣ и плоти, но вы – земля, и плоть, и испражненія «Ма-

тери». Я учу о запредѣльныхъ высяхъ, но – вы неисправимая илостная низина, переспавшая съ болотомъ. Я учу о восхожденіи и преображеніи, но вы – самое сошествіе во адъ и – единовременно – застой, окостенѣніе, упадокъ. Ибо вы, сущіе во гробехъ, покамѣсть еще лишь сѣрая мертвечина именемъ жизнь, о порожденія безвременья!

И здѣсь выдвинулся одинъ – не младъ, не старъ, не худъ, не толстъ, съ глазами какъ могилы: два глаза – двѣ могилы: въ одномъ тѣлѣ, – и молвилъ страстно, почти шопотомъ, съ легкимъ дрожаніемъ въ голосѣ:

– О учитель, обрѣлъ я презрѣніе великое, чую: грядеть, говорю, освобожденье нашего брата. Жрицы-то разодѣтыя – словно, говорю, клопы цвѣтные, кровушку-то сосутъ, но близокъ часъ. Раздавимъ клоповъ, о Учитель, да въ волю, говорю, заживемъ и возликуемъ, клоповъ съ презрѣнемъ раздавивши!

– Презрѣніе, тобою извѣданное, – лишь презрѣніе раба, и рабская злоба, и горькая обида, – отвѣчалъ М.

Выдвинулся второй, кажущійся блаженно-радостно-умиленнымъ, со взоромъ туманнымъ, и елеино возгласилъ:

– А я чую, говорить, что охота мнѣ жриць тѣхъ не давити, а чтобъ, говорить, прислуживали мнѣ груди ихъ пышныя, та-кожде въ овинъ, говорю, входишь, а тамъ жрица-то овцу до-ить, да пѣсни нѣжны напѣваетъ, потупилась вся: «Что, господинъ мой, кручинишься? Чего сердце аленько желаетъ?». И текеть по грудямъ млеко, хладное, бѣлое. А я вотъ что

прикажу, то и дѣть она, по манію моему. Вотъ оно, гдѣ душа моя развернется, охъ развернется-то! Хошь на потѣху мою прикажу ей, хошь на услугу какую иль на усладу. Всѣ, какъ я пожелаю: таковъ, говорить, обычай оттоль для нихъ.

– Въ томъ ли ты узрѣль свободу свою, рабъ? Думно тебѣ, что себя обрѣтешь? Себя не обрѣтешь – себя потеряешь, ибо то лишь Себя твоя, а того не разумѣешь по природной слѣпотѣ своей. Только лишь когда и если Себя потеряешь – Я обрѣтешь. Счастье твое – счастье плоти, умиляющее и умаляющее сердце, чаянія твои суть плотскія чаянія, о могила съ глазами. И счастье твое – могильщикъ Я. Но и счастье неплотское есть тѣнь зыблемая и вѣчно-неуловимая, какъ и окоемъ. Подобно тому, какъ окоемъ ускользаетъ отъ пять твоихъ, егда грядешь по полю къ нему, такъ и счастье. Но свиньи любятъ теплыя свои грязи, а мошकारа – свѣтъ пламени. Но свиньи и мошकारа еще надобны мнѣ, дабы не быть – вами – и быть тѣмъ, кто я есмь. Спасибо вамъ, что вы есть, о водимые Матерью, ибо вы – не Солнце и не обманнѣй луннѣй лучъ, но путеводная звѣзда недолжнаго! Всѣ вы и каждый по отдѣльности – деревянныя звѣзды, глядя на которыя, я гряду – прочь отъ васъ и убожества вашего и отъ міра и смрада его: я, грядущій во имя свое! – такъ говорилъ М.

И тутъ выдвинулся – было затерянный: зеленью – въ зелени, – нѣкій третій, подслѣповатый дѣдъ, уютный, какъ кровать, и произнесъ довольно тихо и укоризненно, обращаясь къ М.:

– Знаніє надмѣваесть, а смиреніє навчаесть. Ты воспари-  
ль ужо выше неба самого: темныя, говорю, дѣла дѣеши, ибо  
темное и сказываеши, ибо въ головѣ темное носиши, и голо-  
ва твоя – темень. Оставимъ богамъ божеское, а человѣкамъ  
– человѣческое; негоже человѣку думы слагать о томъ, какъ  
самому стать богомъ! Думно мнѣ: грѣшно то; наше дѣло ма-  
ленько; такими родились, такими и помремъ, таковъ бо во-  
димый Матерью Критъ.

Вновь сказываль М. о томъ, что повиновеніемъ, и послу-  
шаніемъ, и покорностью стоитъ Критъ, земля тьмы: безъ ни-  
хъ критяне – овцы безъ пастуха; о томъ, что вскорѣ сожжеться  
всѣ тамошнимъ окомъ; о томъ, что дольніе мраки разсѣют-  
ся; глаголасть онъ о недоступныхъ человѣку вершинахъ, съ  
коихъ поглядиши и осознаеши: и день и ночь, страданья и  
радость, жизнь и смерть, – словомъ, всѣ почитающееся чело-  
вѣческимъ есть ничто, и ошибка, и слабость: слѣпота и за-  
блужденье. – Только тамъ Солнце подлинное и вѣчное, гдѣ  
громъ вторитъ Слову, кружась въ восторгѣ, только тамъ всѣ  
человѣческое предстаесть какъ пропасть, бѣда, тщета: какъ  
бездна безмыслія. Онъ окончилъ рѣчь свою сими словами:  
«Межь насъ – ровъ и бездна безднъ, о тѣни, духовные мерт-  
вцы, бѣглецы стезей своихъ, вечноведомые, палачи своего  
Я, влачащіе ярмо всечасно!». Молчала толпа: безвременье съ  
открытымъ ртомъ и выпученными глазами глазѣло на М. –  
Бѣло-голубымъ факеломъ горѣло бытіе М. въ здѣшной тьмѣ.  
Ночь расцвѣтала, и горѣла ярко Денница-звѣзда.

Въ это же время Касато, ходя безпокойно по залѣ дворца, озираясь очами-ужасами на полукружье колоннъ, сказалъ:

– Я начинаю ненавидѣть этого юнца; видно, вѣрно о немъ говорятъ, что взгляды его яро-пламенно-безуменъ, но онъ поплатится, о, какъ поплатится за безуміе свое. Сумасбродъ!

Черновласая ночь расправляла черныя свои крыла, величаво-неспѣшно, но вдругъ послышался шорохъ. И снова. Стало быть, кто-то крадется – быть можетъ, тать, быть можетъ, убивецъ. Касато, перебарывая было сковавшее его волненіе, съ мятежащимся сердцемъ схоронился въ покрывшей его съ головы до ногъ тѣни, оказавшись въ самомъ темно-мъ углу залы, замеревъ и не дыша. Въ комнату вошла дѣва со взоромъ туманнымъ и ликомъ скорбнымъ, съ ожерельемъ изъ черныхъ каменьевъ, и Луна, сіе Солнце ночи, люющая свѣты блѣдныя, сребрила блѣлыя ея одежды. «Касато, милый, гдѣ же ты?» – вылилось изъ серебряно-блѣдныхъ устъ ея. Лѣнливимъ и величаво-неспѣшнымъ движеніемъ она словно случайно, сбросила съ себя платье; шелестя по блѣдной ея плоти, медленно пало оно наземь, чуть тронутое дыханіемъ ночного вѣтра. «Касато, милый...» – журчала дѣва. Прощальный взвивъ платья принудилъ Касато возстать изъ сокрытія своего: встать, – и нѣчто неудобъ-сказуемое вышло изъ него; очи дѣвы наполнились слезами, а уста нѣжно пріот-

крылись и въ безсиліи замерли: буквою «О». Онъ молчалъ; дѣва чего-то ждала, взгляды ея о чёмъ-то молила, но Касато продолжалъ молчать; наконецъ, она рѣшилась:

– Ты, ты равнодушенъ къ чарамъ моимъ? – тщась овѣять его серафическою лазурью, но на дѣлѣ обдавъ его ею, пропѣла дѣва.

Касато молчалъ: снова.

– Экій лабиринтъ, куда нельзя мнѣ, заради тебя прошла незамѣченной сквозь палаты каменны: не диво ль? – изливала рѣчи дѣва, тщась плотью выманить не плоть цареву, но сердце его; а сердце его, хотя и мало-помалу дѣлалось тише, еще готово было выпрыгнуть изъ груди да скакать по бѣлу свѣту: отъ страховъ многихъ.

– Незамѣченной, говоришь? – претворившись въ тучу, воспросилъ Касато.

– Да, диво; всё въ рукахъ Матери: помогаетъ она благому моему дѣлу – муки сердечныя дѣвы прекрасной для Нея вовсе не то, что страданья брадатыхъ: она скорѣе поможетъ мнѣ, а не всему народу критскому; и уже помогла. Я сказала: «Благому моему дѣлу». Нѣтъ тайнъ у меня отъ тебя, Касатушка, и дѣло мое вотъ въ чёмъ: кабы снискать твою любовь, лишь бы милому милой быти...полна я кручинъ и скорбей, якъ море-окіянь полно волнь, – отъ Любви сгораю – мочи нѣтъ – ничто не исцѣлитъ муку сердечну, oprичъ тебя, – нараспѣвъ произнесла дѣва, всё болѣе увѣренная въ силы своихъ чаръ. Очи ея тогда были не очами, а глазами: не

двумя маленькими лунами, а гулами плоти. Плотью подвигала она плоть свою къ плоти царя.

– Прочь, дѣвка! – сердито рявкнулъ Касато Мудрый.

Дѣва улетѣла, испарилась, и лишь удаляющіяся всхлипыванія были недолго слышны: словно оборвалось сердце ея.

Луна сіяла для нея: несбывшимися чаяніями и невозвратною, уходящею юностью.

Луна сіяла для него: миновавшею угрозою и грозящими дѣлами.

Солнце жизни новой не восходило.

Воутріе зарумянился день новый, и былъ жестоко казненъ начальникъ царской стражи.

### **Глава 3. Одинъ разговоръ, или Зовъ міровъ иныхъ**

*Я предпочитаю [Богу – М.Р.] Прометея – я предпочитаю сатану, образецъ бунтаря и индивидуалиста. Пусть я всего лишь атомъ, но всё-таки я самъ себя господинъ, я хочу истины, а не спасенія, я жду его отъ собственнаго ума, а не отъ Благодати.*

*И. Тургеневъ*

Подъ оливковымъ древомъ, вдали отъ мірскихъ шумовъ сидѣлъ нѣкій немолодой господинъ; вдругъ онъ, до сего долго приставлявши ладонь ко лбу своему, вглядываясь въ

плывуще-мерцающій аэръ, будто бы танцующій надъ песками раскаленными, несущими гибель едва ли не всему живому, словно узрѣль нѣчто вдаль и, узрѣвъ, поднялся и съ проворностью, несвойственной его возрасту, поспѣшилъ къ нѣкоей точкѣ пространства, пронзая – и его, и время. Были зримы двѣ сходящіяся фигуры, кои точно прободали расплавленную ширь; и были онѣ словно два бѣгущихъ ручья, что должны впасть въ одну рѣку, что ежечасно неспѣшно струить себя, величаво движась, дабы излить самое себя въ морѣ. Къ морю вскорѣ двинутся путники. Подошедъ, Аке-ро (такъ звали немолодого) съ большимъ уваженіемъ и почтеніемъ поздоровался съ М. – уваженіемъ, коего не ждешь: отъ старшаго къ младшему; и не ждешь не только въ тѣ достославныя, сверхдальнія времена, но не ждешь и нынѣ, какъ это ни удивительно и ни прискорбно: родъ людской едва ли подверженъ измѣненьямъ въ иныхъ сферахъ...

М. былъ ослѣпленъ лазурью, разстилавшейся на небесахъ. Было зримо высоко вздымавшееся могучее его тѣло, благомошное и рослое, крѣпкій его станъ, и Гордость витала незримо вокругъ него; суровая краса отмѣтила ликъ его: лишь уста его часто смѣялися безстрашіемъ нездѣшнимъ, словно былъ онъ олицетвореніемъ самой Воли, самого дерзновенія. Июль, сынъ Іюніевъ, неистовствовалъ: жары, жары всепронзающіе, душащіе, дробящіе всё живое, принудили критянь до вечера поздняго не выходить изъ домовъ. Безъ мѣры – но мѣрно – палящее Солнце плавило сущее.



Казалось: подошеть, быть Акоро плѣнень: властью уставившихся на него черныхъ и грозныхъ очей М., сквозь которая чуялось, что у него на сердцѣ: «Впередь, впередь: любую цѣною – отъ побѣды къ побѣдѣ!»: нѣчто побѣдное и въ самомъ дѣлѣ читалось въ ликѣ его; быть онъ – единовременно – страшень и безстрашень; очи его свѣтились свѣтомъ инымъ, никогда доселѣ невиданнымъ, но въ нихъ, однако, вовсе не читалось желаніе повелѣвать. И сіяла на немъ нѣкая странная улыбка, непохожая ни на одну изъ критскихъ, казавшаяся улыбкою освобожденнаго, всё преодолѣвшаго, всё вѣдающаго, Побѣдителя.

Вотъ что подумалось Акоро: «Память моя хранить молчанье о томъ, каково было доселѣ незамысловатое его бытіе – бытіе рыбака. Но слѣдуетъ изречь очевидное всякому знавшему его молодымъ, лишь молодымъ, прежнимъ, лишь прежнимъ: нынѣшній его обликъ есть побѣда надъ природою, надъ даннымъ ему богами, ибо это данное стояло подъ знакомъ борьбы съ нуждою: нѣкая страсть нынѣ являетъ себя черезъ обличье его; силою онъ полнится, брызгаетъ во всѣ стороны страстями: страстями иными, нежели то всё, что я видѣлъ доселѣ: то страсть не дикихъ пустынныхъ кочевниковъ, не страсть вождѣлющая, не страсть, отъ глада рожденная: однимъ словомъ – нѣчто иное, никогдаже являвшее себя доселѣ. – Боги, гдѣ его слабость, которой надѣлила его Судьба, тѣмъ самымъ обдѣливши его въ давно минувшія лѣта, что канули въ Лету? гдѣ кожа блѣдная, болѣзная, ибо она

стала каленаго, мѣднаго цвѣта? гдѣ напечатлѣнья неудавшагося бытія? гдѣ сутулость, ибо она превратилася въ стать?».

Судьба, несомнѣнно, не тратила много силъ на его созданье, она словно творила его уставшей, либо же на потѣху себѣ самой, родивши скорѣе дѣвочку въ обличьѣ мальчика, слагая думы о его красѣ, но не о его силѣ; породивши и оглядѣвши со всѣхъ сторонушекъ, молвила, расплываясь въ жестокой своей улыбкѣ: «Гряди въ міръ, созданье нелѣпое, — на потѣху, на потѣху; ей, гряди и водворися тамъ, гдѣ вовѣкъ не возлюбятъ женственныхъ мужей». Но М., равно сильный, равно мудрый, обманулъ её, но обманъ сей, несомнѣнно, былъ битвою: съ Судьбою; обманулъ — и былъ таковъ. Ибо водворился онъ не въ жестокихъ краяхъ Востока, гдѣ и былъ рождень, но перебрался, рискуя собственнымъ бытіемъ, въ земли западныя еще во времена дѣтства, святого для нихъ обоихъ: туда, гдѣ цѣнять и любить мужей внѣшне женственныхъ: на Критъ. Но гдѣ нынѣ женственность его?

Акери не безъ любопытства сталъ осматривать возросшую его крѣпость, бьющую чрезъ край, крѣпость нѣкогда рыбака, нынѣ — «созерцающаго»: такъ называли они себя и нѣкоторыхъ иныхъ изъ обстанія своего.

Акери продолжалъ вращать думы въ мозгу своемъ: «Онъ измѣнился: ничего застывшаго, ничего успокоеннаго, ничего укореннаго въ дольнемъ: былъ онъ пламенемъ, словно временно выпавшимъ изъ Вѣчности: въ стихію времени».

Первымъ заговорилъ М., сказавъ:

– Помнить меня – честь, забыть меня есть дѣло невозможное, знать меня есть роскошь весенняя осенняго бытія: ибо прошло Время и могъ ты забыть обо мнѣ, но я не изъ тѣхъ, о комъ забыть можно. Но и твое дружество дорогого стоитъ. Въ наше время людямъ духа не слѣдуетъ держаться другъ отъ друга далѣко.

Послѣ привѣтствій оба удалилися отъ домовъ людскихъ – прочь отъ тресковъ сплетень, мелкихъ разговоровъ домо-чадцевъ и отъ дворцовъ безликихъ, слѣпящихъ взоръ своею бѣлизною: бѣжали: въ морѣ, несущее жизнь для однихъ и смерть для иныхъ, пылающее рубинами, лазурное, немолчношумящее, вѣчно-игривое – днемъ, ночами же – отражающее – по волѣ создавшаго – бархатъ ночи и огнепылающія свѣтила, кои суть факелы путеводные отважнымъ мореплавателямъ. Герои, обливаясь потомъ, изнемогая отъ зноевъ, упали: въ ладью. Вотъ уже легкая волна мчитъ ладью, и рѣжетъ ладья хрустально-безкрайнюю гладь. Но въ безмятежномъ морѣ явили себя мятежныя мысли, и мрѣющія зыби внимали слову сему.

М. взялся за весло многомошными жилистыми руками и страстно изрекъ:

– О безвременье, истощающее и многотяжкое, поющее унылыя свои пѣсни! Но знай: жизнь моя протекаетъ вопреки ему: полноцѣнно, мощно, властно: на чуждыхъ берегахъ. Бодрость плещетъ самое себя: изъ меня; словно опьяненный хожу я, непокорный, по рѣкѣ бытія съ поръ иныхъ (о нихъ и

будеть рѣчь днесь), и даже судьбы удары – меня пьянятъ. Я самого себя не слишкомъ вѣдаю нынѣ, но вѣдаю одно: Богъ истинный, непричастный творенію дольняго, любимъ мною, и я любимъ Имъ, а богъ коварный, создатель, нѣтъ, и я имъ не любимъ – и въ высшей мѣрѣ, и руками Судьбы злоумышляетъ онъ противу меня. Создавшій словно неборимъ. Тѣ, что подъ нимъ, всѣ – противу меня на дѣлѣ. Нѣсть числа имъ. Тьмы, тьмы и тьмы. И незримо они вмѣстѣ противу чадъ Свѣта. Поистинѣ, сіе я вѣдаю.

М. продолжалъ, и море ему внимало:

– Я вѣдаю и то, что убогіе наконецъ оставили меня въ покоѣ. Что жъ, онъ мнѣ необходимъ, ежели это покой не самъ по себѣ, но житіе-бытіе внѣ возставшей толпы. Они славятъ быковъ, напоминающихъ имъ о главномъ ихъ богѣ – Быкъ-съ-топоромъ-въ-десницѣ, вечноумирающемъ и вечно-воскресающемъ богѣ, верховномъ богѣ, не то что схожемъ съ Бааломъ восточныхъ земель, но перенесенномъ съ востока на западъ; на Критѣ ничего своего – всё съ востока. – Поживешь на вѣку – поклонись и быку: съ бычачьимъ упорствомъ. Обычай бычій, а умъ – телячій. Въ самомъ дѣлѣ: быки еще лучше и выше ихъ. И тѣ, и иные живутъ жизнию плоти, но первые хотя бѣ нелицемѣрны въ семь; вторые жъ, смирившись съ извѣчною своею неправдою, въ илистой теплотѣ своихъ страховъ, ходятъ глядѣтъ на игрища быковъ, на ихъ силу, на мнимую ихъ неложность и непорочность.

Они славятъ также и Топоръ священный, обоюдоост-

рый, именуемый Лабрисъ. Говоря иначе: они поклоняются силѣ, силушкѣ, ибо ею не обладаютъ, они не суть топоръ, но лишь ропоть. – Азь есмь топоръ обоюдоострый – не они. И воля моя – стрѣла, а ихъ воля – болото и вязкость болотная, илистая.

Своими суками поклоняются они богинѣ-матери, ибо ей на дѣлѣ незримо и неосознанно служатъ, даже, когда и если мнится имъ, что они внѣ ея и внѣ служенья ей; и возставшіе, несмотря на возстанье, служатъ ей не менѣе прежняго.

Они имѣютъ огонь градскій, но не имѣютъ его въ себѣ. – Азь есмь Огнь...

Каждый разъ когда бываю здѣсь, спрашиваю себя: зачѣмъ живетъ градъ сей? – коли мы уже узнали, чѣмъ онъ живетъ. Зачѣмъ длятъ они убогое свое житіе, имѣющее страданіе – свое и чужое – какъ тѣнь за собой?

Къ чему боги ихъ, ежели они столь слѣпы и мертвы духовно, ежели пропитаны смиреньемъ къ богамъ и къ Дворцу? Что даруютъ имъ пустотѣлые и пустоголовые ихъ боги и Дворецъ? Изъ страха вѣруютъ, вѣрнѣе – еще хуже: и изъ страха и ради хлѣбовъ земныхъ.

Къ чему имъ правда моя? Къ чему Свобода? – для нихъ она врагъ настрашнѣйшій... Не вѣдаютъ: коли есть свѣтъ ея въ сердцѣ – ничего болѣе ненадобно, ибо есть всё; коли нѣтъ ея – нѣтъ ничего, кромѣ ненасытности, сей спутницы нищеты, убожества, подъяремности. Вездѣ, вездѣ чую я и зрю всеобставшую ложь, клубящуюся надъ землями добрыхъ, что

злѣ злыхъ.

Они боятся меня – съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ самимъ собою. Боятся, а потому не избѣгаютъ, но еще болѣе льнутъ ко мнѣ, разумѣя меня за пастуха стада ихъ, но я менѣе всего пастухъ стада, но то они вовѣкъ не уразумѣютъ, сколько имъ о томъ ни тверди. – Они не желаютъ перемѣнъ въ своихъ судьбахъ, несмотря на возстанье.

И ежели градъ сей – кой, какъ и любой иной, есть не что иное, какъ прыщъ на лонѣ земли-матери, юдоль – въ сей же часъ провалился бѣ въ бездны, – я былъ бы лишь радъ. Лишь радъ! Ибо иногда думается, что вся роскошь необозримыхъ количествъ царства, градовъ, сословіи существуетъ лишь для того, чтобъ я вымещалъ на нихъ святую свою ненависть, прекрасную, какъ и моя боль.

М. пылалъ. И пылала вода вкругъ него и пламенемъ симъ аэры пронзала. М. долго всматривался въ Солнце: въ пылающее око бога, – и не снизу вверхъ, а словно сверху внизъ; пока не воскликнулъ вновь, словно простирая окрестъ свое могущество:

– Прядаю отъ ударовъ Судьбы – и мечу бисерь...бросая сѣмена нетлѣнія въ сферы тлѣнныя ... Довольно! Намъ бы стоило объединить тщанія наши, дорогой Акеро, и наши стези, ибо одного алкаемъ мы; мнѣ нынѣ представляется: мы – наилучшіе изъ рожденныхъ подъ Солнцемъ, ибо мы – пробудившіеся, и вѣдать означаетъ не пробудиться къ спасенію, но

уже спастись; объединившись мы возмогли бь попалить къ чертямъ бранный сей міръ – со всею его ложностью и низостию, со всѣмъ его благочиніемъ и благоразуміемъ, дабы заступило неложное и высокое. Будемъ бросать вызовъ – годамъ, вѣкамъ! Ставя напечатлѣнье наше: на нихъ! Цѣль всеблагая движеть мной, понуждаетъ брать въ руки мечъ и щить, недосыпать и недоѣдать.

– Какова она?

– Грядущіе подвиги во имя духа, но о нихъ покамѣсть ни слова. Ибо что – въ концѣ концовъ – возмогло бы насъ остановить, – продолжалъ онъ, лучась улыбкою божественною, извергая Огнь въ міръ тѣней. – Боги? Никто же возможетъ преградить благія наши стези: кто противу насъ, того постигнетъ моя мѣдь, яркопылающая, какъ и мое сердце. Я не проигралъ доселѣ ни единой битвы: тебѣ слѣдовало бы о семъ вѣдать. И се – бросаю вызовъ симъ богамъ.

Акери молчалъ, и М. не торопился. Властно обводя зракомъ пространство, М. изрекъ:

– Какого Бога я хотѣлъ бы видѣть? Я и до Дѣвы говорилъ: «Такого, Который бы не просилъ того, чтобы Его безъ мѣры почитали и безъ мѣры же боялися; Который бы позволялъ рожденному смертнымъ итти многоразличными стезями, одобряя самое движеніе и становленіе, порицая при томъ бездвижность лежанья въ гнилостномъ болотѣ, мутномъ и илостномъ; Который бы оцѣнивалъ человѣка, зря глуби его, самые мотивы поступковъ: ибо что дозволено одному, не

дозволено иному; Который бы одобрялъ любое движеніе въ выси, ко всему великому, къ Истинѣ и Красѣ; Который бы не окутывалъ человѣка туманомъ слѣпотоу вѣрованія и слѣпотоу же поклоненія, что сковываетъ человѣка сѣтями несвободы; Который былъ бы немораленъ, и былъ бы по ту сторону всего извѣданнаго нами, и Который глядѣлъ бы на человѣка очами Вѣчности, ища зерно благородства, а не раболѣпной униженности, вырывая блохъ мерзкой (желаю: да станетъ она богомерзкой, дабы и Онъ ненавидѣлъ её паче грѣха) простоты, простоты, столь часто рядящейся въ святость». Истинно глаголю: такого Бога желаю зрѣть. Съ иныхъ поръ я питаю въ душѣ своей и такую мысль: всякое переполненіе священо, когда плещетъ себя въ теми, когда свѣтъ – немеркнушій! – побиваетъ тѣни – вѣчно-мертвыя! – озаряя мраки дольніе. Помни, друже, о томъ.

– Да, да... – вѣщаль онъ въ неборимой своей страсти, разросшейся нынѣ, – прочь, прочь – отъ на насъ возведенныхъ темей – къ свѣту чаемому. О, не міръ двоится для меня: онъ самъ таковъ: есть бо горнее, есть же дольнее.

Воодушевленіе и замѣшательство боролися межъ собою въ сердцѣ Акеро. И былъ онъ смущенъ, ибо, любя М. какъ сына, какъ друга и какъ Учителя, опасался за судьбу М. (хотя и чувствовалъ всѣмъ сердцемъ своимъ, что тотъ приговоренъ къ славѣ и величію), бояся его потерять навѣки, навѣки! Акеро молчалъ и лишь послѣ молвилъ лишь въ глубинахъ сердца своего: «Яркопламенные его настроенія духа и души



всё жь принуждаютъ меня – хочу я того иль нѣтъ – покориться ему, отдавшись огненной его волѣ, и поддержать лучистыя его стремленья; ему – сильному крѣпостию и духомъ, ему, превысокому, ему, благородному безмѣрно». Хотя до того тревожныя мысли проносились въ сознании Акеро, но, вновь взглянувши на М., онъ всё же сказалъ слово свое, ставши и самъ премного ободреннымъ и воскреленнымъ тамошнимъ пламенемъ М.; и сталъ Акеро и самъ пламенемъ: на время. Онъ отвѣтствовалъ, прикрывая дланію очи отъ слѣпящихъ свѣтовъ ока бога, всё вѣдающаго, всё зрящаго:

– Поистинѣ: прочь, прочь: то чаемо нами обоими, и оно поволено нами съ поръ иныхъ. Ужели не заслужили сего? Ахъ, пусть низкіе, сущіе во Тли, въ своемъ убожествѣ думаютъ, что мы-де празднолюбцы (какъ говорятъ люди вящіе), что мы-де убѣжали, что мы-де праздные (какъ говорятъ люди рабствующіе). Ибо нѣтъ намъ до того дѣла: ежели убѣжали, то по волѣ своей – изъ гнѣзда Тли. Но мы не убѣжали: мы выбыли изъ рядовъ жизни. Скитанія, скитанія, ибо что еще остается иному!

Онъ смолкъ – такъ же неожиданно, какъ и началъ. Ониплыли и отделились далеко отъ береговъ Крита, казавшагося имъ капищемъ боговъ ложныхъ и жилищемъ людей слѣпыхъ, а потому нечестивыхъ: на дѣлѣ иныя земли не были иными: онѣ были сущностно схожими...

Лазурь спадала съ небесъ, и заступалъ багрець заката; закатнымъ казалось имъ бытіе – и ихъ, и ненавистныхъ имъ

критянь. М., переставши грести, выжидающе глянуть на старшаго, послѣ чего окинуть властнымъ взоромъ небеса и закрыть свои горящія, словно Солнце, очи, такъ плѣнявшія Акеро, ибо они были зеркаломъ прекрасной души молодого путника, столь высокой и столь чистой, что любой изъ рода созерцающихъ почиталъ бы и на исходѣ своихъ дней, убѣленный сѣдинами, что не было такого, нѣтъ и едва ли будетъ... «Его неотмирность, – думалъ бы любой изъ созерцающихъ на одрѣ смертномъ, – была прекраснѣе: міра; ненависть его была для меня милѣе любви».

М., задыхаясь отъ святой своей ярости, началъ огненное свое посланіе съ громовъ и молній, какъ то ему и подобало, обращенныхъ въ сторону критянь:

– Внемлите, внемлите, низкіе: я молвлю многохраброму своему сердцу: ни пяди назадъ: ни пяди назадъ отъ стезей своихъ, отъ цѣлей, самостійно избранныхъ избраннымъ, ни пяди назадъ отъ высотъ раскаленныхъ многотруднаго своего бытія. – Отъ побѣдъ къ побѣдамъ: вновь и вновь – любой цѣной.

Акеро слушалъ, внимая ему, наклонивши голову, и М. продолжалъ:

– Мысли суть призраки, мѣрами вспыхивающіе, мѣрами погасающіе, никогда не живые, никогда не мертвые, – продолжалъ онъ спокойнѣе. – Мысли суть небесное, безплотное, духъ. Что есть духъ? Духъ – это Я, а Я – Духъ. Міръ не есть духъ, ибо міръ есть гниль и гиль, и духъ въ мірѣ есть ростокъ

тамошній, но не чахнуцій и едва сводяцій концы съ концами, но всесокрушаюцій, всепобѣждаюцій, ополчаюційся на всё ему чуждое, ибо и послѣднее – скопомъ – на него ополчается, но послѣднее ополчается не по собственной волѣ, но по волѣ создавшаго. Я положилъ начало духу, но мнѣ нѣтъ дѣла: будетъ ли духъ послѣ меня или я унесу его съ собою въ занебесныя дали. Хотя для духа нѣтъ ничего родного въ мѣрѣ семь, духъ пригоденъ и для земного, слишкомъ земного: неземной (духъ самъ по себѣ внѣ мѣра, ибо по ту сторону его), онъ – величайшее орудіе и для цѣлей земныхъ, слишкомъ земныхъ, и для цѣлей вполне неземныхъ: мѣръ, природа, здѣшнее ослѣпляетъ (а послѣ – низвергаетъ), но для того и духъ, чтобы не впасть въ руцѣ тьмы. Онъ либо средство, либо цѣль. Да будетъ же онъ для насъ не только лишь средствомъ, но прежде всего: цѣлью! Я, отчужденный отъ всего, чуждый всему, отрекшійся отъ земли, обрученъ нынѣ лишь съ Вѣчностію, и мнѣ то вѣдомо, какъ вѣдомо и то, что лишь тебѣ должно о томъ глаголатъ. Ибо въ тебѣ есть духъ: у тебя есть мысли, и только мысли и суть Жизнь подлинная.

Акоро былъ польщенъ. День обращался въ ночь.

Оба остались въ лодкѣ и на ночь: М. желалъ узрѣть пробужденіе и восходъ кровавого Свѣтила, встающаго изъ моря, – но вовсе не для того, чтобы молиться ему: до исхода силъ. Безлуніе тьмою сіяло въ ту ночь. На разсвѣтѣ, возставши, М. глядѣлъ то на Солнце, то словно за окоемъ, точно зря незримое, сокрытое за полосою, что дѣлила небо-

сводь на двѣ неравныя части; глядѣль онь: но не растворялся въ созерцаніи бездумно, но, напротивъ, словно сожигаль узрѣнное: взглядомъ. Онь не вопрошалъ Солнце и море, но глядѣль на нихъ окомъ ненавидящимъ. Тревогою нависъ надъ пространствомъ М.: вотъ-вотъ нѣчто случится. Словно сулилъ онь опасность: но кому? Вѣдь всепронзающія его очи, подобныя пущенной стрѣлѣ, возвѣщали Смерть; «Смерть глядѣла очами М.» – такъ подумаль бы любой, увидай онь его въ тотъ мигъ. Тѣмъ временемъ, М. возгласиль – небесамъ:

– Міръ долго томился, онь въ ожиданіи замерь. И се – настало...пришло... Боги ложные суть племенные, лишь племенные боги; Онь же – Богъ вселенскій. Мы взыскуемъ Бога Невѣдомаго, и вся внутренняя моя неслышно для прочихъ глаголетъ властно: не о томъ Богъ вѣщаютъ на востокѣ, не Тому поклоняются; ихъ богъ лживый, ибо и жрецы его лживы. Ибо глаголь Божій былъ ко мнѣ, сыну не отца своего, но сыну Небесъ, седьмого дня сего мѣсяца, явленный на заснѣженной горѣ, Свѣтиломъ властно осіянной. Подлинно говорю тебѣ: нашъ Богъ – внутри насъ и внѣ насъ. Онь... Онь не тотъ, что создалъ злой сей міръ, Осель, кричащій И-а, И-а, Быкъ красноярый: создалъ его себѣ на потѣху, и ради потѣхъ сихъ готовъ онь, жестокій, всеоскопляющій, потопить въ кровяхъ многихъ родъ людской, онь, отбрасывающій страшну черну тѣнь: на вѣка грядущіе; онь – богъ не орошающій, но сожигающій: Огнь поядающій – имя ему. Бо-

гь Невѣдомый, напротивъ, – въ тѣни и въ сердца глубинахъ; Онъ по великой своей милости не требуетъ ни жертвъ, ни поклоненія Себѣ. Мы нуждаемся въ Отцѣ, взыскуемъ Его, но и Онъ нуждается въ насъ и насъ взыскуетъ. Богъ подлинный выказываетъ себя въ моей свободѣ, а неподлинны боги, что суть слуги слѣпца, напротивъ, – въ несвободѣ человѣка. Слепецъ, создатель, богъ державный, властелинъ, онъ. онъ создалъ бранный сей міръ, Зломъ палимый, онъ – не Любовь, но бѣсъ пустынь... А Богъ подлинный – Не-Сущій, о Немъ и глаголатъ нельзя, ибо Онъ непостижимъ.

– Поистинѣ, поистинѣ! Близки слова твои ... Но всё сіе намъ надобно держать въ тайнѣ, дабы хранить её для немногихъ... Для нихъ лишь будемъ мы благовѣствовать.

– Ты правъ. Было бы безуміемъ, что славнымъ нашимъ прозрѣніямъ повѣрять и, повѣривъ, увѣруютъ: скорѣе Солнце съ Луною обручится, ставъ однимъ, иль Земля съ небеснымъ помѣняется мѣстами... воздвигъ Іалдаваофъ гоненіе, и не смолкаетъ брань силъ Четырехъ: въ сердцахъ людскихъ. Но о томъ слово будетъ пространное – и позднѣе. Нашъ Богъ не восторжествуетъ: такъ мнѣ зрѣлось въ видѣніи... И слѣпые, сущіе во Тли, сущіе подъ пятою боговъ ложныхъ, вовѣкъ не прозрѣютъ. И издревле положили низкіе умертвить высокое и во многомъ преуспѣютъ въ томъ. Но родъ чадъ свѣта не погибнетъ вовѣкъ. Но будетъ тѣснимъ.

Прошло нѣкоторое время, и М. началъ пространный свой сказъ:

– Однако пришло время глаголатъ объ одной судьбоносной встрѣчѣ, глаголатъ о Ней, Эфироподобной, Падшей-съ-небесъ, виновницѣ меня-нынѣшняго, коренного перелома моего бытія: о Дѣвѣ Свѣтозарной. Она – лучъ небесный, Свѣтъ, падшій во тьму здѣшнюю и претворившій меня – въ Лазурь. Она – Луна подлинная, а не здѣшняя, но она также и серпъ, срѣзавшій, сразившій меня-прежняго. Слезы на глазахъ, когда я глаголю о Ней, но сквозь слезы – Солнце, Солнце! Ликомъ Ея – «Ты – еси» – пронзило стрѣлою.

– У тебя, не такъ ли, были иныя, тѣ, что были до нея, иль былъ ты ими отринуть? Познать ли ты всю роскошь пламенныхъ объятій?

– О да, были. Я вкусилъ всю роскошь любви земной, всё блаженство прикосновеній, всё богатство лобзаній. Но одной, прекраснотелой, высокогрудой, белоланитой, я сказалъ уже послѣ встрѣчи съ Дѣвою Свѣтозарной: «Созданіе нелѣпое, ты, ты возмущаешь мое естество, ты, ты – мертвечина и прахъ, рожденный прихвостнями слѣпого бога, ты, ты – дщерь Земли и Тли, ты, ты – сестра Грѣха. Не вѣдаю, что здѣсь можно любить. У меня першить въ горлѣ отъ одного воспоминанія тебя и отъ былыхъ моихъ чувствъ, сгибшихъ годы назадъ; но на дѣлѣ скорѣе ты скучна, скучна – моя страстность вызвана не тобою, и ты не сильна родить её нынѣ. Ты не сильна содѣлать ничего противъ меня, но ты скучна, и это хуже всего! О!». Нѣкоей иной, не менѣе прекраснотелой, сказалъ: «Отъ тебя устаешь быстрѣе, чѣмъ насыща-

ешься тобою! Ты будешь помнить меня до конца коротких твоих дней, страдать, плакать и вспоминать: сына Сына Зари, низверженного, но непобѣдимаго, битаго судьбою, но не побѣжденнаго, бессмертнаго: въ смертномъ тѣлѣ. Общеніе наше невозможно, и я попусту время растрчиваю, говоря сіе. Но – надобна была мнѣ искра; и искра родилася; и сердце – зажглось: я получилъ, что желалъ». Ибо я желалъ её, искры, пыланья, – а не блѣдной ея плоти. Обѣ нынѣ если что и оставили въ душѣ, то сладкій и рѣзкій припахъ навоза; ибо обѣ суть не болѣе чѣмъ море нечистотъ. Сочетанья любовью вечномнимой – возвратъ въ стойло – какъ и здоровье; сферы чувственныя – хожденіе по кругу и лабиринту, и уничтоженіе Я, и того болѣе – его убіеніе, его ничтоженіе. Одиночество же – даръ вышнихъ сферъ.

– А что скажешь объ Атанѣ: похожа на Дѣву твою? Любовь, знаешь ли, – пламя, пожаръ, её легко не потушишь. Любовь выше ненависти – отъ вѣка и до вѣка! – сказываль Акеро (или – по-пушкински – говорилъ).

– Атана таланна: Атана – затычка банна. Менѣ всего живого похожа Атана на Дѣву. Атана обманчива: какъ свѣтъ всякихъ дольнихъ свѣтилъ – будь то Луна, Солнце или звѣзды. Она – змѣя лживая, съ языкомъ двоящимся (говоритъ одно, дѣлаетъ другое), змѣи на ней кусаютъ свой же хвостъ, держать въ пасти конецъ плоти своей. А Дѣва – Змѣя подлинная. Атана – мастерица придворной лжи и лести, лжи, приправленной для правдоподобья большаго прав-

дою; мастерица злоухищреній и, какъ мы видимъ, злоумышленій, великихъ въ коварствѣ своемъ. Атана бѣлоснѣжна и недвижна, какъ Ида-гора, но, видишь ли, заоченѣлость, медленность, неспѣшность, – недолжное подражаніе Вѣчности. «Атана, ты еси невѣрныя воды, и ледъ подъ ногами, и льдяныя стрѣлы въ сердце. Но долженъ я растопить ледъ ея краснымъ своимъ пламенемъ» – такъ долженъ былъ думать каждый возставшій, её повидавъ; но ходячіе мертвецы, истомленные голодомъ, однодневки и тѣни, были слишкомъ слабы, чтобы думать о чѣмъ-либо, опричь хлѣбовъ земныхъ. Въ верховной жрицѣ вѣсь Критъ себя явилъ, она плоть отъ плоти Крита, и Критъ – плоть отъ плоти Атаны; моя же Дѣва – духъ отъ духа, и неба, и Вѣчности. Достаточно посмотрѣть въ очи обѣихъ: вѣсь Критъ, всѣ земли добрыхъ выгравированы въ очахъ Атаны, въ очахъ Дѣвы – Вѣчность и лазурь.

– Стало быть, та, о коей ты началъ сказъ, была вовсе иною?

– Иною сама по себѣ – не только для меня. Всѣ, что было до встрѣчи съ Нею, – морокъ, слѣпота, блужданія и скитанія безъ проку, пресмыканье предъ міромъ: закономѣрность – мѣрность – заданность.

– Друже, были ли встрѣчи ваши только въ духѣ или не обошли вы стороною и плоть?

М. молчалъ.

– Возлежалъ ли ты съ нею, сочетаясь Любовію? Запечатлѣлъ ли поцѣлуй на челѣ ея?



– Тамъ, гдѣ духъ, сіе значенія не имѣеть.

– И всё же сошелся ли ты съ нею или то была любовь безъ отвѣта? Напрасно ль былъ влюбленъ? И долго ли? – вновь спросилъ Акеро, испытующе глядя на М.

– Въ духѣ сошелся я съ Нею. Иное было противно бы нашему духу, ибо иное – отъ нищеты. Страсть рождается гладомъ и погибаетъ пресыщеньемъ; эхо Любви едва слышно. Наша любовь – небывалая, ибо и мы небывалые: она – вздохъ и выдохъ лазури, а не матери, она – стрѣла въ создаваго, а не его нечестивое радованіе, ибо она чище и свѣтлѣе Солнца. Поистинѣ: никто еще не вѣдалъ, что есть любовь горняя! Здѣсь рѣчь шла о духовной страсти, потому – ни слова о плоти. Дѣвы прочія были нужны, чтобы жить, а Она – для того чтобы быть, ибо до встрѣчи съ Нею былъ я во снѣ невѣднїя: всю жизнь. И въ самомъ дѣлѣ – поначалу я возжелалъ Её, и взглядъ мой не былъ чистъ, но то было еще пережиткомъ меня-прежняго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ впервые былъ я смущенъ, впервые. На Критѣ издавна считается: счастливъ тотъ мужъ, который избираетъ ту женщину, которая избрала его. Но сіе есть самопогубленіе и если и счастье, то счастье коровъ и овецъ: такъ разумѣлъ я ранѣ. Былое мое счастье было счастьемъ сильнаго: я находилъ, избиралъ, подчинялъ, дѣвы подчинены были мнѣ и были благодарны за это: не онѣ даръ для меня, но я для нихъ. Но такъ было: до встрѣчи съ Нею. Нынѣ мнимая роскошь любви земной, всё блаженство прикосновеній, всё богатство лобзаній – для меня рукоблудіе

нищихъ, и пелена у глазъ, и ошейникъ, и одурманивающая нищета. Нынѣ я – яблоко, подвѣшенное слишкомъ высоко, чтобы иная смогла бы протянуть руку, дабы его сорвать. Я – яблоко раздора: не только для дѣвъ, но и для всего міра.

Итакъ, впервые повстрѣчалъ я Её – весенне-свѣтлую, блаженно-легкую – въ години хилой и тусклой моей юности, мелькнувшей и сгибшей, на тѣхъ вѣчно-зеленыхъ критскихъ лугахъ, гдѣ Солнце играетъ, рѣзвяся, а зимами, что длятся недолго, рѣдко-рѣдко можно узрѣть снѣгъ – бѣлый, какъ и моя душа и мои чаянія. Я былъ изъ тѣхъ юнцовъ, что были открыты міру и съ невинностью голубя созерцали сущее; мнѣ было любо разглядывать каждое деревце, жительствоющее подъ Солнцемъ, каждую букашку, всѣ разновидности травы-муравы, всѣхъ проходившихъ мимо чадъ рода людского, на коихъ я останавливалъ взоры свои. – О, я любилъ міръ, но міръ не любилъ меня. – Но природа – единая отрада – была исполнена для меня вѣяній божествъ, съ распростертыми объятями принимала она меня, вѣчно-прекрасная; и трудно было бы противиться чарамъ ея. Тогда всё привлекало вниманье и приковывало взоръ, всё: были ли то дѣтишки изъ селенія сосѣдняго, иль небеса, то разстилающіяся чернотой, то изливающія себя свѣтами: я любилъ всё сущее. Всё поражало меня, будь оно самое обыкновенное или же съ напечатлѣніемъ особенности. Я надолго пропадалъ, – все пропадало во мнѣ и я пропадалъ во всемъ, – резвившись на лонѣ матери-земли, стремглавъ пронзая про-

странства земныя; забавы и созерцанье наполняли ушедшіе мои дни и плыли сквозь бытіе мое, переполняя его красками. Вечерами возвращался по дорогѣ, рѣзавшей поля на двѣ половины, въ селеніе черезъ лѣса казавшихся огромными деревьямъ, заслонявшихъ Свѣтило отъ меня, селеніе, дѣтище рукъ человѣческихъ, селеніе, которое осѣняли либо нисходящія сумерки, либо рдяность закатовъ. Великолѣпными казались мнѣ дома виднѣвшихся селеній, одѣтыхъ въ свѣты закатные, дома, на коихъ играли остатки свѣтовъ дневныхъ. Съ благодарностью вбиралъ я міръ въ себя и съ большою похвалою богамъ отзывался о томъ, что видѣлъ. Во мнѣ не было осмотрительности – ни тогда, ни нынѣ. Въ селеніи лики бѣжали, не оставляя ничего на сердцѣ. Наконецъ, я приходилъ къ дому. Садилась за столъ на исходѣ дня, угощаясь болѣе дарами морей, нежели дарами земными. Отрѣшенъ отъ міра, я жилъ какъ созерцатель, ибо былъ человѣкомъ души, а всѣ прочіе – людьми плоти. О, это загадочно-манящее былое! Но я лишь радъ, что безвозвратно кануло оно въ бездну и не вернется вовѣкъ. Тотъ міръ раскололся: Ею: на двѣ половинки: на ту, что была до Нея, и на ту, что была послѣ; поистинѣ: Она – еще и трещина бытія моего.

... Она была стрѣлою, пущенною Судьбой: въ сердце мое; я былъ сраженъ Ея ликомъ, явленнымъ скорбно, былъ сраженъ и немѣстнымъ Ея обликомъ, далекимъ и манящимъ, какъ лунное сіянье, какъ алкаемая чужбина изъ міра грезъ; волосы Ея были цвѣта спѣлой ржи, уста – цвѣта розы, очи

– ледь пылающій. Она – нѣчто самое прекрасное и исполненное свѣтовъ во всеобставшихъ мракахъ и темяхъ. Долго ломаль голову, какъ подойти къ Ней и заговорить. Но я нѣмѣль, и волненье было не унять. «Выйдетъ дрянъ» – думалось. Нѣмѣль, нѣмѣль; словно сила нѣкая, безымянная и незримая, заграждала уста и преграждала путь лазурному, еще не излившемуся слову. Въ обликѣ Ея тогда было нѣчто особенное: змѣиное; змѣиность являла себя и позднѣе, но всякій разъ – по-разному. «Каково имя Ея, чьихъ была Она, иль какого была рода, кѣмъ были родшіе Ея?» – безмѣрно волновало меня тогда. Я зрѣль Её часто въ то лѣто, и по наступленіи осени я рѣшился подойти къ Ней; меня бросало изъ стороны въ сторону. Какъ я ни старался – волненье, свойственное душамъ юнымъ и тонкимъ, скрыть не удавалось. Тревога объяла меня тогда. Опуская глаза долу, я поначалу молчалъ, не въ силахъ произнестъ должное быть сказаннымъ. Но Надежда окрылила, да, окрылила сердце мое. Она прыснула со смѣху отъ волненія моего, меня сковавшаго; я претворился въ тучу; Она же – претворилась въ самое смущеніе. Болѣ всего боялся я того, что Она отвергнетъ меня. Далѣе я лепеталь; и нынѣ, дорогой Акеро, не вспомню тогдашняго своего лепета; потоки несвязанные вырывались изъ усть моихъ; Она же – молчала, устремивъ очи долу. Но я былъ не въ силахъ молчать о переполнявшемъ меня, ибо меня овѣяла лазурь, и восходило Солнце жизни новой. Нѣчто незримое, но отъ того не менѣе мощное, принудило меня

изливать рѣки словесныя: недосказанность, мученьемъ ставшая, меня угнетала. И была Она тронута и не отвергла меня по милости своей.

– Прошу, слово пространное о Ней молви.

– Она, падшая изъ лона Величія, изъ пресвѣтлой Обители, – самое прекрасное зрѣлище изъ видѣннаго на ужасной землѣ. Луною былъ озаренъ ликъ Дѣвы Свѣтозарной, и была Она блѣдна – Она, луноокая, луновласая, лунолика, лилосвѣтная, очарованная небеснымъ... нѣтъ: посланница небесъ, вѣстница міровъ иныхъ, облаченная въ туманъ, яко въ ризу... И воля Ея была верховной. Очи Ея, цвѣта небесъ, необытныя и словно родныя, ліющія собою Свѣтъ – но милостью тьмы, – были не колдовски завораживающими, какъ у иныхъ, здѣшнихъ дѣвъ, нѣтъ, они излучали изъ себя нездѣшнее; или, вѣрнѣе: нездѣшнее излучало себя Ея очами. Они и нынѣ – предо мною. И не тогда, но нынче мнѣ слѣдуетъ судить о нихъ, а послѣ сказывать, ибо взоръ долженъ быть чистъ, и лишь днесъ онъ чистъ. Очи Ея – опора для меня, и радованіе, и стукъ сердца. Они были не добрыми или злыми, равнодушными или же, напротивъ, извергающими желаніе, не лдяными и не огненными: были они иными. Очи Ея – двѣ искрящіяся Луны, окаймленныя чудеснымъ множествомъ милыхъ взору стрѣль-рѣсницъ. Зракъ Ея – лазурь. Вѣрю: едва ли былъ на землѣ человѣкъ, извѣдавшій токи и потоки лучистыхъ Ея очесъ. Безпредѣльное врывалось въ сердце изъ очесъ Ея и влилось въ меня, затопивъ до краевъ. И

всё, что я дѣю и буду дѣять, быть можетъ, есть Ея милость и слѣдъ переполненности моей – Ею; и переполненностью сей и родилось мое Я, и были выкованы тѣ формы, кои приняло мое Я, и ради... Въ мигъ томъ была Вѣчность, пронзившая меня подобно стрѣлѣ, и мигъ тотъ былъ Вѣчностью, и самая Она была Вѣчностью. Да-да, дорогой другъ, казалось, въ каждой птичкѣ, пролетавшихъ близь насъ, и въ каждомъ дуновеніи вѣтерка, развѣвавшимъ наши кудри, и въ каждомъ лучѣ Солнца, освѣщающаго и освящающаго всё вокругъ, какъ видѣлось мнѣ тогда, – таилась тогда Вѣчность, ибо всё сущее – не болѣе отблеска тамошняго, или же: сущее есть тѣнь Вѣчности; таилась послѣдняя и въ залитыхъ лучами Ока Божьяго заснѣженныхъ пикахъ горы Иды, кая, отражая лишь малую часть Его всемогущества, словно была также и зеркаломъ пресвятой Его Воли. – Таковъ я былъ, и таковы были мысли мои: до того, какъ было слово Ею ко мнѣ.

– Какъ ты думаешь: узришь ли ты её еще?

– Чую: узрю. Увидавши Её впервые, я подумалъ, вѣрнѣе... мнѣ подумалось: Она моя – отъ вѣка и до вѣка.

– Тамъ или же еще здѣсь?

– Думно мнѣ: и здѣсь, и тамъ.

М. продолжалъ свой сказъ, торжественно, но нѣсколько сбивчиво, походя болѣе на влюбленнаго юношу, а не на воителя безпримѣрнаго, коимъ онъ и былъ:

– И вдохнула Она мнѣ крѣпость въ душу, и отступила робость сердца, свойственная мнѣ тогда. Однакожъ предстояло

мнѣ объясненіе Дѣвѣ богоглаголивой, белоликой, прекрасноланитой: предстояло и пугало. Я поклялся всѣмъ, что было мнѣ дорого, что не возробѣю и молвлю, что молвить долженъ, – и, не возробѣвъ, возрадуюся.

Такъ и было, вѣрь мнѣ, дорогой мой, вѣрь.

Съ умиленіемъ глядѣла Она на меня, и общество Ея было чистительнымъ для сердца моего. И незакатное восходило въ душѣ моей, и была Она для меня Свѣтомъ. И стояли мы подъ сѣнію деревьевъ, что одаривали насъ прохладою, желанной и алкаемой. И въ жестѣ восторга я обнялъ Её...ибо былъ пресильно Ею очарованъ и, будучи Ею очарованъ, былъ покорень.

И родилось во мнѣ зрѣнье, чистое и подлинное.

И возгласила Она, посланница Свѣта, мнѣ, что надъ всѣми богами – здѣшними и нездѣшными – богъ слѣпой, злой и коварный, и что герою чистому подобаешь противиться волѣ его. – Бунтъ противу него и слугъ его несравненно достойнѣе поклоненія. – Несказанное сказывалось Ею.

И направила меня на путь истинный.

И Ею оттолѣ есмь.

Недвижнымъ было лице Ея, властнымъ, но ненадменнымъ, какъ у иныхъ вящихъ людей, но блаженно-гордо-печальнымъ. Чѣмъ-то предвѣчнымъ, чѣмъ-то довременнымъ вѣяло отъ Нея тогда. Молвила также:

– Я возвѣщу объ имѣющемъ быть; то – слово о Крестѣ. Истинно, истинно говорю тебѣ: въ тебѣ, тебѣ Свѣтъ бѣлый,

горній, вышній, а у чадъ рода людского (ежели кто изъ нихъ пребываетъ во страстяхъ), сыновъ и дочерей скверны и суеты, – огонь смердящій, чадящій, дольній. – Ты – иной: помни о томъ. Сущность челоѡка – въ ритмъ дыханія земли – судорожно-мърно вертится вкругъ одного древа-сорняка, забившаго всё остальное, и имя сорняку сему – Счастье, кое распадается на двѣ не вѣтки, но вѣтви, кои для челоѡка священны и почти – въ силу священности – не обсуждаемы и никогдаже осуждаемы: чувственныя, плотскія удовольствія и корысть (какъ божество и одновременно всё жъ не только божество, но всё жъ еще и средство: къ первому). И Себъ и Собъ являютъ себя воедино, ибо коренятся въ одномъ, имѣя корень единый. – Будь неусыпающимъ во браняхъ съ дольнимъ, будь! Будь таковымъ вплоть до успенья твоего! И помни: дольнее погибельно, отъ вѣка ложно, низко, и сѣча съ нимъ – бремя тягчайшее, но и благороднѣйшее. Горняго здѣсь ты не узришь, но познаешь союзника: храни его и пещись о бытіи его; но онъ предасть тебя. – Помни: дѣва есть земля и земное; мужъ – небо и небесное. Дѣва – врата плоти для плоти. Быть можетъ, у дѣвъ и мужей одна мать – Тлѣнь, но отцы разные: у мужей – духъ и горнее, а у дѣвъ – мудрость здѣшняя, дольная. Матерія – къ матери, духъ къ отцу: матерія – къ матеріи, духъ – къ духу. Дѣвы – отъ міра сего: въ томъ узри гармонію дольнаго: дѣва низка, мужъ высокъ, и оба стремятся другъ къ другу, алча слиться воедино, ибо суть половины цѣлаго, раздѣленныя создателемъ себѣ на потѣху. Сіе есть



примиреніе съ міромъ: милостью міра. Дѣва также есть паденіе: обратно – въ лоно. Но, однакожь, гляди за тѣмъ, чтобы небо въ тебѣ не разорвало плоть твою. Низкаго отвращайся, къ вышнему возводи и очи, и сердце, и душу. Дѣвы, созданныя на погибель, въ наказаніе за обрѣтенный людьми Огнь, суть сторожевыя псины, сторожащія устройство міра сего и – единовременно – крысы, первыми спасающіеся бѣгствомъ торопливымъ съ тонущей ладьи (случись ей тонуть въ пучинѣ). Но бытіе дѣвы не есть безчинство: оно есть чинъ, но чинъ создавшаго. Кромѣ того: дѣвы претворяютъ мужа изъ созерцателя въ добытчика: изъ существа, устремленнаго въ небо, устремленнаго горѣ, въ существо, устремленное къ землѣ, долу. Когда мужъ причащенъ живой плоти дѣвъ – духъ дѣветъ исходъ изъ плоти его, и потому плоть его счастлива и здорова: въ здоровой плоти нѣтъ мѣста обилію духа. Дѣвою духъ желаетъ поклониться плоти, а горнее – дольнему; сіе есть безчинство и самопогубленіе: видишь ли, духъ часто желаетъ погибнуть, дабы изойти изъ дольняго міра, прочь отъ земли – къ звѣздамъ. Дѣва – послѣдній плевокъ всеобщей Матери – матеріи – въ сторону духа. Дѣва – хотя и колонна міра, ибо она – колонна престола, на коемъ сидитъ – сѣдалищемъ своимъ – создавшій, всегда нуждается въ томъ, на что опереться, но это «что» еще должно быть ценимо въ мірѣ и міромъ. Потому забудь о дѣвахъ, вечно-недостойныхъ духовидца и духоведца, коимъ ты и являешься. Онѣ суть тьмы слѣпые служители. Земля отъ вѣка и до

вѣка слѣпа къ небу, а дальнее – къ горнему. Слѣпота ея – незримый поводокъ создавшаго. Матерія какъ мать земли есть матка, мать всего низкаго, отъ сосцевъ коей питается всё живое, нижнія воды, замутненныя, бурливыя, гнилыя, грязныя, черныя, съ теченьемъ суетливымъ, и она, помѣсь печали и страха, отъ вѣка не имѣвшая и не могущая имѣть въ себѣ Огня, не только глуха къ высокому, къ духу, но и, слепотствуя отъ вѣка и до вѣка, враждебна къ нему отъ начала міра и до конца его. – Несмотря на имѣющія быть въ грядущемъ мечтательныя ученія о преображеніи матеріи, отъ вѣка и до вѣка нечистой, – никакой сдѣлки между матеріей (она всеобщая мать всего зримаго) и духомъ быть не можетъ: духъ господствуетъ надъ нею словно рукоять меча: надъ тѣломъ поверженнаго. Духъ есть факель: его должно держать въ рукахъ устремленнымъ въ небеса, къ звѣздамъ, а не въ матерію, землю. Духъ есть факель: онъ, озаряя тьму окрестную и разсѣкая ея мраки, долженъ быть одинокъ, долженъ онъ быть чуждъ сквернѣ міра; цѣна превосходства надъ всѣмъ и надъ всѣми – страданіе. Духъ есть факель: ибо онъ – Солнце тамошнее, лучащее и изливающее себя въ здѣшнемъ. – Человѣкъ духа, чужеземецъ и скиталецъ въ высшей мѣрѣ, временящій въ мірѣ семь, отъ вѣка и до вѣка будетъ на землѣ вѣчно-одинокъ – лишь въ пренебесной, премірной плеромѣ, бѣло-голубой Обители, въ дорогомъ отечествѣ, при дворѣ Свѣта, въ домѣ совершенства, за міромъ и внѣ его, ибо надъ нимъ, – ты обрящешь всё, что алкаль ду-

хъ твой, пришлый и отъ вѣка чуждый міру, не находя покоя, долгожданнаго и заслуженнаго; только тамъ вкусишь ты радость блаженства и обрѣтешь долгожданное: вернешь утраченное, потерявши всё здѣшнее, но не потерявши обрѣтенное тобою свое Я, пропадутъ ложные дольніе мраки, кануть въ небытіе и черное забвеніе земные ужасы. Ибо только тамъ обитаетъ счастье, за кое стыдно не будетъ тебѣ въ сердцѣ своемъ: вѣчное, бѣлое, гордое. Только тамъ! Тамъ – въ небесной вышинѣ, гдѣ Домъ Отца нашего, тамъ явь, а не сонъ, тамъ – свѣтъ, а здѣсь – тьма. – Вѣдай: міръ низокъ относительно горнихъ сферъ въ много большей мѣрѣ, нежели матерія, сѣдалище зла, относительно міра. Но вѣдай и иное: тьма еще растаетъ. Ибо пріидетъ Свѣтъ съ Востока, съ великой нашей родины, откуда посланы мы въ чуждыя намъ земли западныя: то будетъ вѣяніемъ лазури. Духъ есть огонь, а плоть – лишь риза дурная, дурнопахнущая, одѣяніе бѣдныхъ, покровъ смердящій, въ коемъ духъ томится. Отнынѣ и ты еси огонь, ибо ты – духъ воплощенный.

Она помолчала время нѣкоторое, дабы я осмыслилъ Ею реченное, и продолжила, приблизившись, гласомъ болѣе тихимъ, небеснымъ, и дыханье мое участилось:

– Ей, гляди: матерія и материнство: мать и дочь. Истинно, истинно говорю тебѣ: тебѣ предстоятъ и иные, неслѣпыя ея, матеріи, – не служители – цари, величайшіе искусники по части ловитвы душъ людскихъ. – Ариманъ всегрозный, всековарнѣйшій, предстоитъ тебѣ, плотью уловляющій пло-

тяныя сердца. Однакожь онъ тебѣ едва ли страшень: ты не голодень до даровъ-тенеть его и до грубаго его лукавства и блуда, ибо Ариману подвластны сердца лишь малыхъ сихъ, свиней, которымъ любо свинство ихъ (лежать они во грязяхъ многихъ, и тепло плоти ихъ), спящихъ, но думающихъ, что не спять, рабовъ, любящихъ рабство свое, не пришлыхъ, но мѣстныхъ, при томъ затерявшихся въ мірѣ: въ Лабиринтѣ и пыточномъ застѣнкѣ. Страшись Люцифера, наихитрѣйшаго изъ всего сущаго, духа премудраго, двоящагося и двоякаго сущю, обращающаго зракъ свой лишь къ избраннымъ, рѣдкимъ и рѣдчайшимъ, духомъ уловляющаго духовныя сердца: онъ есть и благо, и зло – и много болѣе благо, нежели зло: міръ былъ бы много болѣе дурень безъ свѣтовъ его, молніино пронзающихъ тьму. Но вѣдай: если Ариманъ искушаетъ матерію, хлѣбами земными, то Люциферъ – борьбою съ ней: хлѣбами небесными. Если Ариманъ, богъ тлѣнія и гніенія, есть богъ плоти и самая плоть, то Люциферъ есть духъ воплощенный, и плоды его – духъ. Онъ – богъ мужества по преимуществу, дары его – невѣріе въ общепринятое и вѣра въ себя; онъ, такимъ образомъ, есть царь Я, а Ариманъ – царь Мы. Величіе и сила обоихъ равны и выражаются въ дѣяніяхъ ихъ: если первый, Ариманъ, подобно тьмѣ ширящейся содѣлываетъ тепло-тѣлеснымъ – а потому прозябающимъ только лишь въ чувственныхъ сферахъ – всё, подъ него подпавшее, то второй доводитъ сердца до такого каленія ненависти, что подпавшему Люциферу толь-

ко и остается, что покинуть бранный сей міръ: а не продолжить многотрудное свое дѣло. – Ей, гляди: матерія и материнство: мать и дочь. Но есть еще три Дѣвы, но не родственны онѣ межъ собою: Вѣчность, Исторія, Политика. Первая есть Дѣва высочайшая, вторая – царство срединное. Последняя – дѣва падшая изъ падшихъ, нижайшая изъ низкихъ; она – пѣна дней, средняя – замерзшая пѣна дней, Вѣчность же да будетъ твоею! – О критскомъ исповѣданіи, вѣрованіи и объ иныхъ знай: всѣ они выдуманы создавшимъ, дабы обозначить дольнихъ своихъ слугъ; онѣ окрестилъ ихъ богами и каждому далъ свое владѣніе. Поклоненіе богинямъ и богамъ – плодъ извѣчно-гниющаго міра, костыль для потерянныхъ, мать печали, сердце Зла, прибѣжище поверженныхъ (они суть добыча Смерти и Судьбы, и будетъ имъ по низости ихъ), опора безъ-опорныхъ, надежда безнадежныхъ, надстройка надъ лавками мѣняль, крыша надъ головами царей и царедворцевъ, но не только: оно также и основа, и колонны всякой дольной общественности, наилучшій изъ слугъ ея, то, чѣмъ стоитъ земля и земное, и последнее – порожденіе одной премірной ошибки и объятый тьмою Лабиринтъ зла, по коему блуждаютъ потерянные слѣпцы, почитая себя обрѣтшими и зрячими; и олухами Матери (и матеріи) преисполненъ міръ. Потому, – говорила Она, сіяя ярче Солнца свѣтлѣйшаго, – насколько вѣруютъ они въ боговъ, вѣруютъ въ вѣру, вѣруй – въ себя, вѣруй въ крѣпость свою: вѣра въ боговъ есть вѣра въ невѣріе въ себя. Поистинѣ: Ложь, Об-

мань, Коварность прикрывается божественнымъ, рядясь въ бѣлыя, яко снѣгъ, его ризы. Продали бѣдняки духа (они суть чада вѣка сего – нарицай ихъ такъ, какъ и надлежитъ) Голгоѳу свою за тридцать сребрениковъ: каждому въ задаткѣ дана Голгоѳа...

– Что есть Голгоѳа, о Свѣтоносная? – изумленный, спросилъ я Её.

– Она – непрерывность, совершаемая до конца міра: то, что будетъ вѣка спустя, и одновременно то, что всегда было, есть и будетъ: въ сердцахъ немногихъ. Знай: бытіе существовать, жительствова подлинно, означаетъ быть пригвожденнымъ къ Голгоѳѣ; бытіе високаго – есть Крестъ на Голгоѳѣ. Да, такова воля создавшаго, что стези благородства суть стези слезъ, терновый вѣнецъ и Голгоѳа. Мною реченное есть Четверица, или крестъ бытія; ибо Четверица та – крестъ: на днѣ, внизу – Аримань, вверху – Отецъ – вершина креста и самый крестъ; слѣва – Іалдаваофъ, а справа – Люциферъ. Помни: духи все-разящіе играютъ людьми, и нѣтъ такого человѣка, въ комъ не выигралъ бы одинъ изъ Четырехъ.

– И мною?

– Тобою – духи не иные – тѣ же. Но ты силенъ избирать ихъ по усмотрѣнію своего Я. Потому – Свобода – твоя возлюбленная. Тобою – духи не иные – тѣ же. Но ты силенъ быть въ лонѣ Отца, ступивъ къ нему при водительствѣ Сына Зари, Свѣтозарнаго.

– Моя возлюбленная – ты, о Свѣтозарная.

– Я – лазурь. Здѣсь нѣтъ мѣста двоимъ. И скоро, скоро ты обрѣтешь почву въ себѣ самомъ, для себя, изъ себя, ради себя. Тебѣ не будетъ пусто. Ибо ты уже позналъ себя и нашель себя, а, нашедши себя, себя обрѣлъ; ежели бы ты не позналъ себя, и не нашель, и не обрѣлъ, то былъ бы ты бѣдностью воплощенною: какъ всѣ прочіе. Отнынѣ самый міръ тебѣ не только тѣсень, но и недостойнъ тебя. – Выходы уже зримы, но плоды будутъ послѣ – и въ самое скорое время.

Я долго молчалъ, ибо былъ я удивленъ словесамъ Ея; удивленъ и возмущенъ, перси мои часто вздымались. И Она молчала: казнила молчаньемъ. Я желалъ Её, но то было не слѣпою страстью, виномъ невѣдѣнія и помраченія, но виномъ трезвѣнія и просвѣтлѣнія, чреватаго: и прозрѣніемъ, и видѣніемъ чистымъ, и вѣдѣніемъ. Я спросилъ Её:

– Милая, милая, какъ же ты говоришь это мнѣ: болѣе богатому, чѣмъ почившій Имато и здравствующій Касато – со всѣми ихъ чертогами, усладами, рабами и земными сокровищами?

– Истинно, истинно говорю тебѣ: богатство твое нынѣ еще не заполняетъ: пустоту въ сердцѣ твоёмъ. Но близко время...

– Но позволь узнать, каково имя создавшаго, ежели у него вообще есть имя?

– Мудрецы міра сего тшятся разгадать, что снится вечносонному слѣпцу, но тщетно. Ибо и самые мудрецы сии суть грезы создавшаго. Но ты не сонъ создавшаго – менѣе всего ты сонъ, о пламень! Его, создавшаго, должно нарицать Іал-

даваофъ, онъ – сынъ бездны, сынъ хаоса, держащій въ уздѣ всѣхъ: страхомъ и успокоеніемъ, которые кровосмѣсительно переспали между собой и породили: чинопочитаніе, послушаніе, смиренномудріе и прочихъ; онъ и самъ – страха порожденье; онъ – отраженъе страха рабовъ своихъ, внушеннаго имъ отъ страха, рабовъ своихъ, съ коими повязанъ онъ не нитью, но цѣпями; онъ – удильщикъ, уловляющій не только рыбу, но и себя самого: своимъ же крючкомъ; онъ и господинъ, но еще болѣе – рабъ; онъ – осель, кричащій И-А, И-А! Держить онъ въ десницѣ не бразды, но цѣпи: цѣпи, подвѣшенныя къ каждому сердцу человѣческому. Ходить-бродить по Лабиринту во тьмѣ многой существо – не ликомъ, но мордою – быкъ красноярый, а плотью – человѣкообразень; злой, слѣпой, пышетъ злобою, полонъ сквернъ, погрязшій въ нѣгахъ, чего не коснется, претворяется въ еще болѣе дурное; самъ онъ дурень, а твореніе его еще дурнѣе. Создалъ слѣпой слѣпое твореніе, невѣдѣнья царь, царствующій въ царствѣ невѣдѣнья, не вѣдая, что создалъ, ибо неспособенъ къ познанію въ слѣпотѣ своей, и скоро, скоро возгласитъ онъ (чужими устами: устами рабовъ своихъ): «Я Богъ, и нѣтъ иного Бога, и нѣтъ подобнаго Мнѣ». Сперва она обрѣзаетъ крылья всему живому, а послѣ утверждаетъ, что лишь онъ – богъ, лишь онъ – творецъ, а остальные суть грязь подъ ногтями его, пыль подъ стопами его. Но родъ людской и впрямь – плодъ слѣпотоу его недоразумѣнія и невѣжества, глупости, безстыдства и самонадѣянности. И каждому воздастъ онъ по



низости его. Страшный, ярый быкъ, несущійся изъ одного Ничто въ Ничто иное, изъ бездны – въ бездну. Ибо и самъ онъ есть дитя бездны. Таковъ онъ – князь міра сего, создатель, ужасный, имѣющій и слугъ своихъ – архонтовъ: царей, ему прислуживающихъ, о двоихъ изъ которыхъ я тебѣ упомянула. – Но долженъ ты вѣдать и Судьбу, служанку создавашаго, выполняющую повелѣнія его и грязную работу: слѣпую старуху по имени Имармене, первую и послѣднюю изъ оковъ, ибо она ткеть нити свои, но нити тѣ суть цѣпи, подвѣшенныя къ сердцу человѣческому. Судьба – лишъ бѣсноватая блядь, чреватая Бѣдою, изсохшаяся любодѣица, чрезъ свою влагу извергающая желанье, нѣкогда смазливая дѣвка, неистовая въ яркихъ и ярыхъ своихъ дѣянїяхъ, но нынѣ карга старая, бѣльмами похотливо глазѣющая окрестъ, блудница, заигрывавшая съ создателемъ и присными его и одурманившая ихъ, – потому она отъ вѣка прїобрѣла нѣкоторую Свободу. Нынѣ она, какъ міръ, стара, и ослабшія ея, изошедшія, выдохнувшїяся чары, не могушія волновать ни душу, ни кровь, постылыя, воздѣйствуютъ лишъ на старожилонъ такихъ, какъ создатель со чады, на существъ предвѣчныхъ; для сильныхъ и младыхъ, дѣла чьи Побѣдою вѣнчаны, иль Пораженемъ (ежели битъ кто Судьбою изъ дерзновенныхъ), бытіе чье исходитъ кровїю и духовнымъ сѣменемъ, она мерзка, якоже лобзаніе безстыжаго старца, какъ течка бабищи, жаждою и алчбою истомленной, отвергнутой, безпутной дурѣ; завораживающая скверна ея чаруетъ лишъ слабыхъ. –

Потому слѣдуетъ служить не гніющей и смердящей ея плоти и припадать не къ мнимо-материнской груди Судьбы, но къ огнестрастнымъ устамъ огнезарнаго Духа; устремить очи горѣ – прочь отъ сего міра, гдѣ всё полонено Временемъ и пространствомъ. – О, они, не-малые сіи, должны быть божественно-неприступны, неотмирно-хладны для нея, небесно-красивыя сіи созданія, вздымающіяся высоко по лѣствицѣ Духа, способныя на частые всплески Огня. – Потому не Любовію, но Ненавистью должно съ ней сочетаться: любое несоблюденіе закона ея есть твоя добродѣтель, единый путь спасенія: отъ лабиринта зла.

– Будетъ ли печальной судьба моя? – испросилъ я, а предъ тѣмъ долго обдумывалъ Ею реченное, ибо сокровеннѣйшее сперва обнажалось, вышедши изъ прикровенія, а послѣ въ полной мѣрѣ раскрылось, словно одежды пали наземь – всё безъ остатку; и сокровенное явило себя и... засіяло – до боли въ глазахъ.

– Судьба всегда черна, – отвѣчала Она, лія собою свѣтъ. – Бытіе всего высокаго – тяжелые, горькіе пути, прорывающіе – сердцемъ идущаго ими – ковы слѣпота бога... Но бытіе твое – уже – счастливѣйшее: оно – лучъ: сквозь тьму, но и одинокая виноградная лоза: въ пустынь. Твое призваніе столь огромно, что я затрудняюсь описать его.

– Будетъ ли забыто мое дѣло иль будетъ продолжено? – вопрошалъ я.

Чуть помолчавъ, Она напутствовала меня: нѣжно-заревы-

ми словесами:

– Грядущее и мнѣ невѣдомо, дѣйствуй, о вѣнчанный Свободою: я вѣрую въ тебя. Ждутъ тебя дѣла неложныя: святая и великія. Помни: Судьба – для слабыхъ, для тѣхъ, кто приѣмлетъ её въ сердцѣ своемъ, бытуя подь сѣною ея, въ лонѣ ея; борись съ нею, о, борись! Ты не видишь, но одѣянъ ты въ ризы бѣлыя. Я ихъ вижу, а ты – нѣтъ. Ибо ты – духъ воплощенный: потому можешь и возможешь ты дѣять всё: совершенному дозволено всё.

Далѣе изрекла Она словеса, мнѣ неясныя и доднесь:

– Свобода – въ мигъ: вся вселенная – отъ скоплений звѣздъ до неделимо-малаго – колеблется въ мигъ, будучи напряженной, и – разряжается: въ мигъ выбора. Въ томъ единство и въ томъ борьба: свободы и необходимости, – что въ мигъ выбора избирающее – свободно, но избрать должно оно – съ мѣрно-заданной необходимостью; если въ первомъ случаѣ – избирающее стоитъ подь знакомъ Свободы, то во второмъ – подь знакомъ Судьбы и Времени, сихъ царей царствующихъ; и именно Время, отъ вѣка заданное и отъ вѣка мѣрное, бичомъ подстегивая избирающее, ткеть нити Судьбы. На томъ зиждется дольний міръ.

И простерла Она десницу, затмевая собою Солнце (ибо Сама была Солнцемъ: для меня), десницу благословляющую и отъ вѣка пречистую: то было касаніе лазури. Въ большомъ смятеніи душевномъ я облобызала её: я казалось бы потеряла себя: въ страсти безплотно-неземной. Но на дѣлѣ обрѣла

себя.

Послѣ же, отверзши очи, я не узрѣлъ никого. – Всё было Свѣтомъ, и я былъ Имъ...Всё земное и всё тѣлесное на незримыхъ крылахъ отлетало еще во время нашей бесѣды, а тогда оно отлетѣло куда-то и вовсе. И надо всѣмъ виталь гласъ Ея, разливаясь по аэру лазурною чарою, неотмірный, звонкій, далекій. – Взоромъ Вѣчности глянула. Ибо неизглаголанное было Ею изглаголано, и надмірное было впервые явлено въ мірѣ: вся въ бѣлыхъ одеждахъ, словно паря надъ землею, алый ротъ изливаль собою откровенія: лазурныя молніи. И Слово Ея меня родило и сожигаетъ дондесь.

М. закрылъ ненадолго очи, приложилъ руку къ главѣ своей и, помолчавъ, продолжилъ:

– О, безъ сомнѣній, была она изъ рода существъ премірныхъ, тамошнихъ. Поистинѣ: высокимъ единеньемъ я нано-во былъ рожденъ – тогда, тогда, въ то достопамятное время. И это лишь то, что глаголали уста Ея; очи говорили о еще большей правдѣ. Казалось бы, всё, что было моею тихою гаванью, пристанищемъ, опорой, твердынею, всё то, на чѣмъ покоилось бытіе мое и мое счастье, – всё это – послѣ словесъ Ея – должно было бы заколебаться, претвориться въ зыбь, и долженъ былъ я потерять почву изъ-подъ ногъ. – Но нѣтъ: потерявши себя, я нашель себя, и казавшееся свѣтомъ стало тьмою, а тьма – свѣтомъ.

Акери послѣ долгой, но для обоихъ благопріятной паузы

испросиль:

– Очень радъ и весьма удивлень, что Судьба (которая обычно противъ насъ) тебя нѣкимъ образомъ свела съ нею... судьбы *немногихъ* (или попросту: лучшихъ) непостижимо перекликаются и возгоняють другъ друга въ выси. Тобою съ тѣхъ поръ Вѣчность въ очи мнѣ глядитъ! Но видалъ ли ты её еще, друже?

– То, безъ сомнѣній, была нѣкая иная Судьба, не та, что царить и править въ мірѣ семь, не та, что есть не кто иной, какъ изсохшая блудница, одноглазая сука, прихвостень создавшаго, – не болѣе, чѣмъ длань слѣпого бога. Именно первую Судьбу я молилъ: молилъ её, дабы узрѣть Дѣву вновь, предъ тѣмъ долго лелѣявъ таимую надежду; не зрѣть Дѣву было подобно пребыванію въ узилищѣ; когда пребывалъ я въ моленіи, нѣчто нежданно сжало горло мое и принудило меня воскликнуть на утренней зарѣ сквозь тающіе мглу и туманъ, когда неслышенъ еще крикъ пѣтуха и когда Звѣзда сіяетъ ярко, – изъ меня вырвались слова какъ бы помимо воли моей: «О, прииди – какъ свѣтъ и какъ боль! Прииди, ибо лишь злой языкъ скажетъ, что ты-де тьма, кажемая свѣтомъ; я же вѣдаю: свѣтъ, кажемый тьмою!». И я если не тотчасъ же, но всё же вскорѣ узрѣлъ Ее по милости не то Судьбы верховной, горней, не то по милости самой Дѣвы. Послѣдній разъ я зрѣлъ то ли Её, то ли болѣе земной Ея двойникъ: какъ бы Она, но и не Она при томъ: Первая была существомъ болѣе тамошнимъ, а Сія – болѣе здѣшнимъ. Но всё жъ то

была Она, да, Она, неотмірно-лазурно-нѣжная. О, какъ былъ пронзень морокъ свѣтомъ Ея. Я какъ вчера помню быстро-течную бесѣду съ Нею, состоявшуюся чрезъ время, не столь отдаленное отъ перваго Ея посѣщенія моего сердца. Увидѣть Её вновь было праздникомъ несказаннымъ, возгоняющимъ душу въ выси, наполняющимъ Её пламенемъ, вызывающимъ въ груди моей нѣкое безымянное чувство. Вотъ и послѣдняя съ Нею бесѣда, и хорошо я помню гласъ Дѣвы, словно зависшій въ аэрѣ – тогда, въ сердцѣ же – нынѣ:

– Милый, въ какія неряшливые одежды одѣвается твоя похоть, твое вождельніе ко мнѣ, твой пламень, – не безъ игривой улыбки сказала Она и, потупляя прекрасныя свои очи, продолжила: — Ахъ, я вѣдаю: ты любилъ меня; но нынѣ, нынѣ – лишь похоть въ тебѣ, лишь похоть. О, невыносимо...

– Отнынѣ любо мнѣ лицезрѣть Тебя елико возможно чаще, о вѣчно-ускользающая, но вовсе не вѣчно-ускользающее въ Тебѣ манить меня. Ты чиста и юна, Дѣва нездѣшнихъ мѣстъ, но и не это манить меня. И не то, что далеко превосходишь всѣхъ прочихъ, о невозможно-прекрасная, безпримѣрная и несравненная. Нѣчто иное, несказанное и безымянное, манить меня. О, какъ манить оно! Что-то измѣнилось, но то не похоть, нѣтъ! Иное въ помышленіяхъ, иное и въ сердцѣ. Щемящее бросилось въ сердце: проклятiе ли то или благословеніе? Но не только щемящее бросилось въ сердце, но и безвозвратное. Я словно потерялся: въ лабиринтѣ высочайшихъ страстей, – ибо и сердце мое затеря-

лось – въ Тебѣ. Нынѣ Ты представляешься еще восхитительно-прекраснѣе. Бросается это щемящее въ сердце: стрѣлюю. У меня къ Тебѣ всё слито воедино – въ Свѣтъ; ибо Ты еси Свѣтъ. И я не кривиль и не кривлю душою, когда говориль и говорю, что много чистосердечнаго, неизъяснимо-чистаго и восхищеннаго, возвышеннѣйшаго рвется: словами. Ибо я питаюсь пречистымъ Твоимъ свѣтомъ, паче снѣга свѣтлѣйшимъ, и уже не могу иначе. Но слово обычно умолкаетъ, егда я зрю Тебя, о высокочтимая Дѣва. Но не днесь. Милая, нынѣ – зима, увядающая зима, беременная весною, погляди на солнца сѣвера – снѣга, столь рѣдкіе въ родныхъ нашихъ мѣстахъ; но у меня... у меня весна, расцвѣтшая весна – въ венахъ; и родилася она лучистой нашею любовію: любовію изліянною; незакатное, заченшееся при первомъ Твоемъ посѣщеніи сердца моего, нынѣ распустилось въ мѣрѣ полной. Печальной – Ты еще прекраснѣе. Невыразимо. Чуваль и чую, вѣрнѣе, вѣдалъ и вѣдаю: здѣсь свѣтитъ подлинное. Коснуться не смѣю: коснуться звѣзды – себя опалить. Прости, о немыслимо-прекрасная, за искреннее, слишкомъ искреннее; не оно извергается изъ меня помимо Воли моей, и я не могу сего ни скрывать, ни молчать о такомъ, но – я такъ желаю, ибо я желаю Тебя, но желаніе мое не имѣеть въ себѣ постыднаго: оно – лучъ, оно – свѣтъ, оно – весна! Женщина есть существо текучее, влажное, непостоянное. Ты же болѣе застывшая, поскольку Ты лдяная, что не мѣшаетъ горѣть огню внутри этого льда, – отвѣтствовалъ я со страстію, мнѣ

присущей.

– Милый, я вѣрю тебѣ въ томъ, что въ тебѣ сердце пламенное и многохрабое, коему подстать побѣды небывалыя, о коихъ легенды будутъ слагать вовѣкъ вѣковъ, ибо зрѣла сердце, изъ коего сыплють себя искры пламенные. Я буду вѣчно помнить гордыя твои дѣянiя, – и тѣ, что были, и тѣ, что имѣють быть, – какъ и то, сколь часто ты ставилъ на конь Жизнь, играясь съ быками, почитаемыми здѣсь священными. Я знаю благую твою любовь. Но я алкаю иной Любви – Любви неземной – небесной. А для тебя Небеса – суть? Ты вѣришь? Ахъ, если бы ты вѣрилъ...

– Вѣрую!

– Но ты еще слишкомъ мужъ, ты не преодолѣлъ полъ, хотя во всѣмъ остальномъ ты и возвышаешься, и не твоя вина, что ты не преодолѣлъ: ты не вѣдалъ. Должно еще пройти время.

– Къ чему преодолѣнiе мужского: не считаешь ли Ты, что оно равно съ женскимъ? – удивленно спросилъ я.

– Быть можетъ, и не равно, но оба суть заданное, мѣрное, не твое, не ихъ. Посему слѣдуетъ уходить отъ сего. Помни: похоть самца и даже самая мужественность стоитъ не столь ужъ многимъ дороже женственности; врата вышины запечатаны для тѣхъ, кто не преодолѣлъ полъ въ сердцѣ своемъ.

– Ради Тебя я готовъ и на сіе...

– Ты нынѣ глаголешь, какъ мужъ, а я желаю иного... Горько мнѣ...

– Ты, Ты... самое совершенство; мнѣ не должно отказать-



ся отъ словъ своихъ и своихъ клятвъ: всё ради Любви... Ибо сердце мое затерялось въ Тебѣ, въ пречистомъ Твоемъ свѣтѣ. Ибо Ты – Дѣва сердца моего.

– ...И твоего духа, – змѣясь, сказала Она.

– И духа моего, – повторялъ я, не то ослѣпленный, не то оглушенный, глядя въ никуда.

– Возлюбленный, Любовь твоя должна быть не плотоядна, не плотска, а возвышенна...

– Я готовъ возгонять себя именно ради Тебя (а не ради себя и, скорѣе, вопреки самому себѣ), о Дѣва. Ибо Ты – на устахъ, Ты – въ сердцѣ, Ты – въ помышленіяхъ. Ты – сердце судьбы моей. Всё готовъ я бросить на алтарь... ради Любви къ Тебѣ.

– И ты пойдешь на это?

– Пойду, о богиня. Азь есмь звѣзда, исполненная огня, и я гряду къ звѣздѣ: звѣзда къ звѣздѣ, духъ къ духу. Порою, въ лучшіе миги представляется: ради Тебя я готовъ потерять... что угодно; я готовъ всецѣло себя отдать ради Тебя. Ибо Ты предстаешь безконечно-отличною отъ прочихъ. Милая, Ты – самое близкое сердцу часто, слишкомъ часто, до боли мое. Вездѣ мракъ изсушающій, а Ты – Свѣтъ, о возлюбленная. Въ Тебѣ я вижу не Себя и даже не себя: въ женскомъ обличьѣ, – но свое Я.

– Возлюбленный, я узрѣла боль въ осѣненныхъ закатомъ осеннимъ устахъ твоихъ, кои часто сливались съ моими въ вѣчныхъ нашихъ лобзаніяхъ. Я не желаю, чтобы тебѣ было

больно... больно изъ-за меня.

– Не говори такъ: Тебя мнѣ подарила сама Судьба, о Свѣтозарная. И Ты, Ты рождаешь ярколучистый мой пламень, молнійно-лазурный и багрянопылающій.

– Не говори и ты такъ, о Свѣтъ въ ночи: Судьба зла, зла, зла... Мнѣ тяжело тебѣ вѣрить.

Вдруг Она измѣнилась до неузнаваемости: двоящейся обликомъ, но не двойкой сущностью, предстала Она и бросила въ меня слова горькія, какъ змѣиный ядъ:

– Я змѣя небесная, гряди къ иной! Приди въ ея объятія – не въ мои!

– О нѣтъ! Не для того настигаль Тебя: не жду безопасности и счастья не жду. Не для того, о, не для того всё это! Повѣрить не могу...

– Я опасна, какъ змѣя, – то правда. Предостерегаю, любимый...

– Не предостерегай: въ томъ нѣтъ нужды... Въ лоно Дня вступаемъ мы – гляди: довольно Ночи!

– День, – продолжалъ я, – и въ самомъ дѣлѣ вставалъ тогда ото сна – длиною въ Ночь; багряными ризами одѣялся онъ, и мраки разступилися. Я продолжалъ, полнясь высочайшими страстями:

– О, прости за рѣчи сіи, но не томи несказаннымъ и невозможнымъ. Зрѣть Тебя, пречистый Твой ликъ, очи, пронзающія и излучающія сіянье, зрѣть выю бѣлоснѣжную, тонкую, станъ колеблющійся... и сознавать, что Ты... Ты – не моя...

прости... я не вѣдаю, какъ сказать... Ты... я... ты – всего дороже на свѣтъ, о сокровище несказанное. Не могу я иначе, милая. Слишкомъ много огня внутри, нерастраченное бродить въ душѣ. Покинешь меня – и всё будетъ исполнено страданья жестокаго; о томъ и думать нѣтъ силъ... О, если бы я могъ надѣяться! О дѣва божественная, токи и потоки Любви, всеблагой и святой, пронзають меня, выводя и возгоняя меня отъ дольнихъ безднъ – къ Свѣту, къ вершинамъ горнимъ, претворяя меня – изъ человѣка – въ Огнь.

Дѣва тупила очи, и поверглась глава Ея долу: была покорена и очарована. Она сказала:

– Когда ты глядишь на меня – Любовь глядитъ на меня изъ зѣницъ твоихъ; Любовь, всепокоряющая и всевластная, свѣтитъ себя чрезъ тебя, изливающаяся, струящаяся. Для тебя немислимое есть явь – явь возможная. Не желаю зрѣть тебя рабомъ своимъ. И ты не постыль... Но ты – иной, иной, иной... Свѣтъ тамошній въ ликъ тебѣ глянулъ, и Вѣчность тебя ласкала. И не сильна она затушить высокія твои горѣнія, ибо она ихъ источникъ.

– О благодарю – Тебя – звѣзда! Но змѣю – не будь, о, не будь. Не отвергни меня отъ Себя, отъ лика Своего! Если нѣчто гнететь тебя – преложи сіе на мои рамена, о Свѣтозарная.

– И я иная – не змѣя. Я дѣва неложная. Но тебѣ предстоитъ послѣднее испытаніе: ты долженъ отпустить меня; и отпустить навѣки – не ради меня и не ради любви, но ради се-

бя, ибо сіе есть бремя наитягчайшее, и ничто, ничто не закалитъ тебя лучшимъ образомъ: то надобно для того, чтобы высшее въ тебѣ престало быть лишь побѣгомъ и претворилось въ многомощное древо, чтобы ручей сталъ полноводною рѣкою! – сказала Она, змеиновласая, и въ глазахъ Ея вспыхнулъ не огонекъ, но свѣтъ, проникшій, пронзившій, вошедшій въ меня и оставшійся навѣкъ въ сердцѣ, ибо онъ покоришь меня себѣ.

Жадно обняла Она меня, походя на змѣю (о, безъ сомнѣній, было въ Ней тогда что-то змѣиное); нѣтъ! – не обняла – обвила: змѣею, – и цѣловала: въ уста – неутѣшно... И Свѣтъ сіялъ во тьмѣ. Вокругъ рѣка журчала, серебрящаяся, межи вешнія въ туманахъ таяли. И молвила: «Тебя ждала, лишь тебя»; и узрѣлъ я очи неложныя и очертанья горнихъ сферъ, отражающіеся въ Ея очесахъ.

Она снова растворилась словно: растворилась въ зарѣ утренней. Болѣ я Её не видалъ; Она воспарила туда, откуда низошла: на небеса, – продолжалъ М. не безъ печали въ голосѣ. – Что-то сомкнуло мнѣ уста – я молчалъ множество дней. Мнѣ долгое время казалось: она посланница Того, Неизреченнаго, Отца, Невѣдомаго и Неизглаголаннаго: безъ Нея я не узрѣлъ бы Его. А нынѣ въ томъ я твердо увѣренъ.

Такъ говорилъ М. День клонился къ закату своему, кровавась, и герои стали плыть къ берегу, осіянному закатомъ Свѣтила. М., окончивъ повѣствованіе о Дѣвѣ, снова молви-

ль:

– Мнѣ и ранѣе думалось, въ давнее время: боги сіи, тѣ, коимъ и здѣсь поклоняются, и гдѣ угодно еще, боги сіи – ложны, ложны, нѣтъ отъ нихъ вѣяній неложныхъ, не чуюль я сего и не чую. Думалось: нѣтъ ихъ на дѣлѣ, нѣтъ. Послѣ встрѣчи съ Нею стало ясно, что они суть, но суть зло; они словно тати крадутъ божественное изъ сердца людскихъ, ибо всего болѣе радѣютъ о томъ, чтобъ родъ людской не имѣлъ божественнаго въ себѣ – и съ успѣхомъ; и лишь ихъ отрѣшившись, предстаешь предъ самимъ собою и жительствоуешь наединѣ съ собою; стало ясно также, что есть Иной. И хотя первое, еще стоявшее знакомъ вопроса «Ты – еси» мною почувалось въ дѣтствѣ, знаніе «Ты – еси» родилось именно милостью Дѣвы. Именно въ первую изъ нашихъ встрѣчъ Она бросила: «Невѣріе и сомнѣніе въ «Ты – еси» есть первая и опаснѣйшая Ариманова уловка». Прочія же вѣрованія – спираль и лабиринтъ, Ея же словеса – одна прямая линія – стрѣла – прямикомъ въ сердце Іалдаваофа.

– Ясно, что Богъ Невѣдомый не есть часть міра и не есть міръ, ибо Онъ болѣе міра, но являетъ ли Онъ Себя напрямую безъ посланниковъ въ видѣ высокочтимой тобою Дѣвы? – съ интересомъ спросилъ Акеро, глядя на приближавшійся берегъ.

– Да, Дѣва – посланница Его, и Она не разъ сказывала о томъ. Думно мнѣ, что надобно идти стезями многотрудными, бросая вызовъ: всему, всему – отъ міра до самого себя, –

дабы Онъ былъ ближе къ намъ.

– Протянетъ ли длань свою Всевышній? Заговорить ли съ тобою? Почему скрывается Онъ въ незримомъ и неизглаголанномъ?

– Онъ молчить: Онъ – въ безднѣ. Явленіе Дѣвы – слишкомъ многое. Онъ глаголалъ Ею – того довольно! Того – сверхъ мѣры! Истинно, истинно говорю тебѣ: всегда желалъ я знать, а не вѣрить; да-да, не вѣрить, но вѣдать, желалъ зрѣть Бога, а не вѣрить Ему и въ Него. И Онъ явилъ себя: Ею.

Вдругъ М. поднялся и воздѣлъ руцѣ къ Солнцу и изрекъ:  
– Пусть же страхомъ и слѣпотою принужденные поклоняются богамъ и богинямъ, закоснѣвшіе въ лѣни духовной, но – не мы! Не мы! Пусть низкіе боголѣпно и раболѣпно ихъ почитаютъ и славятъ, но не мы! Не мы! – Намъ не надобны ихъ благорасположеніе и дары ихъ. Ибо я желаю ступить на лазурь небесъ, а ихъ дѣло – имѣть страхъ божескій. Міръ сей безмѣрно тѣсенъ для меня, потусторонняго и посторонняго, внемірнаго и всемірнаго, безмирнаго и внемірнаго.

Акерио спросилъ:

– А боги, кои также суть зло, по твоимъ словамъ, они...

– Да, и нынѣ думно мнѣ: боги сии суть, и силою ихъ все совершается въ здѣшнемъ мірѣ. Потому и міръ такъ дуренъ, ибо подлинныя его правители еще дурнѣе. Давно, давно послалъ я къ чорту боговъ критскихъ: тамъ имъ и мѣсто, ибо и сами суть черти. Убить племенныхъ боговъ въ сердцѣ своемъ означаетъ начало восхожденія къ вершинѣ именемъ Я.

Не вѣра въ вѣру, но знаніе есть непреложное основаніе истины и неложныя къ ней стези. И нѣтъ вѣры знающей и знанія вѣрующаго. И я отнынѣ уже пригвожденъ къ знанію: Ею.

Акоро отвѣтствовалъ:

– Съ иныхъ поръ прозрѣнья твои – громъ, словеса твои – молніи: претворилъ ты слово въ мечъ обоюдоострый; изливающееся изъ устъ твоихъ слово способно убивать и воскрешать. Ты – звѣзда, рожденная лузурью, просвѣтъ молнійный: въ гуцахъ тьмы. Потому – вспоминая тобою реченное днесъ – возглаголемъ: да не впадемъ мы въ руки твои, о богъ слѣпой! И да будемъ облачены въ ризы бѣлыя, свѣтлыя, чистыя. Также я думаю, дорогой мой, что кто боли страшится – Жизни недостоинъ. Поистинѣ: кто неспособенъ на гнѣвъ и на страсти высокіе – да страдаетъ. Святое, святое бремя ты несешь.

Ладья приближалася къ берегу пустынному, и М. снова началъ грести, и спустя время нѣкоторое изрекъ:

– Война, раздирающая нынѣ Критъ, могла бы быть не только полемъ сѣчи межъ Добромъ и Зломъ, межъ Истиной и Ложью, межъ горнимъ и дольнымъ, но претвориться въ Огнь, что сожжетъ если не вѣсь міръ, то по меньшей мѣрѣ Критъ, капище боговъ ложныхъ и людей низкихъ. Иными словами: я надѣюсь на одно: да не будетъ пролитіе крови лишь умовеніемъ, питіемъ земли-матери, будучи безплоднымъ, но да претворится во всходы новые, что даруютъ міру здѣшнему надежды новыя! – Слѣдуетъ очистить лѣсъ отъ пней да по-

валенныхъ деревь.

Отирая обильно струящіяся поты съ лица и выи, оглядывая съ улыбкою суверена ширь и гладь морскую, онъ продолжилъ:

– Я разлюбилъ всю роскошь мірозданья, и День, и Ночь, и Ночи сіянье лунное, и сіянье Солнца, и зной, и хладъ: природа мѣрна, она есть порожденья создателя: именно потому, противясь ею заданному, дѣешь сообразно съ инымъ: она даруетъ не Путь, но путы, и послѣднія не необоримы: она низвергла меня въ дальнее, она же и окончитъ дальнее мое существованье, что бы я ни дѣялъ и сколь много боли я бы ни выдержалъ, дабы его продлить: исходъ плачевенъ; но бессильна она владѣть мною, моимъ мною рожденнымъ Я. Казалось бы, она не можетъ быть познана, но на дѣлѣ тайны ея и прочее ея незримое всё жь могли бы быть осознаны и поняты: но лишь чрезъ тысячелѣтія; но для того надобно скорѣе возненавидѣть её, чѣмъ возлюбить, и отвратиться ея чарь, чарь, кои суть трясина, и осмыслить её, прорвавшись къ ея сути, чѣмъ-то неприроднымъ, чѣмъ-то тамошнимъ, а потому немогущимъ быть съ легкостью очерченнымъ, выраженнымъ, внятнымъ: не тѣломъ или душой, но духомъ, который – какъ показываетъ не только вѣсь опытъ мой, но и мои мысли, – есть нѣчто тамошнее, нездѣшнее. Признаю, однако: не разъ говаривалъ, опьяненный и потому побѣжденный ею, будучи захваченъ ею въ ея хороводъ: «Лишь вѣтръ шалый доселѣ я люблю – лишь онъ бунтарь въ природѣ, онъ ропщетъ,



враждуя со всѣмъ живымъ и неживымъ! И буря – мнѣ сестра! И небо властно влечетъ меня». Что Солнца око? Что очи звѣздъ? Ничто не мило. Нескончаемыя чередованія бурей и тиши, дня и ночи, смѣны времянь года: безконечная круговерть безъ начала и конца, однообразно-монотонная, ужасная въ своей косности. Я усталъ отъ творенья злоковарнаго творца. Я не люблю міръ, а міръ не любитъ меня: лишь страшится онъ меня, лишь страшится. Вѣдаю лишь безпримѣрную и негасимую мою Гордость и Волю какъ ея орудіе (милостью коей всё дѣется). И не Земля, но Небеса – тронъ мой.

Кровавое Свѣтило уходило за окоемъ: въ тьму. Звѣзды заступали на небосводъ. Мѣрно пѣло море.

– Да не будутъ взгляды различающіеся камнемъ преткновенія! Но ужели ты не чуешь и не зришь всё великолѣпіе природы, о воинственный, слишкомъ воинственный мужъ? – спросилъ Акеро, уставившись вопросительнымъ знакомъ на М. – Ея тѣни воскресаютъ въ сердцѣ, егда мы её не видимъ и не слышимъ. Ужели она не оттуда? Ужели она отъ міра сего, а не отъ міра горняго? Гляди: потекли сіянья звѣздъ... Сердце ввысь уносится – летитъ! И будь ты слабѣе, я бы воскликнулъ: страшись гнѣва природы. Всѣ, всё – подражаніе природѣ: ваза подражаетъ выемкамъ въ породѣ, куда стекаетъ влага, колесо – Солнцу и Лунѣ, и самое государство подражаетъ существу живому.

– Природа – обманъ и слѣпота. Ей, ей обязаны мы однимъ убожествомъ: нескончаемымъ позоромъ именемъ плоть

и позоромъ казалось бы инымъ – именемъ жизнь. О убогіе предѣлы убогаго естества! Каждое живое существо борется за себя, почитая себя средоточіемъ міра; борется оно за мѣсто подь солнцемъ, стремится забраться повыше, чтобы ничто не мѣшало солнцу, оку бога, созерцать побѣдившаго. Казалось бы, оно гордо, но то гордость мнимая, ибо борется существо живое не за Я, но за Себя. Слѣпцы, порожденные слѣпцомъ! Они стремятся быть первыми, но на дѣлѣ – послѣдніе; я же былъ, и есть, и буду – Послѣдній; а потому и Первый. Цѣльность природы – въ нуллионахъ дробностей, отчужденностей: таковъ порядокъ міра дольняго. Поистинѣ: природа – всеподавляющая, равнодушная, слѣпая, жестокая баба, вмѣстѣ съ тѣмъ и себя рождающей и себя же пожирающей змій. Не змій, а Матерь, ужасающе-живая; Судьба же много старѣе: она – карга, а сія – мать рождающая и убивающая: мчащая зыблемые въ зыбь года, вѣка: по кругу.

– Ты сказываешь о ея слѣпотѣ, но въ чѣмъ обманъ ея?

– Природа обманчива: поглядишь на зори да закаты рдяные иль на Ночи тишь – и думаешь: се, пріидеть Она; Она же, Дѣва, нейдетъ, нейдетъ, ибо трудно ей низвергаться въ нижераспростертую природу; ждешь Луча – но нѣтъ Луча, нѣтъ нити путеводной: была и нѣтъ. Поистинѣ: природа – лишь чара и уловка божества слѣплого. Но она, поистинѣ, лучшее изъ его твореній, величайшее, работающее какъ ничто, созданное и могущее быть созданнымъ человѣкомъ, всемогущая, великая въ своихъ силѣ и чарѣ. Поистинѣ: проще отве-

сти ударъ копыя или меча, нежели нѣжные твои поцѣлуи, о природа! Не укротить тебя, о неукротимая! Да, она плѣняетъ душу безмѣрно, и тѣни ея воскресаютъ въ сердцахъ, когда мы не зримъ сіянье ея. Но дѣло состоитъ въ томъ, чтобы освободиться отъ погубляющаго ея плѣна. Прочь отъ естества! Прочь отъ природы! О, зло клубится всюду, всюду, и Смерть чернѣетъ! Ибо природа – лишь одѣянье создавшаго, ризы его, пропахшія смраднымъ душкомъ его.

– Быть можетъ, ты и правъ, но нынѣ думно мнѣ: сыны человеческіе съ присными отродясь были чѣмъ-то однимъ, а Природа, милостиво принявшая ихъ въ лонѣ своемъ, – словно инымъ, вовсе инымъ: отчимъ... Быть, можетъ, и ты – часть – пусть и наилучшая – природы.

М. горько посмотрѣлъ на Акеро:

– То обманъ, коварнѣйшій обманъ! Она – здѣшнее, рядящееся въ рясы нездѣшняго, созданная мнимо-нездѣшнимъ, дабы здѣшнее оставалось – милостью сна и слѣпоты – здѣшнимъ, она – мѣрный, нагло-лѣнивый бросокъ игральныхъ костей создавшаго; катятся кости игральные, а живые рождаются и погибаютъ: своею мѣрностью кости – череда рожденій и смертей – успокаиваютъ создавшаго, а превеликимъ своимъ разнообразіемъ услаждаютъ взоръ его.

– Отчего ты такъ думаешь?

– Дѣва отверзла мнѣ очи. Безъ Нея духъ мой не былъ бы рождень. Она зажгла искру и родила духъ мой, и былъ я тѣмъ пробуждёнъ, о дорогой, но оскверненный міромъ другъ.

– «...и наставила на пути неложные»: я сіе уже слышаль отъ тебя. Въ ней ты нашель премудрость и разумъ высшій. Но взгляни въ лицо Истины: кто вѣдаетъ: быть можетъ, природа силою насъ (и тебя въ первую очередь) возжелала быть впервые понятою, познанною? И именно ты – пробный ея камень въ дѣлѣ самопознанія? Кѣмъ бы она могла быть познана, ежели не вершиною творенія?

– Но тогда слѣдовало бы признать, что она оторвалась отъ путь создавшаго! Возможно ли сіе? Не слишкомъ ли она мѣрна для сего? Естественное, природное – то, что дается, а не создается, и дается, за-дается не нами.

– Быть можетъ, она прорвала свою заданность, когда творила тебя. Быть можетъ, она только того и желаетъ въ высшихъ своихъ чаяніяхъ, дабы выйти за мѣрность, согласно которой она существуетъ, а для того быть сперва познанною? Природа, дотолѣ слѣпая – нами – обрѣтаетъ глаза. Не должно её ни преодолѣвать (одолѣть её не только не должно, но и попросту невозможно), ни того болѣ низвергать; и молить она объ очахъ, алча быть прозрѣвшей.

– Я твориль свое Я – не она, не она. Я не ея орудіе. А познающій не есть ли орудіе создавшаго? Можетъ быть и такъ, что не природа, но создавшій, какъ мы вѣдаемъ отъ высокочтимой мною Дѣвы, слѣпой, возжелаль прозрѣть, что означаетъ: освѣтитъ силою лучшихъ изъ рожденных твореніе свое? Признаюсь тебѣ: если и страшусь я чего, то лишь чарь природы, но еще болѣе – стать очами создавшаго. Но приро-

да словно дѣва отдается мнѣ, когда я тщусь её познать; не въ томъ ли тонкій блудъ ея и опаснѣйшее коварство? Познаніе – ты не правъ – не есть орудіе противъ чаръ ея.

– Ты вѣщаешь о Я, но въ наиглавнѣйшемъ всецѣло до-  
вѣрился ты Дѣвѣ, увѣровалъ въ слова ея, подпаль подъ ея  
чары. Власть ея возросла въ сердцѣ твоёмъ безпредѣльно,  
безмѣрно: сіе я зрю. Быть можетъ, сказанное ею – зори лож-  
ныя. Быть можетъ, слова Дѣвы – тонкое коварство, и блудъ  
души, и обольщеніе, и прельщеніе сердца. Быть можетъ, Дѣ-  
ва зла, и ею цѣлился въ сердце твое одинъ изъ злыхъ боговъ?  
«Не увела ли Дѣва тебя по стезямъ ложнымъ»? – вотъ о че-  
мъ слѣдуетъ думать: обоимъ! Тебѣ бы стоило, быть можетъ,  
бунтовать противу Дѣвы: стала она твоею Судьбою, ибо свою  
Судьбу ты оттолѣ потерялъ. Прости за рѣзкія слова, мой до-  
рогой другъ, но я лишь ясности желаю. Я, однако, признаю,  
что милостью Дѣвы претворился ты въ то, кѣмъ сталъ: въ Ог-  
нь ярколучистый, молнійно-лазурный и багрянопылающій,  
что ты – дваждырожденный оттолѣ; и что вѣсь родъ люд-  
ской есть застывшее, окаменѣло-сонное, едино-цѣльное су-  
щество, не обрѣтшее Я, о Пламень, вечносіяющій, вечнопе-  
реливающійся и вечностановящійся.

М. и Акеро избѣгали смотрѣть другъ на друга. Акеро по-  
думалось: «Когда духъ поддается страстямъ борьбы за пра-  
вое дѣло, онъ пропитывается ненавистью. Такой вотъ пры-  
жокъ духа, измѣнившаго Духу». М. молчалъ; злобнымъ бы-  
ло лице его, но позднѣе онъ добавилъ:

– ...не только Судьбою, но и звѣздою путеводною, лучомъ вонзившая духъ, раскаленный и бѣлый, въ сердце мое и потому подвигнувшая меня на свои стези. Кореннымъ измѣненьямъ своего бытія я обязанъ не Ею вызваннымъ потрясеніямъ, но нескудящей благодати, витающей вкругъ Ея, влачащейся за Нею: какъ шлейфъ; Она и сама – благодать воплощенная. Общество Ея входитъ стрѣлою: нельзя безнаказанно съ Нею общаться; бездонность – въ очахъ Ея, бездонность – въ Ея мысляхъ; претворяешься и самъ въ бездонное – Ею. Она – безмірная купина въ пустынь: палимая міромъ, Она – свѣтозарный источникъ лазурныхъ водъ; Она – сѣверное сіяніе, далекое, какъ звѣзда, желанное, какъ вода въ пустынь. Бѣлыя слова Ея – священныя выси, неложныя, всечистыя. Она – благая вѣсть, она – вѣянье бездоннаго, она – звѣзда утренняя. И свѣтъ Ея никогда не перестанетъ! Никогда! До Нея былъ я слѣпымъ, не вѣдающимъ о слѣпотѣ своей; и се – прозрѣлъ, и узрѣлъ нищету свою, и претворился въ Огнь: милостью Дѣвы. До Нея былъ я спящимъ; и се – пробудился и возсталъ: навѣки. До Нея... И всё же мысли – единое, къ чему есть довѣріе. Мои ли онѣ, мой ли онѣ плодъ, или нѣчто Отцомъ ниспосланное, но онѣ выше міра и выше создавшего: въ томъ увѣренъ я.

– Природа покамѣстъ не раскрываетъ свои тайны. Кто вѣдаетъ, чего она желаетъ? Быть можетъ, быть познанной: нами; быть можетъ, претворить насъ въ орловъ, одиноко кружащихъ въ неземныхъ вышинахъ, дабы стремглавъ низверг-

нуться – камнемъ, – забравъ съ собою жертвы многія, – словомъ родиться, выпростаться изъ лона ея. И, стало быть, критяне не выполняютъ въ силу слѣпоты своей ея заданія, ибо вовсе даже и не выходятъ изъ лона ея, а ежели и выходятъ, то недалеко и ненадолго и вскорѣ отступаютъ во страхъ: въ материнскую утробу. А она желаетъ, чтобы мы вырвались изъ нея и пришли къ ней: взрослыми, – какъ сынъ приходитъ къ старой матери, дабы ухаживать за нею. Ты же, хотя и исшелъ изъ лона ея, не застрявши въ нёмъ, какъ всѣ прочіе, но застрялъ: въ природоборчестве. Я потому это сказалъ, что вѣдь ты самъ признался, что до встрѣчи съ Нею признавалъ: въ природѣ – дыханье существъ премірныхъ.

– Премірныхъ? – уставившись вопросительнымъ знакомъ, спросилъ М.

– Богинь.

– То-то и оно, что богинь, – разочарованно отвѣтилъ М.

– Милый юный другъ, мѣрность природы – вздохъ и выдохъ богинь. Надобно еще имѣть въ себѣ кое- что отъ богинь и отъ Матери-Земли, дабы сіе узрѣть. Не слѣпъ ли ты, М., когда уста твои порицаютъ прекраснѣйшее изъ созданий «дольняго міра» вмѣсто того, чтобы благословлять его?! – не глядя на М. спрашивалъ Акеро.

– Надобно еще имѣть въ себѣ Солнце, Луну и звѣзды (словомъ – вѣсь небосводъ, всю твердь небесную), дабы зрѣть природу: покорною Судьбѣ, какъ ничто иное, распростертою во прахъ, ибо сама она прахъ и дуновеніе, дыханіе создав-

шаго, быть может, и ритмъ сердца его. Но нынѣ коса наша на камень: его ритмъ сердца натолкнулся на мое сердцебіеніе. А я вовсе не изъ тѣхъ мудрецовъ, что тщетно тщатся разгадать его сны, будучи и сами – его снами. Знаешь ли, я ему какъ въ горлѣ кость. А на Критѣ всё это – вторьемъ отзывается: возстаніями, смѣнами царскихъ династій, страданіями, смертями, пожарами и разрушеніями. Видишь ли, чрезъ высшихъ людей, чадъ свѣта, изливаются свѣты горніе, тамошніе; изъ тебя изливается то тамошнее, то мѣстное. Нынѣ же въ тебѣ говоритъ невмѣняемость и заданность создавашаго – ты словно влилъ воду мутную въ воду Жизни; ты замутилъ источникъ; и сіе можетъ вызывать только отвращеніе у меня, вмѣстѣ съ тѣмъ всегда есть надежды на вмѣняемое, на живое, къ тому же оно не менѣе часто себя являетъ, – говорилъ М. и чуть погода добавилъ: – Поскольку я цѣню высшее въ людяхъ, то твои слова способны повліять лишь на мое отношеніе къ тебѣ какъ къ Личности, но они врядъ ли могутъ помѣнять мое взаимоотношеніе съ моими святынями, мое міровоззрѣніе, мои убѣжденія.

– А быть можетъ, надобно и самимъ стать, какъ природа: ради ея познанія.

– Нѣтъ! Она мудра, но несвободна; а ты не мудръ нынче, но свободенъ, ибо ты при мнѣ, – говорилъ М.

– Я люблю бытіе подлинное, ибо въ нёмъ и просвѣчиваетъ намъ Вѣчность, но не мечты и предположенія, выдаваемые, при томъ, за знаніе, о юный гордецъ. Мы, однако, сходимся



въ томъ, что природа есть откровение тѣхъ или иныхъ боговъ.

– Но расходимся въ толкованіи: какихъ именно боговъ.

– Да, откровение и богоявление. Нѣтъ сомнѣній: боги – въ природѣ; и природа – въ нихъ.

Безмѣрное и немѣрное изливало себя чрезъ М., снова превторившагося въ пламень нездѣшній и изрекшаго:

– Нѣтъ: никогда земля не возможетъ познать небеса; и, хотя всегда были они – на землѣ – побеждаемы землею, побѣдить ли она меня?

– Я предостерегаю тебя: не падаешь ли ты въ бездну?

– Или возношусь ввысь.

– Всѣ одно: внизу ли не то, что наверху?

– Духъ земли никогда не устоитъ предъ духомъ небесъ! И Слово никогда, никогда не станетъ плотью! Легче міру стать духомъ, нежели Слову – плотью! Никогда! Довольно! – казалось бы, глядя на небеса, но скорѣе глядя глубоко вовнутрь себя, вскричалъ М.

– Ты зришь въ небо, и небо зреть тобою. Но ты не видишь земли, и земля не видитъ тебя, – тихо добавилъ Акеро, не глядя на М. Акеро подумалось: «Можетъ статься, его Я не даетъ узрѣть очевиднаго. Кто изъ насъ узрѣвшій: онъ или я? Я мыслю целокупно – всѣмъ тѣломъ, М. – только головою. Но мы оба глаголемъ то, что видимъ; мы не лукавимъ. Но, когда говорю о природѣ, я говорю ей сообразно, ея языкомъ, а онъ говоритъ языкомъ иноприроднымъ, ей не сообразнымъ. Видимо, тысячелѣтія должны пройти, дабы выявить по-

бѣдителя, ежели его вообще, возможно, выявить». И сказа-  
ль Акеро:

– И всё же, и всё же: будь ты свободнымъ въ большей  
мѣрѣ, тяготило бы тебя земное? Ты бы парилъ надъ нимъ,  
а не стремилъ бы себя къ неосуществимому. Ибо земное не  
душило бы тебя и не рѣзало бы крыльевъ, ты обрѣлъ бы лег-  
кость небывалую. Только божество способно узрѣть потаен-  
ныя тайны ея, ибо и она есть божество; но чрезъ созерцаніе  
красы восходишь къ божеству, стяжая лучистыя его вѣянія,  
одаривающія насъ лазурью.

– Дорогой Акеро, вовсе не природа и не краса здѣшняя  
– обѣ – лишь чара злоковарнаго творца – неволить разумъ  
мой, и обѣ иномъ я слагаю думы, – помолчавъ, отвѣчалъ М. –  
Всё, мною чаемое и мною дѣемое, есть не мои чаянія и не  
мои дѣянія, но силъ иныхъ, для коихъ сердце и глава мои –  
поле брани. Мнѣ бы понять: гдѣ и когда Я есмь Я; можетъ  
ли быть Я внѣ силъ, внѣшнихъ этому Я, когда Я всепобѣд-  
но простираетъ себя, и всё не то чтобы становится сродны-  
мъ этому Я, но пребываетъ какъ бы подъ крыломъ его? Хо-  
четъ ли Неизглаголаный быть Изглаголанымъ, Непознан-  
ный – Познаннымъ? Положимъ, я нашель своего Творца, ми-  
лостью Коего есмь; быть можетъ, егда сплю – Онъ забываетъ  
обо мнѣ; и лишь только вспомнить – и снова есмь. Кто вѣ-  
даетъ? Но чего хочетъ Онъ отъ меня?

М. добавилъ послѣ паузы:

– Что природа: челоуѣкъ не менѣе мѣрень; и даже чело-

вѣкъ духа имѣеть еще отъ плоти идущую мѣрность и заданность, которая въ мѣрѣ полной и я прорвать не силенъ.

– Не является ли твоя горячая пламенность – природою?

– Ежели она была бы природою, то отчего лишь у меня она такова? – съ улыбкою отвѣтствовалъ М.; послѣ же добавилъ: – Быть можетъ, и не моя заслуга: въ неуязвимости для ловушекъ и козней Аримана, ибо то, быть можетъ, не моя неуязвимость, но ежемгновенная Воля Иного! Иного, коему стоитъ забыть обо мнѣ – на мигъ – и нѣтъ меня! Быть можетъ, иными словами, моя сила – вовсе не моя: Его. А всё, что Онъ желаетъ, сводится къ одному: чтобы мы сами себя возогнали до сознанія, что лучшее въ насъ – не наше, что не отъ міра оно сего, но отъ міра тамошняго. Мое тѣло не Я: Я – Свобода безграничная, тѣло же – ограничено, Я – сверхъ мѣры мощно, тѣло же – немошно. Оно жительствоуетъ само, по своимъ законамъ, не волею моего Я; и жительствоуетъ, отбывая службу свою точнѣе приливовъ и отливовъ морскихъ, точнѣе дуновений вѣтра безпорядочныхъ, точнѣе заката и восхода Солнца... Точно-размѣренно, ежемгновенно-творимо жительствоуетъ оно, яко Свѣтила восходь ежедневный. Но тѣло – не Солнце: азъ есмь Солнце.

– Тягаться съ тобою есть дѣло невозможное, и словеса твои, несоразмѣрныя вѣку сему, – самое невозможное и самое прекрасное, что доселѣ слышалъ міръ... – съ улыбкою сказалъ Акеро, словно покоряясь превосходству М.

– Несоразмѣрныя ни сему вѣку, ни вѣку прошедшему, ни

вѣку грядущему! – съ радостью сказала М.

Не успѣли герои сойти съ ладьи на брегъ, какъ услышали они отчаянный крикъ нѣкоего мужа:

– Ира, нѣтъ! Я на всё готовъ тебя ради, помни, только не дѣлай сего! Лучше ужъ я прыгну, но не ты, не ты!

– Поздно, Касато не любить меня, презесточно отвергъ онъ меня; онъ послѣ всѣхъ моихъ блужданій по лабиринту скорбей и бѣдъ, послѣ моихъ словесъ, послѣ признаній моихъ сердечныхъ произнесъ: «Чтобъ дѣвка какая (пусть и изъ прекрасныхъ прекраснѣйшая) претворила меня, Касато, въ ягненка? Не бывать тому. – Только наложницы, они бо суть созданія болѣе тихія», – пѣла Себѣ Иры черно-красныя свои пѣсни, но то была лебединая пѣсня ея, ибо, услышавъ грустный дѣвичій отвѣтъ, М. и Акеро услышали и тотчасъ же воследовавший за нимъ всплескъ глади морской: Ира бросилась въ море лазурное со скалы, разбившись насмерть.

Снова отъ природы, полной тиши и нѣги, вѣяла тоска. Мѣрно, мѣрно шелестѣла трава, а волны невинно забавлялися другъ съ другомъ, какъ и прежде, какъ и всегда, мирно-мѣрно ратуя другъ съ другомъ, играясь, рѣзвяся, блаженно-блещущія; ударяясь о брегъ, мирно-мѣрно свершаютъ онѣ обращенье назадъ, дѣютъ возвратный порывъ, недовольно шумя на прерванный было свой лѣтъ.

Равнодушно и безмятежно на произошедшее взирала Природа: глазками птицъ, букашекъ, рыбъ, листвою древъ. Приняла она Иру въ лоно свое. Прахъ къ праху – неизбыв-

ный законъ ея; потому не могла она, невинная въ причудливыхъ своихъ метаморфозахъ, быть удивленною, неспокойною.

«О неразумные! Какъ, какъ измѣнить ихъ?» – со вздохомъ произнесъ Акеро. М. молча отмахнулся. Сошедши на берегъ, Акеро спросилъ М.:

– Желаетъ ли ты продолжать дѣло Акая?

– Думно имъ, что дѣють нѣчто, чего свѣтъ не видываль и что способно удивить самое Вѣчность. Думно имъ, что они – не чувствуютъ, но вѣдаютъ-де: мы едины, ибо нѣчто каждымъ изъ насъ премного владѣеть, насъ много, наконецъ: потому мы правы. Погляди, Акеро: слѣпцы, слѣпцы. Стадо любить своего пастуха, но я не пастухъ стада. И слишкомъ долго пили они изъ моей чаши.

– Но вѣдь и ихъ ты цѣнишь выше жриць.

– Конечно. Но Слѣпота ими всѣми глаголетъ. Акай былъ лучшимъ изъ нихъ, хотя и не былъ инымъ, какъ я. Онъ былъ наивень: онъ вѣрилъ въ чернь; думаль: они – люди, а они – не люди; вѣрилъ: боги критскіе суть ничтожества, либо ихъ нѣтъ; не вѣдалъ: они – слуги бога всековарнаго; всѣ, опричь прозрѣвшихъ, – шуты и слуги создавшаго, развлекающіе жестокое его сердце, сколы съ ничто. О, если бы я могъ... Онъ не имѣлъ благородства души, кажущаго себя въ гордости и презрѣнїи, не вѣдающемъ состраданїя, въ презрѣнїи, кое есть высоты души свойство непремѣнное, но онъ, поистинѣ, достойнѣйшій изъ малыхъ сихъ, что зачаты низо-

стью, бытують въ низости, суетствуя, и сами суть низость воплощенная. Онъ – духъ незрѣлый – въ зрѣломъ тѣлѣ. Я же, безмирный, немѣрный и неотмирный воинъ духа, предпочту вѣчную потаенность, но въ иной жизни, я не царь черни. Слава? О ней не можетъ быть и рѣчи: она мѣрское, слиш-комъ мѣрское: послѣднее искушеніе.

– Обогати собою мѣръ, изливши на него неложные свои свѣты, о сынъ Вѣчности!

– То предпослѣднее искушеніе.

– Можетъ ли кто-либо сдѣлать ихъ свободными: кто-либо, oprичъ тебя? – спросилъ Акеро.

– Зачѣмъ?

– Лишь ты бы смогъ...освободить ихъ и тѣмъ спасти.

– Есть нѣчто въ мѣрѣ важнѣе мѣра и тѣмъ паче мира. Ратовать за престонародье не только низко само по себѣ, но еще и бессмысленно, ибо это имъ не надобно. Рабы рабовъ раба! О, истинно, истинно говорю тебѣ: вѣчно, вѣчно будутъ они, одни и тѣ же, возвращаться въ стойло: бытіе ихъ вращается по кругу – вкругъ стойла. О, зачѣмъ, идутъ они за мною, стелются какъ тѣни близъ меня? Любо имъ быть пылью подъ ногами моими.

– Ты – лучъ, ты проникаешь низкихъ свѣтами; ты зришь всё и всё вѣдаешь, но...

– ...но не мѣняю ихъ...

– О да! Веди, о, веди ихъ къ вершинамъ духа и – къ вершинамъ отчаянія, о умершій для мѣра!

– Не мѣняю, ибо души ихъ мокры. Иль и тину – не превратить въ огонь, стрѣлу и камень. Нѣтъ! Довольно! Я просвѣщаль ихъ свѣтомъ, но они – тьма – остались во тьмѣ. Но тьма еще растаетъ. Ибо прїидеть Свѣтъ съ Востока: то будетъ вѣяніемъ лазури. Реченное Дѣвою – святыня наивысшая и богатство неисчерпаемое. Нѣтъ на землѣ ученія благороднѣе, ибо оно не отъ земли, но отъ неба; оно – жало неба... Отнынѣ родъ людской раздѣленъ на многихъ и немногихъ, и прежнія ученія, ученія ложныя и злыя, жала земли, прекращаются для всего высокаго. И только для нихъ! Низкіе же да пребудутъ низкими, какъ и надлежитъ, и да пребудутъ ступенями для высокихъ. И для послѣднихъ я еще желалъ бы быть послѣднимъ, ибо первымъ для нихъ я уже былъ, хотя того и не желалъ; богомъ для нихъ я уже былъ, но не былъ червемъ; впрочемъ, на то времени нынче нѣтъ; и ничѣмъ и никѣмъ – до встрѣчи съ Нею – я уже былъ; но послѣднею моею волею будетъ: быть внѣ ихъ, – что вскорости и произойдетъ, ибо я желаю оставить слѣпыхъ. Знаешь ли, я лишь радъ тому, что они неспособны къ тому, что бездна безднѣ межъ насъ.

– Почему?

– Ибо тогда они были бы сродственны мнѣ, а я не могу быть съ иныхъ поръ сродственъ убожеству.

Вдругъ М. неожиданно, съ лукавою усмѣшкою, взялъ въ руки кубокъ, захваченный въ одномъ изъ дворцовъ, необыкновенный въ красотѣ своей, съ изображенными на нёмъ быками, играющій свѣтами на Солнцѣ, кубокъ, дотолѣ лежав-

шій въ ладѣ, и налилъ вина; и, выпивши, предложилъ и Акеро, сказавши предъ тѣмъ: «Кровь Земли-Матери не страшна для чадъ свѣта». Послѣ того какъ выпили, кубокъ осушивши до дна, М. неожиданно для Акеро изрекъ:

– Ты предашь меня.

– Никогда!

– Предашь: такова воля Судьбы. И разность межъ нами лишь множиться будетъ.

– Да минуетъ меня чаша сія! Я...мы не подъ властію Судьбы.

– Нынѣ нѣтъ. Но послѣ – будешь ты подъ властью ея...

– Но, другъ, дорогой другъ, не въ моей ли власти измѣнить Судьбу? Мы не выше ли Судьбы? – вопрошалъ Акеро.

– Не въ твоей, но только въ моей власти; не ты вершитель Судьбы своей. Либо Я, либо природа: выбирай, – сказалъ М., тяжело глядя на Акеро.

– Природа, въ лонѣ коей – я и ты.

– ...на поводкѣ коей ты. Природа – лишь часть Жизни. Жизнь стелется по міру неложно: и рѣкою изливается, и стрѣлою летитъ: мѣрно. Истинно говорю тебѣ: каковъ міръ, такова и жизнь, потворствующая всему низкому. Жизнь ниже меня: я выше міра. И знай: я буду дѣять должное быть содѣяннымъ – съ тобою или безъ тебя.

– И что же будешь дѣять, ежели ни возстаніе, ни возставшіе, ни самый Критъ тебя не прельщаютъ?

– Изгнать Время, дабы воцарилась Вѣчность, – сего лишь



алчу. Ибо всё ступени вѣковъ – и прошлыхъ, и грядущихъ – во смрадѣ Аримана – съ рѣдкими, лишь рѣдкими просвѣтами Бога Неизглаголаннаго. Молчить Богъ – вопять лишь боги.

Акero такъ же неожиданно, какъ и дѣйствіе М. до сего, рѣшительно дотронулся до руки М., то ли тщась понять, не сонъ ли всё происходящее, то ли желая познать, не призракъ ли М., имѣетъ ли тотъ кровь и плоть. М., усмѣхнувшись, отвѣтствовалъ: «Да, Акero, я имѣю плоть, но плоть не имѣетъ меня въ лонѣ своемъ: я – духъ, облаченный въ плоть, я – непреходящее, облаченное въ преходящее».

## Глава 4. Два разговора

Въ то время какъ дворцы таяли, яко снѣгъ, плавимый Свѣтиломъ весеннимъ, произошелъ – въ прерывахъ межъ сраженіями – одинъ примѣчательный разговоръ. Однажды М., вышедши изъ шатра, взиралъ на закатное Солнце, словно застывшее въ вечернихъ туманахъ, вращая думы въ мозгу. Неожиданно тьма сгустилась – и материализовалась: въ матерію и тьму, явленную: пятномъ чернѣющей фигурой. Фигура, пришедшая изъ ниоткуда, но темно-туманно явившая себя слѣва отъ М., была подвержена хаотическимъ дѣргамъ, пляскамъ; по мѣрѣ ея всё возрастающаго претворенія въ нечто оформленное, стало видно: она ужасна: несоразмѣрнымъ и безобразнымъ своимъ очертаніемъ: равно въ чер-

тахъ «лица», равно въ чертахъ «тѣла»; «тѣло» – плясало, кружилось, дергалось, не стояло на мѣстѣ, какъ будто и не вѣдая объ огромномъ, опухшемъ своемъ животѣ, но чаще содрогалось; «лицо», изъ коего безпорядочно низвергался черно-красный языкъ, – себя явило мертвымъ взглядомъ. Припахи гнили обстали героя, тотчасъ же взявшаго въ руки мечъ. Слышались: царапанье, нытье, слезы, всхлипыванье, мѣрно и непостижимо исходящія откуда-то создаи, прерываемыя раскатистыми ударами колокола, что казалось отсчитываль время непомѣрнымъ охватомъ звучащихъ нотъ – отъ громовыхъ до пискляво-режуще-высокихъ. Тьма фигуры засіяла на «лицѣ» ея, слѣпя очи: вспыхнуло «лицо» ея, – и она зачала разговоръ:

– «Ариманъ, Ариманъ, я желаю боя съ тобой! Гдѣ же ты? Ты убоялся предстать предо мною однажды и исчезъ, яко дымъ; ты – духъ трусливый. Но я уповаю, что ты предстанешь предо мною подъ сѣнью воинства твоего. Я предамъ васъ огню мѣди своей, я вспорю вамъ брюхо! А послѣ, послѣ я желаю разить и царя вашего: коварнаго всебога, создателя!» – не твои ли словеса, о юный, храбрый герой? Силами ты алкаль помѣриться въ безумной и бездумной своей вседерзости – для того воззвалъ ты къ Намъ, опьяненный безмѣрной своей мощью; но и твоя мощь – ничто: противу боговъ; она не сильна и оцарапать ни Насъ, ни нижайшихъ Нашихъ помощниковъ, слабѣйшій изъ которыхъ въ силахъ когтемъ перевернуть всю Землю! Тогда Мы не предстали тебѣ, ибо

не пришло Время. Вторьемъ твоего же гласа отвѣчала тогда тебѣ Земля; и было слышно – послѣ мнимо-великихъ твоихъ словесъ – лишь молчанье Земли-матери, и не были зримы Мы, Ариманъ, царь Мы. Могли бы Мы сказать: «На что дерзнулъ, юнецъ!», – но пришли Мы съ миромъ и имѣемъ къ тебѣ слово, ибо желаемъ предупредить тебя о надвигающейся опасности скорого твоего успенія. Оставь, оставь дѣло неосуществимое: тебѣ не побѣдить; вмѣстѣ съ тѣмъ ты – уже – заслужилъ награду. Сложи бремена свои, почій, ибо и твое многомощное тѣло подлежитъ Усталости, и вкуси, вкуси великихъ моихъ благъ: гряди со Мною, о, гряди: въ Жизнь!

М. сказалъ, гордо выступивъ къ тѣмъ, сквозь которую лучили себя беспорядочно ея облѣпившіе огни – очи Аримана, не могшія хотя бы и на мигъ задержаться ни на чѣмъ, мѣнявшія и свои очертанія, и свои мѣстоположенія на «лицѣ» его, и свои количества, равно какъ и яркость свѣченія, то затухающую, то становящуюся слѣпительной, словно Солнце, – не очи, а суетливость воплощенная:

– Да почему тебѣ знать, что я имѣю дѣять и сумѣю содѣлать, о духъ бытія, кое есть небытіе, духъ Жизни, которая есть Смерть? Что можешь ты вѣдать обо мнѣ, слѣпецъ съ очами огненными, вѣдающій лишь мычанье и мыканье? Ты не вѣдаешь, ни ЧТО есть Я, ни что оно ЕСТЬ; тѣмъ паче, не вѣдаешь ты моего Я, о морокъ!

Смѣхъ, явленный скрежетаньемъ и рокотомъ казалось бы былъ отвѣтомъ единымъ: Аримана; но послѣдній добавилъ

къ сему:

– Мы вѣдаемъ: мы – духъ. Мы – тамошняго Солнца отблескъ.

– Ты – отблескъ Солнца здѣшняго, что можешь ты знать о тамошнемъ, о духъ плоти, царь плотяной, властитель хлѣбовъ земныхъ, гораздый кормить желающихъ, а желающіе, принявъ хлѣбы, отъ того лишь болѣе голодомъ томятся? Ты желаешь, чтобы я престалъ быть тѣмъ, чѣмъ я являюся. Ради сего ты здѣсь, о сердце плоти, не вѣдающее духа. Не искушай меня, морокъ, – не трать время.

– О нѣтъ! Желаемъ лишь, чтобы ты, о великій изъ рода смертныхъ, обрѣлъ бы почести, тебя достойныя.

– Мнѣ нѣтъ дѣла до нихъ, ибо нѣтъ смертнаго, кого я любилъ бы или уважалъ.

– Быть можетъ, ты разлюбилъ одну прекрасну дѣву, которая...

– Что тебѣ можетъ быть извѣстно о Ней, о многоочитая тьма? Она – иная, ибо Она есть Свѣтъ. Она – Сѣверъ, далекій и манящій, что можешь вѣдать ты объ иномъ, о Сѣверѣ, о Свѣтѣ, о здѣшній, о югъ, о тьма?

– Мы вѣдаемъ ее – и много лучше тебя, Нашъ юный другъ. Добавлю: зрѣли Мы её днесъ съ инымъ, и онъ несравненно менѣе тебя достоинъ ея – но, кажется, не въ ея очахъ...

– Ложь! – возопилъ М.

– Пра-а-авда-а-а... – негромко, спокойно, словно нарастающій, медленно-властно отвѣтствовалъ Ариманъ.

– Ты – духъ Лжи. Что заговариваешь мнѣ зубы, о многоочитый морокъ? – тыча въ него мѣдью проговориль М. Очи его пылали.

– Мы служимъ свѣту.

– Что можешь вѣдать ты о нёмъ, тьма? – сказалъ М. и безстрашно прынулъ въ сторону Аримана съ мечомъ, тщась пронзить его, но тотъ словно растаялъ, яко дымъ.

– Ежель не вѣришь мнѣ, побесѣдуй съ Судьбою. Нѣтъ-нѣтъ, не покоряйся ей – побесѣдуй, вѣдь вѣдать – не твое ли – алканіе?..

– О чёмъ бесѣдовать мнѣ съ нею? – вопрошалъ М., стараясь выглядѣть невозмутимо.

– Она повѣдаетъ о горькой твоей участи и расскажетъ, какъ ея, участь, избѣжать. Вѣдь и горячо тобою любимая дѣва – Нашихъ рукъ дѣло.

– Нѣтъ! Никогда! Ты не смѣешь, слышишь, не смѣешь! – возопиль М., и слова его пронзили пространства стрѣлою, и сотрясалися пространства: вторьемъ его же гласа.

– Да, сказанное Нами есть сущая правда! – еще медленнѣе отвѣтствовалъ Ариманъ.

– Вѣрю и надѣюсь, что ни слова Ея, ни Любовь наша, ни дѣянія мои – не погибнуть подъ Солнцемъ. Моя же жизнь – ничто въ сравненіи съ ними.

– Дѣло твое погибнетъ: тако глаголала Намъ Судьба, – отрывисто и рѣзко бросиль богъ плоти.

Снова «смѣхъ» Аримана, леденящій душу и стелющійся,

какъ туманъ, быть слышенъ. Но вотъ вновь явилъ себя Ариманъ. И тутъ изъ одного ока его высунулась омертвѣлая, со струпиями рука; рука глядѣла на М.; и ширилась она, пока мѣсть – какъ стрѣла – стремглавъ не устремилась напрямую къ мощной выѣ юнаго героя, но тотъ увернулся, гордо усмѣхнувшись; рука пропала – какъ будто бь и не было руки. Но тутъ Ариманъ взметнулъ тьмою явленное свое тѣло, предъ тѣмъ ослѣпивъ героя «очами»; и когда послѣдній ихъ открылъ – предъ нимъ предстала Дѣва, лукаво глядя на М.; Дѣва произнесла:

– Здравствуй, юный герой, о какъ прекрасна чистая твоя наивность и духовная невинность! Помнишь, я глаголала тебѣ объ Ариманѣ, Люциферѣ, о создавшемъ, о нашей занебесной родинѣ... о боги, сколь великолѣпно сказаніе, лучшее изъ рожденныхъ Землею! Такъ услаждаетъ высшія струны души! всё это такъ возвышенно и прекрасно...

Послѣ чего обратила она страстный взоръ свой къ мужу, что шель поодаль нея и очень походилъ на Загрея, и нѣжно-величаво преклонила главу свою къ мощнымъ раменамъ мужа сего.

– Землею?! – крикнулъ М., и страшнымъ было лице его, но сквозь страшно-ярый обликъ его явилъ себя, безъ сомнѣній, и страхъ. Дѣва отвѣтствовала:

– Землею. Ибо любая мысль есть драгоцѣннѣйшій изъ плодовъ Земли. Поистинѣ: онѣ вырастаютъ изъ земли подобно деревьямъ и наливаются сокомъ словно спѣлыя ягоды, го-

товья пасть въ породившую ихъ землю: се есть высшее украшеніе міра. Послушай, М.: мысли твои суть не твои мысли, но мысли міра; я вѣдаю: ты о томъ догадывался. Знай, что это такъ, что въ этомъ и сокрыта истина, прекраснѣйшая и совершеннѣйшая изъ созданнаго Землею, роза Земли!

Она продолжила – откуда-то создади:

– Мысли – такіе же плоды земли, что и яства сіи – взгляни! – тутъ Дѣва указала на столъ изъ темнаго дерева, рѣзной и огромно-тяжелый, покрытый дивными ослѣпляюще-лазурными тканями съ узорами, въ которыхъ теряется глазъ, потрясенный и пораженный; виноградныя кисти обвивали крѣпкія ножки стола; полонъ онъ былъ золотыхъ кубковъ и кувшиновъ съ багряными искрящимися винами, стоящими близъ блюдовъ съ величаво покоившимися куропатками и прочими звѣрями да гадами морскими, что вздымались на сверкающихъ подносахъ и тарелкахъ словно живые; блистали на столѣ жемчугъ и слоновая кость: ими были покрыты тарелки; виднѣлись и обильные числомъ фрукты – и критскіе, и изъ дальнихъ странъ, и вовсе диковинные, какихъ свѣтъ не видываль. Она продолжила: – Не разумѣешь же ты яства сіи и питія, коимъ позавидоваль бы любой богъ, любая богиня, выдуманнми? Отпей же и вкуси хлѣбовъ! Пей во здравіе!

М. вопреки мелкому благоразумію безстрашно отпилъ; буйство всѣхъ критскихъ луговъ да лѣсовъ ударило въ голову въ причудливомъ переплетеніи съ незнакомыми, неизвѣданно-божественными ароматами, способными даровать празд-

никъ и самой мрачной, разочаровавшейся во всёѣ душѣ; взоръ его – но не умъ и не духъ – было помутился; онъ послѣ нѣсколькихъ мгновений сего замѣшательства словно оборвавъ самого же себя, чувствованія души своей, молвилъ:

– Что жъ, ежели это всё и такъ... безразлично... въ томъ моя воля, чтобы прежнія, а не нынѣшнія, слова твои были истиною... знай же, я приложу къ тому всё силы! Ужели ты не зришь всю мерзость міра? – говорилъ онъ, лице его было печально, и въ раздумьи онъ снова отпилъ изъ кубка и добавилъ къ сказанному: – Ты знаешь, я любилъ и люблю: Дѣву прежнюю; а тебя и знать не хочу!

Въ гнѣвѣ выхвативъ мечъ, во мгновение ока онъ пронзилъ Дѣву – и не стало: Дѣвы, стола, мужа... Но вскорѣ – многочисленными свѣтами – явилъ себя многоочитый Ариманъ. М., храбро глядя въ неудобозримыя глубы Аримана, рекъ:

– Чего ты хочешь, тьма? Пиръ горой, лучшія вина льются рѣкою, – это алчба сброда именемъ челоуѣчество, счастье коровъ: этимъ удумаль меня прельстить? Наивный, искушенія твои суть ничто для меня, ибо я возложилъ плоть на алтарь духа. И коли нѣтъ Того, Неизреченнаго, коли и горняго нѣтъ, то буду жить какъ жилъ и учить о томъ, о чёмъ училъ!

Ариманъ взметнулся и, казалось бы, пропаль, но тотчасъ же возвратился, снова ослѣпивши героя хаотическими дѣргами свѣтовъ, и гласомъ скрежещущимъ, раздвоеннымъ, словно языкъ змѣи, прошипѣлъ, и сквозь величаво-неспѣш-



ное его шипѣнье сочилось ядовитый смѣхъ:

– Ничто не измѣнить Судьбу: ни твою, ни мою!

– Даже если сіе есть правда... пусть такъ... дѣло мое... ненаспрасно... оно будетъ жить въ сердцахъ немногихъ, – ослѣпленный свѣтомъ и оглушенный шипѣньемъ, перебарывая себя вновь и вновь, щурясь и прикрывая дланью очи, отвѣтствовала М.

– Что Намъ и что міру (а Мы есмы міръ) до немногихъ, ибо міръ стоитъ многими. Ты чуждъ Намъ. Не Мы создали тебя, но Иной – Тотъ, Кого алчешь ты всего болѣ, Тотъ, Кому зываешь, моляся, Тотъ, Чьимъ голосомъ ты глаголешь съ иныхъ поръ, когда смѣнилъ ты кожу и языкъ, думая и нынѣ, что то – твой голосъ, Тотъ, кто влагаетъ въ тебя мысль, когда думаешь, что то – твоя мысль. Ты узришь Его: по великой Его милости.

И духъ небытія ринулся: въ небытіе: Ариманъ удалился столь же внезапно и непостижимо, какъ и возникъ, какъ и исчезли давеча – словно дымъ – и яства. М. сознавалъ, что коли явился Ариманъ, то вскорѣ явится и иной, болѣе опасный, по слову Дѣвы: Люциферъ. М. стеръ стекавшіе поты съ лика своего и, глядя за окоемъ, въ безконечныя дали, возгласилъ:

– Судьба, желаешь ты, дабы предвѣчная твоя сестра – Смерть – забрала меня къ себѣ, и я лишь одно могу молвить на извѣчную твою дерзость: еще ничего не кончено, тебѣ не осѣдлатъ меня, я скорѣе самолично освобожу себя изъ брен-

ной оболочки, нежелъ дамъ тебѣ сердцеви́ну Я: Себѣ – твоя, Я – мое. Я буду стяжаться съ тобою одною рукою и спиною къ тебѣ вставши. Ахъ, бытіе мое горько: какъ соль.

Тьмою облекался день, сгорѣвшій въ потокахъ временныхъ. Медлительно-неспѣшно ступала по небосводу Луна. Туманъ всевластною чарою стелился по землямъ добрыхъ. М., оглядѣвъ пространства, собрался было итти въ шатеръ, но тотчасъ же – созади него – молнійнымъ маревомъ всё прорѣзалъ свѣтъ, бѣлѣйшій паче Солнца, яко звѣзда, падшій съ небесъ. Нуллионы лучей облили-ослѣпили-пронзили судьбоборца, и свѣтъ осіялъ всё теми и тѣни и нутро ихъ. Холодъ ужаса объялъ М. Гласъ неотмірный возглаголалъ величаво-неспѣшно:

– Радуйся, величайшій изъ уже рожденныхъ и еще-нерожденныхъ. Ты родился на земли, но черпаешь Себя изъ божественнаго Ничто, откуда и Я родомъ, и милостью Ничто Ты – еси. Міръ – лишь Тѣнь, бросаемая лучомъ Солнца: Меня. Лучъ изливаетъ свѣтъ свой отъ полноты божественной, но свѣтъ его не доходитъ нынѣ до міра. Зачѣмъ, зачѣмъ всего Себя Ты тратишь на бранный сей міръ, и, будучи бессмертнымъ, съ мечомъ ты бродишь среди тѣней, среди смертныхъ, зловѣщъ, какъ богъ? Онъ – поле испытаній и лишь этимъ цѣненъ; но ты переросъ его, тебѣ онъ малъ безмѣрно. Вѣдъ вѣруешь же Ты въ горніе предѣлы? Зачѣмъ желаешь Ты тѣни убѣлить? Ты уже, уже содѣлалъ смертному не дозволенное, мѣру человѣческую превзошедши, о всё предѣлы побо-

ровшій! Такъ зачѣмъ и понынѣ пребывать въ дольнихъ сихъ предѣлахъ? Ибо вѣдаешь Ты, ЧТО есть Я: Ты первымъ сіе позналъ, никто не зналъ Я, никто не имѣлъ Я, ибо лишь Ты моимъ пречистымъ созданъ духомъ: по образу моему и подобію. Вся земля внемлетъ шествию твоего Я, первому изъ рожденныхъ. Тебѣ лишь плоть чинить великія помѣхи, око-вы налагая: Себѣ препятствуетъ твоему Я. Но вѣрь мнѣ: такъ было, нынѣ – иначе! Себѣ всё не смирится, что она несравнимо ниже Тебя, что уже ее Ты поглотилъ: своимъ Я. Ей, воззри: твое Я каплетъ, струяся... – и тутъ Люциферъ указалъ на пылавшій багромъ небосводъ. – Ты – Солнце лучезарное, а Солнце – это Ты. Истинно говорю тебѣ: Солнце – это ты; того болѣ: оно – лишь тѣнь твоя. О Твоемъ Я вѣдай: не Я есмь всё, но Я есмь всё. Потому Ты – еси. Егда глаголешь Ты «Я» – Ты еси Я, и Азь есмь Ты. Не принуждай себя глаголатъ «Ты – еси», глаголь въ сердцѣ своемъ «Азь есмь»: ибо тѣмъ Ты и себя, и Меня славишь: во вѣки вѣковъ, слышишь, во вѣки вѣковъ.

Свѣтъ, бѣлѣйшій паче Солнца, вдругъ смолкъ на мигъ, принуждая М. обдумать сказанное. Вѣтеръ немѣрными и неумными своими порывами ласкалъ М., вселяя спокойное осознаніе собственной власти: надъ всѣмъ сущимъ. И вскорѣ снова явилъ себя духъ сей, продолживъ свою рѣчь: нестерпимо-яркій потокъ лучей-молній снова ослѣпилъ-оглушилъ М.; черно-красное слышалось въ рѣчахъ духа сего, хотя и выдавало оно себя за лазурь:

– Не гряди ни къ Богу, ни тѣмъ паче къ богамъ злоковарнымъ: стань богомъ самъ. – То было Твоею заповѣдью, Твоимъ обѣтомъ, Твоею цѣлью сокровеннѣйшею. Поистинѣ: Ты сталъ имъ: нынѣ. И если создавшій пронзилъ сей міръ мнимою своею любовью, то Ты пронзилъ его своею всеблагою, свѣтозарною ненавистью. Поистинѣ: Ты болѣе высокое созданіе, нежели Ты самъ мыслишь себя. Въ величайшемъ преодолѣніи Себя Ты превосходишь Себя Свою, рождая молнію – Я. Ты не созданіе, но самъ творецъ: своего Я, которое уже, уже объяло нижераспростертый міръ, лежащій во прахѣ (ибо міръ есть прахъ). Ничего нѣтъ надъ Тобою: Ты – предѣлъ неба, глава и сердце твои – въ занебесныхъ высяхъ. Въ грядущей Сѣчѣ Ты не потеряешь, но обрящешь себя: въ еще большей мѣрѣ. Никакого промедленія, усладъ, роздыха, – всего того, къ чему влечетъ уставшая, слабая плоть! Воистину: Ты – это Я. Но отрекись отъ Меня во имя Мое: тогда Ты обрѣтешь вящее Я. Отрекись!

Не успѣлъ М. и уста отверзнуть, какъ во мгновеніе ока исчезли свѣты и растаяли во тѣмѣ (и, быть можетъ, милостью тьмы). И наполнили его слова сіи великою гордостью, и возрадовался онъ въ сердцѣ своемъ. И М. возгласилъ, словно облаченный въ Огнь:

– Благородство твое безгранично и непримѣрно, о Высочайшій.

Да не предамъ Я сердце Свое ни въ руцѣ создавшаго, ни въ руцѣ иныхъ боговъ, извѣстныхъ или же неизвѣстныхъ!

Да не буду Я творить волю ихъ своими руками, ибо желаю творить Свою Волю!

Ха! Неисповѣдимо удивиль Я всѣхъ обитателей сферъ надмірныхъ.

Ибо Азь есмь Волкъ, а не агнецъ.

Во Мнѣ во стократъ мощнѣе Воля, нежели въ васъ, о силы мірозданія, о силы мѣрныя отъ вѣка и до вѣка, косныя и женственныя.

Воля Моя въ томъ, что возжелалъ Я не тиши да глади да божьей благодати, критской и доброй, круглой и вьющейся, волнообразной и мѣрной, но смуть, бурь и величайшаго мятежа: не сего возстанья черни, но мятежа вовсе иного; возстаніе черни – лишь ступень моего восхожденія. И я испытую Свободу свою до дна ея. Ибо жизнь смиренная, всеблаженная, не для меня: тамъ нѣтъ Свободы, есть лишь Счастье; но къ чему оно (хотя мною заслужено оно сполна), егда не чую вѣяній матери моей: Свободы?

Суда надъ Мною не будетъ, ибо сужу Я Самъ. Ибо Азь есмь Судія.

Внемлите мнѣ, о всѣ концы земли! Ибо Азь есмь стукъ Судьбы въ дверь всякаго соломеннаго шалаша, именуемаго бытіемъ человѣческимъ, и дома на пескѣ, и всякой ползущей распростертой во прахѣ твари: ибо я прошелъ стезями Гордости и дерзновенія; ибо азь есмь Огнь, поядающій теми; азь есмь Вѣчности остріе, и Свобода есть причина свѣтлыхъ моихъ дѣяній.

Я и Моя тѣнь, возрадуйтеся же: Я гряду на Брань! И да възыграеть радованіе въ чревѣ вашемъ!

Ибо Я желаю конца сна именемъ жизнь: я отдалъ себя Вѣчности.

Грядушія побѣды я посвящаю Тебѣ, о Дѣва. – Я желаю сладкихъ, какъ кровь, багряныхъ твоихъ усть, и – конца бытія, дѣемаго моею десницею, о Звѣзда утренняя, источникъ огня, крѣпости, дерзновенія, всесвѣтлая!

Такъ сказываль М. То было моленіемъ своему Я, что было ему дороже всѣхъ царствъ земныхъ, сливавшимся съ моленьемъ Вѣчности, и было оно словно огонь, извергаемый огнемъ поядающимъ: то – лазурное Слово. Низвергался мракъ свѣтомъ и отступаль, побѣжденный, бѣлизна вспыхнула, но множился мракъ иной: упадывало дольнее (оно – мракъ), и бытіе погружалось: во мракъ: тьмою облекался догорѣвшій день. Но вотъ уже блѣднѣла ночь, и вспыхнула ежеденнорождающая утро и свѣтъ Денница-звѣзда: необычайно и небывало ярко.

Гордость сія была въ нѣмъ и далѣе, однако, радость ежеденно-ежечасно умалялась, истаивала, словно мало-помалу исторгаясь изъ него, уступая мѣсто злобѣ на міръ и мірское, великой, еще большей, презрѣнію къ нему и черно-багряной ненависти, и безпросвѣтное множилось. Великая злоба сія скрывала отъ М. его же досаду.

Во дни послѣдующіе М. пребываль въ престранномъ состояніи души: озлобленная презрительность не покидала его

лица, отпугивая и внушая неприязнь уже и въ каждомъ возставшемъ; позабывши о пищѣ, о водѣ и о снѣ, бродиль онъ гордо, но отчего-то глядя больше въ землю, а не въ небеса; казался тѣнью самого себя. М. чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе сражался. Лѣниво слѣдилъ за возстаніемъ: со стороны. Гордость его страдала всё болѣе отъ самого вида возставшихъ и критскихъ братьевъ. Какъ-то молвилъ онъ тихо, въ сторону, но сквозь зубы, – не то по отношенію къ возставшимъ, къ соратникамъ, не то къ братьямъ критскимъ, не то къ тѣмъ и другимъ: «Поистинѣ сверхчеловѣческое мужество овецъ, примѣривающихъ шкуры волковъ; но на Критѣ есть лишь одинъ Волкъ – Я; всѣ прочіе суть овцы, а самый Критъ – загонъ для овецъ, кошара, прахъ у ногъ моихъ. Видѣть тебя, тебя и всѣхъ прочихъ тебя – растоптаннымъ создавшимъ – прелесть куда большая, ежели были бъ вы растоптаны мною». Въ тѣ дни, бывало, слышалось: «Пророкъ Гордыни черной и злобы страшной», «Лучше бы ты претворялъ камни въ хлѣба, исцѣлялъ раненыхъ и воскрешалъ бы мертвыхъ»; «Спаси насъ отъ самихъ себя, отъ нескончаемыхъ нашихъ желаній, отъ чесотки плоти, какъ училъ ты, – пусть твоя, говорю, премогучая воля возьметъ сіе на себя, всё сдѣлаетъ сама, ибо только ей, говорю, то и по плечу; или же дай намъ дары, дабы быть сытыми, ниспошли хлѣба! Ты, говорю, съ небесъ спустился: тебѣ ничто не надобно, а мы, говорю, немощные». Иные уже было хотѣли видѣть иного предводителя возстанія, особенно послѣ бездѣйствій М., его про-

маха какъ воеводы въ послѣдней изъ сѣчь и нежеланія сражаться. Кто-то изъ возставшихъ тогда бросилъ ему въ лицо, поддерживаемый товарищами: «Пророкъ Ненависти черной». На что М. понуро, обезогненно молвилъ – всѣмъ на удивленіе: «Пусть такъ. Но рождена она Любовію». Однако иные изъ возставшихъ втайнѣ отъ М. держали совѣтъ, на которомъ рѣшили: лучше сражаться съ М. и дѣлать видъ, что М. по-прежнему предводитель возстанія, ибо безъ толикаго воителя – пораженіе неминуемо постигнетъ ихъ, и крахъ, и скрежетъ зубовный.

На слѣдующій день можно его было застать, словно говорящимъ съ самимъ собою; ходилъ онъ по кругу – вокругъ шатра, снова глядя наземь, и велъ рѣчи диковинныя: «Сражаться – только съ богами. Не съ людьми... чѣмъ больше плоти, тѣмъ меньше духа; чѣмъ больше духа, тѣмъ меньше плоти... защищать свою честь ниже моего достоинства...»; «Я не столько побѣдитель, сколько не-проигравшій...»; «Я не только пламя, но и вѣтеръ для пламени... Я – Начало и Конецъ...»; «Дышать съ ними однимъ воздухомъ – уже пораженіе... Свинарникъ и выгребная яма: именовъ Критъ... но выше борьбы и роскоши разрушенья – презрѣніе»; «Земное – подъ моею пятой... мое небо... не зреть... да не зреть ни-жераспростертое...»; «Размежеваніе – со всѣми и всѣмъ, переоцѣнка всего и вся – означаетъ: смерть въ жизни и жизнь въ смерти»; «Тьма, лишь тьма мною зрима... Вѣчно, вѣчно непобѣжденный... Существуетъ ли на землѣ боль, способная



меня сокрушить?..Я избралъ Свободу: свою женою...благодаря самому себѣ... подлинный вершитель своей Судьбы...Мнѣ подобаютъ почести. Но гдѣ же почести?». Послѣ сихъ словъ вдругъ выхватилъ онъ мечъ изъ ноженъ и исторгъ душу слугѣ, шедшему на свое несчастье въ шатерь, что вызвало немалое возмущеніе среди возставшаго люда. Но онъ какъ ни въ чѣмъ ни бывало продолжалъ: «Проклятье не въ томъ, что создавшій солнцемъ глядитъ на меня и во вѣкъ не укрыться отъ взора его, ибо я и не желаю укрываться отъ него, и даже не въ томъ, что вѣтеръ и зной подслушиваютъ слова мои: пусть! Въ томъ бѣда, что создавшій – вѣтромъ и зноемъ – убаюкиваетъ меня; я вызвалъ зависть у слѣпота бога, и онъ словно нашель средство противу меня, но не утонуть мнѣ въ пѣнѣ земной»; «Къ чорту! міръ – лишь тѣнь, прахъ и сновидѣніе, скоро, скоро преидеть и онъ, ибо во мнѣ столько огня, что поистинѣ его хватить, дабы сжечь міръ дотла; того болѣ – жечь своимъ Я вѣка – прошлые и грядущіе; глядите: пламенный мой языкъ уже лижетъ ихъ, подпаливъ!»; «Убогіе, ваше убожество вопіетъ къ небесамъ...мрачное мое пристанище... мое Я – крестъ, который придавилъ собою вѣсь Критъ...Нынѣ я ненавижу и самое Любовь...»; «Я – самая Тьма, явленная Свѣтомъ. Или же – Свѣтъ, явленный Тьмою?».

Въ тотъ мигъ подходилъ къ шатру и иной, съ глазами не то какъ у коровы, не то какъ у козла, едва могущій скрывать волненіе свое и страхъ, повергшійся ницъ и послѣ сказав-

шій, часто заикаясь: «Вождь! Войска Касато приближаются къ холмамъ, по слову нашихъ лазутчиковъ. Черезъ день-два будутъ они здѣсь. И войска супостата оказались болѣе велики числомъ своимъ, на четыре-пять сотенъ. Среди нихъ египтянъ уже болѣе половины». На что М. бросиль, внезапно и рѣзко: «Никто! Никто не смѣетъ ни порицать меня, ни со- вѣтовать мнѣ, ни пѣть славословія! Недавніе пораженія... да что вы вѣдаете о нихъ? На мнѣ вся тяжесть, азъ дѣю, а вы – монета размѣнная, подите прочь! Я и Волею, и прочимъ могучій безпримѣрно, о вы, въ очахъ чьихъ Надежда горить синимъ пламенемъ, Я, лишь Я возмогъ уклоняться отъ частыхъ твоихъ стрѣль, о Судьба, старая карга, кости бросающая. Я несу бурю, небеса раскалывающую; болѣе того: Азъ есмь буря, молнія и громъ; побѣдоносный, Я танцую на громовыхъ тучахъ, за мною слѣдующихъ, и ниспадаю стрѣлою внизъ, топя въ крови всё низкое: Смерть несется къ вамъ. Породилъ Я вихрь иглъ незримыхъ, сердце врага поражающихъ. Громы и молніи уготоваль Я вамъ, тщедушные!».

Слышавшіе его ужаснулись яраго его слова и во страхѣ удалилися вонъ, тщась не попасться ему на глаза. Послѣ М., осіянный злобою, взявши въ руки лукъ и натянувши тетиву, безмолвно металъ цѣлое море пернатыхъ въ небеса, угрожая богу расправою, тщась его поразить. Натягивая всё новую стрѣлу, готовую вонзиться въ самую плоть неба, въ самое сердце его, онъ приговариваль, оскаливъ зубы, – на сей разъ тихо, какъ бы про себя: «Мнѣ дано то, что не дано чело-

вѣку? Нѣтъ, не дано, не было дано, какъ и всѣмъ. Я даль себя это: изъ самого себя, для себя, во имя свое. Пока еще только почки, первые всходы. Будь проклять! Но ты уже проклять! Нынѣ – нѣтъ препонъ; нынѣ я побѣждаю и тебя, о Ариманъ, и твоего всековарнаго всецаря: создавшаго. Побѣды... лишь начались, ибо всѣ бывшее – лишь тѣнь побѣдъ грядущихъ. Да, слышишь? Сіе – лишь начало и тѣнь грядущихъ побѣдъ: я еще покажу, что – самое малое – не слабѣю. Никто не силенъ бросить мнѣ вызовъ. Я заставлю тебя отвѣтить: я буду метать стрѣлы мѣдныя и стрѣлы словесныя, пока ты не отвѣтишь, ибо ты уже проигралъ, я еще буду держать рѣчь съ тобою, даже ежели ты уже мертвъ, ибо я желаю, чтобы ты самъ признался бы мнѣ въ томъ, что ты проигралъ и что ты мертвъ. Ибо я желаю услышать это, слышишь, о трусливый! Всѣ сказанное нынѣ – первое трезвое осознаніе».

День тотъ былъ подобенъ закату, ибо багровѣль кровавыми блесками, словно рубиновою влагою сѣчи, неотвратимо-грядущей. Казалось: пятна крови растекались по небосводу.

И – впервые со временъ посѣщенія его души двумя богами – забылся онъ сномъ, но и во снѣ жаръ войны не покидалъ его, и во снѣ черно-красные ужасы дѣяль онъ. Снова возсіяла на бѣлѣющемъ небосклонѣ Денница-звѣзда: ярче обычнаго.

На разсвѣтъ дня новаго, купаясь въ огневѣющихъ лучахъ всеразящаго свѣтила, онъ словно и самъ лучился пламене-

мъ несвѣтлымъ, блестящимъ, мутновато-немѣрно-мерцающимъ, будто оно сожигало и изсушало его: въ пламень облекся Пламень; и казалось: ликъ его чернѣлъ на фонѣ красноватаго блеска огня; черно-красное множилось. А послѣ стекало съ него: не-мѣрно. Лучась Ненавистью, подъемля десницею мечъ и потрясая имъ, онъ возгласилъ – предъ началомъ послѣдняго боя:

– О тьмы вѣковъ, плачьте и сотрясайтесь во страхъ, ощутивъ соленость и пряность бытія моего; поистинѣ: покажется оно вамъ острою нестерпимою и горечью, ибо дано вамъ испытать мечъ мой изнутри и выпить чашу гнѣва моего: до дна. Я положу Конецъ... Я предамъ всё мраку, который есть Свѣтъ! Пусть страсть – всего лишь единственный способъ прикрыть убожество дольняго міра, но сіе – страсть вовсе иная; она много, много выше и безстрастія. И да рыдаетъ земля и земное! Я положу Конецъ – ночи именемъ день и водворю день именемъ ночь!

Такъ возгласилъ онъ, и былъ его гласъ словно пѣніемъ стрѣлы, разсѣкающей аэры. На небосводѣ явилъ себя облакъ: словно лабрисъ, но болѣе походившій на ангела и на... крестъ – точно совершалось крестное знаменье въ небѣ.

Можно задаться вопросомъ: почему М., кажется, впервые послѣ произошедшаго возжелалъ битвы, а презрѣніе его къ возстанію словно растаяло? Намъ представляется, что М. то ли нѣсколько отошедши отъ безумія, но, скорѣе, пребывая въ нёмъ, увидалъ въ грядущей сѣчѣ: Сѣчу, послѣднюю Сѣчу,

кою алкаль онъ съ иныхъ поръ, и, кажется, соединялось въ ней желаемое и дѣйствительное.

Возглавить битву, не возглавляя ее на ладь военачальниковъ обычныхъ, ковать побѣду силою духа, используя оружіе лишь какъ средство, второстепенное и вспомогательное, для М. было вполнѣ возможно. – Такъ казалось ему.

## Глава 5. У-бытіе: сквозь тучи стрѣль

*Повремени, мгновенье, ты, прекрасно!  
Гете*

*Настя. Значитъ, ты хочешь по-прежнему шумѣть безъ толку и безъ пользы?*

*Гецъ. Да, безъ пользы. Безъ пользы для людей. Но что мнѣ до людей? Богъ слышитъ меня, и я терзаю его слухъ, этого съ меня довольно. Богъ единственный достойный противникъ. Есть богъ, я и прочія тѣни. Этой ночью я распну бога, убивъ тебя и еще двадцать тысячъ; страданіе господя безконечно, а стало быть, безконеченъ тотъ, кто заставляетъ страдать. Этотъ городъ будетъ сожженъ, господь объ этомъ знаетъ. Ему сейчасъ страшно, я это чувствую. Его взглядъ прикованъ къ моимъ рукамъ, его дыханіе касается моихъ волосъ, его ангелы плачутъ. Онъ, словно простой смертный, говоритъ себѣ: можетъ быть, Гецъ не осмѣлится. Плачьте, ангелы, плачьте – я осмѣлюсь! Сейчасъ я выступлю вопреки его страху и гнѣву. Этотъ городъ вспыхнетъ пламенемъ; душа*

господня – галерея зеркалъ, и отсвѣтъ пламени повторится въ нихъ миллионы разъ. Вотъ тогда я буду знать, что сталь настоящимъ чудовищемъ. (Францу.) Мою шпагу!

<...>

Генрихъ. <...> Если хочешь заслужить адъ, достаточно не выльзати изъ своей кровати. Миръ несправедливъ; разъ ты его приемишь – значитъ, становишься сообщникомъ, а захочешь измѣнить – станешь палачомъ. Ха! Земля смердитъ до самыхъ звѣздъ!

**Сартръ**

Потоки войскъ – какъ лава багряная и какъ туча, огромно-тяжелая и темная. Несмѣтныхъ полчищъ громная громада – отъ окоема до окоема. Души, объята всеразящимъ пламенемъ, и страхомъ, и ужасомъ. Ужъ не одинъ часъ гуляютъ по ратному полю не сытые еще мечи, прорезываютъ аэръ блески яркожалой мѣди, рѣзвящейся въ купающемся въ лазури Солнцѣ, головы летятъ и низвергаются во прахъ тѣла, сей прахъ земной, конскій топотъ да ржанье слышны, стрѣлы жужжать, словно пчелы подлѣ улья, крики человѣчи прорѣзаютъ слышимое и видимое, безумѣть отъ нихъ всё живое, и безъ того уже обезумѣвшее, – красивыя, вольныя многоголосыя пѣсни для храбрыхъ и страхъ божій для трусливыхъ. Кипитъ битва, гуляетъ яръ по полю и ширится зло. Кони – какъ вихри – тѣснятъ возставшихъ, пѣшихъ топчутъ; въ пыли отъ нихъ Критъ; вотъ и оставшіяся еще колесницы крит-

скія врѣзаются въ разстроєнные, было уже дрогнувшіе ряды соратниковъ М., алча разсѣять ихъ; рѣдѣють ряды ихъ. Но вотъ бросаетъ М. взятое по случаю копьѣ – и прерываетъ оно полетъ колесницы, будучи ввергнуто въ ея колесо; а колесо то – какъ крестъ: изъ четырехъ спиць оно, слагающихъ собою крестъ. Обращаются въ бѣгство иные изъ несмѣтнаго множества братьевъ критскихъ, облекшіеся страхомъ. Багряное зарево догораетъ, и пока не заступаютъ еще свинцовыя сумерки. Солнце – какъ кровь, и кровь – какъ Солнце. Множатся числомъ поверженныя. Гаснетъ всё. Непробудно-покойно спятъ иные павшіе; иные застыли навѣкъ, объята ужасомъ, страхомъ и болью. Темными крестами выются хищныя птицы надъ полемъ-могилою, жалобно клекоча.

\* \* \*

Критъ ожидалъ судьбы своей.

Положеніе возставшихъ, брошенныхъ на произволь судьбы, становилось всё болѣе и болѣе отчаяннымъ. Многіе во страхъ бѣжали (среди прочихъ бѣжалъ и Акеро, не попросившись съ М.); среди народа были въ ходу толки о концѣ міра: иные приговаривали: «Послѣдніе дни, дитятушки!»; «Горе-гореваньице». М. былъ не въ силахъ сохранить войско; болѣе того: едва ли желалъ того; онъ былъ во власти мыслей иныхъ. Мы, однако, остановимъ вниманіе читателя на одномъ событіи послѣдней битвы между возставшими и

объединеннымъ воинствомъ, большую часть котораго теперь составляли не критскіе братья, но многочисленныя наемники изъ Аххіявы и части постояннаго воинства египетскихъ друговъ Крита. Битва, кипѣвшая мужествомъ отчаянія, – не битва – рѣзня! – была неравною, а потому, упорною, звѣрскою, лютою: бились съ остервенѣніемъ, пополняя каждый мигъ потоки кровей, лившихся на землю-матерь. И хмельла земля: отъ крови павшихъ, несчетныхъ числомъ. Вбирала въ себя соки эфемеридъ. И была земля поля брани – словно рубинъ – багряна.

Оставшіеся – подлежащіе Смерти самою Судьбою – сражались съ яростію львовъ, обреченныхъ на смерть; никакого толкомъ порядка, никакихъ построений и ухищреній; на остріе оставшихся былъ М., котораго враги называли «Бичъ Небесъ», либо же «Гнѣвомъ Матери», и котораго, какъ считали, нельзя убить; ибо сражался онъ, хотя и съ мастерствомъ великимъ, но больше съ отвагою безумія, бросаясь – молніей – на непріятеля; и, хотя и билъ онъ молніею и былъ ею, предсталъ непріятелю тѣнью, грозной и мрачной, темью: вновь и вновь уворачиваясь отъ грозящей ему гибели, М. разилъ цѣлыя тьмы войскъ супостата, роємъ обставшихъ его и его войско, сражаясь бездоспешно, что лишь вселяло пущій страхъ въ непріятеля. Удары его были мѣтки, но всё чаще пропускалъ онъ удары, словно онъ не видѣлъ противника (или не желалъ его видѣть), но удары эти лишь раззадоривали его, и оскаливалась всё болѣе и болѣе улыбка звѣря: ране-



наго звѣря. Безвозвратное – словно вопль отчаянія – парило въ аэрѣ; рыдали перстные и о сгибшихъ, и о самихъ себѣ. Возставшіе были въ безвыходномъ положеніи – возставшіе, но не М.

Убиенные критскіе и не только критскіе братья пополняли своими тѣлами плотяную гору возлѣ М., бывшаго молніей и лезвіемъ всего войска возставшихъ – словно спѣлые, налившіеся и отъ того уже уставшіе колосья, клонящіеся долу отъ тяжести собственной, валились наземь непріятельскіе ряды возлѣ героя юнаго, бывшаго серпомъ сей брани: серпомъ, срѣзающимъ жатву будто въ осеннюю страду. – Олицетворенною Смертью Крита былъ онъ. – Се подъемлетъ онъ мечъ, бѣлѣющій паче снѣга: мечъ его – словно солнце и словно молнія. И мечеть молніи мечъ его, предрекая землѣ поражение! Бьетъ молніей – въ тучи непріятеля, покрывшія земли критскія, и дрожитъ земля! Не чуялъ онъ ранъ, ибо на каждую рану отвѣчаль одной-двумя дюжинами низвергнутыхъ во прахъ супостатовъ; силы не покидали его; каждая новая рана лишь раззадоривала М., величайшаго воителя и – на удивленіе – духовидца. Сумерки сгущались, покрывая тьму сѣчи. Бился М. – неистовствуя во брани – съ яростію, глядя на которую едва ли можно было подумать, что она можетъ хотя бы и когда-либо истощиться; не повѣрилось бы и во снѣ, что сыщется въ мірѣ или за міромъ такая сила, которая пересилить волю М.! На какія уловки и старанья пришлось бы пойти создавшему, дабы создать равновеликій

противовѣсь! – Ужась глядѣль ликомъ М.: ужась для всего живущаго, для всякой распростертой по бытію твари.

Начальникъ пѣхоты, пустоглазый и пузатый, съ высокимъ голосомъ, безбородый (какъ и полагалось мужамъ знатнымъ) – нервически не стоя на мѣстѣ и потирая потныя руки – подумаль про себя, отчаиваясь пересилить и побѣдить: «Неужто онъ и въ самомъ дѣлѣ духъ злой, какъ о нёмъ и говорятъ наши? – Непобѣдимъ! Непобѣдимъ и всепобедень! Не устоять намъ противу толь пламенной воли! Когда, когда, о Мати, взойдутъ сумерки надъ бытіемъ его?». Тихо, но уже вслухъ, прибавиль онъ къ сему и пару неудобь-сказуемыхъ словъ, стоя созади своего войска, будучи имъ схоронень.

Но вслухъ, ободряя чернѣющія свои рати, изрекъ громогласно, размахивая вправо-влѣво мечомъ:

– Если на то будетъ всесвятая воля богинь и ихъ слуги высочайшаго – Касато Мудраго, мы не токмо узримъ, но и кончимъ съ побѣдою – величайшую войну, кою знаваль Критъ. Бей въ самое сердце скопища злоумышленнаго, злокозненнаго, оно уже смято и разстроено, слышите? – оно почти разбито! Рази врага; воззрите – онъ уже обратился въ бѣгство! Ибо всё предвѣщало сумерки его! Осталось претворить догорѣвшія сіи сумерки въ ночь! Глядите – она уже заступаетъ! Наступай рядами неразстроенными на войско разстроенное, розни его еще болѣ! За-а де-е-ржа-а-аву!

Такъ тщился воевода критскій поднять духъ своей рати, но она не обладала духомъ, а духъ – ею.

Тѣмъ временемъ въ прерывѣ сраженія тыча мечомъ въ Солнце, словно оно сулило помощь братьямъ критскимъ, и разразившись громогласнымъ смѣхомъ, который ужасающимъ сердца вторьемъ отдавался по всей землѣ, М., прегордо поднявши главу (да такъ, что на мигъ потерялъ изъ виду землю критскую и на ней происходившее), торжествуя надъ всѣмъ сущимъ, рокотомъ рекъ – неизбывно-страстно, но при томъ молнійно-скоро, глухо, но отъ того не менѣе громно: «Миръ уже возлегъ къ стопамъ моимъ – но что толку? Верховная моя воля – содѣять Исходъ, и се – его начало. Мною всё обратится въ прахъ, но не я – никогда, никогда!». Злая улыбка сковала уста его, но не его члены, и что-то подобное рычанью извергалось изъ устъ его; и было что-то звѣриное въ обликѣ М. Разводя царски-неспѣшно, величаво многомошныя жилистыя свои руцѣ, съ иныхъ поръ ставшія однимъ цѣлымъ съ двумя его мечами, омытыми кровью, онъ громогласно произнесъ: «Это начало Конца. И мѣдь да свершитъ реченное». Обликъ его дышалъ неодолимостью.

Вотъ завидѣлъ М. главу братьевъ критскихъ, отмахиваясь отъ обстававшихъ его вороговъ: мечами; далече тотъ, схороненъ тьмочисленнымъ своимъ воинствомъ, хотя и зримъ острому глазу; презло глядитъ исподлобья на него М., разсѣкая огнедышащимъ взоромъ аэръ; тьма смертей уже выглядываетъ очами его; словно волкъ, алчный поглотить овцу, словно тигръ, бросился бѣ онъ на жертву: на пастуха овчьяго стада, – отрубилъ бы однимъ махомъ голову его: любо

духу его вершить дѣла отважныя, любо съ Судьбою играть, любо въ пепель и прахъ обращать: пепель и прахъ, – ибо любя ему занебесная отчизна, любовь тамошній брегъ, и возвращеніе туда – всего желаннѣе, – но скороспѣлымъ симъ дѣломъ, страстною дурью лишь бы усугубилъ онъ положеніе воинства своего: коли оставить тающіе ряды свои – пропадутъ они безъ проку. И вотъ беретъ онъ въ десницу копье, подъемлетъ его, цѣлясь сперва въ Солнце, вновь ему грозя, а послѣ, чуть обождавъ, мѣтитъ куда-то въ далекую даль, совокупляя всю сверхприродную свою мощь; бросаетъ его въ начальника братьевъ критскихъ, когда тотъ, ободряя рати свои, отвернулся было; разсѣкаетъ копье аэры, и мрѣетъ имъ аэръ; приближается оно къ цѣли поверхъ головъ союзнаго воинства; и попадаетъ промежъ глазъ жертвѣ своей; не успѣвъ молвить и слова, падаетъ она, утопая въ пугливомъ шумѣ братьевъ критскихъ, невольно вырвавшемся изъ устъ тѣхъ, что были и близъ пастыря своего, и тѣхъ, что были поодаль. – Казалось бы, переломлень ходъ сраженья. Тому способствовало и еще одно обстоятельство: какъ только былъ убитъ главный воевода, воевода вспомогательныхъ войскъ принялъ рѣшеніе: выпустить несмѣтныхъ числомъ быковъ, прибереженныхъ не то для самой сѣчи, не то для закланій, не то попросту для пира; но всего скорѣе, что и для перваго, и втораго, и третьяго. Давно, давно уже дикими глазами глядѣли быки на кипящую битву, готовые вырваться изъ путъ – въ нее; она, пламя ея и ея кровь, отражалася въ кровяныхъ и пламенныхъ ихъ

глазахъ; взмахиваетъ рукою воевода меньшей – выпускають на волю дикихъ, огнедышащихъ быковъ; земля трясется; но вмѣсто того, чтобы побѣжать на возставшихъ, – словно искра, метнулись они на братьевъ критскихъ; вотъ бѣгутъ, топчуть и пѣшихъ, и конныхъ; ужъ смята часть ихъ – какъ будто и не бывало порядку въ критскихъ рядахъ. Кони бѣшено ржутъ, иные замерли, стоя на двухъ ногахъ, неволью сбрасываютъ они вопящихъ своихъ ѣздоковъ, но вскорѣ и сами грянутся во прахъ, давя всё живое. Бѣды братьевъ критскихъ множились.

О, какъ казалось, близокъ переломъ той битвы! – Переменный успѣхъ, двоящійся, мерцающій, казался судьбою – и для возставшихъ, и для войска царскаго. Смерть всеразящая шла по пятамъ кровопролитнѣйшаго изъ сраженій мидийской державы. – Увидай происходящее въ тотъ мигъ любой сторонній наблюдатель, онъ тотчасъ же пришелъ бы къ выводу, что судьба благоволитъ возставшимъ; но мы въ томъ вовсе не увѣрены; намъ представляется, что судьба въ полной мѣрѣ никогда не бываетъ на сторонѣ достойныхъ, ибо есть орудіе слѣпого бога. – Она можетъ создать видимость своего благорасположенія, выказывая благосклонность свою на первыхъ порахъ, дабы впоследствии приложить всё черныя свои усилія, дабы ихъ, достойныхъ въ мѣрѣ полной, низвергнуть.

И всё же сраженіе шло къ пораженію возставшихъ: силы были неравны. Разсѣяны были лишь тыловыя части союзнаго

воинства. Тучи стрѣль пернатыхъ поражали войско проклятыхъ, и удары мечей сыпались всюду. Валы критскихъ братьевъ наступали, какъ прежде, – какъ будто и не было никакихъ быковъ. Ряды М. дрогнули бы, но юный герой ободрялъ ихъ своимъ примѣромъ и – въ пылу сраженія, въ прерывахъ между ударами – обводилъ грозными очами возставшихъ, и страшень былъ обликъ его... Смерть мрачнокрылая осѣняла мрачный его ликъ.

М. былъ остриемъ войска проклятыхъ, и когда бывшіе рядомъ полегли, небеса узрѣли гордо къ нимъ вздымавшуюся его главу и слышали вопль его:

– Внемли, о Критъ, внемлите и вы, о земли окрестныя и дальнія! Истекло время ваше и кануло въ забвенье, о земли тьмы, о долины скорбей. Ежели и погибну, то и всё, всё должно погибнуть со мною купно. Критъ – лишь малая часть. Ибо Я алкаю на небеса вступить державною поступью и возжечь ихъ глаголомъ, слѣпого бога обуглить Огнемъ и вседержавнаго тирана низвергнуть – во вѣки вѣковъ. Да! Ибо того желаетъ духъ мой. Я паду, паду! О! Но паденье мое и моя кончина будутъ – да будутъ! – побѣдою. И никакая случайность – полунезаконнорожденный отпрыскъ Судьбы – да не смѣетъ, какъ тать, украсть у меня желанное. Прочь, тѣни!

Ослѣпленный, тотчасъ былъ онъ ранень – вновь и вновь: мечи супостата всё чаще язвили его; боль мечомъ рѣзала плоть его, хотя мечи его не были еще сыты: кровію. Припавши на одно колѣно, обагренный кровію, движимый неукро-

тимою волею, вопіяль онъ небу, претворившему свой цвѣтъ изъ лазурнаго въ черно-синій, грозовой, всё болѣе походившій на темнолонную ночь... посередь догорающаго дня, и гласъ его пронизывалъ землю до основаній ея: то было моленіемъ своему Я, что было ему дороже всѣхъ царствъ земныхъ, сливавшимся съ моленьемъ Вѣчности, и было оно словно огонь, извергаемый огнемъ поядающимъ: то – лазурное Слово:

– Я желаю... да не окончится сѣча... еще, еще! Рази, о мечъ, врага! Эй, вы, – ни пяди назадъ! Каждая побѣда, каждое преодоленіе себя – стрѣла въ создавшаго, ударъ топорома по Міровому Древу. Слѣпецъ! О, будь проклять ты во вѣки вѣковъ: громомъ молнійныхъ, заревыхъ словесъ моихъ! Ты прежде ослѣпилъ, а послѣ умертвилъ: всѣхъ и вся, – вселивъ страхъ въ сердца. Но ты и самъ трусливъ, потому во страхъ не явишь ты мнѣ ликъ свой. Поистинѣ: уподобилъ ты себѣ свое созданіе, и превзошло оно тебя въ слѣпотѣ. Владѣешь ты міромъ, думая, что ты – путь, но ты не путь, но лишь путы, и распутье, и распутица. Ты – моль! Ты нарицаешь себя Мы, какъ и слуга твой Ариманъ; ты и въ самомъ дѣлѣ есть царь Мы, но Я – царь Я. И ликованіе твое будетъ недолгимъ, о богъ слѣпыхъ: я найду тебя... и по ту сторону. Дни твои сочтены: единоборствуя, я вспорю тебѣ брюхо, о царь небытія, и гной польется изъ ранъ твоихъ, я прорѣжу сопрягшееся со Страхомъ сердце твое, ибо я уже претворилъ себя въ Огонь, мечъ и лезвіе, о Ужасный. О, ты уже возры-

дать! Но сіе – лишь начало!

М., словно слыша дыханье мыслей своихъ, возгласилъ – въ небеса, не закатомъ одѣянный, но отверзшія до времени надзвѣздныя дали, – молніино смѣясь, торжествуя надъ всѣмъ бытіемъ, попирая землю и всё земное и исходя кровію, мрачносердечный, – то были послѣднія изъ извѣстныхъ намъ его словесъ, – грозя пламенами не только всему существу, но и всему бывшему и грядущему:

– Внемлите, о всѣ концы земли! Я выше престола, гдѣ покоится счастье и страданіе. Всѣ, всѣ пригвождены къ престолу сему. Но не я! Не я! Вы, вы содрогаются отъ сознанія гибели, вы, помѣсь Страха и Уродства. Я же радуюсь и славлю её, о чада Времени. Вы трепещете отъ самого слова «боль»; вечномертвые духомъ и вечноживые тѣломъ, вы готовы продать душу, дабы ея избѣгнуть; ежели ощутите вы всею плотью ея вѣянье, то готовы продать всю душу безъ остатка, о нищенствующіе: лишь бы она отступила. Презрѣль я боль и Смерти страхъ извѣчный; о счастье брренное! ты чуждо мнѣ и презрѣнно! Я – не вы, а вы – не я. Воззрите, о безмѣрно-слабые: мои уста и сердце – кровь струятъ: я сему лишь радъ. – Ибо я дѣю не конецъ, но Исходъ, и всё очистится Огнемъ: только такъ можно смыть нечестивое господство создавшаго. Только такъ! Благоветріемъ развѣю я немощь, меня полонившую на время: боль словно заполонила небеса нынѣ, тѣло полонивъ мое! Сотри мои тѣни и теми, убѣли меня, о сила моя. Знай же, Смерть, и знай, о Судьба: мы не узримъ другъ



друга и на томъ свѣтѣ. – Внемлите, внемлите, низкіе: я молвлю многохраброму своему сердцу: ни пяди назадъ: ни пяди назадъ отъ стезей своихъ, отъ цѣлей, самостійно избранныхъ избраннымъ, ни пяди назадъ отъ высотъ раскаленныхъ многотруднаго своего бытія. – Отъ побѣдъ къ побѣдамъ: вновѣ и вновѣ – любой цѣной. Всѣ, всѣ – ослы: поклоняющіеся быку. Міръ не позналъ меня, ибо я позналъ его. Міръ – лишь жалкое настоящее: впереди и позади – Вѣчность вождельная, бѣлѣйшая паче солнца. Я побѣдилъ міръ: не жизнью – смертью, но смертью – жизнью. И я задержался здѣсь, въ смерти именемъ жизнь, и мнѣ еще предстоитъ возвращеніе: къ себѣ и немногимъ, разбросаннымъ по вѣкамъ, которыхъ узрю *по ту сторону*, и – къ Ней, къ Дѣвѣ Свѣтозарной. Ежели сброшу покровы плоти, кои суть оковы, то снова и снова буду я нисходить въ сферы дольнія: высотой души и духомъ: они суть Я. Ревнителя Свободы подлинной шагъ любой – стрѣла моей воли; стрѣла любая – въ поборника оковъ – моя стрѣла отсель. Нѣтъ-нѣтъ: міръ отнынѣ во мглахъ и темяхъ не уснетъ: вовѣкъ! Вовѣкъ!

Багряная, какъ вино новое, кровь М. обагрила земли критскія, её впитавшія, и черныя, выющіяся его кудри, что были точно виноградъ и точно затухающіе, меркнушіе вихри пламени, пали наземь: поправши землю и земное. Понеслось тихое «О Свѣтоносный, Я не осколокъ Твой, не сколь – съ Тебя, Тебя! Я волею прорастаю въ иное, и иное просіяло: во мнѣ; низкое же чернѣетъ: внизу: тьмою зря и

зло прожитыхъ жизнью; но низкое, черное... уходитъ, отдаляется... Я... выси... бѣлѣйшія паче снѣга... чертоги Вѣчности... О Свѣтоносный, Ты – это Я; и Я – это Ты». Послышалось и иное – протяжно-довольный крикъ не то осла, не то ослицы, богъ вѣсть откуда взявшейся на полѣ брани, дотолѣ молчавшей, но неожиданно-негаданно рѣшившей выказать довольство свое, въ отличіе отъ ослицы валаамовой, что, какъ извѣстно, выказала, напротивъ, недовольство, заговоривши гласомъ человѣчимъ; не ясно также, чѣмъ была она довольна, но не вызываетъ сомнѣній, что довольна была она сверхъ мѣры всяческой; но никто не обратилъ на нее своего вниманія и никто её не видалъ; быть можетъ, и не было никакой ослицы. И смолкала брань, догорѣвъ.

Какъ только онъ упалъ, какъ только ослица выказала довольство свое, застонала земля подъ тѣломъ М., не по плечу ей было принять въ лонѣ своемъ павшаго. Смѣхъ его – какъ молотъ – ударилъ по землямъ добрыхъ, смѣхъ – какъ громъ, какъ стрѣла – пронзилъ живую плоть Крита, и покрылася она дрожью. Долго еще отдавался вторьемъ тотъ смѣхъ, и ужаснулся Критъ, біемый имъ по сердцу; потеряло оно мѣрность біенія своего: стало подверженнымъ дѣргамъ. Пробудились въ черно-красныхъ его глубяхъ древнія страшныя силы, потрясли усталые, затекшіе свои члены, отряхнули сѣдя одежду; начали подъемъ свой. Немѣрное трясеніе пошло по землѣ критской; разверзалась земля, обнажая сокровенное; первую показала себя кровь матери-земли: пла-

менныя рѣки лавы. Просѣдалъ, выщвѣталъ, сжимался неизбѣжнымъ зыблемый Критъ: упадалъ, погибалъ и рушился – въ ночь. Но ярче обычнаго пылала на востокѣ Денница-звѣзда.

И всё же мы не вѣдаемъ: покрылися ли очи юнаго героя тьмою, вошла ли тьма надъ здѣшнимъ бытіемъ его. Дальнѣйшій о нёмъ сказъ упирается въ невыразимое. Что мы вѣдаемъ, такъ это то, что въ концѣ концовъ воспарилъ онъ въ лазурь, палъ онъ – небомъ – въ небо – не въ землю (лишь земное возвращаетъ себя земному), что всё покрылося мглою, и небеса вергли громы, и содрогнулись всё основанія земли, и начались многомошныя землетрясенья по землѣ критской: буря внутренняя претворялася въ бурю внѣшнюю. Дворцы рушились, Критъ погружался въ Хаосъ. Солнце почернѣло и стало тьмою. То было словно росчеркомъ Бога Невѣдомаго на тверди небесной, во мраки погруженной. Лѣтопись мірозданья хранить достодолжное молчанье о томъ, что приключилось съ М., и намъ не стоитъ строить догадки, рожденныя неблагороднымъ и неблагодарнымъ любопытствомъ, о томъ, палъ ли онъ, сгибъ или же нѣкимъ чудеснымъ образомъ всё же побѣдилъ тьмы союзныхъ воинствъ: въ одиночку; а, спасшись, остался ль на Критѣ или уплылъ на Востокъ, откуда и былъ онъ родомъ и какъ того нѣкогда желалъ... Въ такомъ случаѣ бытіе М. стоитъ подъ знакомъ эпистрофе. Въ неоплатонизмѣ, какъ извѣстно, есть тріада: *monē-proodos-epistrophe*, что означаетъ: пребываніе въ изначальной полно-

тѣ, далѣе исходженіе, далѣе – возвращеніе (къ первому, исходному: къ тоне). – М. родился на Востокѣ (тоне), который не уничтожилъ его, какъ онъ уничтожаетъ всѣхъ прочихъ, онъ закалилъ – да такъ, что родилъ Личность, бытіе его всѣми воспринималось не иначе какъ бореніе, а потому М. имѣлъ право на всё; критскія дѣянія были *proodos*'омъ, то есть періодомъ а ргіогі временнымъ; возвращеніе на Востокъ было въ такомъ случаѣ *epistrophe*.

Еще менѣе должно (ибо недостойно и пошло) вспоминать библейское "Взявшіе мечъ – отъ меча и погибнуть", ибо любой «взявшій мечъ», любой одинокій волкъ, любая Личность, любой обрѣтшій Я есть кость въ горлѣ создавшаго, есть аритмія въ ритмѣ земли, въ мѣрномъ ея дыханіи, и какія только преграды не чинитъ земля по волѣ создавшаго, но дѣло состоитъ не въ бѣгствѣ Смерти, не въ томъ, чтобы подолѣе продлить прозябаніе въ дольномъ мірѣ, но единственно въ должномъ изъ него уходѣ: всѣ обречены смерти по самому рожденію своему, вопросъ лишь какъ и для чего смежатъ они очи.

\* \* \*

Послѣ сего достопамятнаго происшествія мы не вѣдаемъ также, сколько людей погибло, была ли свергнута – вновь – царская династія: то покрыто мракомъ неизвѣстности. Ясно одно: было великое множество землетрясеній, погибли мно-

гіе дворцы: это то, что мы знаемъ. Однако всё же мы знаемъ въ общихъ чертахъ, когда сіе приключилось съ критскою державою. – Хотя событіе и теряется въ Летѣ, въ рѣкѣ забвенія, всё же милостью науки можно сказать навѣрняка: то было въ срединѣ второго тысячелѣтія до Христова рожденія.

Критъ не мѣрно клонился къ упадку, но: всё произошло во мгновение ока. Саваномъ пепла покрылась земля, но ненадолго: Огнь подземелій – по волѣ Судьбы – подьметъ пучины моря, сѣя ужасъ живымъ, гонить волну величайшую изо всѣхъ, что знавало вѣчно-лазурное море: изверженіемъ расколовшагося острова Фера; волну стремительную – быстрой движенія коня-скакуна она, высотой съ гору, всеопустошающая, всегрозная, и сушь-земля съ ея благопристойностью, съ ея благочиніемъ – тотчасъ – поглощаема водою морской. О, лютые дни – бездна разверзлась! Адъ, но на земли! Таяло всё здѣшнее, яко воскъ отъ лица огня. Земля-Мать поглощала дѣтищъ своихъ разверзшимися своими нѣдрами. Сѣверъ Крита въ руинахъ, нѣтъ болѣе чертоговъ. И земля не даетъ плодовъ – всё въ пепелъ на многіе годы. Земли добрыхъ обратились въ прахъ.

Говорять, послѣ Волны, когда всё улеглось: снова – саваномъ пепла, – по берегу долго бродила нѣкая дѣва, являя себя инородной сладкопечальному Криту; лице ея свѣтилось лучезарною до боли улыбкою. Послѣ – и ея не стало. Лишь пепелъ да прахъ покрывалъ собою земли добрыхъ. – Критъ

оплыль, а теперь – и отгорѣль; подобно цвѣтку, лепестками осыпался: не въ Вѣчность, а въ рѣку забвенья, въ тьму незнанія – изъ рѣки забвенья и тьмы незнанія.

И бывое забылось, потерявшись во мглѣ Времени. Лишь глина съ письменами нецѣнными осталась. Середина тысячелѣтья второго до рожденья Христа глядѣла въ грядущее съ укоризною. И нѣтъ болѣ минойскаго Крита: скоро, о, скоро – въ срединѣ второго тысячелѣтья до рожденья Христа – на островъ грянуть волною микенцы: ахейскіе греки, но едва ли надолго. Но Кносъ уцѣлѣетъ и столицею станетъ на вѣкъ: микенскаго Крита.

Забвеніе на тысячелѣтія – лишь миоѣ обѣ Атлантидѣ былъ греками знаемъ да искаженное преданье о Девкаліоновомъ потопѣ (ибо Волна молнійно прошлась грозовою поступью не только по Криту, но и по побережьямъ Балканскаго полуострова, а сперва – по многочисленнымъ островамъ, преобильно разбросаннымъ по морю, украшающимъ ликъ матери-земли подобно родинкамъ на нѣжномъ дѣвичьемъ лицѣ).

Изверженіе – рана смертельная, родившая закатъ: минойскаго Крита.

Будетъ ли новый разсвѣтъ, прорѣжетъ ли онъ тьму? Вспыхнувшее – искрою – хотя и уснуло – на сотни лѣтъ – еще проснется, а Критъ еще на вѣкъ, лишь краткій вѣкъ, возродится изъ руинъ, обрѣтя невиданное величіе: то будетъ эпоха Миноса Перваго, единственнаго правителя Крита, который собралъ воедино разрозненныя земли критскія, Мино-

са, во времена правленія котораго – и несмотря на небывалый его успѣхъ и несмотря на титуль «Миносъ» (ибо «Миносъ» – не имя) – минойскій Критъ навсегда перестанетъ быть минойскимъ: нѣтъ Крита послѣ Миноса: во второй половинѣ XV – началѣ XIV в. до Р.Х. Критъ – какъ держава – переходитъ подъ власть ахейцевъ, грековъ, становясь его окраиной, которые живое ядро минойской культуры растворяютъ въ своей крови. Подобно греческой культурѣ, которая какъ культура, несомнѣнно, лишь выиграла, утративши государственную свою независимость въ эпоху эллинизма, этого зачинателя и носителя взаимовліянія культуръ – вплоть до сліянія ихъ, культура минойская – на новомъ виткѣ – распространилась еще шире: вмѣсто лишь о. Критъ – едва ли не всё Средиземноморье. Побѣжденная держава минойская распространяетъ ядро культуры своей: милостью захватчиковъ-ахейцевъ: по всему Средиземноморью: за болѣе чѣмъ тысячу лѣтъ до иного, но всѣмъ уже извѣстнаго взаимовліянія и брачнаго взаимопроникновенія западной и восточной культуръ: эллинизма. И послѣднее: удавшееся – премного важнѣе для Кліо, чѣмъ распри, и войны, и пѣна дней.

Закатъ Крита рожденъ былъ одною Зарею, всё болѣе тускнѣющимъ преломленіемъ коей будутъ жить вѣка и понынѣ.

## Глава 6. Три разговора

*Умолкла грозная война!*

Конецъ борьбѣ ожесточенной!..  
На вызовъ дерзкой и надменной,  
Въ святыни чувства оскорблена,  
Возстала Русь, дрожа отъ гнѣва,  
На бой съ отчаяннымъ врагомъ  
И плодъ кроваваго постья  
Пожала доблестнымъ мечомъ.  
Утучнивъ кровію святою  
Въ честномъ бою свои поля,  
Съ Европой міръ, добытый съ боя,  
Встрѣчаетъ русская земля.

Эпоха новая предъ нами.  
Надежды сладостной заря  
Восходитъ ярко предъ очами...  
Благослови, господь, царя!  
Идетъ нашъ царь на подвигъ трудный  
Стезей тернистой и крутой;  
На трудъ упорный, отдыхъ скудный,  
На подвигъ доблести святой,  
Какъ тотъ гигантъ самодержавный,  
Что жилъ въ работѣ и трудахъ,  
И, сынъ царей, великій, славный,  
Носилъ мозоли на рукахъ!

Грозой очистилась держава,  
Бѣдой скрѣпились сердца,  
И дорога родная слава  
Тому, кто вѣренъ до конца.  
Царю восльдѣ вся Русь съ любовью  
И съ теплою вѣрою пойдетъ  
И съ почвы, утучненной кровью,  
Златую жатву соберетъ.  
Не русской тотъ, кто, путь неправый  
Въ сей часъ торжественный избравъ,  
Какъ рабъ лѣнивый и лукавый,



*Пойдетъ, святѣи не понявъ.*

*Идетъ нашъ царь принять корону...  
Молитву чистую творя,  
Взываютъ русскихъ миллионы:  
Благослови, господь, царя!  
О ты, кто мановеньемъ вали  
Даруешь смерть или живишь,  
Хранишь царей и въ бѣдномъ полѣ  
Былинку нѣжную хранишь:  
Созижди въ нѣмъ духъ бодръ и ясенъ,  
Духовной силой въ нѣмъ живи,  
Созижди трудъ его прекрасенъ  
И въ путь святой благослови!*

*<...>*

*Своею жизнью и кровью  
Царю заслужимъ своему;  
Исполни жъ святомъ и любовью  
Россію, верни ему!  
Не накази насъ слѣпотою,  
Дай умъ, чтобъ видѣть и понять  
И съ вѣрой чистой и живою  
Небесъ избранника принять!  
Храни отъ грустнаго сомнѣнья,  
Слѣпому разумъ просвѣти  
И въ день великій обновленья  
Намъ путь грядущій освѣти!  
Ф.Достоевскій  
Едва я мигъ отдѣльный возвеличу,  
Вскричавъ: "Мгновеніе, повремени!" —  
Всѣ кончено, и я твоя добыча,  
И мнѣ спасенья нѣтъ изъ западни.*

***Гете***

*Близокъ Богъ  
И непостижимъ;  
Гдѣ опасность, однако,  
Тамъ и спасеніе.  
Гельдерлинъ*

Прошло много лѣтъ послѣ описанныхъ событій. Критъ за-лѣчиваль свои раны: милостью *одного человека*, – вновь обрѣтая силу утерянную. Годины безначалія окончились. Въ одномъ изъ южныхъ дворцовъ критскихъ въ одну изъ годовщинъ побѣды надъ зломъ, какъ говаривали люди вящіе, состоялся одинъ примѣчательный разговоръ, освѣченный лучомъ закатнаго свѣтила, ворвавшимся чрезъ окна и павшимъ на лики, багрянымъ, кровянымъ. Окровавленными казались оба, и зыбились тѣни обоихъ, длиннися.

– Отецъ, расскажи о несказанномъ, о страшномъ захватчикѣ, объ оскорбителѣ Крита, о томъ, какъ пали троны, о небывалой Волнѣ, о Бурѣ и сѣромъ пеплѣ, сковавшемъ добрыя наши земли на години долгія, когда онъ по волѣ Судьбы не давалъ прорасти нашимъ деревьямъ и травамъ, обрекая насъ на гладъ и нищету: ты вѣдь вѣдаешь: я сталъ мужемъ, я не юнецъ отнынѣ. Ты общалъ...

– Да, я общалъ. Но что о нёмъ говорить: онъ – призракъ, "духъ", нѣтъ его, нѣтъ. Нѣтъ и не было, – отвѣчалъ старецъ, и серебрились волосы его, и морщины прорѣзывали его лицо.

– Не было?

– Да, я общалъ. Слово къ тебѣ было...было и есть...Но

сможешь ли ты не передавать то, что ты услышишь, никому подь страхомъ смерти и подь знакомъ уваженія ко мнѣ?

– Клянусь, о Акеро.

– Ты и ранѣ клялся.

– Теперь это слово мужа, причащеннаго живой плоти дѣвѣ.

– Тогда внимай мнѣ: съ иныхъ поръ я настороженно отношусь, когда человѣкъ пылаеть и когда льетъ себя изъ устъ искрящаяся искренность. Пыланье невозможно: послѣ причащенья живой плоти дѣвѣ. Ибо – въ концѣ концовъ – я старъ и долженъ ты однажды сіе услышать и, услышавъ, уразумѣть. Но произнеси троекратно «Отрицаюсь Вседерзостнаго»: порядокъ превыше всего.

Сынъ Акеро, волнуясь, повторилъ за отцомъ должное быть произнесеннымъ.

– Во имя великаго Вчера, служа которому, служимъ мы великому Завтра. Рѣчь идетъ о войнѣ, величайшей изъ тѣхъ, что знаваль Критъ, – началъ свой сказъ Акеро, – и о томъ Одномъ, Злотворномъ, движимомъ силою неизвѣстною, которою зло волною налетѣло на берега наши; послѣ же онъ поступью тяжелою прошелъ по Криту, – и не стало Крита, доброй нашей земли, обители красы Юга: собою, нечестивымъ своимъ дыханьемъ затушилъ онъ Солнце во времена царствованья блаженной памяти Касато; за нимъ слѣдуетъ, какъ тѣнь, и стелется Ночь, вѣчная Ночь. Потому глаголатъ о немъ – трудъ великъ и бремя тяжкое. Выдержу ли? Вручаю судьбу

Матери, вѣдь Злоликій – Ея попущеніе. Ибо тьма тогда явила себя свѣтомъ, и, прельстивъ, отвела отъ него. Лишь милостью Матери вернулся я въ лоно добра.

– Ты по своей милости говоришь о томъ, что называютъ возстаніемъ и о причинахъ его?

– Начавшееся и окончившееся милостью братьевъ критскихъ и нашихъ египетскихъ друзей возстанье имѣеть причиною самое его пребываніе на Критѣ, на землѣ добрыхъ... Помни, сыне: вѣсь Критъ пошелъ тогда противу Мятежника, и далъ ему битву, и побѣдилъ Критъ его.

– Кого? Кто онъ, отче?

– Онъ нарицаемъ М. и прозванъ «молніею Крита»; зачатая небомъ и въ небѣ, была она рождена грозою отъ грома.

– Ты зналъ его?

– Да, я зналъ его и того болѣ вель съ нимъ бесѣды... А твоя маменька, Европа, тогда еще младая, носила тебя во чревѣ, пребывая на югѣ Крита, менѣ пострадавшемъ – по волѣ всеблагой Матери – отъ Волны.

– Каковъ онъ, отче?

– О, и нынѣ – какъ вчера – зрима мнѣ мрачная его фигура, и вотъ словно здѣсь, близъ насъ, въ сей мигъ свѣтятся гордынею безпримѣрною страшныя очи его, съ застывшею въ нихъ ненавистью ко всему живому, очи, чрезъ кои струило себя – сквозь ярый гнѣвъ – страданіе; ежели бы не воля его, свѣтившаяся въ нёмъ, его очами-молніями, издалече, – можно было бы подумать, что всё наскучило ему. Я позналъ

суть его и способности его, потому могу сказывать о нёмъ. О! Таинственныя предначертанья читались въ ужасающихъ его очахъ: всегда, всегда. Кто видѣль, тотъ вовѣкъ ихъ не забудеть; кто видѣль, тотъ знаетъ: въ очахъ его, съ блуждающими въ нихъ зрачками – черными, какъ надзвѣздныя дали, крылась вся сущность его. Итакъ, былъ онъ поистинѣ все-силенъ, сей мысли и духа скиталець, до безстрашія страхомъ дошедшій; не одинъ день держаль онъ во страхѣ и трепетѣ вѣсь Критъ; надъ нами всѣми казаль онъ власть велику, ибо и слово его, и сердце, и очи – ударъ молніи, ибо мать его – молнія, отецъ же – громъ. Живою плотью Крита унималь онъ буйную свою кровь, противопоставляль свое Я міру, отталкивался отъ него (и боготворилъ самое отталкиваніе), утверждая себя: за счетъ міра, что можетъ быть хуже? Онъ – величайшій врагъ міра и мира. Быль онъ, безсердечный, средоточіемъ, той войны незримымъ сердцемъ. Быть можетъ: не будь его – войны не было б. Его жизнь – красное бореніе. Да: путь его – поистинѣ ужасень. Умыль онъ Критъ: въ крови. Невозбранно буйствовалъ онъ. Тать! И злодѣй! О, на что дерзнулъ сей отрокъ! Мы, дорогой мой, вѣрны устоямъ и обычаямъ, мы служимъ созиданію, онъ же есть разрушитель черный, ибо въ противоположность намъ онъ цѣнилъ много болѣе разрушеніе, а не созиданіе, губитель окаянный, подорвавшій сперва устои критскіе, а затѣмъ и самое живую плоть дорогой нашей отчизны: онъ, шаровая молнія, бродившая по отечеству милому. Ничто, поглощающее

въ міръ миръ и самый міръ! Тьма, выдающая – сама себя – за свѣтъ (онъ и самъ называлъ себя свѣтомъ – и только онъ! никому и въ голову бы не пришло разумѣть его за свѣтъ!). Онъ – окно, изъ коего сіяла тьма непереносная! Оттолѣ нѣтъ спокойствія на Критѣ, нѣтъ тиши и радости. Ибо онъ пришелъ яко тать въ нощи, и ушелъ: и яко тать, и яко нощь. Долго, долго еще отъ скверны очищать намъ Критъ. Быть можетъ, дѣянiями и рѣчами проникъ онъ до сердца Крита, и опалилъ его жаромъ, и подчинилъ себѣ; быть можетъ, тьмою окутавъ, зло навѣкъ насадилъ въ родинѣ нашей, еѣ во вѣки вѣковъ осквернивши. Кто знаетъ? Возстанъ, о Критъ, возстанъ! Красуйся, Критъ, и стой неколебимо!

– Стало быть, бытіе его было пагубою великою для Родины.

– Именно такъ: Критъ – имъ – премного истощень, душою родина – въ скорбяхъ. Ужасныя години! Сыне, я буду вести рѣчь о томъ, кто навлекъ на Критъ тѣнь черну, что ширилась съ прихода его на славну нашу родину и, сгустившись, расширилась – настолько, что Критъ въ ней утонулъ, сгибъ. Лишь пепель, горе и смерть остались послѣ чернаго его шествія по Криту. И самъ онъ былъ тѣнью черною, существомъ словно иноприроднымъ: тѣло его было здѣшнее, а душа и духъ, какъ онъ туманно выражался, – «*тамошнiе*».

– Отче, что есть духъ? И что есть *тамошнее*?

– Сыне, сіе сокрыто и отъ моего вѣдѣнiя; но увѣренъ въ одномъ: не онъ обладалъ духомъ, а духъ обладалъ имъ; духъ

имъ скакаль по Криту; не верхомъ скакаль М.: духъ – наѣздникъ и всадникъ, а М. – кобыла; прямикомъ въ бездну и ночь скакали они; бездну и ночь разумѣль одержимый духомъ за Вѣчность; Вѣчность, страшную и черную, яко ночь, почиталь онъ отверзающей двери къ тайникамъ всего, словно не то изъ нея, не то въ нее и къ ней приходятъ изнанки всего сущаго, неприкрытыя ихъ сущности, словно собаки, лънущія къ хозяину и поспѣшающія въ конуру, спасаясь отъ ненастья, словно рыбки, вьющіяся вокругъ брошенныхъ имъ яствъ, словно дитя, подбирающее къ женскимъ персямъ, наполненнымъ млекомъ; Въ Вѣчности, такъ разумѣль онъ, всё – живое и неживое – еще желаетъ стать словомъ, оно скорѣе желаетъ потерять себя – лишь бы обрѣсть наименованіе, лишь бы заговорить языкомъ человѣческимъ, словно наименованіе есть яства, но оно даже не кость, бросаема псу; словомъ сытъ не будешь; слово – всего лишь слово, если оно не обручено съ тѣмъ или инымъ бытіемъ; въ противномъ случаѣ каждая букашка да пылинка дороже такого слова. Истинно говорю тебѣ: до такихъ безумствъ доводитъ духъ. Помни объ одномъ: мы не имѣемъ духа въ себѣ, по счастью, не имѣли и не будемъ имѣть! Ясно одно: жилъ онъ духомъ, въ духѣ, и духъ всецѣло обладалъ имъ. Да и самъ онъ, чужеродный зачинатель и сѣятель чужероднаго, скорѣе духъ, нежели плоть. Поистинѣ: тщетно тщился онъ доказать, что духъ больше и выше разума, плоти, міра.

– По счастью?

– Да, сыне мой, по счастью. Иначе мы были бы ему сродственны. О духъ слѣдуетъ знать одно: духъ – наиопаснѣйшее, бѣги его, сыне, бѣги. Ибо М. затерялся – духомъ – въ духъ, и былъ имъ пожранъ, и ушелъ въ него навѣки! – переведа дыханіе, Акеро продолжилъ спокойнѣе. – Кто вѣдаетъ: Дѣва ли, кою нарицалъ онъ Свѣтозарною, сдѣлала его инымъ, ли-бо же не менѣ чѣмъ Дѣва, боготворимая имъ Воля, или же уже при рожденіи его была въ нѣмъ искра *тамошняго*, какъ онъ говорилъ. Такъ или иначе всегда былъ онъ зачарованъ *тамошнимъ*, небеснымъ и всегда былъ влекомъ къ нему – Дѣвою ли, Волею или же происхожденіемъ.

– Иными словами, ты не вѣдаешь: самъ ли онъ откололъ въ себѣ *здѣшнее*, или нѣкая сила то сдѣлала, такимъ образомъ, содѣлавъ его своимъ глашатаемъ? Но, безъ сомнѣній, нѣкое злое божество завладѣло душою его; или, быть можетъ, и самъ онъ былъ богомъ злымъ.

– Ни я, ни иной кто. Быть можетъ, и самъ онъ не вѣдалъ. Итакъ, нѣкогда я зналъ его лично. Находясь между сномъ и бодростью, внималъ его рѣчамъ; словно я былъ не я, егда былъ при М. Онъ – всегда чреватый бурей – обладалъ властью вышею надъ нами, незримой, безымянной; наше дѣло должно было состоять въ томъ, чтобы противостать ему и ученію его, дабы не потерять себя самихъ, ввѣрившись ему всецѣло и безоглядно, но были мы беззащитны и не вѣдали въ сердцѣ своемъ объ опасности, исходящей и отъ словесъ его, и отъ его дѣяній. Онъ ошибался, глубоко и премного:



что толку, что былъ онъ искренень? Едва ли велика моя заслуга судить о нёмъ съ высоты прожитыхъ лѣтъ, однако я долженъ сказать должное быть сказаннымъ. Внемли же мнѣ! М. узрѣлъ въ добромъ нашемъ мѣрѣ – заданность, несвободу: ими былъ «полонень», какъ онъ любилъ говаривать, въсь родъ людской – отъ стража, принужденнаго стоять при стражѣ, до царя, принужденнаго царствовать. «Они на краю бытія и въ сѣтяхъ Судьбы» – такъ говорилъ онъ о всѣхъ живущихъ, коихъ разумѣлъ онъ не то сущими во гробехъ, не то нерожденными, но чаще – однодневками, тѣнями и темями, пылью и порожденіемъ Ничто. О себѣ же говорилъ такъ сей горделивецъ: «Я не то, что творить со мною мѣрѣ, я – не его орудіе; и всѣ силы моего Я на то и направлены, дабы не быть частью міра и, быть можетъ, не быть причастнымъ міру въ мѣрѣ наибольшей изъ возможныхъ». Онъ также не любилъ мѣрность, съ коей связывалъ не-свободу. А мѣрность...

– Поясни, отче, что есть мѣрность. Я сознаю, что не положено, но ты о томъ молви.

– Мѣрность есть сестра единообразія.

– Не постигаю.

– Вотъ ходишь ты на службу ежедневно, въ одно время, ибо порядокъ превыше всего...

– Это тяжело, ахъ.

– Болванъ: не въ томъ дѣло, тяжело или нѣтъ, но въ томъ, что ты дѣлаешь это по своей волѣ, а не нѣкая сила незримая дѣлаетъ тобою! Вѣдь ты же дѣешь сіе, а не она?

– Кажется, я.

– А ежели и не ты, то силою богинь, а онъ благи.

– Въ томъ не можетъ быть сомнѣній.

– Славно! Не забывай, сыне, и о томъ, что ты преображаешься сей мѣрностью, подчиняя себя ея закону; въ нее вовлечены тяготы, скука, растворяясь въ ней. М. обвиняль въ слѣпотѣ всѣхъ и вся, но и самъ былъ слѣпъ: ихъ (и мое – по счастью) бытіе не было заданнымъ и несвободнымъ, какъ то ему видѣлось и думалось: они (и я) дѣяли то, что желали, то было наша воля, которая есть частичка пресвятой воли Матери: и милостью сей причастности наша воля чего-то да стоитъ; и что была она наша – онъ того не узрѣлъ. Но не только былъ онъ слѣпъ, но былъ и несвободенъ; ибо можно ли считать свободою нерастраченныя, вспученныя, забродившія силы души, корчившія черную душу его; и сіе называль онъ духомъ, который – не страшная высота, а попросту болото, безконечно-глубокая выгребная яма! Какая же здѣсь свобода, ежели онъ не могъ не дѣять, что дѣяль! Слепецъ! Мальчишка! Вседержостный безумецъ! Безумецъ, жительствовавшій плоти вопреки: то была одна изъ сторонъ злотворнаго его ученія.

– Отче, былъ ли онъ ратникомъ или учителемъ?

– Былъ онъ и тѣмъ, и другимъ единовременно.

– Отче, велико ли было его искусство какъ воителя?

– Да, никто никогда – ни въ нашихъ земляхъ, ни въ земляхъ прочихъ, намъ извѣстныхъ, – не видѣлъ такого ратна-

го мастерства, каковымъ обладалъ онъ, многомогущій, крѣпконогій, широкогрудый. И никто не вѣдаетъ, гдѣ и какъ «необоримый во браняхъ», какъ его нарицали, постигъ его. Но безъ сомнѣній: имъ обязанъ онъ темнымъ силамъ своей души. Бытіе его – мечъ обоюдоострый: не прелюбимый нашъ Лабрисъ, но мечъ чуждый.

– Стало быть, чуждый страху, былъ онъ стоекъ, отваженъ и крѣпокъ. Небрегъ онъ о плоти собственной, но крѣпостью отличался: не диво ли?

– Именно такъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ онъ грубъ и наглъ – не только съ людомъ, но и съ людьми вящими. Не вѣдалъ онъ, непокорный, страха богинь, потому и былъ пораженъ карою ихъ.

– Отче, отъ Судьбы не убѣжишь. Но вѣдаешь ли ты его друзей?

Акери послѣ тяжелой паузы отвѣтствовалъ:

– Да, я вѣдаю. Но ихъ уже нѣтъ на свѣтѣ.

– Алкаль онъ крови?

– Крови всѣхъ живыхъ алкаль онъ, злоликій, злоокій, злосердый.

– Расскажи о его ученіи, отче.

Акери выжидающе глянулъ на сына, словно опредѣляя по его облику, способенъ ли тотъ понять, а, понявши, не разболтать. Отирая слезу, катившуюся по ланитѣ, онъ сталъ рассказывать объ ученіи М.

– Ученіе его – сосудъ смердящій: ни совѣсти, ни чести, ни

пользы отъ него – лишь вредъ, великій и ужасный! Горѣвшій зломъ пречернымъ, безчинствующій, всюду сѣяль онъ сѣмена безчинства, раздора и горя, онъ – язва сверкающая...сей поборникъ нечестія...о Критъ преславный, запятнаны святые твои покровы! Смысль имъ сказаннаго былъ темень для меня порою; темень онъ и нынѣ. Ибо и самъ онъ темень, и ученіе его темно. Ибо улыбалось ему безуміе бездонною своею пастью. Сказанное имъ – плоды сумасшествія, многословіе бессмысленное, а ежели и былъ въ нёмъ смыслъ, то смысломъ была превеликая въ своей силѣ пагуба! Ибо вѣдаю одно: ученіе его – разрушеніе и погубленіе всего и вся, ибо оно имѣеть фундаментомъ растождествленіе себя съ бытіемъ всеобщимъ. Человѣкъ тогда могущественъ, когда во смиреніи предъ Матерью – питательницею всей Вселенной – преклонилъ колѣни; силою надѣляетъ она сокрушеннаго сердцемъ, покорнаго ей, – въ томъ мудрость единая. Итакъ, ужасающее и самочиннѣйшее его ученіе, переспавшее съ Нищетою, душепагубное какъ никакое иное, было еще безумнѣе, чѣмъ онъ самъ, и отъ того не менѣе заразительно, ибо неборимо и необратимо оно: рожденное тьмою и выдаваемое за свѣтъ, было оно чумою, и донынѣ чую ядъ подъ устами его. И слово его – стрѣла, пронзающая сердца – не только людей, но и боговъ, ибо коренится въ безднахъ, но не Земли-Матери, но небесъ. Критъ палъ жертвою сего ученья, несмотря на то что мерцаніе правды, стремленье къ благу, къ наилучшему и искренность сужденій и были поначалу

въ словахъ его, но чѣмъ далѣе, тѣмъ рѣже; очень скоро исчезли они и вовсе. Итакъ, преклони ухо свое и внимай: нянчился онъ со своимъ Я, кое ему было дороже всего на свѣтѣ, какъ иная мать со своимъ новорожденнымъ чадомъ; ратоваль за преобладанье Я надъ Мы, но обладалъ Я только онъ – по его же словамъ; но ратуя за Я, былъ онъ лишь терзаемъ и распинаемъ имъ; того мужа при томъ, который ничего не желалъ разрушать и ничего небывалаго не желалъ также, за мужа не признавалъ; и клялъ всѣхъ живущихъ подъ Солнцемъ за поклоненіе – осознанное или неосознанное – слѣпому богу, создателю міра сего, – продолжалъ Акеро, съ несвойственной ему нынѣ жадностью выпивая чашу кносскаго вина, томившагося въ амфорахъ весьма долгое время. – Но мы живы и здравствуемъ, а онъ, сей учитель недолжнаго? Дары «слѣпому богу», неподлиннаго-де, мнѣ вѣдомы (всѣ боги и самая Судьба – со мною), а дары нѣкоего подлиннаго-де бога (коего никто не видалъ) мнѣ невѣдомы, какъ невѣдомъ и онъ самъ; и ему, М., онъ невѣдомъ, слышишь, невѣдомъ! Богъ его – хуже Баала и Молоха, ибо М. пожертвовалъ вѣсь Критъ несуществующей его тѣни! – переходя на крикъ, распаляясь, говорилъ Акеро, очи чьи метали молніи; выпивши вина, послѣ долгаго, никѣмъ и ничѣмъ непрерываемаго молчанья онъ продолжилъ много спокойнѣе. – Мнѣ поистинѣ жаль М., судьба чья была расплатою за ошибки ума, бытіе – раной кровоточащей, а слова его – кровью изъ отверстой раны. Я могу не записывать свои словеса: они уже въ мірѣ, они

– міръ, міръ – они; его же слова – плодъ болѣзни, безумія, безсилія, «духа». И не слишкомъ ли великое благодѣяніе я оказываю ему, столь много думая о нёмъ... въ толикіе часы? Ясно одно: намъ слѣдуетъ оправиться отъ нечестиваго его общества и злотворныхъ его дѣяній, дабы вновь обрѣсти себя самихъ, очистивши сердце отъ него, неугоднаго міру: не всё золото, что блеститъ, и неподлинное золото указываетъ: какъ не слѣдуетъ быть и что не слѣдуетъ дѣять. Долгъ нашъ – для утвержденья міра въ мірѣ и самого міра – умолчать о М., дабы никто – никогда, никогда! – не шель стезями его – вовѣкъ, вовѣкъ! – Ибо мы уже узрѣли, коликое зло Гордынею рождается. Поистинѣ: хуже Гордыни нѣтъ ничего: она безуміе и чума, она – начало конца; и её слѣдуетъ тушить пуше пожара. Ибо себя онъ, одержимый, ставилъ выше міра и того, что въ мірѣ, но, ставя себя выше, быть царемъ всего Крита онъ отказался, къ удивленію всеобщему. Безумецъ! Безумецъ, коего выbleвали небеса себѣ на потѣху! Женоненавистникъ, кому, если не матери обязанъ ты жизнью; ненавистникъ любви, кому обязанъ ты жизнью, если не любви твоихъ матери и отца? Совѣтовался ли ты съ плотью своею, когда избиралъ стези сіи? Не милостью ли плоти рождень ты, о ненавистникъ плоти? И гдѣ жительствуетъ твой духъ, ежели не въ плоти? Безумецъ! Грозилъ землѣ кулакомъ, но въ Землю-Мать онъ и отошелъ; Всемиловитая приняла въ лоно свое и его – Её безпрестанно проклинавшаго. Изначально обречены были и онъ, и ученіе его – на погибель, ибо и са-

мъ онъ, и ученіе его – погибель. Довольно! Жиль онъ грезами; воображеніе – большой помощникъ, когда мысли и рѣчи суть ложь, но воображеніе – еще и палачъ завравшагося: въ томъ справедливость и даже милость Матери.

– Стало быть, онъ собою открываль новыя стези Жизни? И что такое Я, то Я, о коемъ училъ М.?

Переведя дыханье, наливая себѣ еще одну чашу вина превосходнаго, Акеро продолжалъ, осматривая дверь въ покои, которая, какъ и многія прочія критскія двери, была вписана въ бычьи рога – въ рога посвященія, какъ ихъ называли: не подслушиваетъ ли кто.

– Милость Судьбы въ томъ, что если ужъ и рождается что грозящее міру, оно беспомощно, голо, слабо: или же – ежели оно не беспомощно, не голо, не слабо – оно само желаетъ обособиться, а потому и сгибнуть. И что бы оно ни дѣяло и ни выдумывало, оно милостію Судьбы забывается въ сердцахъ людскихъ, не могучи не кануть въ рѣку забвенья, въ потоки безвременья: Вѣчности нѣтъ дѣла до нихъ: ей есть дѣло до насъ. Хвала богинямъ: не только Вѣчности, но и міру нѣтъ дѣла до подобныхъ, до чаяній ихъ, до счастлиій ихъ и ихъ страданій, ибо подобные, рождаясь рѣдко, крайне рѣдко, живутъ сущностно на окраинѣ міра, хотя бы и находились они въ гущѣ событій. Міръ безразличенъ къ подобнымъ (что, конечно, рождаетъ ненависть подобныхъ къ міру), онъ не противу нихъ: они лишь на обочинѣ, что они никакъ не могутъ взять въ толкъ. – Путь его былъ не Путемъ, но пу-

тами и путемъ въ никуда, шествіемъ къ паденію въ Ничто, распутьемъ безъ конца и безъ края. Запомни: о тьмѣ сказывала тьма, тучи заплонили твердь небесную, и пала – словно жемчугомъ – влага ихъ на твердь земную, ибо слово его есть влага, а не огонь. Паль онъ, павшій.

– Но ты говорилъ, что незримо былъ онъ въ сердцѣ великой войны и того болѣе былъ сердцемъ этимъ... и что менѣе всего можно назвать его беспомощнымъ, голымъ, слабымъ: словно молнія – онъ...

Акоро вновь словно не услышалъ словъ сына своего и продолжалъ, перебивъ его и глядя черезъ окна палаты въ окоемъ, дѣлившій безграничную ширь на двѣ неравныя части:

– «Лицемѣрьемъ стоитъ міръ» – говаривалъ онъ, сей «ратоборець невозможнаго на службѣ у Бога», какъ онъ самъ о себѣ сказывалъ, а на дѣлѣ – попросту не жилецъ на этомъ свѣтѣ. Пусть такъ, лицемѣрьемъ: вѣдь стоитъ же! лицемѣрье и ложь входятъ въ порядокъ міра – существующій и правдивый, а не выдуманный и ложный; въ томъ – святое равновѣсіе всего. А онъ, пустынная его душонка, лишь помѣха міру. Онъ – безпріютный, бездомный, но пьяный: небомъ. Онъ, одержимый и терзаемый мыслями, призраками, «духомъ»: «духъ» его не только и не столько призраченъ, сколько смердящъ, «духъ» его – душокъ разложившейся, распавшейся плоти: его мучимой-пучимой нѣкогда плоти. Не онъ владѣлъ мыслями: мысли владѣли имъ; точнѣе: безуміе владѣло имъ. Училъ онъ и о борьбѣ съ Судьбою, но остался



въ дуракахъ у Судьбы. Онъ такожде училъ о нѣкоемъ подлинномъ отечествѣ, нездѣшнемъ. Которое никто не зрѣлъ и не узритъ! Да и было бы небо небомъ, не опирайся оно на землю! Потому и училъ о нездѣшнемъ, что не имѣлъ почвы подъ ногами, дабы цвѣсть; онъ парилъ надъ землею и едва ли могъ укрѣпиться на ней, обрѣсти корни; того болѣе: желанья такого не имѣлъ, что уже само по себѣ есть вѣрнѣйшій признакъ безумія. Училъ онъ и о созерцаніи; того болѣе: дѣя черное, смѣлъ нарицать себя таковымъ; созерцаніе разумѣлъ онъ, презрѣнный и праздный, за презрѣніе къ дѣятельности; но дѣяніе нѣчто созидаетъ, въ отличіе отъ пустого созерцанья. Онъ не созидаль: лишь разрушалъ, а въ прерывахъ межъ разрушеньями – созерцаль. Да будемъ вѣрны мы созиданью! Помни, сыне: есть только здѣшнее отечество: предорогая наша родина, и любовь къ родинѣ – любовь высочайшая и добродѣтель первѣйшая; выше и первѣе лишь любовь къ Матери; но нѣтъ одного безъ другого. И я, я поддерживаю и міръ, и миръ во всѣмъ мірѣ. Слезами омылъ я Критъ отъ лжи вседержкой, всеразящей, всегубящей: всюду послѣ пришествія его зрю потоки Лжи струящейся – Ложь не то рѣка, не то змѣя. Древности чистоту и святость и впредь мы будемъ свято охранять, да не одолѣетъ Зло родину мою. Еще разъ: ученіе его – вѣяніе Ничто, небытія, стези прямикомъ въ могилу; наше ученіе – источникъ, наполняющій – Жизнію – жизнь, всечистый, безкрайній, неистощимый.

– Да, отче, премного надобно зло пресѣчь навѣкъ. Тобою,

тобою Критъ стоять! Почернѣло небо и земля, поднялася Волна, и буря всё разила; сгибъ было свѣтъ единый – земли критскія, земли добрыхъ; и позднѣе были онѣ зіявшею раною на тѣлѣ Земли-Матери. И се – плодоносятъ: твоею милостію. Твои дѣянья не мертворожденны, они приносили, приносятъ и будутъ приносить плоды благоцвѣтныя, мироустроитель, ибо – ты, лишь ты – водворяешь въ мірѣ миръ, миродержецъ. И уже водворилъ! Уже!

– Вѣрой, правдой и любовью, сыне.

– Если бы не ты, отче, – былъ бы стертъ съ лица Земли нашъ Критъ любимый. Подумать о томъ страшно! Но плодоносить лоза критская и тучнѣютъ земли добрыхъ.

– Во вѣки вѣковъ, сыне мой. Но предстоитъ тебѣ довершить еще не довершенное: собираніе земель критскихъ и благоустроение ихъ.

Сынъ поклонился въ знакъ глубокаго почтенія, также предвкушая и величіе возложенныхъ на него стезей. Акеро продолжалъ:

– М. – въ отличіе отъ меня (и надѣюсь – тебя) – такъ и не научился сдерживать, обуздывать себя, вмѣсто того несся онъ галопомъ сквозь пространства, просторы, чрезъ явь и время, сожигая всё на пути своемъ (послѣ же – лишь пепель и прахъ, лишь пепель и прахъ!). Запомни, сыне: не обрѣтя зрѣлое видѣніе пути своей Судьбы – окажешься летящимъ въ пропасть гибели, въ безднѣ коей нѣтъ исхода иного, oprичъ вѣчнаго забвенія: оттуда не прорывается ника-

кое наслѣдіе для грядущаго. Сила – въ Жизни и бытіи, а не въ Смерти и небытіи, кои онъ избралъ, а, избравши, обрвалъ своею десницею нити собственной же Судьбы! М. – неузнанная міромъ упавшая звѣзда, навѣки закатившаяся, западная. Да будетъ Судьба путеводнымъ нашимъ факеломъ во вѣки вѣковъ! – всё болѣе распалаясь, едва ли не переходя на крикъ, вѣщаль Акеро. Переведя духъ, онъ продолжилъ болѣе спокойно, и духъ его являлъ себя менѣе остро, несмотря на острия порою слова: – Противопологать себя міру – не только ошибка, но и грѣхъ, рождающіе зло безпримѣрное. Подъ знакомъ противленія міру и противопоставленія себя ему взошла и закатилась судьба ироя. Ему – да разразитъ меня громъ! – слѣдовало бы цѣловать землю: ей онъ долженъ въ очередь первѣйшую, неудачливый Губитель, погубившій самъ себя лишь, не могшій ничего родить, проповѣдникъ могилы! Не держась за плотское, въ мірѣ семъ ничего удержать нельзя, о чёмъ бы рѣчь ни шла. Безумно тщиться Судьбы избѣгнуть: не любя её и ея не страшась: будешь ею настигнуть. Я вѣрую лишь въ открытость себя міру, въ его всепріятіе въ сердцѣ своемъ, и плоды сего не преминутъ явить себя. Закрытость также показала плоды свои, и они гибельны – и для самого закрывшагося, и для міра. Своеволье отъ вѣка и до вѣка и немощно, и губительно.

– Но вѣдь открытость человѣка міру также можетъ быть губительною для самого открывшагося: не означаетъ ли сіе снять латы, находясь средь враговъ, и себя самолично под-

вергнуть величайшей опасности?

– Міръ и что въ міръ не суть враги. Здѣсь всё отъ превеликой нашей Матери, неусыпающей въ молитвахъ, мудрой нашей Водительницы (вѣдь и звѣзды въ безконечной дали – и тѣ суть очи богинь, взирающихъ на насъ, недостойныхъ), всякой жизни Подательницы, всякимъ новымъ рожденіемъ побѣждающей смерть, всегрознаго супостата; помни: она, Мать, всеблагая и всещедрая, зла не дѣетъ. Хвали – вновь и вновь – непреложное имя Ея, единопреблагодой, единопреблагословенной, утоляющей всѣ печали наши. Въ томъ жизни утверждене и единая опора ея. «Да будетъ воля моя!» – говорилъ безумецъ; ты же говори: «Да будетъ воля Твоя!». Безъ Матери ничего дѣлать не можемъ, Ей же всё возможно. И повторяй въ сердцѣ своемъ – предъ сномъ и послѣ сна: «Не презри моленій, о Мати!». Молися, сыне, изряднѣе! Прими міръ въ себя, и онъ приметъ тебя въ лоно свое, какъ принялъ онъ меня. Жительствуй по законамъ Ея, будь въ неусыпномъ о Ней памятованіи, покоряйся Ей ежемгновенно – и будешь любимцемъ Ея; будь частью міра – и будетъ тебѣ благо. Да-да, помни объ одномъ: слѣдуй за рѣкой жизни, не борись, отдайся ей, отпей отъ пречистыхъ ея потоковъ, вкуси отъ плодовъ ея, и да приидеть покой, всегда ниспосылаемый Матерью, безбрежной, яко море! Приемли всё, опричь Ея неприемлющихъ, Мать, они суть тьма, а тьма всегда смѣняется свѣтомъ. Слитесь со святою природою – вотъ цѣль и смыслъ бытія, вотъ выси священныя: только то-

гда и богатъ ты, а лукавыя мудрованія и умствованія бесплодныя – всегда отъ нищеты; и нищетѣ свойственны думы о небѣ, о загробномъ и о тамошнемъ, коего попросту нѣтъ. Оставайся вѣренъ здѣшнему, ибо иного нѣтъ. Не позволяй мысли завладѣть тобою и унести тебя на незримыхъ своихъ крылахъ прочь отъ земли, отъ Матери! Окунувшаяся въ небо и небомъ голова – единое зло для милой нашей родины; по-сему ежели узришь главу такую – влеки её обратно къ землѣ, къ плоти, къ Матери, туши искры ея пуще пожара. И внемли лучше молчанію, чѣмъ словамъ: чрезъ него нисходитъ благодать Матери. Туши мысли небесныя земнымъ молчаніемъ, туши вечнопагубный и вечнозablуждающійся духъ вечноспасительною и вечнонеложною плотью, да вящимъ одарить тебя всеобщая Родительница! Сыне, сыне мой: быть при Матери смиреннымъ, смиренномудрымъ и радостнопечальнымъ – и труднѣе, и достойнѣе; гордымъ она противится. И вѣдай: не всё то золото, что блеститъ. Міръ несравнимо лучше, справедливѣе, краше, нежели разумѣль М., возроптавшій въ безумной своей гордынѣ на всё сущее и осыпавшій черною бранью міръ священно-чудесный. Лишь бы милый Критъ не претворился бы въ духъ, ибо тогда онъ былъ бы не родиной, а призракомъ! Помни до конца дней своихъ: сердечно принять ты долженъ міръ вовнутрь себя. И да почиетъ на тебѣ благословеніе Матери! И вовѣкъ да не прельстятъ тебя чары великой обольстительницы, коей дано соблазнять не малыхъ, но сильнѣйшихъ: Дѣвы съ Чужбины, прекраснѣйшей

своими рѣчами, обликомъ, – всѣмъ; но Чужбина та, черна и страшна, всего опаснѣе, всего, хотя тьма та и облекается свѣтомъ и выдаетъ себя за свѣтъ, что всего хуже, предстаётъ Солнцемъ, а на дѣлѣ – разящая въ сердце тѣнь тѣней. Ибо и М. не родился несущимъ въ себѣ ненависть: она содѣлала его такимъ, какимъ онъ былъ. Она – бездна. Она – скверна. Она – лабиринтъ, въ которомъ заблудишься (ибо не заблудиться – потерявъ нить, соединяющую насъ съ Матерью, – нельзя) и затеряешься навѣкъ; лабиринтъ, изъ котораго не выбраться ни съ нитью, ни съ факеломъ. И свѣтъ ея – тьма, и тьма ея сильнѣе свѣта. Бодрствуй, сыне, и бди!

– А живъ ли М.? И, ежели сгибъ, погибши въ цвѣтѣ лѣтъ, гдѣ покоится онъ послѣ смерти?

– Въ земныхъ онъ нѣдрахъ нынѣ, безъ сомнѣній, – съ поспѣшностью, почти скороговоркою отвѣтилъ Акеро, потрянувъ снѣговою шапкой волосъ. – Матери отдалъ онъ душу: добыча тлѣнья онъ. Тьмою низринуть въ тьму. Онъ паль, паль, содѣтель бѣдъ! Яко звѣзда! И кончина его – Крита заря утренняя.

– Въ томъ увѣренъ ты?

– О, безъ сомнѣній. Огонь его навѣкъ потушень, растаялъ онъ въ ничто: доблестное наше воинство отправило его на тотъ свѣтъ (не туда ли онъ алкалъ попасть, изошедши изъ міра сего?), хотя и былъ онъ одѣтъ въ доспѣхи зла: видишь ли, доспѣхи Матери сильнѣй. Вѣруй и вѣдай: испустилъ онъ духъ свой. Да ежели и былъ бы онъ живъ... безразлично... онъ

не мы, потому обречень онъ на забвенье вѣчное.

– Отче, видалъ ли ты хотя бы разъ – вѣдь многожды ты зрѣлъ его, находясь при нёмъ, – что Гордость его сломлена была чѣмъ-либо?

– «При нёмъ» – такъ ты сказалъ, или я ослышался? Да какъ ты смѣлъ, юнецъ?

– ...когда истерзанъ онъ былъ... въ концѣ.

– Змѣю лелѣялъ! О неблагодарный! Не я при нёмъ, но онъ при мнѣ! И я не сказывалъ о концѣ и конецъ его тебѣ невѣдомъ: напротивъ, на исходѣ бытія своего, облекшійся небытіемъ и тьмою, былъ онъ Гордостью воплощенной, Гордость сочилась изъ него отвсюду – изъ очей, изъ молнійнаго его меча, изъ прядей волосъ, даже изъ ранъ; и имя толикой Гордости, множащей зло, какъ ничто иное на свѣтѣ, – Гордыня. Вѣришь ты или нѣтъ, но, какъ говорятъ бывшіе при нёмъ тогда, каждая новая рана питала её: умѣлъ онъ использовать раны свои себѣ во благо; говорятъ также, что Смертью дышала обликъ его.

– Очи его часто ли наливались кровью?

– Не кровью: очи его – пламя, ликъ его – буря. Въ твоихъ, моихъ и чьихъ угодно еще очахъ мерцаетъ Жизнь, въ его же – громъ и молніи. Не было ни одинаго подъ Солнцемъ, кто долго могъ бы взирать въ очи его, въ сердце тьмы. Ибо ежели мы отъ рожденія до смерти снѣдаемы Страхомъ, то онъ – Ненавистью.

– Вѣдалъ ли онъ Любовь?

– О нѣтъ, хотя сей родитель Зла, боли и мрака, и вѣдаль еѣ, по его словамъ. Однакожь, вдвоемъ его ни съ кѣмъ не видалъ никто. Всѣ его то выдумки. Зброшенный перстомъ Матери на Критъ, какъ персть одинокій онъ былъ. Да-да: одинъ – какъ персть – всю жизнь, помѣсь огня и праха, блуждающій болотный огонекъ, сиротствующій и сиротоглазый вѣчный юнецъ, «безсмертно-юный», какъ онъ себя нарицалъ.

– Отець, ежели...

– Не смѣй говорить «ежели», какъ народъ, ибо сіе не причествуетъ намъ.

– Прости, отче. Ежели онъ любилъ, то, стало быть, отдавался въ руцѣ Любви?

– Да что тебѣ извѣстно о Любви, юнецъ?

– Прости, отче. А что до его Ненависти...

– ...Ненависти къ самому преблагому бытію, ибо именно Ненавистью дышало сердце его.

– Стало быть, его Я не было царемъ господствующимъ?

– Молчи, глупецъ! М., рабъ своего Я, проигралъ! Проигралъ: ибо гдѣ онъ? Исчезъ, яко дымъ отъ костра огня потухшаго. Его Я – лишь суетливая рябь на величаво-неспѣшно-спокойной глади мірозданія; была – и нѣтъ ея. А знаешь ли что?

– Что?

– Каковъ обликъ мірозданія?

– Нѣтъ, отче. Многое сказывалъ ты, но о семъ не изволилъ сказывать.



– Оно въ обликѣ трона: трона богини-Матери. А тронъ тотъ – Критъ. А мы – ступеньки трона сего, и ежели можно намъ чѣмъ-то гордиться, то этимъ.

– Благодарю тебя, отче, за сей сказъ и за наставленья. Всѣ останется между нами. Наставленья твои уже запечатлѣны въ сердцѣ. Но вотъ что не укладывается въ глупой, юной моей головѣ: ежели была прямая связь между дѣянiями М. и Волною, Бурею, пепломъ сѣрымъ, то отчего ты говоришь, что онъ...

– То его рукъ дѣло – безъ сомнѣнiй; и такъ думаю отнюдь не только я, но и тѣ, что знали, и видѣли М. во времена послѣдней Брани. Но о томъ сказывать нѣтъ силъ у меня. Но и не вздумай думать, что зло, имъ созижденное, сила: оно – слабость! – быстро проговорилъ Акеро, перебивъ сына. Переведя дыханiе онъ продолжилъ спокойнѣе: – Слава Матери, что была Европа въ ту пору на югѣ Крита... насколько была она прекрасна въ тѣ години... краса ея далеко превосходила... звѣзда межъ дѣвъ... иначе могъ ли я, милостью Судьбы бездѣтный, безропотно тройню усыновить? Ибо въ поры тѣ пребывалъ уже я на тронѣ царскомъ, хоть и не всего Крита – его лишь части, но всё же, всё же!

Послѣ Акеро раздраженно бросилъ сыну: «Ей, гряди вонъ: мнѣ надобно быть одному».

– Такъ ты усыновилъ меня и братьевъ моихъ?

– Говорю же – прочь съ глазъ долой, неслухъ.

Сынъ Акеро удалился: воутрiе ему надобно было вставать

– рано, какъ и во всякій иной день своего служенія Криту. Но долго, долго не могъ онъ уснуть: передъ сномъ ему думалось: «Хотя роковую свою тайну, свое неразгаданное унесъ онъ безвозвратно съ собою, окончивши земное странствіе, огненное дыханье Свободы и Воли чую, когда думаю – лишь думаю – о богомужномъ М.! Пусть думы черныя, аки ночь, носиль въ черной своей головѣ, пусть такъ... Самый взоръ его, богоподобный, быть можетъ, могъ расколоть всю землю: на двѣ части. И, пожалуй, уже расколоть: на то, что было до него, и на то, что будетъ послѣ. Величіе его времени неподвластно, безъ сомнѣній! Онъ, прегордый единоборецъ, не приѣмлетъ міръ, но всё отвергаетъ, отстаиваетъ онъ себя противу міра – міръ и М. не сплелись воедино, не просіяли другъ въ друга, какъ у всѣхъ прочихъ: міръ не впустилъ М. въ лоно свое, ибо М. не впустилъ міръ въ сердце свое: здѣсь скрыта мудрость. Мудрость, въ сердцѣ которой танцуетъ пламень! Кто вѣдаетъ: быть можетъ, именно сей М. и вѣдалъ единственный путь того, какъ не уподобляются богамъ, но ими становятся: во плоти; солнцеликій, онъ вѣдалъ невозможное и, видимо, дѣялъ невозможное; не былъ онъ, какъ всѣ мы, рабомъ заданнаго, но, напротивъ, заданіемъ его было: побороть заданное въ личной судьбѣ; не былъ онъ покоренъ внѣшнимъ и, слѣдственно, растворенъ имъ въ нёмъ же самомъ, ибо М. прободаль, прободаль, прободаль, пока не покорилъ его, а не покорился ему, какъ мы всѣ. Стезеею великою прошелъ М. Во всякомъ случаѣ, несмотря на всѣ

чаянія и старанія «отца», М. и послѣ смерти простираеть и будетъ простирать вліяніе свое на міръ – и кто вѣдаетъ, сколь долго! всяко ужь, долѣе всѣхъ насъ. Заря его въ вѣкахъ не померкнетъ; пусть «отецъ», мятежащійся смиритель мятежа, медноголовостью, лишь медноголовостью подобный премогучему нашему Талосу, клевететь, бросая черныя пригрозы: нельзя пламень пепломъ затушить! Даже если М. проигралъ (какъ хотѣлось бы думать моему «отцу» – отцу? я чуюль, что онъ не отецъ!), то и поражение претворилъ онъ въ побѣду: у всѣхъ насъ судьбы общія, у него же судьба своя, личная; у всѣхъ насъ нѣтъ Я, есть лишь Мы, а онъ обрѣлъ Я; мы безличны, онъ – Личность. Потому Смерть бессильна догнать его и покарать, какъ всѣхъ насъ; усненіе – терновый вѣнецъ человѣковъ: въ себѣ мы носимъ Смерть, съ нею же рождаєсь. Всѣ тщанія «отца» моего низвергнуть, попрасть – непоправнаго М., побѣдить – непобѣжденнаго – и смѣхъ, и стыдъ, и чушь. Экъ онъ пятится: отъ М.! Зловонны злорѣчивыя его хуленья и слабы, какъ онъ самъ, тщетно тщашійся сдѣлать изъ Крита большее, чѣмъ онъ есть; поистинѣ, изъ мухи слона дѣлаеть онъ! Укоризненный знакъ нашего упадка! Владѣль онъ міромъ, думая, что онъ – путь, но онъ не путь, но лишь пути, и распутье, и распутица».

Самъ же Акеро провелъ ночь въ объятяхъ дѣвъ, какъ то ему и подобало, пребывая въ лонѣ счастья, ибо главнымъ счастьемъ для него было женское лоно.

Наутро сынъ Акеро снова думалъ объ М.: «М. былъ под-

линно свободенъ – въ томъ сомнѣній быть не можетъ: вотъ откуда ненависть «отца», несвободнаго – и въ высшей мѣрѣ! Страхомъ, животнымъ страхомъ вызвана ненависть его. Ибо Свобода одного можетъ низвергнуть во прахъ порядокъ, ко- ему служить отчимъ мой. Ежели Свобода хотя бы единожды еще вспыхнетъ звѣздою на мглѣ Крита – вновь конецъ Криту. Именно поэтому «отецъ» ненавидитъ М; хотя М. и покинулъ, по слову его, дольніе предѣлы, ненависть къ нему жива и того болѣе: расцвѣла она пышнымъ цвѣтомъ. Смежилъ ли онъ очи, покрывъ себя славой немеркнушей? «Отецъ» не лукавитъ ли, говоря о смерти его какъ о свершившемся? Ибо нынѣ чую и чаю: онъ – живъ – и, быть можетъ, не только въ моемъ сердцѣ, онъ – живой! За нимъ – правда подлинная. Нѣтъ, не исчезъ онъ, всемошный и всепревосходящій, съ лица земли. О Побѣдитель! О лучъ правды: въ мірѣ лжи! О пламень святой! Не вѣрую, что силу черпаль онъ изъ источника отравленнаго; источникъ его былъ инымъ – всечистымъ; ибо можетъ ли отравленный, грязный и мутный источникъ породить молнію, могшую всё, чего только пожелаетъ? Но хуже то, что «отцу» нынѣ стыдно, что тотъ былъ при М.; за «отца» уже стыдно и мнѣ: предъ самимъ собою. Мнится мнѣ: могъ забрезжить міръ иной, но нынѣ – тьма. М. – мученикъ Свободы, и былъ онъ несказанною зарею несказаннаго. Ибо самая судьба его пятилась. Не человѣкъ – скала! Нѣтъ, не скала – молнія! О небо, великое и пространное, самая безконечность взираетъ на меня тобою, о вечноглубое.

М., упавшій – небомъ – съ неба... онъ вѣдалъ, что несешь ты въ безконечныхъ своихъ глубинахъ, ибо небо – родина его, а не земля, какъ у насъ, критянь. О небо, въ тебѣ сокрыта мудрость великая, большая, нежели въ черно-красномъ сердцѣ земли-матери. Но мысли М. – выше неба. Ибо М. есть также и молнія, а не лишь громовое ей вторье, ибо онъ зачинатель: и молніи, и грома; но онъ же и свѣтъ молніи, и свѣтъ тотъ не отъ Матери, но отъ Дѣвы съ Чужбины. И даже слова «отца» о нёмъ – словно порѣзающій тьмы ночныя свѣтъ далекихъ звѣздъ. О М., о темно-лазурно-буйный, непокорно-бурный, непокоренный, стоитъ ли Критъ жизни твоей, которая была его смертью? Но ты – прежде чѣмъ извергнуться лазурью въ лазурь – полувоскресъ: отцомъ и рабами его. Я бы принесъ въ жертву вѣсь Критъ съ будущностью его, всѣ дворцы его, пажити, селенія, самый народъ его, дабы лишь зрѣть тебя лице предъ лице! О земли добрыхъ, сколь злы вы!».

На слѣдующій день, когда ужъ не золотыя – мѣдныя – струи пронзали залу, отецъ и сынъ играли въ кости; сынъ по старинному обычаю поддавался старшему, однако, игра, кажется, наскучила обоимъ. Неожиданно Акеро почувствовалъ дурноту – словно безпричинный страхъ пронзилъ душу, ее сковавъ, что не могло не быть замѣченнымъ и сыномъ, и рабами, что прислуживали господамъ; никто и никогда не видѣлъ Акеро въ подобномъ состояніи. Когда ему стало легче, онъ жестомъ руки приказалъ всѣмъ, кромѣ собственнаго сына, удалиться и, полнясь злобою, страстно изрекъ:

– Зловѣщій, онъ – въ насъ: разлить – силою, «духомъ», пропитавшимъ всё – всё; боюсь, онъ, бытіе чье – воедино! – громъ, и молнія, и бремя для každого живущаго, онъ, чьи очи плавили міръ, въ чьихъ ушахъ гремѣла Ненависть, улыбка чья – гримаса боли неизбывной... онъ, онъ, бурю вспоенный, рожденный тьмою (и самъ онъ – тьма злоликая, содѣлавшая насъ блѣдными, какъ полотно, и бѣдными, какъ нищіе при базарѣ), онъ, словно пришедшій изъ подземелій раскаленныхъ, а не съ неба, откуда палъ онъ, падшій, изъ страшныхъ и ужасныхъ нѣдръ Матери-Земли, черно-красныхъ, онъ... онъ – разлить не только въ насъ, но и въ самомъ критскомъ нашемъ бытіи, а, быть можетъ, и въ ...мірѣ. Онъ – море, въ коемъ тонетъ всё благое, черная воронка, уносящая всё въ небытіе, онъ – кара Матери и богинь прочихъ, обрушившихъ на насъ гневъ свои, чума, Ею ниспосланная за нѣчто невѣдомое, за нѣчто безымянное, Ея онъ персть и когти, ежемгновенно неизбывно ранящія живую Крита плоть... онъ – не многострашныя его дѣянія и не его словеса, стекавшія со сферъ надзвѣздныхъ, изъ самихъ корней небесъ, пронзающія души всего живого: онъ выше словъ и выше дѣлъ; онъ – въ каждомъ щемленіи сердца, въ каждой слезѣ, въ каждомъ вздохѣ, въ каждомъ страхѣ, въ снахъ и яви – онъ; онъ – не буревѣстникъ и свидѣтельствующій о Концѣ, но – буря, молнія и Конецъ, безконечный Конецъ безъ конца, и начала, и края, и предѣла. Конецъ, но не Исходъ. Въ пламени собственномъ коваль онъ, злонравный, побѣды, дабы низ-

вергнуть въ небытіе бытіе. О исчадіе сферъ подземныхъ! О чадо мрака! О сынъ погибели! Всѣ бытіе для него – навозъ. И Критъ нашъ славный, богоносный – навозъ лишь! О Ужасный, позналъ дѣянья Критъ твои. Давно, давно гнетешь собою ты меня; то доля злая, горькая. О, расточись, расточись, о неизбывное!

– Не то ли, отче, желаешь ты сказать, что міръ вѣсь вертится вокругъ его Я?

– Молчи, молчи, глупецъ! Что знать о томъ ты можешь?

– Отче, выходить, міръ палъ въ отверсту его пасть.

– Молчи же, о младоумный! – кричалъ Акеро.

– Быть можетъ, «духъ» его исшелъ изъ міру... Вершилъ дѣла, велики и страшны, но нѣтъ его теперь! Нынѣ не призракъ ль онъ безплотный?

– О да: безъ плоти онъ, чуждъ всему, и при жизни былъ; не человѣкъ, но тѣнь, не свѣтъ, но тьма. Но нынѣ словно тѣнью бродить онъ межъ земель критскихъ. Разрушитель! Разрушитель! О сынъ погибели! Но нѣтъ, мнится мнѣ: еще онъ здѣсь, здѣсь, незримо витаетъ «духъ» сей, кружася; потому и должны къ сему мы руку приложить, къ исходу чернаго сего «духа» изъ Солнцемъ обильныхъ нашихъ земель: навѣки, о, навѣки! Иначе – всѣ тщетно, иначе мятемся мы все.

– Стереть должны мы мраки Ночи. И буди тако, отче.

– Во вѣки вѣковъ! Тѣнь его должна быть потеряна: въ вѣкахъ. Иначе былое, похотливо крадущееся къ самому сердцу многограднаго нашего Крита и заливающее нынѣ душу

до краевъ, наполняя её тревогою, и впредь будетъ... никакого, слышишь, никакого благодѣянiя нечестивѣйшей его тѣни, никакого памятованiя о нёмъ! Живъ ли онъ иль мертвъ – безразлично: важно иное: онъ – бремя наитягчайшее, упавшее – камнемъ – на сердце по волѣ Матери. Но всё по Ея милости свершается. Алкаль онъ погубить и миръ, и миръ, но не миръ ли погубилъ его – въ концѣ концовъ?

– Воистину, отче, костра сей «духъ» премного заслужилъ! – глуховато произнесъ сынъ, потирая отъ пота влажныя свои руки. Но про себя подумалъ: «Какъ можно молнiю превратить въ тѣнь?».

– Ха-ха! Ты правъ, сынокъ, – молвилъ, переходя отъ леденящаго душу страха въ суетное веселiе, Акеро, также потирая руки свои, еще болѣе влажныя, чѣмъ руки сына его; улыбка нервная сковала уста его. – Ты правъ: бросимъ въ сей пламень и память о нёмъ, и всегубительное его ученiе: блоху и клопа, не дающихъ очи смежить во время положенное! Я сѣдъ и старъ, но въ сердцѣ – полдень, ибо надъ богоспасаемымъ Критомъ – полдень, Солнце встало надъ славнодержавнымъ Критомъ, единымъ и вѣчнымъ, хотя нынѣ день и клонится къ закату; зори, радостныя сердцу, зримы мнѣ. Отмсти ему, сыне: всей роскошью грядущихъ дѣянiй! И помни: есть лишь Критъ, вечнонеизменный и вечносвященный, удѣль Матери.

– Вся жизнь моя, отче, будетъ ему местию и урокомъ! Дланью его пришелъ закатъ Крита, который – твой восходъ, от-



че. Имь Критъ сгибь, но тобою – воскресь! Судьба Крита – вновь и вновь возглаголю! – лишь въ твоихъ рукахъ.

– Наконецъ-то я услышалъ желанное. Выпьемъ же за сіе, сыне, и за Крита вѣчное здравіе! И за то, чтобы сѣмя твое господствовало навѣки!

– Во имя Крита!

– Во имя священнаго удѣла Матери!

Выпивши изъ золотыхъ бокаловъ мѣстной южнокритской работы съ изображенной на нихъ сценѣ игръ съ быками, Акеро попросилъ сына удалиться, сына, которому то ли не повѣрилось въ «зори», то ли «зори» этѣ показались ложными; остался одинъ Акеро и молился Матери; послѣ налилъ себѣ еще чашу вина, взявши со стола также и нѣсколько плодовъ; подошелъ къ окну и наблюдалъ за тускнѣющимъ закатомъ; но Критъ еще не погружался во тьму. Очи Акеро расширились, онъ изображалъ собою священное (быть можетъ, и мнилъ себя таковымъ), изрекая:

– Поистинѣ самоограниченіе – добродѣтель вѣрнѣйшая, и скромность, и чинопочитаніе. Но есть нѣчто еще выше и важнѣе: повиновеніе всеобъемлющее, и покорность, и послушаніе; они – мать и отецъ цвѣтенія славнаго нашего Крита. Добродѣтели сіи водворяютъ ладъ, созидаю гармонію неувядаемую. Не диво ли, когда тьма малыхъ, граничащихъ съ ничто, собою образуетъ всё: Критъ. – Таковы твои чудеса, о Матерь. Подъ твоимъ всеумудрымъ водительствомъ и скромными нашими усиліями, поставившими каждого на

мѣсто, ему подобающее, – да такъ, чтобы каждая часть мѣсто свое знала и долгъ свой вѣдала, служа дѣлу всеобщему, – Кричь вновь цвѣтеть; и да не отцвѣтеть онъ во вѣки вѣковъ! И да не придетъ толикое зло въ славныя наши земли: никогда, никогда!

Послѣ же ни о чѣмъ не думая, продолжая созерцать лазурь, Акеро священно-сливался съ природою, всегда имъ боготворимой и разумѣвшейся имъ за нѣжную пѣснь Матери, но нежданно-негаданно мысли объ М. вновь явили себя, и произнесъ онъ ихъ вслухъ – и словно не произнесъ, а отчеканилъ, вбивая ихъ въ аэръ, какъ вбиваютъ гвоздь:

– Вседневно терзаемый несбыточностью и ложностью своего вѣрованія, влекомый болью неизбывною, бессмысленно-вѣчно-мятущійся «духъ», не бытіиствующій, но попросту – несбывшійся, праздноболтавшій и праздношатавшійся, безмѣрно-злой, ослѣпленный – донельзя – ненавистию, напряженный, какъ тетива лука, потерянный, бичуемъ онъ Жизнію («Судьбою», какъ онъ говорилъ, что ему-де задолжала; но, поистинѣ, не Она ему, но онъ задолжалъ Ей), послѣ – когда силы всё болѣе и болѣе ослабѣваютъ – закрывается онъ мнимымъ совершенствомъ и вѣрою въ мнимое тамошнее отъ всеобщей смертности и круговорота Жизни, святого и великаго, но нѣтъ на землѣ совершенства, oprичъ земель критскихъ, самая вѣра въ совершенство иное есть бѣгство отъ здѣшняго, кое единственно и есть подлинное. Око Бога – Солнце, которое онъ, безумно-дерзкій, также

проклиналъ, прокляло его. Поистинѣ: не Жизнь несправедлива, но ты былъ несправедливъ къ ней, ты, о лжесловесникъ! Потому прокляло тебя не только Солнце всесвѣтлое, но и прекрасноткущая Судьба и даже самая Жизнь. Проклять, о проклятый! Посему не было, нѣтъ и не будетъ тебѣ мѣста въ мірозданьи, отверженецъ, бродяга и тать. Дѣло твое было отъ вѣка – вѣкомъ – обречено тлѣнью, пошло оно прахомъ, нынѣ оно – добыча персти земной, какъ и ты самъ, о несчастный! То благостыня Матери, и Ея воздаяніе. И ты безсиленъ хотя бы и на самую малость истощить великіе запасы милости Ея, о узникъ судьбы собственной! И если то не благостыня, а длань карающая, то длань сію я буду благословлять и цѣловать во вѣки вѣковъ! Въ горделивѣйшей своей позѣ разумѣлъ ты себя побѣдителемъ, но ты пораженецъ! И жизнь твоя, и смерть – поражение, о, пустоцвѣтъ, перекати-поле, изгой! Обѣ – позорное пятно на живой плоти родины; но оно уже смыто – мною. Посмѣшище міру! Слова твои суть сказки: такъ бы я сказалъ, ежели бы не зналъ о подвигахъ твоихъ и о твоихъ дѣяніяхъ: злодѣяніяхъ! Они не сказки, но чернѣйшая ложь. И ложь твоя есть бездна разверзшаяся. Лишь настоящее настояще, лишь мигъ, мгновеніе: оно – лазурное море съ перламутровыми волнами, палимое Окомъ Матери; оно – сердцебіеніе Ея. Иного, oprичъ настоящаго, нѣтъ: нѣтъ ни прошлаго, ни грядущаго. Вѣчность настоящаго, ярко-сіяющаго, всесвѣтлаго и святаго, раствореніе въ мигъ, когда разумъ молчитъ, пребывая въ святомъ покоѣ, и въ священномъ

семь молчаніи непостижимо пріоткрываєть самое себя Истина – казалось бы, сама, но на дѣлѣ по волѣ Матери: только тогда мы и въ силахъ что-либо познать – а не отрицать, какъ безумнѣйшій изъ всѣхъ безумный: М. О молчаніе, ты – зеркало, въ коемъ отражается бытіе – цѣльное и цѣлое, покойное, священное, вѣчно-простое, отъ вѣка и до вѣка живое, ясное, аки Солнце: подлинное, а не измышленное, – а въ твоихъ, М., очахъ, которыя – какъ уголь раскаленный, отражается лишь безуміе твое; свое безуміе еще хотѣлъ ты переложить на міръ! Будь ты проклять, и проклятіе да падеть на сгибшее бытіе твое! О мигъ, ты – Солнце, ты – Око Матери... Ты же, М., – лишь потухшая звѣзда на небосклонѣ, одна изъ нуллионовъ иныхъ звѣздъ, жалко-безсмысленно-барахтающаяся, дабы отдѣлится себя отъ прочихъ звѣздъ и тѣмъ себя возвысить. Потухшая звѣзда: въ тѣмѣ невѣдѣнія. А нынѣ лишь – не пыль, но тѣнь пыли! О прелюбимая моя родина, какія еще бури тебѣ суждены, о могучій Критъ, о земли добрыхъ?

Твердь небесная рѣзко потемнѣла, неправдоподобно-пугающе-скоро, облакъ за окомъ стремительно палъ. Лазурь во мгновеніе ока сгустилась на небосводѣ и претворилася въ тьму и вотъ уже страшая молнія изламываясь бьетъ въ плоть Крита, освѣтивши его на мигъ: не успѣлъ онъ окончить рѣчь свою, какъ громомъ – посередь яснаго неба – прозвучали слова – изъ ниоткуда; и были они громно-грозно произнесены нѣкимъ незримымъ духомъ гласомъ *тамошимъ*:

– Взгляни въ лицо Истины: ты предаль... того, слово чье было истинно, ибо истиненъ и неложенъ былъ онъ самъ; но будь слово его неистиннымъ хотя бы и въ мѣрѣ полной, оно было таковымъ, что его стоило бы изречь единожды и изречь послѣ: вновь и вновь; того, чье Я было дороже всѣхъ царствъ земныхъ; того, кто былъ, есть и во вѣки вѣковъ будетъ вечногрядущимъ. Его ославивъ, лишь себя всего лишилъ ты; поношенія твои – по кругу, но не милостью круга, – возвратились къ тебѣ, обернувшись противъ тебя. Я обнажилъ лице свое... Узри не могущее быть узрѣннымъ, познай не могущее быть познаннымъ, и да будетъ мгновение сіе – Вѣчностью; мздою послужить невеликое – твоя лишь жизнь. Извѣдай же: первое и послѣднее слово – всегда за Я.

Прорѣзь Я – молніей – блеснула и – снова сокрылась въ безличныхъ толщахъ Мы. Лазурь ушла съ небосвода, и черноты, и темноты залили собою всё вокругъ. Мгла сгустилась надъ Критомъ, надъ землями добрыхъ, черная безконечность явила себя, и Вѣчность пріоткрыла ризы свои; словно нѣкимъ свиткомъ сворачивалась твердь небесная. Громъ разинулъ зѣвъ свой, и былъ гнѣвъ зѣвомъ его, и была и была молнія въ тверди небесной, и была и была молнія въ тверди земной, и былъ громъ – какъ ревъ быка. Безпросвѣтная ночь заступила, и раскаты грома множились. Звѣзды потухли; лишь Денница алмазомъ сіяла въ вышинѣ.

И въ мигъ сей Акеро упаль замертво, а предъ паденіемъ молніей мелькнула послѣдняя его мысль: «Ты, ты заслонилъ

собою Солнце, ты же его навѣки и затушилъ!».

\* \* \*

Пасынку тѣмъ временемъ снились сны, быть можетъ, вѣщіе, быть можетъ, и нѣтъ; и снился ему иной Критъ: свободный, гдѣ не принужденіе и страхъ царствуютъ, но воля и преизбытокъ всего; и во снѣ предпоследнемъ представили со всею наглядностью слова Акеро, бросившіяся въ юное сердце: Акеро, грекъ родомъ съ Крита, но долго прожившій на востокѣ, — не его отецъ, отецъ — нѣкто иной; греки умнѣ критянь, а финикійцы — грековъ, и не матери ли финикіянкѣ обязанъ онъ своимъ умомъ? И не финикіецъ ли М.; или грекъ, быть можетъ? М. во снѣ предсталъ живымъ, словно возставшимъ изъ мертвыхъ. А Критъ казался чудищемъ, а отецъ — не Акеро, но подлинный отецъ — получеловѣкомъ-полубыкомъ: Быкомъ красноярымъ. Снился и иной, послѣдній сонъ: онъ, уже немолодой, даже старый — точь-въ-точь какъ давеча отчимъ его — уставши отъ возліяній и яствъ, находяся во дворцѣ своемъ, подъялъ взоръ на берегъ морской, глядя долго на сине море, и вдругъ узрѣлъ: стѣну кораблей, страшную числомъ ихъ, медленно-мѣрно приближавшуюся къ берегу. Стражъ Крита — меднотелый Талось могучій — бездѣйствовалъ, хотя и былъ онъ зримъ вдаль; не бросалъ, какъ обычно, огромныя каменья: глыбы, — топя деревянные корабли непріятели; не былъ и слышенъ страшный

его смѣхъ: смѣхъ надъ врагомъ. Величественно-неспѣшно двигался сквозь лазурь мѣдный исполинъ, раздвигая собою тучи, гордый, одинокій. И дрожала земля критская, когда хаживаль по ней Талось, голова его упиралась въ облаки, ихъ пронзая; по небосводу разлиты были темныя краски: заслоняль онъ солнце. Тѣнь его пала на вѣсь Критъ... Вотъ подняль онъ огромный свой ликъ, поглядѣвъ на Солнце, на око бога; не щуриль онъ очей; ширилась тѣнь его надъ Критомъ, надъ землями добрыхъ. И былъ онъ угрюмъ и словно боленъ, словно при смерти былъ онъ. – Стѣна кораблей, страшная силой своею, медленно-мѣрно приближавшаяся къ берегу, была сонмомъ ахейскихъ грековъ, рѣшившихъ Критъ покорять не съ сѣвера, но съ юга, юга, который – хоть для мореплаванія и былъ труденъ недостаткомъ пристаней и гаваней пригодныхъ – премного менѣе сѣвера пострадалъ отъ Волны и отъ Бури: югъ былъ желаннѣе. Нуллионы захватчиковъ медленно-мѣрно приближались къ берегу, чтобы Критъ вскорѣ палъ жертвою ихъ прихода: на добрыя земли.

Наутро пасынокъ узналъ о смерти отчима; не горечь, но радость заступала въ сердце наследника. Радость и власть, ибо предстояло: правленье.

«Сына» Акеро вѣка запомнили какъ Миноса, а данное ему при рожденіи имя кануло въ Лету.

## Часть III, или Эпилогъ

*Легенда не ошибается, какъ ошибаются историки,*

*ибо легенда – это очищенная въ горниль времени  
отъ всего случайнаго, просвѣтленная  
художественно до идеи,*

*возведенная въ типъ сама дѣйствительность.*

**П.Флоренскій**

*Миръ не означаетъ чего-то противоположнаго  
реальности, а, наоборотъ,*

*указываетъ на глубочайшую реальность.*

**Н.Бердяевъ**

*«Тогда силы небесныя поколеблются». Силы  
земныя уже поколебались: всё падаетъ, рушится,  
земля уходитъ изъ-подъ ногъ. Вотъ отъ чего я  
бѣгу въ древность. Тамъ твердыни вѣчныя; чѣмъ  
древнѣе, тѣмъ незыблемѣй: римское жельзо,  
эллинскіе мраморы, вавилонскіе кирпичи, египетскіе  
граниты зиждутся на одномъ-единственномъ, въ  
основаніи міра заложенномъ Камнѣ. «Камень,  
который отвергли строители, сдѣлается главою  
угла».*

**Д.Мережковскій**

*Народъ, ходящій во тьмѣ, увидитъ свѣтъ  
великій; на живущихъ въ странѣ тѣни смертной*



*свѣтъ возсіяетъ*  
*(Ис. IX, 2).*

*Но что не дозволено быку, то дозволено*  
*Юпитеру,*  
*при случае становящемуся и быком, когда случай*  
*– сама Европа.*  
*К.Свасьянъ*

Долгое, долгое время иные критяне – и покамѣсть народъ критскій еще оставался автохтономъ, и когда Критъ минойскій сталъ Критомъ микенскимъ, во времена послѣдующія, – вѣрили, что всякій восходъ Солнца, сіе лазури покраснѣніе утреннее, претворяющее еѣ по манію Судьбы въ багръ, есть дѣло рукъ М., а шествіе Луны по небосводу – шествіе Дѣвы. – Однимъ словомъ, немногіе уже въ великой древности обезсмертили ироя юнаго и ту, что родила его Я, причисливши обоихъ къ сонму боговъ. Не былъ бы наивнымъ возгласъ иного читателя, и мы съ нимъ согласимся: «Развѣ не былъ ли достоинъ безсмертья мужъ сей? – Се Человѣкъ». И, хотя для большинства имя М. кануло въ Лету, иные критяне еще цѣлыя поколѣнія славили М. и Дѣву – до тѣхъ поръ пока память народная – уже греческая, а не минойская, – въ формѣ аллегорической не отождествила М. съ Персеемъ, Тесеемъ, Орфеемъ и Гераклемъ, жившими въ цѣломъ на нѣсколько десятилѣтій, а то и сотенъ лѣтъ позднѣ М.; Дѣву же пришлые греки много позднѣ отождествили съ Аріадной или же Евридикою. Однако вскорѣ аллегорическое толкованіе поза-

былось, и представление о Персеѣ, и Тесеѣ, и Орфеѣ, и Гераклѣ, равно и о Ариаднѣ, и Евридикѣ чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе имѣло въ себѣ что-либо отъ М. и отъ Дѣвы. Къ сему добавимъ слѣдующее: подъ знакомъ искорененія духа М., премного неугоднаго и неудобнаго для сферъ дольнихъ, и стояль міръ оттолѣ; или – на иной ладъ – словами Великаго Инквизитора: «Зачѣмъ же Ты пришелъ намъ мѣшать? Ибо Ты пришелъ намъ мѣшать и самъ это знаешь». Именно потому были исконныя еще минойскія преданія претворены греками въ легенду о Дедалѣ и Икарѣ – въ назиданіе: высоко взлетишь – погибнешь; кромѣ того, позднѣе греки связывали М. и... Фаэтона: снова – въ назиданіе. Вокругъ этой же идеи вращалась и сущность древнегреческой трагедіи: не дѣлай, не безумствуй, не богоборствуй: дерзость есть величайшій грѣхъ и равна она дерзосердію. Далѣе – черезъ лабиринтъ вѣковъ – слѣдоваль «прогрессъ» – «отъ музыки къ демократіи» (словами Т. Манна), или же – отъ ризы, тоги и фрака къ майкѣ<sup>9</sup>... – Эпохи позднія промѣняли сознательное на безсознательное, духъ – на тѣло, смыслъ – на бессмыслицу. Но всё же духъ М. на тотъ или иной ладъ въ рѣдкіе миги многажды себя еще являль.

Наша книга для того и понадобилась, чтобы читатель не заблудился въ лабиринтъ духа и не былъ сраженъ Минотавромъ (коимъ можетъ предстать и Ариманъ и самъ Іалдаваофъ) или же подобно Европѣ не былъ похищенъ Быкомъ, но

---

<sup>9</sup> «Дѣйствительно, кто въ наше упадочное время станеть колебаться между одой и омлетомъ, сонетомъ и салями?» (Оскаръ Уайльдъ).

милостію Дѣвы – и ея нити, дозволяющей подняться прочь отъ земли, – былъ бы вырванъ изъ темницы Мы и изъ узилища Плоти, будучи спасень отъ вѣяній дольнихъ правителей. Нить сія – Слово, мость межъ духомъ и плотью, межъ горнимъ и дольнымъ, Слово, единственно и дозволяющее не повторять съ мѣрнымъ постоянствомъ судьбу (по одному взрѣнію) финикійской принцессы Европы, похищенной, по повѣрьямъ сѣдыхъ временъ, однимъ дольнымъ властителемъ (Зевсомъ, породившимъ съ нею Миноса, Радаманта и Сарпедона, коихъ воспитываль съ нею, однако, Астеріонъ, ставшій позднѣе ея мужемъ, нарицаемый на Критѣ минойскомъ – Акеро), имя чье восходитъ къ финикійскимъ словамъ «темнота», «заходъ солнца», «западъ», «вечеръ», – но скорѣе не разыграть роль, но быть: тирскимъ царевичемъ Кадмомъ, ея братомъ, по одной легендѣ, отправившимся на западъ за своей украденной сестрою и попутно принесшимъ въ греческія земли письмо, зачавъ, такимъ образомъ, всю европейскую культуру, и имя чье восходитъ также къ финикійскимъ словамъ, означающимъ «древній», «восточный». – Словомъ, въ діалектикѣ Запада (Европы) и Востока (Кадма) – быть Востокомъ, гдѣ Солнце встаетъ, а не заходитъ; зачинать Солнце, быть Солнцемъ, – словомъ, быть М. – въ личной судьбѣ. – Словомъ, *Ex oriente lux*.

Слово собираетъ внимательнаго вокругъ написаннаго, дабы сѣмена Вѣчности проросли или блеснули въ вѣчной душѣ вчитывающагося. Надъ Словомъ Время не властно,

оно, единственное существующее въ дольнемъ нашемъ мірѣ, не распято двумя пересѣкающимися и образующими собою Крестъ линіями: Временемъ и Пространствомъ; послѣднія созидаютъ дольний, тлѣнный сей міръ; они суть законы, но надъ Словомъ не властны они. Слово есть окно въ Вѣчность, и нарисовано оно ея мазками, а не мазками Времени и иныхъ дольныхъ правителей. Оно отверзаетъ врата къ незакатному, оно темно, но сквозь него лучить себя свѣтъ: нездѣшній свѣтъ; надъ нимъ всходятъ два Солнца: здѣшнее и тамошнее; оно безстрастно, но порождаетъ страсть. Оно возмогло во время сѣдое быть зеркаломъ Вѣчности, чрезъ которое мы зрѣли ужасающее Око Божье, лучащее и изливающее Огнь. Потому у генія остріе Вѣчности – на кончикѣ пера. Геній выше ангеловъ и человѣка уже потому, что пребываетъ въ Богѣ, но послѣднее возможно въ мигъ творчества, въ мигъ отвращенія взора отъ Тли. Что возмогло бы быть ближе къ Слову воплощенному (хотя слово безсильно описать Его), нежели слово того, чье сердце устремлено горѣ? Устремленные долу и слово ихъ, напротивъ, не достигаютъ Слова воплощенного. Таково мое песнословіе Слову.

\* \* \*

Неспокойнымъ сномъ спитъ древность бездонная и – всегда! – ждетъ взора нашего, на нее обращеннаго, живого нашего участія, сердца открытаго вѣяніямъ временъ сѣдыхъ.

Человѣчество пробѣжало години долгія, вѣка, но не узрѣло тѣ событія, бывшія во времена почти допотопныя, когда многое зачиналось...но, заченшись, вдоволь не расцвѣло. Мы обращаемъ взоръ читателя въ древность достопамятну – минуя всю пѣну дней, всю суету суеть, всю тщету человѣческую – длиною въ полубесконечность – сквозь туманы и мглу, сквозь прахъ давно ушедшаго и въ Лету канувшаго, сквозь лабиринтъ вѣковъ – къ впервые явленному Свѣту неизреченному. Но мы не желаемъ цѣловать ту землю, гдѣ онъ впервые казалъ Себя, блеснувши намъ Солнцемъ тамошнимъ – не здѣшнимъ; но всё жъ туда, туда гонить насъ Духъ...прочь отъ уходящей изъ-подъ ногъ земли – нынѣ; прочь, прочь отъ сгибшей, мертвой нашей дѣйствительности, похоронившей лучъ божественный, невоспѣтый по милости бога слѣпого, лучъ неузнанный, неизглаголаный...Да будемъ же мы, изгнанники, ввергнутые жительствовавать въ чужбинахъ, во времена умножившихся беззаконія и безчинства, – впервые вернувшимися: на родину. Ибо мы – путники, вынужденные вкушать перезрѣвшіе, гнилые плоды: такъ узримъ же сѣмя Божественное, сѣмя прорастающее, узримъ первые всходы того, что будетъ жительствовавать, зрѣть и плодоносить тысячелѣтія: сокрыто, потаенно – для многихъ, слишкомъ многихъ – при жизни духоносца...

Потому опуская лотъ свой въ бездну времянь и единовременно съ этимъ удаляясь отъ той послѣдней имѣющей быть точки, когда по слову Апокалипсиса «...времени уже не бу-

деть» (10: 5–6), отъ конца исторіи (представляется: днесь уже самая исторія есть исторія конца – но не исхода), мы нынѣ не имѣли цѣли достигнуть дна, ввергнувши лоть, взору недоступный, въ древность незапятну, поэтому остановились на томъ, гдѣ и когда вышеназванное впервые себя выказало и впервые было опознано самимъ собою: на Критѣ, еще мало знавшемъ тогда младое, дикое, буйное (однако, волевое, доблестное, храброе, не погрязшее въ изнѣженности, какъ минойцы) племя ахейцевъ, мало по малу заселявшихъ Критъ и тѣмъ его покорявшихъ, за одно поколѣніе до эпохи царя Миноса, владыки морей и, какъ считается, сына Зевса и Европы, мужа Пасифаи, отца Федры, Ариадны и иныхъ, самодержца извѣстнѣйшаго изъ всѣхъ царей критскихъ, давашаго названіе цивилизаціи, нареченной впоследствии минойской, коей онъ правилъ мудро и долго (а послѣ сталь онъ судьей умершихъ душъ въ Аидѣ), что привело – среди прочаго – и къ знаменитой критской талассократіи, или къ едва ль не безраздѣльному критскому владычеству на восточныхъ областяхъ моря, тысячелѣтія спустя нареченному Средиземнымъ; на Критѣ, гдѣ въ сѣдой древности юные Аполлонъ и Діонисъ свершали подвиги, гдѣ подвизался позднѣ Гераклъ, гдѣ Деметра любила Іасіона; гдѣ, наконецъ, родился и умеръ Зевсъ, гдѣ возлежалъ онъ съ Европою, зачиная тройню божественную – Радаманта, Сарпедона, Миноса – Миноса, при мудромъ правленіи котораго Критъ распустился вновь подобно напоенной сокомъ лозѣ: эпоха, нами опи-

сываемая, – за нѣскольکو десятилѣтій до апогея его царствованія, середина II тысячелѣтїя до нашей эры. Это время, когда уходящій въ прошлое доиндоевропейскій матриархальный культъ быка (оставшійся нынѣ въ видѣ корриды) постепенно уступаетъ мѣсто патриархальному индоевропейскому (и не только, но въ любомъ случаѣ болѣе позднему) культу коня (созданія, столь любимаго и цѣнимаго Имато, на коемъ – впервые – прервалась царская династія; хотя именно Имато олицетворяетъ уходящее – культъ быка, а Касато – приходящее – культъ коня<sup>10</sup>; хотя и Минось – слѣдующій правитель – сынъ быка), культу коня, пришедшему съ Востока, а неиндоевропейскій народъ минойцевъ – индоевропейскимъ ахейцамъ (микенцамъ, грекамъ). И именно произошедшими событіями и зачалась заря того, что много тысячелѣтій спустя примѣнительно къ Эгейскому міру назовутъ героическимъ вѣкомъ, начавшимся борьбой противъ міропорядка во имя цѣлей высшихъ и окончившимся въ жестокихъ войнахъ (среди которыхъ – какъ эпизодъ – Троянская война), истребившимъ цѣлыя поколѣнія героевъ, которыя въ тѣ болѣе позднія години были уже неспособны воевать съ богами и

---

<sup>10</sup> Слова Имато передъ смертью, сказанныя Касато: «Мы есмь Быкъ красноярый: потому Мы любимъ коней; Ты – Конь: потому любишь быковъ». Не потому ли Имато не желалъ использовать коней въ подавленіи возстанія (это, напоминая читателю, не было принято у минойцевъ и впервые появляется у микенцевъ, ахейцевъ, которые впрягали коней въ колесницы, на которыхъ сражались воители-аристократы), а Касато позднѣе ничтоже сумняшея всю ихъ использовалъ послѣ преобразования воинства?

міроустройствомъ и отдали себя на растерзаніе собственны-хъ и несобственныхъ страстей, земныхъ, слишкомъ земныхъ, вылившихся въ поистинѣ «войну всѣхъ противъ всѣхъ». Герои тѣ – не богоборцы, какъ М., но быкоборцы, не теомахи, но тавромахи

И мы вовсе не то желаемъ изречь, что та-де эпоха – когда міръ лежалъ еще въ пеленкахъ – была свѣтомъ, а не мглою (признава я, однако, что и нынѣ, и тогда – всё во мглѣ): мы лишь напоминаемъ читателю, что тогда и тамъ, на Критѣ за одно поколѣніе до славнаго царствованія Миноса, правленіе чье – несмотря на успѣхъ небывалый – было началомъ конца, закатомъ минойскаго (а вскорѣ и микенскаго) Крита, лебединою его пѣснью, прощальнымъ взмахомъ крыла, – лучъ небесный, пришедшій съ Востока, незакатный и невместимый, впервые пронзилъ землю дольную, и впервые были опознаны подлинныя Добро и Зло, которыя, однако, по ту сторону добра и зла: по ту сторону стадныхъ, извѣчно-привычныхъ о томъ представленій, – а Я впервые осознало себя какъ Я: Я, гордо-вздымающееся, вечноодинокое, неотчуждаемое, непобѣдимое, непреклонное, иноприродное плоти: нѣмецкое *par excellence*. И умолчаніе о лучѣ небесномъ есть тайная пружина того, что впоследствии, много вѣковъ спустя, было названо исторіей (потому, въ частности, «исторія начинается» не «въ Шумерѣ», по словамъ одного оріенталиста, но, скорѣе ужъ, въ минойскомъ Критѣ). – Не создади и не впереди – Свѣтъ, но въ глубинѣ сердець: сердець *немногихъ*.



# Послѣсловіе

Для насъ, европейцевъ, весьма важно то обстоятельство, что критская культура, Востокъ *par excellence*, есть первое звено и фундаментъ Европы, ибо не были бы греки греками, первыми изъ европейцевъ, не прими они въ себя всю роскошь минойской цивилизаціи, растворивъ её въ крови своей. – Смѣшенія всегда полезны, и это первый удачный примѣръ синтеза: минойское, т. е. индоевропейское и вообще не европейское во всѣхъ смыслахъ, растворяется въ микенскомъ, т. е. индоевропейскомъ и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе европейскомъ. Востокъ, сѣдой Востокъ, болѣе древній, болѣе ранній, болѣе солнечный – обогативъ – зачалъ Западъ, и отдѣлилась Европа отъ всеобщей матери – Евразіи. Солнце прорѣзало тьму – такъ, что и Западъ сталъ свѣтомъ – настолько, что Востокъ померкъ. Западъ пошелъ дальше, много дальше Востока, но не безъ первичнаго импульса Востока: вѣрнѣе: импульса съ Востока, ибо импульсъ творили *немногие*. – *Ex oriente lux*.

Рѣчь въ “*Ex oriente lux*” идетъ о брачномъ союзѣ и взаимопроникновеніи культуръ Востока и Запада, Иерусалима и Аѳинъ, вѣры (*pistis*) и знанія (*gnosis*); вѣрнѣе: о томъ, какъ Востокъ вліялъ на Западъ; еще вѣрнѣе: о вліяніяхъ, но лишь о нѣкоторыхъ, – вовсе не о тѣхъ, что у всѣхъ на слуху. Грековъ всегда влекъ Востокъ, и – наоборотъ: греки влекли Востокъ;

уже во времена едва ли не болѣе раннія, нежели времена событій критской поэмы, въ микенскую Грецію прибыль Кадмъ, Пелопъ, позднѣе Данай Египтянинъ. Взаимоотношеніе минойскаго Крита и микенской (ахейской) Греціи есть также отношенія между Востокомъ (Критомъ) и Западомъ (ахейцами) – именно культурно, а не географически. Далѣе: плаваніе аргонавтовъ на востокъ, никогда не прекращавшіяся связи съ Египтомъ (сперва минойскій Критъ, далѣе минойцевъ попросту смѣнили микенцы), Троя – какъ эпизодъ изъ набѣговъ «народовъ моря» на восточное побережье Средиземнаго моря. Тезей, Ясонъ, Ахилль, – всѣхъ ихъ влекъ Востокъ неудержимо. Сказанное – тема и времена второй поэмы, а эпохи семи мудрецовъ, орфиковъ, пифагорейцевъ, наконецъ, Платона и далѣе – эллинизма – 3-ей поэмы; но событія второй и третьей поэмы – не эхо ли первой? Такимъ образомъ, культура Греціи стоитъ подъ знакомъ синтеза восточнаго и западнаго, и, насколько былъ онъ удачнымъ, показываетъ вся послѣдующая ея роскошь.

Въ «*Ex oriente lux*» критикуется и отвергается Востокъ какъ политическая культура, срѣзающая всё гордое и самостоятельное, подчиняющая всѣхъ и вся волѣ государства, настоящая на деспотизмъ и всепронизывающихъ и – какъ слѣдствіе – всеобщихъ страхъ, смиреніи, послушаніи, покорности, подчиненіи, коллективизмъ, боязни даже одною головою высунуться изъ стада, сарая, кишлака, т. е. на повальномъ рабствѣ, гдѣ свободень – какъ правило – одинъ (въ нашей поэ-

мѣ – Имато; далѣе Касато и Акеро); моноцентрическая восточная деспотія противопоставляется полицентрическому Западу, хотя мы признаемъ, что что минойскій Критъ, что ахейская Греція есть Западъ развѣ что географически, но именно они (Микены, вобравшіе въ себя минойскій Критъ) и породили впоследствии – въ классическую эпоху – Западъ. Но при отверженіи восточной политической культуры (въ коей и сакральное поставлено на службу государства, а жрецы – «соратники свѣтской власти» (въ терминахъ К.Виттфогеля); соратники и поборники; Востокъ – царство количества (и уже поэтому нищета воплощенная); и монотеизмъ, и политеизмъ обслуживаетъ восточныя политическія системы, гдѣ свободенъ только одинъ, а всѣ прочіе суть его рабы; личности тамъ попросту нѣтъ мѣста, нѣтъ почвы, дабы цвѣсть, меональные ростки Я погублены реальнымъ Мы, ибо личность сведена тамъ, по слову Виттфогеля, «до податливого единообразія мыслей чувств и действий», – однимъ словомъ, Востокъ – пустыня духа) ... при отверженіи восточной политической культуры не отвергается Востокъ какъ культура, *in sensu lato*: первое – тьма, слѣпая тьма, но какъ второе Востокъ – порою и изрѣдка свѣтъ. Ибо не на востокѣ ли встаетъ солнце, сядясь на западѣ? И объ этихъ «порою и изрѣдка», изъ тѣхъ, что неизвѣстны, и говорить намъ «*Ex oriente lux*».

Мы, конечно, не разумѣемъ народъ за нѣчто созидающее исторію, ибо народъ – размѣнная монета (въ меньшей степени – и тогда, когда всё-де для народа, когда народъ разжирѣлъ донельзя и обрюзгъ духовно, какъ нынѣ<sup>11</sup>): народъ и народы – кучка неудачниковъ, навозъ своего рода, и всѣ горести и страданья ихъ (а всё малое ихъ бытіе, которое, скорѣе, быть, нежели бытіе, – горестъ и страданье) мало что собой представляютъ для исторіи и того же человѣчества по сравненію съ думами и страданіями великихъ; дѣютъ её – исторію – немногіе: и не тѣ, кто причастенъ къ сферѣ политики, пѣны дня, но тѣ, кто причастенъ къ сферѣ духа<sup>12</sup>. И именно послѣдніе, причастные горнему, и были центромъ

---

<sup>11</sup> Народъ не такъ ужъ и плохъ, но только когда и если сознаетъ себя народомъ, лишь народомъ; хорошъ, когда тщится выпростаться изъ народной шкуры, тщась возогнать себя къ чему-то болѣе высокому (сюда разночинцы въ вѣкѣ XIX и – частично – многіе въ С.С.С.Р. въ вѣкѣ XX); въ иныхъ случаяхъ – на древнемъ ли Востокѣ иль въ Россіи современной – народъ дурень.

<sup>12</sup> Анучинъ Евг. *Изъ частныхъ бестѣхъ*: «Издержки были всегда. Низкое любитъ подделываться подъ высокое или от скуки, или от непониманія. Пряникъ власти погубилъ многихъ благородныхъ достойныхъ людей из-за соблазна повелевать массами. Люди бердяевского типа (назовѣмъ такъ) никогда на власть не претендовали, чемъ поддерживали в себѣ горение духовнаго аристократизма. Не претендовалъ на власть А.Белый в отличие от В.Брюсова. Итогъ известен. В народѣ существуетъ замечательное выраженіе: "сохранить душу живу". Кто вляпался во власть, тотъ испоганилъ свою душу».

нашого повѣствованія; но дабы говорить о послѣднихъ, надобно было говорить о первыхъ (именно съ этимъ связано едва ли не отсутствіе интеллектуальности произносимаго героями въ первой главѣ и возрастаніе ея подь конецъ, фило-софское *crescendo*), о вельможахъ дольнихъ сферъ, а предъ тѣмъ показать всю «соціальную лѣстницу», представляющуюся и низамъ, и верхамъ, едва ли не полубесконечною – снизу не виденъ верхъ, верху не виденъ низъ, – ведущую къ подножію сѣдалища, гдѣ – мѣрно – возсѣдаютъ первые: на своемъ сѣдалищѣ.

Власть – статика сѣдалища. Она если и бываетъ въ рѣдкіе миги динамичною въ цѣляхъ самосохраненія или же упроченія собственнаго положенія (сюда относятся войны, реформы, перманентное, какъ зудъ, желаніе экспансіи и пр., – словомъ, нѣчто периферійное на живомъ тѣлѣ культуры), то крайне неохотно, вынужденно – ради того, чтобы вновь стать монументально-неподвижною, статуарною, неживою. Её олицетворяютъ въ поэмѣ Имато, Касато, Атана, мало чѣмъ схожіе межъ собою, кромѣ одного, важнѣйшаго: того, чему они – мѣрно и заданно – служатъ на дѣлѣ (хотя бы и считали они себя ничему и никому не служащими, тѣмъ паче мѣрно и заданно, – сіе осмыслить было бы для нихъ выше ихъ силъ, случись даже этимъ силамъ быть удесятеренными). Бытіе Имато, отвѣтственнаго не предъ Небомъ единымъ (какъ правители Поднебесной), но только предъ Землею-Матерью, было, однако, прекрасной иллюстраціей того,

что «абсолютная власть развращает абсолютно». Онъ былъ до того статиченъ и неспособенъ къ динамикѣ, что оказался нежизнеспособенъ какъ правитель при первой же трудности (голодь, ставшій бѣдствіемъ его народа); ему, конечно, было невдомекъ, что – говоря словами Талейрана, обращенными къ Наполеону: «Штыки, сирь, годятся на всё, кромѣ единственнаго – нельзя на нихъ усидѣть»; говоря иначе: бесконечно пренебрегать, не считаясь съ нимъ и въ грошъ его не ставя, тѣмъ, чѣмъ стоитъ власть – общественнымъ мнѣніемъ, – нельзя: среди всеобщей пассивности, подъяремности, инертности, косности – всегда найдутся динамическіе элементы, прорѣзающіе мѣрность и заданность міропорядка («смутьяны» – для власти, оцѣнивающей самое себя какъ единое мѣрило, высшее): въ «верхахъ» – большіе властолюбцы по чаяніямъ сердца, геніи подобострастія (а всё удачливые царедворцы Востока суть геніи подобострастія и благоразумія) – Касато, звавшійся въ Аххіявѣ Ксанфомъ (отъ греч. «ksantos» – золотистый, бѣлокурый), а позднѣе Акеро (отъ греч. «angelos», посланникъ, но чей посланникъ?), Астеріонъ греческихъ миѳовъ, мужъ Европы, медноголовой и каменносердечный дипломатствующій стражъ сферъ дольнихъ, предавшій М. и продавшій горніе его идеалы за чечевичную похлебку, измѣнившій не себя, но себѣ: ибо промѣнялъ онъ, Акеро, духъ, горнее, на плоть и дольнее, получивъ дары Аримана въ обмѣнъ: пресловутый, лелѣемый, почитаемый и оберегаемый на Востокѣ статусъ и – какъ слѣдствіе

– почеть, уваженіе, должность, деньги (статусь первичень, онь – священная корова Востока), – онь не столько преда-  
тель, сколько попросту не выдержавшій чести быть другомь  
и собесѣдникомь истиннаго пневматика, попавившись си-  
лою М., ставь вѣстникомь и посланникомь богинь Нале да  
Psyhe; еще позднѣе – Миносъ; въ «низахъ» же – Акай; а въ  
сферахъ болѣе...лазурныхъ и горнихъ – М...<sup>13</sup>. – Исторія

---

<sup>13</sup> «Всю мою жизнь я былъ бунтаремъ. Былъ имъ и тогда, когда дѣлалъ мак-  
симальныя усилія смиряться. Я былъ бунтаремъ не по направленію мысли того  
или иного періода моей жизни, а по натурѣ. Я въ высшей степени склоненъ къ  
возстанію. Несправедливость, насиліе надъ достоинствомъ и свободой человѣка  
вызываетъ во мнѣ гнѣвный протестъ. Въ ранней юности мнѣ подарили книгу съ  
надписью "дорогому протесташѣ". Въ разные періоды моей жизни я критиковалъ  
разнаго рода идеи и мысли. Но сейчасъ я остро сознаю, что, въ сущности, сочув-  
ствую всѣмъ великимъ бунтамъ исторіи – бунту Лютера, бунту разума просвѣ-  
щенія противъ авторитета, бунту "природы" у Руссо, бунту французской рево-  
люціи, бунту идеализма противъ власти объекта, бунту Маркса противъ капита-  
лизма, бунту Бѣлинскаго противъ мірового духа и міровой гармоніи, анархиче-  
скому бунту Бакунина, бунту Л. Толстого противъ исторіи и цивилизаціи, бунту  
Ницше противъ разума и морали, бунту Ибсена противъ общества, и самое хри-  
стіанство я понимаю какъ бунтъ противъ міра и его закона. Я знаю, что нельзя  
жить бунтомъ. Бунтъ не можетъ быть цѣлостнымъ, онъ частичень. Бунтовалъ ли  
я противъ Бога? Да и не есть ли бунтъ противъ Бога недоразумѣніе въ терминахъ?  
Бунтовать можно лишь во имя Верховной Цѣнности, Верховнаго Смысла, то  
есть во имя Бога. И воинствующіе атеисты въ концѣ концовъ, не сознавая этого,  
бунтуютъ во имя Бога. Я много бунтовалъ противъ человѣческихъ мыслей о Бо-  
гѣ, противъ человѣческихъ вѣрованій въ ложныхъ боговъ, но не противъ Бога.  
Соединимо ли христіанство съ бунтарствомъ? Рабье ученіе о смиреніи исключаетъ  
возможность бунта и возстанія, оно требуетъ послушанія и покорности даже  
злу. Но оно-то и вызывало во мнѣ бунтъ и возстаніе. Быть христіаниномъ не зна-  
читъ быть послушнымъ рабомъ. Я былъ бунтаремъ. Но бунтарство мое никогда  
не было одобреніемъ террора. Я бунтовалъ противъ міра и его рабьяго закона, но

есть діалектика Свободы и Необходимости, и ежели первую олицетворяет М., то вторую – всё то, съ чѣмъ борется онъ.

Отмѣтимъ, что всѣ эти динамическіе элементы – неминускаго происхожденія; минойцы же – чистая косность, пассивность, статика, даже статуарность, природная неспособность къ динамикѣ (при любви живописать динамическое, ибо часто любятъ противоположное), бездуховность, доходящая до...нежизнеспособности(!).

Перефразируя Гете: кто обладаетъ культурой, тотъ внѣ политики, кто ею не обладаетъ, тотъ пусть будетъ въ политикѣ.

Связь власти и религіи неслучайна и глубоко исторична; симфонія властей – свѣтской и, такъ сказать, «духовной» – красной нитью проходитъ черезъ всё бытіе человѣчества; обѣ – «сакральны», что означаетъ: прилагаютъ всѣ (несакральныя) усилія, дабы выглядѣть чѣмъ-то сакральнымъ. На ихъ мнимую сакральность (говоря инако: на ихъ лицемѣріе и ложь) возстаютъ – прометеевски (или – для «христіанъ» – люциферически) – Акай и – на иной ладъ – М., всё «нечестіе» и «безуміе» коихъ – въ невозможности жить и быть въ столь гниломъ и дурнопахнущемъ мирѣ: поистинѣ, великій грѣхъ противъ міра, ибо сказалъ же Богъ, сотворивъ міръ, что тотъ хорошъ (а для кого не хорошъ, тотъ для насъ – не хорошъ, и его полагается если и любить – то по-сталин-

---

терроръ есть возвращеніе къ закону міра, есть послушность этому закону. Всякое убійство есть послушность рабѣму закону міра. Мой бунтъ есть бунтъ духа и бунтъ личности, а не плоти и не коллектива». Бердяевъ Н.А. *Самопознание*.



ски)! Для того въ поэмѣ и надобно было предательство Акеро, дабы высвѣтлить сущность власти, показать на примѣрѣ одного человѣка – два міровоззрѣнія: Акеро какъ почитателя М., его друга и собесѣдника, и Акеро какъ власть держащаго, политика, коему было угодно думать, что именно ставъ политикомъ и взметнувшись-де подъ хребетъ небесъ (по соціальной лѣстницѣ), онъ-де сталъ несравнимо выше, сталъ инымъ, чѣмъ прежде былъ; и себя-прежняго онъ вспоминать не хочетъ: ему стыдно и стыдно двояко: и за нахождение при М., и за его предательство; поистинѣ: разными стыдами ему стыдно, въ разномъ они коренятся<sup>14</sup>.

<sup>14</sup> «Безликому, нечеловѣческому іерархизму противопоставляется іерархизмъ человѣческой, іерархизмъ человѣческихъ качествъ и даровъ. Святой и геній, герой и великій человѣкъ, пророкъ и апостоль, талантъ и умъ, изобрѣтатель и мастеръ – всё это чины человѣческой іерархіи, и подчиненіе имъ происходитъ въ иномъ планѣ, чѣмъ тотъ планъ, въ которомъ подчиняются іерархіи нечеловѣческой и безличной. Грѣшный міръ предполагаетъ существованіе и того, и другого іерархизма. Но высшій іерархизмъ есть іерархизмъ человѣческой. Церковь не можетъ существовать безъ епископовъ и священниковъ, каковы бы ни были ихъ человѣческія качества, но внутренне живетъ и дышитъ церковь святыми, пророками и апостолами, религіозными геніями и талантами, религіозными героями и подвижниками. Государство не можетъ существовать безъ главы государства, безъ министровъ, чиновниковъ, полицейскихъ, генераловъ, солдатъ, но движутся государства и осуществляютъ великія миссіи въ исторіи великими людьми, героями, талантами, предводителями, реформаторами, людьми необычайной энергии. Наука не можетъ существовать безъ профессоровъ и учителей, хотя бы самыхъ посредственныхъ, безъ академій и университетовъ, іерархически организованныхъ, но живетъ и движется она геніями и талантами, открывателями новыхъ путей, зачинателями и революціонерами. Семья не можетъ существовать безъ іерархическаго строенія, но живетъ и дышитъ она любовью и самопожертвованіемъ. Всѣ спасается отъ вырожденія, окостенѣнія и смерти не безличнымъ

*...лучъ небесный, пришедшій съ Востока, незакатный и невместимый, впервые пронзилъ землю дольную, и впервые были опознаны подлинныя Добро и Зло, которыя, однако, по ту сторону добра и зла: по ту сторону стадныхъ, извѣчно-привычныхъ о томъ представленій, – а Я впервые осознало себя какъ Я: Я, гордо-вздымающееся, вечноодинокое, неотчуждаемое, непобѣдимое, непреклонное, иноприродное плоти: нѣмецкое *par excellence*.*

Очень важна тема Я и его противоположности – себи; особенно въ наше время, стоящее подъ знакомъ себи, когда Я грозитъ гибель; но въ первую очередь въ силу того, что поэма повѣствуетъ о рожденіи Я: милостью одного растожествленія; М. – первое Я на свѣтѣ: рождается Я, рождается сознание, отпочковывающееся отъ Мы, первобытнаго Мы, отъ сліянія природнаго еще человѣка съ природою, отъ предвѣчнаго хаоса и безсознательнаго.

---

нечеловѣческимъ іерархизмомъ, а іерархизмомъ человѣческимъ, человѣчески-мъ качествомъ, человѣческимъ даромъ. Іерархія безличная, нечеловѣческая, ангельская (въ церкви) есть іерархія символическая, отображающая, ознаменовывающая, іерархія же человѣческая и личная есть іерархія реальная, іерархія реальныхъ качествъ и достижений. Священникъ – символичень, святой же – реалень. Монархъ— символичень, великій же человѣкъ – реалень. И задача этики въ томъ, чтобы дать преобладание іерархіи реальной, человѣческой надъ іерархіей символической, нечеловѣческой. Это предполагаетъ другую антропологию, другое учение о человѣкѣ». Бердяевъ Н.А.

Что есть Я и что есть себѣ? И что есть многажды воспѣ-  
вавшаяся въ поэмѣ воля? Прежде всего, отмѣчу, что всѣ три  
понятія понимаются въ поэмѣ вполне классически, тради-  
ционно, потому буду крайне кратко.

Въ поэмѣ Я разумѣется не на вульгарный ладъ, но слѣду-  
ющимъ образомъ: Я какъ сознание, Я какъ нѣчто рождающее  
личность и безъ чего личность попросту быть не можетъ; гдѣ  
нѣтъ сознания и сознательности – нѣтъ Я; и наоборотъ. Подъ  
Я понимается не единичное Я, но Я какъ универсальное и  
конкретное начало; не эгоизмъ, жалкій и мелкій, но сознание  
и даже самый духъ, пневма, божественная искра. Нынѣ же  
– послѣ ариманическаго грѣхопаденія ничтоже сумняшеся  
подъ Я понимается тѣло, тѣло какъ вмѣстилище Я, короче,  
какъ нѣчто больше, чѣмъ Я! Ранѣе Я видѣли, скажемъ, въ  
душѣ, но утратили Я въ плоти (безсознательномъ). Но въ по-  
эмѣ Я есть въ первую очередь источникъ воли, а уже потомъ  
– сознание. Въ поэмѣ Я (сознание и воля) противостоитъ міру  
(безсознательность и безволие, заданность): Я – свобода, не-  
Я – несвобода; Я – отъ горняго, не-Я – отъ здѣшняго. Еще  
разъ: рѣчь идетъ о высшемъ духовномъ (софійномъ) Я, о das  
Selbst, о томъ, что рождается откровеніемъ и богоявленіемъ,  
а не о мелкомъ плотяно-душевномъ эгоизмѣ, который всегда  
отъ создавашаго.

Себѣ есть протекающіе внѣ Я процессы, но его непосред-  
ственно касающіеся: меня нѣчто спитъ, мнѣ хочется, сюда же  
– работа внутреннихъ органовъ и прочее – словомъ, плоть

и плотяное; вѣроятно, вплоть до мотива выбора и интуиции: когда *представляется*, что слѣдуетъ выбрать вотъ это. Она – въ первую очередь плоть, но и не только плоть.

Возрастаніе Я изъ себя – плавное: смерть, кома, глубокой сонъ, сонъ поверхностный, дрема, полудрема, пробужденіе, бодрствованіе, рождающее усиленіе Я, сознательности и «концентраціи вниманія».

Плоть и бессознательное предстають узилищемъ, гдѣ тѣсно Я. Тѣсно и душно. – Себя и плоть понимаютъ вполне платонически и вполне при томъ гностически: σώμα – σήμα, тѣло – гробница. Плотью и душою править дальнее горнимо, случись горнему пребывать въ дальнемъ, гасить оно пневму-искру.

Воля же совершенно традиціонно выступаетъ въ исконномъ своемъ значеніи: какъ способность разума къ самоопредѣленію; и вопреки волюнтаризму и ирраціонализму, согласно которымъ воля есть нѣкая безосновная первичная сила, разлитая по бытію, отъ коей всё бытіе зависитъ, рабствуя – въ томъ числѣ и самый разумъ (воля какъ неодолимая судьба, какъ всеобщая необходимость, слѣпая и жестокая; того болѣ: бытіе какъ воля. – Остается спросить: чья воля? И дать отвѣтъ: создавшего). Въ критской поэмѣ воля коренится въ тамошнемъ: въ душѣ; самая душа понимаема какъ нѣчто тамошнее, какъ и духъ. Воля – разумная страсть, нѣчто невозможное для казалось бы для всего сущаго, ибо возможно только у существа духовнаго; она вполне соглас-

но Аристотелю – между чистимъ созерцаніемъ и чистимъ аффектомъ. Она – чадо разума и души, иначе: духа и души. Она – пронизана свѣтомъ Аполлоновымъ (въ иномъ раскладѣ: свѣтомъ Свѣтоносца) и противостоитъ темнымъ, ирраціональнымъ и женственнымъ стихіямъ діонисовскимъ. Для Декарта воля – хотя и нѣчто болѣе широкое, чѣмъ разумъ, она – модусъ мышленія, а для Спинозы воля и разумъ – одно, при томъ разумъ предшествуетъ волѣ – мышленіе предшествуетъ разумному дѣйствию (какъ и у Гегеля, для котораго воля – «особый способъ мышленія», она – практическое измѣреніе, а мышленіе – теоретическое); сущностно схожія концепціи и у многихъ иныхъ великихъ философовъ (вплоть до П. Рикера). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ поэмѣ есть всё же что-то и отъ волюнтаризма, поставляющаго разумъ (въ случаѣ Шопенгауэра и Ницше – не только разумъ, а попросту всё) въ зависимость отъ воли: онтологизація воли (но помимо нея онтологизируется и свобода и пр.) – съ однимъ важнымъ замѣчаніемъ: если ужъ разумѣть волю за силу, коею всё бытіе пронизано и отъ коей и въ коей оно рабствуетъ, то есть и другая – не благая или дурная, а попросту иная: Люциферова воля, – воля, въ лонѣ коей М. Первая воля – нисхождение въ темницу Аримана и Іалдаваофа, въ природное, заданное, безсознательное, въ плоть: въ себя; вторая – растождествленіе и того болѣе – развоплощеніе; она – съ одной стороны – преграда и бездна межъ собою и Я, межъ импульсивными дѣйствіями и мышленіемъ, но еще болѣе межъ скороспѣлыми дѣйствіями

и желаніями, потребностями, инстинктами, съ иной стороны – опираясь на мышленіе (которое перестаетъ быть только созерцаніемъ), она претворяетъ импульсивное и инстинктивное въ цѣленаправленное и сознательное; именно милостью воли Я отвоевываетъ у себя инья сферы; она среди того, что зачинаетъ Я и безъ чего Я быть не можетъ; Я ею ширится, множится, возрастаетъ и крѣпнетъ; она – ракета въ небо, въ ледяные эѳиры, въ надзвѣздныя дали: въ сознаніе, Я, въ Жизнь именовъ Смерть; но не только: она также и тоска по *тамошнему*, алканіе *брега иного*, возвратный порывъ къ *тамошней отчизнѣ*. Первая – необходимость и несвобода, вторая – если не свобода, то ея вѣянія, растворенныя въ личной судьбѣ. Первая – воля къ жизни, вторая – воля къ власти *sui generis* (хотя у Ницше воля къ жизни преобразовалась въ волю къ власти, но я подъ этими словами разумѣю здѣсь иное). Воля въ поэмѣ моей – инструментъ духа, а не плоти, потому что она, хотя порою и даруетъ усладу тѣлу (впрочемъ, скорѣе тому, что выше тѣла, а уже чрезъ него – тѣлу), но на дѣлѣ же противодѣйствуетъ желанію и счастьемъ плоти: воля дѣетъ вопреки тѣлу. Она есть потому преодоленіе тѣла. Безъ сомнѣній, она можетъ обслуживать (какъ часто и бываетъ) его, оставаясь при томъ инструментомъ духа, который въ такомъ случаѣ и самъ есть инструментъ плоти; такъ у непневматиковъ, то есть почти у всѣхъ. Духъ, Я и воля взаимосвязаны, и, хотя духъ первичнѣе, чѣмъ воля, послѣдняя – инструментъ его. Обоими завѣдуетъ Люциферъ, Ариманъ же

завѣдуетъ себью, плотью и матеріей; Ариманъ – духъ жизни, онъ близокъ къ Діонису, Марѣ, Камѣ, Эросу.

Однимъ словомъ, и воля, и духъ, божественная искра, безъ которой не можетъ быть личности, сознательности, Я понимается какъ тамошнее, какъ то, что не отъ міра сего (не потому ли умъ мыслить идеалистически – скажемъ, прямую мыслить онъ какъ идеальную прямую, а въ жизни она кривая?). Если и считать что-либо существующее въ здѣшнемъ мірѣ нездѣшнимъ, то именно духъ, дѣйствующимъ не по дольнымъ законамъ, что видно не только по упомянутой выше прямой; равно и волю, которая болѣю тѣла дѣетъ то, что отъ духа.

Въ поэмѣ атакуется самый подходъ, согласно которому возможно-де благотворное соединеніе плоти, себи, матеріи и духа, воли, Я. – Взыскиваемый (и едва ли обрѣтаемый въ личной судьбѣ его) Штейнеромъ синтезъ духа и плоти – лишь алканіе нѣмцемъ цѣльности: въ формѣ каламбура: нѣмецъ есть либо плоть мыслящая, либо мысль плотствующая; точнѣе: если русскій – душа: сплошная душа съ тѣломъ и духомъ какъ придатками, а иногда и рудиментами, доставшимися по наслѣдству, то нѣмецъ – либо тѣло (какъ нынѣ), либо же духъ (какъ ранѣе): души, стихіи въ немъ отъ вѣка и до вѣка было мало, крайне мало. Русскій синтетичень, нѣмецъ – люциферикъ въ томъ смыслѣ, что всегда имѣетъ зазоръ, скорѣе разрывъ (а то и бездну) межъ своимъ духомъ и своимъ же тѣломъ (даже случись ему взыскивать, алкать

цѣльность).

Позволю себѣ здѣсь процитировать К.Свасьяна: «Сознание, загнавшее себя в тело, заблуждается, без того чтобы оно осознавало себя заблуждением, но и тело с таким сознанием «внутри» себя никак уже не может быть по-прежнему «нормальным». Реакция тела на портящее его сознание носит название болезнь. Болезнь – это способ, которым совершенное сознание, оригинал сознания (дух) дает о себе знать узурпировавшей тело копии сознания, делая её сознанием боли, или напоминанием о её первородстве. В этом смысле можно говорить о болезни как о святящихся в телесной тьме маяках сознания, предвещающих пробуждение в смерть из сна растительно-животной жизни»<sup>15</sup>. Еще одна – еще болѣе важная – его цитата (изъ его книги «Европа. Два некролога»): «Есть некая бесстыжесть в том, когда, рассуждая о „природе человека“, выдают эту природу за собственность каждого отдельного человека и выражают её притязательными местонаименями. Но человеческая природа лежит не в (картезианской) шишковидной железе, не где-нибудь еще „в“ этом вот человеке. Она есть, с позволения сказать, мысль, и, как таковая, ни «моя», ни «твоя», а подчеркнуто и неопровержимо: мысль мира. „Моя“ мысль – это просто недомыслие или языковая привычка, по аналогии с „моей“ гипертонией или, скажем, „моим“ обменом веществ. Очевидно, что в обмене веществ, свершаемом на «мне» миром, я повинен не боль-

---

<sup>15</sup> Свасьян К. *Очерк философии в ее самоизложении*. М., 2010.



ше, чем дерево в «своем» росте или морская галька в «своей» гладкости, т. е., говоря со всей определенностью, я тут ни при чем. „Мой“ обмен веществ осуществляется без моего участия, хочу сказать: даже в качестве ученого физиолога я не обмениваюсь веществами, а только извне заключаю к свершаемому на «мне» обмену веществ, никак не желая взять в толк, что действительный СУБЪЕКТ этого процесса, милостиво позволяющий мне иллюзию собственного сознания, – МИР, который я по философской недогадливости всё еще рассматриваю как объект. Со всей строгостью: я был бы вправе говорить о „моем“ обмене веществ (по существу, любом телесном процессе) лишь в том случае, если бы в моих силах было сознательно производить его, т. е. изживать некий процесс мира как самого себя. Так же обстоит дело и с мыслью, хотя в отличие от бессознательно-телесных отправлений шансы на притяжательное местоимение здесь УЖЕ реальны и осуществимы. Именно: моя способность мышления есть умение осознавать и сомыслить мыслящую меня мысль мира, т. е. мысленно рекапитулировать её становление в артикулированно логических усилиях воссоздания. Если же признать, что условием мысли является её помысленность, то и к природе человека апеллируют тогда лишь, когда природа эта мыслится, а, не скажем, ощущается или смакуется». И последняя, пожалуй, самая важная: «Таблица категорий, варьируемая от Аристотеля до Канта, дополняется в Штирнере новой и невозможной категорией. Бо-

лее того: подчиняется ей. До всякой сущности, субстанции и чтойности здесь проставлено Я. Выяснилось: философы в усилиях познать мир упустили из виду «слона» (самих себя). Отсутствие Я («ктойности») в учениях о категориях было, впрочем, не столько упущением, сколько логически вынужденной слепотой. Категории, как высшие роды бытия, являются пределами обобщения, и поместить среди них индивидуальное можно было бы, только обобщив последнее. Но обобщить индивидуальное, значит устранить его. Говорить о человеке вообще, как говорят о столе вообще или льве вообще, средствами традиционной логики нельзя. Стол вообще или лев вообще возможны лишь в той мере, в какой их мыслят, а мыслит их некто логик. Не вообще логик, а вот этот вот. Но очевидно, что и логик, чтобы быть вообще логиком, должен быть помыслен. Кто же мыслит логика вообще? Разумеется, это может быть только кто-то конкретный, вот этот вот. Но чтобы мыслить себя вообще, то есть в сущности и как сущность, ему предстоит сущность эту в себе сперва осуществить. Реальные столы и реальных львов мы преднаходим, и, уже найдя их, мыслим их в их понятии. Преднаходим ли мы и себя, до всякой мысли? Неким напрашивающимся ответом был бы биологический минимум (человек как вид), если бы и для этого минимума не требовалась уже мысль. Но человек – это не биос, а логос, что значит: сущность его, или его понятие, которое, как понятие, должно быть общим, может в его случае быть только индивидуальным. Переход из

зоологии в антропологию – metabasis eis allo genos. Потому что, если биологически есть только одно понятие человек, то логически (антропо-логически, а не зоо-логически) существует столько же понятий человек, сколько существует людей. Я нередуцируемо. Каждый человек в Я есть собственное понятие. Пусть, скорее, в смысле дюнамис, чем энергейя, но как раз переходом первого во второе и определяется мера человеческого в нем. Человек – это не природная данность и не социологический респондент, а должность, ранг, чин, призвание, если угодно. Человеком являются не по конституции (где речь идет о гражданах), а по самоосуществленности. Чтобы мыслить себя как человека, надо сделать себя сперва человеком. Иначе: так реализовать свое единичное, чтобы по нему затем и определялось всеобщее"<sup>16</sup>.

\* \* \*

Цикль “Ex oriente lux” – пролегомены къ «Послѣднему Кризису», къ моему opus magnum, и повѣствуютъ пролегомены сіи о разнаго рода высшихъ людяхъ – безразлично, святыя ли они или великіе грѣшники, добрѣйшей ли они души, или злы, какъ самъ Сатана, тишайшіе и смиреннѣйшіе ли они или обуянные сатанинской гордынею, интеллектуальны ли они или же они суть грозныя воители, которымъ нѣтъ дѣ-

---

<sup>16</sup> Свасьян К. *Европа. Два некролога*. Также см. статью К.Свасьяна "Что я имею в виду или к кому я обращаюсь, когда называю себя Я?"// "...но еще ночь".

ла до книжной мудрости, цари ли они или нищие.

Какъ сказать бы православный неправославнымъ языкомъ: М. прошелъ черезъ Сциллу Ариманову, но ввергся въ Харибду Люциферовыхъ искушений. – Слова М. о самомъ себѣ – «Прочь отъ естества!» – ключъ къ разумѣнію М. – Онъ – въ первую очередь не люциферикъ, но люциферіанецъ<sup>17</sup>. – Здѣсь рѣчи не идетъ ни о нирванѣ, ни объ усмирении себя на манеръ люцифериковъ-христіанъ (казусъ «историческій христіанинъ»), или буддистовъ, или Шопенгауэра. Ибо не отъ Я отрекается Я М., но отъ міра, матеріи и плоти; и не желаетъ перестать быть М., но, скорѣе, желаетъ, чтобы міръ пересталъ быть. Въ М. нѣтъ вивисекціи Я, Воли, высокихъ страстей; потому онъ – живой, вѣчно-живой. Для православнаго одержимость любою страстью есть грѣхъ и не-свобода; для насъ: лишь одержимость страстями низкими есть не-свобода, но М. одержимъ высокимъ, къ коему влекутъ – неудержимо – духъ его и Воля. Нѣтъ Свободы безъ Я, безъ Воли и высокихъ страстей. Нужно еще быть слишкомъ христіаниномъ, слишкомъ мало оторвавшись отъ материнской своей звѣзды, чтобы въ пламенности М. увидеть слѣпоту – по той простой причинѣ-де, что лишь спокойная мудрость есть

---

<sup>17</sup> "У меня люциферіанство проявляется в том, что осознание своего человеческого достоинства не позволяет мне принять искупительную жертву Христа. Эмблема Распятого вызывала и вызывает во мне чувство неприязни и брезгливости. Каждому самостоятельно надлежит нести свой крест, не показывая это всенародно. Противна человеческая слабость, ждущая, чтобы за твои недолжные поступки отвечал дядя, в данном случае Иисус.

близость божественному<sup>18</sup>. – Страсть М. есть небывалая и невозможная роскошь: на гноящемся тѣлѣ Геи-Матери.

Кто такие люциферики? Эти малые любят играть в сатанинские или околосатанинские игры. Мы с тобой, конечно, не люциферики и не люцефериане, а люцеферианцы, не гностики, а гностиканцы. Невозможно назвать цистерианцев цистериками, пресвитериан пресвитериками и т. д. Суффиксы существенно меняют смысловую нагрузку слова. Что касается Аримана и его приспешников, то их стрелы бумерангом возвращаются от нас к ним самим.

Позволю себе высказать ересь и усложнить проблему Люцифера и его последователей люцифериков и люциферианцев. Если первые действительно подпадают под версию бесповоротного падения, то со вторыми положение иное. Бог, сотворив наш мир, позволил себе почитать и занял позицию

---

<sup>18</sup> Ср. съ мыслями христіанскаго мыслителя: «Благодаря свободе духа человек научился господствовать над инстинктами. Но свобода духа – это ещё не свобода человека. Одержимость духом не менее опасна, если не более, одержимости страстями: неслучайно православные подвижники говорят о стяжании духа святого, а не о предоставлении ему власти над собой. Одержимые духом, между прочим, никогда не договорятся между собой, и ни о каком объединении не может быть и речи, кроме насильственного, попытки которого, начавшись испокон веков, не прекращаются и до сих пор. Для ненасильственного объединения в единое человечество нужны свободные, разумные и вменяемые личности, господствующие равно как над инстинктами, так и над духом. Как пишет Штирнер: "Только посредством «плоти» я могу сломить деспотизм духа, ибо только тогда, когда человек отзывается и на свою плоть, он понимает себя всего, и только когда он себя понимает вполне, он понятлив, или разумен". Измайловъ А. *Изъ частныхъ бестѣхъ 2016-го.*

Наблюдателя за дальнейшим ходом жизни на Земле. Люциферианцы в уверенности, что Бог их поймет и одобрит, решились стать стражами и сотворцами Бога, дабы жизнь на Земле не была попущена из-за пассивной позиции Наблюдателя. Конечно, в этой уверенности есть доля самоуверенности, но без активности люциферианцев жизнь неизбежно замирает, истощаясь в своих потенциях.

Жизнь чахнет, становится мертвой дистиллированной водой без вечного противостояния Добра и зла, Божественного и демонического, аполлонического и дионисийского. В этом вечном противостоянии залог продолжения жизни на Земле». (Анучинъ Евг. *Изъ частныхъ бестѣдъ, нач. 2018-го*). – Отъ себя добавлю: подъ люциферикомъ (вслѣдъ за Свасьяномъ и вопреки Евг. Анучину) я понимаю тѣхъ, кто борется съ плотью, подъ люциферіаниномъ – сатаниста, подъ люциферіанцемъ – носителя не столько міровоззрѣнія, сколько особаго духа, коимъ былъ преисполненъ Ницше, главный герой сей поэмы – М. и его создатель, авторъ сихъ строкъ: М.Р.; отмѣтимъ, что М., однако, сочетаетъ въ себѣ и люциферика, и люциферіанца.

Христіанскій взглядъ, даже самый неортодоксальный, здѣсь не можетъ быть примѣненъ. Такъ, на примѣръ, даже Бердяевъ врядъ ли бы понялъ М. вѣрнымъ образомъ<sup>19</sup>; при-

---

<sup>19</sup> «Очень метко о том, что Бердяев вряд ли бы понял М. Только мысленно поставив себя в центр мироздания, можно сказать столь необходимое горячее новое слово об ущербности и худосочии почвы, вспаханной историческим христианством, и онтологическом провале миссии Христа. Только пройдя через искус

ведемъ слова Бердяева, русскаго, слишкомъ русскаго для гностицизма такого рода: «Но послѣдствіемъ эгоцентризма является то, что всё становится внѣшнимъ для человѣка. Именно эгоцентризмъ не переводитъ духовное внутрь, въ глубину, духовность есть что-то внѣшнее для него. Это какъ бы имманентная кара эгоцентризма. Для того чтобы духъ сталъ внутренней силой, нужно перестать считать себя центромъ. Это парадоксъ духовной жизни. Дьявольскій, адскій міръ есть кошмаръ и галлюцинація субъекта, порожденіе ложной объективаци. Именно потому, что человѣкъ не можетъ выйти изъ себя, онъ видитъ внѣ себя, какъ объективную дѣйствительность, кошмаръ дьявольскаго міра. Ложная аскеза можетъ усилить это состояніе, вмѣсто того, чтобы освободить отъ него. Оправданна лишь такая духовная аскеза, которая освобождаетъ человѣка и возвращаетъ его къ подлиннымъ реальностямъ. Аскеза должна возратить человѣку его достоинство, а не погружать его въ состояніе безнадежнаго недостойнства и низости» (Н. А. Бердяевъ, «*Духъ и реальность*»). А типически православныя истины звучатъ такъ: «Одно смиреніе можетъ водворить въ душѣ миръ. Душа не смиренная, непрестанно порываемая и волнуемая страстями, мрачна и смутна, какъ хаосъ; утвердите силу ея въ средоточіи смиренія, тогда только начнетъ являться въ

---

Люцифера, по Бердяеву Дьявола, можно разглядеть что там, на дне преисподней дольного мира, и помериться силою с Богом и Дьяволом. М. способен на это». Аучинь Евг. *Изъ частныхъ бестѣхъ нач. 2018-го.*

ней истинный свѣтъ и образовываться стройный миръ правыхъ помысловъ и чувствованій. Гордое мудрованіе, съ умствованіями, извлеченными изъ земной природы, восходитъ въ душѣ, какъ туманъ, съ призраками слабаго свѣта; дайте туману сему упасть въ долину смиренія, тогда только вы можете увидѣть надъ собою чистое высокое небо. Движеніемъ и шумомъ надменныхъ и оттого всегда безпокойныхъ мыслей и страстныхъ желаній душа оглушаетъ сама себя, дайте ей утихнуть въ смиреніи, тогда только будетъ она способна вслушаться въ гармонію природы, еще не до конца разстроенную нынѣшнимъ человѣкомъ, и услышать въ ней созвучія, достойныя премудрости Божіей. Такъ, въ глубокой тишинѣ ночи, бывають чутки и тонки отдаленные звуки» (Филаретъ Московскій).

Не во всёмъ примѣнимъ здѣсь, хотя и очень интересенъ, и Свасьяновъ взглядъ на проблему Аримана и Люцифера на свой ладъ, не противорѣчащій, однако, «духовной наукѣ» – антропософіи: «Люцифер и Ариман, как совиновники творения, сохраняют свой ранг Божеств в той лишь мере, в какой их центробежная сила, влекущая мировое целое одновременно взад и вперед, подчинена центростремительной силе Христа. И они моментально становятся разрушителями творения (или, если угодно, варварами среди Богов) там, где, однажды сбившись с ритма, они выдают свою ритмию за ритм собственно. Если, скажем, Дух времени говорит погречески, то люциферик слышит его говорящим *всё еще по-*



персидски, а ариманик *уже* по-латински. Если, беря пример Нового времени, Дух времени говорит на народных языках, то люциферик связывает его *всё ещё* латынью, в то время как ариманик *уже* мечтает о всякого рода *эсперанто*, *интралингва* и *волапюке*. Если Дух времени говорит на немецком Гёте, то люциферик – это тот, кто переводит его на нибелунгонемецкий, а ариманик на советско-русский или американоанглийский. Эта *пятая колонна* варварства и решает участь культуры <...> Кармой неисккупленного Люцифера, *Diabolus*, которому мы обязаны нашим парализованным христианством, было: стать предтечей Аримана»<sup>20</sup>.

Прежде всего, для пониманія того, что я разумѣю подъ Люциферомъ, надобно отбросить – разъ и навсегда – ортодоксальное христіанское пониманіе Люцифера к акъ «Отца лжи». Онъ – нѣчто, противоположное сему. Прямо противоположенъ такъ понимаемый Люциферъ Яхве, князю міра сего, бѣсу пустынь, понимаемому въ гностицизмѣ какъ Іалдаваофъ, слѣпой богъ, нечестивый создатель дольнихъ сферъ. Необходимый – но крайне опасный<sup>21</sup>, требующій большой аккуратности при использованіи вѣяній его – для роста Люциферъ съ т.з. христіанъ – нѣчто дурное: діаволь, тьма, вы-

---

<sup>20</sup> Свасьян К.А. *Европа. Два некролога*. М., 2003.

<sup>21</sup> «Когда мы смотрим на цветок, нас манящий, тогда не важен нам исток, его творящий. Он нам дороже и родней как настоящий, пока не явится злодей, его казнящий. Люцифер не заморожен красой видимого, он призван испепелить мир, утверждая свою самость. Всякая попытка разбить цельность чревата разверстостью в Ничто». Анучинъ Евг. *Изъ частныхъ бестѣдь*.

дающая себя за свѣтъ, ложь, рядящаяся въ рясы истины. Какъ бы не такъ! Но они правы въ одномъ: Люциферъ есть прямая противоположность Яхве-Іалдаваофа (хотя онъ и является сыномъ послѣдняго), и, коли послѣдній для нихъ – благо, то первый – съ необходимостью зло. – «Словом, «добро» ли, «зло» олицетворяет христіанскій дьяволъ в гностическихъ системахъ, онъ однозначно обрѣтаетъ при этомъ все атрибуты Бога. В этомъ, кстати, и состоитъ одно изъ важнейшихъ отличій гностическихъ ересей отъ сатанизма, где сохраняется принципъ относительнаго дуализма, а Творецъ и Люциферъ просто меняются мѣстами»<sup>22</sup>.

Въ сущности, сію поэму можно было бы назвать «Исторіей одного прельщенія» (въ православномъ раскладѣ: «Исторіей одного паденія»), ибо чѣмъ, если не прельщеніемъ было бытіе М. – и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе? Люциферъ завладѣлъ сперва душою героя, а послѣ имъ целокупно. Съ другой стороны, исторія М. есть исторія того, какъ становятся богами. Тема и проблема Люцифера является центральной для поэмы. Прояснить, что понимали подъ Люциферомъ изначально, а что послѣ, есть ли «Люциферъ» въ гностицизмѣ, и что я понимаю подъ Л., – не такъ-то просто, и для попытки отвѣтить на всѣ эти вопросы мнѣ потребуются пространныя разсужденія и не менѣе пространныя цитаты.

«Lucifer», буквально «Несущій свѣтъ», изначально есть

---

<sup>22</sup> Слободнюк С. «Дьяволы» «Серебрянаго» века (древній гностицизмъ и русская литература 1890–1930 гг.), Спб., 1998.

латинській аналогъ греческаго «Эосфора», божокъ обоихъ пантеоновъ, игравшій второстепенныя роли. Но подлинную – свѣтоносную – славу онъ приобрѣлъ послѣ того какъ бл. Іеронимъ именованъ «Люциферъ» перевелъ на латынь еврейское библейское «хейлель», что означало «утренняя звѣзда», «денница» – применительно не къ падшему ангелу, но къ одному возгордившемуся царю. Ап. Павелъ писалъ, что діаволь можетъ принять «видъ Ангела свѣта» (2 Кор.11:14). Сказанное, впрочемъ, не мѣшало тому, что «Люциферомъ» называли и христіанъ: имя было въ ходу въ 4 вѣкѣ въ Древнемъ Римѣ (такъ, наприимѣръ, среди католическихъ святыхъ числится въ высшей мѣрѣ ортодоксальный католическій епископъ 4 вѣка Люциферъ Каларійскій).

Для гностиковъ Люциферъ, сынъ Зари, Зареносецъ, Свѣтоносный, – не діаволь, не зло, онъ для нихъ если и не самый Христось, то нѣкая благая сила, хотя имени «Люциферъ» гностики никогда не использовали; вмѣсто него – змѣй, дѣйствующій по волѣ Христа (см. «Апокрифъ Іоанна», гдѣ говорится, что Христось принудилъ Адама вкусить отъ древа познанія посредствомъ своего орудія – змѣя). Для гностиковъ-офитовъ либо Христось явилъ себя змѣемъ-искусителемъ въ раю, либо же змѣй выполнялъ волю Христа, или верховной Премудрости, или небеснаго зона Софіи, а самый рай явленъ не какъ рай, а какъ узилище, изъ коего Свѣтоносецъ вывелъ Адама. Подобно Прометею-свѣтоносцу, гностическій Христось есть бунтарь противу законовъ Іалдава-

офа, бунтарь, принесшій съ собою высшее знаніе на землю, и въ этомъ смыслѣ онъ Свѣтоносець. Христось – Люциферъ и Люциферъ – Христось. Неудивительно, что и въ ортодоксальномъ христіанствѣ остались – вопреки редактированію въ угоду ортодоксальности<sup>23</sup> – слѣды гносиса: такъ, напри мѣрь, въ Новомъ Завѣтѣ Христось не единожды, а дважды, хотя и косвенно, именуется Утреннею Звѣздой<sup>24</sup>, въ то время какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ послѣднее имѣеть негативныя коннотации. Въ сущности, существуетъ мнѣніе, что до Мильто-

---

<sup>23</sup> Что такое христіанская ортодоксія? Искаженное въ угоду міру сему, но отъ міра сего на словахъ и только на словахъ отрещивающееся вѣроученіе, претендующее на истину абсолютную, неложную и непререкаемую, исторически использовавшееся власть предрержащими въ земныхъ своихъ цѣляхъ; ортодоксы, въ свою очередь, суть двоеверцы, сидящіе межъ двухъ стульевъ, поклоняющіеся – одновременно – создателю, Яхве, Іалдаваофу гностиковъ (который прямо сказалъ о себѣ: «Я образую свѣтъ и творю тьму, дѣлаю миръ и произвожу бѣдствія» (Исаія 45:7), и Христу (о которомъ сказано апостолами: «Богъ есть свѣтъ, и нѣтъ въ Немъ никакой тьмы» (1 Ин. 1:5) – короче, и добру, и злу; но нельзя служить двумъ господамъ, какъ нельзя и сидѣть промежъ двухъ стульевъ. Послѣ недолгой битвы, когда всё было на сторонѣ гностицизма (всё – да не міръ и не ложь, и не неразборчивость, всеядность въ средствахъ), побѣждаетъ ортодоксія, подстраивающая – вполне въ духѣ Великаго Инквизитора – подлинное благовѣстіе Христа (gnosis) подъ земныя условія. Однако еще задолго до открытій Нагъ-Хаммади и до вообще какихъ-либо открытій гностическихъ текстовъ иные мыслители (отъ Эккегарта вплоть до Юнга) такъ или иначе тонкими своими интуиціями доходили до подлинно-гностическаго: возгонялись гносисомъ до гносиса.

<sup>24</sup> «Я есмь ... звѣзда свѣтлая и утренняя» (Апок. 22, 16). Также у Петра сказано прямо «Lucifer» (Второе Посланіе Петра 1:19): «Et habemus firmiorem propheticum sermonem cui bene facitis adtendentes quasi lucernae lucenti in caliginoso loco donec dies inlucescat et lucifer oriatur in cordibus vestris» (Вульгата).

на «Люциферъ» не былъ именемъ діавола, либо же до средневѣковыхъ схоластовъ; но всё же вѣроятнѣе, что съ легкой руки Иеронима Люциферъ сталъ Люциферомъ: именемъ діавола.

Поверхъ двухъ разнородныхъ половинокъ – іеговизма и гностицизма – историческое христіанство состоитъ изъ иныхъ двухъ половинокъ: аристократизма, культуры, въ своихъ источахъ нехристіанскихъ, спѣшно пристроенныхъ-прилаженныхъ въ первые вѣка, и собственно христіанства, вовсе неаристократическаго и далекаго отъ культуры въ своихъ источахъ. Христіанство не андрогинъ, какъ ему бы ни хотѣлось, а гермафродитъ. Но есть и иная, третья, половинчатость христіанской ортодоксії – гречество и еврейство; попытка соединенія этихъ полюсовъ также неудачна: «Христіанству предстояло свести оба полюса къ ихъ исконному единству, скажемъ такъ: явить идейную роскошь Платона на гноящейся плоти Иова. Если христіанству и удалось вообще что-либо, то никакъ не это: историческій христіанинъ – это некій называющій себя христіаниномъ гермафродитъ, языческій персонализмъ котораго иррационально дополняется семитской соборностью. Гётевскій вопросъ на засыпку: «Кто же нынче христіанинъ, какимъ его хотѣлъ бы имѣть Христосъ?», лишь подводилъ черту подъ этимъ всемирно-историческимъ срывомъ» (Свасьянъ К. *Растождествленія*).

Десятью годами ранѣе на вопросъ «Что есть ортодоксія?» я отвѣчалъ: трусливо-аскетическое, напрочь лишённое бун-

та, дерзновенія и всего аристократическаго и всего героическаго ученіе, принуждающее вѣрить въ то, что никто никогда не зрѣль, полагающее подвѣщенные въ областяхъ, «откуда никто не возвращался», морковки и прочіе кнуты и пряники достаточнымъ основаніемъ проклясть всё здѣшнее, проклясть Я, поломать себя, кастрировавъ и бросивъ сердце на алтарь чужихъ завѣтовъ. Ортодоксія можетъ быть аристократической, мощной, земной, тогда она – лицемѣріе воплощенное (западная ортодоксія), либо она нѣчто низовое (ортодоксія восточная). Послѣдняя – какъ *merde*: можешь не принимать её въ сердцѣ своемъ, можешь даже и не знать её, но коли вляпаешься – вовѣкъ не отмоешься. Замаранность являетъ себя: ослабленіемъ, потерей воли, потерей – того болѣ – вѣры въ волю, силу, въ собственное Я, въ концѣ концовъ. – Ортодоксія и міровоззрѣніе ея на рѣдкость уродливы: силу подлинную (духовную) почитаетъ хвастливостью, юной наивностью, желторотостью, либо же гордостью, что должна быть – ею – низвергнута, или того хлеще – безуміемъ, которое должно быть ею вылѣчено. Бьющую черезъ край энергію, пассіонарность почитаетъ чѣмъ-то такимъ, послѣ чего стоитъ лукаво креститься. – «...освященіе рабства именемъ Божьимъ – самое древнее и гнусное изъ всѣхъ кощунствъ» (Мережковскій Д. *Трагедія цѣломудрія и сладострастія*); и: «И я убѣдился, что церковное ученіе, несмотря на то, что оно назвало себя христіанскимъ, есть та самая тьма, противъ которой боролся Христосъ и велѣль бороться

своимъ ученикамъ» (Толстой Л. *Въ чёмъ моря въра*).

"Дьявол начинается с пены на губах ангела, вступившего в бой за святое правое дело. Всё превращается в прах – и люди, и системы. Но вечен дух ненависти в борьбе за правое дело. И благодаря ему зло на Земле не имеет конца. С тех пор, как я это понял, считаю, что стиль полемики важнее предмета полемики" (Г.Померанць). – Дьяволь, князь міра сего (вовсе не Люциферъ, а нѣчто ему противоположное), зачинается (и заканчивается) духомъ косности, подъяремности, инертности, всеобщей заданности, слѣпотою и уравниваніемъ «слезинки ребенка» и счастья будущихъ поколѣній: слезинка больше-де стоитъ; будущія поколѣнія и впрямь стоятъ больше, но еще больше – творящій (а не вторящій, какъ вялый, сѣдой авторъ цитаты). Нѣтъ роста безъ борьбы (и борьбы безъ роста): "Становление человека – *carte blanche* Сатаны: лицензия на зло, потому что в зле, через зло, силою зла мир не замирает в воскресности, а учится быть бодрым и будним <...> Не умеи человек быть злым, у него не прорезались бы даже зубы. Грехопадение – религиозный дар, дар Я в животном, которое без этого дара оставалось бы просто райским телом: бесплотным, бесстыдным и бессмертным" (К.Свасьян «...но еще ночь»). В конце концов, кем был бы и сей борец с дьяволом, не прими его предки дара Люцифера, милостью коего мы ведаем, а не сонно верим, Змеем явленнаго и даровавшаго Свободу во времена предвечные.

Снова – К.С. («Ницше, или как становятся богом. Две ва-

риации на одну судьбу»): "...в письме, отправленном Якобу Буркхардту 6 января 1889 г. из Турина на четвёртый день после начавшейся эйфории, стало быть уже "оттуда", ситуация получит головокружительно-"деловое" разъяснение, где "сумасшедшему" – этой последней и уже сросшейся с лицом маске Ницше – удастся огласить буквальную мотивацию случившегося: "Дорогой господин профессор, в конце концов меня в гораздо большей степени устраивало бы быть славным базельским профессором, нежели Богом; но я не осмелился зайти в своём личном эгоизме так далеко, чтобы ради него поступиться сотворением мира" (Вг.8, 577–578). Что "коллеге" Буркхардту не оставалось по прочтении этого письма ничего иного, как считать бывшего "коллегу" Ницше свихнувшимся с ума, более чем понятно. Последовавшая вскоре госпитализация "пациента" Ницше оказалась по существу лишь однозначным медицинским резонансом смутных чувств "коллеги" Буркхардта, которому и в дурном сне не приснилось бы, что приведенный выше пассаж мог бы заинтересовать отнюдь не одних медиков. Профессор, обменивающий кафедру и жалование на вакансию Бога, едва ли мог рассчитывать на что-либо большее, чем ясный и бесспорный диагноз. Вопрос в другом: не скрывается ли за медицинской ясностью этого диагноза иная, более ясная диагностика? – Допустив, что профессорам удалось бы однажды перестать притворяться простофилями и серьезно отнестись к смыслу своих занятий... Ибо: поскольку человек, носящий мас-



ку “профессора” есть по определению “ученый”, его генеалогия восходит к Первой книге Бытия (3,5), именно: к тому монументальному речению Люцифера, которое без обиняков может считаться метрикой профессорского рода: “И будете как Боги”. Ничего удивительного в том, что генезис этот в тысячелетиях был предан совершенному забвению; профессора, разумеется, предпочли скорее рассуждать о Боге, нежели становиться Богом. Понятно, что всякая попытка довоспоминаться до своего исконного смысла и самолично восстановить распавшуюся связь, автоматически зачислялась по ведомству психиатрии. Эпоха гуманизма реагировала на вещи, запредельные её пониманию всё-таки иначе, чем мрачное средневековье; норме костра она предпочитала норму смирительной рубашки.

Жизнь Ницше – от блистательного дебюта 24-летнего “профессора” до 44-летнего “туринского монарха” – представляет собой удивительно последовательное покушение на эту норму. Понятно, по крайней мере в ретроспективном обзоре, что всё должно было зависеть от сроков появления на сцене “искусителя”; в этом случае их оказалось двое; все предсказания и надежды старого Ричля обернулись химерами в момент, когда юный студиозус впервые раскрыл том мало известного ещё и не пользующегося решительно никаким доверием в университетских кругах философа Шопенгауэра”<sup>25</sup>.

---

<sup>25</sup> Свасьян К. «...но еще ночь».

Мы еще вернемся къ темъ Люцифера послѣ послѣсловія, когда будемъ говорить объ ученіи Дѣвы.

\* \* \*

Мятежный Богоискатель, проклинаящій боговъ, мистикъ и воитель (и поди разбери – къ чему болѣе онъ склоненъ, что у него выходитъ лучше), зрящій мнимо-сатанинскіе про-свѣты божественнаго и живушій ими, великій мироотрица-тель и мироненавистникъ, акосмистъ до акосмизма, проник-нутый духомъ иныхъ словесъ Екклесіаста, великій дѣятель, зрящій суету суеть и пребывающій надъ дѣятельностью, ге-рой до вѣка Героевъ, стойкъ до Стои, достигшій невиданна-го презрѣнія къ тѣлеснымъ сферамъ, ницшеанецъ до Ниц-ше – по страсти и гностикъ до гностицизма – по міровоз-зрѣнію, нигилистъ до нигилизма, нѣмецъ до нѣмцевъ: за ты-сячелѣтія. Посторонній. Словами К.Свасьяна о Ф.Ницше, болѣе подходящими къ М.: «воплощенная гераклитовская философема "распри", принятая за норму существования». Онъ не святой, который угасаніемъ плоти и самого Я борет-ся съ плотью: онъ не люциферикъ: онъ презираетъ её и ис-пользуетъ для духа – онъ люциферіанецъ; его вѣрованіе, ис-повѣданіе его – не многоразличныя вѣрованія страждущихъ и обремененныхъ, нищихъ духомъ, побѣжденныхъ жизнью, но опора и фундаментъ для бытія существа, что побѣдило жизнь и потому пребываетъ выше жизни. Подобный аристо-

кратизмъ духа не можетъ быть достояніемъ толпы, отъ вѣка и до вѣка слѣпой, оно даже не можетъ быть ею понято – хотя бы и на десятую долю. Потому М. духовно одинокъ, но менѣе всего желалъ бы онъ промѣнять бытіе прозрѣвшаго, свое гордое Я на бѣсовщину и слѣпоту Мы, которая отъ вѣка и до вѣка подстерегаетъ всё живое, являясь величайшимъ искушеніемъ. М. полонъ презрѣнія ко всему дольнему во всёмъ его многообразіи, и презрѣніе его – слѣдствіе высоты души, ибо рѣчь идетъ не о дольномъ презрѣніи Имато или Касато, но о презрѣніи горнемъ, каковымъ были охвачены М. Его добродѣтель, доблесть – словами историка В.Дюранта, произнесенными въ адресъ Одиссея (но подходящими М. куда болѣе) – «Его доблесть (virtue) – это virtus, буквально, мужественность, arete, свойство Ареса».

Въ М. – искра божественная, отъ Отца, неотмірная – вспыхнула, разгорѣлася, стала Огнемъ и самъ онъ сталъ Огнемъ. Сей Огонь есть духъ. У прочихъ людей духъ полоненъ тѣломъ и душою; онъ спитъ подъ ихъ покрывалами, недвижимъ, непробужденный.

Явленіе М. – явленіе Смерти въ жизни; равно и – Жизни въ смерти<sup>26</sup>.

Человѣкъ, коимъ тотъ или иной духъ себя являетъ, есть маска, persona, личина – средство; и никогда – цѣль. Хотя духъ, воплощенный въ М. – извѣчный спутникъ челове-

---

<sup>26</sup> Ср. со словами Штейнера: «In dem Christus wird Leben der Tod» («Во Христѣ смерть становится жизнью»).

ства, онъ поистинѣ рѣдокъ.

М. есть диссонансъ – въ ассонансѣ бытія, аритмія – въ ритмѣ вселенной, дисгармонія – въ гармоніи дольнихъ сферъ, черное Ничто – вечночреватое бѣлымъ Всѣмъ, пылающій глаголь – въ обледненной пыли.

М. – огонь поядающій, молнія, сила, низвергающая дольную, отъ вѣка и до вѣка ложную гармонію, «безсмертный духъ въ смертномъ тѣлѣ». М. при томъ – словно олицетвореніе Міровой Скорби.

М. – звѣзда, рожденная лузурью, зареносецъ, просвѣтъ молнійный: въ гущахъ тьмы.

М. – огнепоклонникъ, и Огнь нашель себя въ бытіи М., явиль себя черезъ бытіе героя юнаго, а позже попалиль охваченную огненными вихрями его жизнь, короткую, словно вспышка молніи.

М. – до жути возвышенный спиритуалистъ, не только вѣрящій въ первичность духа, но и показавшій это въ личной судьбѣ. М. – спиритуалистъ, бытіе чье послѣ явленія Дѣвы стояло подъ знакомъ растождествленія съ міромъ, полный черной ненависти ко всему живому, сверхъ-гордый, отдѣльными своими чертами напоминающій Антихриста В. Соловьева, и для любителей цѣльности-цѣлостности уже поэтому есть человекоубивецъ. И самое его существованіе – упрекъ всѣмъ живущимъ, кость въ горлѣ и стрѣла въ сердце.

М. есть духъ воплощенный, и, когда М., потерявъ плоть (не утопивши, но сжегши её въ духѣ и духомъ), ибо духу его бы-

ло тѣсно въ его плоти, стать духомъ, дѣять онъ стать ничуть не менѣе, какъ то вообще свойственно тѣмъ, кто скорѣе духъ, нежели плоть, а не плоть съ примѣсю духа, какъ «малые сїи», потопившіе духъ въ плотяномъ.

М. – не только духъ воплощенный, но и воплощенная воля, а воля, ея напряженіе, есть не только страданіе, pathos, но и возогнанный эросъ. М. – чистая воля, но вѣдающая духъ; того болѣ: духовная воля, воля, преображенная духомъ.

М. – великій отрицатель, уже поэтому для малыхъ сихъ онъ есть герой отрицательный. Самое дѣленіе бытія на духъ и матерію несетъ за собою страданіе (въ первую очередь съ позиціи плоти); именно имъ чревато отрицаніе; чѣмъ больше отрицанія, тѣмъ больше страданія. Отсюда черно-белость бытія М., лишенность какой бы то ни было палитры красокъ. – У М. – никакой широты души, всепріятія – одна глубина и высота; онъ вѣсь стрѣла, мечъ и молнія.

М. былъ первымъ, на чьемъ незримомъ стягѣ было написано (словами его самого): «Впередъ, впередъ: любою цѣною – отъ побѣды къ побѣдѣ!». Въ этомъ «Впередъ!» – въ его «Впередъ!», а не въ акаевомъ, лишь похожемъ внѣшне, – сказывалось нѣчто дотолѣ небывалое, преодолюющее животную заданность, мѣрность и инертность. Первый, въ полной мѣрѣ поборовшій въ сердцѣ своемъ зверино-человѣчье, черно-красное, мелко-діонисическое (Акай поборолъ не въ полной мѣрѣ). – Шипами розъ проросло величіе М.

Человѣкъ духа при жизни, какъ правило, не можетъ быть

побѣдителемъ въ сферѣ царства количества: ибо его отъ вѣка – царство качества. – М. же былъ побѣдителемъ обоихъ царствъ, что особенно удивляетъ.

М. *primus inter pares* (*primus* – и по времени, и по роли), явиль себя почти въ доисторическую эпоху, когда дѣлають что угодно – и съ большимъ жизненнымъ напоромъ, но не – думаютъ (ну не считать же хозяйственные расчеты и управление страной – мышленіемъ); самая эта эпоха извѣстна намъ благодаря различнымъ «думаньямъ» различныхъ же эпохъ отъ припоминаній древнихъ грековъ классическаго времени до современной археологіи.

М., избраннѣйшій изъ избранныхъ, который не отступилъ ни на шагъ отъ сути своего бытія – борьбы съ судьбой, – принадлежитъ къ роду высшихъ людей, высшихъ не означать «святыхъ» и часто означаетъ скорѣе обратное: плотянымъ пониманіе М. крайне затруднено. И, хотя бытіе его плещетъ виннокрасными брызгами, а самъ онъ – пламень, явленный именно въ годы войны, мы, однакожъ, далеки отъ мысли, что для М. смута и война были Свободою; также мы не можемъ утверждать, что онъ жилъ ими и только ими; хотя онъ – воитель, онъ не только и не столько воитель; степень его воинскихъ умѣній въ тѣхъ условіяхъ означала лишь степень его удачливости (на поляхъ сраженій) и авторитетности (для возставшихъ); впрочемъ, просверкивала въ воинскихъ умѣніяхъ его и его воля; въ иномъ случаѣ онъ былъ бы живымъ укоромъ «малымъ симъ», кои живого бы мѣста на нѣ-

мъ не оставили. Однакожь ясно, что на мирномъ Критѣ было его душѣ и духу тѣсно и душно. Еще болѣе душно ему было на Востокѣ, откуда и былъ онъ родомъ. Потому двоящееся, шутливо-серьезное названіе всего цикла поэмъ (“Ex oriente lux”) надобно разумѣть должнымъ образомъ: Свѣтъ, грядущій съ Востока – не свѣтъ Востока, не Востокъ – Свѣтъ, но именно на Востокѣ – нѣкимъ чудеснымъ образомъ – есть тѣ немногіе, что суть Свѣтъ, ибо нездѣшнее и горнее лучить себя ими. Названіе – съ иной стороны – имѣетъ цѣлью также напомнить Западу, что солнце встаетъ всё жь на востокѣ, а не на западѣ, какъ то ему бы хотѣлось. Напомнимъ читателю, что, по представленіямъ египтянь, Западъ – страна мертвыхъ (ибо тамъ заходитъ солнце).

М. не только воитель, бытіе чье стоитъ подѣ знакомъ бо-ренія, но и мыслитель (хотя многія его мысли – личная вѣра его, онѣ порою – не болѣе эмбрионовъ мысли – то изви-няемо почти довременнымъ временемъ) – за многіе, многіе вѣка, какъ первые мыслители появились, философъ до фи-лософіи, короче – словами Ницше – «непріятный безумецъ и опасный вопросительный знакъ». М. ставитъ вопросы, и, быть можетъ, его великое «Почему?» важнѣе, чѣмъ не слиш-комъ удачные отвѣты позднихъ временъ. И не его вина, что ему не удалось перевести возстаніе въ русло достодолжное, претворивъ такимъ образомъ въ жизнь высокія, горнія свои чаянія. Онъ видитъ въ возстаніи средство, а не цѣль, и сред-ство не для хлѣбовъ и зрѣлищъ, но для борьбы со зломъ;

возстаніе должно было быть началомъ славныхъ его дѣлъ, но стало концомъ, но не исходомъ. И дѣло тутъ не въ отсутствіи союзниковъ, великихъ не числомъ, но качествомъ, но въ самой невозможности воплотить въ жизнь то, что выше жизни.

М. – не архетипъ героя, не неиндивидуальный отражатель въ личной судьбѣ архетипа, но: первенецъ изъ обрѣтшихъ Я. И хотя мыслить онъ юно-страстно, бинарно... онъ мыслить, и потому онъ есть. И М. лишь внѣшне юнъ: юны едва ли не всѣ прочіе.

М. – не только великій воитель, упивающійся превеликими своими силами, берсеркъ до берсерковъ, священно-безумный, но и сакральный теомахъ, зачинающій героическій вѣкъ, разсвѣтъ котораго простирается отъ дѣяній Геракла вплоть до фиванскихъ походовъ и Троянской войны (еще въ вѣка шаманизма и силъ стихійныхъ, хтоническихъ). Богоборцами такъ или иначе, съ той или иной степенью искаженій, были и Иксионъ, Танталъ, Сизифъ – вплоть до Орфея. Гераклъ, напротивъ, не богоборецъ – быкоборецъ. – М. – богоборецъ, прочіе – либо неудачники, либо быкоборцы.

М. – безумецъ, но покажите еще мнѣ генія, въ сердцѣ ко-его безуміе не свило бы себѣ гнѣздо?

М. – не только соль земли, но и соль неба.

М. – не тотъ, кто бѣжитъ отъ міра, времени и пространства, какъ бѣгутъ неудачники всѣхъ мастей, но міръ, время и пространство бѣгутъ его.

М. – чужеземецъ. Посланникъ. Вѣстникъ.



М. – мученикъ Свободы и сынъ Вѣчности, священно-безумный.

М., однако, не роботъ и не механизмъ: онъ живой человекъ, чувствующій и страдающій; помимо измѣренія сверхчеловѣческаго, онъ имѣетъ вполне человѣческое: развѣ не трогательны отношенія его съ Дѣвою? вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ сръзы и слои бытія его – неземные, часто анти-земные; онъ не на словахъ, а на дѣлѣ не привязанъ ни къ чему изъ дольнаго.

М. – сгустокъ ненависти пламенной, выцѣживающій изъ себя любовь лучисту: Ею.

Лишь съ позицій неизвѣстныхъ, былъ М. лучшимъ изъ тѣхъ, кого зналъ міръ, ибо, въ сущности, нѣтъ ничего болѣе важнаго и болѣе многотруднаго, нежели борьба за свое Я, и горѣніе – достоинство высокаго<sup>27</sup>. Зналъ? Міръ стремил-

---

<sup>27</sup> «Мы – мычанье, обличанье лишь чужого естества. Созидательно сиянье златом блещущего Я. Если дышишь, значит знаешь, это дышит твое Я. Особенно отчетливо осознание своего Я проявляется в предстоянии перед мирозданием, неполным без моего Я. Все становятся стадом за необъятной спиной Мы. Ибо Я есть ответственность за жизнь, а не отчуждение от неё. Но теплится ещё в человеке архетип хорового начала. Он дремлет в нас или проявляется в играх и хороводах. Он пробуждается, как это было в 1941 году, когда на всю страну по радио зазвучали слова песни "Вставай страна огромная, вставай на смертный бой, с фашистской силой тёмною, с проклятою ордой. Пусть ярость благородная вскипает как волна, идёт война народная, священная война". Энергетика этих слов В.Лебедева-Кумача и музыки А.Александрова была способна и мертвого поднять из могилы. Зов предков был мощен, тысячи молодых людей потянулись в ополчение, дабы принести кровавую жертву Молоху СВЯЩЕННОЙ войны». (Анучинъ Евг. *Изъ частныхъ бестѣхъ*).

ся въ рѣдкихъ, лучшихъ своихъ желаньяхъ породить лучшаго; но всегда когда желалъ того міръ, противу него возставалъ князь міра сего, его – міра – создатель; и либо воспрещалъ ему, лучшему, быть – еще въ самомъ зародышѣ; либо же послѣ, когда этотъ нарицаемый лучшимъ уже жилъ и творилъ, на него въ самые неожиданные миги обрушивались всѣ козни Судьбы: руками Судьбы препятствовалъ создатель излиться вышнимъ свѣтамъ въ дольнія пространства черезъ лучшихъ, или *немногихъ*. Но и подвластная князю міра сего Судьба часто молчитъ – даже богу слѣпому – о томъ, чему быть.

Исторія М. есть исторія расколовшагося на тьму осколковъ Солнца, а исторія послѣдующая есть исторія преломленія одной Зари и въ немалой мѣрѣ лишь послѣсловіе къ произошедшему<sup>28</sup>.

---

<sup>28</sup> «Что касается нового варианта 4 главы 2 части критской поэмы, то мог бы сказать такие слова. Разговор М. с Ариманом, с Люцифером постепенно укрепляет у М. веру в себя. Не ради брэнного мира следует свершать ему своё героическое подвижничество, а ради более высокого, высочайшего, возжженного свечением и горением Духа люциферианского, самовольного и дерзкого в самостоянии. Терзания М. в выборе между обычной кровавой сечей, вспененной извечными человеческими страстями и сечей Духа разящего, пресекающего бесчисленные жертвы кровопролития, есть завершающий аккорд человеческой истории, во имя которого М. только и согласен возглавить последнюю битву. Он сие не мог внушить своим воинам, не знающим или мало понимающим безграничность духа, струящегося из вечности, во имя грядущего освобождения человеческих нуллионов от бесчисленных жертв смертоубийства и невежества. Что касается беседы Девы и М., то она, подобно текущей горячей лаве, прожигает сладкую ложь ариманства, оставляя адептам люциферианства, но не фиглярам

\* \* \*

*Въ этой части земного шара день – безконечная  
заря, вѣчно манящая,  
но никогда не выполняющая своихъ обѣщаній.  
А. де Кюстинъ. «Россія въ 1839 году»*

Сперва родъ людской не принялъ даровъ Христа; въ 20-омъ вѣкѣ окончательно отвергъ дары Люцифера – помимо издревле непринятыхъ вышеупомянутыхъ даровъ Христа – и палъ въ Ариманово безуміе. Если и совершилъ міръ возвратный порывъ (неоплатоническое эпистрофе), то только лишь въ отчизну свою: въ темницу Аримана, въ узилище бога плоти (что выражается, въ частности: заступившимъ матриархатомъ и материализмомъ, явленіями взаимосвязанными).

Говорятъ: благими намѣреніями вымощена дорога въ адъ. Не разумѣютъ: адъ созидаютъ не благія намѣренія *немногихъ*, но неблагія намѣренія многихъ, или «малыхъ сихъ», которые, продавши Ариману сердце, дѣлаютъ свои (дольнія, земныя) дѣлишки, строятъ карьеры, обрѣтаютъ столь ими цѣнимое (на дѣлѣ: единственно ими цѣнимое) мѣсто подъ солнцемъ, или мѣсто въ дольней іерархіи.

---

люциферикам, вершить суд над немощью материи. Духоподъемность этой беседы позволяет прорасти крыльям для жаждущих их обрести». (Анучинъ Евг. *Изъ частныхъ бестѣхъ первой половины 2019—20*).

Быть русскимъ означаетъ быть православнымъ, какъ извѣстно; что означаетъ: показывать, что всѣми силами души и духа думаешь о хлѣбѣ небесномъ, затушевывая страсть единственную: алканіе хлѣбовъ земныхъ (понимаемыхъ широко, въ томъ числѣ и какъ нѣчто властное, что называется, сильное міра сего); говоря инако: вѣщать о страсти къ горнему, будучи не только не горнимъ, но и не имѣя стремленья къ горнему. Русское – полулживое-полуправдивое, двоящееся, двоякое: святой и грѣшникъ въ одномъ лицѣ. Струящееся, текучее, духовно-податливое: временами магма, временами – вода и кисель. Русскіе – не злобою добры, но злы добромъ<sup>29</sup>. Стоитъ отмѣтить, что и хлѣба небесные бываютъ разными: извѣстны по меньшей мѣрѣ нѣсколько: греческіе, византійско-русскіе, германскіе.

Оттого-то в душе этих Карамазовых копится страстная жажда высшего символа – бога, который одновременно был бы и чертом. Таким символом и является русский человек Достоевского. Бог, который одновременно и дьявол, – это

---

<sup>29</sup> Гессе видитъ въ иномъ свѣтѣ русскую природу – какъ болѣе духовную; но отмѣчу, что говоря о русскомъ, онъ имѣетъ передъ глазами не современное намъ русское, но русскихъ аристократовъ. – «Итак, русский человек (который давно распространился и у нас, в Германии) не сводим ни к истерику, ни к пьянице или преступнику, ни к поэту или святому; в нем все это помещается вместе, в совокупности всех этих свойств. Русский человек, Карамазов, – это одновременно и убийца, и судия, буян и нежнейшая душа, законченный эгоист и герой совершеннейшего самопожертвования. К нему не применима европейская, то есть твердая морально-этическая, догматическая, точка зрения. В этом человеке внешнее и внутреннее, добро и зло, бог и сатана неразрывно слиты.

ведь древний демиург. Он был изначально; он, единственный, находится по ту сторону всех противоречий, он не знает ни дня, ни ночи, ни добра, ни зла. Он – ничто, и он – все. Мы не можем познать его, ибо мы познаем что-либо только в противоречиях, мы – индивидуумы, привязанные ко дню и ночи, к теплу и холоду, нам нужен бог и дьявол. За гранью противоположностей, в ничто и во всем живет один лишь демиург, бог вселенной, не ведающий добра и зла». *Гессе Г. Братья Карамазовы, или закатъ Европы.*

М., volens-nolens, въ большой мѣрѣ – еще разъ – нѣмецъ до нѣмцевъ: за тысячелѣтія. Здѣсь надобно добавить, уточняя: когда мы говоримъ о Россіи или о Германіи, мы ведемъ рѣчь о духѣ, смыслѣ, идеѣ Германіи или Россіи, переставшими быть собою: въ 1-омъ случаѣ – послѣ 1945 г., во второмъ – послѣ 1917-го. Обѣ нынѣ – плоть плотствующая, либо душа плотствующая (въ первомъ и второмъ случаѣ соответственно). Однако ежели рѣчь идетъ о прежней, подлинной Германіи, вѣдь именно подлиннымъ нѣмцемъ и является М., то на умъ приходятъ слѣдующія слова о ней: «Кельтско-германская «раса» самая выдающаяся по силе воли, какую только знает мир! Однако это «я хочу» – я хочу! – наполняет фаустовскую душу до краев, придает высший смысл ее существованию, пронизывает каждое проявление фаустовской культуры в мышлении, деянии, формировании, отношении к себе, возбуждает сознание совершенного одиночества Я в бесконечном пространстве. Воля и одиночество в конеч-

ном счете одно и то же. Отсюда, с одной стороны, молчание Мольтке, с другой – потребность мягкого и женственного Гете в исповедальности перед избранным им окружающим миром, пронизывающей все его произведения. Это стремление найти отзвук из пространства мира, страдание нежной души из-за монологизма своего существования. Можно гордиться одиночеством или страдать от него, но не избавиться. Поклоняясь религии «вечных истин», человек – такой, как Лютер, – стремится к милости и спасению в рамках такой судьбы, настойчиво ее завоевывает. Однако политический человек Севера на основании этого развил гигантское упрямство по отношению к действительности: «Ты полагаешься больше на твой меч, чем на Донара» – говорится в одной исландской саге. Если что-то и есть в мире индивидуализма, так это упрямство отдельного человека по отношению к целому миру, знание о собственной негибкой воле, радость окончательных решений и принятие своей судьбы, каков бы ни был исход. Пересилить себя по собственной воле – прусское качество. Цена жертвы в ее тяжести. Кто не может жертвовать своим Я, тот не должен говорить о верности. Он лишь следует за тем, на кого переложил ответственность. Если что-то сегодня должно повергнуться в изумление, так это убожество социалистического идеала, с помощью которого хотят спасти мир. Это не освобождение от власти прошлого; это продолжение самого худшего, что в нем было. Это трусость по

отношению к жизни»<sup>30</sup>.

Россія же – скопище смиренныхъ (ибо сказано въ инструкціи для бытія: «Всякій, возвышающій самъ себя, униженъ будетъ, а унижающій себя возвысится» (Лук.18, 14–10), смиряющихъ себя и прочихъ и использующихъ смиреніе въ цѣляхъ Гордости: смирись – и возвысишься, что звучитъ на дѣлѣ: пади (въ смиреніе), дабы обрѣсть: «кто унижаетъ самого себя, тотъ хочетъ возвыситься» (Ницше). Униженіе паче гордости. Во всѣхъ трехъ Россіяхъ всегда очень любили поучать – да учиться никогда не любили<sup>31</sup>.

Казусъ современная Россія и – шире – вся современность: высокоомѣрное презрѣніе къ представляющемуся высокоомѣрнымъ презрѣнію: альфа и омега, начало и конецъ русскаго бытія, настоеннаго на смиреніи и сокрушеніи сердца, помноженнаго – нынѣ – на одичаніе предѣльное<sup>32</sup>.

Казусъ современная Россія и – шире – вся современность: плоть какъ міръ и міръ какъ плоть. Крестьянски-за-

---

<sup>30</sup> О.Шпенглеръ. *Годы рѣшеній*.

<sup>31</sup> "Русскому православию свойственна некая затаенность, почти эмбриональное состояние духа, благость. Это своего рода болезнь затаенной духовности, находящей удовольствие в своем эмбриональном состоянии ... Исторически так сложилось, что русская культура всегда избегала форм, и в этом смысле она ближе к хаосу, чем к бытию"//М.Мамардашвили. *Жизнь шпона*.

<sup>32</sup> «Входя в избы, я каждый раз заново ощущал это одурманивание не только водкой, ту болезненную предрасположенность к отрицанию самого себя, составляющую едва ли не основу этого характера, упакованного в советскую тару». Багно В. *Из испанцев в русские. По великой европейской диагонали* \\Вестник Европы. – 2001. – № 3. – С. 157.

горѣлая, лоснящаяся, умашенная парфюмомъ, хирургически подправленная плоть.

Казусъ современная Россія: страна контрастовъ, безъ какой-либо примиряющей середины; здѣсь, какъ извѣстно, сливаются: бѣсноватый и святой; глупецъ и мудрецъ; добрый и злой. – Страна горъ и расщелинъ; то пики неземные, то болота гниlostные; и если ранѣ были пики, то нынѣ сплошное болото; болото то составляютъ два слоя, которые суть скорѣе сословія: раззолоченная чернь и чернь нищая.

Для современной Россіи всё то, что прорываетъ ткань сѣрости, банальности, общепринятаго, устоявшагося, окаменѣлаго, официальнаго, т. е. неоправданную радость живого бытія, – нѣчто чужое, враждебное, нѣчто, должно быть уничтоженнымъ: слоемъ мертвечины сіюминутныхъ іерархій и бессмысленныхъ ритуаловъ, ибо она ограждаетъ себя отъ всего живого, подлиннаго, высокаго и свободнаго.

Россія современная – пластмассовая омерта – послѣ кроваваго энуреза: длиною въ человѣческую жизнь.

Россія и русскіе помимо сказаннаго стоятъ подъ знакомъ борьбы со Зміемъ, но Змій есть не что иное, какъ мудрость: святой (Георгій) побѣждаетъ мудрость. – Какъ послѣ этого можно удивляться двумъ бѣдствіямъ Россіи – дуракамъ и дурнымъ дорогамъ (или въ современномъ раскладѣ: коррупции, которая вообще искони и апріорно свойственна восточнымъ политическимъ системамъ)? Тотальная глупость – столь же тотальна, какъ тотальны всѣ бѣды тоталитаризма;



въ нынѣшнемъ раскладѣ: помимо глупости – еще и деревянность нарождающихся и уже народившихся – цифровыхъ – поколѣній<sup>33</sup>. Мудрость Московіи: живи, а не думай («Трудно же жить съ такими мыслями»). Не подѣ тѣмъ ли знакомъ стоялъ и Критъ, хотя и почитавшій – жрицами – змѣй, но змѣй хтоническихъ, не имѣющихъ отношенія къ Змію: Люциферу, отверзшему очи человѣку, научивши его мыслить – а не быть слѣпымъ. Что Россія, что Критъ – почвы едва ли не самыя каменистыя для познающаго (читай – для единственно свободнаго), для обладающаго Я.

В наше время, когда цифра грозитъ изничтожить число, сводя пифагорейскіе числа к безличной двоичной системѣ, т. е. до предела упрощая ради удобства всю многокрасочность мира чисел, что означаетъ окончательную победу цивилизации надъ культурой. Поневоле хочется приникнуть к роднику мифологическаго виденія мира. Глобализация разъедаетъ душу через торжество цифровыхъ технологий, которымъ

---

<sup>33</sup> «За два с половиною тысячелетія миръ зловеще упростился отъ музыки сфер и пифагорова числа к торжеству цифры, я имею в виду порабощеніе всехъ обывателей паутиной цифроваго двоичнаго кода. Есть "да", есть "нѣтъ", а остальное отъ лукаваго. Технократическая мысль победоносно черезъ цифру готовитъ всемирную катастрофу. Обыватель, вооруженный цифрой, закодированный рабъ, весь во власти новыхъ господ, которые, въ свою очередь, во власти амбицій рано или поздно самоликвидируются. Цифра готовитъ новаго Антихриста... Ему будетъ позволено существовать, пока онъ подчиняется всемогущей Цифрѣ. Стоитъ взбрыкнуть – и готовъ беспомощный трупъ. Единственный для насъ выходъ такъ противопоставить Духъ Цифрѣ, чтобы существовать автономно вне терроризма Цифры и пригляда Антихриста. Уйти въ катакомбы, какъ въ свое время уходила въ нихъ катакомбная церковь.

отдался новый человек – человек потребляющий и скупающий» (Анучинъ Евг. *Изъ частныхъ бестѣдъ. нач. 2019-го*).

Есть двѣ породы людей. – Одна, самая распространенная, случись ей увидать нѣчто выше ея (особливо, ежели оно рядомъ, живое) – погружается – инстинктомъ – въ море инстинктовъ ressentiment. Виной всему – вредное учение о равенствѣ людей: болѣе низкій вынужденъ считать себя – независимо отъ воли – равнымъ (хотя бы въ задаткѣ, меонально) болѣе высокому; сознавая, что онъ ниже, онъ, однако, милостию собственной слабости не тянется вверхъ къ нему, но скорѣе этотъ «верхъ» со всей христіаннѣйшей невинностью желаетъ низвергнуть во вѣки вѣковъ съ лица [Палдаваофѣй] земли. Само зримое «выше», живое и персонифицированное, предстаетъ здѣсь укоромъ, вызывая боль (противоположную состраданію – собственно, вышеназванный, сверхраспространенный типажъ покоится цѣликомъ между этими двумя видами боли – страданіемъ и состраданіемъ, – раскачиваясь подобно маятнику): черные вороны не могутъ терпѣть бѣлыхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, rara avis – мишень (иногда – мишень замалчиванія) и пробный камень высшихъ сферъ въ цѣляхъ и самопознанія міра, и возгонки дольняго бытія. Иная порода – изъ самой своей природы (не той, которая дана, за-дана, а той, которую созидаютъ сами) проявляютъ мудрость подлинную, подобно тому, каковую мудрость проявили римляне, сами опознавъ себя вторыми – въ культурѣ – послѣ грековъ (скажемъ, вслушиваясь и внимая – а не бол-

тая о вслушиваніи и вниманіи съ цѣлью полученія тѣхъ или иныхъ видовъ выгоды (казусь современная интеллигенція).

Русскіе то съ Христомъ, то съ Яхве, то въ Аримановыхъ (или Діонисовыхъ) глубяхъ: люциферическое есть анти-русское *par excellence*: оно есть германское, и германскій сумрачный геній, чьи мысли прекрасны словно Ночь, словно бархатъ черный небесь, озаренныхъ Луною, этотъ германскій геній – чадо Люцифера (часто и Христа, но Христа въ немъ меньше)<sup>34</sup>.

---

<sup>34</sup> «Основная черта нашего народнаго характера – паюсь совлеченія, жажда совлечься всѣхъ ризъ и всѣхъ убранствъ, и совлечь всякую личину и всякое украшеніе съ голой правды вещей. Съ этою чертой связаны многообразныя добродѣтели и силы наши, какъ и многіе немощи, уклонны, опасности и паденія. Здѣсь коренятся: скептическій, реалистическій складъ неподкупной русской мысли, ея потребность идти во всѣмъ съ неумолимо-ясною послѣдовательностью до конца и до края, ея нравственно-практическій строй и оборотъ, ненавидящій противорѣчіе между сознаниемъ и дѣйствиемъ, подозрительная строгость оцѣнки и стремленіе къ обезцѣненію цѣнностей. Душа, инстинктивно алчущая безусловнаго, инстинктивно совлекающаяся всего условнаго, варварски-благородная, т. е. расточительная и разгульно-широкая, какъ пустая степь, гдѣ метель заноситъ безыменныя могилы, бессознательно мятежащаяся противъ всего искусственнаго и искусственно-воздвигнутаго какъ цѣнность и кумиръ, доводитъ свою склонность къ обезцѣненію до униженія человѣческаго лика и приниженія еще за мигъ столь гордой и безудержной личности, до недоуверія ко всему, на чѣмъ напечатлѣлось въ человѣкѣ божественное, – во имя ли Бога или во имя ничье, – до всѣхъ самоубійственныхъ влеченій охмелѣвшей души, до всѣхъ видовъ теоретическаго и практическаго нигилизма. Любовь къ нисхожденію, проявляющаяся во всѣхъ этихъ образахъ совлеченія, равно положительныхъ и отрицательныхъ, любовь, столь противоположная непрестанной волѣ къ восхожденію, наблюдаемой нами во всѣхъ націяхъ языческихъ и во всѣхъ, вышедшихъ изъ мирообъятнаго лона римской государственности, составляетъ отличительную особенность

Во всякомъ случаѣ, изъ германца изливаетъ себя тамошнее и люциферовское, даже если онъ только что и говорить, какъ о здѣшнемъ (Ницше – яркій тому примѣръ). Въ частности, потому бытіе мое всегда воспринимается какъ чуждое и неродное (въ частности, мой «Послѣдній Кризисъ», о коемъ еще будетъ рѣчь далѣе, – насчетъ національной принадлежности сей вещи сказать что-либо крайне затруднительно; но ясно то, что въ этомъ отношеніи это помѣсь греческаго, германскаго, испанскаго, съ малою щепоткою русскаго). Русское для русскаго есть живое и едва ли не единственно живое. Меня было заразили однажды сей (и только сей) русскостью, и то нашло откликъ въ душѣ, вклинившись въ трещину души, и пустило было корни: до времени, временно, скорѣе на мигъ даже; но прививка русскаго побѣга къ германскому древу оборачивается смертью перваго и не даетъ плодовъ; недолгое сіе время вспоминаю какъ нисхождение и какъ самоуниженіе. Русскіе люциферическое называютъ шуточно «сверхчеловѣческимъ», люциферіанцы русское – убогимъ. Правда – въ синтезѣ, во всеединствѣ – не въ разрозненныхъ частяхъ Четырехъ (но безъ вѣяній Яхве и Арима-

---

нашей народной психологіи. Только у насъ наблюдается истинная воля ко всенародности органической, утверждающаяся въ ненависти къ культурѣ обособленныхъ возвышеній и достиженій, въ сознательномъ и безсознательномъ ея умаленіи, въ потребности покинуть или разрушить достигнутое и съ завоеванныхъ личностью или группою высотъ низойти ко всѣмъ. Не значить ли это, въ терминахъ религіозной мысли: "оставь всё и по мнѣ гряди"?». Ивановъ Вяч. *О русской идее* (1909).

на): Четырехъ, о коихъ глаголала Дѣва и коихъ я говорю въ своей статьѣ «Rationes...». – Такъ я разсуждаю (философствую ли – сіе виднѣе "философамъ"). Продолжу: русское означаетъ примать чувствъ, сильныхъ чувствъ (хорошо, если чувствъ высокихъ и чистыхъ); германское означаетъ смѣхъ надъ чувствами и боль и счастье Я раскаленного, ненавидящаго Мы. Германское здѣсь, конечно, мужское, русское, конечно, женское. Русскій народъ есть народъ языческій до сихъ поръ. И язычество въ нёмъ сильно настолько, что оно издревле подмяло подъ себя христіанскіе догматы, Христово ученіе, и растворило его въ себѣ, убравъ суть ученія, а также самого Христа въ темный уголь и оставивъ на свѣту лишь языческій пантеонъ (Матронушку, Ксенію, Любушку, Никола Угодника и пр.) во главѣ съ Богиней-Матерью, Богородицей, да магическіе ритуалы, вродѣ окупаній, троекратнаго крестнаго знаменія и пр., и пр. И языческое есть, конечно, болѣе интуитивное, слѣдовательно, болѣе бабье. Сказанное не означаетъ, что духъ Христа слѣдуетъ искать на Западѣ: онъ растворенъ въ сердцахъ *немногихъ* (равно въ нѣмцахъ Эккегартъ, Лютеръ, Беме или же въ русскихъ – Достоевскомъ (въ его кн. Мышкинѣ), Бердяевѣ, Мережковскомъ и пр.; но послѣдніе три суть подлинно русскіе, и сіе къ Россіи новой отношенія не имѣеть).

Если А.И. Герценъ опредѣлялъ николаевскую эпоху какъ «удивительное время наружнаго рабства и внутренняго освобожденія», то нынѣ наоборотъ.

А вотъ что говорилъ Н. Бердяевъ о русскомъ:

"Русскій народъ не хочетъ быть мужественнымъ строителемъ, его природа опредѣляется какъ женственная, пассивная и покорная въ дѣлахъ государственныхъ, онъ всегда ждетъ жениха, мужа, властелина. Россія – земля покорная, женственная. Пассивная, рецептивная женственность въ отношеніи къ государственной власти – такъ характерна для русскаго народа и для русской исторіи. Это вполне подтверждается и русской революціей, въ которой народъ остается духовно пассивнымъ и покорнымъ новой революціонной тираніи".

"Очень характерно, что въ русской исторіи не было рыцарства, этого мужественнаго начала. Съ этимъ связано недостаточное развитіе личнаго начала въ русской жизни. Русскій народъ всегда любилъ жить въ теплѣ коллектива, въ какой-то растворенности въ стихіи земли, въ лонѣ матери. Рыцарство куетъ чувство личнаго достоинства и чести, создаетъ закалъ личности. Этого личнаго закала не создавала русская исторія. Въ русскомъ человѣкѣ есть мягкотѣлость, въ русскомъ лицѣ нѣтъ вырѣзаннаго и выточеннаго профиля. Платонъ Каратаевъ у Толстого – круглый. Русскій анархизмъ – женственный, а не мужественный, пассивный, а не активный. И бунтъ Бакунина есть погруженіе въ хаотическую русскую стихію".

"Русская исторія явила совершенно исключительное зрѣлище – полнѣйшую націонализацию церкви Христовой, ко-

торая опредѣляетъ себя, какъ вселенскую. Церковный націонализмъ – характерное русское явленіе. Имъ насквозь пропитано наше старообрядчество".

"Русскій народъ хочетъ не столько святости, сколько преклоненія и благоговѣнія передъ святостью, подобно тому какъ онъ хочетъ не власти, а отданія себя власти, перенесенія на власть всего бремени".

"Россія – страна неслыханнаго сервилизма и жуткой покорности, страна, лишенная сознанія правъ личности и не защищающая достоинства личности, страна инертнаго консерватизма, порабощенія религіозной жизни государствомъ, страна крѣпкаго быта и тяжелой плоти".

"Россія не любитъ красоты, боится красоты, какъ роскоши, не хочетъ никакой избыточности. Россію почти невозможно сдвинуть съ мѣста, такъ она отяжелѣла, такъ инертна, такъ лѣнива, такъ погружена въ матерію, такъ покорно мирится со своей жизнью. Всѣ наши сословія, наши почвенные слои: дворянство, купечество, крестьянство, духовенство, чиновничество, – всѣ не хотятъ и не любятъ восхожденія; всѣ предпочитаютъ оставаться въ низинахъ, на равнинѣ, быть "какъ всѣ". Вездѣ личность подавлена въ органическомъ коллективѣ".

"Женственность славянъ дѣлаетъ ихъ мистически чуткими, способными прислушиваться къ внутреннимъ голосамъ. Но исключительное господство женственной стихіи мѣшаетъ имъ выполнить свое призваніе въ мірѣ".

"Добыть себѣ относительную общественную свободу русскимъ трудно не потому только, что въ русской природѣ есть пассивность и подавленность, но и потому, что русскій духъ жаждетъ абсолютной Божественной свободы".

"Русскіе постоянно находятся въ рабствѣ въ среднемъ и въ относительномъ и оправдываютъ это тѣмъ, что въ окончательномъ и абсолютномъ они свободны".

"Для Россіи представляетъ большую опасность увлеченіе органически-народными идеалами, идеализаціей старой русской стихійности, стараго русскаго уклада народной жизни, упоеннаго натуральными свойствами русскаго характера. Такая идеализація имѣетъ фатальный уклонъ въ сторону реакціоннаго мракобѣсія. Мистикѣ народной стихіи должна быть противопоставлена мистика духа, проходящаго черезъ культуру. Пьяной и темной дикости въ Россіи должна быть противопоставлена воля къ культурѣ, къ самодисциплинѣ, къ оформленію стихіи мужественнымъ сознаниемъ".

"Въ русской стихіи есть вражда къ культурѣ. И вражда эта получила у насъ разныя формы идеологическихъ оправданій. Эти идеологическія оправданія часто бывали фальшивыми. Но одно вѣрно. Подлинно есть въ русскомъ духѣ устремленность къ крайнему и предѣльному. А путь культуры – средній путь. И для судьбы Россіи самый жизненный вопросъ – сумѣетъ ли она себя дисциплинировать для культуры, сохранивъ всё свое своеобразіе, всю независимость своего духа".



"Россія – страна культурно отсталая. Это фактъ неоспоримый. Въ Россіи много варварской тьмы, въ ней бурлитъ темная, хаотическая стихія Востока. Отсталость Россіи должна быть преодолена творческой активностью, культурнымъ развитіемъ".

"К. Леонтьевъ говоритъ, что русскій человѣкъ можетъ быть святымъ, но не можетъ быть честнымъ. Честность – западноевропейскій идеаль. Русскій идеаль – святость. Въ формулѣ К. Леонтьева есть нѣкоторое эстетическое преувеличеніе, но есть въ ней и несомнѣнная истина, въ ней ставится очень интересная проблема русской народной психологіи. У русскаго человѣка недостаточно сильно сознаніе того, что честность обязательна для каждаго человѣка, что она связана съ честью человѣка, что она формируетъ личность".

"Нравственная самодисциплина личности никогда у насъ не разсматривалась какъ самостоятельная и высшая задача. Въ нашей исторіи отсутствовало рыцарское начало, и это было неблагопріятно для развитія и для выработки личности. Русскій человѣкъ не ставилъ себѣ задачей выработать и дисциплинировать личность, онъ слишкомъ склоненъ былъ полагаться на то, что органическій коллективъ, къ которому онъ принадлежитъ, за него всё сдѣлаетъ для его нравственнаго здоровья".

"Многое въ складѣ нашей общественной и народной психологіи наводитъ на печальныя размышленія. И однимъ изъ самыхъ печальныхъ фактовъ нужно признать равнодушіе къ

идеямъ и идейному творчеству, идейную отсталость широкихъ слоевъ русской интеллигенціи. Въ этомъ обнаруживается вялость и инертность мысли, нелюбовь къ мысли, невѣріе въ мысль".

Въ «Русской идеѣ» (и въ другихъ его трудахъ) у Бердяева есть и инья по характеру идеи: «Нѣмцы давно уже построили теорію, что русскій народъ – народъ женственный и душевный въ противоположность мужественному и духовному нѣмецкому народу. Мужественный духъ нѣмецкаго народа долженъ овладѣть женственной душой русскаго народа. Съ этой теоріей связывалась и соотвѣтственная практика. Вся теорія построена для оправданія германскаго империализма и германской воли къ могуществу. Въ дѣйствительности русскій народъ всегда былъ способенъ къ проявленію большой мужественности, и онъ это докажетъ и доказаль уже германскому народу. Въ нёмъ было богатырское начало. Русскія исканія носятъ не душевный, а духовный характеръ. Всякій народъ долженъ быть мужъ-женственнымъ, въ нёмъ должно быть соединеніе двухъ началъ. Вѣрно, что въ германскомъ народѣ есть преобладаніе мужественнаго начала, но это скорѣе уродство, чѣмъ качество, и это до добра не доводитъ. Эти сужденія имѣютъ, конечно, ограничительное значеніе. Въ эпоху нѣмецкаго романтизма проявилось и женственное начало. Но вѣрно, что германская и русская идеи – противоположны. Германская идея есть идея господства, преобладанія, могущества; русская же идея есть идея

коммунотарности и братства людей и народовъ. Въ Германіи всегда былъ рѣзкій дуализмъ между ея государствомъ и милитаристическимъ и завоевательнымъ духомъ и ея духовной культурой, огромной свободой ея мысли. Русскіе очень много получили отъ германской духовной культуры, особенно отъ ея великой философіи, но германское государство есть историческій врагъ Россіи. Въ самой германской мысли есть элементъ, намъ враждебный, особенно въ Гегелѣ, въ Ницше и, какъ это ни странно, въ Марксѣ. Мы должны желать братскихъ отношеній съ германскимъ народомъ, который сотворилъ много великаго, но при условіи его отказа отъ воли къ могуществу. Волѣ къ могуществу и господству должна быть противопоставлена мужественная сила защиты. У русскихъ моральное сознаніе очень отличается отъ моральнаго сознанія западныхъ людей, это сознаніе болѣе христіанское. Русскія моральныя оцѣнки опредѣляются по отношенію къ человѣку, а не къ отвлеченнымъ началамъ собственности, государства, не къ отвлеченному добру. У русскихъ иное отношеніе къ грѣху и преступленію, есть жалость къ падшимъ, униженнымъ, есть нелюбовь къ величію. Русскіе менѣе семейственны, чѣмъ западные люди, но безмѣрно болѣе коммюотарны. Они ищутъ не столько организованнаго общества, сколько общности, общенія, и они малопедагогичны. Русскій парадоксъ заключается въ томъ, что русскій народъ гораздо менѣе социализированъ, чѣмъ народы Запада, но и гораздо болѣе коммюотаренъ, болѣе открытъ

для общенія»<sup>35</sup>. Наибо́льше полно, быть можетъ, бердяевскій взглядъ выраженъ въ его книгѣ «Истоки и смыслъ русскаго коммунизма», къ коей и отсылаю читателя.

Много лѣтъ назадъ я писалъ: «Бердяевъ, полагаю, опираясь на геніевъ вродѣ Достоевскаго и прочій опытъ, лучше всѣхъ разгадалъ тайну русской души и русскаго самого по себѣ. Въ идеѣ той или иной націи скрыта сущность этой націи, какъ полагаетъ Бердяевъ. Русская нація ни на что не похожа, въ ней смѣшалась Европа съ Азіей, но всё же въ ней преобладаетъ азіатское, по Бердяеву. Однако никакой цѣльности русскіе не достигли. Менѣе всего можно понять русское само по себѣ съ помощью просвѣтительства и новоевропейскаго ratio. Болѣе того, ни западники, ни славянофилы не поняли русскую душу, полагаетъ авторъ «Философіи свободы». Нужно стоять въ сторонѣ отъ, внѣ двухъ противоположныхъ лагерей, надъ ними, и въ этомъ я вновь полностью согласенъ съ русскимъ мыслителемъ.

---

<sup>35</sup> Ср. съ осуждающими строками К.Г.Юнга («Воспоминанія, сновидѣнія, размышленія»): «"Всё, что у насъ зовется колонизаціей, миссіонерствомъ, распространеніемъ цивилизаціи и пр., имѣетъ и другой обликъ – обликъ хищной птицы, которая съ жестокостью и упорствомъ находитъ добычу подальше отъ своего гнѣзда, что отроду свойственно пиратамъ и бандитамъ. Всѣ эти орлы и прочіе хищники, которые украшаютъ наши гербы, даютъ психологически вѣрное представление о нашей истинной природѣ». Ср. съ высказываніемъ Т. Манна: «...на собственномъ опытѣ позналъ таинственную связь нѣмецкаго національнаго характера съ демонизмомъ <...> Чертъ Лютера, чертъ Фауста представляется въ высшей степени нѣмецкимъ персонажемъ, а договоръ съ нимъ заключенъ того ради, чтобы владѣть всѣми сокровищами, всею властью надъ міромъ. Подобный договоръ весьма соблазнителенъ для нѣмца въ силу самой его натуры».

Бердяевъ не разъ въ разное время называль русскую душу болѣзненно и невѣрно женственной, противокультурной, стихійно-діонисійской, вмѣстѣ съ тѣмъ хрупкой, податливой, плохо знающей независимость, гордость, самодисциплину и прочія господскія качества. Русскіе плохо могутъ отличить таящееся, нѣчто съ двойнымъ дномъ, ихъ легко обмануть. Самодержавіе, мощный бюрократическій аппаратъ, вообще активная и жестко и даже жестоко дѣйствующая социальная элита есть плодъ пассивной женственности русской души (т. е. души народа). И разгадалъ загадку русскаго онъ еще въ началѣ 20 вѣка, въ полной мѣрѣ сформулировавъ свои взгляды по данной проблемѣ въ «Духовныхъ основахъ русской революціи», взглядовъ, отъ которыхъ онъ уже никогда не уходилъ впослѣдствіи, лишь незначительно, на мой взглядъ, дополняя ихъ: «Въ мистической глубинѣ русскаго народа не произошло внутренняго брака, истиннаго соединенія мужественнаго и женственнаго начала въ народномъ характерѣ. Душа народа остается женственной, оторванной отъ начала мужественнаго, вѣчно ожидающей жениха и вѣчно не того принимающей за своего суженаго. На этой почвѣ развилась метафизическая истерія въ русскомъ народномъ характерѣ. Её раскрылъ Достоевскій. На этой почвѣ расцвѣтаетъ всякаго рода одержимость. Одержимость большевизмомъ есть новая форма исконнаго русскаго хлыстовства... И всё это будетъ явленіемъ пассивности, а не активности русской души, ея дурной и болѣзненной, истерической

женственности<sup>36</sup>. «Мы объята тьмой, и правять нами безсознательныя стихійныя движенія»<sup>37</sup>.

Стихійность, коллективизмъ, хаотичность, противорѣчивость, антиномичность, безгосударственность, діонисизмъ, анархизмъ, пассивность, возвышенность и вмѣстѣ съ тѣмъ необъятная глубина и просторъ русскихъ степей, женственность и жертвенность, – вотъ тѣ слова, что лучше всего и въ полной мѣрѣ передають природу русскаго самого по себѣ. Эти качества объясняются тѣмъ, что въ русскую душу легли два противоположныхъ начала – діонисійское и аскетически христіанское. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Западъ уже нѣсколько столѣтій ослабленъ раціонализмомъ, высвѣтляющимъ аполлонизмомъ и утратой почвы. Но именно трагическій непреодоленный расколъ русской души и такъ и не состоявшееся сліяніе мужскаго и женскаго въ русской душѣ (съ сильнымъ преобладаніемъ женскаго) во многомъ и опредѣлили катастрофу 1917 года.

Слѣдуетъ замѣтить, что бердяевскій взглядъ на Россію и русское очень сильно повліялъ (и во многомъ опредѣлилъ) на взглядъ западныхъ интеллектуаловъ на данную проблему. Впрочемъ, не меньшее значеніе оказалъ и Достоевскій. Лучше всѣхъ изъ людей Запада понялъ старую Россію Германъ Гессе, хорошо знакомый съ творчествомъ Достоевскаго (рѣчь идетъ о его блестящемъ эссе «Братья Карамазовы,

---

<sup>36</sup> Бердяев Н. *Духовныя основы русской революціи*. М., 1998, С. 50–51

<sup>37</sup> Тамъ же.

или закатъ Европы»).

Россія – христiанскій Востокъ, говоритъ Бердяевъ<sup>38</sup>; лучше и не скажешь; но русскій философъ (который среди лучшихъ всего понявшихъ Россiю) говоритъ о старой Россiи, и относитъ имъ сказанное къ Россiи новой – большое зло, чреватое преувеличеніемъ своеобразія Россiи и ея значенія, переоцѣнкой ея достоинствъ (которыхъ нынѣ толкомъ нѣтъ) и недооцѣнкой недостатковъ (которые, напротивъ, нынче расцвѣли). Бердяеву важнѣе не Востокъ или Западъ – Россія, но то, что она страна христiанская, всечеловѣчная, имѣющая свою правду. Если Виттфогель, едва ли не самый вмѣняемый философствующій историкъ, приуменьшаетъ своеобразие той или иной культуры или цивилизаціи (такъ какъ попросту не рассматриваетъ его), относя её либо къ полицентрическому Западу, либо моноцентрическому (гидравлическому) Востоку, то Бердяевъ (въ случаѣ съ Россiей) наоборотъ – преувеличиваетъ своеобразие Россiи, не желая видѣть преобладаніе типически восточныхъ ея чертъ<sup>39</sup>. Такъ, напри-

---

<sup>38</sup> «Какъ волка не корми, всё въ лѣсъ глядитъ; какъ ни сближайся Россія съ Европою – всё тяготѣть къ Азіи. На словахъ – тяготѣніе къ Западу, на дѣлѣ – къ Востоку» (Мережковскій Д. *Трагедія цѣломудрiя и сладострастія*).

<sup>39</sup> У сына М.Цвѣтаевой вырвалось нѣкогда: «Мама, а насколько китайцы больше похожи на русскихъ, чѣмъ французы». Ср. съ пассажемъ Н.Я.Данилевскаго: «Между тѣмъ какъ англичанинъ, нѣмецъ, французъ, переставъ быть англичаниномъ, нѣмцемъ или французомъ, сохраняетъ довольно нравственныхъ началъ, чтобы оставаться еще замѣчательною личностію въ томъ или другомъ отношеніи, русскій, переставъ быть русскимъ, обращается въ ничто – въ негодную тряпку, чему каждый, безъ сомнѣнія, видѣлъ столько примѣровъ, что не нужда-

мѣрь, отнести (и доказать это на историческихъ фактахъ) ту или иную культуру къ Востоку (или къ Западу) не означаетъ понять всё въ этой культурѣ; даже если ограничиться темой свободы – восточныя системы какъ системы предполагають свободу одного (и несвободу большинства), но это еще все не означаетъ, что итоговый уровень свободы ея населенія низокъ съ необходимостью, ибо есть несоціальные, неэкономическіе и неполитическіе источники свободы (болѣе того, наиболѣе свободные возможны – въ наше время – именно не на Западѣ, но на Востокѣ). Кромѣ того, у Виттфогеля въ отличіе отъ Бердяева въ цѣломъ идетъ разговоръ о цивилизаціяхъ, а не о культурѣ, а на уровнѣ культуры шель съ одной стороны равный взаимообменъ, плодотворный и длительный, между Западомъ и Востокомъ; съ иной стороны только Западъ, единственно достигшій планетарнаго распространенія, изучалъ не-Западъ своими, западными методами и инструментаріемъ – такъ же, какъ онъ изучалъ растительный и животный міры, такъ же какъ микро- и макро-мірь (упомянемъ, что Востокъ не создалъ внятнаго инструментарія и потому никогда не возвышался надъ бытіемъ, ибо выше пребыванія-въ – пребываніе-надъ, а именно послѣднимъ предстаетъ познающій).

---

ется ни въ какихъ особыхъ указаніяхъ». И – его же: «Если въ нигилизмъ есть что-нибудь русское, то это его карикатурность. Но это свойство раздѣляетъ онъ и съ русскимъ аристократизмомъ, и съ русскимъ демократизмомъ, и съ русскимъ конституціонализмомъ, однимъ словомъ – со всякимъ русскимъ европейничаньемъ».



Отмѣтимъ, что мы раздѣляемъ и даже противопоставляемъ Россію какъ цивилизацію, какъ государство Россіи какъ культурѣ. Русская культура была свѣтомъ: въ восточной тьмѣ. Ибо не имѣла, а была, не бытовала, а бытійствовала: выражала не дольную, а своего рода горнюю іерархію. Но глядѣла на міръ она христіанскими глазами. Однако и она служила одной великой цѣли: созданію имперій внутренній – тѣхъ, что живутъ по особымъ законамъ и не умираютъ, какъ имперіи внѣшнія, имѣющія срокомъ жизни – 1000 лѣтъ и сдѣлавшія, по мѣткому слову Ницше, «изъ средства къ жизни <...> масштабъ жизни»; и какъ иные благородные напитки, имперіи внутреннія съ возрастомъ лишь начинаютъ раскрываться (на современномъ буржуазномъ языкѣ: лишь начинаютъ расти въ цѣнѣ, не имѣя верхней границы).

\* \* \*

*– Вы знаете Россію? – спросилъ я у него.*

*– Нѣтъ, сударь, но я знаю русскихъ; они часто проѣзжаютъ черезъ Любекъ, и я сужу о странѣ по лицамъ ея жителей.*

*– Что же такое страшное прочли вы на ихъ лицахъ, разъ уговариваете меня не ѣздить къ нимъ?*

*– Сударь, у нихъ два выраженія лица; я говорю не о слугахъ – у слугъ лица всегда одинаковыя, – но о господахъ: когда они ѣдутъ въ Европу,*

*видъ у нихъ веселый, свободный, довольный; они похожи на вырвавшихся изъ загона лошадей, на птичекъ, которымъ отворили клетку; всь – мужчины, жєницины, молодые, старыє – выглядятъ счастливыми, какъ школьники на каникулахъ; на обратномъ пути ть же люди приѣзжаютъ въ Любекъ съ вытянутыми, мрачными, мученическими лицами; они говорятъ мало, бросаютъ отрывистыя фразы; видъ у нихъ озабоченный. Я пришелъ къ выводу, что страна, которую ея жители покидаютъ съ такой радостью и въ которую возвращаются съ такой неохотой, – дурная страна.*

*А. де Кюстинъ. «Россія въ 1839 году»*

*Имѣя дѣло съ этимъ азіатскимъ народомъ, никогда не упускайте изъ виду, что онъ не испыталъ на себѣ вліянія рыцарскаго и католическаго; больше того, онъ яростно противостоялъ этому вліянію.*

*А. де Кюстинъ. «Россія въ 1839 году»*

Участь Россіи новой (которая и слышать не желаетъ о культурѣ, ибо элитарное было за 30 сребрениковъ промѣняно на элитное, приличное на неприличное, а идеалы – на интересы, и элитное выступаетъ и первымъ, и послѣднимъ желаніемъ послѣднихъ людей какъ прямое слѣдствіе ариманическаго грѣхопаденія<sup>40</sup>) – «примазываться» (примѣ-

---

<sup>40</sup> Современные, «дорогіє россияне» алчуть богатства и роскоши (потому что были обдѣлены всѣмъ (въ первую и предпослѣднюю очередь – духовно) и чѣмъ болѣе были обдѣлены, тѣмъ болѣе алчуть кричащей – на дѣлѣ пластмассовой

няя ей свойственное словцо) единовременно и къ С.С.С.Р., и къ Россіи, тщась создать видимость преемственности обомъ<sup>41</sup>. – Три Россіи соотвѣтствуютъ триадѣ духъ – душа – тѣ-

---

– роскоши и потребленія напоказъ), а не свободы и независимости; но едва ли не болѣе потребленія алчуть они «статуса», священной своей коровы, короче, быть-при есть самое желанное, какъ то и надлежитъ челяди. Нѣкимъ чудеснымъ образомъ, по мановенію волшебной палочки создавшаго задаетъ тонъ въ бытіи ихъ, являясь частью бытія-при, нѣкая восточная, но выраженная еще болѣе ярко, дѣйствующая какъ инстинктъ не просто іерархичность, не просто всѣми правдами-неправдами алчба стать повыше, но желанье имѣть (ну да, имѣть, а не быть) ариманическія сіи блага, по-воровски не прилагая усилій, попросту ничего не дѣлая; и интересень имъ хотя бы и пониженецъ, но первый на селѣ. И чѣмъ болѣе нищъ россіянинъ, тѣмъ больше сего...не ожидаетъ – требуетъ. Потому не только ариманическое грѣхопаденіе какъ таковое удручаетъ и не даетъ воздуха для дыханія и свѣта для цвѣтенія, но и описанная выше пассивность, косность, инертность. – Не вторить и не имѣть, но творить и быть – для нихъ возмутительно, это дерзость невысказанная, ихъ печальная. Они съ радостью промѣняли бы человѣческое свое первородство на...на житіе-бытіе коровой, скажемъ, въ Швейцаріи.

<sup>41</sup> «Какъ ни странно, в советской среде ему дышалось свободнее, чемъ в послесоветской, и это не имело ничего общаго с занимаемой имъ должностью. (Занимал же онъ её и при новыхъ некоторое время.) Скорее, с обратимостью самого советского, в которомъ всегда была же и возможность быть – *антисоветскимъ*. Новая изотропно-либеральная среда не терпела в себѣ никакого имманентнаго ей антитезиса и не оставляла иного выбора и иной альтернативы, кроме вчерашней *совковости*. То есть противостоять ей дозволялось извне и из вчерашнего дня, а никакъ не в ней самой и на одномъ с ней уровне. По сути, крах советского протекалъ в томъ же режиме и под темъ же индексомъ модальности, что и начало советского, и в обоихъ случаяхъ это было не чемъ инымъ, какъ *воцареніемъ шпаны*. Просто коммунистическая шпана в десятилетияхъ более или менее усвоила семиотику и гигиену власти, сменивъ шинель на костюмъ, а сапоги на обувь. Маратъ рассказывалъ забавную исторію с Ворошиловымъ, который, возглавляя делегацию Красной арміи во время какихъ-то торжествъ в Анкаре, былъ вместе с Буденнымъ приглашенъ на балъ, а тамъ на танецъ, после котораго его партнерша удалась, хромота. (Говорятъ,

ло: дореволюційная Россія – духъ, совѣтская – душа, Россія новая – плоть. Три Россії: и каждая послѣдующая, растущая не столько на обломкахъ Россії предыдущей, сколько изъ обломковъ, съ крѣпнущимъ постоянствомъ губить культуру, что доходить до фарса или пародіи: С.С.С.Р. былъ смѣшонъ челоуѣку дореволюційному, а Россія новая – смѣшна челоуѣку совѣтскому; С.С.С.Р. и впрямь выглядитъ чѣмъ-то едва ли не болѣе элитарнымъ(!), вмѣняемымъ и приличнымъ въ сравненіи съ Россією новою, что стоитъ подъ знакомъ тотальнаго огрубленія души, низверженія изъ сферы души въ сферу плоти: ожившія джунгли, проросшія чрезъ урбанизированный ландшафтъ, варварски-живой, примативный югъ – въ странѣ вѣчныхъ льдовъ, гдѣ первые стали послѣдними, а послѣдніе – первыми (совсѣмъ какъ при крушеніи монархіи и воспоследовавшей за нею кровавой баней, обогрившей Россію и её погубившей); лишь слѣпецъ могъ бы не увидать, что между С.С.С.Р. и монархіей – бытіюно и сущностно въ аспектъ культуры, а не политически, – ошутимо менѣ отличій, чѣмъ между Союзомъ и Россіей новою. – Достаточно посмотрѣть кинофильмы Р.Ф. и С.С.С.Р.<sup>42</sup>. Но и

положение спас Буденный, удививший Ататюрка и гостей гопаком.) Наверное, и новая шпана обтесется со временем, но кого это сегодня волнует!» К.Свасьянъ «...но еще ночь».

<sup>42</sup> Скажемъ, сравнивъ к/ф «Экипажъ» 1979-го и – 2016-го, да и купно всё прочее нонешнее – всѣ, въ сущности, фильмы Р.Ф. и Запада о дореволюційной Россії и вообще всё нонешнее о старомъ – нельзя не прийти къ выводу, что это вполне цѣленаправленное пониженіе планки, не просто деградация, но сознательный курсъ на неё, паденіе изъ духа и души, изъ пневматизма и психизма въ плоть,

того не нужно: взгляните на фотографии тѣхъ лѣтъ и лѣтъ нынѣшнихъ! Вслушайтесь въ устную рѣчь совѣтскую и досовѣтскую – не отличить; совѣтскій дикторъ и совѣтскій актеръ говоритъ неотличимо, скажемъ, отъ Керенскаго; старомосковское произношеніе какъ... совѣтская норма! Лишь слѣп-

---

ариманство, матриархатъ и матерію, также попытка выставить многіе, даже очень многіе идеалы въ карикатурномъ видѣ – за исключеніемъ примѣрныхъ жандармовъ, чиновниковъ, менеджериловъ и прочихъ взяточниковъ и moneylover'овъ. Къ тому прибавьте нѣчто бросающее еще болѣе: отсутствіе воздуха въ новомъ кино, словно его выкачали, равно и отсутствіе балласта въ людяхъ, позволяющаго имъ быть не то что спокойными, а попросту вмѣняемыми – даже не какъ прежде, а собственно говоря, какъ всегда, во всѣ времена исторіи; имя причины отсутствію воздуха, и балласта – духъ. Бездуховныя пространства – нищета воплощенная – означаетъ: пространства безвоздушныя, гдѣ и плоти-то можетъ и быть мало, но лишь она явственна, лишь она-то и зрима, ибо сняты всѣ покровы; и имя покровамъ симъ снова – духъ. – Короче, разница между обоими фильмами, новымъ и совѣтскимъ, прекрасно и едва ли не математически точно указываетъ собою на то, насколько плоть ниже души, соотвѣтственно, а матриархальная постъ-исторія – патриархальной исторіи. Но есть нѣкоторыя великія исключенія: иные фильмы Н. Михалкова, равно и В.Бортко – много въ большей мѣрѣ фильмовъ Л.Триера – послѣднее элитарное, но не только и не просто элитарное, но и вершина; вершиною ихъ, безъ сомнѣній, является «Утомленные солнцемъ» 1994-го Михалкова (его же одноименный фильмъ конца нулевыхъ – не ариманическое, но именно и строго іалдаваофовское паденіе; впрочемъ, и вся жизнь сего автора была если не паденіемъ, то планомѣрнымъ движеніемъ въ іалдаваофьевскія бездны – въ плѣнъ вранья уже самому себѣ на манеръ язычника до мозга костей, тщащагося предстать предъ самимъ собою, а пуще предъ другими, христіаниномъ), «Сибирскій цирюльникъ» того же автора и «Циркъ сгорѣлъ, и клоуны разбѣжались», «Идіотъ» и иные кинофильмы Бортко. Прочее – плоды ариманическаго грѣхопаденія, цифровыя, электронныя зарисовки житья-бытья цифровыхъ, электронныхъ ариманцевъ, до которыхъ леди Вѣчности нѣтъ никакого дѣла. – Тогда – всё до боли подлинно, нынѣ – откровенно и неприкрыто фальшиво.

цу то могло бы показаться поразительнымъ; и лишь слѣпецъ, то есть типическій представитель рода человѣческаго не видеть и не сознаетъ, что самая еще добродѣтельная въ современномъ мірѣ ниже, примитивнѣе и примативнѣе, скажемъ, Настасья Филипповны Барашковой, *содержанки*, умудряющейся быть не только и не столько аристократической, но и матриархально-эгоцентрически-высокой, – невозможное сочетание само по себѣ для любыхъ временъ, что ужъ говорить о современномъ мірѣ и тѣмъ паче о Россіи новой, гдѣ не только красивая дама, но и некрасивый мужчина, бросающій деньги (и прочія выгоды) въ огонь ради достоинства, ради человѣческаго своего первородства – не просто сумасшедшій и даже не сумасшедшій среди сумасшедшихъ, но нѣчто, во что не повѣрится и во снѣ; въ Россіи новой на сіе неспособно не только населеніе ея, неспособны не только исключенія, но и исключенія исключеній; тотъ же Ганя и тотъ невозможенъ нынѣ – нынѣшній полѣзь бы – и не только въ огонь, а куда угодно и насколько угодно, полѣзли бы и всѣ прочіе, другъ друга давя, да вотъ Рогожинъ былъ бы при нонешнемъ раскладѣ куда болѣе современно-мудръ – не сталъ бы тратиться большою суммою; въ существованіе чего-то сроднаго кн. Мышкину не повѣрится тѣмъ паче (что ужъ говорить объ иныхъ типахъ высшихъ людей, а они вѣдь безмѣрно разные, но не въ глазахъ ариманцевъ, для коихъ они одно: сумасшедшіе); случись нынѣ увидеть, впрочемъ, сіе сродное (Единственнаго), въ него не только и не столь-

ко не вѣрятъ, но попросту низводятъ до нижайшаго: съ механическою заданностью инстинкта, импульсивно, первымъ дѣломъ и какъ долгъ, совершенно не стыдясь идти на него не то что скопомъ на одного, а милліонами на одного, въ самое не подходящее для него время, скажемъ, на спящаго и уставшаго, тьмочисленными своими ударами ниже пояса и пребегая и къ прочимъ недозволеннымъ средствамъ: въ томъ и различіе Россіи новой и Россіи старой, что старая кн. Мышкина приняла поначалу (что значить: каждый именно что сперва, внѣ зависимости ни отъ своего статуса, мѣста расположенія въ романѣ, ни даже отъ пола и пр., но только исходя изъ степени личнаго съ нимъ знакомства) – какъ и новая приняла бы – вполне по одежкѣ, далѣе всё менѣе и менѣе по одежкѣ, проводила же и вовсе иначе – приняла плотяно, ариманически, по-восточному, въ соотвѣтствіи съ іалдаваофскими традиціями (многочисленные «идіотъ», вынесенные въ названіе романа и – среди великаго множества подобнаго – «Что жъ, и хорошъ, и дурень; а коли хочешь мое мнѣніе знать, то больше дурень. Сама видишь, какой человекъ, больной человекъ!», ибо не бываетъ вполне здороваго генія, а если и бываетъ, то то неважно ни для генія, ни для толпы, ни для исторіи), а проводила психически-пневматически, въ соотвѣтствіи съ *инымъ*, а Россія новая и встрѣчаетъ по одежкѣ, и по ней же и провожаетъ – безразлично, кто передъ ней: важень лишь статусъ и даже въ меньшей мѣрѣ кошелекъ. – Долгъ современнаго міра предъ создавшимъ:

низводить – руками низшихъ и послѣднихъ – высшаго и перваго до низайшаго. Но и глядя вглубь исторіи Россіи, можно смѣло сказать: въ той или иной степени на Руси такъ было искони: люциферовскій духъ, и его вѣянія, и олицетвореніе его въ конкретномъ человѣкѣ для русскихъ – зло абсолютное; либо же, ежели не зло абсолютное, то нѣчто недолжное и малоцѣнное. Русь искони любила у-богихъ, и у-богіе любили Русь; подлинно благородное всегда здѣсь было распинаемо (вспомнимъ объ отношеніи въ Россіи, скажемъ, къ де Местру, который въ сравненіи съ русскимъ попросту существо высшее, а до того къ кн. Курбскому). Я изгоняется русскими, Я – нѣчто недолжное, вѣдь Мы старше Я. Что и говорить о Я, ежели оно пишется съ маленькой буквы, которая при томъ послѣдняя въ алфавитѣ.

Крушеніе С.С.С.Р. – «ариманическое грѣхопаденіе», паденіе въ звѣриное, изъ духа и въ первую очередь души – въ плоть, а рожденіе Россіи новой – ожившія джунгли въ шестую часть суши, безконечный ауль, конецъ безъ конца, край безъ края. Впрочемъ, всѣ три Россіи всегда стояли и стоятъ и подъ иными знаками: стокгольмскаго синдрома и догматизма (сюда: косность, мертвенность, неподвижность, сплошное «не положено» и «чьихъ будешь?»), а также стремленіе къ елико возможно большей авторитарности)<sup>43</sup>.

---

<sup>43</sup> Начало этого процесса, на примѣрѣ одного случая и одной эпохи: «...через несколько десятилетий после смерти Ивана III деспотические силы получили достаточную прочность для того, чтобы безжалостно разрушить устаревшую внешнюю сторону. Временной интервал между инкубационным периодом и периодом



Итакъ, каковы историческіе корни русскаго рабства? Татарское иго и перенятая отъ татаръ политическая культура (въ самомъ широкомъ смыслѣ), вошедшая въ плоть и кровь русскаго быта и бытованія, являющая себя и понынѣ: «На прошлой неделе в Калуге открыт памятник Ивану III, называемому Великим. К его заслугам, указанным на памятнике, отнесено: объединение русских земель вокруг Москвы, окончательное освобождение от власти ордынских ханов, единый свод законов – «Судебник», и строительство московского Кремля. Но памятник ни слова не скажет о том, как Иван III «воевал» Новгородскую республику. Здесь столкнулись два принципиально разных уклада жизни: самоуправляемое торгово-аристократическое Новгородское государство и военизированное авторитарное Москов-

---

созревания отражает противоречивые интересы татар, которые хотели, чтобы их московская организация была достаточно сильной для выполнения воли хана, но недостаточно сильной для того, чтобы возобладать над ними. Не предполагая критических последствий своих действий, они создали институциональную бомбу замедленного действия, которая оставалась под контролем во время их правления, но начала срабатывать, когда рухнуло иго <...> Влияние Византии на Киевскую Русь было велико, но оно являлось в первую очередь культурным влиянием. Подобно влиянию Китая на Японию, оно не смогло серьёзно изменить положение власти, классов и права собственности. Влияние Османской империи на Россию в XVI веке стимулировало режим, который уже был по-Восточному деспотическим, но оно не породило его. Одно только татарское правление среди трёх основных влияний Востока, которым подверглась Россия, было решающим как в разрушении не-Восточного киевского общества, так и в создании основ деспотического государства московской и постмосковской России» (К.Виттфогель. *Деспотизмъ Востока. Сравнительное изслѣдованіе тотальной власти*).

ское княжество. Альтернатива предельно отчетлива. Великий Новгород – процветающее, богатое, самоуправляемое общество. Широкая грамотность, Ганзейский город Новгород больше Парижа. 460 лет демократии на уровне лучших мировых образцов. Новгородское вече нанимало князя и его дружину, между прочим.

А вот как характеризовал правление Ивана III крупнейший русский историк Николай Костомаров: «Сила его власти переходила в азиатский деспотизм, превращающий всех подданных в боязливых и безвластных рабов. Его варварские казни развивали в народе жестокость и грубость. Его безмерная алчность способствовала не обогащению, а обнищанию русского края... Поступки государя распространяли в нравах подданных пороки хищничества, обмана и насилия над слабейшим... При таких порядках мог господствовать бессмысленный страх перед силою, а не сознательное уважение к законной власти». Противостояние ордынской Москвы и самоуправляемого Новгорода – это критическая точка выбора пути России. Кто объединит Россию, и какой она будет? Такой же вопрос решала Германия: Австрия или Пруссия? Железом и кровью Бисмарк обеспечил победу Пруссии, эта дорога привела к двум мировым войнам. 14-го июля 1471-го года новгородцы проиграли принципиальное сражение на реке Шелони. А уже 15-го февраля 1478-го года Новгород окончательно сдался, снят и отправлен в Москву вечевой колокол – наш колокол свободы. В нашей гражданской войне

Севера и Юга победил Юг.

А дальнейшее нам все до боли знакомо. Начинается подавление свободомыслия и самостоятельных людей. Десятилетие Иван III ведет постоянную высылку бояр и лучших купцов. Выслали почти 10 тысяч человек при населении Новгорода около 30 тысяч. Окончательный финал наступит при Иване IV Грозном. В 1569-ом году он осуществляет карательную операцию, на уровне геноцида. Идут массовые показательные изуверские казни горожан, женщин и детей – по полторы тысячи человек в день. Новгород потерял от 15 % до 50 % населения, его звезда закатилась. Россия сделала свой исторический выбор» (Цыпляев С. *Иванъ Великій противъ Великаго Новгорода*).

Ср. съ: «Новгородская республика просуществовала три с половиной века с 1136 по 1478 год, затем попала под сапог Москвы, принудительно влившись в централизованное государство.

Сегодня Господин Великий Новгород переживает худшие времена своей истории. Я был в Новгороде в августе 2019 года и поразился его гнетущей заброшенности и убожеству, даже по сравнению с советским периодом. Экскурсии только частные, великолепные в былые времена старинные церковные постройки вдоль знаменитой некогда Ильиной улицы обветшали и находятся в жалком состоянии. Короче, после Пскова появился очередной депрессивный район, лучше сказать зона отчуждения от нормальной жизни. Особен-

но обидно это на фоне переживающей небывалый расцвет столице Казанского ханства – Казани. Все, кто там бывал в последнее время в восторге от увиденного. Вот и задумаешься – кто в сегодняшней России-Московии действительно является "государствообразующим народом" – русские или татары?» (Анучинъ Евг. *Изъ частныхъ бесѣдъ*).

С.С.С.Р. – лукъ съ натянутою тетивою, съ середины вѣка всё менѣе и менѣе, впрочемъ, натянутою. Онъ выше Россіи нынѣшней настолько, насколько душа выше плоти. Евг. Анучинъ какъ-то сказалъ на это въ личной бесѣдѣ: «Да, несомненно. В СССР в определенной дозе душевность допускалась для "простого советского человека". Начало было положено любимым кинофильмом вождя "Волга-Волга". Расцвел жанр оперетты, особенно венской, так и новой, советской. Власти дозировали проявление душевности. Был разнос кинофильма "Разные судьбы", простенькая, но душевная песенка "Мишка, Мишка, где твоя улыбка" была названа пошлостью. Сейчас плоть действительно вытеснила душевность. В наше время нет ничего, что сакрально, поэтому оставим в покое наше время». – Промѣнявъ элитарное на элитное, идеалы – на интересы, душу – на плоть, «всѣ точно въ баню сходили и окатились новой водой» (Розановъ о событіяхъ столѣтней давности); правда, баня оказалась для многихъ и для самой Россіи кровавой баней – вслѣдъ за кровавымъ энурезомъ длиною въ человѣческую жизнь; послѣ – расправила крылія пластмассовая омерта. Сказанное подтверждаетъ

не только любой личный опыт, но и сравнение советского и российского кино: слепец и тот узреть вѣрность сказанного.

Отличие России новой в том, что она, будучи деспотией, не идеократия: идея здесь – ширма, разменная монета, болтовня, маска; и нѣтъ здесь контроля над идеями общественными (онѣ попросту ничего не стоят). – Управленцамъ проще контролировать общество, низведя послѣднее до уровня «ниже пояса», сдѣлавши ихъ гиликами, плотяными созданиями, искалѣченными и духовно оскорбленными; такова свойственная восточнымъ обществамъ кастрація: если ранѣе евнухи плоти – собачьей преданностью – содѣйствовали стабильности режима, то нынѣ таковой служатъ евнухи духа, которымъ не только дозволено активно пріапически себя являть, но именно что приказано быть въ объятяхъ Діониса, въ слѣпотѣ и тьмѣ, и не высовываться къ аполлоническому бытію, къ свѣту, прозрѣніямъ и просто зрѣнію. Въ этомъ смыслѣ современный российский «либерализмъ» – прямое порождение Діониса, коего римляне называли Liber.

Если Россія и С.С.С.Р. (въ меньшей мѣрѣ) – душа, то Россія новая – плоть, ибо совлеклась души и остатковъ духа – подобно змѣѣ, сбрасывающей кожу; духъ и душа въ Россіи послѣдней – лишнее, балластъ, мѣшающій главному: куплѣ-продажѣ, плотянымъ удовольствіямъ (днемъ – трудъ, ночью – отдохновеніе отъ трудовъ). Она – родина ressentiment: чего въ мірѣ нѣтъ, такъ это мѣста, гдѣ его, ресентимента,

больше, чѣмъ въ ней, воплощенномъ убожествѣ, скопищѣ нищихъ духомъ (но не только духомъ).

Если въ С.С.С.Р. имѣли мѣсто пятилѣтки за четыре года, то въ Россіи нынѣшней: пятидневки за четыре года.

Нѣтъ націи и народа, болѣе презирающаго законъ: что Аѳины, что Спарта (и даже Римъ<sup>44</sup>) – обѣ суть прямыя противоположности Россіи – какъ новой, такъ и Россіи старой, которыя – что первая, что послѣдняя – Востокъ, а потому тюрьма для свободнаго<sup>45</sup>. Свобода бываетъ свободою Ахиллеса, а бываетъ свободою Сергія Радонежскаго; о первой въ Россіи если и слышали, то не видѣли. Аристофобія, о кото-

---

<sup>44</sup> «В Риме господствующий народ наказывал диктаторов, консулов и сим оставлял право взыскивать с подчиненных их. У нас берегут вельмож, начальников и наказывают... подвластных им. Переменою правила сего многое в службѣ переменится, и я удержусь от примеров, которые привести могу в подпору истины сей». Кисилевъ – Витгенштейну (цитируется по: Н. Эйдельман. *Первые декабрист*. М. 2005). – Въ томъ числѣ и въ сказанномъ коренится извѣчный русскій произволь «сильныхъ» и забитость слабыхъ.

<sup>45</sup> «134. Что до лакедемонян, то их поразил гнев Тальфибия, глашатая Агамемнона. Ведь в Спарте есть святилище героя Тальфибия и существуют также его потомки, так называемые Тальфибиады, которым предоставлено преимущественное право выполнять должность глашатаев. После умерщвления глашатаев у спартанцев все [предзнаменования] при жертвоприношениях выпадали неблагоприятными. И это продолжалось долгое время. Лакедемоняне были глубоко встревожены, предаваясь печали из-за этого несчастья. Много раз они созывали народное собрание и через глашатаев объявляли: не желает ли кто-нибудь из лакедемонян пожертвовать жизнью за Спарту. Тогда выступили Сперхий, сын Анериста, и Булис, сын Николая, знатного рода и богатые спартанцы. Они добровольно вызвались понести наказание от Ксеркса за умерщвление в Спарте глашатаев Дария. Так спартанцы отослали этих людей в Мидийскую землю на смерть.

рой говорить Ортега-и-Гассетъ примѣнительно къ Испаніи, въ еще большей мѣрѣ относится къ современной Россіи. И къ аристофобіи нынче добавляется еще и спиритофобія.

135. Дерзновенная отвага этихъ мужей достойна удивления, и, кроме того, [не менее поразительны] вотъ такіе ихъ слова. На пути в Сусы прибыли они къ Гидарну (родомъ персу), который былъ начальникомъ персидскаго войска на асійскомъ побережьѣ. Гидарнъ дружески принялъ спартанцевъ и за угощениемъ спросилъ ихъ: «Лакедемоняне! Почему вы избегаете царской дружбы? Вы можете видеть на моемъ примѣре, какое я занимаю положеніе – какъ царь умеетъ воздавать честь доблестнымъ мужамъ. Такъ и вы, если предадитесь царю (царь ведь считаетъ васъ доблестными мужами), то онъ поставитъ каждого изъ васъ, спартанцевъ, властителемъ области в Элладе». На эти слова они отвечали такъ: «Гидарн! Твой советъ, кажется, не со всехъ сторонъ одинаково хорошо обдуман. Ведь ты даешь его намъ, имея опытъ лишь в одномъ; в другомъ же у тебя его нѣтъ. Тебѣ прекрасно известно, что значитъ быть рабомъ, а о томъ, что такое свобода – сладка ли она или горька, ты ничего не знаешь. Если бы тебѣ пришлось отвѣдать свободы, то, пожалуй, ты далъ бы намъ советъ сражаться за нее не только копьемъ, но и секирой». Такъ они отвечали Гидарну.

136. Оттуда спартанцы прибыли в Сусы и предстали предъ царскіе очи. Телохранители прежде всего приказали имъ пасть ницъ и поклониться царю до земли и хотели принудить ихъ къ этому силой. Однако они наотрезъ отказались, даже если

их поставят на голову. Ведь, по их словам, не в обычае у них падать ниц и поклоняться человеку и пришли сюда они не ради этого, а по другой причине. После решительного отказа выполнить это требование они вновь взяли слово и сказали приблизительно так: «Царь мидян! Послали нас лакедемоняне вместо умерщвленных в Спарте глашатаев, чтобы искупить смерть их». В ответ на эти слова Ксеркс сказал, что по своему великодушию он не поступит подобно лакедемонянам, которые, презрев обычай, священный для всех людей, предали смерти глашатаев. Сам же он не желает подражать им в том, что достойно порицания, а потому не умертвит послов, но снимет с лакедемонян вину за убийство». Геродотъ *Исторія.*

Государство задавило общество, его творческія способности, общество – винтикъ государственной машины, ненавидящее всё гордо-вздымающееся, самостоятельное, неподчиненное, свободное; это государство-Левіаѳанъ, Быкъ красноярый – съ волей къ уравнию и къ низведенію до низкаго уровня какъ своей цѣли; но задавивъ – дало нѣкоторое количество пресловутыхъ «хлѣбовъ и зрѣлищъ», ибо на чѣмъ, если не на не менѣе пресловутомъ общественномъ мнѣніи оно и зиждется? Исторія не вѣдаетъ примѣровъ, когда государство и огосударствленное, грубое, военизированное неживое общество съ бурно расцвѣтшимъ бюрократическимъ аппаратомъ, съ націоналистическими, ура-патріотическими и околоташистскими идейками и нищенскимъ и бѣдняцкимъ



сознаньемъ своихъ членовъ-винтиковъ не шло бы семимильными шагами къ своему краху и паденію, и послѣдніе, винтики, – изнутри, а не внѣшнимъ захватомъ, – прободають нѣкогда живое тѣло общества: внутреннимъ гніеніемъ и разложеніемъ. Общество въ Россіи нынѣшней глубоко нездорово, это та стадія болѣзни, изъ которой если и можно вырваться, то лишь преодолѣвъ её въ самомъ дѣлѣ драконовыми мѣрами: у общества, не цѣнящаго своихъ лучшихъ людей (въ нашемъ случаѣ – общества ненавидящаго или презирающаго ихъ), – нѣтъ [нерабскаго] будущаго; вѣрно и обратное: то общество здорово, кое цѣнитъ своихъ лучшихъ людей.

Власть разсматриваетъ собственное населеніе какъ не то что рабовъ, но именно что какъ лишніхъ. Важнѣе то, что сами лишніе таковыми себя считаютъ. Казалось бы: у такой общественности (здѣсь умѣстнѣе совѣтское слово "общество") нѣтъ будущности (снова умѣстнѣе "будущее"). Ань нѣтъ – есть: въ качествѣ не просто рабовъ, но именно лишніхъ рабовъ. Важнѣе, что власть причисляетъ и почти отсутствующую нынѣ интеллигенцію (въ старомъ смыслѣ) къ лишнимъ и дѣлаетъ всё, чтобы ея болѣе не было. – Такъ, въ частности, она извлекла урокъ С.С.С.Р. и подобныхъ режимовъ – книги надобно не запрещать, что лишь подогрѣваетъ – а иногда и попросту рождаетъ – къ нимъ интересъ, а сдѣлать элитарное – маргинальнымъ въ социальномъ планѣ, презрѣннымъ въ оцѣнкѣ большинства; цѣна для власть имущихъ невелика – превращеніе Россіи въ «зону», стойло и отхожее мѣсто, а ея

народа – въ быдло; да вотъ лишней оказывается самая власть (какъ болѣзненный наростъ) съ ея поддерживающей идеологизированной псевдо-культурой, поставленную на государственные рельсы<sup>46</sup>. – Культура Россіи новой есть отсутствіе культуры, помѣсь чорти чего съ чорти чѣмъ, худшая изъ возможныхъ, и не синтезь, но хамская и пародійная эклектика, созданная ариманцами себѣ на потребу.

Мало кто изъ выдающихся артистовъ и писателей могутъ заниматься своей работой, не занимая служебную должность. Но и они следуютъ государственнымъ директивамъ, выполняютъ государственные заказы, имъ платятъ, словно высшимъ чиновникамъ, а такъ какъ они хорошо и безоговорочно служатъ государству, то пользуются привилегіями высшихъ чиновниковъ. Что касается практической стороны дела, они имеютъ квази-чиновничій статус». (К.Виттфогель. *Деспотизмъ Востока. Сравнительное изслѣдованіе тотальной власти*).

Правило: уменьшеніе оковъ слѣпого бога – съ послѣдующимъ за нимъ, но отнюдь не обязательнымъ, уменьшеніемъ оковъ государства – приводитъ къ разрастанію и возрастанію культуры, и наоборотъ. Это стоитъ напомнить знающимъ и повѣдать незнающимъ: особливо въ наше время – время уже свершившагося ариманическаго грѣхопаденія и заступившей духовной ночи. – Слишкомъ много въ Россіи

---

<sup>46</sup> «Высокопоставленные идеологи страны являются высокопоставленными представителями правящей бюрократии; и основная масса всехъ профессиональныхъ интеллектуаловъ является правительственными чиновниками такъ же, какъ и эти бюрократы.

было и будет людей культуры, которые не мыслятъ культуру неотрывно отъ своего государства, а государство – отъ своей культуры.

Государство, для котораго человекъ любой – всегда средство, а не цѣль, отъ вѣка использовало его въ цѣляхъ собственныхъ, нимало съ нимъ не считаясь. Личность и государство – одна изъ темъ критской поэмы. Хребеть – и критскій, и русскій (соціальный, политическій, бытійный – какой угодно) – сломлень: тысячелѣтіемъ рабства (снова типично восточная черта).

Частное (неофициальное) лицо на Востокъ стоитъ мало (въ глазахъ народа и не только народа); продолженіе руки правителя, человекъ государственный, даже самаго низкаго ранга, – вотъ что если не уважають, то чего боятся<sup>47</sup>. Потому русскіе издавна стремятся не къ свободѣ, но къ положенію (быть частью системы, желательно повыше; не желающій быть частью системы традиціонно воспринимается въ Россіи какъ чортъ знаетъ что). Впрочемъ, оно оправданно – съ позиціи правды плоти, которая ничего выше покоя да счастья не вѣдаетъ: быть свободнымъ въ Россіи современной крайне непросто и чревато несчастьемъ, а потому лучше о ней попросту умолчать.

Онъ же, тамъ же: «Очевидно, что любезная ложь или умело предложенная взятка вовсе не являются оружиемъ в борь-

---

<sup>47</sup> «Служилые люди Османской имперіи гордились тем, что являлись 'рабами' своего султана». Виттфогель. *Указ. соч.*

бе за свободу».

Онъ же, тамъ же: «Население завоёванной страны рассматривает оккупационную армию как единое целое, хорошо зная, что власть рядовых солдат крайне ограничена. Так же и подданные гидравлического деспотизма видят в представителях аппарата единое целое, даже если ясно, что отдельные представители очень различаются по силе, богатству и социальному статусу».

Гордость и достоинство русскихъ сломлено: государство, которое – своимъ народомъ – обеспечивает на внѣшнеполитическомъ уровнѣ свои гордость и достоинство (а также внѣшнеполитическую щедрость и великодушіе, «помощь братскимъ народамъ», матеріальную, слишкомъ матеріальную роскошь бытія (а на дѣлѣ – прозябанія въ чувственномъ) элиты и т. д.), изрѣдка вырѣзая часть своего населенія, изрѣдка высылая его, но чаще низводя его – многоразличными способами и въ своихъ цѣляхъ – до уровня живого вѣчно-кrotкаго орудія, выдерживающаго любя, даже самыя дурныя условія, могущаго что угодно, но не возстать или же – болѣе мирно – завоевать тѣ или иныя свои права. Рабы, напротивъ, рабски защищаютъ рабскій режимъ. Ровно наоборотъ на Западѣ: не-рабы не защищаютъ не-рабскій режимъ: для человѣка Запада не такъ ужъ и важна суверенность государства (отсюда предоставленіе ключа отъ города (государства) Наполеону ли, Гитлеру ли – ср. съ ожесточенной бранью Россіи съ поляками, французами, позднѣе съ

нѣмцами), его честь и его достоинство въ сравненіи со свободой и достоинствомъ самого человѣка; государственная сфера, казалось бы, здѣсь приносились въ жертву Человѣку, на дѣлѣ же это была война – внутри того или иного европейскаго государства. Отсюда садизмъ русскаго государства относительно русскихъ и его мазохизмъ на внѣшнеполитическомъ уровнѣ.

Около десяти лѣтъ назадъ я писалъ: «И Россія новая, и С.С.С.Р. представляютъ собою не что иное, какъ видимость пересадки западныхъ идей на неприспособленную для того монгольскую почву». – Россія и впрямь всегда была проводникомъ чужихъ идей<sup>48</sup> (которыя суть размѣнная монета и надстройка надъ восточной сущью Россіи), своимъ подражаніемъ выполняя ихъ волю (вотъ уже поистинѣ – слѣпота!): сперва Византіи, далѣе на византизмы прекрасно наложилась татарщина, далѣе – европейскія идеи, насаждавшіеся Петромъ и впрямь на большевицкій ладъ, тоталитарно, далѣе – самые большевики, наконецъ, – идеи «либера-

---

<sup>48</sup> Чаадаевъ (изъ письма графу де Сиркуру): «Эта податливость къ чужимъ внушеніямъ, эта готовность подчиняться идеямъ, навязаннымъ извнѣ, является существенной чертой нашего нрава». – Сказанное относится ко всей русской исторіи – отъ принятія христіанства, далѣе Петръ, засилье нѣмцевъ въ XVIII вѣкѣ, западныя идеи просвѣщенія, побѣдившій коммунизмъ и, наконецъ, либерализмъ. Дамокловымъ мечомъ надъ Россіей всегда висѣла идея, но идея искажалась: на русскій ладъ, – и становится эрзаць-формой религіи, расширяясь до планетарныхъ масштабовъ; религія та – не важно, кого или что она славить, – себя всегда являла большевистскими методами (начиная съ Петра или даже ранѣе вплоть до «либерализма»).

лизм», «рыночной экономики», «демократіи», подь видо-  
мъ которыхъ являетъ себя извѣчный русскій тоталитаризмъ  
(пусть и въ болѣе мягкой формѣ авторитаризма), – въ Россію  
какъ въ плодородную почву отъ вѣка и до вѣка падали за-  
падныя сѣмена, но прорастали они на слишкомъ ужъ право-  
славный ладъ. И если есть какая идея, скрѣпляющая Россію  
нынѣшнюю, то это аристофобія, спиритифобія, ксенофобія,  
гомофобія, націонализмъ, іерархизмъ, культъ матеріальны-  
хъ цѣнностей, ресентиментъ по отношенію ко всему гор-  
до-вздымающемуся... – Чего еще можно было бы ожидать  
отъ прямой противоположности меритократіи, гдѣ чернь и  
сверху!

Въ сущности, въ Россіи современной нынѣ нѣтъ ничего,  
что не стояло бы подь знакомъ подражательнаго повторенія  
(сюда: равеніе на Западъ (или Востокъ), равеніе на стари-  
ну, на классіку или же – напротивъ – на тенденціи побѣдив-  
шихъ С.-А. С. Ш. и пр.). Застой это или регрессъ (оба само-  
воспроизводящіеся и ширящіеся) – пусть читающій рѣшить  
самъ. Но напомню ему: именно Востоку изначально свой-  
ствененъ застой, освященное традиціей топтанье на мѣстѣ;  
соціальная борьба есть роскошь Запада. – Востокъ, отъ вѣка  
и до вѣка гнетущій всѣхъ и вся, кромѣ одного, единствен-  
наго, что свободенъ въ нёмъ, есть система всеобщаго раб-  
ства, царство количествъ, прикрывающееся царствомъ каче-  
ства (для цѣлей вполнѣ дольнихъ – экономическихъ, власт-  
ныхъ, геополитическихъ и пр.), дольнее, рядящееся въ ря-

су горняго, земное, выдающее себя за сакральное. – Востокъ какъ идеальный Іалдаваофій порядокъ.

Россіи нынѣшней какъ технократической цивилизації удалось залить бетономъ и заасфальтировать живое поле культуры<sup>49</sup>; но подобно тому, какъ иное растеніе порою прорываетъ и бетонъ, и асфальтъ, такъ и нынѣ культура въ немногочисленнѣйшихъ (самое большее – нѣсколькихъ, существующихъ какъ исключеніе) своихъ представителяхъ смогла прорвать тяжкій прессъ Россіи-цивилизации во имя Россіи-культуры. Стоитъ отмѣтить: какъ правило, прорывающій жертвовалъ собою, дабы дѣять сей прорывъ.

<...> Ренессансъ былъ явленіемъ, рожденнымъ тѣмъ самымъ возвратнымъ порывомъ, о коемъ упоминалось выше, явленіемъ, даро-вавшимъ міру много плодовъ – сладкихъ, какъ медь, и горькихъ, какъ полынь. Онъ былъ исходомъ изъ мрака, изъ застоя, оставаясь самымъ яркимъ примѣромъ выхода изъ культурнаго тупика и понынѣ; былъ онъ удачною попыткою обернуться назадъ, и окинуть взглядомъ пройденный великій путь, и, переосмысливъ его, содѣлать возвратный порывъ къ – казалось бы – давно ушедшему. Намъ пред-

---

<sup>49</sup> «Археологія знанія во многомъ противопоставлена культурѣ; древо ея (культуры), древле воздѣльваемое и плоды дающее потому, нынѣ засохло; рядомъ растутъ сорняки и побѣги сорные: археологіи знанія; древо огорожено, оно стоитъ въ музеѣ, подъ стекломъ. – Культура словно погибла, и гибель ея безвозвратна, какъ и всякая иная гибель; однако всё жъ мы полагаемъ: Огонь святой сталъ частію – уголькомъ, частію – тускло-горящимъ пламенемъ: огонькомъ болотнымъ; но онъ всё еще теплится; дѣло состоитъ въ томъ, что изъ огонька болотнаго содѣлать мощное и бурное пламя, багрянопылающее и ярколучистое...

ставляется, что нынѣ ренессансъ въ тѣхъ масштабахъ невозможенъ въ силу многихъ условій. Но всё же мы полагаемъ: на ренессансъ въ охватѣ меньшемъ можно (и надобно) уповать. Добавимъ, что культурѣ онъ необходимъ нынѣ болѣе всего прочаго. Его созиданіе есть борьба ожесточенная съ тѣмъ мракомъ, съ тѣмъ засиліемъ «новыхъ формъ», уродливыхъ формъ и нормъ постмодернизма, гореносныхъ и гореродныхъ, и прочихъ разновидностей открыто явленнаго абсурда. Возрожденіе новое (возрожденіе, рожденное *немногими для немногихъ*) возмогло бѣ отвоевать у Времени черту положенныхъ сроковъ, – проливши в міръ сей свѣты горніе, – отложить на время окончательное торжество уже заступившаго Хаоса, конечной побѣды коего не миновать и вовѣкъ не избѣгнуть... – Въ сердце печали льются в часъ недобрый – когда Солнце не кажетъ себя, всё въ тучахъ, въ темяхъ, мглѣ...но наше дѣло – не отдаваться скорбямъ, не пассивно-униженно ждать небесъ рѣшенъе, но съ подобающимъ всему высокому достоинствомъ встрѣтить неотвратимое и, – презрѣвши долнее и отложивши попенченіе о немъ, – обрушить гневъ свои – на него, парируя неожиданные его удары, ибо мы есмы чада Свѣта, и намъ подобаеъ свѣтитъ ярко, не становяся блѣднѣе – никогда, никогда...» Раузеръ М. *Вступительное слово*//Альманахъ «Сѣверный крестъ». Москва, 2020.

Моя критика современной Россіи относится въ первую очередь къ Москвѣ какъ сердцу Россіи и какъ центру ея –



проводнику новодельныхъ губительныхъ тенденцій: менѣе всего я хотѣлъ бы такъ или иначе принизить отдѣльныхъ замѣчательныхъ лицъ, обитающихъ въ Россіи, до коихъ человеку Запада очень далеко.

Но Москва – не только проводникъ невмѣняемой ариманики, но и губитель всего превышающаго средній уровень. – Уникальность современныхъ москвитовъ, которые ошибаются ровно во всѣмъ, которые не правы въ каждомъ своемъ шагѣ, помышленіи, дѣяніи, – въ томъ, что если въ иныя эпохи (любыя эпохи суть эпохи много болѣе сильныя) за благородство, которое можетъ себѣ позволить только сильный, всегда, платили уваженіемъ, – здѣсь платятъ, скорѣе, униженіемъ: молчаніемъ и крученіемъ и виска (за глаза, конечно).

Послѣ отъѣзда изъ Москвы я написалъ въ дневникѣ: «Мое пребываніе въ царствѣ компромисса, ариманической ненасытимиости, королевствѣ кривыхъ зеркалъ и неизбывной темной перверсії, въ одномъ перевертышѣ – гдѣ «слуги народа» лѣзутъ изъ кожи вонъ, чтобы быть какъ можно далѣе отъ народа, а самъ народъ былъ бы униженъ до извѣстнаго предѣла, и гдѣ вчерашніе совѣтскіе двоечники и гопники вдругъ стали отличниками и элитой, короче, ноли превратились въ единицу, – въ столицѣ скверны, родинѣ ressentiment, гилетическомъ храмѣ и хламѣ, раззолоченной золотой клѣткѣ, испачканной нечистотами всѣхъ мастей и родовъ, узилищѣ создаваемаго, тьмѣ незнанія, морокѣ отъ горизонта до горизонта – сло-

вомъ, въ безднѣ, кромѣшной тѣмѣ и духовной ночи: въ отъ вѣка и до вѣка нищей Москвѣ (ибо что быть можетъ болѣе нищимъ, чѣмъ либо азіатски-дикая, либо нѣсколько болѣе культурная, но и болѣе трусливая мелкобуржуазность, космически-статусно-слѣпая и новодельно-пластмассово-цифровая) подошло къ концу – еще въ тѣ достопамятные годы, когда родилось мое Я; пребываніе въ Москвѣ моей плоти лишь нынѣ окончилось: въ Москвѣ, плотяно-вещно-матріархальной, напрочь и до бреда и до рѣзи въ глазахъ (для слабыхъ: до слезъ) овосточенной столицѣ ресентимента и – единовременно – «позитива» (зависитъ отъ кармана, который слѣдуетъ поскорѣе набить, чтобъ казался потолще, да держать навывпускъ: для вящихъ профитовъ. – Поистинѣ: "Счастье найдено нами", – стоять и моргаютъ ариманцы, примагниченные френдами-брендами-трендами и прочими "статусами" (короче: плотью подвигаясь къ плоти, пылью – къ пыли), не понимая остатками-останками недо-переваренныхъ недо-мозговъ: «позитивъ» не имѣетъ отношенія къ карману, карманъ не имѣетъ никакого отношенія къ счастью, а счастье – ко всему, что чего-то да стоитъ; въ сущности, слава, ея алканіе и стяжаніе, – и та выше)... въ Москвѣ, родинѣ гилетизма, послѣднихъ людей, матеріи, матери всего зримаго, изъ матки коей вылупляется-вываливается – по кругу, безконечно – скользкая, влажная, блестявая новорожденная матерія въ смерть именовъ жизнь. – Зрѣлище забавное, принуждающее презрительно улыбнуться, но надоѣдающее и дурнопах-

нущее (Москва какъ *vagina* князя міра сего, прыщъ на тверди земной, воронка и черная дыра, подобно губкѣ вбирающая въ себя всё худшее со всего міра и ото всѣхъ времянь), и въ своей надоѣдливости въ концѣ концовъ обкрадывающее странника и чужеземца, что въ поискахъ жемчужины (а никакъ не опарышей); впрочемъ, онъ и самъ – жемчужина (въ иномъ раскладѣ: бѣлая перчатка, брошенная въ лицо создавшему). Если ужъ матерія – къ матеріи, ариманцы – къ Ариману, однодневки – къ однодневному, эфемериды – эфемерно – къ эфемерному, то и, съ позволенія сказать, духъ – къ духу (не всё жъ игра въ одни ворота).

Московиты всѣхъ возрастовъ, половъ и кошельковъ, комимъ я всегда, въ сущности, былъ не по вкусу, какъ въ горлѣ кость (и съ иныхъ поръ *желалъ* быть ею), нѣкогда годились на роль шутовъ, подопытныхъ кроликовъ и на роль препоны, пробуждающей и побуждающей къ *иной* дѣятельности; но нынѣ они не годны и для сего – лишь смрадъ, лишь напрочь испорченный воздухъ; листья облетѣли и новыхъ не предвидится.

Я выжалъ изъ нея всё, что только можно было выжать, какъ выжимаютъ порою тѣ или иные прибитки изъ дурныхъ условій; но то дѣло сильныхъ; цѣною выступала – ни много ни мало – жизнь.

Выхожу не то изъ кельи, не то изъ крѣпости, находящейся въ осадномъ положеніи, изъ коей я отстрѣливался тысячу страницъ созданныхъ въ ней невозможныхъ произведе-

дений, молнійно-лазурныхъ и багрянопылающихъ, но скорѣе изъ заброшенности въ самый тылъ врага, и выхожу я на свѣжій воздухъ заслуженнаго отдохновенія седьмого дня (длинною въ отмѣренные плоти сроки, короче, до конца жизни): въ Жизнь (въ московитскомъ раскладѣ: въ жизнь именемъ смерть)».

Москва нынѣшняя, въ чуть меньшей мѣрѣ Москва прежняя (и московиты – въ первую очередь приѣзжіе – "покоряющіе"), куда самое постыдное, грубое и пошлое устремляется, находя свое пристанище и послѣ правя балъ, цѣнна въ первую очередь тѣмъ, что она указываетъ: какъ не должно [быть], говорить священное Нѣтъ, когда она вопить Да въ матриархальномъ своемъ угарѣ, говорить Да, когда она вопить свое плотяно-мнимо-сакральное Нѣтъ. Она учитъ плыть противъ теченія и быть вопреки. Она – компасъ. Но для пользованія симъ компасомъ еще надобно быть богомъ. Ибо въ иныхъ случаяхъ пересѣченіе съ гиликами-психиками нежелательно: не только крадетъ оно счастье, но и приноситъ вредъ для лучистаго его бытія (въ т. ч. для творчества челоуѣка духа). Гилики-психики суть пыль, и даже если пыль будетъ кланяться пневматику – отъ того не легче: пыль не перестаетъ быть пылью, а смрадь – смрадомъ. Что на Критѣ, что въ современной Москвѣ попросту нѣтъ воздуха для него, дабы цвѣсть, а не чахнуть въ пыли, рожденной всеобщей Матерью всего зримаго. Что Критѣ, что Московія и знать не хотятъ, что есть помимо маленькой правды пло-

ти – колоссальная, исполинская правда духа и что хотя бы одинъ лишь здѣшній міръ живетъ не только лишь по правдѣ плоти, но и по правдѣ духа: при казалось бы вѣдѣніи земного (ибо сами земные) они не вѣдаютъ, что въ міръ дѣйствуютъ иные законы и что помимо законовъ плотяно-земныхъ есть на землѣ и иные законы, много болѣе высокіе, но имъ невѣдомые; не вѣдаютъ они и иного божества, кромѣ иностранной банкноты, сколь ни прикрывались бы инымъ (чѣмъ попало на дѣлѣ). Однако столь неудобныя для прорастанія почвы надобны: какъ первая ступень, какъ военная школа. – Москва – градъ, который палъ, надобный падшимъ для паденія дальнѣйшаго, не-падшимъ – для дальнѣйшаго восхожденія, возгонки, духовныхъ побѣдъ (но, какъ отмѣчалось, для бытійствованія вопреки надобно еще быть богомъ – пневматикомъ, которыхъ въ Москвѣ часу отъ часу всё меньше и нынѣ ихъ дай богъ нѣсколько, если не того меньше; бытійствованіе строго вопреки при нахожденіи въ самомъ логовѣ врага – дѣло сильнѣйшихъ, остальныхъ сіе ломаетъ и они ассимилируются Москвою, пополняя ряды психиковъ, если не гиликовъ).

Именно поэтому квинтэссенція Запада (какъ плодъ ея – человекъ фаустовской культуры) нарождается въ наше время въ единичныхъ, чтобы не сказать въ единственномъ, экземплярахъ именно на Востокѣ: какъ трава, прорастающая чрезъ асфальтъ, какъ соль – не земли, но неба: бытійствуя, т. е. жительствуя вопреки, свѣряя курсъ собственнаго бытія

по бытованію малыхъ сихъ, исходя изъ закона: что для русскаго (восточнаго) хорошо, нѣмцу (человѣку фаустовской культуры) – смерть<sup>50</sup>; въ иномъ раскладѣ: что гилику/психику хорошо, пневматику – смерть (и наоборотъ). Потому для пневматика губительны любыя условія, когда и гдѣ ему не приходится задѣйствовать волю, плывя ровно противъ теченія. Въ этомъ смыслѣ чѣмъ толще асфальтъ, чѣмъ его количественно больше, тѣмъ лучше прорастаетъ сія рѣдкая, слишкомъ рѣдкая трава. – Сплошныя благообразіе, и пошлость вселенскихъ масштабовъ, и безраздѣльная плотность гиликовъ – не есть ли сіе лучшія яства для Освобожденнаго, для Единственнаго? Царство срединности, то есть чорта, – не лучшее ль мѣсто для пневматика? Тутъ-то и сознать, кто онъ, и выстраиваетъ бытіе свое – вопреки<sup>51</sup>. – Духъ

---

<sup>50</sup> Это понялъ даже баронъ де Кюстинъ: «Вдобавокъ, нѣтъ ничего болѣе противоположнаго, чѣмъ русскій и нѣмецкій характеры»; «Тевтонскія расы антипатичны русскимъ <... > самыя добродѣтели германцевъ русскимъ ненавистны».

<sup>51</sup> «Людымъ, до которыхъ мнѣ хоть сколько-нибудь есть дѣло, я желаю пройти черезъ страданія, покинутость, болѣзнь, насиліе, униженія – я желаю, чтобы имъ не остались неизвѣстны глубокое презрѣніе къ себѣ, муки невѣрія въ себя, горечь и пустота преодоленнаго; я имъ нисколько не сочувствую, потому что желаю имъ единственнаго, что на сегодня способно доказать, имѣеть человѣкъ цѣну или не имѣеть: въ силахъ ли онъ выстоять». Ницше Ф. *Черновики и наброски, осень 1887 г.* Или – иное изрѣченіе Ф. Ницше: «Если дерево хочеть достигнуть неба, его корни должны достигнуть глубины ада». Ср. съ высказываніемъ Достоевскаго: "Страданіе и боль всегда обязательны для широкаго сознанія и глубокаго сердца". Наконецъ: «Боль есть нѣчто всеобщее и необходимое во всякой жизни, неизбѣжный переходный пунктъ на пути къ свободѣ. Мы напомнимъ о болѣзняхъ роста въ человѣческой жизни въ физическомъ и моральномъ смыслѣ. Мы

пронзаетъ и познаетъ плоть, дабы стать духомъ въ еще большей мѣрѣ; потому и пневматикъ (какъ носитель духа) познать плотяныхъ гиликовъ (какъ носителей матеріи), дабы обрѣсть чистоту вящую. Не потому ли темнозаревая звѣзда М. взошла вопреки всему: на самыхъ чуждыхъ ему почвахъ? Но пневматику еще слѣдуетъ – вполнѣ неоплатонически – совершить возвращеніе-обращеніе-эпистрофе въ нездѣшную свою родину (вѣдь сперва онъ былъ въ ней (mone), далѣе было исхожденіе (proodos) въ дольнія сферы; epistrophe – путь назадъ: домой). Именно поэтому М. и совершаетъ неоплатоническій "возвратный порывъ" и возвращается – во вѣки вѣковъ – туда, откуда исшелъ. – Остается добавить: кѣмъ же я хочу быть для «дорогихъ россіянь»? Отсутствующимъ: никѣмъ, ничѣмъ<sup>52</sup>. Любое взаимное отторженіе есть нѣчто

---

не побоимся и эту первосушность (первую возможность внѣшне явленнаго Бога), поскольку она приносить съ собою развитіе, представить въ страдательномъ состояніи. Страданіе вообще, не только для человѣка, но и для Творца, есть путь къ величію. Онъ ведетъ человѣческую природу не инымъ путемъ, нежели тотъ, которымъ должна прослѣдовать и его собственная. Соучастіе во всемъ слѣпомъ, темномъ и страдномъ, что есть въ его природѣ, необходимо ему, чтобы подняться къ наивысшему сознанию. Всякое существо должно узнать свои глубины; но безъ страданія это невозможно. Всякая боль исходитъ только отъ бытія, и поскольку всё живое должно сначала замкнуться въ бытіи и изъ его тьмы прорваться къ просвѣтлѣнію, то и сама по себѣ божественная сущность въ своемъ откровеніи должна сперва принять природу и постольку претерпѣть страданіе, прежде чѣмъ отпразднуетъ триумфъ своего освобожденія». Шеллингъ Ф.В.Й. *Мировья эпохи. Третья редакція (1814/15)*.

<sup>52</sup> Насчетъ статусовъ, положеній, іерархій и подобнаго – въ первый и послѣдній разъ: я отказываюсь отъ нихъ не милостью скромности, которой, по счастью, у меня нѣтъ и вовсе, но единственно милостью того факта, что не вижу ни одина-

должное и того болѣе нѣчто желанное. – Словами М. о самомъ себѣ: «Но свиньи любятъ теплыя свои грязи, а мош-кара – свѣтъ пламени. Но свиньи и мошкара еще надобны мнѣ, дабы не быть – вами – и быть тѣмъ, кто я есмь. Спасибо вамъ, что вы есте, ибо вы – не солнце и не обманнѣй лун-ный лучъ, но путеводная звѣзда недолжнаго! Всѣ вы и каж-дый по отдѣльности – деревянные звѣзды, глядя на которыя, я гряду – прочь отъ васъ и убожества вашего и отъ міра и смрада его: я, грядущій во имя свое!»; и: «Не мѣняю [ихъ], ибо души ихъ мокры. Иль и тину – не претворить въ огонь, стрѣлу и камень. Нѣтъ! Довольно! Я просвѣщаль ихъ свѣто-мъ, но они – тьма – остались во тьмѣ. Но тьма еще растаетъ. Ибо пріидеть Свѣтъ съ Востока: то будетъ вѣяніемъ лазури. Реченное Дѣвою – святыня наивысшая и богатство неисчер-паемое. Нѣтъ на землѣ ученія благороднѣе, ибо оно не отъ земли, но отъ неба; оно – жало неба. . . Отнынѣ родъ людской раздѣленъ на многихъ и немногихъ, и прежнія ученія, ученія ложныя и злыя, жала земли, прекращаются для всего высо-каго. И только для нихъ! Низкіе же да пребудутъ низкими, какъ и надлежитъ, и да пребудутъ ступенями для высокихъ. И для послѣднихъ я еще желалъ бы быть послѣднимъ, ибо

---

го сучка, ни единой вѣточки на древѣ земныхъ, слишкомъ земныхъ іерархій, ни единой ячейки дольней іерархіи, которая въ глазахъ моихъ чего-то да стоила бы и благодаря коей о чѣмъ-то да можно было бѣ судить; я попросту не желаю дѣ-лать мѣсто съ кѣмъ-либо, тѣмъ паче съ современными. Я отказываюсь, потому что слишкомъ богатъ. Остальное, необрѣтшее Я – прахъ: либо бѣдность, либо нищета.



первымъ для нихъ я уже былъ, хотя того и не желалъ; богомъ для нихъ я уже былъ, но не былъ червемъ; впрочемъ, на то времени нынче нѣтъ; и ничѣмъ и никѣмъ – до встрѣчи съ Нею – я уже былъ; но послѣднею моею волею будетъ: быть внѣ ихъ, – что вскорости и произойдетъ, ибо я желаю оставить слѣпыхъ. Знаешь ли, я лишь радъ тому, что они неспособны къ тому, что бездна безднѣ межъ насъ». – Москву и каменнолицыхъ, каменносердечныхъ и пріапически-витаально-распухшихъ московитовъ остается поблагодарить за возможность – вопреки имъ – написать сію поэму, чего въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ быть не могло. Да, поблагодарить, а не послать ихъ къ ихъ чорту: чорту именемъ богъ.

Посему я никто и по ту сторону, внѣ всего (въ т. ч. внѣ эпохи современной, меня не породившей, но также и внѣ эпохъ, что приложили руку къ тому) – ради моего Я. – Я единственный не въ послѣднюю очередь милостью того, что не принадлежу ни одной изъ эпохъ, ни одному классу или словію, ни одной націи.

Часто цивилизаціи дѣлають попытки (въ случаѣ консервативной своей направленности, но скорѣе, если имѣють новодельное происхождение, дабы удревнить, состарить собственную убогую сущность) «примазаться» къ культурѣ, используя культуру и какъ щитъ, и какъ размѣнную монету, и какъ удостовѣреніе sui generis, которымъ заслоняють собственное духовное банкротство. Попытки такого рода – всегда съ припахомъ чего-то лишенаго корней, карикатурна-

го, шутиваго, хрупкаго, картоннаго, – словомъ, съ припахомъ новодельной пластмассы. Культура прорастаетъ сквозь цивилизацію (въ нашемъ случаѣ – черезъ современную Россію), хочеть того цивилизація или нѣтъ; культура о томъ еѣ не испрашиваетъ: она растетъ по собственному манію. Но она прорастаетъ не въ каталогизаторской дѣятельности (вѣрнѣе, пустодействѣ, ибо «традиція – это передача огня, а не поклоненіе пеплу») Институтовъ философіи и попросту въ современной гуманитарной наукѣ, которая есть не что иное, какъ обреченное на забвеніе комментаторство, изначально мертвой, но въ живыхъ словахъ живыхъ, творчески продолжающихъ тѣ или инья культурныя традиціи. Для комментатора что Василискъ Гнедовъ, что Андрей Бѣлый – явленія одного порядка, потому что они суть представители одной эпохи; по этой же логикѣ и К.Свасьянъ – въ первую очередь (если не въ единственную) «докторъ философскихъ наукъ», какъ и было написано (издателемъ) на обложкѣ одной изъ его книгъ; впрочемъ, кто для комментаторовъ Свасьянъ (а на мѣстѣ Свасьяна здѣсь окажется любой подлинно творящій подлинное) выразилъ комментаторъ Перцевъ: не русскій Свасьянъ, оказывается, но русскоговорящій, какъ намъ и повѣдалъ Перцевъ (отсылаю читателя къ отвѣту Свасьяна Перцеву въ статьѣ съ шутиливо-немыслимымъ названіемъ «Перцевъ и Ницше»)<sup>53</sup>.

---

<sup>53</sup> «Перцеву бы стушеваться и молчать в тряпочку перед Свасьяном, как советовал Достоевский, а он петушится. Невольно вспомнишь, что человек – это

Что удивляться, что Россія новая, ожившія джунгли, ожившее ничто, зато очень солидное, представительное<sup>54</sup>, гдѣ милостью коллективнаго безсознательнаго и персоною (=маскою) была задавлена живая Личность, не назвала ни одну изъ улицъ въ честь, скажемъ, Бердяева или любого изъ Ивановыхъ и пр., ибо привыкла называть свои улицы фамиліями своихъ царей, полководцевъ, рѣдко ученыхъ, что работали на державу, а если и называла въ честь подлинныхъ дѣятелей культуры, то только тогда, когда то было надобно для сіюминутныхъ политическихъ выгодъ. Что удивляться, что она не можетъ даже издать толкомъ дореволюціонное, какъ должно<sup>55</sup>!

---

стиль, а бесстилье – лишь потуга на человека». Анучинъ Евг. *Изъ частныхъ бестѣхъ рубежа 2018–2019 гг.*

<sup>54</sup> «У господина представительная наружность. Это цѣнится. Какая чепуха: представительная. Если бы красивая, жалкая, страшная, какая угодно. Нѣтъ, именно представительная. Въ Англии, говорятъ, даже существуетъ профессія – лжесвидѣтелей съ представительной наружностью, внушающей судьямъ довѣріе. И не только внушаетъ довѣріе, сама неисчерпаемый источникъ самоувѣренности. Одно изъ свойствъ мірового уродства – оно представительное». Г. Ивановъ. *Распадъ атома.*

<sup>55</sup> «Действительно, когда я вывозил из Парижа и Перуджи прекрасные издания Ронсара и Ариосто, я чуть не плакал от зависти: в России классики так не выходят в свет. В сердце еще жив позор пушкинского юбилея десятилетней давности: академическое собрание сочинений должно было появиться, но не появилось. Перепечатка межеумочного продукта сталинской эпохи, лишённого комментария, с кропотливой текстологической работой, которую обесмысливает одно то, что она сделана в новой орфографии [подчеркнуто мною – М.Р.], была самым неудачным из всех мыслимых решений. На филфаке МГУ и на истфиле РГГУ есть такие кафедры, которые я – будь у меня соответствующие полномочия –

Вся надежда на *немногихъ*, чье слово будетъ молніей; громъ же услышать послѣ. – Вспомнимъ же незабвенныя слова Ницше: «Величайшія событія и мысли – а величайшія мысли суть величайшія событія – постигаются позже всего: поколѣнія современниковъ такихъ событій не переживаютъ ихъ – жизнь ихъ протекаетъ въ сторонѣ. Здѣсь происходитъ то же, что и въ царствѣ звѣздъ. Свѣтъ самыхъ далекихъ звѣздъ позже всего доходитъ до людей, а пока онъ еще не дошелъ, человѣкъ отрицаетъ, что тамъ есть звѣзды. „Сколько вѣковъ нужно генію, чтобы его поняли?“ – это тоже масштабъ, это тоже можетъ служить критеріемъ ранга и соответствующимъ церемоніаломъ – для генія и звѣзды» (Ницше Ф. *По ту сторону добра и зла*).

Или: «Мы не безумцы, мы желаемъ: её, чаемую вспышку,

---

отправил бы в полном составе в желтый дом. Когда я слышу, что „в отечественной филологической науке еще не разработана тема пространства в творчестве Владимира Сорокина“, я не хватаюсь за пистолет только потому, что и не доверил бы автору таких слов заниматься настоящими филологическими вопросами – Оговорим только одно – представления о филологии людей, имеющих одинаковые ученые степени и даже иногда по одним и тем же специальностям, могут различаться вплоть до полной несовместимости, и в данной статье я буду руководствоваться только собственными соображениями. Не в том смысле, разумеется, что эти мысли принадлежат мне; напротив, они весьма старые и традиционные, – а только в том, что я считаю их истинными. Я нисколько не намерен их обосновывать, а формулировать – лишь в том объеме, который нужен для разговора о школьном аспекте преподавания своей науки. Если читатель с ними не согласится, мне останется только отнестись к этому факту с подобающим смирением – и напомнить, что тема пространства в творчестве Сорокина еще ждет рабочих рук <...> Страна, не умеющая как следует издавать своих гениев, обречена». Любжин А. *Филология и школа*.

молнію Духа, а не краха; не небытія и не бытія, но сверхъ-бытія; не исторіи, но метаисторіи...»<sup>56</sup>. И тамъ же: «Отмѣтимъ: чтобы родать новое, надобно быть и бить молніей, огнемъ поядающимъ, субъектомъ самостійнымъ: Іалдаваофъ, «духъ обманчивый», воспретилъ человѣку вѣдать, ибо воспретилъ вкушать съ древа познанія, ввергнувши возможно большее количество чадь рода людского въ «тьму незнанія» и заповѣдовалъ имъ «плодиться и размножаться», не зря Свѣта подлиннаго и не вѣдая о нёмъ. Наше дѣло: познавать и вѣдать, стремить себя къ Свѣту и – быть свѣтомъ...».

\* \* \*

Мы видимъ Критъ, а въ нёмъ отражается Россія, а въ ней – извѣчно-соприсносущная ей Московія: не говоритъ ли это о косности дольняго міра, въ коемъ подобнаго рода общественное сознание не изживается – несмотря на постулируемый перманентный прогрессъ, – но продолжаетъ не только возникать, но и царить – отъ тысячелѣтія къ тысячелѣтію. И потому подробности каждой конкретной культуры оказываются не столь ужъ и важными для пониманія сути всѣхъ подобныхъ культуръ. Ибо нами руководило не желанье показать детали во всей ихъ исторической и фактической достовѣрности сѣй культуры (въ нашемъ случаѣ – поздними-

---

<sup>56</sup> Паузеръ М. *Rationes triplices, или nec plus ultra*//Альманахъ «Сѣверный крестъ».

нойскаго Крита), но намѣренное желанье показать суть, сущность ея: такова воля написавшаго. Ибо – рѣчь идетъ не о бытѣ, но о бытіи...

Что Критъ, что Россія – «темное царство» нищихъ (и духомъ, и всѣмъ чѣмъ только можно быть нищимъ). Акай и нѣк. иные— «лучъ свѣта въ темномъ царствѣ». М. – Солнце: расколотое. – Монтень правъ, говоря, что «отъ недостатка уваженія къ себѣ происходитъ столько же пороковъ, сколь отъ излишняго къ себѣ уваженія». Первое – Россія, второе – Западъ.

Въ эпоху, когда уже столѣтіями свобода есть размѣнная монета въ дольнихъ, слишкомъ дольнихъ западныхъ политическихъ играхъ, въ коихъ хищнически побѣждаетъ самъ Западъ, – Свобода всё же возможна; не только самая она возможна въ человѣческомъ бытіи, но и гимны Свободѣ еще возможны. И тѣмъ, въ чьихъ сердцахъ Свобода свила свое гнѣздо, и тѣмъ, кто поетъ о Свободѣ подлинной, не можетъ быть никакого дѣла до большинства (опричь заслуженнаго и выстраданнаго права наслажденія убожествомъ ихъ и выстраиванія собственнаго бытія – противоположнаго ихъ бытованію).

Вся европейская культура – цвѣтеніе растенія, имя коему – Личность; нынѣ цвѣтокъ усохъ, давши плоды, но истокъ слѣдуетъ искать ранѣе – не въ современности, а въ началѣ современности. – М. былъ первой личностью (пусть и на весьма странный ладъ, антисовременный по преимуществу) – до

того, когда она могла пробудиться из первобытного, почти довременного хаоса, не дававшего расцвѣсть Личности, ибо жестокосердно срѣзаль онъ съ корнемъ самую возможность быть Личностью; если человекъ коллективный, до- и внеличностный, ничего не боится болѣе, чѣмъ Свободы и предпочитаетъ поскорѣе отъ нея избавиться, ввѣривъ себя чему угодно, едва ли не любой чужой волѣ, то М. – если не олицетвореніе Свободы, то законнорожденное ея чадо; именно поэтому М. – сверкъ молніи, пламень, гроза и туча; или – словами Акеро: «М. – звѣзда, рожденная лузурью, просвѣтъ молнійный: въ гущахъ тьмы». Добавимъ: если М. – личность первая, то Михаилъ (или – иначе – Стефанось) изъ «Послѣдняго Кризиса» – послѣдняя. Между М. и Михаиломъ, двумя рубежами человеческого бытія, – тьма тысячелѣтій, и эта тьма и называется исторіей; она и впрямь тьма и морокъ, а они суть свѣтъ. Міръ до того былъ коллективно-обезличеннымъ, и нынѣ – по спирали, сквозь блужданія впотьмахъ по Лабиринту – онъ вернулся туда, откуда исшелъ нѣкогда.

М. – если и не первая попытка индивида вырваться изъ замкнутого круга Мы, безличнаго коллектива, но зато въ полной мѣрѣ удавшаяся; и попытка эта удачна во всѣхъ отношеніяхъ и въ высшей мѣрѣ.

На послѣдокъ приведу избранныя мною цитаты барона де Кюстина, относящіяся какъ будто бы лишь къ Россіи ушедшей:

«Часъ назадъ солнце на моихъ глазахъ опустилось въ мо-

ре на сѣверо-западѣ, оставивъ длинный свѣтящійся слѣдъ, который еще сейчасъ позволяетъ мнѣ писать къ вамъ, не зажигая лампы; всѣ пассажиры спятъ, я сижу на верхней палубѣ и, оторвавъ взоръ отъ письма, замѣчаю на сѣверо-востокѣ первые проблески утренней зари; не успѣло кончиться вчера, какъ уже начинается завтра. Это полярное зрѣлище вознаграждаетъ меня за всѣ тяготы путешествія. Эти проблески свѣта, не становящагося ярче, но и не угасающаго, волнуютъ и изумляютъ меня. Станный сумракъ, за которымъ не слѣдуютъ ни ночь, ни день!.. ибо то, что подразумеваютъ подъ этими словами въ южныхъ широтахъ, здѣшнимъ жителямъ, по правдѣ говоря, невѣдомо. Здѣсь забываешь о колдовствѣ красокъ, о благочестивомъ сумракѣ ночей, здѣсь перестаешь вѣрить въ существованіе тѣхъ счастливыхъ странъ, гдѣ солнце свѣтитъ въ полную силу и творитъ чудеса. Этотъ край – царство не живописи, но рисунка. Здѣсь перестаешь понимать, гдѣ находишься, куда направляешься; свѣтъ проникаетъ повсюду и оттого теряетъ яркость; тамъ, гдѣ тѣни зыбки, свѣтъ блѣденъ; ночи тамъ не черны, но и бѣлый день – сѣрь. Сѣверное солнце – безпрестанно кружащаяся алебастровая лампа, низко подвѣшенная между небомъ и землей. Лампа эта, не гаснущая недѣли и мѣсяцы напролетъ, еле замѣтно распространяетъ свое печальное сіяніе подъ сводомъ блѣдныхъ небесъ; здѣсь нѣтъ ничего яркаго, но всѣ предметы хорошо видны; природа, освѣщенная этими блѣднымъ ровнымъ свѣтомъ, подобна грезамъ сѣдовла-



саго поэта – Оссиана, который, забывъ о любви, вслушивается въ голоса, звучащіе изъ могилъ. Плоскія поверхности, смазанные задніе планы, еле различимыя лініи горизонта, полустертые контуры, смѣшеніе формъ и тоновъ – всё это погружаетъ меня въ сладостныя грезы, очнувшись отъ которыхъ чувствуешь себя въ равной близости и къ жизни и къ смерти. Сама душа пребываетъ здѣсь подвѣшенной между днемъ и ночью, между бодрствованіемъ и сномъ; она чуждается острыхъ наслажденій, ей недостаетъ страстныхъ порывовъ, но она не вѣдаетъ сопутствующихъ имъ тревогъ; она не свободна отъ скуки, но зато не знаетъ тяготъ; и на сердце, и на тѣло нисходитъ въ этомъ краю вѣчный покой, символомъ котораго становится равнодушный свѣтъ, лѣниво объемлющій смертнымъ холодомъ дни и ночи, моря и придавленную грузомъ зимъ, укутанную снѣгомъ землю. Свѣтъ, падающій на этотъ плоскій край, въ высшей степени подходит къ голубымъ, какъ фаянсовыя блюда, глазамъ и неяркимъ чертамъ лица, пепельнымъ кудрямъ и застѣнчиво романическому воображенію сѣверныхъ женщинъ: женщины этѣ безъ усталости мечтаютъ о томъ, что другіе осуществляютъ; именно о нихъ можно сказать, что жизнь – сонъ тѣни.

Приближаясь къ сѣвернымъ областямъ, вы словно взбираетесь на ледяное плато; чѣмъ дальше, тѣмъ это впечатлѣніе дѣлается отчетливѣе; вся земля превращается для васъ въ гору, вы карабкаетесь на самый земной шаръ. Достигнувъ вершины этихъ огромныхъ Альпъ, вы испытываете то, чего не

чувствовали так остро, штурмуя настоящія Альпы: скалы клонятся долу, пропасти исчезаютъ, народы остаются далеко позади, обитаемый міръ простирается у вашихъ ногъ, вы почти достигаете полюса; земля отсюда кажется маленькой, межъ тѣмъ моря вздымаются всё выше, а суша, окружающая васъ еле замѣтной линіей, сплющивается и пропадаетъ въ туманѣ; вы поднимаетесь, поднимаетесь, словно стараетесь добраться до вершины купола; куполь этотъ – міръ, сотворенный Господомъ. Когда съ его вершины вы бросаете взглядъ на затянутыя льдомъ моря, на хрустальныя равнины, вамъ мнится, будто вы попали въ обитель блаженства, гдѣ пребываютъ ангелы, бессмертные стражи немеркнущихъ небесъ. Вотъ что ощущалъ я, приближаясь къ Ботническому заливу, на сѣверномъ берегу котораго расположенъ Торніо.

Финское побережье, считающееся гористымъ, на мой вкусъ, – не что иное, какъ цѣпь еле замѣтныхъ холмовъ; въ этомъ смутномъ краю всё теряется въ туманѣ. Непроницаемое небо отнимаетъ у предметовъ яркіе цвѣта: всё тускнѣетъ, всё мѣняется подъ этимъ перламутровымъ небосводомъ. Вдали черными точками скользятъ корабли; неугасимый, но сумрачный свѣтъ едва отражается отъ муаровой глади водъ, и ему недостаетъ силы позолотить паруса далекаго судна; снасти кораблей, бороздящихъ сѣверныя моря, не блестятъ такъ, какъ въ другихъ широтахъ; ихъ черныя силуэты неясно вырисовываются на фонѣ блеклаго неба, подобнаго полотну для показа китайскихъ тѣней. Стыдно сказать, но сѣвер-

ная природа, какъ бы величественна она ни была, напоминаетъ мнѣ огромный волшебный фонарь, чей свѣтъ тусклъ, а стекла мутны. Я не люблю уничижительныхъ сравненій, но вѣдь главное – стараться любой цѣной выразить свои чувства. Восхищаться легче, чѣмъ хулить, однако, истины ради, слѣдуетъ запечатлѣвать не только восторги, но и досаду. При вступленіи въ этѣ убѣленные снѣгомъ пустыни васъ охватываетъ поэтическій ужасъ; вы въ испугѣ замираете на порогѣ зимняго дворца, гдѣ живетъ время; готовясь проникнуть въ это царство холодныхъ иллюзій и блестящихъ грезъ, не золоченныхъ, но посеребренныхъ, вы исполняетесь неизъяснимой печали: слабѣющая мысль отказывается служить вамъ, и ея бесполезная дѣятельность уподобляется тѣмъ поблескивающимъ размытымъ облакамъ, которыя ослѣпляютъ ваши взоры.

Очнувшись же, вы проникаетесь дотолѣ загадочной для васъ меланхоліей сѣверныхъ народовъ и постигаете, вослѣдъ имъ, очарованіе однообразной сѣверной поэзіи. Это причащеніе къ прелестямъ печали болѣзненно, и всё же оно приноситъ удовольствіе: вы медленно слѣдуете подъ грохотъ буръ за погребальной колесницей, вторя гимнамъ сожалѣнія и надежды; ваша облаченная въ трауръ душа тѣшитъ себя всѣми возможными иллюзіями, проникается сочувствіемъ ко всему, на что падаетъ вашъ взоръ. Воздухъ, туманъ, вода – всё даруетъ новыя впечатлѣнія вашему обонянію и осязанію; чувства ваши подсказываютъ вамъ, что вы вотъ-вотъ достиг-

нете предѣловъ обитаемаго міра; передъ вами простираются ледяныя поля, прилетѣвшій съ полюса вѣтеръ пронизываетъ васъ до мозга костей. Въ этомъ мало пріятнаго – но много новаго и любопытнаго.

<...> У жителей Сѣвера невѣрныя сердца и обманчивыя чувства; привязанности ихъ зыбки, словно блѣдныя лучи ихъ солнца; не дорожащіе ничѣмъ и никѣмъ, безъ сожалѣнія покидающіе родную землю, созданные для набѣговъ, народы эти призваны лишь къ тому, чтобы по волѣ Господней время отъ времени покидать полюсь и охлаждать народы Юга, палимые огнемъ свѣтилъ и жаромъ страстей.

<...> Мнѣ любопытно увидѣть Россію, меня восхищаетъ духъ порядка, необходимый, по всей вѣроятности, для управленія этой обширной державой, но всё это не мѣшаетъ мнѣ выносить безпристрастныя сужденія о политикѣ ея правительства. Пусть даже Россія не пойдетъ дальше дипломатическихъ притязаній и не отважится на военныя дѣйствія, всё равно ея владычество представляется мнѣ одной изъ опаснѣйшихъ вещей въ мірѣ. Никто не понимаетъ той роли, какая суждена этому государству среди европейскихъ странъ: въ согласіи со своимъ устройствомъ оно будетълицетворять порядокъ, но въ согласіи съ характеромъ своихъ подданныхъ подъ предлогомъ борьбы съ анархіей начнетъ насаждать тиранію, какъ если бы произволь былъ способенъ излѣчить хоть одинъ соціальныи недугъ! Этой націи недостаетъ нравственнаго чувства; со своимъ воинскимъ ду-

хомъ и воспоминаніями о нашествіяхъ она готова вести, какъ прежде, завоевательныя войны – самыя жестокія изъ всѣхъ, – межъ тѣмъ какъ Франція и другія западныя страны будутъ отнынѣ ограничиваться войнами пропагандистскими.

<...> Умъ этого народа-подражателя питается чужими открытіями.

<...> Покуда Европа переводила духъ послѣ многовѣковыхъ сраженій за Гробъ Господень, русскіе платили дань мусульманамъ, возглавляемымъ Узбекомъ, продолжая, однако, какъ и прежде, заимствовать искусства, нравы, науки, религію, политику съ ея коварствомъ и обманами и отвращеніе къ латинскимъ крестоносцамъ у греческой имперіи. Примите въ расчетъ эти религіозныя, гражданскія и политическія обстоятельства, и вы не удивитесь ни тому, что слово русскаго человѣка крайне ненадежно (напомню, это говоритъ русскій князь), ни тому, что духъ хитрости, наслѣдіе лживой византійской культуры, царитъ среди русскихъ и даже опредѣляетъ собою всю общественную жизнь имперіи царей, удачливыхъ преемниковъ Батыевой гвардіи. Абсолютный деспотизмъ, какой господствуетъ у насъ, установился въ Россіи въ ту самую пору, когда во всей Европѣ рабство было уничтожено. Послѣ нашествія монголовъ славяне, до того одинъ изъ свободнѣйшихъ народовъ міра, попали въ рабство сначала къ завоевателямъ, а затѣмъ къ своимъ собственнымъ князьямъ. Тогда рабство сдѣлалось не только реальностью, но и осно-

вополагающимъ закономъ общества. Оно извратило челоуѣ-  
ческое слово до такой степени, что русскіе стали видѣть въ  
нѣмъ всего лишь уловку; правительство наше живетъ обма-  
номъ, ибо правда страшитъ тирана не меньше, чѣмъ раба.  
Поэтому, какъ ни мало говорятъ русскіе, они всегда говорятъ  
больше, чѣмъ требуется, ибо въ Россіи всякая рѣчь есть вы-  
раженіе религіознаго или политическаго лицемѣрія.

Автократія, являющаяся не чѣмъ инымъ, какъ идолопо-  
клоннической демократіей, уравниваетъ всѣхъ точно такъ  
же, какъ это дѣлаетъ демократія абсолютная. Наши само-  
держцы нѣкогда на собственномъ опытѣ узнали, что такое  
тиранія. Русскіе великіе князья были вынуждены душиить по-  
борами свой народъ ради того, чтобы платить дань татарамъ;  
нерѣдко по прихоти хана ихъ самихъ увозили, точно рабовъ,  
въ глубины Азіи, въ орду, и царствовали они лишь до тѣхъ  
поръ, пока непрекословно повиновались всѣмъ приказамъ,  
при первомъ же неповиновеніи лишались трона; такъ раб-  
ство учило ихъ деспотизму, а они, сами подвергаясь насилію,  
въ свой чередъ приучали къ нему народы; такъ съ теченіемъ  
времени князья и нація развратили другъ друга. Замѣьте,  
однако, что на Западѣ въ это время короли и ихъ знатнѣй-  
шіе вассалы соревновались въ великодушіи, даруя народамъ  
свободу. Сегодня поляки находятся по отношенію къ русски-  
мъ въ точно такомъ же положеніи, въ какомъ находились тѣ  
по отношенію къ монголамъ при наслѣдникахъ Батыѣ. Осво-  
божденіе отъ ига далеко не всегда способствуетъ смягченію

правовъ. Иногда князья и народы, подобно простымъ смертнымъ, вымещаютъ зло на невинныхъ жертвахъ; они мнятъ, что ихъ сила – въ чужихъ мученіяхъ.

<...> Мало того, что русскій деспотизмъ ни во что не ставитъ ни идеи, ни чувства, онъ еще и перекраиваетъ факты, борется противъ очевидности и побѣждаетъ въ этой борьбѣ!!! Въдъ ни очевидность, ни справедливость, если онѣ неудобны власти имущимъ, не находятъ у насъ защитниковъ <...> Народъ и даже знать, вынужденные присутствовать при этомъ надругательствѣ надъ истиной, смиряются съ позорнымъ зрѣлищемъ, потому что ложь деспота, какъ бы груба она ни была, всегда льститъ рабу. Русскіе, безропотно сносящіе столько тяготъ, не снесли бы тираніи, не принимай тиранъ смиренный видъ и не притворяйся онъ, что полагаетъ, будто они повинуются ему по доброй волѣ. Человѣческое достоинство, попираемое абсолютной монархіей, хватается, какъ за соломинку, за любую мелочь: родъ людской согласень терпѣть презрѣніе и глумленіе, но не согласень, чтобы ему четко и ясно давали понять, что его презираютъ и надъ нимъ глумятся. Оскорбляемые дѣйствіемъ, люди укрываются за словами. Ложь такъ унизительна, что жертва, заставившая тирана лицемѣрить, чувствуетъ себя отмщенной. Это – жалкая, послѣдняя иллюзія несчастныхъ, которую, однако, не слѣдуетъ у нихъ отнимать, чтобы рабъ не палъ еще ниже, а деспоть не сталъ еще безумнѣ!..

Въ древности на Руси существовалъ обычай, согласно

которому въ торжественныхъ процессіяхъ рядомъ съ московскимъ патріархомъ шли два самыхъ знатныхъ боярина. Царь-первосвященникъ рѣшилъ, что во время брачной церемоніи по одну руку отъ него встанетъ родовитый бояринъ, а по другую – новоиспеченный царскій шуринъ: вѣдь въ Россіи могущество самодержавной власти такъ велико, что она не только производитъ людей въ дворянское званіе, но и надѣляетъ ихъ родственниками, о которыхъ они прежде даже не слыхали; семьи для нея – всё равно что деревья для садовника, который обрѣзаетъ и обрываетъ вѣтки, а также прививаетъ къ одному растенію другое. Передъ нашимъ деспотизмомъ безсильна сама природа; Императоръ – не просто намѣстникъ Господа, онъ самъ – творецъ, причемъ творецъ, Господа превзошедшій: вѣдь Господу подвластно только будущее, императоръ же способенъ измѣнять прошедшее! Законы обратной силы не имѣютъ; не то – капризы деспота <...> Въ исторіи, которую вы только что прочли, аристократъ возстаетъ противъ деспотической власти и принуждаетъ её къ смиренію. Этотъ случай, наряду со многими другими, позволяетъ мнѣ утверждать, что аристократія – полная противоположность деспотизму одного человѣка, автократіи, или самодержавію; духъ, которымъ проникнута аристократія, – гордость; это отличаетъ ея и отъ демократіи, чья страсть – зависть <...> Мнѣ кажется, что они согласились бы стать еще болѣе злыми и дикими, чѣмъ они есть, лишь бы ихъ считали болѣе добрыми и цивилизованными. Я не люб-



лю людей, такъ мало дорожащихъ истиной.

<...> Подплывать къ Петербургу съ восхищеніемъ можетъ лишь тотъ, кто не подплывалъ по Темзѣ къ Лондону: тамъ царить жизнь, здѣсь – смерть. Англичане, дѣлающіеся по-этами, когда рѣчь заходитъ о морѣ, называютъ свои военныя суда полководцами. Русскимъ никогда не придетъ на мысль назвать такъ свои парадныя корабли. Нѣмые рабы капризнаго хозяина, деревянные угодники, эти несчастныя суда – не полководцы, а царедворцы, точное подобіе евнуховъ изъ сераля, инвалиды имперскаго флота. <...> Національная гордость, на мой взглядъ, приличествуетъ лишь народамъ свободнымъ. Когда я вижу людей, надменныхъ изъ подобострастія, причина внушаетъ мнѣ ненависть къ слѣдствию; въ основѣ всего этого тщеславія – страхъ, говорю я себѣ; въ основѣ всего этого величія – ловко скрытая низость. <...> Если въ странахъ, гдѣ техника ушла далеко впередъ, люди умѣютъ вдохнуть душу въ дерево и металлъ, то въ странахъ деспотическихъ они сами превращаются въ деревяшки; я не въ силахъ понять, на что имъ разсудокъ, при мысли же о томъ давленіи, которому пришлось подвергнуть существа, надѣленные разумомъ, дабы превратить ихъ въ неодушевленные предметы, мнѣ становится не по себѣ <...> Древніе люди поклонялись солнцу; русскіе поклоняются солнечному затменію: развѣ могли они научиться смотрѣть на міръ открытыми глазами? <...> Обо всѣхъ русскихъ, какое бы положеніе они ни занимали, можно сказать, что они упиваются

своимъ рабствомъ <...> Выраженіе глазъ у русскихъ простолюдиновъ особенное: это – плутовской взглядъ азіатовъ, при встрѣчѣ съ которыми начинаешь думать, что ты не въ Россіи, а въ Персіи <...> повсюду царилъ унылый порядокъ казармы или военного лагеря; обстановка напоминала армейскую, съ той лишь разницей, что здѣсь не было замѣтно воодушевленія, не было замѣтно жизни. Въ Россіи всё подчинено военной дисциплинѣ <...> Здѣсь дѣйствуютъ и дышатъ лишь съ разрѣшенія императора или по его приказу, поэтому всё здѣсь мрачны и скованны; молчаніе править жизнью и парализуетъ её. Офицеры, кучера, казаки, крѣпостные, царедворцы, всё эти слуги одного господина, отличающіеся другъ отъ друга лишь званіями, слѣпо исполняютъ невѣдомый имъ замысль; такая жизнь – верхъ дисциплины и упорядоченности, но меня она ничуть не прельщаетъ, ибо порядокъ этотъ достигается лишь цѣною полного отказа отъ независимости. Я словно воочию вижу, какъ надъ этой частью земного шара реетъ тѣнь смерти. Этотъ народъ, лишенный досуга и собственной воли, – не что иное, какъ скопище тѣлъ безъ душъ; невозможно безъ трепета думать о томъ, что на столь огромное число рукъ и ногъ приходится одна-единственная голова. Деспотизмъ – смѣсь нетерпѣнія и лѣни; будь правительство чуть болѣе кротко, а народъ чуть болѣе дѣятеленъ, можно было бы достичь тѣхъ же результатовъ менѣе дорогой цѣной, но что случилось бы тогда съ тираніей?.. люди увидѣли бы, что она бесполезна. Тиранія – мнимая болѣзнь народо-

въ; тирань, переодѣтый врачомъ, внушаетъ имъ, что цивилизованный человѣкъ никогда не бываетъ здоровъ и что чѣмъ сильнѣе грозящая ему опасность, тѣмъ рѣшительнѣе слѣдуетъ приняться за лѣченіе: такъ подъ предлогомъ борьбы со зломъ тирань лишь усугубляетъ его. Общественный порядокъ въ Россіи стоитъ слишкомъ дорого, чтобы снискать мое восхищеніе. Если же вы упрекнете меня въ томъ, что я путаю деспотизмъ и тиранію, я отвѣчу, что поступаю такъ нарочно. Деспотизмъ и тиранія – столь близкіе родственники, что почти никогда не упускаютъ возможности заключить на горе людямъ тайный союзъ. При деспотическомъ правленіи тирань остается у власти долгіе годы, ибо носить маску.

<...> Можете ли вы вообразить себѣ борьбу честолюбій, соперничество и прочія страсти военнаго времени въ странѣ, не ведущей никакихъ военныхъ дѣйствій? Представьте себѣ это отсутствіе всего, что составляетъ основу общественнаго и семейственнаго счастья, представьте, что повсюду вмѣсто родственныхъ привязанностей вы встрѣчаете порывы честолюбія – пылкіе, но тщательно скрываемые, ибо преуспѣть можно, лишь если не обнажать этой страсти; представьте, наконецъ, почти полную побѣду воли человѣка надъ волей Господа – и вы поймете, что такое Россія.

Россійская имперія – это лагерная дисциплина вмѣсто государственнаго устройства, это осадное положеніе, возведенное въ рангъ нормальнаго состоянія общества.

<...> Сколько безстрастныхъ трагедій разыгралось въ

этой странѣ, гдѣ честолюбіе и даже ненависть тщательно скрываются подѣ маской спокойствія!! Жители юга исполнены страстей, и эта страстность до какой-то степени примиряетъ меня съ ихъ жестокостью; однако расчетливая сдержанность и хладнокровіе жителей сѣвера набрасываютъ на преступленіе покровъ лицемѣрія: снѣгъ – маска; въ здѣшнихъ краяхъ человекъ кажется добрымъ, потому что онъ равнодушенъ, однако люди, убивающіе безъ ненависти, внушаютъ мнѣ гораздо большее отвращеніе, чѣмъ тѣ, чья цѣль – месть. Развѣ культъ отмщенія не болѣе естествененъ, чѣмъ предательство изъ корысти? Чѣмъ менѣе преднамѣренъ злой поступокъ, тѣмъ меньше онъ меня ужасаетъ <...> Здѣсь очень легко обмануться видимостью цивилизаціи. Находясь при дворѣ, вы можете почитать себя попавшимъ въ страну, развитую въ культурномъ, экономическомъ и политическомъ отношеніи, но, вспомнивъ о взаимоотношеніяхъ различныхъ сословій въ этой странѣ, увидѣвъ, до какой степени эти сословія немногочисленны, наконецъ, внимательно присмотрѣвшись къ нравамъ и поступкамъ, вы замѣчаете самое настоящее варварство, едва прикрытое возмутительной пышностью.

Я не упрекаю русскихъ въ томъ, что они таковы, каковы они есть, я осуждаю въ нихъ притязанія казаться такими же, какъ мы. Пока они еще необразованны – но это состояніе по крайней мѣрѣ позволяетъ надѣяться на лучшее; хуже другое: они постоянно снѣдаемы желаніемъ подражать другимъ

націямъ, и подражаютъ они точно какъ обезьяны, оглупляя предметъ подражанія. Видя всё это, я говорю: эти люди научились жить какъ дикари, но не научились жить какъ существа цивилизованныя, и вспоминаю страшную фразу Вольтера или Дидро, забытую французами: «Русскіе сгнили, не успѣвъ созрѣть».

<...> Чѣмъ больше я узнаю Россію, тѣмъ больше понимаю, отчего императоръ запрещаетъ русскимъ путешествовать и затрудняетъ иностранцамъ доступъ въ Россію. Россійскіе политическіе порядки не выдержали бы и двадцати лѣтъ свободныхъ сношеній между Россіей и Западной Европой. Не вѣрьте хвастливымъ рѣчамъ русскихъ; они принимаютъ богатство за элегантность, роскошь – за свѣтскость, страхъ и благочиніе – за основанія общества. По ихъ понятіямъ, быть цивилизованнымъ – значитъ быть покорнымъ; они забываютъ, что дикари иной разъ отличаются кротостью нрава, а солдаты – жестокостью; несмотря на всё ихъ старанія казаться прекрасно воспитанными, несмотря на получаемое ими поверхностное образованіе и ихъ раннюю и глубокую развращенность, несмотря на ихъ превосходную практическую смѣтку, русскіе еще не могутъ считаться людьми цивилизованными. Это татары въ военномъ строю – и не болѣе. Ихъ цивилизація – одна видимость; на дѣлѣ же они безнадежно отстали отъ насъ и, когда представится случай, жестоко отомстятъ намъ за наше превосходство.

<...> Какъ ни старайся, а Московія всегда останется стра-

ной болѣе азіатской, нежели европейской. Надъ Россіей парить духъ Востока, а пускаясь по слѣдамъ Запада, она отрывается отъ самой себя.

<...> Францію и Россію раздѣляетъ китайская стѣна – славянскій характеръ и языкъ. На что бы ни притязали русскіе послѣ Петра Великаго, за Вислой начинается Сибирь.

<...> въ Россіи повсюду, гдѣ есть люди покорствующіе и люди повелѣвающіе, незримо присутствуютъ образы императора и его двора. Въ другихъ краяхъ бѣдный человѣкъ – либо нищій, либо разбойникъ; въ Россіи онъ – царедворецъ, ибо здѣсь низкопоклонники-царедворцы имѣются во всѣхъ сословіяхъ; вотъ отчего я говорю, что вся Россія – это дворъ императора и что между чувствами русскихъ помѣщиковъ и чувствами европейскихъ дворянъ стараго времени существуетъ та же разница, что и между низкопоклонствомъ и аристократизмомъ, между тщеславіемъ и гордостью! одно убиваетъ другое; впрочемъ, настоящая гордость повсюду такая же рѣдкость, какъ и добродѣтель. вмѣсто того, чтобы проклинать низкопоклонниковъ, какъ дѣлали Бомарше и многіе другіе, слѣдуетъ пожалѣть этихъ людей, которые, что ни говори, тоже люди. Бѣдные низкопоклонники!.. они вовсе не чудовища, сошедшія со страницъ современныхъ романовъ и комедій либо революціонныхъ газетъ; они просто-напросто слабыя, развращенныя и развращающія существа; они не лучше, но и не хуже другихъ, однако подвергаются большимъ искушеніямъ. Скука – язва богачей; однако

она – не преступленіе; тщеславіе и корысть – пороки, для которыхъ дворъ служить благодатной почвой, – сокращаютъ жизнь прежде всего самимъ придворнымъ.

<...> Великихъ результатовъ нельзя достигъ, не пойдя на великія жертвы; единоначаліе, могущество, власть, военная мощъ – здѣсь всё это покупается цѣною свободы, а Франція купила политическую свободу и промышленныя богатства цѣною древняго рыцарскаго духа и старинной тонкости чувствъ, именовавшейся нѣкогда національной гордостью.

<...> Я замѣчаю, что веду здѣсь такія рѣчи, какія въ Парижѣ ведутъ радикалы; въ Россіи я сталъ демократомъ, но это не помѣшаетъ мнѣ оставаться во Франціи убѣжденнымъ аристократомъ; всё дѣло въ томъ, что крестьянинъ, живущій въ окрестностяхъ Парижа, или нашъ мелкій буржуа куда болѣе свободны, чѣмъ помѣщикъ въ Россіи.

<...> Въ Россіи есть только одинъ свободный человѣкъ – взбунтовавшійся солдатъ.

<...> въ Россіи нѣтъ знати, ибо нѣтъ независимыхъ характеровъ; число избранныхъ душъ, составляющихъ исключеніе, слишкомъ мало, чтобы высшій свѣтъ слѣдовалъ ихъ побужденіямъ; человѣка дѣлаетъ независимымъ не столько богатство или хитростью достигнутое положеніе, сколько гордость, какую внушаетъ высокое происхожденіе; а безъ независимости нѣтъ и знати.

<...> Нужно пріѣхать въ Россію, чтобы воочию увидѣть результатъ этого ужасающаго соединенія европейскаго ума

и науки съ духомъ Азіи; я нахожу союзъ этотъ тѣмъ болѣе страшнымъ, что продлиться онъ можетъ еще долго, ибо страсти, которыя въ иныхъ странахъ губятъ людей, заставляя ихъ слишкомъ много болтать, – честолюбіе и страхъ, здѣсь порождаютъ молчаніе. Изъ насильственного молчанія этого возникаетъ невольное спокойствіе, внѣшній порядокъ, болѣе прочный и жуткій, чѣмъ любая анархія, ибо, повторяю, недугъ, имъ вызванный, кажется вѣчнымъ.

<...> наемныя лошади и убогіе возницы будятъ во мнѣ состраданіе – настолько тяжка ихъ жизнь: съ утра до вечера остаются они на улицѣ, у воротъ своего нанимателя, либо на отведенныхъ полиціей мѣстахъ. Лошадей не распрягаютъ, и кучера всегда сидятъ на облучкѣ, тамъ же и ѣдятъ, не отлучаясь ни на минуту. Бѣдныя лошади!.. людей мнѣ жаль меньше – русскій находитъ вкусъ въ рабствѣ.

<...> Надо побывать здѣсь, чтобы узнать, какіе размѣры можетъ принимать презрѣніе богатаго человѣка къ жизни бѣдняка, и понять, насколько малую цѣнность вообще имѣетъ жизнь въ глазахъ человѣка, обреченнаго жить при абсолютизмѣ.

<...> Въ Россіи вамъ не позволяютъ прожить, не жертвуя всѣмъ ради любви къ земному отечеству, освященной вѣрой въ отечество небесное.

<...> русскій народъ лукавъ, словно рабъ, что утѣшается, посмѣиваясь про себя надъ своимъ ярмомъ; онъ суевѣренъ, хвастливъ, отваженъ и лѣнивъ, словно солдатъ; онъ поэти-



чень, музыкалень и разсудителень, словно пастухъ, — ибо обычаи кочевыхъ расъ еще долго будутъ господствовать межъ славянъ.

<...> Вообразите себѣ сноровку нашихъ испытанныхъ вѣками правительствъ, поставленную на службу еще молодому, хищному обществу; западныя правила управленія со всѣмъ ихъ современнымъ опытомъ, оказывающія помощь восточному деспотизму; европейскую дисциплину, поддерживающую азіатскую тиранію; внѣшнюю цивилизованность, направленную на то, чтобы тщательно скрыть варварство и тѣмъ продлить его, вмѣсто того чтобы искоренить; незаконенную грубость и жестокость; тактику европейскихъ армій, служащую къ укрѣпленію политики восточнаго двора; — представьте себѣ полудикій народъ, который построили въ полки, не давъ ни образованія, ни воспитанія, и вы поймете, каково моральное и общественное состояніе русскаго народа.

<...> Подъ всякой оболочкой пріоткрывается мнѣ лицемерное насиліе, худшее, чѣмъ тиранія Батыѣ, отъ которой современная Россія ушла совсѣмъ не такъ далеко, какъ намъ хотятъ представить. Повсюду я слышу языкъ философіи и повсюду вижу никуда не исчезнувшій гнетъ. Мнѣ говорятъ: «Намъ бы очень хотѣлось обойтись безъ произвола, тогда мы были бы богаче и сильнѣй; но вѣдь мы имѣемъ дѣло съ азіатскими народами». А про себя въ то же время думаютъ: «Намъ бы очень хотѣлось избавиться себя отъ разговоровъ про ли-

берализмъ и филантропію, мы были бы счастливыѣ и сильныѣ; но въдѣ намѣ приходится общаться съ европейскими правительствами».

<...> сама нація доселѣ – всего лишь афишка, наклейка для Европы, обманутой неосторожной дипломатической выдумкой. Я не нашелъ здѣсь подлинной жизни ни въ комѣ, кромѣ императора, и естественности нигдѣ, кромѣ какъ при дворѣ.

<...> Человѣку здѣсь невѣдомы ни подлинныя общественныя утѣхи просвѣщенныхъ умовъ, ни безраздѣльная и грубая свобода дикаря, ни независимость въ поступкахъ, свойственная полудикарю, варвару; я не вижу иного вознагражденія за несчастье родиться при подобномъ режимѣ, кромѣ мечтательной гордыни и надежды господствовать надъ другими: всякій разъ, какъ мнѣ хочется постигнуть нравственную жизнь людей, обитающихъ въ Россіи, я снова и снова возвращаюсь къ этой страсти. Русскій человѣкъ думаетъ и живетъ, какъ солдатъ!.. Какъ солдатъ-завоеватель.

Настоящій солдатъ, въ какой бы странѣ онъ ни жилъ, никогда не бываетъ гражданиномъ, а здѣсь онъ гражданинъ меньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, – онъ заключенный, что приговоренъ пожизненно сторожить другихъ заключенныхъ.

<...> Насмѣшка – это безсильное утѣшеніе угнетенныхъ; здѣсь въ ней заключено удовольствіе крестьянина, точно такъ же какъ въ сарказмѣ заключено изящество знатнаго человѣка; иронія и подражательство – вотъ единственные при-

родные таланты, какіе обнаружилъ я въ русскихъ.

<...> Въ этой странѣ признать тиранію уже было бы прогрессомъ.

<...> Тамъ, гдѣ недостаетъ свободы, нѣтъ и истиннаго величія: въ Россіи есть люди титулованные, но нѣтъ людей благороднорожденныхъ».

<...> Кто скажетъ мнѣ, до чего можетъ дойти общество, въ основаніи котораго не заложено человѣческое достоинство? Я не устаю повторять: чтобы вывести здѣшній народъ изъ ничтожества, требуется всё уничтожить и пересоздать заново.

<...> Когда бы въ царствованіе російскаго императора случился всемірный потопъ, то и тогда обсуждать сію катастрофу сочли бы неудобнымъ. Единственная изъ умственныхъ способностей, какая здѣсь въ чести, – это тактъ. Вообразите: цѣлая нація сгибается подъ бременемъ сей салонной добродѣтели! Представьте себѣ народъ, который вѣсь сдѣлался осторожень, будто начинающій дипломатъ, – и вы поймете, во что превращается въ Россіи удовольствіе отъ бесѣды. Если придворный духъ намъ въ тягость даже и при дворѣ – насколько же мертвяще дѣйствуетъ онъ, проникнувъ въ тайники нашей души! Россія – нація нѣмыхъ; какой-то чародѣй превратилъ шестьдесятъ милліоновъ человѣкъ въ механическихъ куколъ, и теперь для того, чтобы воскреснуть и снова начать жить, онѣ ожидаютъ мановенія волшебной палочки другого чародѣя. Страна эта производитъ на меня впечатлѣніе дворца Спящей красавицы: всё здѣсь блистаетъ

позолотой и великолѣпіемъ, здѣсь есть всё... кромѣ свободы, то есть жизни.

<...> Здѣсь уважають кастовое достоинство, но до сихъ поръ никто не подумаль ввести ни въ законодательство, ни даже въ обычай достоинство человѣческое.

<...> Русскіе же придворные, подобно святошамъ, не знающимъ ничего, кромѣ Бога, похваляются нищетою духа: они ничѣмъ не гнушаются и въ открытую занимаются своимъ ремесломъ. Въ этой странѣ льстець играетъ, выложивъ карты на столъ, и, что самое удивительное, используя всѣмъ извѣстные приемы, умудряется еще и выигрывать!

<...> Русскіе – хорошіе солдаты, но скверные моряки; они, какъ правило, болѣе покорны, чѣмъ изобрѣтательны, болѣе склонны къ религіи, чѣмъ къ философіи, въ нихъ больше послушанія, нежели воли, и мысли ихъ недостаетъ энергіи, какъ душѣ ихъ – свободы.

<...> Я съ самаго начала примѣтилъ, что всякій русскій простолюдинъ, отъ природы подозрительный, ненавидитъ чужестранцевъ по невѣжеству своему, вслѣдствіе національнаго предрасудка; затѣмъ я обнаружилъ, что всякій русскій изъ высшаго сословія, не менѣе подозрительный, боится ихъ, потому что почитаетъ за враговъ; онъ заявляетъ: «Всѣ эти французы и англичане увѣрены, будто превосходятъ остальные народы», – русскому для ненависти къ иностранцу достаточно одной этой причины; подобнымъ образомъ во Франціи провинціаль опасается парижанина. Боль-

шинствомъ русскихъ въ ихъ отношеніяхъ съ жителями другихъ странъ движуть дикая ревность и ребяческая зависть, которыя, однако, ничѣмъ нельзя обезоружить.

<...> Повсюду тотъ же вкусъ ко всему, что бьетъ въ глаза! Съ крестьяниномъ господинъ его обращается такъ же, какъ и съ самимъ собой; и тѣ и другіе полагають, что украсить дорогу естественнѣе и пріятнѣе, чѣмъ убрать свой домъ изнутри; всѣ здѣсь живутъ тѣмъ, что внушаютъ другимъ восхищеніе, а быть можетъ, зависть. Но гдѣ же удовольствіе, настоящее удовольствіе? сами русскіе, если бы задать имъ этотъ вопросъ, пришли бы въ большое замѣшательство.

<...> вся страна здѣсь – та же тюрьма, и тюрьма тѣмъ болѣе страшная, что размѣры ея гораздо больше и достигнуть ея границъ и пересѣчь ихъ гораздо труднѣе.

<...> въ отношеніяхъ русскихъ съ иностранцами царить духъ испытующій, духъ сарказма и критики; они ненавидять насъ – какъ всякій подражатель ненавидитъ образецъ, которому слѣдуетъ; пытливымъ взоромъ они ищутъ у насъ недостатки, горя желаніемъ ихъ найти.

<...> Во всѣхъ вещахъ они ищутъ лишь одного: извѣстнаго внѣшняго изящества, кажущейся роскоши, показнаго богатства и величія.

И, наконецъ: «Всѣ люди равны передъ Богомъ, но для русскаго человѣка Богъ – это его повелитель; сей высшій повелитель вознесся столь высоко надъ землей, что не замѣчаетъ дистанціи между рабомъ и господиномъ; съ тѣхъ верш-

инь, гдѣ обрѣтается его величіе, ничтожные оттѣнки, какими различаются представители рода человѣческаго, ускользаютъ отъ божественныхъ взоровъ. Такъ неровности, какими вздыблена поверхность земного шара, изгладились бы въ глазахъ обитателя солнца».

И еще: «Если сегодня Россія – одно изъ любопытнѣйшихъ государствъ въ мірѣ, то причина тому въ соединеніи крайняго варварства, усугубляемаго порабощеннымъ состояніемъ Церкви, и утонченной цивилизованности, заимствованной эклектическимъ правительствомъ у чужеземныхъ державъ».

Кюстинъ, пиша о придворныхъ николаевского времени, отмѣчалъ: «смѣсь надменности съ низостью», относя это къ свойствамъ характера челяди, но насколько можно судить, что сказанное относится не только къ придворнымъ Николая I или иныхъ эпохъ (словомъ, къ тому или инымъ узко-историческому), но и вообще къ подавляющей части русскаго какъ таковаго<sup>57</sup>.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ лучшихъ русскихъ людяхъ всегда были, есть и будутъ иныя качества и потенціи, уже разъ и навсегда отцвѣтшія на заасфальтированномъ американизированномъ пластмассовомъ Западѣ, на которыя еще должно возлагать надежды. – Магма, живой истокъ и сѣмена новыхъ идей, какъ и средства для воздѣлыванія идей прошлаго, ихъ дальнѣйшаго развитія, – всё это еще есть въ лучшихъ русскихъ

---

<sup>57</sup> А. де Кюстинъ. *Россія въ 1839 году*.

людяхъ. Вспоминаются слова Чаадаева: «...у меня есть глубокое убѣжденіе, что мы призваны... завершить большую часть идей, возникшихъ въ старыхъ обществахъ, отвѣтить на важнѣйшіе вопросы, которые занимаютъ человѣчество. Я часто говорилъ и охотно повторяю: мы, такъ сказать, самой природой вещей предназначены быть настоящимъ совѣстнымъ судомъ по многимъ тяжбамъ, которыя ведутся передъ великими трибуналами человѣческаго духа и человѣческаго общества». Подобнаго рода мыслей много и у Бердяева, но относятся онѣ къ Россіи досовѣтской и въ небольшой мѣрѣ лишь могутъ быть примѣнимы къ Россіи нынѣшней. Закончимъ этими словами Бибихина: «Россия мысли, слова и жертвенного поступка уже состоялась в ее поэзии и вере, в предельном напряжении на краю бездны, под угрозой казни и смерти, и со своего места в истории не сойдет. Страна впа- ла в несчастный софизм, будто по правде жить нельзя и жи- ви как живется. Но что наказание будет, уже есть и надо его терпеть, в той же стране никто не сомневается. В этой уве- ренности наше величие. Русский пока еще не биологическая или этнографическая единица. Русский тот, кто проснулся для ноши мира, для груза правды, долга и памяти» (В. В. Бибихинъ. Другое начало).

\* \* \*

*«Дѣва, онъ не цѣнилъ ни одно существо пола*

женскаго и изрекалъ: «Мужъ зачинается небеснымъ, а дѣва – земнымъ; небеса и горнее пламенютъ въ жилахъ мужа, ибо горнее – отецъ его; дѣва исполнена мірскаго, и долнее есть тлѣнный ея родитель». Сказывалъ онъ также, что всѣ дѣвы міра не стоятъ и капли славной его крови. И помимо сего глаголалъ: "Я самъ себѣ старецъ и младенецъ, мужъ и жена, огонь и ледъ, добро и зло, свѣтъ и тѣма, святой и грѣшникъ, Богъ и сатана"; такожде изрекалъ: «Большаго насмѣшника, нежелъ я, надъ Любовію Эротъ не зрѣлъ никогда».

Ибо поистинѣ: герой и дѣва – полюса два, извѣчно враждующихъ. Отъ дѣвъ всѣ бѣды. На пагубу героямъ созданы онѣ, для обузданія героя ихъ силы вышнія родили: сперва Пандора лживая, Немесиды затѣмъ, Мести богини, Елена-дѣва, изъ-за красы коей кровь лилася героевъ великихъ и падали царства во прахъ; се лишь извѣстныя наиболье.

Дѣва всегда змѣя, змѣя же рождена отъ земли и тѣсно съ нею связана. Дѣва – актриса; болье того: самая сущность дѣвы – и та – актриса. Дѣва – словно Ехидна, Гибелью чреватая: и та, и та заманиваетъ мужа въ страшныя свои стѣти, но не токмо мужъ желаетъ дѣву, но и дѣва мужа, ибо чада Прометея разсѣчены молніей Кронида навѣки пополамъ; съ тѣхъ поръ половинки стремятся другъ къ другу силою то Любви, то Похоти.

И матриархатъ нынѣ расправилъ крылія и царствуетъ, яко древле.



*Краса, быть можетъ, способна горы двигать, какъ и Воля святая, она – сила, но, неполноцѣнная, должна она быть направлена въ русло достодолжное, а сего не происходило во времена послѣднія, егда всё мѣстами потѣнялося: не Краса къ Духу склонялася въ женственномъ своемъ смиреніи, ей приличномъ и способномъ, но Духъ къ Красѣ жертвенно склонялся.*

*И изреку я словеса, Истины исполненныя: въ томъ, въ томъ изъ причинъ одна, что рушится міръ и въ Тартаръ низвергается»*

*М.Раузеръ. Послѣдній Кризисъ*

*За критской Реей пришла Деметра, греческая Mater dolorosa; за Деметрой – Дѣва-Богоматерь В.Дюрантъ*

Критъ поражаетъ явно-явленнымъ и бурно-расцвѣтшимъ своимъ матриархатомъ, выдавающимъ себя поверхъ обычаевъ, нравовъ, приличій и пр. также и въ темѣ Великой Матери и консорта ея: она – левъ, львица, вообще хищникъ, а консортъ – умирающій и воскресающій – быкъ: быкъ терзаемый. Миноискій матриархатъ, безконечно далекій отъ духа, въ основѣ своей и въ своей же сущности имѣетъ фундаментъ критскую религію.

Критская религія въ поэмѣ выступаетъ какъ неподлинная (какъ почти любая иная). Она – господство женскаго, не дѣвѣй, но именно женскій логосъ, логосъ Реи-Кибелы, логосъ Великой Матери, свирѣпой и необузданной, всецарящей и не имѣющей равновеликаго ей супруга, не нуждающейся въ нѣ-

мь, рождающей безсеменно, изъ себя самой. Подобно Ариману Великая Матерь – сердце плоти, олицетвореніе всего хтоническаго. Критская религія въ этомъ не уникальна, являясь частью древнихъ восточныхъ религій, общимъ для которыхъ выступаетъ: политеизмъ, культъ плодородія, Великая Матерь, супруга верховнаго бога (Зевса – родившагося на Критѣ – у грековъ, Баала ханаанеянъ, неизвѣстнаго именемъ минойскаго верховнаго бога), то погибающаго, то воскресающаго и въ миги совокупленій предстающаго быкомъ. Минойскій Минотавръ также есть типически восточное антропоморфное хтоническое существо (такъ, угаритскіе тексты повѣствуютъ о ханаанейскомъ полубыкѣ-получеловѣкѣ). Однако толикое господство матриархата въ социальныхъ отношеніяхъ, въ общественной жизни и культурѣ въ уже историческое время есть всё же уникальная минойская черта: хотя Всеобщая Матерь какъ почитаемая богиня дожила и до временъ эллинизма, ея всецѣлое верховенство относится ко временамъ неизмѣримо болѣе сѣдымъ – къ палеолиту, откуда родомъ древнѣйшія антропоморфныя статуэткі: «палеолитическія Венеры».

«Если оправдано предположеніе, что все эти мифы имеютъ между собой глубинную смысловую связь, являясь какъ бы разрозненными частями одного большаго «романа», то вполне логичнымъ было бы и заключеніе, что и Зевс, и Дионис, и Минотавръ, и, видимо, также Миносъ выступаютъ въ этомъ мифическомъ цикле лишь въ качестве перевоплощеній

в сущности одного и того же божества, постоянно меняющего свой облик, а вместе с ним и свою судьбу. Активно участвующий во всех этих метаморфозах образ божественного быка почти неизбежно наталкивает на мысль о том, что в своей древнейшей первооснове это божество вполне могло быть тождественно божественному быку, занимавшему столь важное место в пантеоне минойского Крита <...> В позднейших мифах критского цикла в роли супруги или возлюбленной божественного быка обычно выступают богини или теперь уже героини, имеющие мало общего с минойской «Владычицей зверей», Европа, Пасифая, Ариадна как будто никак не связаны с миром дикой природы, с крупными хищниками и не отличаются особой кровожадностью. В их образах скорее угадываются черты древних божеств растительности и луны (H-Wetts R. F. Cretan Cults, and Festivals P. 152 ff., 193 ff.). Из трех Великих минойских богинь к ним типологически более близки, пожалуй, «Древесная» и «Змеиная» богини, нежели «Владычица зверей». Возможно, это объясняется тем, что среди множества версий мифа о «священном браке» бога-быка с Великой богиней испытание временем выдержали именно те, которые считались «наиболее гуманными» и «свободными от внутренних противоречий», поскольку в них мотив умерщвления бычьего божества его супругой был либо сильно завуалирован, либо совсем устранен. Лишь в наиболее раннем варианте мифа о Загрее, использованном Еврипидом в его «Кри-

тянах», и, видимо, наиболее близком к минойскому первоисточнику, женское божество, непосредственно связанное с Критским (Идейским) Зевсом (Заном) и его сыном от Европы Дионисом-Загреем [*Мы не придерживаемся этой точки зрения в нашей поэме по ряду причин, и тройню, зачинаемую в 1 главе Зевсом и Европою, составляют Минос, Радамант, Сарпедон* – М.Р.], еще именуется «Горной матерью» и, видимо, сохраняет в своем облике и повадках некоторые черты минойской «Владычицы зверей» (Eur. Cret. fr. 79 /Austin/). Превращение паредра Великой богини в бога-громовержца в индоевропейским именем Зевс (Дин), по всей видимости, произошло на каком-то достаточно позднем этапе развития минойской религии (вероятно, уже после завоевания Крита ахейцами). Новое божество, однако, сохранило некоторые наиболее характерные черты своего предшественника, запечатлевшиеся в представлениях о его смертности (знаменитая «могила Зевса» на Иде) и о его перевоплощениях в быка»<sup>58</sup>.

Діонисъ – законный наслѣдникъ: минойскаго бога-быка. Въ Діонисѣ еще проступаютъ: теріоморфные черты и слѣды: въ первую очередь, бычьи. Эпиклезами его выступаютъ: «рожденный коровою», «быкъ», «быкообразный», «быколикій» и пр. Рогатымъ изображался порою Діонисъ (о чёмъ сказываетъ Діодоръ). Быкъ является, наконецъ, спутникомъ

---

<sup>58</sup> Андреев Ю. В. *От Евразии к Европе: Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III-нач. I тысячелетия до н. э.)*. Спб., 2002.

быкоподобнаго бога. Послѣдній представленъ въ поэмѣ Загреемъ, а Атана являла собою Великую Матерь. Черный камень (ожерелье Иры и до этого темница изъ чернаго камня, гдѣ была исторгнута душа Акая) есть символъ матери-земли.

Приведемъ слова Бердяева, касающіяся матриархата: «Архаическая, первоначальная эпоха человѣчества, по Бахофену, есть эпоха господства женскаго начала, матери-земли, боговъ подземныхъ, хтоническихъ. Бахофень и открылъ древній матриархатъ. Главный предметъ его изслѣдованія есть первоначальная архаическая религія человѣчества. И съ ней связана его геніальная интуиція. Матриархату соотвѣтствуетъ коммунизмъ. Бахофень, вышедшій изъ эпохи романтизма, одинъ изъ первыхъ открываетъ значеніе хтоническихъ подземныхъ боговъ. Это есть мистика матери-земли. Материнское начало есть истокъ, есть «откуда». Мужское начало есть «туда», цѣль. Мистическое чувство предшествуетъ нравственному. И это еще разъ доказываетъ, что носителемъ нравственнаго начала является личность. Въ первобытномъ коммунизмѣ нѣтъ еще нравственной жизни. Но, когда говорятъ о Бахофене, забываютъ, что онъ былъ христіаниномъ. Для Бахофена пробужденіе духа и личности, т. е. начала солнечнаго и мужскаго и побѣда его надъ исконнымъ господствомъ матриархата, надъ первобытнымъ космическимъ коммунизмомъ, надъ женской религіей земли и подземныхъ боговъ, есть положительный космическій процессъ. Побѣду личнаго духовнаго начала Бахофень совсѣмъ не считаетъ де-

кадансомъ, какъ считаетъ Клагесъ»<sup>59</sup>.

Почему именно на Критѣ являетъ себя Свѣтъ? Не оттого ли, что болѣе всего нуждался именно женственный, слишкомъ женственный Критъ, единосущный рожденному безъ Отцаго создателю, – въ мужскомъ, но не мужицкомъ, ибо то было преобильно представлено критскимъ народомъ – «бородатыми»? Сквозь тернии создавашаго... Обратное движеніе къ Отцу... Неоплатоническое *epistrophe*, или возвращеніе.

Матріархатъ, косный, пассивный, застывшій, статическій, коллективистскій, подавляетъ и губить личностное; тѣмъ паче, губить онъ героическое начало. Но слаба та личность и слабъ тотъ герой, что не могутъ прорвать узы его. Потому М. являетъ себя – не только вопреки общественнымъ и культурнымъ условіямъ, но и вообще вопреки всему что ни есть, – на самыхъ обезличенныхъ почвахъ, которыя болѣе походятъ на морскую гладь, на зыбь, чѣмъ на почву: на минойскомъ Критѣ цвѣсти Личности еще труднѣе, чѣмъ на Востокѣ.

Въ сущности, низвергаются – бытіемъ М. – всѣ формы дольнихъ гармоній, любая традиція (боготворимая традиционалистами) отъ дао<sup>60</sup> до современныхъ, ибо роднить ихъ

---

<sup>59</sup> Бердяевъ Н. *О назначеніи чловѣка. Опытъ парадоксальной этики*.

<sup>60</sup> «Сообразовываясь с моделью «вторичного» дао, адепт реанимирует и усиливает в себе женское начало, в первую очередь, «слабость, смирение, несопротивляемость»: «Познай мужественность, но предпочти женственность, и ты сделаешься руслом Мира. Когда ты сделаешься руслом Мира, высшее дэ пребудет с тобой, и ты снова вернешься в младенчество» (28, 1–2). Даос, с известной точки зрения, стремится обрести качества андрогина, древний идеал человеческого

проходящая через них красной нитью та женственность, которая соприисносушна создавшему.

Въ поэмѣ разлитъ матриархатъ, но не въ нёмъ дѣло, но въ священной для критянь темѣ Великой Матери и ея консорта: она, какъ говорилось выше, левъ, львица, вообще хищникъ, а консортъ – умирающій и воскресающій – быкъ: быкъ терзаемый. Быкъ выполняетъ страдательную функцию, кровію питая землю-мать, онъ – искупительная жертва, рождающая порядокъ божественный: не будетъ закланъ быкъ – и безчинство родится. Быкъ – и жертва Матери, и жертвопріемлющее созданіе – для людей: быкъ, умирающій и воскресающій, – и тѣмъ зачинающій природу, жизнетворящій. Мужское терзаемо – священно-терзаемо! – женскимъ: для священной круговерти жизни.

Въ поэмѣ сказанное представлено самыми нравами минойскаго Крита (которымъ противостоятъ два анти-минойца: Акай и послѣ М., – и которые они губятъ), отношеніемъ къ быкамъ, ихъ закланіемъ, любовными темами Иры и Малого и даже въ большей степени (куда ужъ больше? но больше – какъ то ни странно – возможно) Атаны и Загрея. Жен-

---

совершенства. Интеграция обоих полов облегчает возврат в детство, т. е. к «самому началу» индивидуального существования, а такой возврат определяет возможность периодического обновления жизни. Теперь становится понятней желание даоса вернуть первоначальное положение, существовавшее «в самом начале». Ведь для него витальная полнота, естественность и благодать даны единственно при «сотворении», или при новой эпифании жизни». Элиаде М. *История веры и религиозных идей*. М., 2002

ское здѣсь мужественно, а мужское женственно, всё вверх дномъ, ибо женщина здѣсь главенствуетъ и является не только началомъ активнымъ, но и началомъ агрессивнымъ, подчиняющимъ, даже губящимъ, а мужское попросту подавлено до дальше некуда: оно искалѣчено и въ своей пассивности обречено на страданія и смерть. Это зачинъ темы Василики и Эраста, главныхъ героевъ «Послѣдняго Кризиса». Лишь одинъ быкъ не терзаемъ, но терзаетъ – Зевсъ, въ видѣ быка сопрягшійся съ Европою. Но Матерь – и всё то, что преисполнено этимъ духомъ, если его позволительно называть «духомъ» – не только терзаетъ и изничтожаетъ, она и зачинаетъ, а послѣ – рождаетъ. Безконечная круговерть, цѣпь рожденій и смертей, спираль, vagina, 0. – Словомъ, сердце дольняго міра. Такимъ образомъ, Великая Матерь и подаятель жизни, и ея губитель. Она – жертвопріемлющая Матерь. Въ ней очень мало смысла и много инстинкта – недаромъ, безконечно-плодовитыя «палеолитическія Венеры», распространенныя въ свое время всюду, изображались первобытными творцами съ тучными бедрами и персями, огромнымъ (словно вѣчно-беременнымъ) животомъ, перманентно рождающимъ животь (=жизнь, но жизнь только въ плотяномъ срѣзѣ, если что и понимающую подъ творчествомъ, то именно и только воспроизводство), – но... съ невыраженными руками и головами... Полубезрукія-полубезголовыя. Она родомъ изъ пещеръ, гдѣ она хранительница очага и берегиня, а самая пещера символизируетъ vagina, лоно богини. Въ ис-



торическое время она поочередно представлена египетскими Исидою, Нутъ, Маатъ; на Ближнемъ Востокѣ – Иштаръ, Астартою и Лилить; во Эракии – богиней именемъ Ма; Геей, Персефоною, Деметрою, Корою, Герою въ Греци и Церерою въ Римѣ, куда во времена столкновенія двухъ эръ пришла послѣдняя Великая Матерь – фригійская Кибела, чтобы уступить мѣсто Богородицѣ, которая и понынѣ сидитъ на своемъ тронѣ; впрочемъ, и та не то потѣснилась на тронѣ своемъ, не то ушла и въ полной мѣрѣ: её въ пластмассово-плотнано-цифровомъ мѣрѣ смѣнила иная Мадонна – дрыгающаяся на сценѣ полуобнаженной: подъ электронные биты.

Это предчувствовалъ и провидѣль баронъ де Кюстинъ безъ малаго два столѣтія назадъ: «Миръ долженъ стать либо языческимъ, либо католическимъ: его религіей должно сдѣлаться либо болѣе или менѣе утонченное язычество, имѣющее храмомъ природу, жрецами ощущенія, а кумиромъ разумъ, либо католичество, проповѣдуемое священниками, среди которыхъ хотя бы горстка честно соблюдаетъ завѣтъ учителя: «Царство мое не отъ міра сего»<sup>61</sup>. – Какъ видимъ, либо-либо въ XXI столѣтіи не работаетъ – вышло и – и: мѣръ сталъ и католическимъ, и языческимъ, ибо ортодоксія въ light-версии прекрасно уживается съ язычествомъ; и матеріализмъ, вещизмъ, царство техники – его отпрыски: всѣ они целокупно составляютъ чувственную религію, когда не человѣчество поклоняется богу, но богъ и есть – человѣ-

---

<sup>61</sup> А. де Кюстинъ. *Россія въ 1839 году.*

чество.

И вродѣ бы матриархатъ сгибъ, канувши въ Лету, и дѣйствительно: вся человѣческая исторія есть исторія взаимоотношеній мужчинъ, коимъ помогаютъ женщины, бытующія тише воды, ниже травы, не вліяя на общественную и культурную жизнь кореннымъ образомъ. Но такъ обстояло дѣло въ исторіи (которую дѣлали мужчины). Въ фукуямовской заступающей нынѣ эфемерной постъ-исторіи, гдѣ всё, попросту всё стоитъ подѣ знакомъ эфемерности, гдѣ, чтобы жить, надобно еще быть эфемеридою, гдѣ духу если и есть мѣсто, то лишь въ сумасшедшемъ домѣ, – тонъ задаетъ женское начало, и – матриархатъ расправляетъ крылія – и до такой степени, что это противно человѣческой природѣ; рѣчь идетъ уже не о животѣ въ церковнославянскомъ смыслѣ (=плотной жизни), не о природѣ, а объ извращеніи самого бытія и естества – совсѣмъ, какъ на минойскомъ Критѣ. – Самецъ и вообще всё мужское не въ животномъ мірѣ, но въ мірѣ человѣчьемъ въ большей мѣрѣ пребываетъ подѣ самками и подѣ каблукомъ, и тутъ примѣръ даже не Захерь-Мазохъ и не Тихонъ изъ "Грозы"; здѣсь иллюстраціей является вѣсь современный міръ, цифровой и пластмассовый, который «оказался» не «сильнѣй», но попросту проще для эфемеридъ (вѣдь и эфемеридою быть много проще, нежели человѣкомъ и безконечно проще, нежели личностью). – Summa summagum: минойскій Критъ – и всё бывшее до него, ибо онъ въ этомъ аспектѣ есть клякса (очень красивая клякса!) довременны-

хъ временъ на времени: исторiи, – none, исторiя – proodos, постъ-исторiя – epistrophe; въ иномъ раскладѣ: варварство – цивилизацiя – варварство; иначе: матриархатъ – патриархатъ – матриархатъ; изъ матриархата вышло челоуѣчество, жило въ патриархатѣ, а гибнетъ матриархатомъ; короче, родилось оно въ безличноу, жило личностяи, а уходитъ въ безличное – прахъ къ праху: видимо, таковы законы создаващаго; они такiе же бездумно-круглые, какъ и онъ самъ и какъ всѣ творенiя его, удачнѣйшее изъ которыхъ – природа, въ коей безпримѣсно отразился духъ его.

Евг. Анучинъ (*Изъ частныхъ бестъдъ, первая половина 2019-20*): «Всплываетъ аллюзия съ балладой Лермонтова "В глубокомъ ущелье Дарьяла, где роется Терекъ во мгле...". Но у тебя подробнее, жизненнее, исполнено терпкой крови. Позиции матриархата были свирепы, и ихъ преодоление делаетъ честь могуществу победительнаго фаллоса передъ тесниной и бездонностью влагалища.

Но не столько плотская фаллическая сила победила въ этомъ единоборствѣ, сколько творческий импульсъ мужскаго начала, разметавшiй очагъ женскаго святилища, возвестившiй о непреодолимости мужскаго самости для женскаго беспомощности бесконечно длить однажды найденное».

У безпощаднаго И.Поклонскаго иное мнѣнiе, каковое я считаю нужнымъ помѣстить сюда, хотя согласенъ не во всѣмъ, особливо относительно символики: «Дело въ томъ, что вся фаллическая символика и "мужские порывы", какъ ихъ ни по-

нимай и ни трактуй, к духу имеют такое же отношение, как и влагалище. Это символика, как ни посмотри, чисто низменная, с припахом убогой порнографии и ложного дерзновения. Нигде и никогда в великих произведениях поэзии и литературы мужское и женское не символизируются посредством того, что нас объединяет с приматами, однако почти всегда, когда Евг. Анучин хочет сделать комплимент твоим безусловно прекрасным произведениям, начинает обращаться к этим пещерно-обезьяньим символам. При чем тут Лермонтов также непонятно. Вообще очень забавно сравнивать гениев по пунктам. Мол – "Вот это у тебя сильнее и ярче, чем у Лермонтова, и ещё вот пара пунктов лучше раскрыта". Это просто попытка возвеличить одного гения (а чаще не гения) за счёт другого. Дело в том, что Лермонтов в своей балладе о Тамаре и не ставил целью показать мощь фаллоса и "мужского энтузиазма". А постоянное упоминание фаллосов и влагалищ и жонглирование ими как инструментами мысли или расстановки мыслительных акцентов свидетельствует лишь о том, что у жонглирующего дефицит духа. А также о том, что он ещё слишком примат».

\* \* \*

**Not to Yaldabaoth's blind puppetz, или о М. и – одновременно – о его творцѣ: М.Р.**

Что меня отличает почти отъ всего прочаго, если брать

исторію и, відповідно, всего, если говорить только о современности, и служить залогомъ моей унікальності, такъ это одна перевернутость моего бытія, или перевернутая, люциферіанская гармонія, а не гармонія создавшего, выказывающая себя черезъ всѣхъ прочихъ: не люциферическая расколотость между духомъ, тѣломъ, душою (какъ то у христіанскихъ монаховъ), но именно гармонія и цѣльность. – Скажемъ, если у типа homo sapiens духъ обслуживаетъ плоть, то есть влеченія, страсти, желанія используютъ разумъ какъ средство; говоря инако: Я, сознание – нерасцвѣтшее, зачаточное, забитое – обслуживаетъ Себя, не-Я, безсознательное, напротивъ, бурно расцвѣтшія, явно себя являющія, – то у меня всё вовсе иначе. Казалось бы иначе и у слишкомъ всё жъ немалого числа лицъ: тѣхъ, кого можно отнести къ homo spiritualis, но при томъ нельзя назвать пневматикомъ(!), – скажемъ, у монаховъ, аскетовъ и иныхъ интеллектуаловъ. Такъ что же здѣсь унікального? Почему Свасьянъ назвалъ меня едновременно живымъ и духовнымъ, вѣрнѣе «живымъ духовнымъ» и почему, по его словамъ, мои «мысли не просто застреваютъ въ головѣ и какъ-то вываливаются наружу, но <...> опознаются черезъ сердцебиение и учащенный пульсъ»?

Здѣсь всё имѣетъ одно объясненіе: рѣчь идетъ не объ уходѣ отъ тѣла, безсознательного, высшей части чувственного, но объ ихъ использованіи – духомъ – для своего же, духа, блага. Именно поэтому мое Я – когда Я во мнѣ рас-

цвѣтаеть, а не пребываетъ задавленнымъ тѣмъ или инымъ проявленіемъ Себя – багряно, виннокрасно, пламенно, оно – живой огонь, огонь поядающій: оно тогда не просто Духъ, но духъ живой, ярколучистый, алопылающій, использующій чувственное и бессознательное какъ средство и какъ своего союзника, то есть влеченія, страсти, желанія используются разумомъ какъ средство, дабы духъ былъ не таковъ, каковъ онъ у большихъ и малыхъ любителей [христіанской— де] духовности, блѣдныхъ – внѣшне, блѣдныхъ – внутренне. Если М. – пламень, то монахи и прочіе блѣдные едва тлѣютъ, и они, а не онъ, обречены тлѣнію. Это разъ. Два: помножьте на презрѣніе ко всему, гдѣ нѣтъ духа Люцифера и въ меньшей степени Христа: презрѣніе (которое всегда выше борьбы) къ любому Мы, чувственнымъ потокамъ, невысокому экстазу, тѣлеснымъ сферамъ и къ самому тѣлу какъ гасителю Духа, Я, Личности, сознанія и пр. – словомъ, ко всему тому, что уводитъ отъ Я. – Страсть человѣка – изойти изъ Я, потерять Я, раствориться въ Мы [любого рода]; моя страсть – быть въ Я, не быть въ Мы елико возможно, то есть быть на тѣхъ лдяныхъ вершинахъ, съ коихъ сознательность другого дороже собственной плоти (и не только дороже, но и роднѣе), гдѣ не борются съ плотью или – съ иной стороны – гдѣ ей не служатъ и ею не живутъ, короче – гдѣ её не изживаютъ или же её не проживаютъ, соответственно, но гдѣ попросту её используютъ. – Ежели влеченія, страсти, желанія не способствуютъ моему Я, то они изгоняются моимъ Я. Именно поэтому рѣчь

идеть здѣсь не о бытованіи, а о бытійствованіи (въ терминахъ получуждаго мнѣ Хайдеггера), а послѣднее всегда – вопреки [создавшему, міру и законамъ его].

Еще разъ: здѣсь не духъ служитъ страстямъ, но страсти – духу.

Я – грозовая туча, чреватая молніей, уже бывшею и – вновь и вновь – грядущею, зарница, рождающая отблескъ тамошній, я какъ подлинный, какъ творецъ [небывалаго], какъ созидатель великаго – требую отъ своего собесѣдника: очей болѣе зоркихъ, способныхъ узрѣть осіявающій свѣтъ далекой звѣзды, незримой для большинства, сердца глубокаго и честнаго, способнаго внимать и вникать въ мною реченное, ушей, способныхъ слышать отдаленные гулы и раскаты громовъ, недольныхъ и неложныхъ, способныхъ испепелить цвѣты мѣщанства. – Словомъ, я требую отъ своего читателя или же собесѣдника – не покорности: я требую храбрости.

Я не старѣю, и нельзя душу мнѣ исторгнуть, ибо есмь не плоть съ примѣсью духа, но духъ съ примѣсью плоти (используемой духомъ съ его позволенія). – Плоть М. – не только и не столько его плоть, ибо Духъ свиль въ ней гнѣздо свое и родиль чадъ.

Вся спиритифобствующая плоть міра возстаетъ – съ не ею заданнымъ упрямствомъ – на кое-что незримое для нея во мнѣ: нѣчто, единственно и позволяющее мнѣ быть тѣмъ, кто я есмь, – на духъ, способный и мертвыхъ поднять изъ могилъ, ихъ воскресивши. Плоть міра, обледненная и обледенѣ-

лая, – скопомъ, сообща (но неосознанно) – искушаетъ: не только мнимыми благами, но и мнимыми послѣдователями, учениками, ловить меня, не вѣдая наглости въ неистовыхъ своихъ попыткахъ.

P.S. Слова полноцѣннаго, подлиннаго люциферіанца, отчаянно борющагося съ наступающей зрѣлостью – старостью, чреватую ослабленіемъ, который если и преувеличиваетъ порою, то самое его преувеличеніе стоитъ больше, чѣмъ вся буржуазная мелкая пѣнка, лишённая глубины, не могущая оставить хотя бы и малый слѣдъ въ исторіи и того не желающая (ибо, по слову Ницше, имѣетъ «свое маленькое удовольствіе для дня и свое маленькое удовольствіе для ночи: но здоровье – выше всего») – за всё время гнилого ея существованія (но лишь и придающая вящую цѣнность для подлиннаго люциферіанца: кому какъ не люциферіанцу стоитъ не обращать вниманія на извѣчное преобладаніе ариманическихъ пониженцевъ – хотя бы и рядящихся въ рясы интеллектуаловъ и людей духа).

Остается добавить – оба, М. и его создатель – М.Р., – не люди, мы убили въ себѣ слишкомъ многое, чтобы быть нарицаемы людьми, ибо сдѣлали всё, что можно, для своей подлинной возлюбленной – Вѣчности; иные въ лучшемъ и рѣдкомъ случаѣ получили славу при жизни, но ихъ забудутъ; мы же – судьбѣ вопреки – обрѣтемъ славу послѣ жизни – длиною въ полубесконечность.

Проигралъ или выигралъ М. (и того не менѣе его созда-



тель – М.Р.) – въ схваткѣ съ Судьбою?

\* \* \*

*Но пораженья от победы*

*Ты сам не должен отличать*

*Б.Пастернакъ*

### **О побѣдителяхъ, проигравшихъ и не только.**

Благодородство, великіе дерзанія никоимъ образомъ не выявляются конечнымъ результатомъ: важны единственно стойка – ежесекундно, ежечасно, ежедневно – и ноша, возложенная на золотonosныя плечи; но даже и игра въ ношу, эстетическая забава не такъ ужъ и низка. Великое не нуждается въ оправданіи; нуждается въ оправданіи невеликое. Нелѣпа и оцѣнка побѣдителя/проигравшій, вѣдь сколь многое не зависитъ отъ человѣка, да и побѣдитель могъ на дѣлѣ лишь случайно побѣдить (даже при условіи не-исканія короткихъ путей), и стоитъ глядѣть и на препятствія, которыя онъ *едва* обошелъ. Непризнаніе становящагося, человѣческаго становленія есть недостойная личности, человѣчка низость, слабость *par excellence*, невеликодушіе особаго рода.

Я сражался и много страдалъ, чтобы считать самого себя въ своихъ глазахъ первымъ, сражался, чтобы имѣть тылы и безкрайніе просторы для отступленій вглубь при казалось бы полномъ пораженіи въ одномъ сраженіи. Мнѣ нѣтъ дѣла

до тѣхъ, что не сражались и не страдали за это, до рабовъ судьбы, до жалкихъ жертвъ среды и обстоятельствъ, до ничто узкоклассового разлива. Во мнѣ вызываютъ немалое уваженіе, интересъ, любовь (и – ни капли зависти!) тѣ, кто подобно мнѣ мужественно шель лазоревой дорогой, понимая, кто онъ, осознавая свою цѣну (отношеніе такого человѣка съ болѣе низкими мнѣ почти безразлично), избирая долгій, неблизкій путь по ту сторону спасительныхъ острововъ и стѣнъ, за которыя можно было бы прятаться, тѣ дерзкіе, что разставили руки со своими мечами въ стороны навстрѣчу копьямъ невгодъ и камнямъ бѣдъ. Для меня такіе омытые собственными слезами и вскормленные и крещенные виномъ и кровью Діониса герои, часто остающіеся безымянными въ книгѣ исторіи человѣчества и особливо въ слѣпыхъ глазахъ малыхъ сихъ, выше многихъ мыслителей, алчущихъ патерналистской опеки или оправдывающихъ оную. Почти всѣ историческіе аристократы были служителями, а не вышеописанными героями. Мнѣ же интересны тѣ, что считаютъ, что они ни передъ кѣмъ не прогнутъ свои спины, тѣ, кто ни передъ чѣмъ и ни передъ кѣмъ не рабъ, хотя бы это и было заблужденіемъ (я брошу камень или разстрѣляю стрѣлами словъ своихъ тѣхъ, что считаютъ это недопустимой наивно-стью, дѣтскостью и т. д.), хотя бы они и ошибались въ своей самооцѣнкѣ. Эти немногіе полюбили смерть какъ свою мать, сестру, дочь и возлюбленную: только такъ и стоитъ жить: это бытіе-къ-смерти, бытійствованіе, а не бытованіе низкихъ, за-

плетенное въ косы маленькаго удовольствія, переступить черезъ которое они не въ силахъ. – Много болѣе затхлаго, замшелаго мыслителя и интеллектуала – съ опухольями фатализма въ сердцѣ – я цѣню героя, безстрашнаго, несущаго въ себѣ черно-красную мудрость (у кого длинные волосы, въ глазахъ – горящая ненависть и ледяная насмѣшка), чья дорога усьяна лепестками розъ и кровью, закованнаго въ своей мечтѣ, ведущаго войны во имя вѣчности, взывая къ сѣдому времени; его небо черно, его небо inferнально (какъ и онъ самъ).

\* \* \*

Говорять: судьбу не оспариваютъ, а либо пріемлютъ, либо отвергаютъ: въ первомъ случаѣ – становятся самими собою, во второмъ – дезертируютъ, отвергая себя. Случай М. не вписывается въ этѣ рамки: М. принялъ Судьбу свою, но принять её – означало: не принять судьбу всеобщую, бороться съ послѣдней – хотя бы и цѣною своей жизни...

Быть можетъ, М. не былъ правъ въ содѣянномъ имъ: то была натура слишкомъ пламенная, чтобы быть трезвою. Имѣлъ ли право М. дѣять что дѣяль? Я даю отвѣтъ утвердительный.

Много, много разъ рисковалъ М. своею жизнью, словно догадываясь о много болѣе поздней поговоркѣ «рискъ есть дѣло благородное». Такъ мнилъ М. Такого мнѣнія и я. Рискъ – volens-nolens – чреватъ либо гибелью, паденьемъ, ущербомъ.

мъ, либо же, напротивъ, триумфомъ, подъемомъ, побѣдой. Но сквозь рискъ, коимъ были отмѣчены многіе начинанія и дѣянія М., – бывшія или же могшія быть, – просвѣчивало презрѣніе къ жизни: къ «дольней жизни», какъ любилъ говаривать М. Едва ли можно сказать, что онъ дорожилъ послѣдней, цѣпляясь за нее всѣми правдами и неправдами на протяжении почти всего своего существованья, какъ то дѣлаетъ всё живое, бытующее – будучи полоненнымъ матеріей, сѣю матерью всего зримаго, – какъ механизмъ, мнящій – случись ему имѣть возможность мнить, – что онъ работаетъ по собственной волѣ; или какъ пресловутый свободно-падающій камень, коему представляется – снова – случись ему имѣть мозги, – что онъ падаетъ свободно: по волѣ собственной.

М., приложившій всѣ усилія, дабы порвать съ создавшимъ, съ княземъ міра сего, напротивъ, дѣлалъ что дѣлалъ (а предъ каждымъ дѣяньемъ – думалъ) – свободнѣе, чѣмъ кто-либо, кого онъ видѣлъ и о комъ онъ слышалъ. Однакожь – въ силу юныхъ годинъ – тяготился тѣмъ, что дѣять не могъ, будучи ввергнутымъ въ ту дарованную создателемъ оболочку – тѣло, – которая – какъ и у прочихъ – крайне ограничивала возможность воплощенія безкрайнихъ желаній и чаяній М. Казалось бы: такъ у всѣхъ, не только лишь у М. Ежели читатель такъ думаетъ, то мы бы посовѣтовали ему сравнить: желанія М. и желанія человѣка рядового: что здѣсь общаго? Мы затрудняемся найти хотя бы и тѣнь общаго – кромѣ той вышеупомянутой оболочки – межъ нимъ и сынами создате-

ля. – Въ прекрасной и черной его главѣ – не болото и огонь коптящій, смраднѣй, но прекрасныя и черныя мысли, кои выше этого міра и законовъ его.

Мнится также: міръ – черезъ М. – возжелалъ, быть можетъ, въ своихъ высшихъ устремленьяхъ поднять себѣ планку, какъ принято выражаться: указать себѣ – впервые! – цѣль, болѣе высокую, чѣмъ онъ самъ есть, не принявъ въ расчетъ возможное своеволие, дотолѣ не бывалое. Онъ, міръ, – отложивши мірское, – дѣяль сіе и въ послѣдствіи – чрезъ головы своихъ духовидцевъ, философовъ, пророковъ: влагая не то свои, т. е. міра, мысли въ головы лучшихъ урождавшихся въ мірѣ (часто – чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе – считавшихъ, однако, что то были ихъ мысли), не то, такъ сказать, приподымая ихъ – выше міра, самого себя, и возгоняя посредствомъ ихъ – и ихъ, лучшихъ урождавшихся въ мірѣ, и себя къ тому, что выше и міра, и ихъ – духовидцевъ, философовъ, пророковъ, – уводя, такимъ образомъ, если не всё бытіе, то краевольную его часть, прочь отъ матеріи и ея царя Аримана, искушающаго хлѣбами земными, и отъ Іалдаваофа, царя Мы, искушающаго хлѣбами мнимо-небесными (но скорѣе: иссушающему: духъ, душу, тѣло), – къ Свѣтоносцу, въ послѣдствіи очерненному подъяремными Іалдаваофа, къ царю Я, Гордости, достоинства, и къ Христу, царю Свѣта.

Словомъ, міру было угодно начать познавать себя, поручивъ самопознаніе лучшимъ изъ имъ рожденныхъ: для чего онъ – когда сквозь тьму и мглу создаваемаго прорывались

въ міръ вѣянiя иныхъ мировъ, – и породилъ *человѣка иного*; если *человѣка обычнаго* создалъ Іалдаваофъ, то до *человѣка иного* *человѣкъ* возгоняется милостью міра, когда ему, міру, нужно самопознаніе и когда онъ силенъ вырваться изъ-подъ – подъяремной! – опеки Іалдаваофа. *Человѣкъ*, быть можетъ, – не зеркало Вѣчности, коимъ она прихорашиваетъ самое себя для цѣлей неясныхъ, глядя черезъ него на самое себя, но ея пробный камень въ дѣлѣ обрѣтенiя органа самопознанiя. Или же не ея пробный камень, но природы; но какой природы? – Той, что отъ создавшаго, использующей иныхъ, *лучшихъ, немногихъ* какъ средство? или же самой природы, на мигъ очистившейся отъ путь создателя: путь, которыя, выдавая себя за путь, суть распустье, пути, распутица. – Сей вопросъ тщились рѣшить М. и Акеро, и надобно быть рѣдкимъ стервецомъ, дабы требовать отъ нихъ въ толь далекiя отъ насъ времена отвѣта окончательнаго: его не стоитъ требовать и нынѣ. Однако – поверхъ милости міра – очевидно, большее дѣяль для сего самъ возгоняющій себя, а міръ лишь боролся за право быть познаннымъ и, словно большой предъ докторомъ, подставлялъ свое тѣло врачу: къ М. пришла Дѣва, отверзшая ему очи, – потому, что онъ боролся: «Стучите – и отворятъ вамъ»: что здѣсь первично и главное – стукъ или отверзаніе? Мы склоняемся, что стукъ, выражаемый всею судьбою М.: недаромъ стукъ въ общеизвѣстной евангельской фразѣ стоитъ на первомъ мѣстѣ, опредѣляя собою, отворится ли дверь!

Свѣтъ нездѣшній сочилъ себя чрезъ духовидцевъ и духоведцевъ, и были они осіяны Свѣтомъ; иное, иное лучило себя чрезъ нихъ; и были они, узрѣвшіе, Дверьми: въ Иное. Духовидцы – были, есть и будутъ – Свѣтомъ, пронзающимъ темь дольную, часто ставя на конь жизнь и тратя себя всего безъ остатку, къ чему слѣдуетъ добавить поверху сказаннаго: какъ только побѣждалъ духъ Христа или же духъ Люцифера, тьма – Іалдаваофъ и Ариманъ – заступала и превращала являвшихъ собою Свѣтъ – въ Кассандръ; и лишь для *немногихъ немногіе*, лучшіе, Кассандрами не были.

Отмѣтимъ: если духъ Христа и духъ Люцифера раскрывалъ себя черезъ чадъ Свѣта, то духъ Іалдаваофа являлъ самораскрытіе – черезъ религію и жрецовъ – сперва слѣпыхъ божествъ, а далѣе посредствомъ религіи одного слѣпотаго бога, прикрывающагося – и съ успѣхомъ! – Христомъ; духъ Аримана самораскрывался чрезъ всѣхъ остальныхъ – какъ ихъ ни назови: Адамовыхъ чадъ, чадъ Прометея, «малыхъ сихъ», «послѣднихъ людей», маленькаго челоуѣка.

Ежели посредствомъ М. или кого-либо иного желаетъ глаголати міръ (что важнѣе: міръ въ своихъ высшихъ, рѣдчайшихъ устремленіяхъ; міръ, на время сбросившій вериги создателя; міръ, желающій прорваться къ Иному и себя возогнати до Иного, или же – по иной традиціи: самъ горній міръ, иной міръ), – міру (уже въ смыслѣ рода людскаго, онъ бо тоже есть міръ), міру стоило бы приложить усилія – для своего же блага – и сбросити (снова: хотя бы и на время – сперва)

иго создавшаго, бога злоковарнаго и слѣпого (въ нашей поэмѣ онъ именовался, кромѣ сихъ его эпитетовъ и наименованій, Іалдаваофомъ, княземъ міра сего и создателемъ, противопоставляемымъ Богу Подлинному, Неузнанному, Неизглаголанному), что значить: понять, кто есть подлинный родитель Личности, черезъ чье посредство человѣкъ возгоняется до Личности, черезъ чье посредство человѣкъ претворяетъ Себя въ Я, – словомъ, дать – повторюсь – для своего, міра, блага, – слово такому человѣку, дать ему быть и глаголатъ во всеуслышанье изъ самыхъ сокровенныхъ нѣдръ его сущности, переставъ, такимъ образомъ, повторять съ мѣрнымъ постоянствомъ (мѣрность означаетъ: заданность, детерминизмъ какъ даръ творца) свои, міра, ошибки.

Міру стоило бы понять (а понявши, дѣйствовать сему подобно), что не М. (и иные типы высшихъ людей) жизненно необходимъ міръ, но міру – М., стоящій едва ли не больше всего міра. Но міръ – и тогда, и всегда послѣ сего – предпочиталъ брыкаться въ тѣхъ, кто былъ стрѣлою Иного, въ тѣхъ, кто былъ Свѣтомъ: замалчивая, топчая, пытая, унижая, убивая, наконецъ, своими руками того или иного изъ рода *немногихъ*, міръ успокаивался, нисходя, – и послѣ самъ же и возводилъ ихъ въ рангъ бессмертныхъ – со столь же мѣрнымъ и заданнымъ (создателемъ) постоянствомъ, что стороннему наблюдателю стоило бы спросить, утомившись отъ состраданія: зачѣмъ высокіе и немногіе, рождаясь и нисходя такимъ образомъ въ міръ дольний, не перестаютъ быть высо-



кими и немногими, ибо только у нихъ и есть свобода, и они сильны избирать: быть или не быть и кѣмъ быть, ежели они вообще желаютъ продолжать быть?

Слѣдуетъ не гадать, но окончательно познать: міръ ли познавалъ себя лучшими изъ рожденныхъ, или же нѣкая иная родная міру духовная сила, недоступная ни глазу, ни мозгу, но раскрывающая себя въ людяхъ духа, вынуждала послѣднихъ познавать міръ?

\* \* \*

Герои противопоставляются нѣкимъ другимъ героямъ, которые – какъ правило – суть противоположности первымя, гдѣ одинъ герой олицетворяетъ подлинное, нездѣшное, свѣтоносное, а противоположный ему – мнимое, ложное, здѣшное, погрязшее во тьмѣ: Дѣва противопоставляется Ирѣ и Атанѣ (Дѣва обольщаетъ Единственнаго, а Атана – всѣхъ прочихъ), М. – Акаю (если М. подлинный герой и подлинный чужеземецъ (въ гностическомъ смыслѣ), то Акай – чужеземецъ въ прямомъ, здѣшнемъ смыслѣ) и особенно Акеро; снова М. – Загрею (оба – лоза виноградная, оба пышутъ силой). Имато даже имѣетъ своего двойника – Касато (хотя оба суть разные виды здѣшней несвѣтоносной тьмы), Малой противопоставляется всему прочему критскому люду, какъ и бунтъ подлинный и высокій – бунтъ М. – бунту неподлинному и низкому – бунту возставшаго люда (при томъ рѣчь

идеть не о самомъ Акаѣ, но только о возставшихъ); выпрєннѣ-горнїя отношенїя М. и Дѣвы – похоти сердець Иры, Касато, Имато, но – въ особенности – Загрея и Атаны; власть М. надъ бытїемъ – власти Имато, Касато и много позднѣе Акеро; змѣи противопологаются Змѣю: ибо жрицы и Дѣва – земля и небо<sup>62</sup>; ученїе, откровенїе Дѣвы – традиціямъ, обычаямъ и нравамъ Крита; наконецъ и главнымъ образомъ – сдерживанїе напора быка Хроменькимъ вкупѣ со жрицами, которые хотя и борются съ быкомъ, но на дѣлѣ служатъ ему какъ неотъемлемому началу мірозданїя, – великому боренїю М. противу быка краснояраго и самой бычьей сути создавшаго, боренїю противу самой природы въ отличїе отъ дѣянїй тавромаха, могущихъ казаться таковымъ боренїемъ иному нынѣшнему взору, etc.

\* \* \*

Красотѣ критскаго искусства противополгаается красота подвига М.: красота критская неподлинна, въ отличїе отъ красоты чаянїй, мыслей, дѣянїй М.: въ здѣшнемъ мірѣ не

---

<sup>62</sup> "Это согласуется съ историческимъ дуализмомъ гностиковъ: Благой Змѣй, Христось, произведенный невѣдомымъ Отцомъ, противостоитъ земному змѣю, произведенному Демїургомъ (Ялдаваофомъ), который является творцомъ матеріальности и зла" (Джимъ Уэсть. Lucifer the light-bearer). – Добавимъ: глиняныя статуэтки минойской эпохи – какъ правило – богини со Змѣями: змѣи – символъ смерти и красоты: нераздѣлимо. Красота не просто зла, она слѣпо-жестоко-безжалостна, какъ и природа. Таковъ матриархатъ и таковы законы и нравы его.

можетъ быть иной истинной красоты, кромѣ красоты героическихъ дѣяній, дѣемыхъ своимъ Я ради своего Я. По-критски земной черно-красной прото-корридѣ противопоставляется небесная (хотя и кажущаяся слѣпцамъ адскою и дьявольскою) игра М., белопламенная и лазурная, виннокрасная и багрянопылающая: съ судьбою, бытіемъ, съ жизнью и смертью, съ міромъ и съ *однимъ красноярымъ быкомъ* – съ создавшимъ, съ княземъ міра сего; а тавромаху по прозвищу «Хроменькій» – огненный тореро М.

\* \* \*

Коррида – нѣчто совершенно испанское, хотя и уходящее своими корнями въ бездонную древность, то, чѣмъ испанскій духъ – черно-красный, утонченно-мужественный и аристократически-жестокій – вполне себя являетъ. Что ужъ удивляться, что въ Каталоніи она запрещена съ 2012-го; въ новой – американизированной, духовно и душевно оскопленной, какъ слѣдствіе, феминизированной и обезличенной – Европѣ ей нѣтъ мѣста; повсемѣстный ея запретъ – лишь дѣло времени. Приходилось видѣть и слышать и русскую реакцію на нее: русскіе всѣ какъ одинъ – на сторонѣ быка; русскіе – діонисійцы, а Діонисъ исконно тѣсно и напрямую связанъ съ быкомъ (и самъ почитался онъ быколикимъ, быковиднымъ и пр., о чѣмъ говорилось въ послѣсловіи); они сострадаютъ быку, а чрезъ него безсознательно – и себѣ; вотъ ужъ и

впрямь, языкъ (безсознательное, архетипическое, исконное) говорить людьми, а не люди имъ. Остается добавить, что и нынѣшніе европейцы – и запретомъ корриды въ Каталоніи, и прочими состраданіями распростертымъ по землѣ тварямъ, и даже образомъ жизни своей – неосознанно поклоняются быку: нѣкому краснаярому быку, Европою-дѣвою зачавшему на Критѣ Европу-цивилизацию, – едва ли въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ русскіе. Впрочемъ, состраданіе – это русская сущность (вперемѣшку – мѣрно-хаотически – съ противоположностью состраданія, съ прорывающею порою жестокостью и часто (въ Россіи новой) съ инстинктами ресентимента). Но не выше ли оно созерцанія сего зрѣлища изъ уютной трибуны? Великолѣпнень матадоръ, мужеженственный въ своемъ желаніи терзать неравнаго по героизму и добровольности, ибо это бой не героя съ героемъ и не лице предъ лице; великолѣпнень матадоръ, а не толпа, да и онъ не во всѣмъ; зрѣлище великолѣпно – да и оно не во всѣмъ; великолѣпнымъ было бы оно, если у матадора не было бы свиты (квадрильи), а онъ не получалъ бы за то матеріальные прибитки, если бы бой былъ одинъ на одинъ, если бъ самая коррида, наполненная символизмомъ, была безъ припаховъ *rapem et circenses*, безъ припаховъ шоу, тѣшащаго невысокія чувства. Коррида выродилась – вслѣдъ за самой Европой. Какая злая шутка – исторія: Европа-цивилизация была зачата Европою-дѣвою и однимъ быкомъ, жила – борьбою съ быкомъ, на исходѣ дней своихъ – борьбою мнимой, спро-

фанированной, выродившейся, плоско-игровой, а кончилась Европа – состраданіемъ быку и запретомъ корриды (помимо запрета самой Европы въ Европѣ).

Корридѣ скорѣе слѣдовало быть вновь дѣйствомъ сакральнымъ, ритуальнымъ, даже инициатическимъ, каковымъ она, безусловно, была въ древности, – дабы символизмъ ея – борьба святого, рыцаря съ демономъ-быкомъ, чернымъ, какъ чертъ, – не былъ ничѣмъ замутненъ, дабы въ мѣрѣ большей рѣчь шла о катарсисѣ: если слѣдовало бы совершить *epistrophe*, возвратиться къ утерянному: къ позабытой своей сущности, – чтобы её вновь обрѣсть. Но возвращеніе вспять, къ животворящимъ истокамъ, любого рода возвратный порывъ для Европы нынѣшней невозможенъ – мертвый орелъ не вылетитъ изъ гнѣзда, а полузасохшее старое дерево не будетъ вновь цвѣсть.

И всё же героическое «Эй, торо!» стоитъ многого – больше дѣлишекъ міра; но оно стоило бы неизмѣримо больше, если быкомъ («торо») былъ бы нѣкій краснойрыій быкъ, съ коимъ матадоръ сражался бѣ одинъ на одинъ; быкъ тотъ – создавшій. Великолѣпна была бы тавромахія, если бы тореадоръ, перепрыгивая черезъ быка, перепрыгивалъ бы и законы создавашаго, всю трясину міра и вѣсь его морокъ, и приземлялся бы: по ту сторону, на иной брегъ. То была бѣ та самая небесная белопламенная и лазурная игра, виннокрасная и багрянопылающая, игра, о коей писалось чуть выше; и выше которой нѣтъ, по-видимому, ничего на свѣтѣ и за свѣто-



*Но если прекрасная природа – дочь своего отца,  
развѣ сердце дочери не его сердце? Развѣ ея сокровенная  
сущность не онъ самъ?*

*Гельдерлингъ*

Природа понимается у меня не на классическѣй (слишкомъ космическѣй) ладѣ какъ инобытіе абсолютнаго духа (по Гегелю) и инструментъ его самопознанія: согласно сему подходу, онъ познаетъ себя, создавши свою противоположность; Духъ и природа – тезисъ и антитезисъ; синтезъ – человѣкъ.

Природа выступаетъ въ поэмѣ не какъ *Вона Mater* – хотя едва ли не всѣ гении культуры всегда воспѣвали природу, будучи ею зачарованы и околдованы, здѣсь она понимается парадоксально иначе, тѣмъ паче сіе удивительно для романтизма: анти-минойски, вѣдь для минойцевъ вѣчно-умирающая и вѣчно-воскресающая природа (а также смѣна жизни и смерти, чередованіе временъ года, – словомъ, цикличность) – нѣчто наиважнѣйшее и глубоко священное; въ поэмѣ, напротивъ, она – наиболѣе удачное и опасное орудіе создавшаго, гениальная чара творца, сѣтъ, уловляющая души, уводящая отъ Я въ Себя. Возвышеніе человѣка надъ природой и рожденіе культуры, конечно же, взаимосвязаны, но далѣе онъ, человѣкъ, въ лицѣ лучшихъ своихъ представите-

лей, подпаль подь нее (природа какъ храмъ), а въ лицѣ малыхъ сихъ – использовалъ какъ «мастерскую», на дѣлѣ служа природѣ, рабствуя у нея<sup>63</sup>, ибо всегда являлся ея частью (служба природѣ справляется всякій разъ, когда мы потворствуемъ инстинктамъ и Себи; а не боремся съ собою, противоволя).

Сущность новоевропейской философии заключается в разрыве субъекта от объективного бытия, в переносе всех ценностей объективных глубин на субъекта и в обретении этой могучей, гордой, но одинокой личности, мечущейся по темным и необозримым пространствам опустошенного мира и стремящейся вдаль, вечно вперед, к туманной неизвестности, ибо только так и мог утвердить себя субъект, потерявший опору в твердом объекте и превративший все устойчивое в сплошное становление и искание. Параллельно этому наука в новой европейской культуре – и большею частью и вся философия – постулируют бесконечную, необъятную, оформленную только внешнемеханически вселенную в основе всех вещей, и в том числе всей истории и всего челове-

---

<sup>63</sup> А.Ф.Лосевъ: «В настоящее время на очереди не натуралистическое, но социологическое мировоззрение. Представление об основах мира как о материальной, механической вселенной, как о внутренне мертвом, хотя и внешне движущимся механизме, есть идея, созданная не античностью, душа которой – пантеизм, и не Средними веками, утверждающими в основе мира божество как абсолютную жизнь и любовь, но исключительно Новым временем. Это всецело создание капиталистической Европы, обездушившей мир и природу, чтобы перенести всю жизнь, всю глубину и ценность бытия на отдельного субъекта и тем его возвеличить.

чества».

Она всецѣло, глубоко ритмична, мѣрна, заданна, что означает: она – несвобода, неволя. Ея бытіе – даже не дыханіе, а скорѣе – сердцебіеніе создавшаго. Она – лучшее изъ его твореній, ея чары для любого живого и впрямь необоримы, и слѣпота и мѣрность ей къ лицу. Ея ловушка коварна: вотъ роскошью своею бросается въ сердце, покорная, красотами себя являющая, молчаливо ждущая насъ, смиренная, какъ бываетъ смиренень только Востокъ, сѣдой Востокъ, и – завладѣваетъ нами безъ остатку, всепожирающая, а покоренный думаетъ, что онъ здѣсь хозяинъ, что онъ начало активное; но не природа приходитъ намъ послужить (въ качествѣ храма или же мастерской), а человекъ приходитъ къ ней – послужить: какъ рабъ, влачащій ярмо; не человекъ вбираетъ её въ сердце по своей волѣ, а она бросается въ сердце человеческое по волѣ своей (вѣрнѣе: по волѣ создавшаго). И вводитъ отъ Я: въ Себя.

Природа, какъ и міръ, понимается въ поэмѣ какъ майя, иллюзія, какъ путы, несвобода и уловка – и улыбка – создавшаго.

Но творящій, не-мѣрный, любитъ её – среди прочаго – и потому, что она въ ритмѣ своемъ и мѣрности даруетъ покой вождельнный, приѣмлетъ въ лоно свое всё творящее, не-ритмическое, не-заданное, борющееся (а потому устающее отъ самого себя); она – ложе и лоно.

Для М. – она не храмъ и не мастерская: она послѣднее ис-



кушение, храм ложный, ложныхъ боговъ, заря-искусительница, заря неподлиннаго, кажущаяся подлиннымъ. И онъ отвергаетъ её. И съ тѣхъ поръ бытіе М. стоитъ подъ знакомъ не только боренія съ нею – въ себѣ и вовнѣ себя, – но и презрѣнія (которое выше боренія). – М. – снова – въ максимальномъ контрастѣ съ обставшей его дѣйствительностью: минойцы природны въ мѣрѣ наивысшей, они и природа – одно; М. – не только растождествляетъ свою личность съ нею, но и тщится быть противоположностью природѣ.

Мѣрность же понимается въ поэмѣ какъ заданный создавшимъ ритмъ дольнихъ сферъ, безконечное хожденіе по кругу и лабиринту, рабское и слѣпое, какъ себя пожирающій змій; и, какъ слѣдствіе, какъ духовная спячка и косность<sup>64</sup>. Закономѣрность – мѣрность – заданность. Именно Ариманъ

---

<sup>64</sup> Анучинъ Евг. *Изъ частныхъ бесѣдъ середины 2019-го*: «Сложнее с природой человека. Это не некий словесный оборот, метафора – это сама сущность человеческая, повязавшая внешнюю природу вокруг человека и внутреннюю в нем самом. Такое человеко-миро-устройство делает человека только в определенной степени зависимым от природных стихий. Преодолеть эту зависимость можно Духом отсутствующим во внешней природе. Человек иногда наделяет природу духом, но чисто метафорически. Тютчев: "Природа – сфинкс и тем она сильней своим искусом губит человека, что, может статься, никакой от века загадки нет и не было у ней". Даниил Андреев отмечал, что есть природа и есть ее состояния, прозреваемые человеком как стихии. Не будем путать стихии со стихиями природных состояний. Посему воспевание природы есть человеко-чувственно-духовное ее измерение, выраженное через стихии. Крито-минойцы такого еще не знали. Храмом для человека природа становится не через искушение, а через стихийное преображение. Посему отвергать природу от себя можно было лишь в минойское время. Отвергать сегодня значит проявлять собственное невежество». – Что еще мог бы сказать язычник сегодня?

отвѣчаетъ въ поэмѣ за мѣрность и ритмичность (сонъ, ѣда, циклы природы, также и просто привычки и «зависимости» – вплоть до движенія небесныхъ свѣтилъ), коими архонты держать не только человѣка, но и всё живое въ уздѣ. Ритмъ – основа вселенскаго бытія, сердцебіеніе его, мѣрное постукиваніе стрѣлокъ да шестеренокъ вселенскихъ часовъ міроустройства. Царство Аримана – это нѣчто, идущее по кругу, нѣчто самозамкнутое (совсѣмъ какъ себя пожирающій змій Уроборосъ: змій, свернувшійся калачикомъ и пожирающій собственный же хвостъ), самый кругъ, 0, vagina. Ему казалось бы противостоить, но на дѣлѣ его дополняетъ, иной богъ, иной архонтъ: Люциферъ – богъ-вспышка, богъ-молнія, богъ-громъ, – словомъ, мечъ, стрѣла, I, фаллосъ.

Съ пониманіемъ природы связано потому и пониманіе судьбы, которая не что иное, какъ узилище, оковы, орудіе создавшаго, коимъ онъ держитъ всё живое во страхѣ и смиреніи, нить, которой мѣрно подергиваетъ создавшій, кукловодъ par excellence, возсѣдая на сѣдалищѣ. Хотя такого рода пониманіе судьбы не встрѣчается въ мировой литературѣ, оно всецѣло гностично; но будучи таковымъ, оно тѣмъ не менѣе всецѣло мое: я говорилъ о судьбѣ какъ объ оковахъ, объ odium fati еще до всякаго, хотя бы и отдаленнаго, знакомства съ гностицизмомъ. Въ этомъ смыслѣ я гностикъ если не до, то внѣ гностицизма. И уже около десяти лѣтъ моимъ убѣжденіемъ является: на отъ вѣка религіозномъ amor fati зиждется вся рабскость міра, на нерелигіозномъ odium fati

величаво покоится дерзновение его, порывающее съ міромъ и тщасеся прорвать заданность его.

\* \* \*

*«“Тесеѣ становится абсурднымъ, – сказала Ариадна, – Тесеѣ становится добродѣтельнымъ!”... “Ариадна, – сказалъ Діонисъ. – Ты лабиринтъ. Тесеѣ заблудился въ Тебѣ, у него уже нѣтъ никакой нити; какой ему нынче прокъ въ томъ, чтобы не быть пожраннымъ Минотавромъ? То, что пожираетъ его, хуже Минотавра”. “Ты льстишь мнѣ, – отвѣтила Ариадна, – но, если я люблю, я не хочу сострадать; мнѣ опостыльло мое состраданіе: во мнѣ погибель всѣхъ героевъ. Это и есть послѣдняя любовь къ Тесею: я уничтожаю его”»*

*Ф.Ницше*

Ученіе Дѣвы глубоко эсотерично. Оно – гностическое благовѣстіе, но съ большимъ креномъ въ сторону Люцифера, а вовсе не чистый гностицизмъ. Ученіе Дѣвы – не столько гностицизмъ, сколько чистый акосмизмъ (и въ этомъ смыслѣ оно есть люциферіанство). Оно – Откровеніе. Оно – Зовъ пробужденія: въ Ночи. Дѣва пробуждаетъ М. ото сна имене-мъ жизнь и возжигаетъ въ нёмъ искру, зачиная такимъ образомъ духъ его. Она учитъ М. прото-гносису<sup>65</sup> и указываетъ на

---

<sup>65</sup> Напомнимъ читателю, что въ первой поэмѣ дѣло происходитъ въ серединѣ

Четырехъ (см. схему во 2 главѣ II части «Rationes triplices I»), обходя молчаньемъ Христа; она говоритъ объ опасностяхъ Іалдаваофа, Аримана (зла абсолютнаго) и Люцифера (зла относительнаго), котораго хотя и призываетъ опасаться, но говорить это такъ, что М., скорѣе, сдѣлаетъ всё наоборотъ (въ случаѣ съ Люциферомъ). Какъ итогъ: М. обманывается Люциферомъ (въ четвертой главѣ второй части) и принимаетъ послѣдняго за Отца Неизглаголаннаго. Далѣе М. всё болѣе и болѣе одержимъ Люциферомъ.

Идеальный гностикъ, чужеземецъ *par excellence*, долженъ и другихъ призвать къ – говоря неоплатонически – «бѣгству въ дорогое отечество», въ «тамошнюю отчизну», призвать къ возвращенію, пробудивъ еще-спящихъ. М. этого не дѣлаетъ и дѣлать не желаетъ. Высотой души онъ считаетъ безграничное презрѣніе: ко всему (включая столь исконно цѣнимую героями славу). Онъ не имѣлъ и не желалъ имѣть учениковъ и не подготовилъ дорогу – стезю неложную – для прочихъ, для имѣющихъ восходить. Избраннымъ считалъ онъ только себя, не желая дѣлать Свободу и Вѣчность съ кѣмъ-либо еще, какъ не желаютъ дѣлать съ кѣмъ-либо жену. И не желаетъ задерживаться въ дольнихъ пространствахъ: на Землѣ. Такимъ образомъ, М. – пробный шаръ Вѣчности въ дѣлѣ спасенія дольнихъ сферъ. Спаситель, спасающій только себя и едва ли пробуждающій прочихъ (однако менѣе всего

---

II тыс. до н. э. То есть за 1500 лѣтъ до возникновенія гностицизма. Невозможное съ т.з. *ratio* оказывается возможнымъ для метаисторіи.

его можно назвать пустословнымъ, безуспѣшнымъ, напраснымъ, – короче, пустоцвѣтомъ; ибо онъ въ высшей мѣрѣ не безплоденъ), ибо критскіе «прочіе» были съ наглухо запечатанными глазами, ушами и сердцемъ, а иные «прочіе», тѣ, что будутъ явлены во второй поэмѣ, весьма малые числомъ, хотя и пробудились, но не такъ, не туда и не въ то; Свѣтъ манилъ ихъ, но они скорѣе чуяли, чѣмъ видѣли его, и не вѣдали, ЧТО онъ есть, каковъ онъ, гдѣ онъ, и блуждали во тьмѣ, ибо были полу-слѣпы. Первый Спаситель, самый неслышанный и не желающій быть услышаннымъ кѣмъ-либо изъ живыхъ, Спаситель, въ комъ очень мало духа Христа и очень много духа Люцифера, Спаситель, влекомый не только любовью къ горнему, но и чистою любовью къ злу, Спаситель, пригвожденный къ Голгоѣ, самолично и во имя свое, Спаситель, который – какъ духъ и какъ сознаніе длиною въ тысячелѣтія, явленное различными личностями въ различныя эпохи, – еще будетъ себя являть: вѣяніемъ міровъ иныхъ, Зовомъ о тамошнемъ и пробитой брешью между мірами, милостью которой и возможно всё высокое, имѣющее религію и философію какъ свою глубину, – пока не окончитъ свое дѣло въ мірѣ тьмы.

Вторая часть названа «теофаніи», богоявленія, и М. являються – помимо премірной и пренебесной Дѣвы, посланницы боговъ болѣе высокыхъ, чѣмъ критскіе, – самое малое Ариманъ и Люциферъ (и поди разбери – Люциферъ ли былъ вскорѣ послѣ Аримана или же то былъ самъ Іалдаваофъ!).

И поди разбери, не Люциферова ли посланница Дѣва? Появляются не просто боги, а тѣ, что надъ ними: Ариманъ и Люциферъ; но появляется и Герой, который станетъ важнѣйшимъ архетипомъ на послѣдующія тысячелѣтія; и ближайшіе по времени герои будутъ равняться на М., хотя чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе будутъ въ невѣдѣніи относительно него и его дѣяній.

Пусть читатель самъ для себя рѣшить: не Люциферова ли посланница Дѣва, прикрывающаяся Эпинойей свѣта? Или, несмотря на схожесть съ Люциферомъ, она и впрямь та Эпинойа свѣта, о коей говорятъ гностическіе источники, первѣйшимъ изъ которыхъ является апокрифъ Іоанна? Та, что отъ Метропатора, та, что есть внутренняя сокрытая сила пневматика, та, «которая названа жизнью», та, что должна быть исправленіемъ одной премірной ошибки; наконецъ, та, что открылась какъ мысль Адаму и Евѣ въ раѣ, пробудивъ ихъ мысль. Тѣмъ паче всегда подчеркивалась учительская роль Эпинойи. Или всё же Дѣва не Эпинойа? Не самъ ли Люциферъ – она: она – не Люциферъ ли, явленный Дѣвою? Ибо всё, плѣняемое Люциферомъ, входитъ въ роковое пике: курсомъ въ Ничто; говоря иначе: въ неизбѣжный крахъ и ночь. И кто погубилъ Критъ, предавъ его огню: М., землетрясеніе или ахейцы?

Ибо кому какъ не коварному Люциферу губить наиболѣе высокихъ изъ людского рода, вѣдь не-высокихъ губить Ариманъ? Кому какъ не ему хоронить всѣ высокія чаянія высо-

кихъ (сперва вспомагая въ нихъ, а послѣ – коварно губя)? Если Дѣва и есть Люциферъ (помимо явленія его въ главѣ «Два разговора»), то неудивительно ученіе ея, всё, ею реченное, ибо оно губительно сказывается и на М. и на Критѣ: она не только противъ какого бы то ни было совмѣщенія духа и матеріи (при томъ духъ понимается какъ мужское а рiогi, а женское какъ матерія), она ихъ предѣльно и безповоротно разъединяетъ, доводя разстоянье межъ ними до бездны, что уже само по себѣ крайне люциферично, но и противъ самой матеріи и всего дольняго, земного. Дѣва та (которая не дѣва, а премірная, неотмірная Дѣва, а на дѣлѣ, быть можетъ, попросту Люциферъ или его посланница) просто ненавидитъ дѣвѣ (матерію, землю и пр.), но и учитъ тому М.; ученіе ея приводитъ къ размежеванію со всѣмъ что ни есть, оно разжигаетъ душу М., приводя его къ развоплощенію, и побуждаетъ къ бѣгству въ «тамошнее отечество», но бѣгство то куда болѣе поспѣшное и радикальное, нежели училъ Плотинъ и столь нелюбимые имъ гностики; ея ученіемъ герой сваливается въ люциферіанскій штопоръ и, видимо, погибаетъ въ концѣ концовъ. И этимъ губитъ не только жизнь М., но и возможные его благоустроенія, всю возможную дѣятельность его на землѣ. Губитъ она именно избраннаго, кому – единственному – сказывается «бѣлая словеса», и губитъ именно тѣмъ, что и какъ сказывается. Уводитъ сверхъ всякой мѣры отъ міра, доводитъ до несовмѣстимой съ жизнью и дѣянiями степени мироотрицанія, ненависти къ міру и проклятiй въ

его адресъ, предѣльной степени гордыни и каленія сердца, послѣ которой – только ночь, и тьма, и яркопламенная боль, и черная ненависть. И М. становится самымъ разрушеніемъ (поверхъ – ненависти, презрѣнія и пр.). Въ этомъ смыслѣ моя критская поэма есть поэма одного – доисторическаго – прельщенія. Люциферова прельщенія. М. – подъ Люциферомъ, а всѣ прочіе – либо подъ Ариманомъ (народъ и Имато), либо же подъ самымъ Іалдаваофомъ (Касато, Акеро). Если на вопросъ, почему и для чего Люциферъ губить именно М., думается, отвѣтъ очевиденъ, то, возможно, не слишкомъ ясно то, почему губить. Дѣло въ томъ, что и самъ Люциферъ проклятъ создавшимъ и обладаетъ чѣмъ угодно, но не духомъ любви, съ иной стороны не обладаетъ онъ и теплохладностью: остается лишь яркожгущая всеразрушительная ненависть; и онъ заражаетъ собою избранныхъ, ибо неизбранныхъ собою заражаетъ Ариманъ – совсѣмъ какъ въ «Вѣѣ» вѣдьма желаетъ сдѣлать героя мертвымъ, какъ она сама.

Выше мы писали, что «бѣлая словеса» Дѣвы не есть чистое гностическое ученіе; въ доказательство сказанному вкратцѣ рассмотримъ ихъ съ т.з. гностицизма. Развѣ гностики учили, что всё на землѣ есть зло, что нѣтъ на землѣ Отчаго? Нѣтъ, гностики учили о томъ, что міръ сей есть плодъ смѣшенія матеріи и духовныхъ началъ, отчаго. Гностикъ борется не съ космосомъ, но съ космосомъ-какъ-отчужденіемъ-отъ-Бога. Ученіе же Дѣвы акосмично сверхъ всякой мѣры. У гностиковъ не было представленія о самоубійствѣ ка-



къ избавленіи, ибо освобожденіемъ и избавленіемъ является только личное знаніе – гносисъ; именно оно единственно и дозволяетъ разорвать цѣпь перерожденій (восточная эта идея явна у Карпократа и скрыто-меонально присутствуетъ и въ иныхъ гностическихъ теченіяхъ); въ противномъ случаѣ живое существо, не достигшее гносиса, не осознавшее земное какъ тщету, какъ нижераспростертое, и не отложившее попеченіе о дольномъ, не разочарованное земнымъ, но имъ очарованное, будетъ вновь и вновь перерождаться, пребывая въ слѣпотѣ и тьмѣ – смерть какъ таковая не есть избавленіе. Далѣе. Дѣва учитъ о дѣвахъ какъ существахъ низкихъ, чему подтвержденія въ гностицизмѣ мы не находимъ; тамъ представленіе о дѣвахъ во многомъ противоположное. Іалдаваофа Дѣва рисуетъ излишне черными красками, объляя тѣмъ самымъ Люцифера; для гностиковъ Іалдаваофъ всё же не сатана и не квинтэссенція зла, но прежде всего слѣпое созданіе; онъ не начало и не конецъ, но середина (ну да – та середина, которая есть чортъ, по Мережковскому) и посредникъ; всё вниманіе М. она сосредотачиваетъ на нёмъ и на твореніи его, но толкомъ ничего не сказываетъ ни о гностической тео- и космогоніи, ни о плеромѣ. Кромѣ того, Дѣва умалчиваетъ, что Софія дѣйствовала чрезъ инья дѣянія создавшаго (а онъ въ слѣпотѣ своей того не вѣдалъ), потому міръ не такъ дурень, какъ то показываетъ Дѣва: въ мірѣ есть вѣянія Отчаго, явленные милостью Софіи.

Люциферъ, сынъ Зари, проклявшій всё земное, – не добро

вовсе, но и не зло абсолютное: онъ – противоядіе (и отъ Ари-мана, и отъ Іалдаваофа). Но къ чему приводитъ, ежели въ душѣ только Люциферъ, – объ этомъ, собственно, вся I критская поэма. М. иллюстрируетъ сіе. Именно поэтому въ поэмѣ нѣтъ однозначно положительныхъ героевъ, а однозначно отрицательныхъ достаточно. Есть герои ниже, есть выше, есть премного выше (М. и его «дама сердца» – премірная Дѣва), но и послѣдній едва ли въ полной мѣрѣ положительный герой.

Для меня Люциферъ есть сила крайне опасная, но необходимая, которую стоитъ использовать (но крайне осмотрительно, иначе она будетъ использовать тщацагося использовать еѣ), чьими стезями стоитъ итти, но не въ полной мѣрѣ, а лишь отчасти, чтобы далѣ свернуть въ концѣ концовъ отъ него – къ Христу. И къ сему примѣнимо знаменитое Парацельсово «Alle Ding' sind Gift und nichts ohn' Gift; allein die Dosis macht, dass ein Ding kein Gift ist»<sup>66</sup>. Но на первыхъ порахъ должно всё же быть больше Люцифера, чѣмъ Христа; послѣ же – больше вѣяній Христа, подлиннаго Христа, но соотношеніе въ душѣ духа Люцифера и духа Христа каждый (да!) избираетъ самъ.

Именно этого не удастся М. И онъ падаетъ въ стремительномъ пике: въ небытіе и ночь. Здѣсь отсылаю читателя къ моей схемѣ изъ своей еще не изданной статьи «Rationes triplices

---

<sup>66</sup> «Всё есть ядь, и ничто не лишено ядовитости; одна лишь доза дѣлаетъ ядь незамѣтнымъ».

I». Она опирается на мой мистическій опытъ и прозрѣнія и называется «Крестъ бытія». У каждой изъ 4 вершинъ Креста есть свой царь, правитель и ея владѣлецъ; и чѣмъ далѣе отъ центра – средокрестія – тѣмъ больше царствуетъ одинъ изъ *Четырехъ*, тѣмъ сильнѣе вѣянія его. Исторія, бытіе какъ таковое и бытіе каждаго въ отдѣльности – поле брани *нѣсколькихъ силъ*; или – если быть точнѣе: *силъ Четырехъ*; и человекъ – всегда ихъ проводникъ. – По нисходящей: вверху – премірныя силы, тамошнее, Единое неоплатониковъ, Богъ Невѣдомый гностиковъ, тамъ же и Христось; ниже и правѣе – Люциферъ; ниже и лѣвѣе – Іалдаваофъ; въ самомъ низу – во адѣ – Ариманъ; красною нитью, ритмомъ выступаетъ богъ времени – Зерванъ (понимаемый вовсе иначе – не какъ довременное двуполое существо иранской мифологіи, породившее Ахура Мазду и Ангра Майнью, не какъ божество верховное, но какъ одинъ изъ архонтовъ; также и самое Время, царствующее въ дольнихъ сферахъ, противопоставляется Вѣчности, которая есть царица *тамошняго*). Несмотря на то, что ихъ Четыре, противоположностей двѣ. Парой противоположностей являются: съ одной стороны – Христось, св. Духъ и прочее горнее и тамошнее (Единое на языкѣ Плотина) – и Ариманъ какъ царь здѣшняго, царь плоти – съ иной; другая пара противоположностей – Іалдаваофъ и Люциферъ.

Въ «*Rationes triplices I*» о второй парѣ противоположностей говорится: «Однако помимо одной пары противоположностей – низъ и верхъ – имѣется и пара, идущая слѣва напра-

во: она – линия восхождения Я: отъ тотального отсутствия Я, полоненного коллективизмомъ, полоненного Мы – направо до предѣла – до злого своеволя, до бѣсовщины и боли добѣла раскаленного Я, возогнанного, отчужденного и всеподавляющаго – по волѣ своей и только своей (которая и есть воля Люцифера, ибо Я есть Люциферъ). «Я – явное, ясное, яркое. Я – это Ярѣ», – говоритъ Бальмонтъ; при томъ у Бальмонта здѣсь рѣчь идетъ лишь о буквѣ алфавита.

Правая часть (движеніе направо изъ любой части схемы) = усиленіе Я: ибо Люциферъ (а это крайняя правая точка) есть Я. Безъ него нѣтъ Я: нѣтъ осознанія Я, ниже сознанія, ниже самого Я, ниже себя. Люциферъ есть духъ: но не Духъ, ибо для Духа надобенъ Христосъ. Люциферъ помимо того, что онъ – стихія Я, онъ также есть и стихія мужескихъ инстинктовъ, къ которымъ относится большая часть того, что мы привыкли считать благороднымъ; Люциферъ, конечно, не добръ, говоря морально, но сама діада Добро-Зло здѣсь непримѣнима.

<...> Слѣва – стихія Яхве, бѣса пустынь. Тамъ – христіанство неподлинное, историческое, кое есть сдѣлка съ Ветхимъ Завѣтомъ и искаженіе подлиннаго ученія Христа; тамъ, тамъ – смиреніе, униженіе, уничиженіе, скопчество духа и плоти, тамъ – безуміе Мы, тамъ еще нѣтъ Я, тамъ нѣтъ Личности. Говоря иначе: Движеніе отъ С къ В [то есть движеніе направо къ Люциферу] есть движеніе отъ коллективизма и обезличенности, отъ мнимо-добраго къ мнимо-злому, но при то-

мъ и не самому глубокому виду Личности.

<...> Есть третья прямая, пересѣкающая точку пересѣченія координатъ, или 0, она исходитъ изъ лѣваго нижняго угла и устремлена до верхняго праваго угла: она – линія (или: стрѣла, лучъ) восхожденія, возрастанія Личности. – Въ нижнемъ углу я еще нѣтъ, въ правомъ верхнемъ – ея уже очень много. Почему для Личности стоитъ идти равно между Христомъ и Люциферомъ? Высшее – въ синтезѣ. Лучъ Личности идетъ ровно подъ 45 градусовъ между звѣздой Иисуса и звѣздой Люцифера. Я полагаю, что вопросъ, зачѣмъ надобенъ Христосъ для нея можно оставить безъ отвѣта, остается непроясненнымъ вопросъ, отчего Люцифера въ ней должно быть столь же, сколь и Христа? – Полагаю, что ежели его будетъ меньше или будетъ мало, то тогда столь же мало и Я, то есть всего нищепанскаго, благороднаго, мужескаго, – что недопустимо для Личности въ ея максимумѣ. Съ иной стороны: Люциферовское Я, лишенное духа (или импульса) Христова, есть не только безумье, но также и нѣчто, рождающее иллюзію. Всѣ религіи, ихъ эзотерическое ядро и прочія духовныя ученія посвящены усмирению своего Я. – Есть безуміе Мы, но есть и безуміе Я.

<...> Геній – тотъ, въ чьемъ сердце свиль гнѣздо не только духъ Христа, но и духъ Люцифера (то есть Я, духа возвышеннаго и безмѣрно гордаго, ненавидящаго міръ и мірское); тотъ, кто въ сердцевинѣ своей сущности не имѣетъ духа ни Яхве-Іалдаваофа, ни Аримана. – Рѣчь идетъ о «Цезарѣ съ

душою Христа», говоря нищенски; или о князѣ Мышкинѣ, «идіотѣ», единовременно съ этимъ имѣющаго въ себѣ многое отъ любого байроническаго героя, съ толикою мѣтьюриновскаго Сатаны».

Люциферъ, «страшный и умный духъ, духъ самоуничтоженія и небытія», – себя пожирающій змій (но на иной ладъ, нежели природа).

Самое раздѣленіе двухъ видовъ зла – зла относительнаго (Люциферъ) и зла абсолютнаго (Ариманъ) – изначально восходитъ къ Штейнеру, но онъ разумѣлъ это нѣсколько иначе. Этого раздѣленія придерживается и Свасьянъ, его продолжатель. Въ критской поэмѣ на гносисъ наслаивается Штейнеръ съ его раздѣленьемъ Аримана и Люцифера и мой собственный мистическій опытъ...органически вплетаемый въ минойскія эпохи! Заимствуя Штейнерово представление объ Ариманѣ и Люциферѣ, осмысляя и творчески его преобразуя, я дѣлаю ихъ главнѣйшими слугами князя міра сего: архонтами, – тогда какъ въ гностицизмѣ этихъ боговъ попросту нѣтъ, и имена архонтовъ иныя, кои – всѣ семеро – суть чада Іалдаваофа. Змѣй (снова, согласно офитамъ) также есть сынъ его: восьмой, – рожденный отъ похоти создавшаго къ матеріи. Иные гностики считали, что самая Премудрость воплотилась въ Змѣя.

Согласно офитамъ – Змѣй – сынъ Іалдаваофа и Пруники. Искуситель Евы, давшій высшее знаніе. Сперва онъ зло, а послѣ помогаетъ Адаму и Евѣ въ раю преодолѣть заповѣдь

Иалдаваофа, что расцѣнивается какъ высшее благо. За это Иалдаваофъ выгоняетъ Змѣя изъ рая въ дольніе сферы и навѣки проклинаятъ. Змѣй проклятъ Проклятымъ (Иалдаваофомъ). Отъ Змѣя рождаются 6 сыновей, что мѣшаютъ людямъ, мстящихъ за низверженіе отца своего, что, однако, не мѣшаетъ прославленію змѣя офитами за его совѣтъ людямъ въ раю. Однако наасены и нѣк. иные гностики, очевидно, раздѣляли двухъ змѣевъ – благого, коего славили, и дурного, сына Ялдаваофа. Но въ цѣломъ змѣй игралъ двойкую роль – и хтонически-хаотическую и надмирно-пневматическую.

Приведемъ слова Свасьяна – нѣкую вполнѣ гностическую гетеродоксію на свой ладъ, гдѣ онъ раскрываетъ свое видѣніе темы Люцифера: «Становление человека – *carte blanche* Сатаны: лицензия на зло, потому что в зле, через зло, силою зла мир не замирает в воскресности, а учится быть бодрым и будним. «Мир», говорит однажды Гёте<sup>67</sup>, «это орган, на котором играет Господь Бог, а дьявол надувает меха». Не умеет человек быть злым, у него не прорезались бы даже зубы. Грехопадение – религиозный дар, дар Я в животном, которое без этого дара оставалось бы просто райским телом: бесплотным, бесстыдным и бессмертным. Непонятно (теологически) одно: если Бог – это рай, а рай – неведение, то откуда в нем второе древо? Бог, говорит св. Иоанн Дамаскин, хотел, чтобы мы были бесстрастны и беззаботны и не делали ничего иного, кроме как «непрестанно и немолчно вос-

---

<sup>67</sup> Goethes Gespräche, Leipzig 1909, Bd. 2, S.336.

певали Создателя, наслаждаясь Его созерцанием и возлагая на Него наши заботы»<sup>68</sup>. Заботы! Какие еще заботы у бесстрастных и беззаботных! И разве для этого не достаточно было древа жизни! Зачем понадобилось еще одно: то, вкусив с которого, учатся различать добро и зло? Оно, продолжает святой отец, «должно было служить некоторым испытанием и искушением для человека и упражнением его послушания и непослушания». То есть, если древо познания и стоит в раю, то не для употребления, а для неупотребления. Совсем как в старом анекдоте про англичанина, который, после долгих лет жизни на необитаемом острове, был найден своими соотечественниками и объяснил им, почему ему понадобилось выстроить на острове три дома. Первый, так сказал он, – это дом, в котором я живу. Второй – клуб, в который я хожу. А третий – клуб, в который я не хожу. Соответственно, в райском раскладе: первое древо – это древо, с которого я вкушаю, а второе – то, с которого я не вкушаю. Богослов добавляет: наверное, вкушать с древа добра и зла дозволялось только ангелам, чтобы они не просто были ангелами, но и знали про это; человеку это могло быть только во вред, как твердая пища младенцу, питающемуся молоком. Бедный богословский дьявол! Ведь и по сей день мало кто догадывается, кому мы обязаны нашей статью, прямой походкой, речью, мыслью, сознанием и самосознанием,

---

<sup>68</sup> Св. Иоанн Дамаскин. *Точное изложение православной веры*, кн. 2, гл. 11. Полн. собр. творений, СПб. 1913, т. 1.



знанием, культурой, историей, *собой*. Храни мы верность богословскому Богу, который сотворил нас, чтобы мы «непрестанно и немолчно воспевали Его», о нас можно было бы сказать словами Вольтера из его письма к Руссо<sup>69</sup>: «Я получил, сударь, Вашу новую книгу против рода человеческого, и я благодарю Вас за нее... Еще никогда не было затрачено столько ума, чтобы сделать из нас скотин... Так и хочется, читая Ваш труд, встать на четвереньки. Но, поскольку я вот уже более шестидесяти лет как отвык от этой привычки и неспособен, к сожалению, снова вернуться к ней, мне приходится предоставить этот естественный способ передвижения тем, кому он больше подобает, чем нам с вами. Ко всему прочему я не в состоянии сесть на судно и отправиться в Канаду к дикарям... Меня вполне устраивает быть мирным дикарем в одиночестве, которое я выбрал себе неподалеку от мест Вашего обитания, где и Вы, надо полагать, являетесь таковым же. От г-на Шапюи мне стало известно, что Ваше здоровье оставляет желать лучшего; следовало бы восстанавливать его на свежем воздухе, наслаждаться свободой, пить вместе со мной молоко наших коров и щипать траву на наших пастбищах.

Еще раз: риск пролога на небе в том, что обоим могучим сотрудникам Бога (их именно двое, *diabolos* и *satanos*) не дано знать, что они действуют по воле Отца. Больше того: им

---

<sup>69</sup> Œuvres complètes de Voltaire, t. 33, Paris, 1818. Correspondance générale, t. III, p.159sq.

позволено всерьёз считать себя врагами и всерьёз оспаривать у Творца его творение. Оспаривать, значит: портить, делать неудавшимся. По типу: «И увидел Бог, что *это* хорошо», а *это* было – хуже не бывает. Софокл в «Эдипе в Колоне» нашёл совершенную формулу: «Величайшее благо – совсем не родиться, а родившись, поскорей умереть»... Важно понять: Мефистофель не единственный носитель и адепт зла. Не единственный, с позволения сказать, чёрт. Есть и другой. Опасность другого в том, что он замаскирован под Бога. Хуже: играет Бога, вжит в роль Бога до – *далее некуда* (так и просится на язык: по системе Станиславского). Он и сам верит в то, что он и есть Бог. Еще бы не поверить, когда ему две тысячи лет внушают это и молятся. Какая странная мысль, от которой можно равно потемнеть и – просветлеть: Бог (в расхожем, машинально усвоенном из традиции представлении о Нем) – это зомбированный дьявол: дьявол, сидящий на теологической игле и мерещащийся себе Богом... Но и дьявол (всё в том же машинально усвоенном представлении о нем) – это Бог, принимающий себя за дьявола. Работают оба по привычной схеме «злого» и «хорошего» следователей. Один черен, как чёрт. Другой, антипод, *автоматически* ослепляет ангельской белизной. Один заземляет настолько, что увязаешь в земном, как в болоте. После чего другому не составляет труда притягивать в небо. Одному только и удаются что уродства, которые он уродует всё дальше и больше. Другой обожает в вещах их фотогеничность. Он прихораши-

вает их до неузнаваемости, снимает их и клеивает снимки в Вечность.

Фокус в том, что оба противопоставлены друг другу и страдают взаимной аллергией. Как небо и земля, в буквальном смысле. О чем они при этом даже не догадываются, так это о том, что делают с разных концов одно и то же дело. Мефистофель обязуется быть гидом Фауста по жизни и посвящать его в полноту земного опыта»<sup>70</sup>.

Вь иной книгѣ К.Свасьянъ пишетъ: «Духовная наука различает не одного, а *двух* искуссителей, удобства ради называемых в богословской традиции собирательным именем дьявол (греческий текст Евангелий говорит о *diabolos* и *satanas*). Это, с одной стороны, известный христианам, как дьявол, Люцифер и, с другой стороны, неизвестный христианам Ариман, которого они удобства ради смешивают с Люцифером. В целом мирового свершения обе силы играют роль могучих сотрудников и помощников Божества в его рискованном предприятии стать тем, что Оно извечно есть. Популярная кличка *дьявол* (или *сатана*), отвечающая вкусу и ожиданиям христианских потребителей, не должна застилать перспективы более серьезного, зрелого подхода. Представлять себе дьявола абсолютным противником Бога, к тому же с явным перевесом в набранных очках, значит не только оскорблять Бога перманентной фиксацией его немощи, но и культивировать абсурд допущения некоего второго (злого и во

---

<sup>70</sup> Свасьян К.А. «...но еще ночь». М., 2013

всех отношениях более эффективного) Бога, которого терпят во времени лишь потому, что *верят* в победу над ним в вечности. В гнозисе духовной науки обе силы оказываются, поэтому, выпадающими из ритма и гармонии потенциами Божества, без которых Божественное столь же немислимо, как музыка без ритмических отклонений и диссонансов. Каждой из них вменено в обязанность представлять односторонний мир и абсолютизировать *одну* сторону: небо *или* землю, веру *или* знание, дух *или* материю, жизнь *или* смерть; Люцифер – это дух, желающий знать себя из эгоистической, мечтательной, морально не очищенной душевности только как духа, Ариман – это дух, овладевающий душой и желающий знать себя только как материю. В христианской традиции первый занял место собственно Бога, а второй собственно дьявола. Духовная наука разоблачает одностороннего Бога теологии, как Люцифера, и противопоставляет ему *другую* односторонность под именем Ариман. Обе стороны мирового развития осмыслены в единстве Христова сознания, как *отклонения* от него; при этом то, от чего они отклоняются (в духовное у Люцифера и в материальное у Аримана), есть *воплощенность* Существа Христа в теле Иисуса из Назарета, на восприятии какового оба божественных *экстремиста* и осознают впервые собственные эволюционные задачи. Испытания, описанные в Евангелиях, могут быть поняты *исторически* как попытки расколоть Бога и человека в Христе Иисусе в перспективе люциферизации Бога во Христе (по-

люс монофизитства) и ариманизации человека в Иисусе (полюс иезуитизма). Возможна и более глубокая оптика, в которой названные искушения позволяют осмыслить себя как *самоискушения*<sup>71</sup>.

«Если Люцифер – дух, абсолютизирующий себя и пользующийся телом для того лишь, чтобы внушить его носителям поскорее сбросить его с себя, то он являет точную противоположность духу, погрязшему в теле и называемомуся Ариман. Ариманова погрязшесть в теле такова, что он приписывает телу то, что принадлежит духу, в духе же нуждается ровно в той мере, в какой это необходимо для того, чтобы объявить дух несуществующим. В своей обоюдной оптике оба антагониста видят друг друга стоящими на голове, причем так, что каждый видит перевернутым другого. Один, как дух, не желает смириться со своей воплощенностью, другой, как плоть, не признает своей духовности. Всюду, где фюсис кажется в присутствии духа призраком, справляется молебен Люциферу. Напротив, Аримана боготворят там, где материализуют дух. В Аримане дух мыслится лишь как некое специальное отправление тела. Дух заменяют телом, тело же сводят к призрачным пузырям, измышляемым в духе и именуемым атомами. Мечта Аримана – воспроизвести Мистерию Христа на современном материалистическом теле. Тело не хочет *становиться* Богом; чего оно единственно хочет, так это немедленно, сию же минуту *быть* Богом. Оно отри-

---

<sup>71</sup> Свасьян К.А. *Европа. Два некролога*. М., 2003.

даёт всё Божественное, кроме собственной данности, узурпирует права на реальное и хочет *мочь* ни больше ни меньше, чем *мог* Бог теологов. Короче: тело Аримана ведет себя как Я Штирнера; оно воображает себя Единственным и не видит в мире ничего другого, кроме своей Собственности. Но это значит: оно поддается люциферическому искушению. Люцифер берет его с собой на высокую гору, показывает ему все царства мира и славу их и говорит ему: всё это твое, если ты почтишь меня и бросишься вниз. – Да свершится воля твоя, отзывается Ариман, я почитаю тебя. – И он бросается вниз, *не разбиваясь насмерть*. Первое техническое чудо Аримана: он падает с парашютом. Таким образом, он хоть и поддается искушению, но не проигрывает, а выходит из него победителем – со всеми обещанными царствами и славой их. В Аримане некий притворяющийся только-материей дух обводит вокруг пальца некоего притворяющегося только-духом духа и заменяет Люциферову диктатуру духа Аримановой диктатурой материи. Последняя интересна уже тем, что она и понятия не имеет о том, что есть материя. Чем сильнее жаждет Люцифер самопознания, тем яростнее противится Ариман всякому познанию. Между тем *Ариман-Гнозис* мог бы начаться уже со следующего положения: некий высокий Бог возомнил, что он в состоянии нести свою Божественность не как жертву, а как комфорт. Чисто по-английски, он хочет быть счастливым Богом, Богом-счастливчиком! – Эпитет *божественный*, который люциферически приставляется

к мышлению (но никогда к телу), ариманически предидирует только тело. *Божественный* Платон, *божественный* Фома, *божественный* Спиноза были божественны именно как мыслящие. Сегодня дело идет о телах, которые вымогают себе право значиться *luciferi*, светоносцами. Карма Люцифера. либо преобразить свою индивидуальность в орган восприятия Я для Христова Я, либо же оставаться застрельщиком Аримана и детоводителем к Ариману. Его альтернатива: либо он становится *сознательным*, либо делается *машинальным*. *Дух как машина* возвещает: «Пора наконец покончить с духом как душой. Ибо духу не подобает мутить себя всякого рода эмоциями и страстями. Достаточно открыть какую угодно биографию человеческого духа на любой странице, чтобы почувствовать себя в бедламе, демонстрирующем всю палитру патологических состояний. Пришло время положить конец гениальности в её человеческой форме! Разве человек не позорит гениальность! Ведь было же учеными экспертами вроде Ломброзо и Нордау столетием раньше научно доказано, что гении страдают помешательством! Следует поэтому отнять у них их гениальность, которую они дискредитируют и оставляют большей частью неиспользованной, и препоручить её машинам. Уж машины-то сумеют выжать её как лимон». – Мы внемлем этому ариманическому оптимизму объективно и с живым интересом – в не менее оптимистическом допущении, что есть же где-то всё еще край, где цветут «*невыжатые лимоны*». Подобно тому

как человек тысячелетиями обкрадывал себя в своих *мыслях*, даря их некоему люциферическому Богу, так он дарит их сегодня ариманической машине, конструируя её как продолжение своего тела. Ничто не характеризует наше апокалиптическое время Я-сознания резче и трагичнее, чем тот *факт*, что в мир всё чаще приходят человеческие существа, лишённые Я, и одновременно продуцируются механические существа, имитирующие Я. Если гениальный Отто Вейнингер еще в 1903 году мог сформулировать, что *«универсальная память о всем пережитом есть... наиболее верный, общий и легче всего постижимый признак гения»*, то по этому признаку сегодня легче узнать стиральную машину, чем человека. Human farm: все люди (интеллектуально) равны, но некоторые люди (телесно) более равны. Всеобщей уравниловке духа в демократической мешалке мнений противостоят аристократические привилегии тела. Тела единственно сохраняют свою индивидуальность на фоне всеобщего омассовления духа: университетские профессора, композиторы, художники, поэты, литераторы, лауреаты, ученые выглядят в лучшем случае муравьями по сравнению с яркой поименностью уголовных авторитетов или манекенщиц. Если духовность на скорую руку подстригается под демократическую гребенку, то тело пользуется нынче всеми феодальными льготами прежних времен. Быку дозволено сегодня, что не дозволено уже никакому Юпитеру. Бык втискивается в кадр и дает понять, что забодает каждого, кто осмелится



приписать ему рога, – между тем как Юпитеру самое время проявлять чудеса деликатности, чтобы не быть заподозренным в антибычьих настроениях.

<...> Теологии в XX веке следовало бы опознавать себя не в традиционной теме *Бог*, а – довольно скверно! – в сверхактуальной теме *Bodybuilding*. Если наше время есть время нового, именно: ариманического грехопадения, то в противоположность люциферическому оно связано уже не с Я в роли тела, а с телом в роли Я. Обещание люциферической змеи: *и будете как Боги* – переходит в XX веке в ведение Аримана. Люциферически оно означало: *будете в духе как Боги*. В ариманической поправке *дух* заменяется *телом*. Сегодня уже не дух, а тело хочет быть гностиком и управлять миром. Дух, играющий при теле роль некоего серого кардинала, прячется за ним и нашептывает ему слова соблазна: *Я не что иное, как твоя функция; ты можешь всё; верь поэтому лишь в самого себя, и будешь как Я*. Интересно в этом совращении не столько то, что здесь *говорится*, сколько то, как здесь *слушается*. Этому слушанию, а главное, вере в услышанное обязаны мы *культурой*. «Ибо язык и мышление по происхождению совершенно люциферичны... Если Вы решите избежать Люцифера, Вам придется в будущем быть немыми и не мыслить!». Если рождение культуры есть подчеркнуто люциферическая тема, то гибель культуры разыгрывается преимущественно в ариманической топике <...> Подобно тому как соборное тело готики взметнулось однажды в люцифериче-

скую *сверхприроду*, мещанское тело Нового времени падает вниз и попадает в ариманическую *подприроду*»<sup>72</sup>.

Добавимъ, что Свасьянова гетеродоксія, лихо нарисованная кистью великаго мастера, вполне отвѣчаютъ гностицизму въ цѣломъ (онъ не заявляетъ себя послѣдователемъ гностицизма, хотя и симпатизируетъ ему, ибо онъ прежде всего антропософъ), но расходится съ нимъ въ отношеніи «Отца» и Люцифера: согласно гностицизму, есть создавшій – Ялдабаофъ\Малдаваофъ, дурной, слѣпой и злой, и есть Тотъ, что выше: премірный Отецъ, всеблагой, всесвѣтлый, всечистый; есть и «Люциферъ», явленный змѣемъ, которому поклонялись гностики-офиты, для коихъ онъ былъ олицетвореніемъ высшаго знанія, въдъ образъ его (согласно офитамъ) приняла въ раю Премудрость<sup>73</sup>, даровавъ людямъ – черезъ Адама, дотолъ пребывавшаго въ невѣдѣніи, – знаніе. Для Свасьяна же есть: всеблагой Отецъ и два вида дьявола – оба сороботники Бога (вовсе не Малдаваофа, а нѣкоего подлиннаго), а не его «абсолютные противники»: черный, «какъ чертъ», *diabolos* (Мефистофель), «Бог, принимающій себя за дьявола», который «заземляетъ настолько, что увязаешь въ земномъ, какъ въ болоте» и *satanos*, который «самъ веритъ въ то, что онъ и есть Богъ», которому вотъ уже около двухъ тысячъ лѣтъ ставятъ свѣчки въ храмахъ, «зомбированный дьяволъ: дьяволъ, сидящій на

---

<sup>72</sup> Свасьян К.А. *Европа. Два некролога. М., 2003.*

<sup>73</sup> Ириней: «*Quidam enim ipsam Sophiam serpentem factam dicunt*» («Нѣкоторые говорятъ, что сама премудрость сдѣлалась змѣемъ»).

теологической игле и мерещась себе Богом», «антипод [перваго, чернаго – М.Р.], *автоматически* ослепляет ангельской белизной». Первый – Ариманъ, второй – исторический Христось, Христось церковниковъ, Христось неподлинный, онъ же – и Люциферъ, который «дарит людям свободу, которой они не в состоянии пользоваться, покуда они влечены в *бытие* и повязаны им во всех своих жизненных отправлениях», и которому, по болѣ ранней книгѣ Свасьяна, «мы обязаны даром называть себя Я» и который «сам обязан [подлинному – М.Р.] Христу даром называть себя: *не Я, но Христос во мне*. Тогда, но и только тогда, он называется Святой Дух»<sup>74</sup>. Итого – троица: Сцилла – Ариманъ, Харибда – Люциферъ (неподлинный Христось), и – Христось подлинный<sup>75</sup>. Троица, а не Четверица, какъ у меня: я выдѣляю

---

<sup>74</sup> Свасьян К.А. *Европа. Два некролога*. М., 2003.

<sup>75</sup> «Маятник нашего ума качается между Богом и Дьяволом, Небом и Землей, Добром и Злом, Другом и Врагом, Западом и Востоком, короче, между Сциллой и Харибдой или, если угодно, между *Люцифером* и *Ариманом*. Но Дух Мира, именуемый Христом, отождествляет себя как *tertium* с самим противоречием <...> Поскольку историческое христианство так и не доросло до Троицына дня, именно до *христианизации Люцифера*, ему не оставалось ничего иного, как быть ведомым на помочах неискупленным Люцифером. Неискупленный Люцифер – это *дух*, не могущий простить Христу его *фюсиса*. Он есть дух и гений неоплатонизма, для которого телесная смерть Бога и его воскрешение во плоти является (1 Кор. 1:23) безумием. Физическое тело – камень преткновения Люцифера. Этот дух чересчур духовен, чтобы быть Святым Духом (в христианском смысле). Излишек духа мешает ему стать святым. Чтобы стать святым, он должен постичь *тайну физического*. Тогда он дух, обещанный быть посланным Христом для понимания Его Мистерий». Свасьян К.А. *Европа. Два некролога*. М., 2003.

двѣ пары противоположностей: Христось и Аримань, Люциферъ и Яхве-Іалдаваофъ. Отмѣтимъ, что согласно нѣкоторымъ гностическимъ представлѣніямъ, Христось также понимается какъ Люциферъ, но со знакомъ плюсь, а не минусъ, какъ у Свасьяна.

Однако отмѣтимъ, что несмотря на то, что всѣ виды и роды гностицизма имѣють въ себѣ много общаго, они различаются – помимо прочаго – и степенью акосмизма; Свасьяновъ гносисъ по мѣркамъ гностицизма весьма и весьма космичень и жизненень, а разлитый въ моей поэмѣ – чрезвычайно акосмичень, мироотречень.

Въ критской поэмѣ Люциферъ, существо наихитрѣйшее изъ всего сущаго, – нѣчто вовсе иное, о чѣмъ мы уже писали, нѣчто очень далекое и отъ духа Христа (хотя и не столь далекое отъ Него, какъ Аримань), и отъ духа Іалдаваофа, кому онъ является противоположностью. Люциферъ – прекрасный союзникъ въ борьбѣ съ Іалдаваофомъ, но подобно тому, какъ космическій корабль сбрасываетъ какъ ненужный балластъ первую ступень ракеты, такъ и человѣкъ долженъ сбросить раскаленное общество Свѣтоносца и удалиться его, иначе будетъ онъ пожранъ пламенами его, что и произошло съ М. – совсѣмъ какъ съ однимъ вавилонскимъ царемъ, а не съ библейскимъ Люциферомъ, какъ обыкновенно (съ легкой руки Тертуллиана) считаютъ: «Какъ упаль ты съ неба, денница, сынъ зари! Разбился о землю, попиравшій народы» (Исѣ. 14:12); или уже прямо относительно Люцифера:

«<...> Я видѣлъ сатану, спадшаго съ неба, какъ молнію» (Лука 10:18), – съ тою оговоркою, что М. палъ въ небо. Небо (здѣшнее) заволокло тучами, и ударила молнія по землѣ, и разбила её на двѣ части: на ту, что до М., и на ту, что послѣ.

Какъ и предсказывала Дѣва, М. съ легкостью отвергъ дары Аримана, но былъ уловленъ обманнымъ свѣтомъ Люцифера, опознавъ въ нёмъ Отца: прельщеніе было не столько отъ слабости М., сколько отъ его ошибки: поборовъ едва ли не всё заданное въ себѣ, здѣсь онъ поступилъ согласно инстинктамъ, хотя бы и высшимъ, онъ не почувялъ надобности бороться съ собою на сей разъ, какъ Христось при искушеніи Люциферомъ, и проглядѣлъ опасность; но Люциферъ въ случаѣ съ М. дѣйствовалъ хитрѣе, чѣмъ когда искушалъ Христа, и дары Люцифера также мало трогали Христа, какъ дары Аримана – юнаго героя. Христось, какъ и М., не вышелъ побѣдителемъ, поборовъ только Люцифера, но споткнувшись на Ариманѣ; М., поборолъ Аримана (столь же легко, какъ и Христось Люцифера), но споткнулся на Люцифере. М. не побѣдилъ и не проигралъ, но ушелъ въ сторону отъ зла и отъ добра, отъ однозначно дурного и однозначно благого, отъ вертикальной линіи, ведущей отъ ада – царства Аримана, къ раю Христа, и, подпавъ подъ Люцифера, ставъ его олицетвореніемъ, пріавши его въ себя, палъ въ царство его, до того павши въ небо (школьная логика здѣсь не работаетъ: быть можетъ, есть два неба: здѣшнее и тамошнее, небо Люцифера и небо Христа).

Приведемъ послѣднюю пространную цитату К.А.Свасья-

на, опирающагося въ своихъ разсужденіяхъ на «духовную науку» Штейнера и описывающую съ точки зрѣнія послѣдней искушеніе Христа: «Сначала *Существо Христа в теле Иисуса из Назарета* встретило в своем одиночестве Люцифера. И Люцифер так говорил к нему: «Все царства, которые Ты видишь вокруг себя (Нет оснований понимать под названными здесь царствами, скажем, Римскую империю. Это царства астрального мира), Твои, если Ты признаешь во мне своего господина!» «Но Существо Христа как раз снизошло на землю из духовных миров; оно знало, кто есть Люцифер, и знало, как душа относится к Богам, если она не хочет на земле подпасть соблазну Люцифера. Хотя Христовому Существо в мире, из которого оно явилось, не было ведомо люциферическое искушение (Оно, стало быть, не знало еще ничего о Я. Ибо предусловием его жизни в теле Иисуса из Назарета было то, что это тело должно было прежде отказаться от Я (от Люцифера). Место рождения Я, не люцифери-ариманического отображенного Я, а *изначального*, называется Голгофа), оно знало, как служат Богам, и было достаточно сильным, чтобы отвергнуть Люцифера». – Второе искушение проистекало из неудачи первого. Люцифер, задачей которого является вплести ставшее человеком Христово Существо в человеческую карму (1 Быт. 3) и тем самым одержать над ним верх, обращается за помощью к Ариману «Один хотел сыграть на Его высокомерии: Люцифер; другой хотел обратиться к Его страху: Ариман. Оттого и случилось,

что один сказал Ему: через мою духовность, через то, что я способен дать Тебе, если Ты признаешь меня, у Тебя не будет больше никакой нужды в том, в чем Ты нуждаешься сейчас, раз уж Ты, как Христос, вошел в человеческое тело. Это физическое тело порабощает Тебя, Ты должен узнать в нем закон тяжести. Оно мешает Тебе преступить закон тяжести, но я вознесу Тебя над законами тяжести. Если Ты признаешь меня, я устранию последствия падения, и с Тобой не случится ничего. Бросайся вниз со скалы! Написано же: повелю ангелам, чтобы они охраняли Тебя, чтобы нога Твоя не коснулась камня. – Ариман же, намеревающийся внушить Ему страх, говорил: я охраню Тебя от страха! Бросайся вниз!» – И это второе искушение отводит Христос Иисус благодаря тому, что оба игрока в своей атаке как бы уравнивают и нейтрализуют друг друга: Люцифер, когда он обещает помощь в одолении Аримана (закон тяжести), Ариман же, когда он внушает страх перед своим люциферическим преодолением. – Но тут настает время третьего, последнего искушения. «Тогда Ариман отослал Люцифера прочь и, оставшись один, сделал последнюю попытку; он сказал то, отголоски чего сохранились в Евангелии от Матфея: если Ты хвалишься своей божественной силой, тогда преврати минеральное в хлеб, или по версии Евангелия: преврати камни в хлеб! – На это Христова сущность говорила к Ариману: не хлебом единым живы люди, но тем, что приходит из духовных миров как духовное. – Христово Существо знало это лучше всего, ибо

Оно только что само снизошло из духовных миров. Тогда Ариман ответил: возможно, Ты и прав. Но то, что Ты прав, и то, в какой мере Ты прав, не мешает мне некоторым образом удерживать Тебя. Ты знаешь лишь то, что делает дух, спустившийся с высот (Это значит: Ты знаешь только Люцифера, отчего Тебе и удалось столь легко отвести его нашепты. Теперь Тебе предстоит свести знакомство со мной). Но Ты еще не был в человеческом мире. Там внизу, в мире людей, есть и совершенно другие люди, они поистине нуждаются в том, чтобы камни превратились в хлеб, они не могут прокормить себя духом единым». «В это мгновение Ариман говорил Христу нечто такое, что хотя и можно было узнать на земле, чего однако Бог, только что ступивший на землю, не мог еще знать. Он не знал, что внизу на земле необходимо превращать минеральное, металл в деньги, чтобы люди имели хлеб. Это и сказал Ариман, что бедные люди там внизу на земле вынуждены прокармливать себя деньгами. Тут-то и находилась точка, в которой у Аримана была еще определенная власть. И я – так сказал Ариман – использую эту власть!»

Власть Аримана, сила его, есть слабость Люцифера. Ибо слово: *не хлебом единым*, – аргумент для «чистого» духа Люцифера; в эксегезе Аримана аргумент этот и сам оказывается люциферическим. Именно здесь «нечистый» Ариман вносит свою чреватую последствиями поправку: *пусть не хлебом единым, но ведь и не совсем же без хлеба!* Решающее значение имеет то обстоятельство, что третье искушение, со-



всем по-ариманически, форсирует будущее и разыгрывается в моменте, который Христос достигнет лишь на кресте: в моменте материального. Успех Аримана преопределен как раз моментом несовершенства воплощения, вочеловечения; он *вправе* пользоваться своей властью ровно в той мере, в какой дух еще (люциферически) разъединен с материей. Поскольку Христово Существо к моменту искушений уже пронизывает астральное тело Иисуса, Люцифер может быть отбит в астральном. Ариман, нападающий в физическом, не может быть отбит, так как он разыгрывает *физическую* козырную карту там именно, где Существо Христа *еще* не вмерло в физическое. После провала второй попытки Ариман отсылает духовного, слишком духовного Люцифера прочь, чтобы выиграть как раз на том, на чем тот проигрывает. Выигрыш Аримана в современной дикции гласит: *социальный вопрос*». Нижеследующие отрывки, в которых подводятся итоги этого выигрыша, заимствованы из одной *Легенды*, литературная запись которой датирована памятным 1879-м годом. Тема легенды – третье искушение в широко комментируемой и *монологичной* форме. Спустя десятилетие к этому монологу присоединит свой голос «Антихрист» Ницше. На вулканическом фоне обоих названных произведений можно поразмыслить о нервозности выигравшего Бога, который в предчувствии тревоги не погнушался даже взяться за перо и опуститься до литературной братии. Страх Аримана (накануне «Философии свободы») есть страх перед Люцифером,

перед самопознанием последнего, в результате которого старое богатое духом Я подносит себя, как дар, новорожденному смыслу мира. Последним шансом предотвратить это было бы столкнуть отосланного прочь Люцифера с голой и пробивной *правдой социализма*, перед которой у него не оставалось бы иной возможности, как запечатать уста благородным и страждущим молчанием»<sup>76</sup>.

Далѣе К.Свасьянъ цитируетъ «Легенду» Ф.Достоевскаго, и рѣчь идетъ о третьемъ искушеніи; въ своемъ осмысленіи онъ приходитъ къ кажущемуся парадоксальнымъ выводу: Христось «Легенды» – Люциферъ: «Позволительно догадаться, что если Христос карамазовской поэмы хранит молчание, то молчит Он не оттого, что Ему нечего сказать, а оттого, что Он как раз не Христос, а некто *Другой*. Один *Другой* перед другим *Другим*, в итоге два *Других*, не нашедших своего *Одного*, после чего кто-то из обоих должен оказаться лишним. «Старик вздрагивает. Что-то шевельнулось в концах губ его; он идет к двери, отворяет её и говорит ему: „Ступай и не приходи более... не приходи вовсе... никогда, никогда!“ И выпускает его на темные стогна града. Пленник уходит». Вся несостоятельность христианства, его приговор и *finis*, конденсируется в этом фатальном «*Пленник уходит*», иначе: в пародийной Голгофе *самоувольнения*. Православный Достоевский играет лишь на пару с католическим Леоном Блуа (и рикошетом с антихристианским Ницше), застав-

---

<sup>76</sup> Свасьян К.А. *Европа. Два некролога*. М., 2003.

для Христа (1879!) тихо и молча ретироваться, на деле быть прогнанным. Dieu se retire. В эпоху всяческих *психологий без души* должно же было и *христианство без Христа* доказать свою конкурентоспособность! Но что значит: *христианство без Христа*? Или: христианство с церковно-переслащенным, воскресно-выходным, декоративным Христом? Мы не ошибемся, если рискнем с холодной учтивостью поклониться в этом отпущенном на все четыре стороны Христе замаскированному Люциферу. Мы скажем далее, что выдающаяся доктрина Инквизитора имела бы все шансы быть неопровержимой, окажись её молчаливый слушатель и в самом деле тем, за кого его выдал душевно больной автор «Легенды» (Иван Карамазов). Но он не тот, и имя его не Христос, а Люцифер, героический и мечтательный дух, внушивший себе в своей спиритуалистической коме, что он в состоянии не *хлебом единым, а одним-единственным поцелуем* подыскать отмычку к новехонькому социализму Аримана. – Неудавшееся христианство есть лишь неудача Люцифера, только-духа, который как раз оттого и испускает дух, что не находит в себе мужества выдержать ариманическое испытание веществом (по обеим специальностям: как теоретическому дарвинизму, так и социал-дарвинизму). *Настоящий Христос* узнается, напротив, по тому, что Он говорит не как богослов, проповедник, духовник, мистик или метафизик, а как теоретик познания, гётеанист, духовед, в случае необходимости как юрист, политэконом или частный предприниматель.

Срыв правдолюбивого христианина Достоевского разыгран в том же сценарии, что и срыв антихриста Ницше: оба жили *ante Christum natum*, и оба были ведомы несчастливой звездой теологического недоразумения. Когда спустя несколько десятилетий рукою *скульптора* Рудольфа Штейнера была из дерева сотворена статуя Христа, на ней можно было узреть *художественно* явленный первофеномен теории познания гётевского мировоззрения и духовнонаучной христологии. Здесь посередине изображен ЧЕЛОВЕК, а слева и справа от него по одному дьяволу. Дьявол слева носит в христианской традиции имя «Бог», дьявол справа называется в той же традиции «дьявол». Третьего в этой традиции, как известно, не дано.

<...> Ядро Ариманова искушения лежит в вопросе: чего *хотят* люди? Формулируя иначе: что предпочтут они скорее, поставленные между обещанием свободы и превращением камней в хлеб? Выигрыш Аримана в этой дилемме гарантирован уже хотя бы тем, что последняя выдумана Люцифером. Третье искушение – это лишь кармическое следствие первых двух. «*Божественный, слишком божественный*» ответ: *не хлебом единым*, отзывается эхом «*человеческой, слишком человеческой*» поправки: *пусть так, но и не единой же свободой*. Очевидно, что аксиома Великого Инквизитора, согласно которой свобода по плечам лишь немногим избранным, в то время как для большинства дело идет прежде всего о хлебе, держится на фатальном люциферическом вы-

сокомерии: ни при каких обстоятельствах не уронить себя до жизненной прозы хлеба. Если свобода – антипод хлеба, то логика старого диалектика неопровержима. Люди *хотят* хлеба. Баста! Или, если уж на то пошло: они *хотят* хлеба, потом еще и еще раз хлеба, и только после – свободы, по возможности в чужом исполнении: свободы, как свободно-го времяпрепровождения. На хорошем римском: *panem et circenses*, накорми и развесели. Только в этом диспозитиве, пожалуй, и мог бы трезвый Ариман ужиться с лунатиком Люцифером. Ступать на высоких котурнах и лицедействовать в роли свободных, значит лишь дать сервировать себя как сладкий стол к хлебу насущному. Очевидно, что заточенному в темницу и вынужденному волею поэта играть роль Христа Люциферу Легенды, после того как он опознал себя в зеркале Аримана «*десертом*», не остается иного выбора, как гордо и печально, по-лермонтовски, молчать, пока ему не укажут на дверь. Но что означает молчание Люцифера под ураганным огнем Аримановой диалектики? Антропософ может сказать: ожидание искупления. Очерненный в тысячелетиях фольклора, Бог Люцифер ждет своей реабилитации в Христовом сознании. Без очищения Люцифера и искупления его в «Философии свободы» и «Теософии» не может быть и речи о преодолении Аримана. Утратив люциферическое небо над собой, колосс Ариман утрачивает и почву под собственными глиняными ногами. Мы видим, что ариманическая логика хлеба имеет предпосылкой ложь люци-

ферически понятой свободы. Все компьютерные программы и расчеты рушатся при попадании в них «*вируса*» духовнонаучно фундированного познания: ОБЕЩАНИЕ СВОБОДЫ И ПРЕВРАЩЕНИЕ КАМНЕЙ В ХЛЕБ – НЕ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ, А ОДНО И ТО ЖЕ.

<...> Старому крючкомовору Легенды и в дурном сне не могло присниться, что смысл и возможность свободы лежит не там, где ею по недоумению распоряжаются всякого рода люциферофанатики, способные превратить её самое большее в театр, а как раз там, где превращают камни в хлеб, и что если социальный вопрос может вообще быть решен, то при условии, что ключ к его решению зовется свобода: свобода *от* мира и *для* мира. Ничто так не мешает служить миру, как зависимость от мира (Гёте: «Кто хочет что-либо сделать для мира, тот не должен с ним связываться»). Где же может человек *действительно* быть независимым от мира? Ответ «Философии свободы»: прежде всего только *в мыслях*.

<...> Люциферов дар свободы в мире *бытия*, определяемого Богами, имеет, поэтому, не большую прочность, чем наполненный воздухом баллон; прочность брони приобретает он только в царстве Аримана. Ариман, в социологии которого нет места для свободы («*ибо ничего и никогда не было для человека и для человеческого общества невыносимее свободы!*»), настигается бумерангом собственного триумфа; утверждая иллюзию, как основную категорию существова-

ния, он утверждает свободу, которая может стать действительной только в мире кажущегося и иллюзорного. Еще раз: Люцифер дарит свободу человеку, который не может ею воспользоваться, пока он ощущает себя в божественном миропорядке <...> После того как в игру вступает ненавидящий свободу Ариман, он затуманивает человеческое сознание до точки, где человек не воспринимает вокруг себя и в себе уже никаких Богов, а только безбожно-минеральное. В это помраченное сознание «невыносимая» свобода врывается со всех концов, поскольку она не стеснена больше никаким божественным присутствием. Пусть только спросят недоросля (всё равно, какого возраста), что может быть легче, чем *хотеть* чего-то, ну да, чем просто *хотеть*; тогда не останется никаких сомнений, что свобода – это лишь другое обозначение иллюзии. Ничто не характеризует недоросля (всё равно, какого возраста) лучше, чем убеждение, что за всяким *я хочу*, произнесенным им, торчит его драгоценное «Я», и что, следовательно, сам он собственной персоной является «*субъектом*» хотения, хотящим, чего хочется (к примеру, выиграть миллион или чтобы победила любимая команда). Люцифер дарит свободу, но, оставаясь в Божественном, он дарит нечто, чем нельзя воспользоваться. Ариман ненавидит свободу, но, утверждая кажущееся, он впервые делает её возможной. Человек свободен там, где Божественное отступает на задний план. И поскольку Божественное нигде не отступает столь зримым образом, как в ариманически-мине-

ральном, человек (объективно, бессознательно, инстинктивно) свободен в ариманически-минеральном царстве. Решающим оказывается, однако, что он, благодаря этой видимости, может не только дурачиться и сходить с ума, но и – *мыслить*. Но то, что он мыслит, есть видимость. Тем самым он имеет не только видимость в своем мышлении, но и свое мышление, как видимость. Декартовское: *мыслю, следовательно, есмь*, есть, поэтому, абсурд. Ибо своей способностью мыслить человек обязан тому обстоятельству что его *при этом* нет. Он мыслит, так сказать, в кредит своего собственного будущего трупа, и должен, если он честен, скорее сказать: *мыслю, следовательно есмь – труп*. Но когда он внутренне постигает (наблюдает, по «Философии свободы») свое мышление, ему открывается возможность получить импульс свободы. В своей объективной, сообразной миру независимости в мнимом царстве минерального он сотворяет в мыслях первое подобие удавшейся свободы. Если он к тому же способен импульсировать своими свободными мыслями свою волю, то он свободен как **ВЕСЬ ЧЕЛОВЕК**. Его свобода лежит тогда уже не в минеральном, а простирается на его эфирное тело, астральное тело и Я-организацию. Он изживает Божественное уже не биологически, а живет в нем мыслями.

Именно, он мыслит его поначалу несуществующим, так как он нигде его не находит. Ему неизвестно, что Божество следует искать не там, где его нет, в мнимом царстве Аримана, а там, где оно только и *есть*, именно в свободе мыслить



его. Этой свободой мыслить Божественное он преобразует свою кармическую подчиненность миру в умение давать миру смысл и цель. Искушение Аримана: *вместо того чтобы дарить людям свободу, преврати эти камни в хлеб!* – бьет в этом смысле абсолютно мимо цели. Ариман полагает взять верх над Христом, не осознавая, что это лишь Люцифер, которого он загнал в угол. Ибо ничто не отталкивает играющего в бисер Люцифера сильнее, чем необходимость превращать камни в хлеб. В конце концов он просто не может этого. Оттого, даря людям свободу, он дает им нечто, чем они не могут воспользоваться без посредничества Аримана. Люциферическое *«и будете, как Боги»*, читается в ариманической поправке: *«которых нет»*. – Христос не дарит никакой свободы, он дарит СЕБЯ, как ПОЗНАНИЕ, каковое познание, будучи не учением, теорией или просто знанием, а ЧЕЛОВЕКОМ, не может не превратиться в СВОБОДНОЕ ДЕЯНИЕ. Ответ на Ариманово искушение называется поэтому – ПРЕСУЩЕСТВЛЕНИЕ. Иными словами: старая христианско-языческая парадигма, по которой голодающему приходится выбирать между разбойничеством и святостью, чтобы получить свой насущный хлеб либо со стола своих притеснителей, либо от Господа Бога, исчерпала себя. Подобно тому как хлеб в апокалиптически-священническом таинстве алтаря пресуществляется в тело Христово, так камни в социально-духовном причастии превращаются в хлеб. Старый отвод: *не хлебом единым будет жить человек, но вся-*

ким словом, исходящим из уст Божьих, имеет сегодня смысл лишь в той мере, в какой из уст Божьих наряду с другими словами способно изойти и *слово о хлебе*. Время старых теистических ангелов, сидящих одесную своего небесного начальства, медитирующих от зона к зоне и каждый раз искривляющих лик, когда речь заходит о хлебе, прошло. Новые ангелы пришли им на смену, судьба которых в гораздо большей степени зависит от того, как на земле ведется хозяйство, чем от того, что о них говорят богословы. Нужно набраться однажды мужества, чтобы отдать должное *ангелологии* одного сведущего политэконома, с которой нельзя даже в отдаленнейшем приближении сопоставить ни одно из традиционных учений об ангелах. Дорнах, 31 июля 1922 года (в рамках семинара по национальной экономике): «Я не могу и представить себе чего-то, что не может быть рассмотрено с хозяйственной точки зрения. Всё, вплоть до самых высоких областей, должно быть рассматриваемо с хозяйственной точки зрения. Если какой-нибудь ангел спустился бы сегодня на землю, ему пришлось бы явиться либо просто во сне, но тогда он ничего не смог бы изменить; стоит ему, однако, явиться людям в бодрствовании, как он уже вмешивается в хозяйственную жизнь. Иначе он и не может». (Сказанное можно считать дополнением к теме: «*что делает ангел в нашем астральном теле?*», а именно: «*в измененной обстановке*». Ангелов духовной науки познают не по крыльям, рафаэлическим ликам и небесным тонам, а между прочим и

по тому, что они решительно вмешиваются в хозяйственную жизнь и оспаривают у князя мира сего его привилегию единолично решать вопрос о хлебе насущном.)

<...> Ловушка Аримана: заострить основной социальный вопрос на «хлебе» и люциферически отвлечь внимание от «хлеба» к «духу», фундирована, как мы видим, ложной предпосылкой. Его главный козырь, хлеб, лишь постольку кажется бьющим любую карту, поскольку он разыгрывается как противник духа. Дело не в том, что во все времена есть практические люди, думающие, что сначала нужно думать о животе и только потом – думать «вообще», а в том, достаточно ли у нас смекалки и юмора, чтобы повеселиться над этой убогой суггестией, дающей животу то, что принадлежит мышлению. Первый попавшийся школьно-логический лис уличил бы мысль о желудке, как основе мысли, в слабоумии. – Трюк Аримана в том, что сам он не *есть* то, что он *говорит* и к чему *сворачивает*. Он сам живет не хлебом единым, вообще не хлебом (в Легенде Достоевского он десятилетия проводит в пустыне, питаясь акридами и кореньями). Чем он единственно живет, так это своими *мыслями* о хлебе для ближних. Он живет, как трезвенник, аскет, вечно постящийся, до костей отощавший святой материалистического календаря, короче: он живет *люциферически*. В этом и лежит приманка его жертвы: он живет *люциферически*, т. е. по сути вовсе не живет, чтобы дать другим возможность просто жить: от живота до (раз в неделю) духа. Ари-

манов commonwealth держится на дурости потребителя считать духовное десертом, которое никогда не должно приниматься на голодный желудок. Если сегодня можно позволить себе ровно столько духовности, сколько поводов дают к этому праздничные листки календаря, то это суть знаки продолжающегося третьего искушения, на сей раз, впрочем, не в выстраданном *люциферическом* пафосе Великого Инквизитора, а под рекламным щитом take your Cola and smile.

<...> Если мы достигнем понимания Христа, не церковно люциферического двойника, а действующего в настоящем Христа (христианам самое время проверить, наконец, свое христианство на вопросе: *что делает Христос сейчас, сиюминутно?* – с обоюдоострым мечом ответов: либо Он делает историю, как Себя, как взятую Им на Себя карму теней, либо же Он, после Пасхи 33 года, отправлен на покой, читай: «снят» узурпировавшими Его ведомство служителями), если, скажем снова, мы достигнем понимания Христа, то мировое господство Аримана обнаружит едва ли большую реальность, чем фантомная боль на месте ампутированного органа. Он пробивает *свое* дело, делая ставку на абстрактное мышление, на прекрасные чувства, благие намерения, пустые фразы, на идеологию, короче: на Люцифера; он и есть карма Люцифера, кармический сюрприз Люцифера. Его будущее лежит, таким образом, в настоящем Люцифера, но если бы Люцифер осознал своё настоящее как умение найтись во Христе, то у Аримана не было бы уже никакого будущего.

Говоря дидактически и параболически: в яму не падают вниз головой, если не падают вверх ногами – в небо. Люцифер, искупленный в философии свободы и теософии гётеанизма, отнимает у Аримана основную предпосылку его выигрыша, а именно, абстрактное, общее, чуждое действительности, теневое, комфортабельное мышление, из призрачности которого и выползают все мыслимые и немыслимые беды. Если в этом мышлении и есть что-либо интересное и достойное внимания, то, пожалуй, лишь то, что в нем нет мыслей»<sup>77</sup>.

Какъ я уже упоминалъ, въ построеніи Свасьяна отсутствовать злой деміургъ, Іалдаваофъ, и, несмотря на наличие гностическаго въ нёмъ, оно, будучи крайне интереснымъ проявленіемъ не-историческаго христіанства (съ указаніемъ путей не обновленія христіанства историческаго, «неудавшагося» (и по Свасьяну, и, скажемъ, по Бердяеву), но претворенія его въ христіанство подлинное), всё же въ полной мѣрѣ къ гностицизму не относится. Свасьянъ попросту считаетъ неудачнымъ гностическое представленіе о создавшемъ, противорѣчащимъ здравому смыслу. Однако я такъ не считаю, и главнѣйшею добродѣтелью для гностика послѣ познанія является, на мой взглядъ, борьба съ Іалдаваофомъ, княземъ міра сего. Для сравненія и напоследокъ я хотѣлъ бы помѣстить сюда одинъ пассажъ Блаватской, повліявшей на Штейнера, послѣдователемъ котораго считаетъ себя Свасьянъ: «Въ такомъ случаѣ лишь естественно – даже съ точки зрѣнія мерт-

---

<sup>77</sup> Свасьян К.А. *Европа. Два некролога*. М., 2003.

вой буквы разсматривать Сатану, Змія въ Книгѣ Бытія, какъ истиннаго создателя и благодѣтеля, Отца Духовнаго Человѣчества. Ибо это Онъ, кто былъ «Предтечею Свѣта», блистающимъ лучезарнымъ Люциферомъ, кто открылъ глаза автомату, «созданному» Иеговою...»; «... теперь доказано, что Сатана, или Красный Огненный Драконъ, «Владыка Фосфора» [2 Петра 1:19] ... и Люциферъ, или «Свѣтоносецъ», находится въ насъ; это нашъ Умъ, нашъ Искуситель и Искупитель, нашъ разумный Освободитель и Спаситель отъ чистаго анимализма»<sup>78</sup>.

Прозрѣваль ли М. въ змѣиномъ обликѣ Дѣвы: Змѣя, содѣлавшаго Адама и Еву прозрѣвшими? Онъ прозрѣваль его, увидавъ лишь змѣеподобность Дѣвы, и, бывши очарованъ и зачарованъ ею, былъ прельщенъ.

\* \* \*

Міръ – лабиринтъ и спираль, и начался онъ: со спирали: съ эдіакарской біоты, мягкотѣлой, не вѣдающей еще билатеральной симметріи, если мы говоримъ о первыхъ многоклеточныхъ; съ кикладской керамики (дальнѣйшее развитіе неолитическаго искусства Триполья-Кукутени), если мы говоримъ о человѣкахъ, спиралевидной, безконечной, самозамкнутой, противоположной мужскому духу: стрѣлъ или ме-

---

<sup>78</sup> Блаватская Е. *Тайная Доктрина*.

чу.

Дѣло не въ житіи-бытіи въ спирали, но въ томъ, что прободать её – вновь и вновь. Только я узрѣлъ сердце создавшего; оно не красно: оно мѣрно бьется, какъ и всѣ прочія сердца; его отличие: оно спиралевидно, какъ узоры критской керамики; оно – Лабиринтъ... Я натянулъ тетиву. И изъ доселѣ жившихъ и живущихъ нынѣ лишь я – не промахнусь. Мои слова – стрѣла, въ иномъ раскладѣ – пуля или дуло, приставленное къ покрывшемуся потомъ челу Іалдаваофа и присныхъ его, но также и живой укоръ ему, рана, боль отъ которой никогда не замолкнетъ, а бытіе мое, какъ и бытіе М. – диссонансъ – въ ассонансѣ бытія, аритмія – въ ритмѣ Вселенной, дисгармонія – въ гармоніи дольнихъ сферъ, черное Ничто – вечночреватое бѣлымъ Всѣмъ, пылающій глаголь – въ обледененной пыли. – Я побѣждаю и въ царствѣ количествъ – я стрѣляю изъ обѣихъ рукъ.

Киклады и Критъ – еще не язычество: язычество – Древняя Греція; а сіе – еще сама Природа, а она – узоры спиралевидные, себя пожирающій Змій. Въ антитезѣ «имѣть-быть» – первое есть царство Аримана, царство количества, второе – царство Люцифера, царство качества. Только въ натянутомъ тетиву пневматикѣ (только онъ свободенъ) – пылающій огонь Свѣтоносца (а не мернобьющееся алое сердце), являющій себя: черною дырою: вмѣсто сердца.

Въ сущности, еще не было подлинно-высокаго взгляда на инстинктъ: не снизу вверхъ, но сверху внизъ: въ нѣмъ или

жили, или съ нимъ боролись: что угодно являло себя, но не благородно-неспѣшное презрѣніе<sup>79</sup>.

До меня не было ни гностическаго, ни люциферическаго Слова – что угодно: мужская поэзія (философія), поэзія бабья, бытописаніе, занятое социальнымъ, слишкомъ социальнымъ, колѣнопреклоненные и коленопреклоняющіе священные тексты, фантазіи, документы пѣны дней, отдѣльныя гениальныя прозрѣнія и рѣдкія писанныя кровью слова. – Въ критской поэмѣ много болѣе 100.000 словъ. Какихъ словъ? Багрянопылающихъ, ярколучистыхъ, молнійно-лазурныхъ и трижды три потаенныхъ и сокровенныхъ: невозможныхъ – ни тогда (до 1917 г.), ни тѣмъ паче нынѣ. Таковыхъ, что родъ людской – немногими – будетъ помнить до самаго его скончанія, вплоть до того, какъ всё нонешнее обратится въ прахъ (ибо оно по праву прахъ само по себѣ). Мною – въ послѣдній разъ – старый Западъ, царство качества, цѣлясь въ Солнце, выступаетъ волною, накатываясь, наваливаясь, налетая на побѣдившій милостью дяди Сэма – царствомъ количества – Востокъ: на царство количества. – Навѣрное, должно прой-

---

<sup>79</sup> Инстинкты суть заданное, они – не-Свобода. Пневматику не стоитъ ихъ поощрять, и было бы лишнее у него время (скажемъ, живи онъ вѣчно) – онъ боролся бы съ ними, но всегда находятся дѣла поважнѣе. Въ томъ и пневматичность, что съ инстинктомъ не борются – его презираютъ. Не должно быть мухобойкой противъ мухи, которую долго искать; не стоитъ вынимать занозу, которую не найти и которая разсосется сама. Моя поэма – о дихотоміи заданнаго и свободнаго, статики и динамики. Какъ уже неоднократно убѣдился читатель, заданность и статика – отъ создавшаго, отъ Деміурга, свобода и динамика – отъ Бога Иного, Бога Неузнаннаго, Неизглаголаннаго.



ти съ десятокъ поколѣній комментаторовъ, чтобы увидать, что (или, вѣрнѣе, кто) зашифровано, наприкладъ, въ этихъ словахъ: «Владѣешь ты міромъ, думая, что ты – путь, но ты не путь, но лишь пути, и распутье, и распутица»<sup>80</sup>. – Volens-polens, но нѣчто сѣдое, какъ самое Время, высвѣчиваетъ себя моими текстами, это нѣчто подлинное, черезъ что является и лучить себя Духъ, а вовсе не нѣкое новообразование. – Старое сквозить изъ моего текста, старое проросло сквозь текстъ мой.

Слово мое – единовременно – ударъ самостоянія, самознания и своеволия по плоти: духомъ; и запечатанная бутылка въ морѣ; оно менѣе всего для современнаго или несовременнаго читателя<sup>81</sup>. – Вышедши въ свѣтъ, первая критская

---

<sup>80</sup> Анучинъ Евг. (*Изъ частныхъ бестѣдъ*): «Это помимо всего прочего тест на проверку того, что голос архаики и духовитого языка, крепкого и выразительного, списан проштемпелеванной эпохой в отходы. Считаю себя последним из миган канувшей в Ничто языковой среды, завершителем дела ушедших поколений богатырей слова».

<sup>81</sup> Такого рода слово не может не вызывать неприя́тия и сопротивления со стороны «малыхъ сихъ», ибо несетъ опасность для бытованія ихъ, ихъ цѣнностей и міровоззрѣнія (въ ихъ случаѣ – мирочувствія). По большому счету, на мой взглядъ, такого рода текстъ, какъ критская поэма – именно по настроенію и духу его, – безъ усмѣшки или иного вида неприя́тия или презрѣнія – можетъ воспринимать только тотъ, кого можно и слѣдуетъ считать полною противоположностью матеріи и самки какъ ея носителя; но сего мало – нужно еще не только приличное образование, но и общій уровень человѣка. Писалась она не для читателя; въ сущности, мнѣ было бы пріятно скорѣе неприя́тіе моихъ текстовъ со стороны современныхъ, тѣмъ паче со стороны «дорогихъ россиянь»; они недостойны читать написанное и, по счастью, читать это не будутъ; добавимъ: въ Россіи нынѣшней нѣтъ органа для чтенія моего слова и попросту нѣтъ органа для

поэма – не увидѣла міръ, но міръ увидѣлъ её, и – ей-богу –

---

достождолжнаго воспріятія меня самого. Евгений Анучинъ въ частныхъ бесѣдахъ начала 2019-го отвѣтилъ на это слѣдующее: «Возникаетъ вопрошание – можно ли высказать глаголемое авторомъ произведение в формѣ подстриженной и причесанной, изглаженной для приноравливанія к скудости воображенія и немощи дерзаний читающей публики? То содержаніе, которое вложено авторомъ в повествованіе критское, не вмещается в рамки намъ привычныя – какъ не удержаться тесту в квашне малыхъ размеров, но требуетъ оно лохани соразмерной его бродильной силѣ. Такъ что приходится согласиться, сколь мало умовъ воспримутъ новаторство автора. Отупевъ в мелкости мыслей, но поднаторевъ в ерничестве и передергиваніи, читатели, лишеныя привычки къ удивленію передъ мирозданіемъ, къ собственнымъ открытіямъ, порабощенныя пресловутыми хозяевами жизни, передъ которыми для нихъ только и возможенъ священный трепетъ, покинули пределы смыслообразующихъ основъ бытія и довольствуются своимъ куцымъ миркомъ ближнего рабочаго и домашняго круга. – Восприимчивость къ текстамъ, написанныхъ другимъ, зависитъ отъ качества сонастройки и уровня вниманія, освобожденнаго отъ повседневности окружающаго фона жизни. У людей, имеющихъ только низкочастотный каналъ связи, все высокія частоты не воспринимаются. Это по большей части беда, а не вина ихъ. Другое дѣло, что низкочастотниковъ раздражаетъ любая высокая частота какъ чуждая имъ, и чемъ дурнее характеръ, темъ это раздраженіе сильнѣе». И.Поклонскій (*Изъ частныхъ бесѣдъ 2018-го*): «Плебеи молчатъ; это же прекрасно! Такъ имъ и полагается немотствовать и блѣять. Даже пробегая глазами, вижу грандиозность написаннаго. Понятно, почему товарищи пигмеевы обходятъ это стороною. Такое имъ и в малыхъ дозахъ противопоказано. Не читать, темъ паче не понимать такого – это ихъ инстинктъ самосохраненія. – Такая реакція (реакція дрожащей, испуганной твари) должна тебя только радовать. Точнѣе – веселить. Нетъ ничего забавнѣе, чемъ чертыхающійся, крестящійся попенокъ, который, чуя близъ себя духъ и силу, скорѣе бежитъ в родное церковное лоно съ кряхтящими старцами, охающими бабками и трехкопеечными свечками. Такая реакція – это вообще реакція православнаго на культуру, на духъ, на божественное, на интеллектуальное. Реакція поповская, слишкомъ поповская. Впрочемъ, сейчасъ широко распространенная и в неправославной средѣ». Какъ-то разъ я написалъ Евгъ. Анучину: «Въ сущности, зазоръ между Бѣлымъ и пролетаріями 20—30-ыхъ былъ меньше (!), чѣмъ между мною и современностью»; на что онъ отвѣтилъ:

лучше бы міру её не увидѣть, но на то моя воля.

---

ль: «В этот зазор проваливается все тленное, рабски покорное, дабы облечь себя в провале зазора на смрадное гниение».

# Комментарии

*Творить – значитъ убивать смерть.*  
**Роменъ Ролланъ**

*Писатели, которые торопятся быть понятыми сегодня и завтра, подвергаются опасности быть забытыми послезавтра.*  
**И.Г.Гаманнъ**

*Всякая стадность – приближище неодаренности, всё равно върность ли это Соловьёву, или Канту, или Марксу. Истину ищутъ только одиночки и порываютъ со всѣми, кто любитъ её недостаточно.*  
**Борисъ Пастернакъ**

*Искусство есть Адъ. По безсчётнымъ кругамъ Ада можетъ пройти, не погибнувъ, только тотъ, у кого есть спутникъ, учитель и руководительная мечта о Той, которая поведетъ туда, куда не смѣетъ войти и учитель...*  
**А.Блокъ. О современномъ состояніи русскаго символизма**

*Не знать мѣры въ великомъ, хоть твой земной предѣлъ и безмѣрно малъ, – божественно.*  
**Гельдерлинъ. Эпиграфъ къ "Гиперіону"**

Вся суть критской поэмы: "Слезы на глазахъ, но сквозь"

слезы – Солнце, Солнце! Ликомъ ея – «Ты – еси» – пронзило стрѣлою".

Въ силу того, что всякое художественное твореніе имѣть въ себѣ вымысль, – откровеніе, явленное милостію премір-ной Дѣвы герою, носить для насъ меональный характеръ. Но отъ этого откровеніе нимало не страдаетъ: поэзія философичнѣе и серьезнѣе исторіи: «Поэзія говоритъ болѣе объ общемъ, исторія же объ единичномъ» (Аристотель, "*Поэтика*"). Но для того, чтобы оно носило меональный, а не укуональный характеръ, намъ слѣдовало бы многое повѣдать читающему. Для современнаго читателя въ поэмѣ сложны не только слогъ и содержаніе, но и меональность откровенія Дѣвы. Что же такое «меонъ»? Обратимся къ замѣчательной книгѣ С.Булгакова "*Свѣтъ невечерній*": "Меонъ какъ возможность возможностей есть всеобщая мать бытія, чрезъ ложесна коей проходитъ всякое бытіе (недаромъ же къ помощи ѿ прибѣгають даже такіе поборники универсальной дедукціи всего бытія, какъ Гегель, а равно и Когенъ съ его ученіемъ о "чистомъ происхожденіи"). Меону принадлежитъ поэтому всё богатство и вся полнота бытія, хотя и потенциальнаго, невыявленнаго. О нёмъ какъ о небытіи можно говорить поэтому лишь въ отношеніи къ уже проявленному бытію, но отнюдь не въ смыслѣ пустоты, отсутствія бытія. Нѣчто есть, меонъ существуетъ, и между ничто и нѣчто лежитъ несравненно большая пропасть, нежели между нѣчто и что, подобно тому какъ большая пропасть отдѣляетъ безп-

лодіе отъ беременности, нежели беременность отъ рожденія. Меонъ есть беременность, уконъ (ουκ öv) – бесплодіе. Что-бы изъ небытія могло возникнуть нѣкое что, уконъ долженъ стать меономъ, преодолѣть свою пустоту, освободиться отъ своего бесплодія». – Откровеніе Дѣвы меонально, но оно же и реально, ибо существуетъ не только какъ идея, но и какъ путь, ведущій къ своимъ стезямъ, какъ путеводная звѣзда.

Написанное (и имѣющее быть написаннымъ впоследствии) есть символизмъ и романтизмъ (этѣ направленія изящной словесности – несмотря на разницу временную – тяготѣютъ другъ къ другу и взаимоблизки). – Прошу не прибавлять къ упомянутымъ направленьямъ литературнымъ античныя приставки «постъ-», «нео-» и тѣмъ паче ихъ совместно (отъ, скажемъ, какого-нибудь «постнеоромантизма» не рябитъ въ глазахъ только у комментатора). Что есть символизмъ? Объ этомъ хорошо сказали сами символисты и ихъ современники: «постиженіе міра иными, не разсудочными путями» (Брюсовъ); «тайнопись неизреченнаго» и попытка узрѣть за внѣшнимъ «мистически прозреваемую сущность» (Вяч. Ивановъ). Символизмъ<sup>82</sup>, но много болѣе ан-

---

<sup>82</sup> "Мне близка мистика Блока, Данте – предельно образная и насыщенная. Не терплю мистики иссушенной. Не терплю, когда за мистику выдаётся ветхая символическая плоть. Именно когда символ не символ более, то есть не конкретное единство вещи и идеи, а лишь метафора или аллегория, то есть многозначительно указывает на некую мистическую реальность, но сам реальностью не является. Символизм мистический – это реализм, но именно реализм, не разлучающий человека с реальностью, противопоставляющий ему реальность как готовую форму, а реализм творческий – творящий реальность подлинную – посред-

тропоцентрической и религиозной (религия здесь=глубина, религиозное измерение – еще одно измерение: вглубь), чѣмъ въ цѣломъ символизмъ Серебрянаго вѣка, стоящій, «подъ знакомъ космоса, а не Логоса. Поэтому космосъ поглощаетъ у нихъ личность; А. Бѣлый даже самъ говорилъ про себя, что у него нѣтъ личности. Въ ренессансѣ былъ элементъ антиперсоналистической. Языческой космологии, хотя и въ очень преображенной формѣ, преобладалъ надъ христианскимъ персонализмомъ» (Бердяевъ, «Русская идея»). Это связано съ фигурой М., гностицизмомъ, съ его акосмизмомъ и – какъ слѣдствіе – особымъ пониманіемъ сущаго (въ частности, съ парадоксальнымъ пониманіемъ природы въ поэмѣ).

Комментарии необходимы по двумъ причинамъ: современному читателю надобно многое объяснить, дабы моя книга не стала критскимъ лабиринтомъ, но и безъ того отъ читателя требуются рѣдчайшія нынѣ качества; я не желаю, чтобы комментаторы комментировали мои тексты, искажая и дѣля, члена изначальное единство написаннаго. Предрекаю читателю: всё сказанное комментаторомъ будетъ или ложью или полу-ложью (что еще опаснѣе лжи, ибо выглядит правдоподобно). – Оцѣнка прорыва сквозь время, что въ сферѣ языка значитъ: писать, вбирая представляющееся ав-

---

ствомъ бракосочетания реального и идеального. Когда временное не указывает на вечное, но оплодотворяется вечным, – вот подлинный символизм, т. е. творчество реальности полноценной, не ограниченной некимъ ограждением бескровныхъ скульптурно-холодныхъ идей". (Поклонскій И. *Изъ частныхъ бестѣхъ 2018-20*).

тору лучшимъ изъ разныхъ временъ, не будучи ограничен-  
нымъ однимъ временемъ, одною эпохою, какъ въ ЛЮБЫ-  
ХЪ случаяхъ, – не можетъ быть ни понято, ни принято –  
со стороны подобныхъ подь-Іалдаваофомъ-бытующихъ, пас-  
сивныхъ созданій, многоученыхъ – и въ лучшемъ случаѣ –  
въ рамкахъ сей пассивности; равно какъ понять: есть исходы  
изъ пассивности – не только въ мышленіи, но и въ личной  
судьбѣ; есть кое-что несравнимо важнѣе цѣльности средства  
описанія – языка: личная судьба, порою могущая быть цѣль-  
ною только милостію синтеза того, что представляется наи-  
лучшимъ самому творцу, или автору, и творческой его пере-  
работки, наслаиваемой на свое, трижды свое<sup>83</sup>. – Какъ гово-  
риваль Г.Ивановъ: "Инстинктъ великое дѣло – у людей ан-  
титворческихъ есть свой особый инстинктъ, развитый чрез-  
вычайно, какъ нюхъ у собакъ. Инстинктомъ они сейчасъ же  
чують голосъ подлиннаго искусства и сейчасъ же враждеб-  
но на него настораживаются. Сирины въ этомъ смыслѣ без-  
конечно счастливѣе Фельзеновъ – у первыхъ всюду инстинк-

---

<sup>83</sup> «Поэтому не прикрѣпляйте меня вы, прикрепители, объяснители, популяри-  
заторы, – всецѣло: къ Соловьеву, или къ Ницше, или къ кому бы то ни было; я не  
отказываюсь отъ нихъ въ томъ, въ чѣмъ я учился у нихъ; но сливать «мой симво-  
лизмъ» съ какой-нибудь метафизикой – верхъ глупости <...> самое мое міровоз-  
зрѣніе – проблема контрапункта, діалектики эннаго рода методическихъ оправъ  
въ кругѣ цѣлаго; каждая, какъ методъ плоскости, какъ проекціи пространства на  
плоскости, условно защищаема мною; и отрицаема тамъ, гдѣ она стабилизуема  
въ догматъ; догмата у меня не было, ибо я символистъ, а не догматикъ, то есть  
учившійся у музыки ритмическимъ жестамя пляски мысли, а не склеротическо-  
му пыхтѣнію подь бременемъ несенія скрижалей.



тивные друзья, у вторыхъ повсюду инстинктивные вѣковѣчные враги". Или – словами Беме, обращенными къ своему недругу Б. Тилькену: «Послушай, пасквилянтъ! Если ты владѣешь искусствомъ этого міра, то я владѣю искусствомъ божественнаго міра: ты изучилъ свое, а мое есть даръ милости божьей».

Если вы пыхтите, когда мыслите, то не переносите пыхтѣнія вашихъ тяжелодумій на мой символизмъ, которому девизомъ всегда служили слова Ницше: «Заратустра плясунъ. Заратустра легкій... всегда готовый къ полету... готовый и проворный, блаженно-легкоготовый... любящій прыжки и впередъ, и въ сторону...». Шопенгауэровскимъ пессимизмомъ отрезавшійся отъ обидно яснаго оптимизма позитивистическихъ квартирокъ, стихами Соловьева пропѣвшій о зарѣ, учившійся афоризму у Ницше, а академическому дебату у гносеологовъ, сидѣвшій въ чаду лабораторій и дравшійся съ желтой прессою, я – ни шопенгауэрианецъ, ни соловьисть, ни ницшеанецъ, менѣе всего «истъ» и «анецъ», пока не усвоень стержень моего мировоззрительнаго ритма, бойтесь полемики со мной; всегда могу укусить со стороны вполнѣ неожиданной; и, укусивъ, доказать по пунктамъ (гносеологически), что я поступилъ не вопреки мировоззрѣнію своему, а на основаніи его данныхъ, ибо мировоззрѣніе мое для васъ весьма туманная штука: оно ни монизмъ, ни дуализмъ, ни плюрализмъ, а плуро-дуо-монизмъ, то есть пространственная фигура, имѣющая одну вершину, многія основанія и явно сов-

мѣщающая въ проблемѣ имманентности антиномію дуализма, но – преодоленнаго въ конкретный монизмъ». (А. Бѣлый. *На рубежѣ двухъ столѣтій*).

Задачей было здѣсь: добиться такого слова, которое претворилось бы (словами В. П. Зинченко изъ «*Живого времени...*», сказанными о поэзіи О.Мандельштама) – въ «плугъ, взрывающій время такъ, что глубинные пласты времени оказываются сверху. Тогда, по словамъ поэта, можетъ даже впервые родиться вчерашній день», чтобы почившій многотысячелетней древности Критъ ожилъ, играя тысячу искрящихся на критскомъ Солнцѣ красокъ, сохранивъ дыханіе – не жизни, но единой культуры.

\* \* \*

Слѣдуетъ отмѣтить, что я не пѣстую реализмъ (для меня: символизмъ и романтизмъ выше реализма<sup>84</sup>) и и жанръ романнный; реализмъ – штамповка [мастера – въ случаѣ, скажемъ, Л.Н.Толстого, послѣдняго человѣка – въ случаѣ современномъ]. Романъ явленіе не античное, зародился онъ въ Средніе вѣка въ Европѣ какъ рассказъ, писанный на народномъ языкѣ для широкой аудиторіи и рвущій съ латинской традиціей словесности; можно ли удивляться, что именно онъ сперва потѣснилъ, а послѣ и во многомъ вытѣснилъ иные

---

<sup>84</sup> «Реалисты всегда являются простыми наблюдателями, символисты – всегда мыслители.

виды эпоса? Liber romanticus – не героическія пѣсни прошлаго, но народное бытописаніе, земное по преимуществу, но безъ самого преимущества. Всѣ нормативныя поэтики вѣками не признавали романъ какъ жанръ высокій. И по праву. Сатирическое и реалистическое искусство всегда было для народа, для широкихъ массъ; оно никогда не было высокимъ и не для высокихъ оно предназначалось. Всегда было два искусства: для массъ и *для немногихъ*. Мною писанное есть поэма, что означаетъ: большая лиричность и, какъ слѣдствіе, большая дробность, фрагментарность, прерывистость и кратковременность повѣствованія, меньшій хронологическій охватъ и меньшая детализированность, меньше плановъ, языкъ плотнѣе и насыщеннѣе, что выражается въ свойственномъ поэмѣ паѳосѣ (большая страстность, воодушевленіе и возвышенность въ выраженіяхъ мыслей и чувствъ); также фабула въ поэмѣ являетъ себя инако. Романъ стараго образца есть почва благодатная для цвѣтенія плодовъ посредственныхъ. Новый романъ (скажемъ, «Петербургъ» Бѣлаго), напротивъ, есть планка, почти ни для одного автора недоступная. “Ex oriente lux” – циклъ поэмъ, а не романовъ, она всецѣло находится въ лонѣ символизма. Романъ и реализмъ – взаимосвязаны: романъ имѣетъ много сюжетныхъ линій и детально выписанныхъ подробностей любого рода, а послѣднее есть условіе необходимое для реализма и – шире – для реалистичности, живости описываемаго. Романъ есть искусство земное, созданное въ цѣляхъ земного, косми-

ческаго<sup>85</sup>. Романъ – срединное царство<sup>86</sup>. Отмѣтимъ: если въ критской поэмѣ всё же присутствуетъ романное измѣрение, то во всѣхъ прочихъ его не будетъ и вовсе.

Реалисты схвачены, какъ прибоемъ, конкретной жизнью, за которой они не видятъ ничего, – символисты, отрѣшенные отъ реальной дѣйствительности, видятъ въ ней только свою мечту, они смотрятъ на жизнь – изъ окна. Это потому, что каждый символистъ, хотя бы самый маленькій, старше каждаго реалиста, хотя бы самага большаго. Одинъ еще въ рабствѣ у матеріи, другой ушелъ въ сферу идеаль-

---

<sup>85</sup> "Нельзя, например, быть христианкой и ходить с оголенными выше колен ногами и оголенными выше плеч руками, как это требуется по последней моде 1925–1928 гг. Я лично терпеть не могу женщин с непокрытыми головами. В этих последних есть некоторый тонкий блуд, – обычно мужчинам нравящийся. Также нельзя быть христианином и любить т. н. "изящную литературу", которая на 99 % состоит из нудной жвачки на тему о том, как он очень любил, а она не любила, или как он изменил, а она осталась верной, или как он, подлец, бросил ее, а она повесилась или повесилась не она, а кто-то еще третий и т. д. и т. д. Не только "изящная литература", но и все искусство, с Бетховенами и Вагнерами, есть ничто перед старознаменным догматиком "Всемирную славу" или Преображенским тропарем и кондаком; и никакая симфония не сравнится с красотой и значением колокольного звона". (А. Ф. Лосев. *Диалектика мифа*).

<sup>86</sup> «По Уайльду, романъ долженъ быть безмысленно-очаровательнымъ, какъ персидскій коверъ» (Ивановъ Г. Борисъ Зайцевъ. *«Золотой узоръ»*). Или – онъ же, пророкъ, уже о стихахъ: «Мысль въ стихахъ – приправа полезная, но не необходимая. Еще менѣе обязательна новизна или оригинальность мысли. Всякая мысль «годится въ стихи», какъ пейзажисту годится всякій пейзажъ – и видъ Компаньи и задворки Охты. Глубокая или новая мысль можетъ даже повредить стихотворенію, какъ вредитъ вычурная метафора или слишкомъ звонкая рима <...> Пройдутъ годы, можетъ быть, десятилѣтія, пока это случится. Но я увѣренъ, что случится неизбѣжно.

ности <...> Въ то время какъ поэты-реалисты разсматриваютъ міръ наивно, какъ простые наблюдатели, подчинясь вещественной его основѣ, поэты-символисты, пересоздавая вещественность сложной своей впечатлительностью, властвують надъ міромъ и проникаютъ въ его мистеріи. Сознаніе поэтовъ-реалистовъ не идетъ дальше рамокъ земной жизни, опредѣленныхъ съ точностью и съ томящей скукой верстовыхъ столбовъ. Поэты-символисты никогда не теряютъ таинственной нити Ариадны, связывающей ихъ съ міровымъ лабиринтомъ Хаоса, они всегда овѣяны дуновеніями, идущими изъ области запредѣльнаго, и потому, какъ бы противъ ихъ воли, за словами, которыя они произносятъ, чудится гулъ еще другихъ, не ихъ голосовъ, ощущается говоръ стихій, отрывки изъ хоровъ, звучащихъ въ святая святыхъ мыслимой нами Вселенной. Поэты-реалисты даютъ намъ нерѣдко драгоцѣнныя сокровища, но эти сокровища такого рода, что, получивъ ихъ, мы удовлетворены – и нѣчто исчерпано. Поэты-символисты даютъ намъ въ своихъ созданьяхъ магическое кольцо, которое радуется насъ, какъ драгоцѣнность, и въ то же время зоветъ насъ къ чему-то еще, мы чувствуемъ близость неизвѣстнаго намъ, новаго, и, глядя на талисманъ, идемъ, уходимъ куда-то дальше, всё дальше и дальше.

Итакъ, вотъ основныя черты символической поэзіи: она говоритъ свои особымъ языкомъ, и этотъ языкъ богатъ интонаціями; подобно музыкѣ и живописи, она возбуждаетъ

въ душѣ сложное настроеніе, – болѣе чѣмъ другой родъ поэзіи трогаеть наши слуховыя и зрительныя впечатлѣнія, заставляетъ читателя пройти обратный путь творчества: поэтъ, создавая свое символическое произведеніе, отъ абстрактнаго идетъ къ конкретному, отъ идеи къ образу, – тотъ, кто знакомится съ его произведеніями, восходитъ отъ картины къ душѣ ея, отъ непосредственныхъ образовъ, прекрасныхъ въ своемъ самостоятельномъ существованіи, къ скрытой въ нихъ духовной идеальности, придающей имъ двойную силу. (Бальмонтъ К. *Элементарныя слова о символической поэзіи*).

Этотъ варваръ, со всей силой своего генія, молодости, напора, – докажетъ, что роль Пушкина въ русской поэзіи кончена. И «прекрасная легенда» о великомъ русскомъ поэтѣ рухнетъ въ день, когда въ витринахъ книжныхъ магазиновъ появится его книга, статья, не знаю что» (Ивановъ Г. *Почтовый ящикъ*). – Въ самомъ дѣлѣ, кого еще боготворить, за кого цѣпляться, какъ не за Пушкина, если А.Бѣлый для Г. Иванова – геній-графоманъ, читать его творенія «трудно и непріятно изъ-за несносной манеры», воспоминанія Бѣлаго «правильнѣе было бы назвать «Почему изъ меня ничего не вышло» или въ этомъ родѣ», въ иныхъ твореніяхъ Бѣлаго «мы видимъ, «какъ дошелъ до жизни такой» Андрей Бѣлый. Видимъ, какъ прогрессировала въ нёмъ расхлябанность души и неврастенія, въ наши дни дошедшая въ книгахъ Бѣлаго до послѣдняго предѣла»; итогъ Иванова: «...этотъ знаменитый писатель блестяще подтверждаетъ печальную истину,

что талант и графоманія – понятія, не исключаютъ друга», – какъ черезъ страницу признается онъ въ уже упомянутомъ «Почтовомъ ящикѣ»: лишь расписавшись въ собственной срединности (чтобы не сказать – медноголово-сти) – психизме: Ивановъ – типическій казалось бы психикъ, но психикъ, колеблясь и сидя на двухъ стульяхъ, внемлетъ пневматическому, а Ивановъ – не въ силахъ.

Мои поэмы – не таковы: онѣ устремляютъ прочь отъ земного, онѣ возводятъ душу горѣ. Форма романная имъ едва ли не противопоказана. Именно поэтому (а не по какой иной причинѣ) онѣ суть поэмы въ прозѣ и могли бы быть драмами. О реализмѣ не можетъ быть и рѣчи: реальное здѣсь ирреально, ирреальное же реально. Я не желаю ни съ кѣмъ стоять рядомъ, мое Слово – не литература въ привычномъ смыслѣ, которая чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе деградируетъ. Романъ означаетъ: реализмъ, обиліе деталей и языкъ разслабленный. Поэма въ прозѣ – въ моемъ случаѣ – означаетъ: символизмъ, деталей порою намѣренно (а не вынужденно) мало, либо очень мало, детализируется только важное, а не всё, какъ въ романѣ, что предоставляетъ право читателю домысливать самому необходимыя ему для видѣнія картины живой подробности, и лишь 3 сюжетныя линіи: линія черни, линія Дворца и наслаивающаяся на нихъ линія М., главного героя первой поэмы. На сюжетъ, на (квази) – историческое – въ свою очередь – наслаивается метаисторическое, претворяющее предъ-исторію въ нѣчто болѣе важное и эпо-

хальное, быть может, и въ сравненіи и со всей послѣдующей исторіей! Рѣчь идетъ о метаисторіи, вплетенной въ лоно исторіи, гдѣ исторія не болѣе историческаго если не фона, то здѣшняго проявленія и отраженія метаисторіи. Критъ четырехтысячелетней давности здѣсь – поверхность, зеркало и фонъ; за завѣсою исторіи обнаруживаетъ себя метаисторія, коей угодно изливаетъ самое себя въ исторію когда ей угодно. Именно поэтому Критъ узкихъ историческихъ рамокъ пріобрѣтаетъ смыслъ вселенскій, а точка на линіи исторіи – ежели она и остается точкой – претворяется во взрывъ сверхновой [звѣзды]. – Раннія минойскія времена становятся временами всего человѣчества: изъ временъ дробныхъ переходя въ самое Время. – Всегда были Имато, Касато, Ира, Атана и пр. – съ одной стороны, съ иной – Акай, Аке-ро и – парящій надо всѣмъ – М., возможный – отъ вѣка и до вѣка – въ каждый моментъ Времени, начиная съ описываемой эпохи... Summa summarum: Критъ здѣсь не только поверхность и фонъ, но и изначальная Тьма, гдѣ зарождается Свѣтъ. Иными словами, міръ здѣсь – своеобразный фонъ развертыванія божественныхъ энергій.

Отчасти таковы развѣ что (изъ извѣстнаго мнѣ) лишь многочисленныя произведенія (не всѣ) Ф. Достоевскаго, Д.Мережковскаго и Т.Манна, Г.Гессе: на историческое наслаивается метаисторическое. Но у Мережковскаго міровоззрѣніе вполне космическое, у меня – акосмическое; онъ считаетъ язычество лишь этапомъ – и этапомъ прекраснымъ едва ль



не во всёмъ – самораскрытія христіанства, позднѣе непоня-  
таго, изолганнаго, а къ его времени – на дѣлѣ – и позабыта-  
го (Богъ умеръ не самъ по себѣ: онъ умеръ въ сердцахъ люд-  
скихъ). Мережковскій язычество (не всё, впрочемъ) считалъ  
началомъ, зачиномъ христіанства, а самое христіанство (ис-  
торическое) – язычествомъ, и считалъ, что исторія религіи  
= полу-неудавшаяся исторія самораскрытія Абсолюта. Для  
меня пріемлемо и такое міровоззрѣніе, но мнѣ интересенъ  
гностицизмъ, который, какъ и всё, пропитанное духомъ его,  
есть бунтъ и мятежъ Духа. Гностическое ученіе есть, вѣроят-  
но, подлинное благовѣстіе историческаго, а не выдуманнаго  
Христа, и сіе есть почти фактъ (отсылаю читателя къ трудамъ  
И.Евлампіева и нѣк. иныхъ). Въ поэмѣ, впрочемъ, рѣчь  
идеть, скорѣе, о монотеизмѣ особаго рода – включающаго  
въ себя Христа и Люцифера равно и единовременно: у ме-  
ня дальнѣйшее развитіе гностическаго ученія – не въ видѣ  
метафизическихъ схемъ, а въ видѣ самой жизни. Въ этомъ  
смыслѣ я анти-Мережковскій<sup>87</sup>, выражаясь кратко; въ этомъ  
же смыслѣ я и анти-Маннъ, ибо всё бытіе М. противоположно  
бытію его Іосифа. Скажемъ такъ: Мережковскій подробно  
выражаетъ свое метаисторическое посредствомъ историче-  
ской прозы – языкомъ, какъ правило (кромѣ мѣстъ рѣдкихъ,  
но, впрочемъ, всегда имѣющихся въ каждомъ произведеніи),

---

<sup>87</sup> И всё же далеко не во всёмъ. Въ критской поэмѣ воскрешается сѣдая древ-  
ность скорѣе ужъ на его ладъ, на ладъ его трилогій и дилогій, а не на политизи-  
рованный ладъ Сартра – ладъ, который есть не что иное, какъ безладье и разладъ.

романно-разслабленнымъ, позднимъ, слишкомъ позднимъ. Я наслѣдую – изъ извѣстныхъ мнѣ – не только Мережковскому, но и двумъ книгамъ двухъ авторовъ: «Ожерелью странника» Хаггарда и «Византіи» Жана Ломбара, челоѣка судьбы не менѣ трагической, нежели моя судьба. Но въ мѣрѣ большей я наслѣдую Ницше и Гельдерлину.

Случись кому изъ великихъ романистовъ прошлаго жить нынѣ, они – со всѣмъ своимъ мастерствомъ – живописали бы современную намъ эпоху и часто бы использовали современную лексику (при условіи, что они не упали бы въ обморокъ отъ всецарящаго въ наши дни безкультурья). И въ силу того, что эпоха нынѣшняя есть культура побѣдившаго хама, и хамъ вездѣ, симъ литераторамъ пришлось бы занизить стиль повѣствованія, дабы не перестать быть реалистами: каково время, таковъ и романъ. Однако, мня себя реалистами, они всегда переставали быть реалистами, когда затрагивали опредѣленные темы, вѣрнѣе: обходили ихъ стороною.

Мы съ прискорбіемъ отмѣчаемъ, что въ исторіи литературы побѣдилъ реализмъ, а не символизмъ. Надобно пѣствовать символизмъ – хотя бы потому, что вездѣ и всюду засилье реализма, пошлѣйшаго. Съ еще большимъ прискорбіемъ отмѣчаемъ: если искусство, почти окончившееся нынѣ, подражало природѣ, то искусство новое – техникѣ; и если первое стоитъ подъ знакомъ разума и духа, то второе – подъ знакомъ безсознательнаго, внеразумнаго, внедуховнаго. – Конецъ культуры – въ разгулѣ нигилизма, выражаемомъ, въ частно-

сти, и въ цинизмъ и юморъ, коими нынѣ затоплено бытіе, не дающее потому своею влагою расти всему огнено-высокому, въ смѣхѣ безъ причины, но не смѣхъ такого рода есть признакъ «дурачины», а самъ смѣхъ порождаетъ «дурачину» и зиждетъ ...конецъ. Такъ было въ Древней Греціи III вѣка до Р.Х. (незадолго до паденія), но нынче цинизмъ растеть цвѣтомъ, несомненно, болѣе пышнымъ. Культура цинизма (вкупѣ или не вкупѣ съ заумью), разрушающая, потому что не можетъ созидать, есть поистинѣ антикультура, и приходитъ она на закатѣ той или иной цивилизаціи, позднѣе она главенствуетъ и всецарить, какъ нынѣ, а подлинное и высокое тогда становится маргинальнымъ – контркультурою<sup>88</sup>.

Поэмы, скорѣе, тяготѣютъ къ серебряновековскому символизму, въ равной степени и къ романтизму, нежели къ чему-либо иному. Съ иной стороны, есть опредѣленная связь съ многочисленными трилогіями (и одной дилогіей) Д.Мережковского, но вопросы и темы, затронутыя въ нихъ, рѣшаются у меня инако. – Ибо рѣчь идетъ о серіи поэмъ, сквозь которыя нѣчто подобное гностицизму (скажемъ, примордіальный гносисъ съ большою толикою люциферіанства,

---

<sup>88</sup> «Ирония не просто сопутствуетъ слову. Слово всего нового литературного процесса – ирония в широкомъ смысле, косвенная речъ, заранее настроенная на непрямоту. Пишущему субъекту нового времени такимъ образомъ опять же не удастся своими силами создать полновесное событие. Настоящимъ событиемъ осталось молчаніе первичного автора. Вся косвенная речъ лишь посильное истолкованіе того молчанія. (Бибихин. «Слово и событие»). – Только не истолкованіе, но игрованіе и пляски шумныя вокругъ Слова прежняго.

иль нѣкій предъ-гносись) проходить красною нитью. Единовременно съ этимъ поэмы сіи суть нѣкія пролегомены къ тому, что представлялось и представляется нынѣ твореніемъ жизни моей, къ моему *magnum opus*: къ «Послѣднему Кризису» (далѣе – «П.К.»), трагедіи душевныхъ и духовныхъ исканій, гдѣ трагедія понимается какъ краса и краса какъ трагедія, эсхатологической мистеріи, пѣсни апокалиптической; о нѣмъ вѣсти рѣчь, однако, покамѣсть рано. Поэмы хронологически предваряютъ его и зачинаютъ основныя темы «П.К.». Скажемъ такъ: если «П.К.» – пѣснь закатная, то «*Ex oriente lux*» – пѣснь разсвѣтная. Вмѣстѣ съ тѣмъ, поэма тяготѣетъ и къ «Такъ говорилъ Заратустра», къ книгѣ, которая мнѣ всегда была дороже и ближе любого романа, да и иного любого творенія, относящагося къ изящной словесности.

Своимъ эстетическимъ призваніемъ, оправдывающимъ бытіе свое, своею главною эстетическою цѣлію разумью: являть и въ личномъ бытіи, но болѣе въ словесности, то, что было доселѣ скорѣе какъ исключеніе, крайне рѣдкое, рѣдчайшее изъ рѣдкихъ: съ одной стороны – дерзновеніе, духъ байроническій, духъ мѣтьюриновскій, духъ гомеровскій (но далеко не во всѣмъ), – помножаемый – съ иной стороны – на горную неотмірность, на выпренность (внѣшне – въ слогѣ – она выражается славянорусскимъ, имѣющимъ въ себѣ много отъ церковнославянскаго). Творить (а не вторить – какъ комментаторы), быть, а не имѣть (въ смыслѣ Фромма).

Въ сущности, лучшія книги пишуться для всѣхъ и ни для кого, онѣ не для привлеченія вниманія и шокированія читателя (это не по-господски); стоитъ ли упрекать Бердяева или Марка Аврелія, что они часто говорили, что бѣлое – это бѣлое, а зеленое – зеленое; во всякомъ случаѣ – что уже всё искупаетъ – они затрагивали темы важнѣйшія и говорили вѣрно, ибо обладали помимо благородства души еще и даромъ интуиціи и зрѣнія духовнаго; еще важнѣе: они жили такъ, какъ учили. Для меня оба этихъ автора – это домъ родной, но они хороши для начала пути.

Отличіе – очередное – критской поэмы – философское *crescendo*: начинается съ простушеской болтовни, быта, бытованія (со всѣми этими "тута" "кто идѣть?") черезъ болѣе высокихъ – царя и царедворца (словомъ – Дворца) – къ высокому Акаю и сверхвысокому М.

Нѣсколько словъ о народѣ. Отсутствіе имени у представителей критскаго народа – еще одна гностическая черта: въ Евангеліи Истины, гностическомъ памятникѣ иного рода, прямо говорится: не всѣ живущіе имѣютъ имена, что означаетъ: не ко всѣмъ обращенъ призывъ Бога-Отца, не всѣ укоренены въ Немъ и совершить возвратный къ Нему порывъ, дабы обрѣсть спасеніе, они, невѣдающіе гилики и психики, не въ состояніи: «Тѣ, чьи имена Онъ <Отець> предвидѣлъ, названы въ концѣ, такъ что нѣкто знающій – это тотъ, чье имя произнесъ Отець. Ибо тотъ, чье имя не произнесено – незнающій. Поистинѣ, какъ нѣкто сможетъ услышать, если

его имя не произнесено? Вѣдь тотъ, кто незнающій до конца, – твореніе забвенія, и онъ исчезнетъ вмѣстѣ съ нимъ. Если, поистинѣ, нѣтъ у этихъ жалкихъ имени, нѣтъ у нихъ и призыва» (Евангеліе Истины).

Жанръ поэмы-въ-прозѣ есть жанръ особый: онъ не имѣетъ четко очерченныхъ границъ, находясь между прозой и поэзіей, между лирикою и прозою: рѣчь идетъ о смѣшеніи стилей и не только стилей; границы его подвижны; преобладаетъ лиризмъ; порою чрезмѣрная для прозы краткость и стремительность дѣйствія, на которое наслаиваютъ себя, играя первостепенную роль, лирическія (авторскія) отступленія, его разсужденія, носящія порою философскій характеръ; существованіе въ одномъ произведеніи двухъ регистровъ языка – высокаго и низкаго штиля; обличеніе эпохи милостью ироніи, гротеска, «смеховой культуры», иначе: обличеніе и даже низверженіе «прозы жизни» лиризмомъ; страстный поискъ правды; поучительность, или дидактичность; тема дороги, претворяющаяся въ первой критской поэмѣ въ тему стезей: стезей личнаго бытія, кое могутъ измѣнять, обладая выборомъ (безъ чего не можетъ быть никакой свободы), лишь высокіе и сверхъ-высокіе герои; музыкальныя повторенія; изрѣдка ритмъ: мерцающій ритмъ; примать субъективнаго – чувства и мысли – надъ объективнымъ – реалистическимъ бытописаніемъ, въ коемъ мало, слишкомъ мало авторскаго; образность, метафоричность, примать эстетизма надъ реализмомъ. Поэма-въ-прозѣ – помимо прочаго – гово-

ритель о переломномъ моментѣ эпохи, это не широкая панорама въ духѣ «Войны и мира» Толстого, но заостреніе вниманія читателя на отдѣльныхъ – краеугольныхъ и переломныхъ – эпизодахъ – казалось бы исторіи, а на дѣлѣ – на томъ средокрестіи, гдѣ метаисторія вливаетъ самое себя въ исторію, милостію чего «проза жизни» попросту упраздняется. Въ случаѣ съ первой критской поэмой именно вышесказанное рождаетъ, во-первыхъ, особую динамичность при внѣшней статикѣ (въ минойскомъ случаѣ: боготворящей динамику, ибо сама ею не обладаетъ; и чѣмъ меньше ею обладаетъ, тѣмъ болѣе боготворить: казусъ критское искусство и критское бытіе), во-вторыхъ, особую философичность написаннаго, которая усиливается чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе: въ этомъ философское *crescendo*, которое отнюдь не отмѣняетъ или не убавляетъ лиризмъ, но его дополняетъ.

\* \* \*

И послѣднее: о томъ, какъ говорятъ герои<sup>89</sup>. Въ поэмѣ раз-

---

<sup>89</sup> Примѣчательнень языкъ не низовъ народа, а его верховъ: Иры, кормилицы, знахарки, Малого и пр. – Нѣкая помѣсь просторечій съ высокимъ стилемъ: суржикъ *sui generis*, языкъ искусственный, въ сущности; вызвано это тѣмъ, что верхушка народа подражаетъ тѣмъ, что выше него, но происхождение даетъ о себѣ знать; не перенимають высокое, возгоняясь имъ, а ему подражають, оставаясь низкими. Этимъ объясняется нѣкоторая неестественность языка ихъ и ихъ смѣхотворность, лишь усиливаемая языкомъ такого рода; славянизмы среди просторечій, какъ правило, смѣшны; но народъ такого рода смѣшонъ въ первую очередь

## ные герои говорят по-разному: герои и существа премір-

не этимъ, а попросту всѣмъ. – «У тебя народ карикатурен на самом деле. Это, пожалуй, одно из самых уязвимых мест. **Настолько** народ может быть убог только в худшие моменты своего упадка. Например, как в нынешней РФ» (И.Поклонский). Отъ себя добавлю: линия народа, который намѣренно и вынуждено тоже – карикатурень, нужна въ первую очередь для приданія еще большаго объема инымъ лицамъ, которыя начинаютъ себя являть во II части. Съ т.з. романа, романнаго искусства мои герои (и само произведеніе) попросту дурны, потому что, возможно, и не живы вовсе, хотя и не такъ не живы, какъ въ «Послѣднемъ Кризисѣ». Въ сущности, многіе тексты російскіе времянь съдыхъ не всегда удачно соединяли въ себѣ два регистра языка – высокій и низкій штиль: церковнославянской и русской. Въ исторіи же остались тѣ, что соединяли оба регистра мастерски. Отмѣтимъ, что съ каждымъ вѣкомъ всё болѣе и болѣе преобладалъ именно русскій (живой и невысокій) пласть славянорусскаго, славянское же умалялось, словно истаивая, что я связываю съ дѣятельностью Карамзина и особливо Пушкина; родилась національная литература, но полнота языка была до сего, теперь она навѣки потеряна; славянорусскій былъ побѣжденъ русскимъ, славянское въ цѣломъ было отброшено; отброшено и пониманіе словесности XVIII столѣтія, значимости языка ея, его величія и неизсякаемой мощи, его царственности и неподражаемой выразительности; какъ слѣдствіе, вся русская словесность понятая невѣрно: XIX вѣкъ, занятый вопросами житейскими («что дѣлать?» и «кто виновать» въ ракурсѣ социальнаго) переоцѣненъ, тѣмъ паче переоцѣненъ вѣкъ XX (единственно понятный современнымъ), а XVIII вѣкъ недооцѣненъ, или вѣрнѣе почти забытъ, будучи отброшеннымъ штемпелеванной культурой. Я и впрямь не считаю, что въ XIX вѣкѣ – вѣкѣ романовъ – было нѣчто достойное въ полной мѣрѣ; XIX вѣкъ – пропасть между Ломоносовымъ, Херасковымъ, Гнедичемъ, Державинымъ – съ одной стороны – и Бѣлымъ – со стороны иной. Положимъ, выходило у Толстого, аристократическаго опрощенца и пахаря, и у развенчателя и низвергателя героическаго Достоевскаго дѣлать персонажей трижды живыми, ну и что изъ того? Философіи мало, слогъ разслабленный, что и признають ортодоксы, когда ихъ испрашиваютъ, можно ли использовать русскій языкъ какъ языкъ богослуженія. Куда національная литература пришла, мы можемъ наблюдать по заглавіямъ нонешнихъ книгъ: начали съ Бога, а кончили бытоописаніемъ офиціанта, проститутки, бизнесмена, политика, короче, тѣнями прямикомъ



ныя говорятъ языкомъ высокимъ и благороднымъ; челядь говоритъ языкомъ низкимъ и неблагороднымъ. Говоря точнѣе: одни – какъ имъ подобаесть – глаголють; иные – «базарять» (то есть говорятъ языкомъ, свойственнымъ людямъ на базарѣ). – Ничего усредненнаго, какъ то читатель привыкъ видѣть въ романахъ позднѣйшаго времени<sup>90</sup>: никакого

---

изъ царства Ничто... Посему любой выходъ изъ сей разслабленности, увеличившейся донельзя въ XX–XXI вв., благотворенъ, на какія бы авторъ издержки ни шель. Подробнѣе я говорю объ этомъ въ статьѣ «Rationes triplices I». Великимъ и наиболѣе яркимъ исключеніемъ изъ сказаннаго является въ первую очередь творчество А.Бѣлаго. Онъ синтетически вбираетъ наилучшее изъ бывшаго, ибо желаетъ творить лучше кого бы то ни было; онъ созидаетъ небывшее и того болѣе: дотолѣ невозможное. Многіе геніи прошлаго оказываются фундаментомъ и стѣнами возводимаго имъ зданія.

<sup>90</sup> Въ любомъ историческомъ романѣ что авторъ, что герои говорятъ довольно схоже. Скверно, когда какъ у Джованароли слогъ и XIX–XX вѣка переносится на рабовъ и не-рабовъ I вѣка до РХ – во всякомъ случаѣ такъ дѣло обстоитъ въ переводахъ на русскій языкъ. Спартакъ тамъ – романтической герой временъ романтизма. Подлинное слово – слово синтетическое. Таково мое слово. Менѣе пестрые тексты я и впрямь ставлю не слишкомъ высоко, я ихъ всегда отношу къ тѣмъ, кто не прорвалъ время, – если не на уровнѣ головы отношу, то на уровнѣ чувствъ, впечатлѣній. – О томъ же на примѣрѣ "Саламбо" Флобера, а также и о переводахъ. Читалъ сіе произведеніе въ совѣтскомъ переводѣ, который, несомнѣнно, точенъ и пр., но лишень изыска эстетическаго, совсѣмъ какъ та бумага, на которой онъ напечатанъ; лишень онъ и монументальности своего рода. Это проблема не данной книги и не Флобера какъ автора ея, а едва ли не любой переведенной послѣ 1917 г. зарубежной книги; и, конечно, сейчасъ въ цѣломъ переводятъ и издають хуже, чѣмъ въ С.С.С.Р. (если говорить не о бумагѣ, которая ошутимо лучше совѣтской, но много хуже верже). – Что такое хорошо переведенная книга? Скажемъ, "Византія" Жана Ломбара, переведенная до революціи. Кромѣ того, отмѣчу неоправданную для романа и для реализма краткость иныхъ сюжетныхъ моментовъ: краткость, лишенную плотности, монументальности,

совѣтско-русскаго языка и орѳографіи, есть лишь вечноживой славянорусскій, черпающій себя – единовременно – изъ церковно-славянскаго и русскаго языковъ. О славянорусскомъ мы говорили въ III части «Rationes...». Но примѣнительно къ этой поэмѣ славянорусскій означаетъ: обиліе реестровъ рѣчи въ рамкахъ одного произведенія, главы, а иногда и страницы: говорить о низкомъ образомъ низкимъ, о высокомъ – образомъ высокимъ, какъ то ему свойственно. Синтезъ языка разныхъ эпохъ есть не только прорывъ, но и исходъ изъ эпохи: любой эпохи. – Я думаю, было бы неправильнымъ слишкомъ много думать, какое слово въ какую эпоху стало

---

едва ли не «жирности» слога. Особенно конецъ, когда умираетъ Саламбо, это описано въ 1–2 строкахъ. Что я разумѣю, говоря "монументальность"? Въдь неотмирность, опредѣленная и немалая въ рамкахъ романа и реализма мощь стиля и едва ли не гомеровская эпичность (рѣдкая для реализма и 19 вѣка въ его цѣломъ) присутствуетъ и являетъ себя и въ совѣтскомъ переводѣ, ибо слово – лишь ткань между сердцемъ читателя и сердцемъ автора. – Но эпичность не строго равно монументальность. И въ данномъ случаѣ вовсе не равно. Я разумѣлъ подъ монументальностью предѣльную плотность слога, когда одна фраза, одно предложіе стоитъ многихъ произведеній вмѣстѣ взятыхъ. Я разумѣлъ гравировку отдѣльныхъ фразъ – тѣхъ, что кратки и плотны, будучи лишены подробностей. Флоберъ далекъ отъ искусства афоризма (тѣмъ паче афоризма, вплетеннаго въ романъ), хотя ему то, быть можетъ, и не во вредъ какъ реалисту. Если Флоберъ, который хотѣлъ реализма, гдѣ реализмъ маловозможенъ, желалъ плотности и монументальности, какъ въ ТГЗ Ницше или у меня въ П.К. или въ критской поэмѣ, гдѣ порою два-три слова стоятъ цѣлыхъ произведеній (такова тамъ плотность), то у него по крайней мѣрѣ въ совѣтскомъ переводѣ не вышло. Не вышло и въ любыхъ прочихъ переводахъ любыхъ прочихъ авторовъ. – Цѣлыя поколѣнія испорчены совѣтскими переводами, но всё это меркнетъ въ сравненіи съ дѣйствіемъ современности: только сильный можетъ использовать «цифру» себя во благо.

употребляться, а въ какую стало съ помѣткою «арх<sup>91</sup>.»

Почему? Да потому что есть (хотя бы и меонально – отъ меональности оно ничуть не менѣе реально) единое вѣчно-живое поле Языка, гдѣ всё единовременно (съ позиціи Вѣчности) и гдѣ не можетъ быть человѣческихъ, слишкомъ человѣческихъ дѣлений архаика – модернъ – постмодернъ, ибо всё единовременно, всё со-существуетъ, и, конечно, разумѣющей современную литературную рѣчь не имѣющей въ себѣ ничего отъ церковнославянскаго и такимъ образомъ не являющейся также синтезомъ – только совдеповскимъ (вѣрнѣе, онъ шель по нисходящей еще ранѣе – уже съ Карамзина и Пушкина, о чѣмъ говорится въ упомянутой моей статьѣ), горько заблуждается. Еще болѣе заблуждается тотъ, кто разумѣетъ позднюю, современную рѣчь болѣе предпочтительною рѣчи старой – особливо примѣнительно къ эпохамъ четырехтысячелетней давности; ибо лишь не-поздняя здѣсь единственно и умѣстна. Почему и для чего герои четырехтысячелетней давности должны говорить на современномъ русскомъ, который отчего-то мыслится иными какъ един-

---

<sup>91</sup> Не иронически архаика послѣ 18 вѣка либо не используется, либо используется иронически, и никто не рискуетъ использовать её всерьезъ. Архаика если и используется, то всуе, дабы вновь осмѣять её въ концѣ концовъ. Использовали, скажемъ, «яко» и «иже» въ духѣ небезызвѣстной комедіи объ Иванѣ Грозномъ; въ сущности, то совѣтскій смѣхъ надъ русской архаикой и шире надъ Россіей дореволюціонной, которая въ силу временной удаленности въ данномъ случаѣ (времена Ивана Грознаго) уже не страшна и опасна, какъ Россія временъ Николая II и ея послѣдніе всполохи въ видѣ бѣлой эмиграціи, а потому уже можетъ быть смѣшна.

ственно гармоническій и живой? Въ качествѣ предпоследняго: кому рѣжетъ слухъ на одной страницѣ слова «яко», «крылія» и слова болѣе позднія («сущностно-разъединенной», «матеріализовалась») или же кто неспособенъ воспринимать не только ихъ взаимосочетаніе, но и ихъ самихъ, тому я могъ бы совѣтовать читать современное; въ концѣ концовъ, сколько всего пишется нынче, и лежитъ на прилавкахъ, и ждетъ великаго числомъ читателя. Но я вынужденъ напомнить имъ: языкъ новый есть тлѣніе: это беллетристика, не могущая быть (остаться) въ вѣкахъ; это не болѣе чѣмъ символъ кризиса временнаго. И послѣднее: для кого мои герои не слишкомъ живы и реалистичны, тому я отвѣчу: возможно, отчасти это и такъ, но всё дѣло въ томъ, что я и въ самомъ дѣлѣ невысоко ставлю живость, живенкость персонажей: они не живчики, но уста для идей; а огненность и трагедійное начало<sup>92</sup>, выступающія фундаментомъ, хребтомъ произведенія и по нему разлитыя, а также философское измѣреніе, несвойственное въ цѣломъ изящной словесности, довершаютъ картину; философскаго измѣренія и впрямь едва ли не слишкомъ много въ моихъ текстахъ, чтобы они могли принадлежать къ изящной словесности; и слишкомъ мно-

---

<sup>92</sup> Трагическое, съ котораго всё началось и коимъ всё окончится, – не то, отъ чего слѣдуетъ бѣжать, но то, къ чему стоило бы бѣжать. – «Если человек не обременен трагическим мирозерцанием, а бездумно плывет по жизни, ведомый черно-белой судьбой, сотканной из оптимизма в пессимизма, то рано или поздно он разочаруется в жизни, когда с возрастом краски её потускнеют, тело и ум ослабеют, иметь уже ничего не хочется, а бытийствовать не научился.

го для русской словесности, если, конечно, считать её русской. – Нѣчто художественное, гдѣ философское разлито въ художественномъ – и не какъ масло на водѣ, но скорѣе какъ въ водѣ соль; философія – здѣсь остовъ, скелеть, костякъ написаннаго; философичность идетъ по нарастающей – съ минимума въ началѣ, когда тонъ задаетъ бытоописание Крита и моя иронія (но сквозь бытоописание уже просвѣчиваетъ метаисторія, задавая тонъ и направленье повѣствованью) до максимума въ концѣ, когда художественное въ полной мѣрѣ возгоняется до метафизическаго, и откуда зримо, что герои были устами автора, ибо герои суть уста для идей.

Река жизни А.Блока оборвалась на середине – он надорвался, когда увидел, что вместо музыки революции, она вылилась в какофонию мещанства, оказалась всё той же суетностью, где масса серости накрывает волной отважных одиночек. Удел смелых одиночек не только жить в модусе трагедии, но и стоять над схваткой несущегося потока жизни. Музыка этих одиночек должна утверждать себя в контрапункте духоподъемности и жизнеутвердительности, а не в упадничестве пессимизма и бодрячестве оптимизма» (Анучинъ Евг. *Изъ частныхъ бестѣдъ нач. 2020-го*).

\* \* \*

Эллинизмъ, какъ извѣстно, – время синкретическихъ ученій, взаимовліяній, широкаго обмѣна идей, «діалога

культуру», и если Востокъ предоставлялъ разнаго рода религіозныя ученія, то Западъ (греки) – раціональный инструментарій своей мысли, оформляя и кристаллизируя восточныя прозрѣнія въ законченныя и стройныя системы. Йонасъ въ извѣстнѣйшемъ своемъ трудѣ «Гностицизмъ» сообщаетъ, что «...иудаистскій монотеизм, вавилонская астрология и иранскій дуализм <...> были, возможно, тремя главными духовными силами, вложенными Востокомъ в форму эллинизма, и они всё больше влияли на его позднейшее развитие». Важно, что тотъ же Йонасъ признаетъ, что сперва была эллинизация Востока, но послѣ – ориентализация Запада, когда Востокъ, вобравъ въ себя всё богатство грековъ, смогъ явить культурный прорывъ, создавъ болѣе сложныя синкретическія системы, гдѣ восточнымъ ядромъ было начало религіозное, а западнымъ – интструментарій, языкъ и пр. Востокъ повліялъ не только на простонародье, на греческую религію и миѳологию, но и на греческую философію, содѣлавъ её болѣе религіозной, болѣе мистической (неопифагореизмъ и неоплатонизмъ); философія подвигалась къ религіи, всё болѣе теряя свой только теоретическій и метафизическій характеръ; бездна между ними упадывала; этические вопросы стали вопросами наиглавнѣйшими; анализъ всё болѣе и болѣе уступалъ мѣсто догмѣ; поискъ счастья сталъ главною цѣлью философіи. Большинство философовъ отнынѣ имѣли восточное происхождение. Именно тогда – снова – засіялъ съ Востока свѣтъ. И засіялъ онъ для Запада, который слов-

но сухая, старая, изсушенная земля, давно испытывающая жажду, принялъ въ лоно свое живительную влагу сѣдого Востока. Произошло религіозное обновленіе культурнаго міра Запада, клонившагося къ упадку. То было именно новая, своеобразная, оригинальная культура, являющая себя помимо традиціонныхъ ученій и религій – новыми теченіями мысли (которыя должно разсматривать вмѣстѣ): неопифагорействомъ, неоплатонизмомъ, эллинистическимъ іудаизмомъ, восточной магіей и астрологіей, мистическими культурами Востока, христіанствомъ и, наконецъ, гностицизмомъ. Важно то, что вышеперечисленныя теченія не варились въ собственномъ котлѣ, а сопересекались и взаимодействовали. То былъ, въ самомъ дѣлѣ, – «діалогъ культуръ», глубокихъ культуръ, ибо едва ли не всякая поздне-религіозная культура глубока. Общимъ для нихъ является: трансцендентный Богъ, идея спасенія, дуализмъ добра и зла, свѣта и тьмы, духа и матеріи, плоти, жизни и смерти, горняго и дольняго, тамошняго и здѣшняго. Вліяніе Востока на Западъ было, видимо, сильнѣе, ибо оно было глубже; Западъ много больше нуждался (и въ самыхъ верхнихъ пластахъ культуры, и въ низахъ) въ живительномъ дуновеніи новаго, онъ выдохся, духовныя его достиженія всё менѣе и менѣе удовлетворяли людей, творить новое онъ всё менѣе могъ; Востокъ же ни въ чёмъ не нуждался. Въ античной мысли начинаетъ преобладать этическое направленіе, которое такъ или иначе упиралось въ концѣ концовъ въ религію. Крѣпли религіозныя настроенія и

чаянія, что открывало дорогу вліянію Востока. Возвышается роль мистицизма и откровенія, которое въ концѣ концовъ ставится на самую вершину. Философъ теперь – посредникъ межъ богами и людьми. Знаніе уступаетъ мѣсто вѣрѣ. Философскій эклектизмъ, представленный въ первую очередь новопифагорействомъ и новоплатонизмомъ если и удовлетворялъ, то лишь малую часть малой части общественности: отдѣльныхъ представителей духовной элиты. Массы алкали иного; иное нашли онѣ въ Востокѣ; восточныя божества, столь непохожія на западныхъ, проникаютъ въ римскій пантеонъ; теперь славятъ ихъ вплоть до Германіи на сѣверѣ и Галліи и Британіи на западѣ; особую извѣстность получили культъ Митры. Рождается синкретизмъ. И всё же иные изслѣдователи (напримѣръ, О.Группэ и проф. М.Э.Посновъ) разумѣютъ эллинизмъ не только слѣдствіемъ упадка, но и самымъ упадкомъ, не развитіемъ, а разрушеніемъ греческаго духа; но это касается только до философіи, промѣнявшей собственную мысль, исходящую отъ человѣка и человѣкомъ рождающуюся, на чечевичную похлебку восточныхъ откровеній, нисходящихъ отъ служителей чуждыхъ, восточныхъ божествъ; философія стала зависимою отъ неродныхъ авторитетовъ, раскачиваясь отъ строгаго стоицизма и аскетическаго новопифагореизма до разнузданнаго эпикуреизма; о культурномъ упадкѣ говорить не приходится (даже и по мнѣнію вышеназванныхъ ученыхъ мужей). Синкретическія ученія расправляютъ крылія еще за одно-два столѣтія



до Р.Х.: многочисленными тео- и космогоніями, ученіями о происхожденіи челоуѣка, мистическими теченіями. Всѣ они носятъ безусловно религіозный характеръ. Важнѣйшими направленіями было: герметическое и мандейское. Оба, безъ сомнѣній, повліяли на становленіе гностицизма, потому что и были прото-гностицизмомъ или же попросту первыми, раннѣйшимъ образчикомъ гностицизма, зачиномъ его; въ сущности, мандеи (арамейское manda=gnosis) суть гностики, знающіе и видящіе въ знаніи спасеніе; мандеи также извѣстны какъ назореи, но на дѣлѣ такъ они нарицали лишь наиболѣе благочестивыхъ изъ своей среды. Но гносисъ – для духовной элиты, а для народа – магія, мистеріи, культуры<sup>93</sup>; это двѣ стороны одной медали, онѣ неразрывны.

Герметизмъ и мандеизмъ, т. о., суть до- и внехристіанскія явленія, параллельныя религіи Христа, но на которыя христіанство вскорѣ повліяетъ, послѣ же чрезъ другія, болѣе позднія свои вѣтви гностицизмъ будетъ тщиться вліять и на самое христіанство, желая занять его мѣсто, – такова позиція проф. М.Э. Поснова; нынѣ есть изслѣдователи (самое малое проф. Евлампіевъ), которые выводятъ самое христіанство изъ гностицизма, разумѣемаго христіанствомъ подлиннымъ и неискаженнымъ, христіанствомъ Христа; побѣдившее историческое христіанство такого рода изслѣдователями разумѣется сдѣлкою съ іудействомъ, Ветхимъ Завѣтомъ,

---

<sup>93</sup> «Магія была гносисомъ народа» (Посновъ М.Э. *Гностицизмъ II вѣка и по-  
бѣда христіанской церкви надъ нимъ*. Кіевъ, 1917. С.83).

іеговизмомъ, исправленіемъ въ угоду міру сему ученія, которое отъ вѣка и до вѣка «не отъ міра сего», – короче, вливаніемъ новаго вина въ старые мѣхи; какъ слѣдствіе, историческое христіанство носить половинчатый характеръ, съ ветхозавѣтнымъ сочетается подлинно-гностическое; оно – сдѣлка съ міромъ ради міра; помѣсь горняго и дольняго, компромиссъ.

Впрочемъ, сколько-нибудь подробно говорить объ эллинизмѣ здѣсь не представляется возможнымъ<sup>94</sup>; короткая о нёмъ замѣтка – введеніе къ проблемѣ гностицизма. Къ нему мы сейчасъ и обратимся.

Съ гностицизмомъ бѣда троякаго рода<sup>95</sup>: помимо того, что онъ не удался въ исторіи (но на вовсе иной ладь по сравненію съ тѣмъ, какъ именно не удалось «историческое христіанство»: вмѣсто господства – гоненія, вмѣсто популярности – эсотеризмъ, закрытость міру), онъ до сихъ поръ находится въ рукахъ, не приспособленныхъ для держанія – любой – книги; гностицизмъ въ итогѣ стоитъ въ одномъ ряду съ нью-эйджъ, Блаватской, новодельными сектами и пр.

---

<sup>94</sup> Нельзя, однако, не добавить: хотя Александромъ Великимъ Западъ завоевалъ, казалось бы, Востокъ – на дѣлѣ (въ сферѣ не политики, но именно культуры) именно Востокъ завоевалъ Западъ; и Римъ (особливо поздній) въ немалой степени слѣдуетъ отнести къ Востоку. Великая идея Александра – въ объединеніи Востока и Запада; и если политическое сляніе по волѣ судьбы было неудачнымъ, то сляніе культурное плодоноситъ – въ итогѣ – и понынѣ.

<sup>95</sup> Гансъ Йонасъ: «Если бы идеи гностиков одержали победу, наше искусство, литература и еще многое другое в нашем мире было бы иным».

Мало того, что онъ не имѣеть роскоши обряда, сравнимаго по глубинѣ и красотѣ съ католическимъ или православнымъ, онъ не имѣеть и приличествующихъ Откровенію переводовъ, гдѣ языкомъ бы выступалъ не пластмассово-новодельный суржикъ, а, скажемъ, церковнославянскій. Отчасти это связано съ тѣмъ, что, по мѣткому слову С.Слободнюка, «... судьба «гностико-сатанинского» направления была, по сути, predetermined и судьбой самого гностицизма. Блестящие построения гностиковъ были понятны лишь избраннымъ, а вотъ идея о томъ, что дьяволъ хороший, а богъ плохой воспринималась с легкостью даже самыми глупыми головами. Такимъ образомъ, гностицизмъ вырождался в сатанинскіе культы, *ничего общаго, кроме поверхностнаго сходства с нимъ не имеющіе*»<sup>96</sup>. Своего предѣла это достигаетъ въ творествѣ А.Кроули и послѣдователей его (которые часто разумѣютъ себя за гностиковъ), въ коемъ происходитъ всесмѣшеніе (подъ видомъ высшей мудрости) – ради погубленія и окончанія даннаго эона: вавилонская блудница оказывается женою, облеченной въ Солнце, чаша, исполненная мерзостей и нечистотъ, – Граалемъ. Сказанное, отмѣтимъ, опредѣляетъ положеніе гностицизма и, скорѣе, уровень его послѣдователей послѣ его смерти какъ широкаго явленія, но не высвѣчиваетъ причинъ его смерти (авторъ цитаты – на сторонѣ ортодоксіи); ну не отъ своей же сложности онъ погибъ, несмотря

---

<sup>96</sup> Слободнюк С. «Дьяволы» «Серебрянаго» века (древний гностицизмъ и русская литература 1890–1930 гг.), Спб., 1998. С. 333.

на всѣ попытки иныхъ ортодоксовъ выставить дѣло подобнымъ образомъ! Куда благороднѣе Бердяевъ, который подѣноситъ какъ таковымъ разумѣть «знаніе, основанное на откровеніи и пользующееся не понятіями, а символами и мифами; знаніе-созерцаніе, а не знаніе-дискурсъ. Это и есть религіозная философія или теософія»<sup>97</sup>.

Гностицизмъ<sup>98</sup> (отъ греч. «gnosis» – знаніе) – въ первую очередь особаго рода – акосмическій – настрой души, внѣвременный и не узко-историческій (раннехристіанскій), а потому возможный въ любыя эпохи (какъ и всё подлинно религіозное), ученіе, возникавшее въ разныхъ частяхъ свѣта и въ разныя эпохи: это и собственно синкретическій

---

<sup>97</sup> Бердяевъ Н.А. *Изъ этюдодъ о Я.Беме. Этюдъ I. Ученіе объ Ungrund*. Журналъ «Путь» № 20. Тамъ же, въ сноскѣ: «Я считаю неправильнымъ называть старыхъ гностиковъ еретиками. Порожденные религіознымъ синкретизмомъ эллинистической эпохи – они не столько исказили христіанство языческой мудростью Востока и Греціи, сколько обогащали эту мудрость христіанствомъ».

<sup>98</sup> Существуетъ много опредѣленій его, среди которыхъ: «одна изъ многочисленныхъ аномалій христіанства» (Хосроевъ А.Л.), «грандіозная увлекательная антисистема» (Гумилевъ Л.Н.), «синкретическое теченіе, охватившее античный міръ въ самыя послѣднія столѣтія передъ рождествомъ Христовымъ» (Посновъ М.Э.), «магическая форма христіанства, магическая концепція спасенія» (Трубецкой С.Н.), «дуалистическая трансцендентная религія спасенія» (Йонасъ Г.), «способъ міроощущенія», «религіозно-теософическое ученіе» (Атеистическій словарь), «религіозно-философское теченіе» (Философскій словарь), «религія» (Йонасъ Г.), «нѣкое умонастроеніе, внѣвременный настрой человѣческаго духа» (Торчиновъ Е.). Е.А.Торчиновъ въ предисловіи къ книгѣ Йонаса относитъ къ гностицизму лурианскую каббалу, философію Вл. Соловьева и С.Н.Булгакова, называетъ «Розу міра» Д.Андреева «великолѣпнымъ образцомъ современнаго гносиса».

восточный гностицизмъ первыхъ гностиковъ (Василидъ, Валентинъ, Маркіонъ и пр.), представляющій собой, быть можетъ, подлинное благовѣстіе Христа (см. книги И.Евлампіева по данной темѣ), равно и луріанская каббала, равно и шиваистскій тантризмъ, и поздній даосизмъ. Нѣтъ гностицизма безъ рѣзко-очерченныхъ, заостренныхъ: акосмизма и (абсолютнаго) дуализма (противоположеніе духа и плоти, жизни и смерти, добра и зла, свѣта и тьмы). Гностическій духъ помимо сего такъ или иначе проявлялъ себя и у мистиковъ (Беме, Экхартъ) и позднѣе у философовъ (В.Соловьевъ и пр.); не канонически гностичны, но вполне акосмичны философія Шопенгауэра, творенія Чорана. Гностицизмъ – это экзистенціализмъ: до экзистенціализма. Но не самозамкнутый и затерянный міромъ въ мірѣ и имъ оглушенный атеистическій экзистенціализмъ, который есть не столько философское ученіе, сколько исторія одной болѣзни, ибо гностицизмъ вѣдаетъ исходъ, пути выхода изъ міра тьмы, изъ дольнихъ мороковъ; общимъ для обоихъ, однако, является экзистенція, поставленная во главу угла. Чѣмъ, если не экзистенціализмомъ, является заброшенность въ міръ, въ хаосъ и матерію, затерянность въ нихъ, неминуемая осиротелость души и отчужденіе, трепеть, страхъ и ужась, которые, будучи опознаны какъ зло, – прорываются и изживаются (въ отличіе отъ потеряннаго классическаго экзистенціализма) – пневматикомъ во имя себя, Невѣдомаго Бога и высшихъ, горнихъ сферъ: милостью знанія, причастностью къ нему,

когда познающий, познавая, познает самого себя и познаваемое, порывая всё болѣе и болѣе со слѣпотою, изживая её, очиститься отъ которой – прозрѣть – и есть первѣйшая задача гностика; но, по мудрому слову Экклезіаста, «во многой мудрости – много печалей, и кто умножаетъ познанія, умножаетъ скорбь» – уже поэтому гностицизмъ не обѣщаетъ счастья, но содѣлываетъ прозрѣвшимъ; прозрѣвшій жительствуетъ не какъ человѣкъ плоти, но какъ человѣкъ духа; здѣсь нѣтъ грѣха, порою нѣтъ и таинствъ: здѣсь единое спасеніе – знаніе: знаніе какъ спасеніе и спасеніе какъ знаніе. Подобаешь ли называть экзистенціализмомъ экзистенціализмъ атеиста Сартра, занятаго злободневнымъ, видящаго всюду хаосъ, который если и можетъ быть прорванъ, прорѣзанъ, то только сильною личностью, творящей во имя будущаго и человѣчества, словомъ – во имя малыхъ сихъ, во имя товарищей, а гностицизму отказать въ этомъ именованіи? Къ сказанному: гностицизмъ антиправославенъ и – шире – антиортодоксаленъ. Онъ отрицаетъ міръ, его краски, сферы чувственныя, матерію; онъ полонъ пессимизма, ни во что не ставитъ то, что обычно понимаютъ подъ цѣльностью (якобы уже – отъ вѣка – обрѣтенной), столь лелѣемой православіемъ, которое занимается ничѣмъ инымъ какъ духовнымъ оскотленіемъ.

Гностицизмъ въ широкомъ смыслѣ – ученіе восточное, но не этимъ ли восточнымъ духомъ всегда былъ – въ своихъ лучшихъ представителяхъ – пропитанъ Западъ, который еще

со времянь Греції архаическаго періода не просто жиль, но жиль свободно и лучшими своими представителями выходилъ – впервые за нуллионы лѣтъ существованія Вселенной – на мета-уровень: человекъ, познающій человека (букашку, планету, звѣзды – словомъ, всё)? Ибо безъ извѣстнаго пессимизма и пребыванія умомъ и сердцемъ надъ міромъ – никакое подлинное и цѣльное познаніе невозможно. Какъ я писалъ въ "Rationes triplices I": "Духъ даруетъ безстрастность: за счетъ красокъ дольней жизни (выше говорилось: духъ если и есть средство избѣжать страданій, то оно же и средство избѣжать счастья); чѣмъ больше духа, тѣмъ меньше красокъ, равно и чѣмъ больше красокъ, тѣмъ меньше духа: всё живое, кромѣ людей духа, потому и пребываетъ во страстяхъ, что имѣетъ въ себѣ недостатокъ духа, но въ слѣпотѣ своей наличіе духа оцѣниваетъ какъ наличіе слабости; и высвободиться изъ лона страстей оно не можетъ вовсе не потому, что оно слабо: въ подобномъ бытіи краски, страсти и всё прочее, къ дольному относящееся, суть путы, клейкая лента, ярмо, ошейникъ раба. Духъ – противоположность и плотяного счастья, и плотяного страданія. Духъ есть богатство: бытія надъ жизнью, оно – пелена: между Я и дольными сферами. Духъ – volens-nolens – связанъ съ акосмизмомъ. Акосмизмъ, воспринимаящийся малыми сими какъ старческое брюзжаніе, какъ олицетвореніе слабости, какъ нѣчто, противоположное (мужской) привлекательности, на дѣлѣ есть не беззубая старость и не не налившаяся еще сокомъ жизни юность (сло-

вомъ: это не бѣгство и менѣ всего бѣгство), не неудавшееся бытіе неудачника, озлобленнаго, проклинающаго всѣхъ и вся въ беззубой своей желчи, убогаго въ своемъ отрицаніи, не ресентиментъ, но вольный выборъ быть выше міра, что и рождаетъ подлинное величіе подлиннаго акосмиста. И мнѣ неизвѣстно величіе подлинное внѣ вѣяній акосмизма. – Поистинѣ: космизмъ, рабство у жизни, прозябаніе въ когтяхъ у жизни есть нищета. Такъ нищій цѣпляется за послѣдніе гроши, а истомленная голодомъ собака – за обглоданную кость. Малые сіи – рабы и служители – обречены отъ вѣка и до вѣка быть подчиняемы «ища, чему послужить». Акосмистъ, напротивъ, чрезмѣрно богатъ: онъ усталъ отъ богатства; въ жестъ благороднаго презрѣнія, кое есть слѣдствіе высоты души, бросаетъ онъ во прахъ жизнь свою: отъ пресыщенности. Быть опьяненнымъ міромъ (хотя бы тою же природою) и быть опьяненнымъ собою – не только и не столько не одно и то же: первое не стоитъ равнымъ счетомъ ничего; второе есть заслуга, часто – самое малое – не меньшая, нежели быть не опьяненнымъ ничѣмъ. Опьянѣніе собою распадается на двѣ стези – есть величіе Цезаря, Наполеона (въ мелкомъ случаѣ – провинціала, пріѣхавшаго въ столицу покорять её), а есть величіе Будды, Христа, Марка Аврелія, Сенеки и Шопенгауэра. Первое – космическое, второе – акосмическое. Первое – съ припахомъ бѣдности; второе зачинается роскошью, богатствомъ чрезмѣрнымъ. Космизмъ есть примативность (и примитивизмъ) и, какъ слѣдствіе, рабство



въ когтяхъ у жизни. Нѣтъ величія внѣ акосмизма. Величіе и благородство неотмірно по своей сути. Величіе – не что иное, какъ степень личнаго презрѣнія къ міру, будь то соціальный престижъ, соціальный статусъ, происхождение, научная степень, доходъ, близость къ власти и равно къ тѣмъ, кто повѣряетъ мірскимъ немірское. Величіе – зазоръ между Я и міромъ. Величіе – тѣнь: въ видѣ креста».

Этика гностицизма – акосмична, она отрицаетъ міръ, враждебна къ нему<sup>99</sup>. Для гностика не Богомъ Неизглаголан-нымъ міръ созданъ и управляется, Богъ есть абсолютная противоположность міру, хотя Первый тоже нѣсколько вовлеченъ въ міръ: потерей (въ предвѣчныя времена) части свой субстанции, потому Богъ вмѣшивается въ судьбы міра, пытается восполнить потерянное; когда міръ будетъ лишень свѣта тамошняго и послѣдній гностикъ покинетъ землю, а новые (гностики) не появятся – міръ придетъ къ концу. Если Логось грековъ есть ритмъ, то это ритмъ создавшаго, его дыханіе и сердцебіеніе. Греки заморожены природою, а лучшіе изъ грековъ – Логосомъ, но послѣдній – твореніе создавшаго и есть то, что руководитъ по волѣ создавшаго космосомъ: и создатель, и логось (законъ) и космосъ суть тьма, царство тьмы

---

<sup>99</sup> «Чужеземцу суждено страдать тоской по утраченной родине. Не зная дорог чужой земли, он странствует по ней, как потерянный; освоив же их, он забывает, что он чужеземец, и теряет себя, поддаваясь соблазнам чужого мира и отчуждаясь от своих истоков. Потом он становится "приемным сыном". Это также уготовано ему судьбой. По мере отчуждения от себя страдание чужеземца проходит, но самое это отчуждение выступает кульминацией его трагедии.

для гностика; царство свѣта – запредѣльно, трансцендентно. Имармене есть Судьба и правленіе нѣсколькихъ архонтовъ и ихъ главы – деміурга Іалдаваофа, слѣпого бога.

Осознание своего отчужденного существования, признание своего положения изгнанием служит для чужеземца первым шагом к возвращению, а пробуждение тоски по дому – началом последнего. Все это наполняет отчуждение страданием. Тем не менее, такое обращение к истокам становится для чужеземца точкой отсчета нового опыта, источником силы и тайной жизни, неизвестной и совершенно недоступной его окружению, ибо для созданий этого мира она непостижима.

Это превосходство чужеземца, которое, хотя и скрыто, отличает его даже здесь, и чревато возможностью триумфального возвращения в его природную сферу, пребывающую вне мира сего. С этой точки зрения чуждость миру означает отстраненность, недостигаемость и величие. Ибо она, как таковая, совершенно трансцендентна, то есть лежит "за пределами" Всего, будучи несомненным атрибутом Бога». Ионас Г. *Гностицизмъ*.

Гностицизмъ не только акосмиченъ – онъ также по ту сторону привычнаго, мірскаго добра и зла, по ту сторону любой морали, что можетъ выражаться и аскетизмомъ (въ однихъ теченіяхъ гностицизма), и аморализмомъ, который, однако, сакраленъ и способствуетъ спасенію: сознательно нарушаетъ онъ замысль князя міра сего и архонтовъ его, а «пневма»,

божественная искра, не может быть затушена дѣйствіями, либо самостійными, либо направленными противъ создавшаго и свиты его; она лишь ярче разгорается; гностикъ – имморалистъ и во многомъ «ницшеанецъ до Ницше»; всё для него позволено, «ты долженъ» изначально отброшено (Законы Моисея какъ выраженіе духа Іалдаваофа, какъ порабощеніе); и чѣмъ, если не твореніемъ новыхъ цѣнностей, занимается пневматикъ? Но здѣшняя жизнь, противопоставляемая Жизни подлинной, есть нѣчто временное: переходъ и мость. – Пневматикъ алчетъ – изъ заброшенности и низвергнутости въ міръ – вернуться къ Свѣту, къ Жизни, въ домъ совершенства: въ плерому, пренебесную, премірную, появившуюся прежде міра – прежде всѣхъ вѣкъ. Бытіе пневматика стоитъ подъ знакомъ возвращенія. Нахожденіе въ плеромѣ – *topos*, исхожденіе въ дольний міръ – *proodos*, возвращеніе къ горнему, въ плерому – *epistrophe*.

Акосмизмъ начинается съ Екклесіаста и Ездры; рожденіе акосмизма въ самомъ Словѣ, особливо съ словахъ «всѣ суета суеть». Добавимъ: мѣрная суета суеть. И, конечно, немалая часть акосмизма – либо еврейскій страхъ предъ создавшимъ, и стенанія, и плачь; либо же брюзжаніе античныхъ стариковъ. – Акосмическая мудрость зрима въ Откровеніи Ездры: «И сказалъ Ездра: «Лучше для человѣка не родиться, лучше не жить; твари безсловесныя счастливѣе противъ человѣка, ибо не имуть они наказанія. Насъ же взялъ Ты и предаль суду. Горе грѣшникамъ въ грядущемъ вѣкѣ, ибо безсрочень

судъ надъ ними и пламя неугасимо!».

У грека Феогнида:

Вовсе на свѣтъ не родиться – для смертнаго лучшая доля,  
Жгучаго солнца лучей слаще не видѣть совсѣмъ.

Если жь родился, спѣши къ вождельнымъ воротамъ  
Аида:

Сладко въ могилѣ лежать, черной укрывшись землей.

Въ многихъ фрагментахъ Гераклита, наприимѣръ: «Какимъ путемъ слѣдовать въ жизни? На агорѣ – / вражда и тяжелые споры; дома – / заботы; въ полѣ – труды неумные; на морѣ – / страхъ. На чужбинѣ, если имѣешь тамъ что-либо, сплошь опасенія; / ежели нѣтъ, то нужда. Жениться? Лишиться покоя. / Не жениться? Еще болѣе быть одинокимъ. / Дѣти? Заботы; бездѣтность? Изувѣчена жизнь. Молодежь / неразумна; сѣдовласые же совершенно безпомощны. / Выборъ былъ только одинъ изъ возможностей двухъ: либо вовсе на свѣтъ не рождаться, / либо, родившись, тотчасъ умереть» (Anthol. Graeca. IX 359 (Т 293а). Или: «Рожденные жить, они обречены на смерть, (а точнѣе, на упокоеніе), да еще и оставляють дѣтей, чтобъ родилась [новая] смерть».

У Софокла («Эдипъ въ Колонѣ»):

Не родиться совсѣмъ – удѣль  
Лучшій. Если жь родился ты,  
Въ край, откуда явился, вновь

Возвратиться скорѣе.

Зримъ онъ въ многихъ религіозныхъ текстахъ – столь часто, что приводитъ цитаты не представляется возможнымъ. Вѣянія акосмизма явственнѣе всего слышатся у Сенеки и Марка Аврелія. Порою и у Хайяма:

Жестокій этотъ міръ насъ подвергаетъ смѣнѣ  
Безвыходныхъ скорбей, безжалостныхъ мученій.  
Блаженъ, кто побылъ въ немъ недолго и ушелъ,  
А кто не приходилъ совсѣмъ, еще блаженнѣй.  
У Мильтона мы читаемъ:  
О, какъ ты погранъ, жалкій родъ людской!  
Какъ низко палъ! Зачѣмъ ты сохраненъ?  
Ужъ лучше бъ не рождался ты! Зачѣмъ  
Такъ отнимать дарованную жизнь?

У космиста Гете, влагающаго сіи слова Мефистофелю:  
Я отрицаю всё – и въ этомъ суть моя.  
Зачѣмъ, что лишь на то, чтобъ съ громомъ провалиться,  
Годна вся эта дрянь, что на землѣ живетъ.  
Не лучше ль было бъ имъ ужъ вовсе не родиться!  
Короче, всё, что зломъ вашъ братъ зоветъ, —  
Стремленье разрушать, дѣла и мысли злыя,  
Вотъ это всё – моя стихія.

Пропитаны акосмизмомъ, напимѣрь, этѣ – горькія для малыхъ сихъ – строки М.Горькаго: "Какая-то таинственная

сила бросаетъ челоѡѡка въ этотъ мѡръ беззащитнымъ, безъ разума и рѣчи, затѣмъ, въ юности, оторвавъ душу его отъ плоти, дѣлаетъ её безсильной зрительницей мучительныхъ страстей тѣла. Потомъ этотъ дьяволъ заражаетъ челоѡѡка болѣзненными пороками, а истерзавъ его, долго держитъ въ позорѣ старости, всё еще не угашая въ немъ жажду любви, не лишая памяти о прошломъ, объ искоркахъ счастья, на минуты, обманно сверкавшихъ предъ нимъ, не позволяя забыть о пережитомъ горѣ, мучая завистью къ радостямъ юныхъ. Наконецъ, какъ бы отмѣтивъ челоѡѡку за то, что онъ осмѣлился жить, безжалостная сила умерщвляетъ его. Какой смыслъ въ этомъ? Куда исчезаетъ та странная сущность, которую мы называемъ душою?"

Или – ранѣе – этѣ строки Тургенева: "Довольно!" – Полно метаться, полно тянуться, сжаться пора: пора взять голову въ обѣ руки и велѣть сердцу молчать. Полно нѣжиться сладкой нѣгой неопредѣленныхъ, но плѣнительныхъ ощущеній, полно бѣжать за каждымъ новымъ образомъ красоты, полно ловить каждое трепетаніе ея тонкихъ и сильныхъ крыль. Всѣ извѣдано – всѣ перечувствовано много разъ... усталъ я. – Что мнѣ въ томъ, что въ это самое мгновенье заря всё шире, всё ярче разливается по небу, словно распаленная какою-то всепобѣдною страстію? Что въ томъ, что въ двухъ шагахъ отъ меня, среди тишины и нѣги и блеска вечера, въ росистой глубинѣ неподвижнаго куста, соловей вдругъ сказался такими волшебными звуками, точно до него на свѣтѣ не водилось со-

ловьевъ и онъ первый запѣлъ первую пѣснь о первой любви? Всё это было, было, повторялось, повторяется тысячу разъ – и какъ вспомнишь, что всё это будетъ продолжаться такъ цѣлую вѣчность, словно по указу, по закону, – даже досадно станеть! Да... досадно!

<...> ...The rest is silence [Дальнѣйшее – молчанье (англ.)]».

Здѣсь будетъ нелишнимъ привести слова Мережковскаго изъ его очерка о Маркѣ Авреліи, вполне раскрывающія сущность акосмизма:

«Всегда смотри на себя какъ на умирающаго» (кн. II, 2). "Черезъ одно мгновеніе ты будешь горстью пепла, скелетомъ, именемъ, или даже имя твое исчезнетъ. Имя – только шумъ, только эхо! То, что мы такъ цѣнимъ въ жизни, – пустота, тлѣнь, ничтожество: собаки, которыя грызутся, дѣти, которыя дерутся, только что смѣялись и сейчасъ же послѣ этого плачутъ... Чего же ты ждешь?.." (кн. V, 33).

Его преслѣдуетъ мысль о смерти. Это хорошо знакомый намъ страхъ, никогда не затихающій и неотразимый. Онъ преслѣдовалъ римлянъ времянь упадка, лишенныхъ вѣры, и теперь, послѣ долгаго перерыва снова пробудился; онъ преслѣдуетъ людей XIX вѣка самыхъ различныхъ темпераментовъ, національностей и направленій – одинаково Бодлера, какъ Леопарди, Байрона, какъ Толстого, Флобера, какъ Ибсена.

Одинъ изъ послѣднихъ питомцевъ эллинскихъ музъ, еще

приносившій, въ угоду толпѣ, жертвы свѣтлымъ богамъ Олимпа, уже говорить о радостяхъ жизни съ презрѣніемъ и злобою, бичуетъ ихъ, нарочно употребляя самыя грубыя оскорбительныя слова, какъ будто передъ нами не ученикъ греческаго риторѣ Фронтонѣ, а суровый христіанскій отшельникъ. Говоря о славѣ царей и о величіи, императоръ въ избыткѣ негодованія вдругъ обрываетъ свою рѣчь почти бранными словами: "о, какое зловоніе, какой тлѣнь!" (кн. VIII, 37). "Что такое ванна? – масло, потъ, грязь, мутная вода – однимъ словомъ, всё, что только есть отвратительнаго. Вотъ – жизнь; вотъ – предметы, доступные твоимъ чувствамъ" (кн. VIII, 24). "Игры и драки дѣтей... души, облеченныя въ плоть – души, носящія на себѣ трупы!.." (IX, 24).

Онъ чувствуетъ общее всѣмъ людямъ той эпохи – язычникамъ и христіанамъ, утомленіе жизнью, разочарованіе въ попыткахъ человѣчества достигнуть свободы и равенства на землѣ: "не надѣйся, когда бы то ни было, осуществить республику Платона" (IX, 39). "Вѣчное повтореніе тѣхъ же предметовъ внушаетъ отвращеніе: это мука всей нашей жизни. Отъ высокаго до низкаго предметы всегда тѣ же, происходятъ отъ тѣхъ же началъ. До какихъ поръ, наконецъ?" (VI, 46).

"Подумай только о нравахъ окружающихъ, съ которыми приходится жить. Самый добрый изъ людей едва выносить ихъ. Но что говорю? каждый едва выносить самого себя. Среди этого мрака, грязи, въ потокѣ, увлекающемъ и ма-



терію, и время, и движеніе, и всѣ предметы, знаешь ли ты хоть что-нибудь достойное твоего уваженія и твоихъ заботъ? Я ничего не знаю" (V, 10).

"Оставаться тѣмъ же, чѣмъ ты былъ до этого дня, и вести прежнюю жизнь, полную тревогъ и оскорбленій, значить, не имѣть чувства достоинства, значить, быть рабомъ жизни, похожимъ на тѣхъ несчастныхъ, которые на аренѣ цирка, когда звѣри уже наполовину загрызли ихъ, всё еще, покрытые ранами и кровью, умоляютъ народъ оставить ихъ жить хоть до завтра, зная, что и завтра на томъ же мѣстѣ они будутъ преданы когтямъ и зубамъ тѣхъ же звѣрей" (X, 8).

"Быть властелиномъ своей души, погасить всѣ желанія" (IX, 7) – вотъ, къ чему онъ приходитъ. Это тотъ же выводъ, какъ у буддистовъ и Шопенгауэра, – полное отреченіе отъ воли и страстей, внутреннее самоубійство.

"Будьте безчувственны, будьте подобны камнямъ!". Въ томъ же настроеніи, какъ великій пессимистъ-императоръ, другой пессимистъ-художникъ – Микель-Анжело, написалъ сонетъ о своей мраморной, страдальческой "Ночи": "мнѣ сладко спать, еще слаще быть каменной въ эти времена бѣдствій и позора. Ничего не видѣть, ничего не чувствовать – великое блаженство. О, не буди же меня, умоляю! говори тише!". Такъ на предѣлахъ скорби наступаетъ окаменѣніе сердца. Человѣческая душа, какъ Ниобея, превращается въ камень. Но и тогда для нея нѣтъ успокоенія. Душа не умираетъ, и слезы живой любви и скорби продолжаютъ струиться да-

же изъ каменныхъ очей Ніобеи. И мраморная Ночь Микель Анжело живеть и страдаетъ.

"Будьте безчувственны, будьте подобны камнямъ" – вотъ неумолкаемый, изъ вѣка въ вѣкъ повторяющійся завѣтъ стоиковъ, аскетовъ, буддистовъ, художника Микель Анжело, философа Шопенгауэра, императора Марка Аврелія»<sup>100</sup>.

Мережковскій, оглядывая всю міровую культуру, выдѣляетъ два философскихъ начала – одно акосмическое, акосмизмъ котораго вовсе не на ладъ критской поэмы, ибо зиждется на отреченіи отъ Я, на сліяніи съ Богомъ – съ неминуемой потерей Я; другое начало языческое, порою даже богоборческое, подразумѣвающее обожествленіе Я милостью героизма, казалось бы близкое М., но неподобающе дальнее, – и отмѣчаетъ, что синтезъ обоихъ – цѣль, невозможная почти ни для кого изъ геніевъ:

«Религію жалости и цѣломудрія, какъ философское начало, которое проявляется въ разнообразныхъ историческихъ формахъ – въ гимнахъ Франциска Ассизскаго и въ греческой діалектикѣ Платона, въ индійскомъ нигилизмѣ Сакья-Муни и въ китайской метафизикѣ Лао-Дзи, – можно опредѣлить, какъ вѣчное стремленіе духа человѣческаго къ самоотреченію, къ сліянію съ Богомъ и освобожденію въ Богѣ отъ границъ нашего сознанія, къ нирванѣ, къ исчезновенію Сына въ лонѣ Отца.

Язычество, какъ философское начало, которое проявля-

---

<sup>100</sup> Мережковскій Д. *Трагедія цѣломудрія и сладострастія*

ется въ столь же разнообразныхъ историческихъ формахъ – въ эллинскомъ многобожіи, въ гимнахъ Ведъ, въ книгѣ Ману и въ законодательствѣ Моисея, – можно опредѣлить, какъ вѣчное стремленіе человѣческой личности къ безпредѣльному развитію, совершенствованію, обожествленію своего «я», какъ постоянное возвращеніе его отъ невидимаго къ видимому, отъ небеснаго къ земному, какъ возстаніе и борьбу трагической воли героевъ и боговъ съ рокомъ, борьбу Іакова съ Іеговой, Прометея съ олимпійцами, Аримана съ Ормуздомъ.

Эти два непримиримыхъ или непримиренныхъ начала, два міровыхъ потока – одинъ къ Богу, другой отъ Бога, вѣчно борются и не могутъ побѣдить другъ друга. Только на послѣднихъ вершинахъ творчества и мудрости – у Платона и Софокла, у Гете и Леонардо да Винчи, титаны и олимпійцы заключаютъ перемиріе, и тогда предчувствуется ихъ совершенное сліяніе въ, быть можетъ, недостижимой на землѣ гармоніи. Каждый разъ достигнутое человѣческое примиреніе оказывается неполнымъ – два потока опять и еще шире разъединяютъ свои русла, два начала опять распадаются. Одно, временно побѣждая, достигаетъ односторонней крайности и тѣмъ самымъ приводитъ личность къ самоотрицанію, къ нигилизму и упадку, къ безумію аскетовъ или безумію Нерона, къ Толстому или Ницше, – и съ новыми порывами и бореніями духъ устремляется къ новой гармоніи, къ высшему примиренію»<sup>101</sup>.

---

<sup>101</sup> Мережковскій Д. *Трагедія цѣломудрія и сладострастія*

Мое слово не вписывается ни въ оба эти начала, ни въ синтезъ ихъ, ибо оно есть акосмизмъ на совершенно свой ладъ. — Еще одной отличительной особенностью мною писаннаго является особое пониманіе акосмизма: жизненный, даже сверх-жизненный акосмизмъ, гдѣ жизненность ничуть не мѣшаетъ отрицанію жизни (которая есть смерть), ибо любить смерть — какъ Жизнь: ибо есть Жизнь, а есть жизнь. Въ томъ же буддизмѣ невѣдѣніе и желаніе (и даже воля) идутъ рука объ руку и относятся къ тому, отъ чего должно избавляться; у меня же всё премного сложнѣе: исторгать невѣдѣніе есть главнѣйшая цѣль гностика, но волю исторгать менѣе всего надобно, ибо её еще слѣдуетъ пѣствовать.

Тему акосмизма мнѣ бы хотѣлось окончить словами И.Поклонскаго, понимающаго акосмизмъ не то чтобы нѣсколько на иной ладъ, но скорѣе съ иного угла: «Акосмизм — это вообще одна из главных констант гениальности. Я бы даже сказал, что акосмизм — сущность гениальности, поскольку чем более человек не приемлет мира, тем более он полон собой, являет своей полнотой отрицание всей космической роскоши. Чем более перед одним человеком бледнеет весь остальной мир, тем более он акосмист. Хотя он может быть отнюдь не акосмистом по своим воззрениям. Примеры: Гете, Паскаль, Лейбниц, Леонардо, Лермонтов и т. д.

Нельзя у Пушкина видеть только быт, а у Некрасова только тему о состраданіи к народу. Сферы психическіе затрагиваются неизбежно. Какой-нибудь святой может писать

только о духе, только о Боге, только о вечности, и это не будет стоить даже страницы из «Онегина» или пары строчек из стихов Некрасова.

То есть можно, конечно, например, исключить описание природы и душевных волнений из своих писаний, но что тогда останется описывать. Всё дело в том, чтобы сделать природу и душу максимально насыщенными духом и описать, как дух их отрицает, уничтожает, побивает, разлагает. Но без их описания не будет акосмизма. Своим писанием надо сначала искусно изобразить всю красоту космоса, чтобы затем показать высшую красоту – смерть красоты и ее страдание, ее проницание и отрицание духом» (Поклонский. И. *Изъ частныхъ бестѣхъ конца 2018-го*).

Если у Ницше при минимумѣ жизни (въ личномъ судьбѣ, in рахі) была апологетика этой самой жизни, то у меня во все наоборотъ: при порою максимумѣ ея идуť проклятiя ей. Трудно представить себѣ картину: проклинаящій міръ чело-вѣкъ, дѣлающій сіе съ улыбкою, со смѣхомъ, держа въ рукахъ сигару и пр., и пр.

\* \* \*

Обратимся къ исторiи гностицизма (въ томъ числѣ и для того, чтобы лучше понять это явленіе), но сперва скажемъ должное быть сказаннымъ.

Само слово *gnosis* означаетъ, какъ извѣстно, знаніе, но

въ гностицизмѣ это знаніе особаго рода: знаніе и созерцаніе вѣчнаго; здѣсь очень важенъ мистическій и религіозный оттѣнокъ (вплоть до пониманія гносиса какъ экстагического знанія о божествѣ, полученнаго милостью мистическаго съ нимъ сліянія). Такимъ это понятіе предстаетъ у Платона и по наслѣдству переходитъ къ гностикамъ. Словомъ, знаніе здѣсь понимается на восточный ладъ; этимъ мы обязаны путешествіямъ Пифагора и Платона на востокъ. Къ сказанному добавляется связь гносиса съ аллегоризмомъ (аллегорическимъ толкованіемъ), мистеріей и магіей. Такимъ образомъ, гносисъ имѣетъ мало отношенія къ ratio: gnosis – скорѣе мудрость, рожденная милостью откровенія, рождающая знаніе какъ спасеніе. Гносисъ означаетъ для человѣка, его постигшаго, искупленіе и спасеніе; спасеніе немислимо безъ гносиса. Уже исходя изъ сказаннаго, очевидно, что гностицизмъ есть религія, а не религіозная философія (какъ, на примѣръ, новолатонизмъ).

Гностицизмъ отличается отъ ортодоксіи – поверхъ прочихъ отличій – адогматичностью: гностическія откровенія основаны на личномъ, незаемномъ опытѣ. Если любая ортодоксальная религія дѣлаетъ ставку на вѣру, чужую вѣру, становящуюся – не безъ ломки, слезъ и вивисекціи Я – какъ бы своею, то гностицизмъ – на знаніе, свое знаніе, и на личный опытъ. Отсюда толикое разнообразіе гностическихъ системъ: всё онѣ въ цѣломъ похожи другъ на друга, родственны другъ другу, но каждая изъ нихъ есть всё же неповто-

римая, своя, незаемная, личная система, рожденная своимъ опытомъ. Чужая вѣра закрѣпощаетъ, свое знаніе освобождаетъ. Если и есть мѣсто вѣрѣ въ гностицизмѣ, главенству вѣры, то лишь вѣры въ собственное знаніе; гностикъ не желаетъ вѣрить чужому откровенію. Потому гносисъ есть процессъ и становленіе. Въ этомъ смыслѣ каждый подлинный мистикъ въ той или иной степени гностикъ. Инымъ кореннымъ отличіемъ является осознаніе собственной независимости отъ грѣхопаденія, котораго и вовсе нѣтъ въ гностическомъ ученіи: гностикъ самостіенъ и чувствуетъ и сознаетъ не собственную грѣховность, ущербность, непреодолимую отдѣленность и удаленность отъ горнихъ сферъ, но, напротивъ, близость Бога; гностикъ отстоитъ отъ паденія и если и является частью чего-либо, то лишь довременной полноты, съ которой сознаетъ сердцемъ глубинное сродство. Ибо не человѣкъ виновенъ въ паденіи, но самъ міръ есть результатъ паденія и самое паденіе; не человѣкъ пороченъ по природѣ своей, но міръ изначально пороченъ и глубоко несовершененъ. Гностикъ борется не противъ грѣха, но противъ невѣжества и незнанія, которое единственно и порождаетъ грѣхъ и само есть грѣхъ; добродѣтель главнѣйшая – обрѣтеніе спасительнаго знанія – гносиса, пробужденіе ото сна именовъ жизнь. Послѣднимъ и главнѣйшимъ отличіемъ гностицизма является особый типъ сознанія, имъ формируемый: впервые индивидуальное, личностное ставится выше коллективнаго, общественнаго; абсолютной цѣнностью ста-

новится пневматикъ какъ человекъ въ высшей мѣрѣ, какъ личность, выпроставшаяся изъ безличныхъ толщъ. Въ этомъ смыслѣ гностицизмъ есть рожденіе Я. Впервые личность вырывается изъ всѣми религіями явленнаго «ты долженъ» и «ты виновенъ» по рожденію: въ ничѣмъ не ограниченную свободу. Подъ знакомъ свободы стоитъ гностицизмъ, подъ знакомъ «стокгольмскаго синдрома» стоятъ религіи, служащія богамъ-тиранамъ, а сами служащіе богамъ суть отъ вѣка виновныя жертвы, покорно влачащія ярмо и кладущія на алтарь душу свою, свое бытіе: молоху древнихъ боговъ. Конечно, ортодоксія и есть «опіумъ для народа», ибо есть, вѣроятнѣе всего, искаженіе подлиннаго благовѣстія: ортодоксія, но не христіанство подлинное<sup>102</sup>. Гностикъ – не опіоманъ,

---

<sup>102</sup> «Гораздо лучше, – пишетъ Иринея, – если кто-либо, ничего не зная, не постигая ни одной причины, почему какая-либо изъ сотворенныхъ вещей создана, вѣруетъ въ Бога и пребываетъ въ любви къ Нему, чѣмъ, надмѣваясь такимъ знаніемъ (scientia), отпадаетъ отъ любви, которая животворитъ человекъ... чѣмъ черезъ хитрые вопросы (per quaestionum subtilitates) и тонкія рѣчи впадать въ нечестіе» (Haer. II, 26, 1). Ср. съ Тертуллианомъ: «Итакъ, свободно избранное невѣжество (ignorantia) можетъ стать признаніемъ исключительно божественнаго права на обладаніе истиной». Короче, спасаетъ вѣра, а не знаніе, и знаніе даже не помощникъ вѣрѣ, ибо оно имѣетъ фундаментомъ любознательность, но «пусть любознательность уступить вѣрѣ, пусть слово уступить спасенію... ничего не зная противъ правила вѣры – значитъ всё знать» («Adversus haereses omnes, С. XIV»). Проф. М.Э. Посновъ признаетъ, что борьба Тертуллиана съ гносисомъ «расширялась и переходила въ борьбу противъ человеческой мысли вообще <...> Слова «философъ» и «еретикъ» для Тертуллиана болѣе или менѣе однозначащи» (Посновъ М.Э. Указ. соч. С. 750), вѣдь онъ разумѣетъ философовъ за патріарховъ всѣхъ ересей и потому часто иронизируетъ надъ ними, вѣрнѣе, попросту ихъ осмѣиваетъ: таковы плоды примата вѣры; дѣйствительно между Ави-



но судія, взвѣсившій порядокъ вещей и порядка вещей отвращающійся; гностикъ объявляетъ войну ему; теперь онъ бунтарь, встающій противъ извѣчныхъ законовъ. И Христосъ гностическій, согласно первоисточникамъ (евангелію отъ Филиппа), ищетъ не сыновъ (читай «рабовъ»), но братьевъ. Болѣе того: полнота (плерома) не полна – пока въ нее не войдутъ всѣ пневматики: лишь тогда она обрѣтетъ окончательную цѣлостность. – Пневматикъ есть соратникъ Бога, а Богъ – соратникъ пневматика. Пока этого не случится – высшія сферы пребываютъ въ тоскѣ по частицамъ свѣта, затеряннымъ въ нижнихъ сферахъ, а нижнія сферы разыскиваютъ сферъ высшихъ.

Если говорить о происхожденіи гностицизма, то почти всѣ изслѣдователи единодушно признають ближній Востокъ мѣстомъ возникновенія гностицизма<sup>103</sup>. Кингъ выводитъ гностицизмъ изъ дальняго Востока – Индіи; лишь Неандеръ, ученый первой половины XIX столѣтія, сперва считаль гностическое ученіе дѣтищемъ филоновской философіи, а въ самомъ гностицизмѣ видѣль «реакцію аристократизма, ранѣе господствовавшаго въ жизни, имѣвшаго значеніе въ религіи и философіи, – аристократизма древняго міра противъ христіанскаго принципа, черезъ который онъ былъ низверженъ, – противъ признанія единой рели-

---

нами и Иерусалимомъ ничего общаго, равно какъ и между Академіей и Церковью, если судить по рѣчамъ такого рода святыхъ отцовъ.

<sup>103</sup> Изложеніе преимущественно по: Посновъ М.Э. *Гностицизмъ II вѣка и по-  
бѣда христіанской церкви надъ нимъ*. Кіевъ, 1917.

гіозной вѣры, черезъ что всѣ раздѣленія между людьми, основывавшіяся на отношеніи къ высшей жизни, уничтожились» («*Всеобщая исторія христіанской религіи и церкви*»). Позднѣе онъ увидалъ въ г. азіатскія вліянія, въ особенности парсизма. Гизелеръ тоже видѣлъ въ г. лишь дальнѣйшее движеніе и развитіе филоновскаго платонизма. Бауръ же «возвышается надъ своими современниками – онъ видитъ въ гностицизмѣ синкретическое явленіе»<sup>104</sup>. Не слишкомъ нынѣ извѣстный (ибо слишкомъ ужъ высокій уровень для современныхъ, современности онъ попросту не по зубамъ) проф. М.Э.Посновъ, православный дореволюціонный изслѣдователь гностицизма, считаетъ, что именно офиты – это начало гностицизма, зародившагося незадолго до рожденія Христа; офитское теченіе было «субстратомъ» и «основою» всего послѣдующаго гностицизма. Также субстратомъ былъ и Платонъ – любимѣйшій философъ гностиковъ; безусловны восточныя вліянія – отъ египетскихъ и персидско-вавилонскихъ вплоть до – возможно и вѣроятно – индійскихъ и буддистскихъ. Несомнѣнно вліяніе мандеевъ и есеевъ, а также герметизма. Но гностицизмъ есть система, а не просто комбинація тѣхъ или иныхъ бывшихъ до него ученій, и къ суммѣ ея составныхъ частей она несводима: поскольку гностицизмъ явленіе живое, а не инертное и косное, у него есть душа – нѣкая движущая сила, которая есть и сущность его. Неандеръ, напримѣръ, видитъ её въ аристократи-

<sup>104</sup> Посновъ М.Э. Указ. соч. С 226.

ческой реакции всеуравливающему историческому христианству, оппозицию аристократии древняго мира новому учению, что чуяла въ нёмъ смертельную опасность для себя. По Мелеру (словами проф. Поснова), гностицизмъ, его сущность – «гипертрофія самого христианства, чрезмѣрное презрѣніе къ міру»<sup>105</sup>. Вышеназванные изслѣдователи вкупѣ съ Гильгенфельдомъ, Бауромъ и Липсіемъ смотрѣли на гностицизмъ какъ на «спекулятивное явленіе внутри христианства, исторически и догматически связаннаго съ іудействомъ»<sup>106</sup>. Однако этотъ взглядъ былъ поколебленъ новыми открытіями въ концѣ XIX вѣка; съ тѣхъ поръ, гностицизмъ уже разсматривается не какъ мелкая ересь внутри христианства, но какъ міровое явленіе. Сущность его теперь видится въ ученіи – теоріи и практикѣ – о спасеніи души, объ избавленіи чрезъ Христа изъ земнаго рабства, о восхожденіи души – домой, въ плерому. Теогонія и космогонія, по Поснову, вторична, она примыкаетъ къ ученію о спасеніи, она – «фонь». Сущность гностицизма всецѣло религіозна; остальное (использованіе греческой философіи, восточныхъ мифологій и пр.) – одѣяніе и обертка. Послѣ обнаруженія свитковъ Мертваго моря и бібліотеки Нагъ-Хаммади очевидно вліяніе ессеевъ на гностицизмъ. Итакъ, гностицизмъ – родомъ съ Ближняго Востока съ его дуализмомъ, апокалиптизмомъ, мистицизмомъ, аскетизмомъ и мессіанскими чаяніями; онъ – міровое

---

<sup>105</sup> Тамъ же. С. 559.

<sup>106</sup> Тамъ же. С. 561.

явление, и явление это религиозно.

Офитское учение восходит къ вавилоно-персидской религии и возникаетъ, по Поснову, на обломкахъ ассиро-вавилонскаго царства и послѣ слѣдуетъ на западъ. Добавимъ: «офиты» – названіе, видимо, III вѣка, объединяющее разрозненныя и неродственныя гностическія секты; сами себя они нарицали гностиками. Оно пріобрѣтаетъ популярность, ибо мало того что сильно въ своемъ синкретизмѣ и новизнѣ, но и отвѣчаетъ глубиннѣйшимъ запросамъ тогдашней души – оно затрагиваетъ проблему страданія, за которое отнынѣ виновна сама судьба; каждый находилъ въ немъ свое, оно влекло и необразованную массу (культами, магіей и пр.), и наиболѣе образованныхъ людей своего времени, и слабыхъ, и сильныхъ, и язычниковъ, и монотеистовъ.

Что происходитъ далѣе? Есть двѣ позиціи – ортодоксальная и сочувствующая гностицизму; послѣдняя въ наукѣ всё болѣе и болѣе набираетъ обороты; суть ея въ томъ, что ортодоксія исказила гностицизмъ, оклеветала, дискредитировала его и въ итогѣ уничтожила какъ широкое явленіе; того болѣе, есть люди науки, которые гностицизмъ разумѣли подлиннымъ ученіемъ Христа (проф. И.Евламповъ). Позиція ортодоксовъ выражена, на примѣръ, у проф. Поснова: гностицизмъ I вѣка, родомъ изъ Самаріи, еще нехристіанскій (Симонъ Магъ и Менандръ) въ своемъ движеніи на западъ встрѣчается съ христіанствомъ; язычество вторгается въ христіанство, перенимая у него христіанскія черты, изначально гности-

цизму несвойственные; во второмъ вѣкъ пружина распрямляется, и гностицизмъ дѣйствуетъ теперь открыто, могучимъ (и якобы единымъ) движеніемъ. Далѣе обѣ позиціи сходятся: рождается трагедія; и впрямь, ортодоксія, увидѣвшая въ гностицизмѣ опаснѣйшаго изъ соперниковъ, желавшаго стать на мѣсто христіанства, вмѣняя гностикамъ въ вину передѣлываніе христіанскаго ученія (помимо этого боясь лишиться своего положенія, которое гностицизмъ хотѣлъ обрѣсть), всѣми правдами и неправдами выходитъ изъ этого столкновенія побѣдителемъ; гностицизмъ какъ широкое явленіе перестаетъ существовать, а ортодоксія заковываетъ себя въ непрошибаемую броню догматовъ. – «Какъ сказалъ Г. Блуменбергъ: «Гностическая травма первыхъ столѣтій послѣ Христа оказалась даже глубже, чѣмъ отъ кровавыхъ гоненій...». Можно сказать даже, что гнозисъ слѣдовалъ за христіанствомъ какъ тѣнь; церковь никогда не могла преодолѣть его, его вліяніе зашло слишкомъ глубоко. Изъ-за общей исторіи они остаются двумя – хотя и враждебными – сестрами» (К.Рудольфъ).

Гностики претендовали на тайное откровеніе, полученное отъ Христа нѣкоторыми апостолами послѣ его воскресенія, также тайное сокровенное знаніе было ввѣрено гностикамъ, по ихъ словамъ, ап. Павломъ при его восхищеніи до 3-го неба. Гностики считали, что они обладаютъ особымъ эсотерическимъ знаніемъ, *для немногихъ*, въ отличіе отъ христіанъ, обладающимъ знаніемъ лишь экзотерическимъ.

Также гностики признавали богодухновеннымъ словомъ рѣченія своихъ пророковъ. Помимо сего толковали т. н. «священное писаніе». Въ первые II вѣка отъ Р.Х. гностицизмъ былъ популярнѣе – всякъ въ нёмъ находилъ свое, не нужно было порывать съ прошлымъ (какъ въ случаѣ съ ортодоксальнымъ христіанствомъ); кромѣ того, гностическіе учителя были наиболѣе образованными людьми своего времени (чего не скажешь о преемникахъ апостоловъ – о т. н. «апостольскихъ мужахъ») и гностики имѣли упорядоченную, сложную благоустроенную организацію своихъ церквей и структуру своего ученія (христіанство ортодоксальное тогда еще не было вѣвѣренной системою – таковою оно станетъ въ борьбѣ съ гностицизмомъ; ибо ему предстояло или погибнуть подъ натискомъ гностицизма, или переродиться; натискъ тотъ былъ премного опаснѣе для бытія ортодоксіи, чѣмъ, скажемъ, гоненія на христіанъ, напротивъ, сплывавшія христіанъ). Появляются ересеологи – ученые христіанскіе мужи, борющіеся съ гностицизмомъ какъ опаснѣйшимъ явленіемъ для ортодоксіи; у гностицизма былъ перевѣсъ помимо уже упоминавшагося также и въ томъ, что они использовали всю накопленную эллинизмомъ мудрость – отъ греческой мудрости, философіи до восточной магіи, теургіи, астрологіи и пр. Для сторонняго наблюдателя не было еще четкой границы между нарождающеюся ортодоксіей и болѣе зрѣлымъ гностицизмомъ. Цѣлостной и зрѣлою ортодоксія, закалившись, становится въ борьбѣ съ гностицизмомъ къ по-

ловинѣ III столѣтія, но этимъ она обязана великому борцу съ гностицизмомъ Иринею, фигурѣ болѣе важной въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ послѣдующіе ересеологи. Его имя означаетъ «миръ», и онъ дѣйствительно водворялъ миръ въ мірѣ, но, какъ мастерски отмѣчаетъ Посновъ, *si vis pacem, para bellum*, а потому всё бытіе свое Ириной подчиняетъ военнымъ дѣйствіямъ съ гностицизмомъ: водворенію мира въ мірѣ христіанскомъ. Онъ «проходитъ иногда не замѣчая мимо нѣкоторыхъ гностическихъ глубинъ»<sup>107</sup>, – отмѣчаетъ православный Посновъ, который и слова не говоритъ о хуленіи въ адресъ гностицизма, цѣликомъ и полностью довѣряясь Иринею «обнаруженію» онаго теченія. Посновъ не считаетъ, что отцы церкви хотя бы и въ чѣмъ-либо исказили гностицизмъ, но здѣсь онъ неубѣдителенъ; тѣмъ паче не говоритъ онъ о возможномъ замалчиваніи (умышленномъ или нѣтъ) тѣхъ или иныхъ сторонъ гностицизма; самъ же онъ вполне цѣленаправленно замалчиваетъ эсотерическій характеръ гностицизма, какъ правило, лелѣющей свою потаенность, дѣлая акцентъ на его опасностяхъ для нарождающейся ортодоксіи и на мнимой идеологической агрессивности гностицизма. Ириной поставляетъ въ вину гностикамъ искаженіе христіанства, использование христіанства для своего, чуждаго ему ученія, выдаваемого, однако, за подлинное христіанство; гностическія откровенія Ириной считаетъ измышленіями, попросту придумками – и опаснѣйшими (совсѣмъ

---

<sup>107</sup> Тамъ же. С. 681

какъ фамусовское общество «думаетъ» о Чацкомъ!), предвѣря много болѣе поздніе ортодоксальные эпитеты гностицизма (напримѣръ, устойчивое словосочетаніе «гностическія бредни»). Придумками и ложью, по Иринею, оказывается и тайное преданіе гностиковъ, полученное отъ Христа. Навѣрное, только правда могла вызвать толикій гнѣвъ. Также у Иринея есть критика самого гностическаго ученія; ересеологъ используетъ *ratio* (какъ часто водится въ богословіи) тамъ, гдѣ ему входъ воспрещенъ; онъ неубѣдителенъ въ своей критикѣ (лично для меня), и полемическій пылъ застилаетъ ему глаза, дѣлая его – и безъ того полуслѣпому, ибо онъ послѣдователь одного слѣпца, – безокима. Посновъ, изслѣдуя Иринея и слѣдуя за нимъ, – вовсе не на высотѣ въ иныхъ случаяхъ: «Это преданіе <...> заключаетъ въ себѣ истину и всё необходимое для спасенія съ такою очевидностью, что всякій, преданный истинѣ, признаетъ его истинность, сравнивь его съ ересью. Еретическое преданіе не имѣетъ признака истинности уже потому, что оно извѣстно только не многимъ»<sup>108</sup>; или – еще отчетливѣе: «согласіе, единомысліе въ чѣмъ-либо (большинства) вѣрующихъ есть первый признакъ вѣрности преданія»<sup>109</sup>. Отмѣтимъ, что гностицизмъ основанъ на личномъ откровеніи, здѣсь куда важнѣе не система взглядовъ и не догма (въ гностицизмѣ нѣтъ догмы), но практика, милостью коей на гностика нисходитъ от-

---

<sup>108</sup> Тамъ же. С 712.

<sup>109</sup> Тамъ же. С 746.



кровеніе.

Итакъ, съ офитовъ начинается гностицизмъ – хотя бы уже потому, что они первые (по свидѣтельству Ипполита) назвали себя «гностиками»; нелишнимъ здѣсь будетъ напомнить, что самое названіе «офиты» восходитъ къ греческому orphis – «змѣя», и змѣй здѣсь есть символъ высшей мудрости, высшаго знанія (gnosis), ибо змѣемъ облеклась Премудрость, дабы сообщить людямъ gnosis. Среди многоразличныхъ офитскихъ сектъ выдѣляются каиниты, особо почитавшіе Каина, сына Змѣя и Евы, и Іуду; Каинъ, носитель высшаго знанія, исторгаетъ душу Авелю, потомка низшей, матеріальной, дольней силы, а Іуда исполняетъ тайную волю Христа, которую никто болѣе не вѣдалъ.

Въ Сиріи и Самаріи гностическое ученіе нашло наиболѣе благопріятныя для себя почвы; также оно вторгалось, по Поснову, въ христіанство и чрезъ іудейство. Современные изслѣдователи связываютъ происхожденіе гностицизма съ мандеями (назореями), существующими и понынѣ. Посновъ самое «вторженіе» въ христіанство связываетъ съ дѣятельностью «лжеучителя» Саторнила, ученика Менандра, который въ свою очередь былъ ученикомъ Симона Мага, который считается самымъ первымъ гностическимъ учителемъ (было распространено мнѣніе, что Симонъ Магъ въ свою очередь – ученикъ Іоанна Крестителя), что былъ родомъ изъ Самаріи – мѣста издавна «еретическаго»<sup>110</sup>. О Симонѣ мы вынуждены

---

<sup>110</sup> Множество «ересей» зародилось и расцвѣло въ Малой Азіи – «ереси» Ке-

судить лишь по хулящимъ его сообщеніямъ отцовъ церкви, называющимъ его «отцомъ всѣхъ ересей». Ему мы обязаны зачиномъ темы Софіи (хотя этого имени у него нѣтъ) и – шире – большинства иныхъ гностическихъ тѣмъ (вѣроятно, уже у Симона есть ученіе о зломъ деміургѣ и благомъ мудромъ змѣѣ), а его ученику Менандру – болѣе развитой концепціей двухъ боговъ и идеей о спасеніи милостью знанія, а не вѣры. По Поснову, оба послѣдніе, Симонъ и Менандръ, внѣ христіанства, ибо не учили, какъ то дѣлалъ «христіанскій еретикъ» Саторниль, о пришествіи Спасителя, а сами выдавали себя за боговъ. Дѣятельность та себя явила во времена правленія Адріана или нѣсколько позднѣе (начало II вѣка).

Саторниль былъ, несомнѣнно, реформаторомъ гностицизма, вывести ученіе его изъ ученій предыдущихъ не представляется возможнымъ, хотя изъ нихъ оно ближе къ ученію офитовъ (радикальный дуализмъ), ибо онъ, по всей видимости, вышелъ изъ офитовъ, но оно очищено у него отъ языческаго прошлаго и іудейскихъ напластованій; почва его ученія есть уже христіанская почва. Посновъ вслѣдъ за Амелино

---

ринфа, елксанитовъ, николаитовъ, евіонитовъ, валаамитовъ и пр. – Не потому ли авторъ «Откровенія» обращается къ церквамъ малоазійскимъ? Важнѣе иное. – Подобно тому, какъ іудеи поначалу называли самихъ христіанъ представителями «назорейской ереси», очень вскорѣ ортодоксія узурпируетъ сіе понятіе и будетъ ставить клеймо на всё, кромѣ самой себя. Ересь означаетъ «выборъ», «избраніе»; ортодоксії только что и остается, какъ продолжать отбрыкиваться отъ гносиса, используя понятіе «ересь» въ неисконномъ значеніи. Но ортодоксія еще съ самага начала называла гностицизмъ не только «ересью», но и «лжеименнымъ знаніемъ» и прочими «гностическими бреднями».

считаетъ его ученіе «началомъ гностицизма», ибо при нёмъ и при его посредствѣ стало оно широкимъ явленіемъ.

Слѣдующей фигурою былъ ученикъ Саторнила Василидъ, также творившій на христіанской почвѣ, но – среди прочихъ отличій отъ ортодоксіи – отрицавшій Вѣтхій Заѣтъ и особенно цѣнившій ап. Павла; особенное значеніе придавалось имъ Христу, понимаемому по-своему: отрицались крестныя его страданія, а вмѣсто него страдалъ Симонъ Киринейскій; кто позналъ сіе – спасень, въ противномъ случаѣ человекъ прозябаетъ въ слѣпотѣ и влачить ярмо раба; Василиду приписывался либертинизмъ и внушеніе своимъ послѣдователямъ дерзости, презрѣнія ко всему существу и гордыни; относительно Отца Василидъ говоритъ апофатически. Дѣятельность Василида относится къ нач. II вѣка. Объ ученіи его говорить трудно хотя бы потому, что Иринеи и Ипполитъ – скудно, неполно и скомкано – описываютъ двѣ разныхъ системы Василида, и ихъ взглядъ пристрастенъ; имѣющіеся отрывки самого Василида слишкомъ отрывочны, ученіе его пронизано глубокимъ пессимизмомъ. Ему приписываютъ строки: «Ты знай всѣхъ, а тебя пусть никто не знаетъ!».

Василидъ былъ старшимъ современникомъ иного гностическаго учителя II вѣка – Маркіона, ошибочно считающагося ученикомъ нѣкоего Кердона (они познакомились послѣ отпаденія Маркіона отъ ортодоксіи, когда основныя положенія ученія его уже сложились; кромѣ того, ни въ какомъ отношеніи Кердонъ не былъ равенъ Василиду, уступая

ему едва ли не во всё). Маркіонъ еще болѣе порвалъ съ языческими и іудейскими напластованіями и тщился реформировать христіанство на гностическій ладъ; этому должны были способствовать проводники гностической религіи, понимаемой имъ какъ нѣчто единственно истинное и долженствовавшее стать универсальнымъ, — основанныя имъ церкви, распространенныя въ Римѣ въ срединѣ II столѣтія, которыя должны были собою замѣнить и вытѣснить историческое христіанство. Въ отличіе отъ предыдущихъ учителей онъ много написалъ (прежде всего извѣстны его евангеліе на греческомъ языкѣ и его «Антитезы»), хотя до насъ ничего не дошло изъ имъ написаннаго, — несмотря на то что былъ онъ скорѣе апостоломъ гносиса, проповѣдникомъ, реформаторомъ, чѣмъ новаторомъ, созидателемъ новаго теченія внутри гностицизма. Активно и искренно боролся противъ іудейскихъ напластованій въ христіанствѣ; растождествлялъ и противопоставлялъ Ветхій и Новый Завѣтъ, законъ и евангеліе; считалъ ветхозавѣтное, духъ Яхве, противоположною новозавѣтному, духу Христа; выдѣлялъ ап. Павла какъ учителя неискаженнаго іудействомъ чистаго христіанства и разумѣлъ себя его послѣдователемъ; Христось, понимаемый сообразно докетическимъ представленіямъ, былъ для него тѣмъ, кто освободилъ міръ отъ власти деміурга — Яхве; въ нравственно-практической жизни призывалъ къ аскетизму какъ къ единственному помощнику въ борьбѣ съ узами матеріи; позволялъ женщинамъ крестить. Именно Маркіонъ

бросилъ великій вызовъ ортодоксіи, вынудившій послѣднюю создать свое ученіе, заковать себя въ броню догматовъ и изначально нехристіанскаго – древнегреческаго – типа мышленія. Маркіонъ много думаль о Христѣ; въ его ученіи очень мало міѳологіи и аллегоріи; онъ свободенъ отъ присущаго гносису синкретизма. Иныя его отличія отъ иныхъ гностиковъ: особое пониманіе Христа и особое къ нему отношеніе (спасеніе черезъ Христа), примать вѣры надъ знаніемъ, и подробная разработка антитезы Бога подлиннаго, «новаго», «потаеннаго», невѣдомаго и благого *par excellence* и «справедливаго» Іалдаваофа, «правителя этого эона»; если Первый – Богъ Евангелія, то второй, ветхозавѣтный, – богъ закона. Маркіонъ и маркіониты бросали вызовъ творцу: аскетизмомъ. Аскезою досаждали создавшему: такъ вѣрили они; аскеза здѣсь исходитъ вовсе не отъ этики, а отъ презрѣнія къ создавшему и міру его, отъ неприкрытой съ нимъ борьбы. Аскеза здѣсь бунтъ и мятежъ. Широко извѣстна полемика вокругъ ученія его. Не менѣе широкой была и его популярность (его знали по меньшей мѣрѣ въ предѣлахъ Римской имперіи). Онъ былъ первымъ гностикомъ, апеллировавшимъ къ широкимъ массамъ, а не только къ избраннымъ, что связано съ его желаніемъ упразднить историческое христіанство, преобразовавъ его въ гностицизмъ.

Извѣстнымъ ученикомъ Маркіона былъ Апеллесъ, вопреки своему учителю считавшій, что Христось имѣль плоть человѣческую, соткавъ её при своемъ нисхожденіи на землю

изъ звѣздъ и эѳира, при восшествіи же плоть его терялась въ пространствахъ, и остался въ вышнихъ сферахъ лишь духъ его. Также вопреки своему учителю въ основаніи системы своей имѣлъ не дуализмъ, а нѣкое единое начало. Какъ и Маркіонъ, извѣстенъ онъ крайне отрицательнымъ отношеніемъ къ Ветхому Завѣту. Извѣстенъ онъ и тѣмъ, что чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе отходилъ отъ гносиса къ пистисъ – отъ знанія къ вѣрѣ.

Вардесанъ былъ однимъ изъ послѣднихъ великихъ гностическихъ учителей, дѣятельность его относится къ концу II – нач. III столѣтія. Его творенія также не сохранились, и мы если и имѣемъ подлинныя его тексты, то изъ вторыхъ рукъ и лишь малую часть. Въ нёмъ явственно чувствуется офитскій духъ (и офиты, и ученіе Вардесана имѣютъ восточное происхожденіе). Именно онъ былъ тѣмъ средокрестіемъ, милостью котораго на Западъ проникалъ Востокъ; ему поставляется въ заслугу то, что онъ былъ первымъ христіанскимъ историкомъ и авторомъ множества (болѣе 150-ти) христіанскихъ гимновъ.

Если говорить о западныхъ гностикахъ, то прежде всего слѣдуетъ выдѣлить Карпократа; онъ принадлежитъ къ западной, александрійской вѣтви гностицизма. Синкретизмъ его ученія выраженъ очень ярко и доходитъ до своего предѣла, зримо и вліяніе платонизма; отъ платонизма своего рода социалистическія идеи – въ томъ, что касается нравственно-общественной сферы. Снова мы принуждены судить о

томъ или иномъ гностическомъ учителѣ не по собственнымъ (недошедшимъ до насъ) ихъ твореніямъ, а по твореніямъ «св. отцовъ», кои пользовались первоисточниками. Здѣсь мы видимъ типическія гностическія построенія: нерожденный предвѣчный Отецъ, злой деміургъ и злые его законы, черезъ противленіе коимъ только и можно спастись, Иисусъ какъ человѣкъ со смертнымъ тѣломъ, посланникъ боговъ, указавшій людямъ путь, наконецъ, тѣло какъ темница души и антииудейскій характеръ ученія; однако карпократіане учили о метемпсихозѣ, и это было новшествомъ, новшествомъ былъ и своего рода коммунистическія идеи, идущія отъ Платона, какъ и – если вѣрить христіанскимъ авторамъ – крайній либертинизмъ (по теоретическимъ убѣжденіямъ, а не въ практической плоскости). Сынъ Карпократа Елифаній прожилъ недолго и умеръ 17-ти лѣтъ. Ученіе его тождественно ученію своего отца.

Валентинъ, ученикъ Василида, дѣятель II столѣтія, также принадлежалъ къ западной вѣтви гностицизма и былъ самымъ яркимъ его представителемъ (и, быть можетъ, гностицизма какъ явленія; такъ, проф. Посновъ называетъ его въ своей книгѣ «главнѣйшимъ гностикомъ»). Извѣстенъ тѣмъ, что разрозненное гностическое ученіе собралъ въ единую систему; ему мы обязаны детальной проработкой сюжета паденія Софіи и дальнѣйшей космогоніи. Софія, желая познать величіе Отца, выпала за предѣлы плеромы и стала матерью всего сущаго, произведя на свѣтъ и Христа, и Деміурга (права-

го архонта), и Діавола (архонта лѣваго); въ ученіи Валентина Христось отдѣлялся отъ Іисуса. Валентинъ имѣлъ великое множество послѣдователей, оставаясь, однако, загадкою для большинства, внемля приводившемуся рѣченію одного изъ учителей своихъ Василида. Если вѣрить церковнымъ авторамъ первыхъ вѣковъ, Валентинъ, какъ и нѣкоторые иные великіе гностическіе учителя, изначально былъ ортодоксальнымъ христіаниномъ (того болѣе – былъ священнослужителемъ, желавшимъ занять римскую кафедру) и лишь позднѣе ушелъ съ головою въ «ересь». Послѣдователи его – валентиніане – едва ли что общее между собою имѣли. Отъ многочисленныхъ произведеній Валентина дошли лишь фрагменты, но въ нихъ явственно зримо платоническое и пифагорейское измѣненіе.

Извѣстенъ и ученикъ его Птоломей, глава италійской школы валентиніанства, ученіе котораго содержитъ въ себѣ чисто ортодоксальныя построенія (среди прочаго – не-отрицательное отношеніе къ Ветхому Завѣту и его богу – Деміургу, который по Птоlemeю «ни добрый, ни злой, ни несправедливый, а правосудный, какъ присуждающій воздаяніе по присущей ему правдѣ», ненавидящій зло<sup>111</sup>. Наиболѣе извѣстно его посланіе къ Флорѣ, высоко цѣнимое Ренаномъ.

Другимъ ученикомъ Валентина былъ Гераклеонъ, также въ той или иной мѣрѣ болѣе близкій историческому христіанству, чѣмъ иные гностическіе учителя; занимался онъ

---

<sup>111</sup> Тамъ же. С 527.



въ основномъ этическими вопросами. Инымъ ученикомъ Валентина былъ Маркъ, прославившійся своими чудесами; ученіе его малоотлично отъ ученія самого Валентина, онъ развѣ что въ еще большей мѣрѣ вноситъ въ него пифагорейство съ его мистицизмомъ и вниманіемъ къ цифрамъ и буквамъ съ символическимъ ихъ толкованіемъ.

Въ цѣломъ въ идейномъ смыслѣ гностицизмъ доходитъ до своего пика во второмъ столѣтіи; III вѣкъ въ этомъ отношеніи далъ мало: развитіе его прекращается по ряду причинъ и зачинается упадокъ его; ортодоксальные изслѣдователи (напримѣръ, Посновъ и предшественники его) связываютъ это съ кризисомъ самого гностицизма, съ угасаніемъ его, что-де имѣло причину въ себѣ самомъ (въ частности, отмѣчается, что съ иныхъ поръ болѣе не появлялось великихъ гностическихъ учителей, а были лишь эпигоны и комментаторы уже созданнаго; короче, что твореніе новаго замѣняется на втореніе уже имѣющемуся), въ самомъ гностицизмѣ какъ ученіи, которое-де само израсходовало свои потенціи, и замалчиваютъ иныя, болѣе вѣсомыя причины: яростную борьбу ортодоксіи съ гностицизмомъ; нѣкимъ чудеснымъ образомъ не замѣчаютъ, что гностицизмъ перестаетъ развиваться съ конца II столѣтія и именно къ концу II столѣтія въ цѣломъ окончена идейная борьба ортодоксіи съ гностицизмомъ; вмѣсто сего такого рода изслѣдователями отмѣчается «саморазложеніе» гностицизма (Фолькмаръ).

Слѣдуетъ отмѣтить, что еще до времени проповѣди

послѣднихъ великихъ гностическихъ учителей ортодоксія дѣлала всё, чтобы стереть съ лица земли гностицизмъ, пиша противъ него вплоть до середины перваго тысячелѣтія. Это удалось: какъ сколько-то широкое явленіе гностицизма въ полной мѣрѣ пересталъ существовать ближе къ серединѣ I тыс., будучи побѣжденъ идеологически еще къ концу II столѣтія; но какъ малая традиція онъ существовалъ непрерывно – въ подпольѣ и въ тѣни – и существуетъ доднесь (рѣчь въ первую очередь о манихействѣ и мандеизмѣ; также напомнимъ читателю о богомильской и катарской «ереси», пусть и окончившей свое существованіе какъ широкое явленіе, но существовавшей длительное время; впрочемъ, въ своей исторической области катары и понынѣ есть). Пожалуй, главными причинами враждебнаго, дѣйствующаго какъ инстинктъ непріятія гностицизма поверхъ прочихъ, втори и третьестепенныхъ причинъ слѣдуетъ, на мой взглядъ, искать въ отношеніи людского рода, «малыхъ сихъ», къ радикально безмірному, безкомпромиссно неотмірному, да еще и называющему бѣлое бѣлымъ, а черное чернымъ: слѣпцы, держимые за поводокъ однимъ Слѣпцомъ, ненавидятъ прозрѣвшихъ, а лицемѣры (родившіеся лицемѣрами, впитавшіе лицемѣрье съ молокомъ матери, бытующіе до смерти въ лицемѣріи, ибо держимы страхомъ и слѣпотою) – говорящихъ правду. Гностикъ – Чацкій, а всѣ остальные – фамусовское общество. Гностикъ – Чаадаевъ, а всѣ остальные – «дорогіе россияне», не могушіе – изъ вѣка въ вѣкъ, по кругу –

противопоставить ничего ни Чацкому, ни Чаадаеву, кроме объявления обоихъ «сумасшедшими»; гносисъ – раскаленная правда, молнійно бьющая по теплымъ, по малымъ симъ, которые обидою принуждены отстрѣливаться клеветою либо молчаньемъ; но нѣтъ ничего глупѣе, какъ кидаться пепломъ въ огонь. Относительно гностическаго духа объединится и католикъ съ православнымъ, того болѣе – любой историческій христіанинъ съ мусульманиномъ: міръ чувствуетъ грозящую опасность для себя и не желаетъ ограничивать себя въ средствахъ борьбы съ угрозою для покойнаго своего существованья: таковъ міръ и законы его. Въ немъ отъ вѣка царствуетъ низость; идея и идеаль здѣсь вырождаются въ дурную идеалистичность, а чаще въ идеологію; не идея здѣсь главенствуетъ, но искаженіе идеи.

Исторически гностицизмъ былъ преслѣдуемъ сперва въ первые вѣка I тыс., а затѣмъ – съ разницей безъ малаго въ тысячу лѣтъ – уже въ первые вѣка тысячелѣтія второго, и второй случай можетъ служить иллюстраціей для реконструкціи покрытаго бѣлыми пятнами перваго. «Ересь» явила себя и въ Тамплѣ, католическомъ въ первую очередь внѣшне. Гностицизмъ пустилъ вѣтвь и въ исламъ: въ суфизмъ и сектъ исмаилитовъ; и въ іудаизмъ: въ каббалѣ. Не менѣе ярко гносисъ явился себя въ германскомъ мистицизмѣ – начиная отъ Экхарта и Беме; далѣе гносисъ являетъ себя у Вольтера и болѣе явно въ Гете – въ Германіи; въ Блейкѣ – въ Англіи; въ Россіи – въ словѣ Вл. Соловьева, невѣроятно высоко (выше

всей новоевропейской философии) цѣнившаго Валентина и писавшаго не только о Софїи, съ коей онъ имѣлъ бесѣды, но и, быть можетъ, ея десницею; такъ или иначе онъ являлъ себя въ русскомъ Серебряномъ вѣкѣ (но русскій гносисъ, впрочемъ, былъ лишень акосмизма и былъ, напротивъ, въ цѣломъ крайне космичень); позднѣе онъ проявился въ теософїи. Въ XX столѣтїи гностицизмъ переживаетъ свой расцвѣтъ и выходитъ изъ тѣни (теософїя, антропософїя Р.Штейнера, въ меньшей степени русскій Серебряный вѣкъ, К.Юнгъ, Г.Гессе, А.Кроули и пр.). Съ конца XIX вѣка существуетъ гностическая церковь, возрожденная во Франціи – странѣ съ давними гностическими корнями (задолго до катаровъ тамъ обитали многіе гностики со всѣхъ концовъ свѣта, на которыхъ жаловался Ириней Ліонскій).

\* \* \*

Подведемъ итоги нашего разсмотрѣнія гностицизма какъ мірового явленія. Общимъ для всѣхъ или почти всѣхъ гностиковъ является: дуализмъ, большій или меньшій акосмизмъ, докетизмъ относительно Христа, невѣріе въ тѣлесное его воскресеніе и отрицаніе онаго, отрицательное отношеніе къ Ветхому Завѣту и духу Яхве, разумѣемаго злымъ деміургомъ, равно какъ и къ матерїи, разумѣемой зломъ, трехчастное дѣленіе человѣка, или трихотомія (духъ – душа – тѣло, чему соотвѣтствуютъ слѣдующіе типы – пневматикъ (какъ

тотъ, кто обладаетъ и обладаемъ духомъ) – психикъ – гиликъ); иное отношеніе къ женщинѣ, значимость женскаго начала (именно милостью Евы Адамъ пробуждается ото сна и обрѣтаетъ знаніе, гносисъ). Христось какъ идеальный пневматикъ не могъ имѣть ту же плоть, что и смертные: отсюда докетизмъ; плоть его есть лишь видимость плоти. Лежащій во злѣ и попросту убожествѣ міръ никакъ не долженъ быть связанъ съ Отцомъ и міромъ плеромы: отсюда ученіе о злой матеріи, матери всего зримаго, и деміургъ – какъ ея создателъ, неосознанно смѣшавшемъ верхнія и нижнія сферы; при томъ въ цѣломъ западные гностики вполнѣ въ духѣ античной философіи понимали матерію какъ нѣчто отвлеченное, призрачное, косное и пассивное, а гностики восточные – какъ живое злое существо. Люди же, имѣя въ себѣ искру тамошнюю, не могли не стремиться слиться съ тамошнимъ: нуждались въ спасеніи и спасителѣ. Высшія существа не могли мириться съ такимъ положеніемъ дѣлъ, согласно которому искра страждетъ въ лабиринтахъ зла и тьмѣ матеріи, а тяга къ горнему и тоска по нему ничѣмъ не утоляется. Потому нисходитъ одинъ изъ высшихъ эоновъ – Христось; въ нисхожденіи своемъ онъ принимаетъ кажущееся тѣло и соединяется съ человѣкомъ Иисусомъ, оставляя его при крестныхъ его мукахъ. Христось сообщаетъ избраннымъ о стезяхъ подлинныхъ, о путяхъ неложныхъ и обо всѣхъ тайнахъ; онъ учитъ ихъ гносису: сокровенному знанію. Гностики считали человѣка микрокосмомъ, состоящимъ изъ трехъ частей: ду-

ха, души и тѣла; въ соотвѣтствіи съ члененіемъ этимъ дѣлили людей на три типа, сообразно тому, что въ человѣкѣ преобладаетъ и задаетъ тонъ въ бытіи: на пневматиковъ, людей духа, психиковъ, у которыхъ горнее смѣшивалось съ дольнимъ, духъ съ плотью, и гиликовъ («иликовъ» въ болѣе новомъ произношеніи), людей плоти и матеріи, коимъ вовѣкъ не спастись. Вопросъ о спасеніи отъ узъ матеріи и плоти рѣшался двояко: одни пѣствовали строгій аскетизмъ (Саторниль, Маркіонъ); иные – въ духѣ либертинизма (николаиты и офиты, Карпократъ и послѣдователи его), побѣждая плотью плоть, чувственностью чувственность, не борясь съ плотью, но её презирая. Однако добавимъ насчетъ второго: у современныхъ изслѣдователей гностицизма (напримѣръ, Дж. Мид и позднѣе Ст. Хеллеръ и пр.) большія сомнѣнія насчетъ не только практическаго, но и теоретическаго либертинизма: Ириней и иные отцы наговариваютъ на Карпократа и пр. гностиковъ въ цѣляхъ ихъ дискредитаціи. Итакъ, появленіе гносиса какъ явленія – II–I вв. до Р.Х., христіанскаго гносиса – I вѣкъ, расцвѣтъ его – II вѣкъ, далѣе стремительный упадокъ, съ III–IV вв. гносисъ существуетъ какъ малая традиція. Многое въ исторіи гностицизма безвозвратно утеряно, смыто водами Леты, но то, что гносисъ распространялся съ Востока на западъ, есть фактъ. Также фактъ, что въ гностицизмѣ преобладаетъ не западный, но восточный духъ. – Гностицизмъ послѣ того какъ пересталъ быть широкимъ явленіемъ, оставался явленіемъ глубокимъ, ставъ «малой традиціей»;

такъ или иначе онъ всплывалъ въ европейскомъ культурномъ пространствѣ многожды въ томъ или иномъ видѣ: помимо многочисленныхъ ересей, представляющихъ собою искаженное исконно-гностическое ученіе (они – гносисъ, ибо обрѣтены милостью гносиса и сами суть гносисъ, но не гностицизмъ исконный; они – гносисъ, который есть отголосокъ и тѣнь гностицизма), онъ такъ или иначе просачивался и черезъ философію (хотя бы и – снова – въ искаженномъ видѣ и въ той или иной степени): сложно не увидѣть гностическое измѣреніе у Беме, вообще у нѣмецкихъ мистиковъ, у Вольтера, Гете (рѣчь идетъ о его «Фаустѣ»), Толстого, Блейка, Йейтсъ, Гессе, Юнга; напомнимъ, зримые ростки гностическаго ученія были и въ русской мысли Серебрянаго вѣка; трудно не увидѣть гностическое измѣреніе и въ экзистенціализмѣ.

\* \* \*

Первая критская поэма на дѣлѣ – первое вполнѣ гностическое произведеніе (гдѣ гностическое – не розсыпь среди прочаго, но полноцѣнно, полновѣсно, цѣлостно явленное<sup>112</sup>) за всё время, гдѣ темы Мережковскаго не только затрагиваются, но на нихъ – языкомъ Бѣлаго (кажется, впервые послѣ

---

<sup>112</sup> За исключеніемъ иного пониманія огня, огненнаго въ поэмѣ по сравненію съ гностицизмомъ и введенія Аримана и Люцифера, въ гностицизмѣ отсутствующихъ.

Бълаго) – мало того что вообще даются отвѣты, такъ и еще и отвѣты сіи – иные и часто съ противоположнымъ знакомъ (относительно Мережковскаго). Я бы сказала, что сторожусь не отдѣльныхъ авторовъ рус. литературы, не того, что она русская, а вообще литературы какъ таковой, ея законъ, правилъ, нормъ, etc. Это видно уже по самой моей тематикѣ и жанровой своеобразности, по тому простому факту, что всё слово мое никогда въ «литературу» не умѣщалось (недавно почившій профессоръ, литературовѣдъ Б.Аверинъ, конечно, поспѣшилъ объявлять одно мое твореніе «литературою»); здѣсь – въ отличіе отъ вышеупомянутаго мною моего творенія – «Послѣдняго Кризиса» – не можетъ быть и рѣчи объ идейномъ синтезѣ того или иного рода: «Здѣсь тезисъ, что не желаетъ терпѣть рядомъ съ собою тотъ или иной антитезисъ» (по мѣткому слову Ильи Поклонскаго), здѣсь – натянутая и звенящая тетива, стрѣла, готовая вырваться въ самое сердце Зла.

Какъ и инья мои произведенія, критская поэма стоитъ особнякомъ. Въ сущности, я ставилъ передъ собою цѣлю: въ своемъ творествѣ воплотить такой уровень, достичь такихъ высотъ и глубинъ, о которыхъ ранѣе могли только догадываться, явить въ словѣ доселѣ небывшее. Нѣкогда мнѣ представлялось именно въ этомъ смыслѣ: я бы предпочелъ считаться неумехою въ глазахъ типичнаго литературовѣда – исчисляющаго успѣхъ книги не то соотвѣтствіемъ канонамъ и моднымъ трендамъ, не то тиражомъ и наличіемъ переводо-



въ на иные языки, не то авторитетностью самого автора, его славой, не то литературнымъ его мастерствомъ, точностью и новизною метафоръ, не то самобытностью, etc. – лишь бы не стоять съ кѣмъ-либо вмѣстѣ (навѣрное, этимъ могли бы объясняться инья странности иныхъ моихъ твореній) или съ кѣмъ-то быть рядомъ въ рамкахъ той или иной традиціи, жанра, эпохи.

Несмотря на попытки комментаторовъ выдать бѣлое за синее, а черное за красное (такъ, напримѣръ, гностическое видится (ищется) у Достоевскаго, который, какъ и иные гении, съ новаго угла – гностическаго – обезпечиваетъ, по мѣтко брошенному однажды слову К.Свасьяна, кандидатскія и докторскія степени), цѣльно-гностическихъ произведеній изящной словесности въ прозѣ нѣтъ и не было. Цикль поэмъ «Ex oriente lux» – первое явленіе гностицизма (не просто гносиса) въ изящной словесности. Я создалъ первое и, боюсь, послѣднее гностическое произведеніе въ рамкахъ элитарной, а вѣрнѣе классической словесности. До этого гностическое являло себя довольно рѣдко и больше въ качествѣ экзотической приправы.

Для доказательства даннаго тезиса кратко рассмотримъ словесность Серебрянаго вѣка (ранѣе гностицизмъ едва ли себя являлъ, хотя у В.Соловьева есть порою гностическое измѣреніе), но сперва обратимся къ фигурѣ Ницше, ощути-мо повліявшаго на Серебряный вѣкъ. Именно онъ былъ отправной точкой и катализаторомъ культурныхъ процессовъ:

творцы Серебрянаго вѣка производять своего рода «переоцѣнку всѣхъ цѣнностей» и отмежевываются отъ предыдущей (въ первую очередь – христіанской) традиціи; христіанскій Богъ либо умаляется, либо отрицается, а діаволь, напротивъ, возвышается, либо и вовсе прославляется. Но Ницше былъ понять какъ угодно, но не такъ какъ должно. Всякъ притягиваль его къ себѣ сообразно своему міровоззрѣнію и своимъ желаніямъ и нуждамъ. Того требовала мода на Ницше. – Ницшеанцы: вмѣсто послѣдователей великаго нѣмца, идущихъ своими стезями, понявши вѣрно духъ его, а послѣ растворивъ его въ личной судьбѣ, что не исключало бы и борьбу съ Ницше. Ницшеанцы: вмѣсто – на худой конецъ – знатоковъ Ницше. На свой ладъ сказанное затронуло и такихъ фигуръ Серебрянаго вѣка, какъ А.Бѣлый, видѣвшій въ Ницше символиста, Мережковскій, А.Блокъ, В.Ивановъ, М.Горькій... Складывается ощущеніе, что помимо «Такъ говорилъ Заратустра» и «Рожденія трагедіи...» они ничего болѣе у него не читали; отсюда ложно понятый Ницше. Первымъ «не поняль» Ницше, конечно же, В.Соловьевъ, чья реакція на германскаго мыслителя была православна до слезъ. Для насъ важно, что «люциферианскій духъ Ницше почему-то оказался отождествленнымъ с подлиннымъ люциферизмомъ: Заратустра являлся Мережковскому в образѣ Антихриста»<sup>113</sup>. Именно поэтому невѣрно понятый Ницше «виновень» въ демонизмѣ Серебрянаго вѣка. Какъ я писалъ въ еще

---

<sup>113</sup> Слободнюк С. *Указ. соч.* С. 104.

не изданной статьѣ «Rationes triplices I»: «Серебряный вѣкъ былъ вѣкомъ синтеза; потому удивляться синтетическимъ (а порою и эклектическимъ) вбираниямъ въ свое міровоззрѣніе мировоззреній чуждыхъ и разнородныхъ не приходится». На русской почвѣ ницшеанскій сверхчеловѣкъ смыкался съ избраннымъ, посвященнымъ, пневматикомъ; его разрушительное люциферическое начало – съ...анархизмомъ; богоборческія его настроенія выливались – поверхъ богоборческихъ настроеній – въ...богоискательство и исканіе новыхъ стезей внутри христіанства, которое тѣ или иные творцы вѣка Серебрянаго желали реформировать и возогнать, отмежевавшись отъ христіанства историческаго, въ христіанство подлинное; Ницше казался имъ помощникомъ въ этомъ дѣлѣ. Ницше произвелъ «переоцѣнку всѣхъ цѣнностей»; русскіе творцы – тоже: и каждый на свой ладъ. Ницше съ надеждою глядѣлъ въ грядущее; они это грядущее созидали: такъ имъ казалось. Помимо моды на Ницше вліяла и мода на Шопенгауэра съ его мироотречностью, представленіемъ о мірѣ какъ о созданіи злой воли и о жизни какъ о злѣ. Именно оба названныхъ мыслителя, понятыя сообразно духу эпохи, открыли дорогу...вѣяніямъ гностицизма (помимо того факта, что русская почва и безъ того – самая гностическая (но со знакомъ минусъ) почва въ силу цѣлага ряда причинъ).

Хотя гностическое такъ или иначе разлито, напримѣръ, по Серебряному вѣку, гностицизмъ былъ для творцовъ его мало того что перчинкою и остринкою, а не подлиннымъ гно-

стическимъ ученіемъ, но также въ цѣломъ отличался вопіющимъ недостаткомъ акосмизма.

Въ русской словесности оно впервые себя являетъ у К.К.Случевского въ поэмѣ «Элоа», произведеніи въ большой степени недооцѣненномъ; но гностицизмъ тамъ перемѣшанъ съ историческимъ христіанствомъ и Авестой: «Элоа» – помѣсь двухъ и болѣе традицій<sup>114</sup>. Впервые въ русской словесности былъ явленъ дуализмъ: зло представало столь же мощнымъ, что и добро: «И Богъ, и я», – говоритъ въ поэмѣ Сатана, –

Мы два враждебныхъ брата,  
Предвѣчные зоны высшей силы,  
Намъ неизвѣстной, дѣтища ея<sup>115</sup>!..

Болѣе того: діавола въ нѣкоторомъ согласіи съ гностицизмомъ Случевскій разумѣлъ за силу, способную успѣшно бороться со зломъ: матеріей. Брюсовъ охарактеризовалъ «Элоа» какъ «вещь удивительную и дерзновенную»<sup>116</sup>. Поэма, въ которой гностицизмъ никогда не являлъ себя въ чистомъ видѣ, но сочетался съ иными традиціями, заложила фундаментъ послѣдующей русской словесности Серебрянаго вѣка,

---

<sup>114</sup> Здѣсь и далѣе изложеніе темы гностицизма въ русской литературѣ преимущественно по: Слободнюк С. *«Дьяволы» «Серебрянаго» века (древний гностицизм и русская литература 1890–1930 гг.)*, Спб., 1998.

<sup>115</sup> Случевскій К.К. *Элоа*

<sup>116</sup> Брюсов В. *Дневники 1891–1910*. М. 1927

что отмѣчалось иными изслѣдователями: она была «авторитетнымъ примѣромъ, на который они могли опереться», по словамъ А. Федорова («Поэтическое творчество К. К. Случевского»).

Особенно ярко половинчатость, синкретичность и эклектичность выражена въ игрѣ противоположностями и попыткахъ соединенія несоединимаго у Мережковскаго: въ произведеніяхъ его – пестрый калейдоскопъ различныхъ и несходныхъ ученій, герои его – часто, слишкомъ часто – суть помѣсь историческаго христіанства, неисторическаго христіанства, гностицизма, восточныхъ ученій, различныхъ ересей, платонизма и неоплатонизма, ницшеанства и пр. Въ его случаѣ – это, скорѣе, авторскій пріемъ, а не недостатокъ, ибо самъ авторъ писалъ:

Ты самъ – свой Богъ, ты самъ свой ближній,  
О, будь же собственнымъ Творцомъ,  
Будь бездной верхней, бездной нижней,  
Своимъ началомъ и концомъ<sup>117</sup>.

Діавола Мережковскій разумѣлъ слѣдующимъ образомъ: если въ самомъ началѣ творчества – время первой трилогии – онъ былъ для Мережковскаго равной Богу силою, отвѣчающей за плотское (а Богъ за духовное), а самое бытіе – и человѣческое, и общемировое – было ареною борьбы меж-

---

<sup>117</sup> Мережковскій Д. *Двойная бездна*

ду свѣтомъ и тьмою, когда побѣждало то одно, то другое, то послѣ мы читаемъ: «Богъ есть безконечное, конецъ и начало сущаго; чортъ – <...> отрицаніе всякаго конца и начала <...> Чортъ – ноуменальная середина сущаго, отрицаніе всѣхъ глубинъ и вершинъ – вѣчная плоскость, вѣчная пошлость», поскольку онъ есть <...> начатое и неоконченное, которое выдаетъ себя за безначальное и безконечное <...> Главная сила діавола – умѣніе казаться не тѣмъ, что онъ есть. Будучи серединою, онъ кажется однимъ изъ двухъ концовъ – безконечностей міра, то Сыномъ-Плотью, возставшимъ на Отца и Духа, то Отцомъ и Духомъ, возставшимъ на Сына-Плоть; будучи тварью, онъ кажется творцомъ; будучи темнымъ, кажется Денницею»<sup>118</sup>. Діаволь принижается, здѣсь онъ являетъ себя вполнѣ на средневѣковый христіанскій ладъ – «обезьяна Бога», мастеръ по части масокъ. Монизмъ вмѣсто гностическаго дуализма, не неохристіанство, а новое толкованіе стараго, и въ толкованіи этомъ стараго больше, чѣмъ новаго. Гностическое перемѣшано съ христіанскимъ, а послѣднее съ язычествомъ и, скажемъ, съ неоплатонизмомъ: авторъ зачарованъ то однимъ, то инымъ ученіемъ, колеблется принять одно изъ нихъ, – совсѣмъ какъ Розановъ на тротуарѣ предъ конницей: млѣть.

Менѣе половинчатый характеръ (ибо явленъ у него несомнѣнный дуализмъ: добро связано съ духомъ и мистикою, а зло съ матеріею, плотью и раціонализмомъ) – въ творествѣ

---

<sup>118</sup> Мережковскій Д. *Гоголь и чортъ*.

Брюсова, на котораго, безъ сомнѣній, оказывалъ вліяніе Ме-  
режковскій, но съ неохристіанствомъ и монизмомъ котора-  
го онъ боролся; но Ницше повліялъ въ мѣрѣ большей. Брю-  
совъ – большой мастеръ по части масокъ (какъ и самый Са-  
тана): часто, слишкомъ часто казалось бы не ясно: что для  
него выше, что истиннѣе – Богъ или діаволь? И какимъ слѣ-  
дуетъ идти путемъ? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ самъ Брю-  
совъ: «<...> Знаю я и иную правду <...> Истинно и то, и это.  
Истинъ много и часто онѣ противорѣчатъ другъ другу. Это  
надо принять и понять. Да я и всегда объ этомъ думалъ. Ибо  
мнѣ было смѣшнымъ наше стремленіе къ единству силъ или  
началь или истины. Моей мечтой всегда былъ пантеонъ, хра-  
мъ всѣхъ боговъ. Будемъ молиться и дню и ночи, и Митрѣ и  
Адонису, Христу и Дьяволу. „Я“ это – такое средоточіе, гдѣ  
всѣ различія гаснутъ, всѣ предѣлы примиряются» (Брюсовъ.  
*Дневникъ*). Или – въ брюсовскомъ стихотвореніи «Я»:

Мой духъ не изнемогъ во мглѣ противорѣчій,  
Не обезсилѣлъ умъ въ сцѣпленяхъ роковыхъ.  
Я всѣ мечты люблю, мнѣ дороги всѣ рѣчи,  
И всѣмъ богамъ я посвящаю стихъ.

<...>

И странно полюбилъ я мглу противорѣчій  
И жадно сталъ искать сплетеній роковыхъ.  
Мнѣ сладки всѣ мечты, мнѣ дороги всѣ рѣчи,  
И всѣмъ богамъ я посвящаю стихъ...

Брюсовъ, хотя и (абсолютный) дуалистъ, вовсе не гностикъ: онъ за уравненіе истинъ, Бога и Дьявола: онъ «плюралистъ», ибо истина для него не одна, а «истинъ много», и истины этѣ равновелики, равнозначны, и нѣтъ здѣсь и скепсиса по отношенію къ той или иной истинѣ:

Неколебимой истинѣ  
Не вѣрю я давно,  
И всѣ моря, всѣ пристани  
Люблю, люблю равно  
<...>  
Хочу, чтобъ всюду плавала  
Свободная ладья,  
И Господа и Дьявола  
Хочу прославить я<sup>119</sup>.

Онъ – и люциферіанецъ (какъ Ницше), и люциферіанинъ (ибо – самое малое отчасти – сатанистъ). Таковъ и Бальмонтъ, объявившій – въ позѣ художника – войну христіанскому Богу: во имя дольняго міра, его красокъ и роскошества. Оба (абсолютные) дуалисты, но дуализмъ дуализму – рознь: одно дѣло – признавать нетварность и мощь Сатаны (и, скажемъ, быть при томъ по ту сторону баррикадъ), иное – быть сатанистомъ. Бальмонтъ, порою обличая и проклиная Бога (ибо Онъ, по Бальмонту, виновенъ за всё то зло, что разлито въ мірѣ), всё же не видитъ «добра» и блага и въ діа-

---

<sup>119</sup> Брюсовъ В. З. *Н. Гумиусъ (1901)*.



волъ: діаволь и зло надобны: какъ тѣнь отъ свѣта, какъ то, что даруетъ объемъ, какъ то, на фонѣ чего свѣтъ есть свѣтъ. Но и Богъ и діаволь – злы (каждый на свой ладь и по своимъ причинамъ). Казалось бы, и Брюсовъ, и Бальмонтъ почти гностики, но слишкомъ ужъ зачарованы природою и вообще здѣшнимъ (особливо послѣдній).

Въ еще большей мѣрѣ сатанистъ (люциферіанинъ) Ф. Сологубъ, «поэтъ Зла и Дьявола», воспѣвающій зло и смерть, пожалуй, если не единственный (акосмическимъ духомъ пропитаны многія творенія Блока), то главный акосмистъ Серебрянаго вѣка (но не сказать, что онъ въ полной мѣрѣ гностикъ, потому что съ гностицизмомъ въ его міровоззрѣніи сосѣдствуетъ многое, слишкомъ многое). Здѣсь уже перевертышъ: Богъ (творецъ міра сего) есть зло, а діаволь, змій – добро и благо (здѣсь всё въ согласіи если не со всѣмъ гностицизмомъ, то съ офитской его частью); смерть, которая является зломъ для почти любого живого существа, – понимается какъ обладающая несравненною силою избавительница: отъ зла жизни, «бабищи румяной и дебелой»; наконецъ, Солнце, воспѣваемое всѣмъ сущимъ, предстаётъ зломъ: Змѣемъ (что далеко, какъ мы знаемъ, отъ гностицизма первыхъ вѣковъ, но, однако, близко, къ ученію катаровъ); впрочемъ, въ стихотвореніи «Я часть загадки разгадалъ...» воспѣвается въ полномъ согласіи съ офитскомъ ученіемъ Змѣй, искушитель Евы въ раю. Итакъ: діаволь сильнѣе творца, смерть сильнѣе жизни, ночь блаженнѣе дня...

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ иныхъ стихахъ – какъ исключеніе – воспѣвается Христось, его воскресеніе, крестныя его муки: проклятія Богу, четкое осознаніе его зломъ сосѣдствуютъ съ ... молитвою къ Нему и даже желаньемъ идти стезями Распятаго, повторить крестную его жертву. Но по всей видимости, здѣсь противорѣчіе здѣсь мнимое и кажемое: Сологубъ и здѣсь въ полной мѣрѣ въ согласіи съ гностицизмомъ – Богъ Ветхаго Завѣта противопоставляется Христу.

Сологубъ – едва ли не самый гностически мыслящій и чувствующій нашъ писатель, который не вплетаетъ гносисъ въ свое творчество, используя его лишь какъ спецію, но безпримѣсный гносисъ (отъ гностицизма первыхъ вѣковъ всѣхъ направленій до «ересей» манихеевъ, катаровъ, богомиловъ) очень часто являетъ себя его творчествомъ, а гдѣ онъ не безпримѣсенъ, тамъ являетъ себя переосмысленіе поэтомъ гностическихъ мотивовъ (но не на мятущійся, идейно-суевѣдый, какъ слѣдствіе, потерянный и безсильный ладъ Мережковского), сосѣдствующихъ, однако, съ чистымъ сатанизмомъ и философіей пессимизма.

«Младшіе» символисты по части гностицизма не пошли за «старшими»: ихъ увлекъ В.Соловьевъ. Исключеніемъ сталъ лидеръ акмеизма Н.Гумилевъ, который именуется С.Слободнюкомъ «антисимволистомъ». Интересно люциферизмъ преломляется въ творествѣ его: діаволь уже отвѣтственъ за познаніе, онъ, по мѣткому слову С.Слободнюка, «владыка гнозиса», болѣе того «единственный обладатель»

его; здѣсь уже нѣтъ равенства добра и зла, Бога и дьявола, двухъ истинъ Мережковскаго и Брюсова, потому рѣчь идетъ о «теодицеѣ наоборотъ»; дьяволъ надѣляется способностью къ творчеству, онъ – творецъ, созидатель; онъ не только разрушаетъ, но и зачинаетъ, и возрождаетъ. Словомъ, онъ единственный подлинный Богъ. Гумилевъ, извѣчный фрондеръ, созидаетъ новый образъ: «дьяволобога»; и образъ сей есть образъ синтетическій, вмѣщающій въ себя и Христа, и Антихриста въ нераздѣльномъ сліянномъ синтезѣ. Образъ этотъ въ высшей мѣрѣ мужественъ, ибо созданъ въ противовѣсъ «Вѣчной Женственности» символистовъ. Онъ являетъ себя, напримѣръ, въ «Открытіи Америки» фигурую Колумба или въ «стихотвореніи «Леонардъ» – героями, что при всей своей мощи скорѣе ужь терпятъ фіаско, нежели побѣждаютъ, вѣдь дѣйствуютъ они въ мірѣ, коимъ править иное, чуждое и враждебное имъ: злой христіанскій Богъ. Здѣсь явленный главными героями духъ Люцифера надѣляется такими – поверхъ прочихъ – атрибутами Бога, какъ мудрость, знаніе, стремленіе водворить порядокъ и благо, а не – забавляясь – творить хаосъ и злодѣйства; самъ же Люциферъ по мысли поэта пріидетъ послѣ, ему уготована побѣда и власть надъ всею землей, а пока въ мірѣ явленъ лишь «дьяволобогъ». Въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ, какъ доказываетъ С.Слободнюкъ, «поэтъ создалъ миръ, въ которомъ отрицается существованіе добра, поскольку оно есть лишь проявленіе

«силы» верховного («злого») существа»<sup>120</sup>. Но вмѣсто гностическихъ вѣяній у «старшихъ» символистовъ Гумилевъ используетъ враждебный гностицизму неоплатонизмъ.

Въ поэмѣ «Двѣнадцать» А.Блока – съ ея воспѣваніемъ глубокаго трагизма революціи, приводящаго къ очищенію, – изслѣдователи усматриваютъ если не безпримѣсный гностицизмъ, то совмѣщеніе ницшевскихъ идей съ софіанствомъ В.Соловьева и манихео-альбигойствомъ: прямымъ потомкомъ гностицизма. С.Слободнюкъ считаетъ, что зрѣлый Блокъ пошелъ дальше Мережковскаго, потому что указывалъ не на одинъ путь (плоти ли, духа ли), но на нѣкій слитый воедино, гдѣ Христось и Антихристъ сливаются другъ въ друга: вмѣсто «или-или» – «и-и».

Въ дальнѣйшемъ въ русской словесности тѣ или иные ростки гностицизма, но скорѣе нескрываемаая мироотречность, жизнеотрицающее начало, акосмизмъ являли себя на свой ладь въ «Аэлитѣ» А.Толстого, въ «Мы» Е. Замятина, въ «Пирамидѣ» Л. Леонова, а также въ «русскомъ рокѣ», въ первую очередь въ пѣсняхъ Е. Летова.

\* \* \*

Въ міровой словесности тѣ или инья вѣянія гностицизма являли себя и въ древности: и въ міровой философіи (но

---

<sup>120</sup> Слободнюкъ С. *Указ. соч.* С.239

опять же – цельногностической философии и – шире – мысли не было; таковой в некоторой степени можно считать философию германских мистиков (Эккегартъ, Беме, Силезиусъ и пр.; Блаватская, Штейнеръ, Йейтсъ и въ особенности Юнгъ и пр.), и въ словесности: обычно гностическими авторами считаются Блейкъ, Гете (его «Фаустъ»), Гессе; но, какъ правило, забываютъ упомянуть малоизвѣстнаго у насъ шведскаго поэта Й.О.Валлина, Генриха Гейне съ его особымъ отношеніемъ къ гностицизму, въ которомъ онъ видѣлъ нѣкій катализаторъ христіанства, Омара Хайяма, у котораго порою бываетъ гностическое измѣреніе.

\* \* \*

Нелишнимъ будетъ именно здѣсь напомнить, что поэма моя не гимнъ люциферизму и люциферіанамъ какъ носителямъ такого рода міровоззрѣнія, но гимнъ люциферіанскому духу (и люциферіанцамъ какъ его носителямъ). Напомню: за люциферика (вслѣдъ за Свасьяномъ) я разумѣю того, кто борется съ плотью, за люциферіанина – сатаниста, за люциферіанца – носителя не столько міровоззрѣнія, сколько особаго духа, коимъ былъ преисполненъ Ницше, главный герой сей поэмы – М. и его создатель, авторъ сихъ строкъ: М.Р. Поэма является первымъ въ полной мѣрѣ гностическимъ произведеніемъ, являясь одновременно произведеніемъ символистскимъ. Въ сущности, гностицизмъ – иде-

альное пространство для символизма, ибо и гностицизмъ какъ ученіе и міровоззрѣніе, и gnosis какъ типъ познанія изначально предполагають не буквальное, а символическое прочтеніе.

Анализъ образа діавола въ изящной словесности выходитъ за рамки данныхъ комментаріевъ (читателя отсылаю къ извѣстной книгѣ И. Матушевскаго «Діаволь въ поэзіи»). Равно приходится ограничиться констатаціей, что очень многимъ, если не подавляющему большинству творцовъ Серебрянаго вѣка былъ близокъ (абсолютный) дуализмъ; ухоть отъ православія...куда угодно, въ т. ч. въ древнюю восточную мудрость; въ силу синтетическаго (порою – эклектическаго) характера твореній Серебрянаго вѣка говорить о только и чисто гностическихъ твореніяхъ преждевременно. Впрочемъ, гностицизмъ и самъ былъ синтетическимъ ученіемъ.

\* \* \*

"Гнозис – старое имя знанія, когда само знаніе было старым, какъ мир, а мир говорил по-гречески, какъ онъ сегодня говоритъ по-английски. Если научиться видѣть въ исторіи знанія исторію не только приобретеній, но и потерь, въ которой новое приобретается въ той мѣрѣ, въ какой теряется старое, то гнозисъ окажется собирательнымъ понятіемъ для всего старо-го и потеряннаго, причѣмъ потеряннаго не столько какъ документъ, сколько какъ способность. Это не какое-то одно, специ-

альное, знание, доступное всем, а знание как таковое, знание всего, и, значит, не для «всех», а для немногих, избранных, которые (по сохранившему у Епифания<sup>121</sup> слову гностического учителя Василида) отличаются от всех, как люди от свиней и псов. Гнозис – тайна, а гностик не просто тот, кто знает, но и тот, кого не знают; еще раз словами Василида<sup>122</sup>: «Ты должен знать всех, тебя же не должен знать никто»; формула тайны в этих словах идентична формуле власти, потому что власть, как и тайна, монополярна и ирреверсивна; идеальный (в веберовском смысле) тип гностика, знающего (видящего) всех и не видимого (не известного) никем, опознается, в богословской проекции, как Бог, а в политической, как вождь, и, наверное, формула Василида адекватнее всего переводится с гностического на оруэлловский: «Big Brother is watching you». – Исторически век гнозиса был недолог, а смерть свою он нашел в христианстве, когда христианство, перестав само быть гнозисом, объявило его смертельным врагом; сатанинская ересь, ставящая знание на место веры, выкорчевывалась в веках, и мы едва ли преувеличим, сказав, что по эффективности преследования и истребления инакомыслия церковь не только предвосхитила будущие тоталитаризмы, но и осталась для них образцом.

С Юстиниана, закрывшего в 529 году Афинскую школу философов, Европа – пустыня гнозиса, в которую только че-

---

<sup>121</sup> Panarion XXIV 5, 2.

<sup>122</sup> У Иринея (Adv. haer. I 24, 6).

рез пять обморочных столетий из Испании и Северной Африки постепенно начинают тянуться караваны её (обращенного тем временем в ислам) первородства; наверное, мы правильно понимаем крестовые походы, если видим в них некое массовое *déjà vu*, «паломничество в страну Востока», поиск гнозиса, который, по конъюнктурным соображениям, должен был разыгрываться под знаком иных, религиозно-политических, мотиваций. После крестовых походов Европа вновь открыта гнозису, но уже не прежнему подлинному, а поддельному. Теперь это был самозванец знания, впечатляющий гиератикой знаков и жестов, за которыми просвечивали другие или никакие значения; тайное знание, перестав быть знанием, осталось тайной, опутавшей Европу сетью орденов, обществ, братств и лож, от тамплиеров, каменщиков, розенкрейцеров до более поздних иезуитов, масонов, иллюминатов, имитирующих мертвый подлинник и заполняющих его пустые формы неадекватными содержаниями. Можно будет представить себе это по аналогии с европейской наукой. Подобно тому как наука, избравшая себе девизом гордое гностическое *knowledge is power*, провалилась на экзамене познания и стала выдавать нужду за добродетель, маскируя гностическую немочь фокусами и чудесами мира техники, так и гнозис, реанимированный после долгого исторического беспомыслия, очнулся уже не в прежний сон причудливых космофий, а в дневное политизированное сознание, одержимое идеей подчинить себе мир, чтобы сделать



мир более совершенным и счастливым. Любопытно, что этот новый виток его жизни протекает в раздвоенной форме: реальное (асимметричное) внедрение легендируется филологическим двойником раскопок и вскрытий, отчего, ища прошлое гнозиса между Мертвым и Красным морем, промаргивают его настоящее в неожиданной и в до смешного не похожей на оригинал фигуре (лондонского, нью-йоркского, римского) клерка-интеллектуала, решившего, после того как ему оказалось не по плечам объяснить мир, посвятить себя более благородной задаче его изменения" <sup>123</sup>.

Представляется неумѣстнымъ не привести здѣсь слова Евг. Анучина: «Тут мудро прозревающее слово К.Свасьяна не растекается бесформенной мыслию по древу, а, напротив, обретает чеканные формы, готово стать слепком ищущей себя истории знания в её гностическом оформлении, с коего сброшена шелуха посторонних нагромождений лиц, мнящих себя тамплиерскими, розенкрейцеровскими и алхимическими адептами, дабы явить для молчаливых почитателей гнозиса его подлинный смысл и прикровенность.

Как справедливо сказано К.Свасьяном, что страшнее гибели документальных свидетельств и артефактов является утрата самой способности понимать оставшиеся крупницы древних сведений. Добавлю от себя и потерю умения голографического видения, когда в капле океана человек прозревает всю динамическую историю его гигантской массы.

---

<sup>123</sup> К.Свасьянъ «...но еще ночь».

Нам остается преисполниться гераклитовским всеведением, скорбно смеющимся над пустознайством многознаек” (Анучинь Евг. *Изъ частныхъ бесѣдъ первой половины 2019—го*).

Михаиль Раузеръ, теомахъ, тореро, странникъ  
Москва, сер. 2017-го – сер. 2020-го.

*Сергей Бородай*  
**Предусмотрительность  
Прометея в трактовке Эсхила**

*– Да, я избавил смертных от предвиденья.*

*– От этой язвы исцеленье как нашел?*

*– В сердцах надежды поселил незрячие.*

*Эсхил «Прикованный Прометей», 248–250*

Основным требованием при изложении мифа является необходимость излагать миф мифически. Изложение мифа в нравственном ключе или анализ мифа с привлечением структурных оппозиций в одинаковой степени уничтожают мифическое в мифе, привнося в него этику, философию, науку, логические категории и т. д. Впрочем, изложение мифа – это, в действительности, тавтология. Миф как таковой самодостаточен, поскольку он является изложением-самого-себя, «нарративом», «словом», μῦθος. Мифическое исчерпало себя не в борьбе с разумом и уж тем более логосом (уже хотя бы потому, что в раннегреческом мышлении эти слова обозначают одно и то же), но лишь тогда, когда μῦθος перестал быть живым словом, сказанием, сказом, органично функционирующим внутри традиционного общества, и едва ли это произошло в греческую эпоху (ср., например, роль μῦθος в диалогах Платона). Однако, безусловно, одним из

этапов на пути к угасанию мифического является попытка систематизации и канонизации мифа в том или ином его виде. Это так уже по той причине, что миф в самом своем основании предполагает, и даже требует, многозначности, многоплановости, нелинейности, противоречивости; мифическое в мифе – это сама пульсирующая жизнь, динамика действительности, не снимаемая никакими спекуляциями о борьбе и единстве противоположностей. Одним из примеров канонизации мифа – примером, теснейшим образом связанным с определенным историческим контекстом, – является «Прикованный Прометей» Эсхила.

Данная трагедия выступает основным источником по «мифу о Прометее». Но можно было бы сказать и иначе: данная трагедия является основным источником мифа о Прометее. Это значит, что на основе именно этого произведения сложилась традиция понимания того, кем был Прометей и какова его роль с точки зрения греков. Главную идею можно резюмировать следующим образом: божественный Прометей пошел против воли небожителей, спас людей от гибели, даровал им огонь, искусства, разум, за что был прикован к горам Кавказа. Дерзкий поступок Прометея трактовался и как символ разума, и как образ восстания, и как архетип самости, и как имеющий сексуальный подтекст образ борьбы с отцом, и т. д. При этом данная фиксированная линия повествования, а также опирающиеся на нее разнообразные трактовки, упускают самое важное обстоятельство: речь идет

уже не о Прометее как о мифе, а о Прометее как о персонаже трагедии. К тому же трагедия здесь – это не происходящая на сцене мистерия, а определенный литературный жанр, то есть некий скелет изначальной живой трагедии (даже при всей важности слова и при всей любви греков к слову). На основе ряда косвенных данных видно, что Прометей как персонаж живой мифологии был жив в греческом сознании и до Эсхила, и после Эсхила. В каком-то аспекте Прометей жив и у Эсхила, но в строго определенной трагической и смысловой перспективе. Каждый раз, когда говорится о Прометее (и имеется в виду «Прикованный Прометей» Эсхила) указанная перспектива должна учитываться. В чем же специфика этой перспективы?

Обратимся к тонкому замечанию Власти (κράτος) в начале трагедии. Она обращается к прикованному Прометею со следующими словами (85–87): ψευδωνύμως σε δαίμονες Προμηθέα / καλοῦσιν αὐτὸν γάρ σε δεῖ προμηθέως / ὅτῳ τρόπῳ τῆσδ' ἐκκυλισθήσῃ τέχνης. А. И. Пиотровский переводит: «Напрасно Прометеем, промыслителем, / Слывешь среди бессмертных. Так промысли же, / Как самому из сети болей вынырнуть». Буквально во второй части сказано, что самому Прометею нужен προμηθεύς, чтобы выпутаться из сложившихся обстоятельств<sup>124</sup>. Очевидно, Эсхил здесь обыг-

---

<sup>124</sup> Ср. у Д. Грина: «You yourself need Forethought to extricate yourself from this contrivance» (Aeschylus. *The Complete Greek Tragedies*. Edited by David Grene and Richmond Lattimore. Chicago, 1953. P. 314).

рывает значение имени Прометея. В этом обыгрывании подчеркивается вся трагичность ситуации: Прометей является носителем προμηθεΐα, он пред-усмотрел все случившееся, но оказался не в силах преодолеть рок; или он не пред-усмотрел ничего и он зря слывет промыслителем, а Зевс-отец просто пред-усмотрительнее него? Что такое пред-усмотрительность и почему конфликт между Зевсом и Прометеем разыгрывается на поле этой характеристики?

Рассмотрим подробнее имя Прометея, Προμηθεύς. Первичное прилагательное προμηθής обозначает «предусмотрительный, провидящий, заботящийся, осторожный». Отсюда Προμηθεύς как тот, кто является προμηθής. От прилагательного также образовано существительное προμηθεΐα, глагол προμηθέομαι. Слова с основой προμηθ- не встречаются у Гомера; самым древним зафиксированным словом из этого гнезда является как раз Προμηθεύς – речь идет о случаях упоминания этого имени у Гесиода (Theog. 510, 521 и др.). Этимология прилагательного προμηθής крайне примечательна: чисто формально мы могли бы реконструировать индоевропейскую основу как \*pro-men(s)-dhh1-, где \*pro- это приставка со значением «вперед», \*men- корень со значением «думать, мыслить», а \*dhh1- нулевая ступень от корня со значением «класть, делать» (ср. греч. τίθημι). Иначе говоря, мы имеем дело с композитом. Интересно, что этот композит, по-видимому, должен быть возведен еще к индоевропейской эпохе – его отражениями являются слова с се-

мантикой, относящейся к области священного: др. – инд. *mēdhā-* «мудрость, разум, мысль», авест. *mazdra* «мудрый разумный», лит. *mandrus* «бодрый», сюда же, вероятно, относится и слав. \**mudъ*. В пользу связи со сферой сакрального говорит специфика употребления др. – инд. *mēdhā-* в ведийских источниках, а также вообще понимание мудрости в архаическую эпоху. Стоит также учесть, что составные части композита, то есть корни \**men-* и \**dheh1-*, сами по себе широко распространены в поэтическом нарративе. В своем наиболее интенсивном варианте \**men-* обозначает не столько мышление в его рациональном аспекте, сколько ментальную силу, силу предвидения, способность к инспирации, памятующее мышление – короче говоря, мышление и памятование как внутреннюю (сердечную) рецитацию сакрального слова; в сфере ритуала он обладает чисто техническим значением. Особенно важна его связь с памятью (ср. здесь же русское *помнить*), в результате чего мы имеем также «расширенный» вариант корня в виде \**mneh2-* со значением «помнить». Что касается корня \**dheh1-*, то его роль в следующих поэтических идиомах говорит сама за себя: \**ḱento-* & \**dheh1-* «сделать священное; освятить», \**h3nomn-* & \**dheh1-* «установить имя», \**men-* & \**dheh1-* «установить ум; быть мудрым», \**kleuos-* & \**dheh1-* «установить славу; прославить», \**kerd-* & \**dheh1-* «установить сердце; поверить», \**pent-* & \**dheh1-* «проложить путь». Итак, нам следует принимать во внимание все эти факты, когда мы пытаемся понять первичный

смысл \*pro-men(s)-dhh1-. Очевидно, мы не должны ограничиваться семантикой «осторожности, внимательности», но должны мыслить композит в перспективе мудрости как памятования и предвидения.

Сложно сказать, каково было раннегреческое значение прилагательного προμηθής, сохранило ли оно прямую связь с сакральным и в какой степени греками чувствовалась связь между προμηθής и многочисленными греческими производными от корня \*men- (очевидно, слово раскладывалось как про-μηθής, где вторая часть могла ассоциироваться с тем же корнем, что и в словах типа μήτις, μήδος, μαθεῖν и даже μένος). Имя Прометея возникло вторично от прилагательного προμηθής, поэтому для того, чтобы утверждать в отношении Прометея все то, что написано выше о \*pro-men(s)-dhh1-, нужно более детально исследовать семантику и область употребления προμηθής (и вообще разного рода вариаций с основой προμηθ-) в архаических источниках. Сейчас нет возможности подробно этим заниматься. Пока можно остановиться на предположении о том, что προμηθής в архаическую эпоху могло обладать специфическим поэтическим значением, похожим на то, что реконструируется для \*pro-men(s)-dhh1-. В пользу этого предположения говорят следующие обстоятельства: во-первых, устойчивость самой формы προμηθής и отсутствие форм без приставки про-, то есть чего-то типа \*\*μηθής или \*\*μηθεία; во-вторых, консервативность греческой поэтики, ее следование принци-



пам индоевропейской поэтики, сохранность в ней индоевропейских идиом; наконец, в-третьих, подробное отражение в греческой традиции индоевропейского поэтического \*men-комплекса. Последнее обстоятельство особенно важно. Как уже было сказано, и.-е. \*men- обладало в индоевропейской поэтике техническим смыслом, обозначая особый тип мышления-припоминания. В греческой традиции это отразилось, прежде всего, в образе муз, которых К. Уоткинс не без основания назвал персонификацией тренированного ума поэта<sup>125</sup>. Среди индоевропейцев нет единого мнения по поводу того, как нужно реконструировать праформу для греч. μούσα; но все основные реконструкции предполагают, что в основании лежит корень \*men- в о-ступени. Если же принять самую последнюю реконструкцию Р. Бекеса, \*men(s)-dhh1-, то получается, что μούσα отражает тот же композит, что и προμηθής, то есть соединение \*men- и \*dheh1-. Обозначение музы тогда можно было бы трактовать как «удерживающая в уме, имеющая отношение к памяти»<sup>126</sup>. Кроме того, мать муз зовется Μνημοσύνη, «Память», а сами музы в некоторых областях Греции назывались μνείαι – множественное число от греч. μνεία «память». И имя матери муз, и греч. μνεία восходят к расширенному варианту корня \*men-

---

<sup>125</sup> Watkins C. How to Kill a Dragon. Aspects of Indo-European Poetics. New York – Oxford, 1995. P. 73.

<sup>126</sup> Ср. у Бекеса: «Музы связаны с памятью и воспоминанием, в чем и заключается значение индоевропейского корня \*men-» (Beekes R. Etymological Dictionary of Greek. Leiden – Boston, 2010. P. 972–973).

то есть к \*mneh2- «помнить». Случайно ли, в таком случае, что в конце гомеровских гимнов к музам и Аполлону, Артемиде, Афине, Афродите мы встречаем технический оборот: глагол μμνήσκω «помнить» (из \*mneh2- с редупликацией) с указанием имени бога?<sup>127</sup> Не на этом ли основании покоится и весь строй лирических произведений Пиндара и Вакхилида, где слово-слава, припоминаемое в поэтическом акте и понятое как истина-незабвенность, ἀλήθεια (у Пиндара даже имя богини, Ол. 10.1–6!), противопоставлено разрушающей силе времени? Проблема отражения индоевропейского \*men-комплекса в греческой традиции еще требует систематического исследования. Для нас же сейчас важно подчеркнуть, что как прилагательное προμηθής, так и сама архаическая фигура Прометея, вероятно, принадлежат к этому комплексу, но конкретизировать эту принадлежность довольно сложно.

У Эсхила подчеркивается, что Прометей является открывателем поэтического искусства. Титан утверждает: «Сложению букв я научил [людей]: вот она, / Всепамять, нянька разуменья, мать муз! (μνήμην ἀπάντων μουσομήτορ' ἐργάνην)» (460–461). Прометею принадлежит и более крупная заслуга – он даровал людям разум: «Они как дети были несмышленные. / Я мысль вложил в них и сознанья острый дар (ἔννουσ ἔθηκα καὶ φρενῶν ἐπηβόλους)» (444–445).

---

<sup>127</sup> Ср. из гимна к Афродите: αὐτὰρ ἐγὼ καὶ σεῖο καὶ ἄλλης μνήσομ' ἀοιδῆς «Сейчас же, тебя вспомнив, я припомню и другую песню».

Это только локальные следствия прометеевой предусмотрительности; ее сила, согласно Эсхилу, распространяется на более масштабный уровень, претендуя на соперничество с разумом самого Зевса. В этой способности к предвидению, в этом особом отношении к поэтике и разуму как будто еще чувствуется связь между Прометеем Эсхила и архаическим \*men-комплексом. Но в действительности Прометей Эсхила отражает совершенно новую перспективу рациональности. Соперничество между разумом Зевса и хитростью Прометея упоминается еще у Гесиода (Theog. 510 и далее): уже здесь задействуется вся богатая греческая лексика, касающаяся мышления – φρήν, φρόνις, θυμός, νοῦς, κῆρ – но у Гесиода это соперничество при схожих средствах выражения еще не выглядит как проблема. Это так по той причине, что сам Гесиод еще отдан мифу, слову, сказанию, он действует в рамках стихийной мифологии, покорно внимая всему, что нашептывают ему музы, и охотно жертвуя связностью изложения и возможностью проблематизации. Перспективу же, в которой работает Эсхил, уже сложно назвать стихийно-мифологической. Поэтическое мышление здесь – это не архаический \*men-комплекс, ориентированный на прославление божественного, но, скорее, разум пред-классической эпохи – разум, который готовится дать начало софистическим брожениям, сократическим спорам и диалектике Платона. Это разум Анаксагора, пифагорейцев и Диогена Аполлонийского – все еще черпающий свое бытие в дыхании, воз-

духе, эфире, но уже имеющий тенденцию к тому, чтобы за-  
костенеть и индивидуализироваться. При попытке аутентично  
помыслить «Прикованного Прометея» Эсхила мы долж-  
ны всякий раз иметь в виду данную перспективу рациональ-  
ности, при этом строго отделяя ее как от стихийно-мифоло-  
гического повествования, так и от более поздней рациональ-  
ности, которая хотела бы видеть в Прометее борца за класси-  
ческую логику и диалектику. Предусмотрительность, разум-  
ность Прометея в трактовке Эсхила, во-первых, представ-  
ляет собой проблему (каковой она совершенно точно не была  
для Гесиода), а во-вторых, представляет собой строго опре-  
деленную проблему – можно даже сказать, проблему с яв-  
ным трагическим оттенком. В чем суть этой проблемы? От-  
вет на этот вопрос равносителен ответу на вопрос о том, в чем,  
собственно, трагичность представленного Эсхилом сюжета  
и почему важно видеть в «Прикованном Прометее» именно  
трагедию, а не литературное произведение или мифологиче-  
ский нарратив.

Если попытаться максимально широко определить смысл  
древнегреческой трагедии, то можно сказать, что в трагедии  
выносятся на сцену борьба открытости и сокрытия, яви и  
утаивания, – борьба, которая не подчиняется никаким прин-  
ципам и никакому порядку, которая самодостаточна и кото-  
рая есть не что иное, как необходимость, ἀνάγκη, и время,  
χρόνος (наиболее яркая формулировка см.: Soph. Aj. 646–  
647). Каждое мгновение вершится судьба трагического ге-

роя, таинственно выявляется и утаивается сила необходимости, и ничто не властно над ней, поскольку в своей глубинной сущности она сама является всепронизывающим властвованием. Призвание зрителя в том, чтобы в каждое мгновение оказываться захваченным этой необъяснимой игрой явления и утаивания. В случае с Прометеем той основой, на которой разыгрывается трагедия, выступает предусмотрительность. В каком-то смысле «Прикованный Прометей» Эсхила является «трагедией всех трагедий», потому что Прометей претендует на то, чтобы знать свою судьбу и вообще знать волю всеобщей необходимости. Эсхил доводит до абсурда возможность знания в трагической перспективе: даже тот, кто знает необходимость, всецело подвластен ее воле, и такое знание, в конечном счете, оказывается еще большей бессмыслицей, чем незнание. Прометей так и говорит Ио: «Не знать (μη μαθεῖν) лучше для тебя, чем знать» (624). Трагедия Прометея – это трагедия существа, дерзающего лишиться необходимости ее властвования и постоянно терпящего неудачу в этой попытке.

С внешней точки зрения данная идея преподносится как конфликт между разумом Зевса и хитростью Прометея. Царство Зевса описывается как настоящая тирания: «Зевс беззаконно правит. / Что было великим, в ничто истлело» (149–150). «Царит не подчиненный никому свирепый царь» (324). «Зевс пасет мир / Произвол в закон поставив» (402–403). Но приспешники отца богов считают, что его воля – это и

есть сама необходимость. Гефест говорит: «Необходимость (ἀνάγκη) властвует! / С отцовской волей строгой тяжело шутить» (17). «Один лишь Зевс свободен (ἐλεύθερος), господин всего» (50). Величие Зевса отождествляется с его волей (βουλή), разумом (νοῦς, φρόνις), умом (φρήν), нередко говорится и о сердце (κῆρ) Зевса. Все это плохо переводимые греческие термины, относящиеся к мышлению, душе. Грудь Зевса беспощадна (34), его сердце несокрушимо (185) но наиболее яркую характеристику дает хор океанид: «Чье сердце камень, медь и лед? / Кто из богов над тобою посмеется? / Кто слез с тобой не станет лить? Один лишь Зевс. Он, упрямый и бешеный, / Искореняет в неистовстве / Старое племя Урана. / Нет покоя ему, сердце пока не насытится, / Иль в поединке не вырвут из рук его черной власти» (160–166). В противоположность Зевсу Прометей является сверхмудрым (αἰτιμότης) сыном правomyслящей Фемиды (20). Он хитер (309), умен и опытен (328). Прометей выступает спасителем человечества, создателем всех искусств (436–471; 476–506). За попытку перехитрить Зевса, Прометей по воле отца богов был прикован к скале, он должен понять, что Зевс разумней всех (61–62). Интересно, что страдания Прометея в определенном аспекте могут толковаться и как испытание – в духе атлетического испытания (ἄθλος; 257). Прометей все предвидел заранее, он пошел на испытание сознательно – о чем он сам упоминает при каждом удобном случае (100–105, 265–266, 998, 197–241 и др.). Он вообще мно-

гое знает заранее, пред-восхищает, пред-усматривает: судьбу Ио, речь Гермеса (1041). Он знает и конец царства Зевса (186–192, 875, 981). Зевс погибнет, отняв сам у себя скипетр владычества по неразумию (760–762).

Отношения между силой Зевса и силой Прометея запутанные: только Прометей может спасти Зевса от гибели (914), но при этом лишь Зевс способен освободить Прометея от его испытания, и Прометей постоянно апеллирует к Зевсу (258, 376). За этим внешним противоборством в действительности стоит третья сила, которая обеспечивает как судьбу Прометея, так и владычество Зевса: речь идет о необходимости, ἀνάγκη (105, 511–519). При этом некоторые фрагменты как будто говорят в пользу того, что возможен и иной исход и что Зевс может тягаться с необходимостью, менять судьбу; так, Прометей скрывает предсказание о кончине Зевса: «Этому ни срок, ни время не созрели. Тайну скрыть / Как можно глубже должно мне. Тогда спасусь / От истязаний и цепей позорящих» (522–525). Предполагается, что Зевс, узнав тайну, ужесточит наказание Прометея. Возможно ли это? Это не более чем видимость; раскрытию тайны не пришел срок, не созрело время (οὐδαμῶς καιρὸς γέγονεῖν) – этим уже сказано, что событие не может быть явлено, не-воз-можно. Необходимость есть не что иное, как время (χρόνος), которое открывается в каждом подходящем моменте (καιρὸς). «Его всему, дряхлея, время (χρόνος) выучит» – говорит Прометей о Зевсе. Но, как уже было ска-

зано, противоборство Прометея и Зевса – это только внешняя форма трагедии; в действительности, никакого противоборства нет. Прометей хотя и ненавидит всех богов (975), все же «меньше чем ничто» его заботит Зевс (938). Власть Зевса, хитрость Прометея, любовь Прометея к людям, скитания Ио, миф о конце царства Зевса – это вторичные сюжеты, служащие иллюстративным материалом для лейтмотива всего производимого действия. «Прикованный Прометей» потому трагедия, что это *πρό-βλημα*. Эсхил проблематизирует миф о Прометее: это значит, что Эсхил выставляет, выводит (*προ-βάλλω*) на сцену коренящееся в необходимости борение открытости и сокрытия; это не борьба между Зевсом и Прометеем, но борьба внутри самой необходимости, внутреннее противоборство действительности, которое способно внезапно (*ἐξαίφνης*) перевернуть все с ног на голову и обратно: день и ночь, светлое и темное, прошлое и будущее, близкое и далекое; это время, которое, по словам Гераклита, похоже на ребенка, играющего в кости. Наилучшая участь для однодневки, единственная возможность хоть как-то противостоять напору необходимости – это не знать. Прометей знает и потому его фигура особенно трагична. Знание Прометея, *προμήθεια* Прометея – это постоянное и беспомощное взирание в глаза неизбежности, в светлую тьму разверзающейся бездны, и не случайно, что именно от этого стремится освободить Прометей людей: «Да, я избавил смертных от предвиденья» – говорит Прометей, на что Океанида вопро-



шает: «От этой язвы исцеленье как нашел?»; ответ Прометея изыщен: «В сердцах надежды поселил незрячие» (248–250).

Несмотря на большое число сходств и параллелей, целая пропасть разделяет «Прикованного Прометея» Эсхила и Прометея мифологической эпохи. Прометей по-особенному жив в мифологическом мышлении и в народном сказе: он то сближается с Гефестом, то отождествляется с Эпиметеем, то оказывается прародителем женщины, то влюбляется в Афины и терпит наказание, то берет в помощники Афины, похищая огонь у богов, то похищает огонь у Афины и Гефеста, и т. д.; деятельность Прометея оценивается по-разному, и нет единого представления о том, что же такого он сделал. Гораций, например, оценивает кражу огня Прометеем крайне отрицательно, как и сотворение человека (Carm. I.3.27–33). У Эсхила, напротив, мы находим, во-первых, хорошо очерченный литературный образ – что и сыграло решающую роль для последующих эпох, а во-вторых, особое трагическое понимание пред-усмотрительности Прометея в контексте всевластия необходимости. Трагический контекст пред-усмотрительности, равно как и исторический контекст пред-классической рациональности (у Гесиода профетизм Прометея вообще не рассматривается), в одинаковой степени далеки от собственно мифического содержания сказания о Прометее. В этом смысле мифический Прометей и Προμηθεύς как отзвук индоевропейского \*men-комплекса еще во многом остаются загадкой.

## *Список использованной литературы*

- 1) Эсхил. *Трагедии*. В переводе Вячеслава Иванова. (Дополнения. / Пер. А.И. Пиотровского. Фрагменты / Пер. М.Л. Гаспарова). М.: Наука, 1989.
- 2) Гесиод. *Полное собрание текстов* / Перевод фрагментов О. П. Цыбенко, вступ. ст. В. Н. Ярхо, комм. О. П. Цыбенко и В. Н. Ярхо. М.: Лабиринт, 2001
- 3) Властов Г. *Теогония Гесиода и Прометей*. СПб. 1897.
- 4) Лосев А.Ф. *Проблема символа и реалистическое искусство*. М.: Искусство. 1995.
- 5) Мифы народов мира. под ред. С.А.Токарева. Электронное издание. М. 2008.
- 6) Топоров В.Н. *Исследования по этимологии и семантике*. Том 2. Книга 1. Индоевропейские языки и индоевропеистика. М. 2006
- 7) Aeschylus. *The Complete Greek Tragedies*. Edited by David Grene and Richmond Lattimore. Chicago. 1953.
- 8) Beekes R. *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden. 2010
- 9) Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primarstammbildungen. / Ed. Rix H. et al. Wiesbaden, 2001
- 10) Watkins C. *How to kill a Dragon*. Oxford. 1995.  
Москва, 2012 г.

# *Александра Никулина*

## Неоплатонический этюд о душе

*Всем правит молния*

Чистота души – это, прежде всего, её прозрачность. Душевно-психическое – всегда что-то текучее, журчащее, непостижимо-водное и стихийное, как огромный океан или тихое горное озеро, застывшее в неподвижном времени. Внутри этого озера, этого неподвижного времени, которое ещё греки называли «веком», αἰών<sup>128</sup>, застыл весь мир. Мир – лишь око души, отражающее прекрасный лик её неведомой тиши.

Однако, если верить неоплатоникам, мировая Душа сама – лишь отражение и выражение Ума, который всегда неуловимо и ясно присутствует в ней. Свет Ума – отражение света Единого, которое уже совершенно непостижимо, ибо Ум со всеми его изощрёнными методами лишь отражает то, познать чего он не может: «Основной закон этой иерархии, – подобие и отображенность низшего в отношении высшего; это – разные степени отображения одного и того же. Поэтому низшее не мешает высшему, но все слито в едино-раздель-

---

<sup>128</sup> Αἰών буквально переводится как «полнота времени», а К.Г. Юнг, как известно, связывал это понятие с образом Христа, который и является выразителем истинно, одухотворенно-душевного начала в человеке.

ную вечность мировой жизни, и если низшее так или иначе подражает высшему (а без этого оно само не существует), то на всем индивидуальном, что есть, почиет энергия и смысл всеединой и бесконечной мировой жизни»<sup>129</sup>.

Все эти космические материи живут в нас, впрочем, их гармония в человеке – лишь проект, лишь возможность, всегда наличная, но опасная и требовательная. Душа не находится изначально в гармонии с Умом, как мы видим это в диалектике эманации Единого, но всегда лишь может быть созвучна с ним в живом существе.

Если же человеческая душа, несущая в себе частицу божественной субстанции мировой Души, не созвучна с Умом, то она перестает быть сама собой. Но надо мыслить так: не ум должен быть созвучен с душой, а именно душа созвучна с умом. А ум – в свою очередь, с Единым, для которого уже нет ни отдельных умов, ни душ, ни чего-либо ещё, кроме него самого – даже неисследимого зазора между бытием и сущим<sup>130</sup>.

Добавим немного драматичности: находясь между Единым и Душой, Ум вечно мечется между ними, – о, эта тоска человеческого сознания по безграничной божественной холодной ясности, сменяющаяся жадой окунуться в гущу мира, наполненного суетой и жизнью. Как жаждет сознание уловить в потоке вещей вечно-сущее, и как жаждет оно от-

---

<sup>129</sup> Лосев А.Ф. *Античный космос и современная наука*, примечание 53.

<sup>130</sup> См. Хайдеггер М. *Тождество и Различие*.

решиться от мира, дабы созерцать вечность.

Душа, это вечно-юная и светлая странница, тоже не может выбрать – то ли совсем отдаться этому грешному миру, растворившись в сутолоке дней, то ли прислушаться к Уму, к его чистой жестокой созерцательности.

Однако в сущности, все вещи возвращаются к своей причине, совершая круговое движение<sup>131</sup>.

Причина эта – согласно неоплатоникам – извечное Единое и Благо, пребывающее в нем. Душа в своих метаниях находит себя как отражение Единого, и её гармония зиждется на тонкой красоте игры противоположностей. Игра противоположностей здесь – не подразумевает разорванности, разорванности, надрыва – нет, душа смеется словами Заратустры: «Горе имейте сердца ваши, братья мои, выше, выше. Но не забудьте и про ноги. Горе имейте и ноги ваши, добрые плясуны, а еще лучше: станьте-ка также и на голову»<sup>132</sup>.

И хотя Душа всегда танцует на грани, её танец безгранично легок и свободен, ибо она есть само творчество, не ограниченное ничем – только возможностями Ума, которому она дарит истинную жизнь. В человеке душа является именно в легкости бытия, в его стремительно-свежей, юной, манящей

---

<sup>131</sup> О круговом движении пишет Прокл: «Все выступающее от чего-нибудь и возвращающееся имеет энергию круговую. Именно, если оно от чего выступает, в то и возвращается, то оно связывает конец с началом, так что получается единое и непрерывное движение одной энергии». (Цит. По Лосев А.Ф. *Античный космос и современная наука*).

<sup>132</sup> Ницше Ф. *Так говорил Заратустра*

и ничем неограниченной прозрачности. В такой душевной чистоте и прозрачности ясно блистает Ум и то угасает, то вновь сияет Единое.

Неоплатоническое миросозерцание, несмотря на чрезвычайную одухотворенную строгость, может показаться парадоксальным квази-христианскому европейскому сознанию, проникнутому дихотомичностью и с трудом улавливающему диалектичность.

Несмотря на строгую иерархию уровней бытия (Единое, безусловно, выше Ума, а Ум – Души, Душа – материи), все эти категории, в сущности, проистекают из одного источника, а потому являются сущностно взаимосвязанными и взаимопроницаемыми.

Таким образом, хотя мы и мыслим Ум отдельным от Души, в сущности, это лишь два момента одного непрерывного диалектического процесса становления. И этот процесс, в конце концов, приводит нас на самый низший уровень – уровень материальных тел. Дихотомически настроенному человеку (мыслящему Душу безусловно отделенной от Ума) эти категории представляются двумя совершенно отдельными силами, создающими дуалистическую неснимаемую напряженность. А не снимается она именно из-за непоследовательности мысли: как Ум, так и Душа выводятся из Единого, являются его эманациями. Душа является лишь моментом становления, жизни внутри Ума. Однако появляясь на более низком уровне Иного (в материальном теле), человек

продвигается в обратную сторону – к Душе и Уму. И продвигается тем же способом, каким была совершена эманация: не посредством отрицания и исключения низшего, а посредством включения и охватывания (так, Единое производит Ум, само входя в него).

Однако парадоксальность остается, даже когда мы последовательно проводим диалектику. Ведь если мы прослеживаем нисходящую линию (от Единого к Душе), то получается, что Душа и тем более материальный мир, её творение – лишь моменты в Едином. Когда же идем от обратного – от материального мира, то выходит, что Единое – внутренний, сокровенный момент материальной вещи.

Стоит попытаться устранить или хотя бы посягнуть на одно звено этой цепи – и вся цепь рухнет. В этом красота античного взгляда на мир: все в Космосе на своем месте и ничего лишнего не существует. Впрочем, подобные представления характерны для любой традиции, в которой просвечивает вечная мудрость.

Не об этом ли забыло позднеевропейское сознание, столь жадно попирающее и пожирающее свои истоки в нигилизме и постструктуралистических оргиях, обожествляющих бессмыслие? Однако уже у Деррида, этого прекрасодушного певца вездесущего слова, мы снова слышим Голос. Мы замечаем, что само движение европейской мысли, выросшей из античной, сохраняет привычную грекам форму мышления: мы, как и всякое бытие, вернулись к своим истокам, к своей

причине, завершив ещё один круг.

Века разорванности, истерзанности, пустоты и фаустовского томления по Единому и Душе завершились оглушительной пустотой и величием двадцатого века. Европейский Ум познал сам себя и теперь пожирает свой змеевидный хвост, рассыпаясь в тысячах тончайших оттенков смыслов, синкретизме и интегральности, множественности логик и мета-парадигмальности. И хотя он познал ещё лишь маленький осколок Бытия, он познал сам себя в должной мере. Он познал то, как он видит Душу и то, как он видит Единое, в конце концов, уничтожив и заглушив Бога и вечную гармоничность душевной стихии гулкой дробью различия и различания.

Теперь зазвучали другие ноты, ноты Иного Уму – ноты Души. Какая-то полузабытая еврейская мелодия веры как доверия, эмуны<sup>133</sup> – безграничного доверия к Единому Богу в противовес европейской вере-достоверности, *pistis*, основанной на вере в истинность некоего факта – скажем, воскресения Христа. Душа живет в этой безграничности веры в Единое, в безграничном доверии миру, себе, другому. Она жаждет смешать все в себе, как в алхимическом сосуде – и даже если что-то взорвется, она не будет тосковать – ибо как вечная жизнь может бояться физической смерти? Для Души

---

<sup>133</sup> «Эмуна» на древнееврейском означает «вера как преданность, доверие». Это необычное для христиан понимание веры описывает М. Бубер в своем труде «Два образа веры».



весь мир – лишь прекрасное отражение Единого и Ума, где созидание и разрушение в вечном природном ритме сменяют друг друга, ничего не уничтожая, ибо уничтожено может быть только рождённое, а Душа в своей мудрости знает, что вечная жизнь – это просветлённая Единым материя.

Душа примиряет и углубляет: несмотря на её видимую подвижность, она глубока, проста и совершенно ясна, как безоблачное небо. Она повсюду и не чурается ничего: смеется дурным шуткам Ума, бросается в сомнительные авантюры, раскаивается и верит, доверяет всему одним растерянным жестом, преображая то, что Ум, сообразуясь с Единым, называет «трагическим» в наполненную жизнью возможность смысла.

Душа радуется ветрам и бурям, её восхищает любое движение, любой ветер, более быстрый, чем она сама: ибо в движении Ума и самого Единого кроется ее вечность. И пускай кого-то удивляет радость во время бури, но в этом парадоксальная суть Души – она не ведаёт формальной этики, ей ведома только жажда творческого движения, к которому побуждает её Ум, сплетенная с жаждой гармонии и пламенной любовью к бытию.

Голос, едва слышно начинающий звучать ныне – голос Души в её собственной сути, Души не расчлененной Умом, но и не раздробленной миром форм. Вырвавшись из-под строгого надзора Ума, пронизанного своим собственным логосом и переносящим этот логос на все Иное, Душа слегка опьяне-

на вновь обретенной свободой, опошляясь и растрачиваясь в гедонистическом восторге перед формой.

Юно-мудрый голос Души пока ещё звучит совсем тихо, ибо Душа в человеке ещё не знает сама себя. Её знал и лелеял Ум, а до того – Непостижимый Бог. Лишь они знают, какой ей стать. Иногда просыпаются отголоски вечной птицы-странницы и в человеческих ограниченных душах, и в них Руах<sup>134</sup> обнаруживает свою неразрушимую сущность, свивающую все логосы мира и логики мира в единую песню:

Я как весна. Цвету из самой смерти.  
Из-за беспечных глаз не увидать  
Давно когда-то прожитых столетий,  
Сплетений вновь задуманных миров...

Я ухожу и снова возвращаюсь,  
Твореньем наполняю пустоту.  
И каждый день меняю свою старость  
На жизни обновленную листву.

Но ветер листья рвет – приходит осень.  
И музыка стихает в темноте.  
Я голос сохраню для тех, кто носит  
Столетия безвозвратности в себе.

---

<sup>134</sup> Руах – еврейское понятие, переводимое в Ветхом Завете как «Святой дух». Однако Руах – женского рода, а потому является женской ипостасью мирового Духа – мировой Душой.

Все возвратимо. Сердце жизни знает.  
О всех потерях, бесконечных днях  
Отчаяния. Есть то, что не сгорает —  
Когда слова застынут на устах.

Мы как цветы. Взмываем из безмирья —  
Чудесным жестом и игривым сном,  
Мы странники, мы Боги, наши крылья —  
Небытие свивают в вечный Дом.

Мир Души ближе к вещам, а потому она обращается к ним непосредственно, раскрывая тот «жизненный мир», который в прошлом веке открыл для мира Э. Гуссерль. Она сразу же видит их живыми, наполненными смыслом, символично-разомкнутыми. Однако живет в ней и иное – вечный огонь, влекущий её ввысь – в те сферы, где её обнимает Ум в своем вечно-покоящемся стремительном движении.

Поэтому душа человека так ярко горит, будучи влажной по природе. Две противоположных стихии смешиваются, рождая новую цельную сущность; горит Гераклитов огонь, сгорают ветхие стены стройных концепций, загораются океаны и моря одряхлевших с веками переживаний Души, укрепощённой скрепами логосов, – океаны превращаются в пар, легчайший воздух смыслов, и вот уже слышится едва-едва различимый отзвук иных чувств – иных исканий Души. У Души есть свой логос, и хотя, как говорят некоторые, он ещё «темен» в самом становлении она узнает себя и озарится све-

ТОМ СВЫШЕ.

*Евг. Анучин*  
**Размышления над  
«Неоплатоническим  
этюдом» А.Никулиной**

Когда мне было двадцать с небольшим лет, Небеса властно продиктовали мне тему о Душе:

Душа моя, друг верный,  
Шепни мне что-нибудь,  
Умчи тоску безмерную,  
Наполни негой грудь.

Тебя почти телесно  
Сейчас я ощутил,  
Ты пронеслась как песня,  
Как мир таинства Сил.

Порой полно значенья —  
В тиши стоять ночной  
И ощущать с волнением  
Торжественный покой.

Сойдёт успокоенье  
С угасшею зарей,

Исчезнут все сомненья,  
Всех дум умчится рой.

В гармонии Единой  
Сольешься с миром ты —  
И станут постижимы  
Законы Красоты.

Откуда эта гармония умиротворения, когда всё видимое погружается во мрак темноты? Зато обостряются восприятия звуков, запахов, осязание, т. е. то, что не требует тирании Ума – Душа осознает: вот эта независимость от Ума, от сознания и есть её обитель в Едином.

Такое понимание Души чуждо неоплатонизму, чуждо даже гуманитарной мысли. Ведь Гуссерль говорит о жизненном мире вещей, я же говорю только о себе. Что меня всё же смущало в таком мироощущении? Женственность во мне, мужчине. Почему не смущает сегодня? Тема Вечной Женственности не умаляет мужчину. Это божественный Символ, идущий от немецких романтиков и поэтики Серебряного века, убедил меня в моём понимании роли Души как берегини – в гибели от косности материального мира. Почти полвека я никому не показывал этот мой стих о Душе. Но всё это время он грел мою душу, укрепляя её в сокровении идеального.

Несколько позднее Небеса воскликнули во мне:

Возвеличься Душа, вознесись,  
Испытай одержимость паренья,  
К Высшим Истинам ты прикоснись —  
И узнаешь восторг вдохновенья.

Разодень в изумруды, обыдь  
И оставь суету за порогом —  
Лишь тогда ты сумеешь открыть,  
Кто является подлинным Богом.

А когда очаруют тебя  
Бездны света, несчётные краски,  
То, все зримое вновь возлюбя,  
Ты на Землю вернёшься из сказки.

И пускай вопрошают – где был?  
Почему не оставил записки?  
Кто в небесном себя отразил,  
Проживёт на Земле без прописки.

Таким образом, тема Души многогранна, успевай только  
поднимать перья от этой Жар-птицы.

# *Анастасия Занегина*

## **«Подобный пламени, углями вычерченный...»**

Подобный пламени, углями вычерченный,  
Пылающий месяцеострым презрением,  
Выше ничтожного неба высеченный,  
Лезвие мысли, гордыни рождение.

Непрощенно порочный, всеохватно смотрящий,  
Выбивающий строки протяжногосые,  
Источающий страстность, ничего не просящий,  
Холод мысли смывающий теплыми росами.

Высвобождающий, росчерк Глагола,  
Испивающий время, идеей горящий,  
Безбуквия нити сплетающий в Слово, —  
То – Образ, извечно надмирно парящий.



## *Viola odorata*<sup>135</sup>

Мировых иллюзий расцвело воплощение.  
На том лугу взошла ты, где оставлено было полжизни,  
На диком поле Пана цвела ты в знак возвращения  
Вечного, где творились дымно-туманные тризны.

У двойных ворот в мир сновидений,  
Где одни – для лживых, другие – для истин открыты,  
Являлась ты людям под покрывалом воплощений,  
Снотворящим маком спадала сквозь небесное сито.

Тисовым нектаром офиолечивала пьяные вздохи,  
На средневековых праздниках пели тебе песни искупле-  
ния,  
Бессмертья прося. Но плющом прорастала в изъяны  
Порока, через агат подделывала тайны прощения.

Как в Ведах искали в тебе солнцетворного Духа,  
В дурмане тонули, когда смыкала руки Кали.  
Тьма песней спускалась не для земного слуха,  
И там, где нет дорог, фиалки расти стали.

**А.С**

## *Соломон и Далила*

От века хитроумная Далила  
Преследует Самсона по пятам,  
А где посмотрит исподлобья – там  
Судьба Самсону смерть определила...  
К нам нить от тех, кто жил во время оно.  
Хотя, конечно, сказочка стара,  
Ведь современник так и ждет Самсона,  
А Соломона гонит со двора.  
Но если до высоких дел дойдет,  
Друзья-Самсоны, вас на то не хватит.  
Гиппархии открыл путь знания Кратет  
И тем нащупал выход из ворот.  
С тех пор наш буйный разум пристыжен  
Умом цветочным, в меру приземленным.  
Ведь мудрость в чем? Родившись Соломоном,  
Признать, что не во всем ты Соломон.



... И отправился царевич за тридевять земель искать то-  
не-знаю-что...

За тридевять земель – за тридевять приветствий —

За тридевять друзей – к друзьям, что до конца, —

Вот путь – безумного, но все же мудреца.

Не эха ищет он, а строгих соответствий.

Ах, то-не-знаю-что – чужой души секрет!

Нашел причину, друг, – так не избежешь следствий.

Сердитые друзья страшней стихийных бедствий,

Ведь дружба так светла до тридевяти лет!

Пусть кто-то по нему стрелять затеет влет,

А кто-то, может быть, не так его поймет,

Веселые глаза сощуря незнакомо;

Но все же мой Орфей, мой непутевый Лель

Затем отправился за тридевять земель,

Что в тридесятой быть рассчитывает дома.

# *Монадология*

Да, из веков учтиво-всевельможных  
Дошел до нас нестройный хор-трактат.  
Доныне с уваженьем говорят  
Об авторе тех строк единобожных.  
Сей мир, – учил он, – словно вешний сад,  
Есть лучший между всех миров возможных.  
Для всех явлений, вплоть до самых сложных,  
Причина – аппетиции монад.  
Повсюду жизнь, – различны проявленья.  
Лишь духи поднялись до постиженья  
Великих истин Царства и Царя.  
Он различил, о Царстве говоря,  
От истин мысли истины явленья.  
С ним разума забрезжила заря.

## *Позывной души*

*Только б вольно он всегда  
Да сказал на да...*

**К.Б.**

*Ohne unsern wahren Platz zu kennen,  
Handeln wir aus wirklichem Bezug.  
Die Antennen fühlen die Antennen,  
Und die leere Ferne trug...*

**Rilke**

Поймай волну и расскажи себя.  
Поймай волну – пусть ясен не вполне ты,  
Но, множась, возбезумствуют секреты.  
Симсим, откройся – чтоб не жить скорбя.  
И вправду, друг, на свете нет приметы,  
Что светлых не избегнет черный кот.  
Надейся лишь: до ближних звезд дойдет  
Чуть слышный позывной твоей планеты.  
Пусть кажешься бессмысленно звучащим, —  
В лесах души пройди по дальним чашам,  
Но быть излишне громким не спеши  
И принимай, – спасеньем от бесчестья, —  
Вселенские последние известья  
Чувствительным приемником души.

# *Вечерние блуждания*

*Я не знаю много песен, знаю песенку одну...  
Ф.Сологуб.*

Вечерний час. Квартал так странно тих.  
Мне с улицы смешно и непонятно,  
Что в этот вечер может быть занятно  
Там, в комнатах, для светлых, для живых.  
Снег, фонари, и звезды – сколько их!  
И не спешу я в скучный дом обратно.  
И что-то уж бормочется невнятно  
И, неприкаян, бродит первый стих.  
И вот поется песенка, пространна.  
Что ж! Если вдруг придет волна обмана:  
Солжет фонарь, что будто он луна,  
И снег весной быть светлым перестанет,  
И человек подчас меня обманет,  
Лишь не обманет песенка одна.

## *Газель о чудесном*

Что ж, пусть нету чудес на земле, на луне... Но чуду  
Доверять, проверяя, пускай не вполне, я буду.  
Философского камня, по-твоему, нет? Так что же?  
И песчинкой премудрости счастлив вполне я буду.  
Если встречу я черта в какой-то стране недоброй —  
Коль друзей не найду, побратим сатане я буду.  
Доверять чудесам – пусть и жить будет мне труднее,  
Пусть и белой вороной в родной стороне я буду.  
Пусть в пустыне живу я и вижу вокруг лишь камни —  
Строить сказочный замок из этих камней я буду.

# Госала

*Будь как птица, пой, тебе дана судьба...*  
К.Б.

Бесполезно идти – ведь тебя поведут все равно.  
Бесполезны усилья – ведь в мире всем правит судьба.  
Так иди, как идется, – взлетишь ли, падешь ли на дно, -  
Все судьба разрешит. Наша воля безмерно слаба.  
Что нам думать, Одно ли спасет, или сорок одно, -  
То, что делаешь, делай: душа ведь твоя не груба.  
Не спасают ни Веды, ни сома, ни просто вино,  
Ни аскеза, ни тантра: в потоке зачем и борьба?  
Нам природу и необходимость нельзя обмануть.  
Так прощай, ученик... Ты спросил: где спасения путь?  
Что ж, узнай: его нет. Ни один из путей не пригоден.  
Ты заплакал? Пустое! Для грусти в том повода нет.  
Путь к спасенью есть Дело. Ведь знает бродячий поэт:  
Только вину настрой, заиграй и запой – и свободен.



## *Демокрит*

Безвестный абдерит, я говорил с Сократом —  
Он не узнал меня. Не жалею, мой друг.  
Я знаю: пусть богат мир видимый вокруг,  
Но в сущности он весь – в пустом летящий атом.  
Ушел я на восход. Вернулся я к закатам.  
Я мудрости ищу. Но я же и анатом,  
Астроном, геометр. Земли восток и юг  
Измерил в поисках основы всех наук,  
Пока я не открыл последнего звена там.  
Ах, как же ты смешон, пустых стремлений мир!  
Необходимость – царь, и разум – мой кумир.  
Мир очень многолик, но истина одна там.  
И мера всем – мудрец, ступивший на порог.  
Да, если хоть в одном Эфесский прав пророк  
И истина в морях, то я достал до дна там.

## *Гераклит*

Кто в мире без границ способен видеть строгость?  
Мне думается, тот, кто внятно сознает:  
Везде, – во всем и всех, – один Огонь поет,  
У мира и души един владыка – Логос.  
Едино зло с добром – к гармонии придет.  
Путь вверх, путь вниз – холма единая пологость.  
Я знаю Логос, он вещает: все течет.  
Два крайние звена не разделяет пропасть.  
Единым было все и царственным Огнем,  
И все к нему придет. Глупцы о том не знают,  
Не ищут Логоса. Вы – помните ж о нем!  
Оставь людей, мудрец! Невелика их честь.  
Мне Логос говорит: все, что на свете есть —  
Размеренный Огонь: горит, но не сгорает.

# *Пифагор*

Я мудрец италийский, ты скажешь. Но, может быть, шире  
Для меня ты название в наречьи найдешь сицилийском?  
Я – философ. Другим говорю о далеком и близком  
И пытаюсь найти я начала всему в этом мире.  
Сердце мира – Число. Будь то Восемь, иль Два, иль  
Четыре,  
Эти Числа – цари над земным и над солнечным диском,  
Над загадочным миром, где грохот рифмуется с писком,  
Миром, песня которого невыразима на лире.  
Этот песенный мир я прошел через многие смерти.  
Я рождался не раз. Умирал, чтобы снова рождаться,  
Чтобы песнею сфер в облаченьях других наслаждаться.  
Семь таинственных сфер, издавая семь звуков  
различных,  
Семизвучно поют. Это слышно душе гармоничной,  
Нужно только прислушаться... Мудрые, верьте мне,  
верьте!

\* \* \*

Мы говорим: душа – как чистый лист.  
Глубокой этой мысли есть граница:

Когда душа есть чистая страница,  
Как мы мудреем, если всякий – чист?  
Да, понимать способна птичий свист  
И детская душа. С природой слиться  
Она не хуже взрослой ухитрится,  
Как ни противодействуй «реалист».  
С душою чистой только ль их ватаги?  
Ей славны также пифии и маги,  
Иначе же зачем им колдовать?  
Неси им не амброзии, а браги:  
Карандашу свободно на бумаге,  
Он только не умеет рисовать.

## *Гаутама Будда*

Я – Сиддхартха, принц шакьев. И мне позапрошлого лето  
В храме буйвологлавцев загадало четыре загадки.

На четыре загадки нашел я четыре ответа,

И с тех пор я брожу по лимонным дорогам Магадхи.

Жизнь – пустая затея. Ах, прочно усвоил я это!

Жизнь бессмысленна, даже если все в ней мгновения  
сладки.

Но страданием полны все стороны этого света,

Если есть мир иной, то и там все не в большем порядке.

Но мудрец, размышляя, неизбежно придет к заключенью:  
Жизнь бессмысленна – лишь для того, кто идет за  
брахманом,

Мудрецу же она не бесцельна, как средство к спасенью.

Так иду. И со мной – мои Пять; мир мне – с ними – не  
скучен;

Людам я говорю о Пути – он им кажется странным.

Что же в том? Кто не видит, тот зренью не будет обучен!

Но все меньше селений в Магадхе храпят под туманом.

Один гуру свалился в пропасть как-то раз.

Ты скажешь: как, гуру? Ужель он не предвидел?

Увы, гуру был слеп и пропасти не видел:

У этого гуру был только третий глаз.

## *Лилит*

Что сухие слова? Содержание книги – полнее.  
Снова я повторю: что же могут сухие слова.  
Мне легендой библейской так близки теперь иудеи,  
А легенда не словом, но образом только жива.  
Больше сотни столетий с тех пор пролетело, наверно...  
Жил Адам на земле – землепашец, познавший добро,  
И жена его Ева – красива, но слишком манерна,  
И росли сыновья. Уж прищурился Каин хитро.  
Но однажды Адам, в настроеньи гуляя прескверном,  
Услыхал чей-то голос – как будто скала говорит:  
«Хорошо ли, Адам? Все не то и не так и неверно,  
Если чуждую Еву предпочел ты Сестрице Лилит!»  
Был ответ его тих: «Я исправлюсь, увидишь –  
исправлюсь.  
Так вернись. Мир забыт, если с Братом Сестра  
говорит...»  
«Я вернусь, и не раз, и не раз тебе снова понравлюсь,  
Не теперь. Но потом. Суждено!» – отвечала Лилит.  
Ах, Адам! Кто же Ева, и Ева ль она? Иегова  
Был творцом ее также, но воля и знанье – цена...  
Не начать все сначала... Но в мире родишься ты снова,  
И Сестра тебя встретит, и будет судьбою она.  
Сто промчалось веков. Беспредельно умножилось  
знанье.  
Но опять и опять, в облаченьях цариц и актрис,

В мир приходит Лилит – длиннокудрое напоминанье:  
«Эй, Адам, ты забыл, кем ты был, с кем ты был!  
Оглянись!

\* \* \*

На похоронах светила.  
Живи, твори и вдохновляй  
Мирского ради ничесоже  
Сок нашей умной молодежи,  
Веди в свой самодельный рай.  
Паси свой первородный грех  
Неразрешимости вопросов.  
Знай: лучше всех – и хуже всех  
Тебя поймет, кто не философ.  
Но будь готов к своей судьбе,  
Творя и думая отважно:  
К тому, что вот венок бумажный  
При жизни смастерят тебе.  
И верь, о, верь! Взойдет она,  
Звезда твоей научной славы:  
Тебе поставят крестик ржавый  
На гроб глазетовый без дна...  
Как этих терний избежать?  
Как примириться с смертью званской?  
Прожить в манере партизанской.

